

XV

А. Сорель.

Европа. и французская
революция

Том четвертый (4)

Естественные границы.

1794-1795

9(44) + 9(4)4
с 65 с 65

А. СОРЕЛЬ

XV
Лышяевъ,
С. Петербургъ,
30/IX 1901.

ЕВРОПА И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

(L'EUROPE ET LA RÉVOLUTION FRANÇAISE)

СОЧИНЕНІЕ, УДОСТОЕННОЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІЕЙ БОЛЬШОЙ ПРЕМІИ ГОБЕРТ'А

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

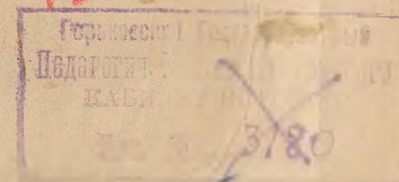
СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ПРОФЕССОРА СПБ. УНИВЕРСИТЕТА

Н. И. КАРЬЕВА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ЕСТЕСТВЕННЫЯ ГРАНИЦЫ.

1794—1795.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.

1892.

DX
4906
N 4

Свердено
1991 г.

289 ²/₉₀
ГННТЪ СО АН ССР
Гос. Публ. Науч.- экн.
библиотека

ОГЛАВЛЕНИЕ IV ТОМА.

Естественныя границы.

КНИГА I.

Раздоры въ средѣ коалиціи.

	СТР.
Глава I. Народы и дворы. 1793—1794	1
" II. Польская инсurreкція	31
" III. Флерюсъ	44
" IV. Термидорская революція	75
" V. Мировлюбивыя заявленія	100

КНИГА II.

Базельскій миръ.

Глава I. Комитетъ III года. 1794—1795.	126
" II. Миссія Бартелема	162
" III. Трактатъ 16-го жерминаля	191

КНИГА III.

Замыслы республики.

Глава I. Ультиматумы Комитета. 1795	224
" II. Гагскій трактатъ и сѣверо-германскій нейтралитетъ	248
" III. Миръ съ Испаніей.	279
" IV. Условія общаго мира	296
" V. Конецъ Конвента	322
" VI. Франція и Европа въ октябрѣ 1795 г.	343

ЕСТЕСТВЕННЫЯ ГРАНИЦЫ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Раздоры въ средѣ коалиціи.

ГЛАВА I.

Народы и дворы.

1793—1794.

I.

Революціонное движеніе во Франціи оставалось непонятнымъ для остальной Европы. По всѣмъ освященнымъ исторіей примѣрамъ, еще недавно подтвержденнымъ судьбою Польши, Франція должна была утаснуть среди анархіи, представить открытое поле для нашествія и покориться раздѣламъ. Всѣ обычные признаки разгрома были на-лицо: нѣтъ болѣе правительства, нѣтъ финансовъ, нѣтъ арміи, царить междоусобица, и мятежныя партіи вступаютъ въ союзъ съ чужеземцами. Но событія не оправдывали соображеній государственныхъ эмпириковъ. Они такъ же мало понимали, почему Франція оказывалась въ силахъ давать отпоръ ихъ арміямъ и разрушать расчеты ихъ дипломатовъ, какъ не понимали террористы, почему она не сдавалась на ихъ утопіи. Не будучи въ силахъ проникнуть во внутренній смыслъ великаго національнаго явленія, европейскія правительства прибѣгали къ обычнымъ выводамъ и заключеніямъ, приписывая зло заговорамъ, пагубному вліянію нѣкоторыхъ честолюбцевъ, наконецъ злой волѣ цѣлаго народа, или воплощенію ея въ лицѣ одного человѣка.

Они чувствовали, что вліяніе этой революціи проникаетъ и въ ихъ страны. Пропаганда, организованная якобинцами, была одною фантазмагоріей, и полиція имѣла возможность преградить ей доступъ; но существовала другого рода пропаганда, противъ которой оказывались неэффективными

и таможенные и санитарные кордоны: то была живая пропаганда примѣра, та, которая производилась самымъ фактомъ борьбы. Газеты, даже подчиненныя цензурѣ и проповѣдывавшія отпоръ французской революціи, тѣмъ не менѣе распространяли въ средѣ населеній мысль, что революція провозглашаетъ равенство всѣхъ людей и освобождаетъ крестьянина отъ тягости барщины и барскихъ поборовъ. Этого было вполне достаточно для того, чтобы вѣсть о совершившемся во Франціи переворотѣ долетѣла до самой отдаленной окраины Европы. Вездѣ, гдѣ только существовало недовольство своимъ положеніемъ и нужда, вездѣ, гдѣ существовали злоупотребленія сенъеріальной власти, гдѣ подати были отяготительны, гдѣ общественныя повинности распределялись неравномѣрно, гдѣ великіе міра были ненавистны, а правительства ненавидимы, вездѣ находила Франція сторонниковъ и подражателей. Правительства начинали отдавать себѣ въ этомъ отчетъ; но, усматривая въ этой смутѣ умовъ лишь признаки злой воли народовъ, вмѣсто того, чтобы приписать ее собственной несостоятельности, они не находили иныхъ средствъ противъ ея распространенія кромѣ усиленія гнета и насильственного подавленія.

Въ то же время они замѣчали, что во Франціи укрѣпляется и сосредоточивается власть. Судя объ этой власти по результатамъ ея дѣйствій, они стали считать ее могущественною, а такъ какъ требовалось дать имя преслѣдовавшему ихъ призраку, то они окрестили его именемъ Робеспьера. Они ждали диктатора, который согласно съ историческими прецедентами узурпировалъ бы республику. И какъ только замѣтили, что Робеспьеръ вышелъ изъ толпы демагоговъ и возвысился надъ нею, такъ ему тотчасъ же отвели изолированное мѣсто въ революціи, умалили значеніе людей, его окружавшихъ, и преувеличили его собственное. Они спѣшили ввести эту необъяснимую революцію въ обычную колею извѣстныхъ имъ государственныхъ переворотовъ и какъ бы почувствовали облегченіе отъ того, что, разорвавъ таинственный покровъ, увидѣли за нимъ человѣка. Историческія параллели, начиная съ римскихъ революцій вплоть до англійской, поддерживали эту иллюзію. Докладъ 17-го ноября 1793 г. былъ для Франціи простымъ ораторскимъ эпизодомъ, затерявшимся въ ворохъ террористической декламации; но издали онъ выдѣлился на мрачномъ фонѣ и казался особенно яркимъ.

«Докладъ гражданина Робеспьера, — писалъ одинъ агентъ, — возбуждаетъ всеобщее любопытство; здѣсь получены сброшюрованные экземпляры, которые продаются по шести франковъ» ¹⁾. Въ этомъ докладѣ усматривали отрицательное отношеніе къ пропагандѣ, миролюбивую реакцію въ духѣ прежней французской политики. Наныщенность и высокопарность слога не

¹⁾ Отчетъ Какольта, Флоренція, 25-го декабря 1793 г.

могла шокировать иностранцевъ: за исключеніемъ нѣкоторыхъ неумовимыхъ для нихъ отбѣнговъ, это былъ обычный тонъ манифестовъ того времени. Банальная картина Европы, нарисованная Робеспьеромъ, дала поводъ предположить у него обширные замыслы, такъ какъ никто не ожидалъ отъ автора такихъ рѣчей. Съ той поры имя Кромвеля стали связывать съ именемъ Робеспьера. Въ Европѣ всѣ читали Вольтера и его «*Опытъ о нравахъ*». Государя, дипломаты, генералы, министры, изучая французскій языкъ, болѣе или менѣе близко были знакомы съ Боссюэтовой Надгробною рѣчью по случаю смерти англійской королевы. Поэтому у нихъ могла явиться предвзятая мысль: всматриваясь въ неопредѣленный, фиктивный образъ Робеспьера, рисовавшийся ихъ газетами, они думали видѣть предъ собою портретъ Кромвеля. Въ ихъ воображеніи все казалось обличало въ немъ «коварнаго фанатика», изображеннаго Вольтеромъ, и «тонкаго лицемеръ» Боссюэта; они добавили къ этому глубину, смѣлость, политическій расчетъ. Въ его рѣчахъ, даже самыхъ пустыхъ, они увидѣли «приманку свободы», улавливающую толпу, увидѣли человѣка, ведущаго эту толпу за собою; они усмотрѣли тонкій расчетъ въ самыхъ жестокихъ его поступкахъ и увидѣли въ нихъ таинственные пока приступы къ какому-то обширному предпріятію, завершеніе котораго будетъ служить ему оправданіемъ. Это была ихъ собственная нравственность, и она не оскорбляла ихъ морали даже въ такомъ представителѣ. «Всѣ націи, наперерывъ, угодили передъ Протекторомъ», говорилъ еще Вольтеръ. Европейскія правительства ждали только, чтобы Робеспьеръ показалъ себя для того, чтобы угождать и передъ нимъ. Тѣ изъ нихъ, которыя были болѣе склонны къ тайнымъ соумышленіямъ, обнаружили и большую готовность, и это явилось новымъ источникомъ раздоровъ среди коалиціи.

Подавить революцію во Франціи, а если это оказалось бы невозможнымъ, то подавить ее у себя дома, что, безъ сомнѣнія, вполне осуществимо; расчленивъ Францію, а если не удастся, то вознаградить себя на счетъ какого-нибудь менѣе устойчиваго государства, — вотъ все, чему научилась Европа изъ всѣхъ уроковъ, преподанныхъ 1793 годомъ. Представители коалиціи должны были бы извлечь изъ войны поученіе для себя самихъ; они хотѣли найти въ ней однѣ лишь выгоды.

Одинъ эмигрантъ, бывший секретарь Мирабо, скептическій и проницательный наблюдатель той эпохи, — писалъ: «недостаточно вникли въ послѣдствія, которыя можетъ имѣть это единообразіе фizioноміи, замѣчаемое между всѣми европейскими дворами и, къ несчастію, слишкомъ напоминающее дворъ Людовика XVI: та же непредусмотрительность относительно будущаго, то же невѣріе по отношенію къ ближайшимъ опасностямъ, то же отвращеніе къ смѣлымъ мѣропріятіямъ, та же надежда на благоприятный

поворотъ, который, однако, всегда приводилъ къ положенію еще менѣе удовлетворительному. Я могъ бы сказать даже: тѣ же министры и тѣ же генералы» ²⁾. Если коалиція хотѣла одолѣть французовъ, она должна была противопоставить имъ равносильный отпоръ: его можно было извлечь только изъ поголовнаго вооруженія народовъ и изъ организациі единого коалиціоннаго правительства. «Слѣдуетъ воодушевить страстною ненавистью къ непріятелю», писалъ Малле дю Панъ, «образовать общеевропейскій комитетъ общественнаго спасенія, созвать конгрессъ уполномоченныхъ, снабженныхъ общими и безусловными инструкціями, имѣющими власть давать операціямъ импульсъ, быстрота котораго отвѣчала бы ходу событій...» Необходимо было и нѣчто большее, а именно рычагъ, который поднялъ бы все: нужно было заинтересовать въ борьбѣ самую независимость и благосостояніе народовъ и такимъ путемъ привязать ихъ къ правительствамъ и и увлечь въ войну. Были публицисты, которые поняли это и высказывали въ 1794 году. Ихъ никто не слушалъ. Страхъ туманилъ умы. Въмѣсто того, чтобы опередить пропаганду и обезсилить ее, устранивъ самыя причины революціи, правительства, наоборотъ, повсюду задерживаютъ предпринятые реформы. Революція во Франціи имѣла источникомъ духъ восемнадцатаго столѣтія и они задумали искоренить этотъ духъ.

Реакція на европейскомъ материкѣ становится повсемѣстной. Что касается поголовнаго ополченія народовъ, то если и прорываются кое-гдѣ попятныя въ этомъ родѣ, то ужасъ немедленно подавляетъ ихъ. «Собственныхъ подданныхъ бояться почти столько же, сколько и непріятеля», замѣчаетъ современникъ ³⁾. Конгрессъ, рекомендуемый Малле дю-Паномъ, невозможенъ именно потому, что подалъ бы поводъ къ новымъ раздорамъ вмѣсто имѣвшагося въ виду соглашенія и примиренія. Для подобныхъ мѣръ необходимо, по крайней мѣрѣ, сознаніе опасности: Европа не имѣла его. Каждый видѣлъ безпорядокъ у всѣхъ остальныхъ, и каждый стремился извлечь изъ этого безпорядка выгоду для себя. Потребуется двадцать лѣтъ непрерывныхъ войнъ и постоянныхъ поражений, потребуется пропаганда, болѣе опасная, чѣмъ якобинская, потребуется наконецъ диктаторъ, превышающій Кромвеля настолько, насколько послѣдній превyšалъ Робеспьера,—для того, чтобы внушить монархамъ мысль о національной войнѣ, для того, чтобы вооружить европейскіе народы и сосредоточить ихъ силы въ рукахъ нѣсколькихъ дружныхъ и сильныхъ вождей. Въ тотъ день, когда это будетъ достигнуто, народная революція обратится противъ

²⁾ Письмо Пелленка къ Мерси 29 октября 1793 г. *Corr. de La Marck*, t. III.

³⁾ *Sauvages, Mallet du Pan*, письма, мартъ, 1794. Переписка Ла-Марка. Ранке, Гарденбергъ, Меттернихъ, Мемуары.

Франція, и Франція будетъ побѣждена ею. Но въ 1794 г. вся мощь національнаго наступленія была на сторонѣ французовъ. Континентальная же Европа пребывала въ состояніи смятенія и безсилія.

II.

Это замѣчается даже въ Россіи, гдѣ народъ былъ всего менѣе доступенъ влиянію якобинскаго прозелитизма и гдѣ царствовала императрица, которую, по справедливости, можно назвать единственнымъ государственнѣмъ челоѣкомъ въ семьѣ тогдашнихъ европейскихъ государей. До сихъ поръ Екатерина умѣла пользоваться европейскими раздорами. Но теперь всеобщая унылость настроенія коснулась повидимому и ея государства и ея самой. «Мы одни среди всѣхъ державъ,—говорилъ Марковъ прусскому посланнику,—не имѣемъ основанія бояться воздѣйствія французской революціи на нашихъ подданныхъ». Тѣмъ не менѣе противъ этого воздѣйствія принимаются мѣры и съ нимъ борются вездѣ, гдѣ усматриваютъ его признаки. Масоны, вопреки ихъ несомнѣнно-патріотическимъ чувствамъ и авторитарнымъ склонностямъ, подвергаются преслѣдованіямъ. Одного изъ нихъ, Радицева, ссылаютъ въ Сибирь за обсужденіе вопроса о крѣпостномъ правѣ, вопроса, поставленнаго нѣкогда на конкурсѣ «Императорскимъ Вольно-экономическимъ Обществомъ». Театральныя представленія, книги, самыя разговоры и даже костюмъ подвергаются строгой цензурѣ и все, что болѣе или менѣе отзывалось республикою, строго устранивается. Русскіе признали философію мятежной и изгоняютъ ее.

Въ прежнее время императрица охотно принимала поклоненіе философовъ, Вольтера и Дидро. Но въ терроръ она увидѣла крушеніе ихъ системъ, кровавую катастрофу ихъ великолѣпной гуманитарной утопіи. Къ тому же и къ самой утопіи и къ философамъ, какъ извѣстно, Екатерина никогда не относилась вполне серьезно, а потому и крушеніе ихъ системъ, какъ она то понимала, оставило ее болѣе, чѣмъ равнодушною. Какъ ранѣе она торжествовала по поводу сервилизма философовъ, такъ теперь съ чувствомъ удовлетворенія присутствовала при зрѣлищѣ вырожденія ихъ идей. Еще болѣе удовлетворенія доставила ей неудача, постигшая европейскихъ государей, и преимущественно германскихъ, доставившихъ такъ много новаго матеріала для «трактата о средствахъ погубленія государствъ». Съ ѣдкимъ сарказмомъ противопоставляетъ Екатерина ихъ мѣрнымъ отступленіямъ дѣятельность «этихъ разбойниковъ и демоновъ, которые умѣютъ идти, куда хотятъ, не взирая на дождь, грязь и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ...» Русскіе,—замѣчаетъ она,—живо справились бы съ ними; но русскіе въ ту минуту были заняты въ другомъ мѣстѣ, и Екатерина не

находила возможным присоединяться къ общеевропейской войнѣ. Въ ея казнѣ были однѣ бумажные деньги; за предѣлами имперіи ихъ стоимость упала бы, можетъ быть, еще ниже курса республиканскихъ ассигнацій. Армія, вернувшись изъ турецкаго похода, оказалась значительно деморализованной. Приходилось все строить вновь, и перестройка шла медленно ⁴⁾. Импульсъ сверху приостанавливается и рука, его дававшая, начинаетъ слабѣть.

Умерщвление Густава III произвело подавляющее впечатлѣніе на Екатерину. Она стала опасаться внутреннихъ смутъ и усилила строгость полицейскихъ мѣръ. Императрицѣ было въ то время за шестьдесятъ. Къ ослабленію физическаго здоровья присоединился и упадокъ душевной бодрости ⁵⁾. Дворъ замѣчалъ тревожное душевное состояніе императрицы. Энергія въ управленіи внутренними дѣлами государства ослабѣла; предоставленные самимъ себѣ, агенты слѣдовали своимъ склонностямъ и укореившимся общественнымъ правамъ и обычаямъ: хищеніе, лихоимство практиковались въ широкихъ размѣрахъ; грубость соединялась съ скептическою распушенностью, заимствованною у западной Европы; ко всему этому слѣдуетъ прибавить многочисленные факты злоупотребленія властью.

Къ этому времени относится вліяніе при дворѣ Платона Зубова — «жалкой и печальной карикатуры Потемкина», по выраженію Ланжерона. Онъ — русскій графъ и князь въ Германіи, генералъ аншефъ, генералъ фельдцейстеръ. Онъ занимаетъ мѣсто перваго министра, но предоставляетъ веденіе дѣлъ своимъ подчиненнымъ, въ особенности Маркову, пользовавшемуся его особеннымъ довѣріемъ. Императрица пыталась ознакомить его съ политическими дѣлами, но отказалась отъ этого. Надменный, дерзкій и легкомысленный, Зубовъ стремился не столько къ власти, сколько къ почестямъ и матеріальнымъ выгодамъ. Тѣмъ не менѣе и онъ злоупотреблялъ произволомъ. Его окружала дѣлая туча льстецовъ и паразитовъ, выпрашивающихъ мѣста и милости ⁶⁾. При дворѣ и среди приближенныхъ наслѣдника престола выражали глухое недовольство возвышеніемъ Зубова. Въ остальной Россіи все было тихо и спокойно.

При такихъ обстоятельствахъ не изъ Петербурга можно было ждать руководящаго вліянія на европейскія дѣла. Вся энергія императрицы направлена была въ сторону Польши. Вліяніе ея политики на Европу имѣло

⁴⁾ Переписка Екатерины съ Гриммомъ, 1793—94 гг. PINGAUD, *Les français en Russie*. — RAMBAUD, *Les libéraux russes et la réaction*, Revue politique, 1881. SYBEL, III. *Письма Расстригина*, Архивъ кн. Воронцова.

⁵⁾ LANGERON, *Mémoires inédits: mon retour en Russie*.

⁶⁾ LANGERON, *Mémoires*. PRINCE ALEXANDRE CZARTORYSKI, *Mémoires*, Paris 1887, t. I, ch. III. *Бумаги герцога Ришелье*, Труды русскаго историческаго общества. ZEISSBERG, *Отчетъ Кобенцеля*, июль 1795, t. V.

въ виду, главнымъ образомъ, интересы русскаго государства по отношенію къ польскимъ дѣламъ. Эта политика сначала содѣйствовала образованію коалиціи, но затѣмъ стала работать въ видахъ разстройства этой самой коалиціи. Слѣдствія такого ея направленія особенно вѣско даютъ себя чувствовать въ Вѣнѣ.

III.

Австрійская монархія испытывала, сильнѣе всѣхъ прочихъ государствъ, тяжесть войны. Кризисы, возникшіе въ нѣсколькихъ изъ ея наслѣдственныхъ владѣній вслѣдствіе преобразованій Иосифа II, возобновляются съ новою силою. Война, истощающая центральное правительство, заставляетъ его производить наборы, требовать субсидій. Французская революція вызываетъ пробужденіе національных стремленій и требованій повсюду, гдѣ они тлѣли подъ пепломъ и даже въ томъ случаѣ, когда народы совершенно иначе разумѣли свободу, чѣмъ сами французы.

Такъ было въ Венгріи. Леопольдъ умирилъ венгерцевъ, отмѣнивъ указы своего брата, но онъ не могъ заставить ихъ забыть то, что было худшаго въ этихъ указахъ, а именно: злоупотребленія королевскою властью. Начавъ съ возмущенія противъ злоупотребленія, пришли къ возстанію противъ самой власти, подавшей къ нимъ поводъ. Венгерцы потребовали созванія своего сейма, а правительство не рѣшалось созывать этого собранія изъ опасенія, что оно потребуетъ возстановленія прежнихъ вольностей. Духовенство боялось созванія этого сейма; въ видахъ предупрежденія этой опасности, оно предложило императору даръ значительной цѣнности. Тогда комитеты объявили противозаконнымъ всякій призывъ къ частнымъ добровольнымъ пожертвованіямъ. Частныя лица вовсе не желали слѣдовать примѣру духовенства. Число вербованныхъ рекрутовъ падало. Венгерцы съ величайшею готовностью вооружались противъ турокъ; они охотно стали бы драться съ пруссаками, но не питали ни малѣйшей ненависти къ французамъ. Правда, крайности якобинцевъ разсѣяли иллюзіи 1789 года, и преданные своей аристократической конституціи и своимъ католическимъ вѣрованіямъ магнаты не могли не чуждаться нивелирующей и анти-христіанской республики; но за французской революціей оставался характеръ борьбы за независимость, волнующій самыя заветныя чувства венгерцевъ и смягчающій въ ихъ глазахъ самыя ея излишества.

Сверхъ того въ Венгріи существовала и демократическая партія, правда немногочисленная, но смѣлая, дѣятельная, воспитанная подъ вліяніемъ Руссо, исповѣдующая французскіе принципы и сносящаяся, чрезъ посредство Форстера, съ республиканцами. Къ этой партіи принадлежало нѣсколько недовольныхъ и выбитыхъ изъ колеи магнатовъ, нѣсколько свя-

щенниковъ, тяготившихся духовной дисциплиной или экзальтированныхъ, въ особенности же много представителей литературнаго міра. Они образовали общество венгерскихъ якобинцевъ, насчитывавшее семьдесятъ членовъ. Общество было тайнымъ; оно могло дѣйствовать только путемъ афиляцій и заговоровъ. Вожди его были люди способные. Мартиновичъ, тщедушный, желчный, изворотливый и вкрадчивый человекъ, славянинъ по происхожденію и темпераменту; воспитанный монахами, онъ ненавидѣлъ черное духовенство; въ немъ сливался утопистъ и шарлатанъ, а прежде всего—честолюбецъ. При Леопольдѣ II онъ состоялъ придворнымъ химикомъ—императоръ, какъ извѣстно, имѣлъ склонность къ суевѣрію и именно къ исканію философскаго камня,—затѣмъ возвысился до званія исправляющаго должность пробста при соборѣ въ Оденбургѣ; онъ примкнулъ къ нѣмецкимъ иллюминатамъ и вступилъ въ переписку съ французскими якобинцами; это—человѣкъ идеи въ революціонномъ венгерскомъ заговорѣ. Человѣкомъ дѣйствія былъ Лашковицъ, отставной офицеръ времени турецкой войны, исключительный патріотъ, неумолимый логикъ, ненавистникъ поповъ. Онъ былъ уволенъ вслѣдствіе того, что выразилъ неудовольствіе по поведѣнію нѣмецкаго происхожденія командировъ въ венгерскихъ войскахъ; изъ королей признавалъ и прощалъ только Матвея Корвина и Іосифа II за то, что они боролись противъ клерикальнаго фанатизма. Рядомъ съ ними слѣдуетъ упомянуть о двухъ венгерскихъ санюютахъ: Гайноки и Чентмаржасѣ. Послѣдній былъ дворяниномъ и по возрасту и складу ума напоминалъ Сентъ-Жюста, котораго взялъ себѣ за образецъ и о подражаніи которому мечталъ. Церковь и государство, монашеская инквизиція, цензура и полиція вели противъ нихъ ожесточенную борьбу. Дворъ боялся ихъ, и этого было достаточно для Франца, чтобы не рѣшаться просить у Венгріи новыхъ субсидій. Австрійскому императору приходилось въ то же время сдерживать галиційскихъ поляковъ и заискивать у нихъ. Приходилось также шадить провинціальныя сеймы въ Штиріи, Крайнѣ и Карніоліи. Въ самой Вѣнѣ нападали на слѣдъ демократическихъ заговоровъ. Императоръ могъ рассчитывать только на Богемію и на свои нѣмецкія владѣнія; но эти края дали уже все, что могли дать, и требовать большаго—значило истощать ихъ.

Бельгія приносила убытокъ и доставляла безпокойства; она поглощала людей и деньги, но уже ничѣмъ не вознаграждала за издержки. Едва успѣвъ вернуться въ свои владѣнія, бельгійскіе демократы и духовенство потребовали своихъ привилегій. Провинціи вотивали лѣтомъ 1793 года налогъ въ 8 милліоновъ флориновъ и заемъ въ 15 милліоновъ; но это сдѣлано было въ видахъ защиты своей независимости, то есть прежней конституціи. Вожакамъ этой реакціи казалось недостаточ-

нымъ, что они прогнали французовъ, возстановили отмѣненное обычное право и режимъ, существовавшій при Маріи-Терезіи,—они хотѣли еще и возстановленія монастырей, принужденія надъ секуляризованными священниками, удаленія должностныхъ лицъ, заподозрѣваемыхъ въ «жозефизмѣ». Императорское правительство старалось умѣрить эти требованія, но яростные аристократы сочли это измѣной. Они обвиняли императора въ томъ, что онъ не только взялъ съ нихъ выкупъ, но еще и желаетъ торговать австрійскими Нидерландами. Почитая себя обиженными и преслѣдуемыми, они доходили до того, что, выражаясь словами одного графа, сказанными эрцгерцогу Карлу, «предпочитали нынѣшнимъ утѣшеніямъ систему *карманьоловъ*». Платить они отказывались. Подписка, открытая въ январѣ 1794 г., дала къ веснѣ не болѣе одного милліона флориновъ. Одно аббатство, пожертвовавшее 300.000 флориновъ на борьбу противъ Іосифа II, дало только 40.000 на борьбу противъ революціи. Буржуазія также не открывала своихъ кошельковъ. Крестьянство отвѣчало, что дастъ свою кровь и что этого исполнѣ достаточно. Съ заподозрѣнными въ ереси нѣмецкими офицерами и солдатами обращались такъ, какъ обращались во Франціи время Лиги съ гугенотами, а въ католической Германіи—съ реформатами во время Тридцатилѣтней войны. Старые *жозефисты*, всѣ, кто входилъ въ составъ партіи Вонка и примкнулъ къ Леопольду, упали духомъ и потеряли надежду на согласованіе желаемыхъ ими реформъ съ сохраненіемъ австрійскаго господства. Сторонники и агенты революціи бѣжали во Францію; тамъ они стали вновь организовываться, подготавливая свой реваншъ и пользуясь недовольствомъ бельгійскихъ демократовъ для привлеченія ихъ къ республикѣ.

Нуженъ былъ энергическій правитель для этой больной монархіи. Францъ II не удовлетворялъ этому требованію. Онъ далъ то, чѣмъ обѣщаль быть. Чопорный и нерѣшительный, робкій и надменный, лѣнивый умомъ, мелочной и цепенитѣльный въ дѣлѣ сохраненія своего авторитета, онъ ни на что не могъ рѣшиться безъ совѣтника, но вмѣстѣ съ тѣмъ не довѣрялъ никому и принималъ рѣшенія послѣ колебаній и тревогъ, безъ общаго плана и всегда слишкомъ поздно. Люди съ такими характерами обречены подпасть подъ вліяніе низшихъ себѣ. Францъ подчинялся главнымъ образомъ вліянію своей второй жены, принцессы обѣихъ Сицилій, съ которой вступилъ въ бракъ въ 1790 г. Она приходилась ему двоюродной сестрой и была дочерью Фердинанда IV и Маріи-Каролины. Она не унаслѣдовала ни грубости отца, ни распущенности матери: она была набожна, жеманна и отличалась строгою нравственностью; все ея воображеніе и вся дѣятельность истрачивались на интриги и чудачества; она была завистлива, вздорна и угрюма; она чувствовала себя хорошо

только въ обществѣ низшихъ: она сплетничала, вмѣшивалась во все и всюду вносила путаницу; ей правилось все странное и чудовищное; даже сады свои она украшала безобразными и странными статуями; она постоянно внушала тревогу императору, какъ относительно людей, такъ и относительно дѣлъ.

Бывшій губернёръ Франца, сдѣлавшійся вице-канцлеромъ Имперіи, князь Коллоредо, напыщенный и ограниченный лицемѣръ, усыплялъ императора; вице-канцлеръ же Австріи, Кобенцель, поверхностный и болтливый человѣкъ, смотрѣлъ на всѣ политическія неудачи съ блаженнымъ оптимизмомъ. Въ арміи старый Ласси былъ, повидимому, постоянно озабоченъ «униженіемъ идей, превышающихъ его собственныя». Особымъ довѣріемъ императора пользовался его адъютантъ Ролленъ, холодный, мрачный и склонный къ коварству. Надежды арміи основывались на полковникѣ Маккѣ, «знаменитомъ Маккѣ», какъ его тогда уже называли. Это—нѣчто въ родѣ австрійскаго Гибера, краснорѣчиво разсуждающаго о войнѣ въ гостиницѣ, развертывающаго въ военныхъ совѣтахъ соблазнительные планы стратега-ритора. Онъ былъ мастеръ располагать къ себѣ общественное мнѣніе и сѣмблѣ, раньше времени, заставить прославлять свою гениальность въ европейскихъ газетахъ. Вся государственная сила оставалась сосредоточенной въ рукахъ Тугута, который, однакоже, былъ вовсе не государственный человѣкъ, а только дипломатъ, да еще весьма вздорный, умѣющій отвѣчать на нужды и недостатки арміи и правительства безплодными жалобами и восклицаніями въ родѣ: «Физически говоря, у насъ нѣтъ ни гроша!..» «Какъ можно льстить себя надеждой когда-нибудь добиться выполненія разумнаго плана, когда непрестанно приходится бороться и съ вѣшнимъ, и съ внутреннимъ врагами»... «скандальный всеобщій эгоизмъ», «роковое неисполненіе приказовъ его величества»? ¹⁾

IV.

До конца 1793 г. образъ дѣйствія Пруссіи обуславливался ея алчностью, отнынѣ онъ будетъ зависѣть отъ ея средствъ. Эта монархія, единственная въ Европѣ имѣвшая сбереженія, подобно остальнымъ и по тѣмъ же причинамъ шла къ денежнымъ затрудненіямъ и разоренію. Въ прусскихъ провинціяхъ давали о себѣ знать нужда и неудовольствіе. Силезскіе ткачи, страдавшіе отъ безработицы съ 1793 года, начали ходить толпами по рын-

¹⁾ О Францѣ II и его дворѣ см. *Mémoires du prince de Ligne*, у Vivenot во II томѣ. *Мемуары Царторыйскаго*, т. I, *Распознавъ*, арх. кн. Воронцова, Sybel, Herrmann; О Тугутѣ, Vivenot, *Thugut* и Zeissberg, вышеуказ. соч. т. IV. А также у Филиппсона, Ранке («Гарденбергъ») Гейссера въ I т: Fertz, Трейтчке и др.

камъ. Броженіе овладѣло и другими отраслями производства. Не хватало войскъ для усмиренья бунтовщиковъ. Прусскія власти дѣйствовали такъ же вяло и нерѣшительно, какъ французскія власти во время послѣднихъ экономическихъ кризисовъ царствованія Людовика XVI.

Вслѣдствіе покровительственнаго относительно рабочихъ вмѣшательства государства, торговцы принуждены были продавать ткачамъ пряжу по дешевой цѣнѣ и покупать у нихъ холстъ гораздо дороже, чѣмъ могли его, затѣмъ, продавать. Тогда наступилъ полный застой въ торговлѣ: торговцы остались безъ заказовъ, а ткачи—безъ пряжи. Правительство принуждало владѣльцевъ сырья доставлять его рабочимъ. Въ силу самаго кризиса цѣна на это сырье росла; правительство установило максимумъ совершенно такъ же, какъ то дѣлалось во Франціи при Людовикахъ XV и XVI и какъ продолжали дѣлать при республикѣ для всѣхъ предметовъ торговли. Смѣлость бунтовщиковъ росла. Въ концѣ апрѣля 1794 г. въ Бреславлѣ вспыхнуло настоящее возстаніе. Арестованъ былъ портной. Цехъ потребовалъ его освобожденія, и всѣ безпокойные элементы города приняли участіе въ этомъ дѣлѣ. Войска не рѣшались стрѣлять въ толпу. Арестованный былъ выпущенъ на свободу. Одно изъ высшихъ должностныхъ лицъ, графъ Камеке, долженъ былъ представить его толпѣ и затѣмъ ходить по питейнымъ заведеніямъ и чокаться съ инсургентами. Чтобы покончить съ происшествіемъ, правительство заплатило ремесленникамъ за всѣ четыре дня, въ которые они не могли работать по причинѣ возмущенія. Недовольные ободрились. Въ Берлинѣ и другихъ большихъ городахъ стали расклеивать прокламаціи мятежнаго свойства; улицы были запружены народомъ; подавались коллективные прошенія представителямъ власти. Крестьяне, до которыхъ дошли слухи о готовомъ, но не обнародованномъ уложеніи Фридриха, вводящемъ реформы въ ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, поспѣшили примѣнить эти реформы до ихъ обнародованія по тому пункту, который всего ближе ихъ касался: они перестали отбывать повинности господамъ.

Фридрихъ-Вильгельмъ испугался и рѣшилъ приступить къ карательнымъ мѣрамъ. Онъ велѣлъ приостановить дѣйствіе обыкновенныхъ судовъ, приказалъ, чтобы смутьяновъ наказывали розгами, чтобы войска проходили съ пушками по мятежнымъ силезскимъ округамъ и чтобы военные экзекуціи производились на площадяхъ, по базарнымъ днямъ. Вліяніе партіи придворныхъ ханжей окончательно одержало верхъ. Новое уложеніе, опубликованіе котораго откладывалось съ 1792 года, было измѣнено, урѣзано во всемъ, что касалось общихъ началъ человѣчности и обязанностей государства. Богословская инквизиція, свирѣпствовавшая и до войны, сдѣлалась еще болѣе безпощадно грубой по отношенію къ печати, университетамъ и сектантамъ. Находя, что зло имѣетъ источникомъ идеи, правительство

видѣло лекарство противъ него только въ усиленіи набожности чисто полицейскаго свойства: получалась лицемѣрная покорность высшихъ классовъ и молчаливое повиновеніе народа.

Прусское правительство заставило населеніе молчать, но не могло оживить окованную торговлю и наполнить пустыя государственныя кассы. Во многихъ округахъ жатва сгнила на корнѣ. Подати не вносились. Прусскими финансами управлялъ умный и честный министръ Струэнзе, человѣкъ плебейскаго происхожденія, на котораго смотрѣли какъ на выскочку; онъ сознавалъ это, чувствовалъ себя униженнымъ и вѣдѣствіе такого положенія, а отчасти и по недостатку характера, оставался только превосходнымъ бухгалтеромъ, между тѣмъ какъ могъ быть прекраснымъ администраторомъ. Государственный бюджетъ 1792—1793 гг. былъ сбалансированъ; но потребовалось отказаться отъ множества общепользныхъ затратъ для того, чтобы покрыть расходы по войнѣ съ Франціей и Польшей, а также и издержки на убыточные развлечения короля.

Военный фондъ свели на 16 милліоновъ талеровъ въ началѣ 1794 г. Въ 1792 г. государство заключило первый заемъ: новые займы оказывались невозможными. Къ тому же Польша, независимо отъ расходовъ, вызванныхъ завоеваніемъ и охраненіемъ ея, обходилась дороже, чѣмъ могла вознаградить. Въ этой странѣ все приходилось передѣлывать и все ускользало отъ прусскаго правительства. Дворянство такъ выжало сокъ изъ своихъ крестьянъ, что правительству нечего было выжимать. Затѣмъ эти дворяне оцѣнили свои имѣнія гораздо ниже ихъ дѣйствительной стоимости, въ видахъ возможно болѣе низкаго обложенія. А такъ какъ присоединеніе къ Пруссіи лишило ихъ политическихъ правъ, доли ихъ преимуществъ и всей независимости, то они были недовольны и платили плохо. То же самое, и еще въ большей степени, замѣчалось въ средѣ духовенства, лишеннаго части своихъ земель и вынужденнаго терпѣть супрематство лютеранской церкви. Акцизы и военный постой давили городскихъ жителей. Пруссіе агенты, грубые, не знавшіе ни языка, ни обычаевъ края, дерзкіе и самовластные, раздражали населеніе. Однимъ словомъ, податные сборы съ поляковъ давали три четверти талера съ человѣка, между тѣмъ какъ въ остальныхъ прусскихъ владѣніяхъ они давали три съ половиною талера. Все заставляло Пруссію сосредоточить свои силы въ Польшѣ и укрѣпить въ ней свое завоеваніе.

Донесенія агентовъ фиска и провинціальныхъ администраторовъ только подтверждали совѣты, уже подававшіеся дипломатами. Пруссія не въ состояніи вести одновременно два политическія предпріятія исключительно на свои средства. Ей слѣдуетъ выбирать между войной во имя принципа и войной ради матеріальной выгоды, между реставраціей французской монар-

хіи и окончательнымъ закрѣпленіемъ своей доли въ Польшѣ. Король еще держался за принципы; совѣтники его указывали, что нельзя доводить служенія принципамъ до разоренія собственной монархіи: онъ остановился на рѣшеніи—заставить союзниковъ заплатить за военные расходы, или покинуть коалицію. Военные побуждали его къ тому, быть можетъ, еще сильнѣе дипломатовъ и администраторовъ. Они не имѣли никакой охоты продолжать войну съ Франціей, въ которую не вносили политическихъ страстей, въ которой терпѣли однѣ неудачи, не имѣя возможности ожидать ни славы, ни выгоды. Герцогъ Брауншвейгскій, утомленный кознями, отказался отъ командованія войсками. Король замѣнилъ его Меллендорфомъ, ставя, такимъ образомъ, во главѣ арміи сторонника мира. Этотъ генералъ временъ Фридриха II былъ въ то время семидесятилѣтнимъ старцемъ. Время исканія военныхъ приключеній для него миновало. Тѣмъ не менѣе, Меллендорфъ еще не утратилъ живости ума и стремленія къ славѣ; но дѣятельность его охотнѣе тратилась на интриги, чѣмъ на военные подвиги. Сверхъ того, онъ ненавидѣлъ Австрію всѣми силами души; эта ненависть, а равно и его склонность къ философствованію побуждали его относиться снисходительно къ французской республикѣ. Онъ такъ же мало постѣснился бы вступить въ союзъ съ республиканцами, ради униженія Австріи, какъ не стѣснялся бы французъ временъ Мазарена искать союза съ Кромвелемъ, въ видахъ униженія испанцевъ.

Это соперничество, являвшееся помѣхой во всѣхъ операціяхъ обѣихъ державъ, проявлялось въ Германіи почти также дѣятельно, какъ и въ Польшѣ. Имперія оставалась цѣлью честолюбивыхъ замысловъ обѣихъ дворовъ: австрійскій стремился къ господству въ ней и расширенію предѣловъ своихъ германскихъ владѣній, прусскій—желалъ ограничить австрійское преобладаніе въ имперіи. Въ этомъ соперничествѣ совѣтники Фридриха-Вильгельма нашли средство убѣдить своего государя въ необходимости заключенія мира. Раздѣлъ Польши дѣлалъ эту необходимость настоятельной; предложомъ же было выставлено огражденіе интересовъ германской имперіи, и хитрые пруссаки нашли способъ заставить короля измѣнить коалиціи, не компрометируя своего добраго имени.

Императоръ внесъ въ имперскій сеймъ, 20-го января 1794 г., предложеніе о поголовномъ вооруженіи германскихъ народовъ. Гарденбергъ, вліяніе котораго при берлинскомъ дворѣ болѣе и болѣе возрастало въ это время, безъ труда доказалъ, что этотъ призывъ къ оружію—пустыя и непопулярнѣйшая въ Германіи мѣра; что если бы германцы и пошли на нее, Австрія воспользовалась бы ею для захвата Баваріи, униженія Пруссіи и осуществленія тайныхъ замысловъ «своей эгоистической политики». Пруссія, говорилъ министръ, должна противопоставить ей болѣе широкую и

патріотичную политику, Германія желала мира, Пруссія нуждалась въ немъ. Пруссіе интересы не требовали умаленія Франціи; Франція, по водвореніи въ ней порядка, возвратитъ себѣ вліяніе въ Европѣ, и это вліяніе естественнымъ образомъ обратится на пользу Пруссіи. Вознагражденія, которыхъ требовала Австрія и которыхъ пришлось бы потребовать для Пруссіи, должны быть найдены не во Франціи, а въ самой имперіи, путемъ обширныхъ секуляризаций, сообразно съ прецедентами Вестфальскаго мира. Всѣ эти интересы могли бы быть согласованы, если бы Пруссія, удаляя свои войска изъ коалиціи и подготавливая такимъ образомъ заключеніе мира, счумѣла бы «оградить отъ непріятели если не всю имперію, то, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ ея государствъ, которыя прибѣгли бы къ ея покровительству». Этимъ путемъ ей удалось бы обезпечить за собою свободу дѣйствія въ Польшѣ, не нарушая своихъ обязанностей по отношенію къ имперіи. Имперію же она защитила бы самымъ умѣстнымъ способомъ, такъ какъ имперія требовала именно такого рода заступничества. Дѣйствуя такимъ образомъ, она осуществила бы задуманный Фридрихомъ II планъ *Fürstenbund*'а, то есть ограниченной германской федераціи, состоящей подъ гегемоніей Пруссіи, что должно быть увѣнчаніемъ зданія политики великаго короля и открыло бы въ будущемъ для Гогенцоллерновъ доступъ въ имперію. — Мотивы Гарденберга были благовидны; проекты его открывали поприще для славолубиваго воображенія Фридриха-Вильгельма. Гарденбергу поручено было 31-го января 1794 г. тайно позондировать тѣ германскіе дворы, на благорасположеніе которыхъ могла рассчитывать Пруссія. Это еще не было шагомъ къ миру, но было его прелиминаріемъ. Нейтралитетъ подъ эгидою Пруссіи гораздо болѣе отвѣчалъ настроенію Германіи, чѣмъ поголовное ополченіе, подъ руководствомъ и въ интересахъ Австріи.

V.

Въ Германіи замѣчалось безпокойство, но это была тревога интеллектуальнаго свойства. Только въ Швабіи она принимала нѣсколько дѣятельное, практическое направленіе. Сосѣдство съ Франціей облегчало доступъ и республиканскимъ эмиссарамъ, и печатной пропагандѣ. Умы были тамъ болѣе склонны къ энтузіазму; сохранились туманныя традиціи независимости; романтическій патріотизмъ оцущью искалъ себѣ пути между тѣсными предѣлами родной Швабіи и великимъ міровымъ отечествомъ. Кое-гдѣ образовались студенческіе клубы: въ нихъ гѣли *Марсельезу*, старались быть добродѣтельными во вкусѣ Руссо, героическими — по Плутарху и прославляли французскія побѣды. Шеллингъ перевелъ гимнъ Руже де-Л'Иля, а Гегель прослылъ республиканцемъ. Когда въ республикѣ восторжествовали

террористы, а космополитическая поэзія исчезла вмѣстѣ съ Жирондой, въ Германіи ослабло восхищеніе революціей. Революція потеряла своихъ лучшихъ кліентовъ, мечтателей, и сторонниками ея осталось только нѣсколько изолированныхъ фанатиковъ.

Маленькій гуманитарный очагъ въ Майнцѣ потухъ. Форестеръ, послѣ напрасныхъ дипломатическихъ попытокъ, вернулся въ Парижъ одинокимъ, утомленнымъ, больнымъ, разочарованнымъ въ людяхъ, идеяхъ и дѣлахъ. Онъ умеръ отъ изнуренія, въ январѣ. Адамъ Луксъ видѣлъ идеалъ въ Жирондѣ и боготворилъ Шарлотту Кордэ: онъ погибъ на гильотинѣ. Люди, раздѣлявшие его воззрѣніе въ Германіи, съ ужасомъ отступили отъ такого отреченія революціи отъ своихъ собственныхъ основъ. Клопштокъ не проклиналъ свободы, но порицалъ французовъ за то, что подъ маскою свободы они стали стремиться къ завоеваніямъ; онъ находилъ, что черезъ это они сами идутъ подъ ярмо и что причина ихъ отступничества кроется въ самомъ ихъ характерѣ, заставляющемъ переходить поочередно отъ энтузіазма къ рабству ¹⁾. Кампе отрекся: берлинская академія удостоила преміи его сочиненіе объ очищеніи нѣмецкаго языка. Гердеръ прежде смотрѣлъ на эмигрантовъ какъ на измѣнниковъ отечества; онъ восхищался національной обороной французовъ: теперь онъ отворачивается. Штольбергъ называетъ французовъ западными гуннами и одинаково проклинаетъ якобинцевъ, иллюминатовъ и философовъ. Лафатеръ писалъ въ сентябрѣ 1793 г. Геро де-Сенелю: «Вы угнетаете людей въ десять тысячъ разъ сильнѣе, чѣмъ то дѣлаютъ сами тираны. Съ той поры какъ вы дѣствуете на подобіе лиссабонскаго инквизитора... я съ отвращеніемъ слушаю, когда вы говорите о свободѣ». «Я не могу, — около того же времени говорилъ Шиллеръ, — читать французскія газеты; мнѣ противны всѣ эти холопы палачей». Гете давно осудилъ революцію снизу. Онъ пытается сатирически изобразить ее въ своемъ *Генералъ-гражданинѣ*. Всего менѣе прощаетъ онъ французамъ то, что они мѣшаютъ размышленіямъ мыслителей, волнуютъ міръ, прерываютъ прекрасную и спокойную интеллектуальную культуру. «Чувство радости было утрачено», замѣчаетъ онъ въ 1794 г. въ своихъ *Анналахъ*. Гете, въ видѣ развлеченія, пишетъ своего *Reinecke Fuchs*, гдѣ люди превращаются въ животныхъ. Апатія Германіи успокоиваетъ его нервы, и какъ только онъ обезпечилъ себѣ спокойствіе, онъ наслаждается имъ съ эгоизмомъ, отнюдь не олимпийскимъ: «Будемъ счастливы что надъ нами висится вѣчно ясное небо, между тѣмъ какъ страшныя бѣдствія опустошаютъ обширные края». Это — *Suave mari magno*, переведенное языкомъ Фауста: «Ничто не потѣшаетъ меня такъ, какъ слушать въ праздникъ или въ воскресеніе разсказъ о томъ, какъ далеко отъ насъ,

¹⁾ *Mein Irrthum. — Der Eroberungskrieg*, Оды. — 1793.

на краю свѣта, въ Турціи, дерутся. Стоишь себѣ у окошка, выпиваешь стаканчикъ и смотришь, какъ рѣка уноситъ пестрые суда; вернешься вечеромъ домой—и тишь и гладь благословляешь» ²⁾).

Гете гордо наслаждается радостью жизни. Кантъ запирается въ своемъ кабинетѣ и погружается въ умозрѣніе. Революція, которую онъ готовитъ въ духовномъ мірѣ, не будетъ походить на ту, которая волнуется Парижъ. Онъ посягнетъ на самого Бога, на реальность міра, на человѣческое самосознаніе. А пока онъ смиренно покоряется цензурѣ Вельнера и прусской полиціи. «Все это можетъ быть справедливо въ теоріи», говоритъ онъ себѣ о своихъ умозрѣніяхъ въ области чистаго разума. Практическій же разумъ, который возстановитъ реальность міра и существованіе Бога ради соціальной пользы, требуетъ, чтобы имѣлись рѣшетки и преграды. Великій мыслитель спокойно ждетъ дня исполненія своихъ предсказаній, когда осуществится проектъ всеобщаго мира, очерчиваемый имъ въ минуты досуга, въ формѣ великаго нѣмецкаго государства, господствующаго въ Европѣ. «Всякое опасеніе революціи въ Германіи—химера,—пишетъ одинъ изъ публицистовъ того времени.—У насъ мало писателей, проповѣдующихъ возстаніе, и изъ этого малаго количества ни одинъ не производитъ глубокаго впечатлѣнія. Всѣ наши знаменитые писатели единогласно заявляютъ, что мятежъ есть самое ужасное изъ преступленій противъ государства и общества». Правда, Фихте напечаталъ въ 1792 г. *Опытъ исправленія общественнаго сужденія о французской революціи*, но это трудъ анонимный и принадлежащій къ разряду остающихся безъ вліянія. Къ тому же и онъ въ заключеніе приходитъ къ необходимости терпѣнія и примиряетъ *Общественный договоръ* съ *Уложеніемъ* Фридриха такою формулою: «Чувство собственнаго достоинства свободнаго человѣка поднимается снизу, но избавленіе, безъ нарушенія порядка, можетъ явиться только сверху».

Итакъ, мы видѣли, что жирондистской и космополитической революціей восхищались въ Германіи; къ нивелирующей же и террористической революціи относились какъ къ позорящему факту; однако, военная и завоевательная революція найдетъ въ Германіи новыхъ поклонниковъ и хвалителей. Это потому, что Германіи по праву зрѣлище торжествующей силы; но противъ этой вооруженной революціи встанетъ новая Германія, ферментъ которой еще кроется и бродитъ въ душахъ. Новая Германія выразится въ германскомъ патріотизмѣ, вырастетъ изъ *Правъ человека*, подобно тому, какъ диссидентство вытекаетъ изъ догмата новыхъ вѣроученій. Придерживаясь общей вѣры въ абсолютную и мировую истину, являются секты, взаимно отлучающія и раздражающія другъ друга. Уже въ 1792 году, во время перваго нашествія французовъ въ прирейнскій край, энтузіасты,

²⁾ Фаустъ.

приверженцы *Правъ человека*, тревожно спрашивали себя: можно ли, не измѣняя родинѣ, привѣтствовать это нашествіе. Съ еще болѣе сильной тоской поставятъ они себѣ тотъ же вопросъ въ 1794 г. и между тѣмъ, какъ нѣкоторые перейдутъ границу и сдѣлаются французскими гражданами, другіе, болѣе многочисленные, скажутъ себѣ вмѣстѣ съ Эраромъ изъ Нюрнберга: «Развѣ нѣмцы не могутъ, наконецъ, сами отстаивать своихъ правъ? Я не аристократъ, но не могу согласиться, чтобы французскій разумъ взялъ въ опеку мой собственный нѣмецкій».

Гердеръ заставляетъ своихъ соотечественниковъ вернуться къ патріотизму путемъ изученія природы вещей въ наиболѣе соціальномъ изъ ея явленій, въ языкѣ: «Намъ предстоитъ бороться съ сосѣднимъ народомъ,—пишетъ онъ въ 1794 г.,—не слѣдуетъ, чтобы его языкъ поглотилъ нашъ собственный. Проснись, спящій левъ, проснись германскій народъ, не давай похитить у тебя твой палладіумъ!» Въ лицѣ германца онъ изображаетъ идеальнаго человѣка будущаго. Онъ возвѣщаетъ историческую миссію своей родины: быть интеллектуальною воспитательницею міра и живою совѣстью человѣчества. Роль Франціи завершилась: роль Германіи начинается: «Мы приплыли слишкомъ поздно; но тѣмъ моложе будемъ. Намъ остается еще много дѣла, тогда какъ другіе народы вступаютъ въ состояніе покоя, послѣ того какъ совершили все, на что были способны». Германецъ, гердеровъ идеальный человѣкъ, подготавливаетъ Германію, германскій народъ, какъ его понималъ Фихте. Такимъ-то образомъ бродитъ новая Германія подъ космополитическою Германіей восемнадцатаго вѣка. Лессингъ освободилъ ее отъ чужеземныхъ вліяній. Гердеръ открылъ ей особенности ея духа. Гете и Шиллеръ освятили ея оригинальность. Единство духовныхъ свойствъ достигнуто. Осмысленная любовь къ родинѣ сложилась. Политическій же патріотизмъ проявился въ своей элементарнѣйшей формѣ, въ ненависти къ чужеземцу.

Старыя дрожжи вражды къ Франціи поднялись. Французовъ изображаютъ неосновательными людьми, легкомысленными въ самыхъ своихъ злодѣйствахъ, «гуммипластиковыми», по выраженію одного русскаго; это—народъ кукольной комедіи, назначеніе которой увеселять міръ, скандализировать его порою и всегда впущать къ себѣ презрѣніе. Надо было обладать высокимъ государственнымъ смысломъ Штейна для того, чтобы уже въ 1794 году понять, что война будетъ полезна для Германіи только въ силу ея собственныхъ неудачъ и поражений. Съ меньшею степенью сознанія надъ этимъ работаютъ и другіе: Гагернъ, тотъ самый, который въ 1815 году съ такимъ ожесточеніемъ добивался униженія и раздѣла Франціи, уже вызываетъ къ національному германскому чувству, къ объединенію отечества. Генцъ, будущій секретарь конгресса 1814 г. и ярый памфлет-

тисть коалиціи, переводить въ 1793 г. Борка, котораго въ 1791 г. собирався опровергать. Теперь онъ прозрѣлъ и отнынѣ будетъ противопоставлять историческое и національное право Германіи—правамъ чело-вѣка, признаваемымъ какъ бы національнымъ правомъ Франціи. Ему стоитъ только порыться въ коллекціи старыхъ полемистовъ, чтобы найти неисчерпаемое сокровище, которое позволитъ ему для оживленія вѣкового соперничества повторять, въ примѣненіи къ республикѣ, нѣсколько подновленныхъ діатрибы противъ французской монархіи въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкѣ. Для австрійскихъ имперскихъ писакъ станеть скоро общимъ мѣстомъ обращаться къ воспоминаніямъ Палатината, указывать на революціонную пропаганду Генриха IV, на разрушительную дипломатію Ришелье и на французскую политику захвата, по примѣру древне-римской. Но пока все это остается одними поползновеніями. Въ настоящемъ же господствуютъ: репрессія—со стороны правительствъ, покорность—со стороны народовъ, всеобщая тревога и всеобщее желаніе мира.

VI.

Не было страны болѣе расположенной къ зрѣлищу революціи и подражанію этому зрѣлищу, чѣмъ Италія того времени. Великая римская трагедія, разыгрывавшаяся въ Парижѣ, нашла въ Италіи свою публику; но это была только театральная публика. Итальянцы произносили республиканскія рѣчи и гордились кровнымъ родствомъ съ Брутомъ; мужчины переставали носить напудренные парики, модницы одѣвались *à la guillotine*. «Гражданская добродѣтель была тогда въ модѣ», замѣчаетъ одинъ современникъ. Къ тому же эта добродѣтель не стѣняла ничьихъ страстей. Кровь, которая проливалась во Франціи, не смущала итальянцевъ; вѣдь эта кровь была французская, она лилась далеко отъ нихъ, возрождала чело-вѣчество и не причиняла имъ зла; они готовились встрѣчать «благополучную республику», не проходя чрезъ искусъ республики террористической. Если бы французамъ вздумалось завоевать Италію, то при своемъ непостоянствѣ они такъ же быстро удалились бы, какъ и пришли, расчистивъ, по крайней мѣрѣ, путь для реформъ. Въ такомъ духѣ разсуждали «просвѣщенные» и «миролюбивые» итальянцы. Были также фанатики-революціонеры, заговорщики, старавшіеся подражать якобинцамъ, желавшіе освобожденія родины и трудившіеся надъ нимъ при помощи дѣятельной пропаганды. Агентъ генуэзской республики Тилли спосился съ ними и держалъ въ рукахъ всѣ нити. Они распространяли печатныя произведенія и расклеивали прокламаціи. Особенное впечатлѣніе произвела *Картина нравовъ и правительства* Горани, вышедшая осенью 1793 г.: тайны

итальянскихъ дворовъ и, въ особенности, неаполитанскаго, разоблачались нескромною рукою сатирика. Но въ Италіи, какъ и въ Германіи, главная идея, имѣвшая восторжествовать въ будущемъ, смутно бродила среди современныхъ мечтателей, а космополитическое броженіе возмѣщало уже національный переворотъ, который долженъ былъ изъ него выйти. Итальянскіе патріоты, пишетъ Ботта, были «убѣждены, что Италія призвана сбросить свое ярмо, начать жить сызнова и возратить себѣ свое древнее главенство. Воспламененные этими упованіями, они объявляли, что настало время для Италіи сравняться съ Франціей и Германіей своимъ могуществомъ, какъ равнялась она съ ними цивилизаціей и знаніемъ. Новая Италія должна показать себя достойной древней... А если свобода можетъ быть достигнута лишь общимъ переворотомъ, то слѣдуетъ ускорить катастрофу, а не задерживать ея послѣдствій». Съ такою-то предвзятою мыслью намѣревались итальянцы требовать вмѣшательства со стороны французской республики, или готовились ему покориться, и вотъ въ чемъ заключается тайна вѣчныхъ разочарованій французовъ въ Италіи.

Въ Пьемонтѣ, ясное, чѣмъ гдѣ бы то ни было, проявлялись такіе воззрѣнія, потому что тамъ народъ былъ болѣе сплоченъ, болѣе культуренъ, а также и болѣе доступенъ для французскихъ эмиссаровъ. «Непріятель,—сообщалъ одинъ австрійскій агентъ»,—имѣетъ опасныя сношенія во всѣхъ провинціяхъ... Признаки мятежа прорываются повсюду въ пограничныхъ селеніяхъ». Правительство попробовало подавить это движеніе: въ маѣ 1794 г.: оно предало суду сто десять чело-вѣкъ. Этотъ примѣръ не послужилъ ни къ чему. Само правительство разлагалось. Туринскій дворъ представлялъ, въ ракурсѣ, неурядицу вѣнскаго. «Безпорядочность,—сообщаетъ тотъ же австрійскій агентъ,—царить здѣсь во всѣхъ отрасляхъ общественнаго управленія; высокоуміе, духъ хищенія и козней овладѣли всѣми членами этого правительства; они привели дѣла въ разстройство». Подати не вносятся, магазины пусты. Король близокъ къ «состоянію слабоумія». Въ свѣтлыя минуты онъ говоритъ объ отреченіи отъ престола. Онъ боится войны, но боится и мира: война—это значитъ союзъ съ Австріей: миръ—это можетъ означать революцію. Наслѣдный принцъ не посвященъ ни во что. Онъ самъ отличается слабостью воли и странно-стями. По словамъ одного дипломата, онъ «подверженъ частымъ нервнымъ страданіямъ, изнуряющимъ его до такой степени, что въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ неспособенъ ни думать, ни дѣйствовать». Его жена, которую онъ очень любитъ, внушила ему суевѣрный аскетизмъ. Онъ встаетъ до разсвѣта и проводитъ въ молитвѣ четыре часа сряду. Онъ носитъ власяницу, стегаетъ себя плетью, постится и питается овощами даже и не въ постное время. Онъ проводитъ жизнь въ покаяніи и созерцаніи.

Онъ слишкомъ поглощенъ заботой о спасеніи своей души для того, чтобы найти время для попеченія о спасеніи государства.

Въ коронныхъ совѣтахъ политики думали о мирѣ. 16-го февраля 1794 г. одинъ изъ министровъ, графъ Гранери, предложилъ королю сдѣлать шагъ къ его заключенію. Пьемонтъ, сказалъ онъ, «не можетъ ни на что надѣяться и долженъ всего опасаться со стороны Австріи. Доказано, что ни силы этой монархіи, ни силы цѣлой Европы не въ состояніи будутъ укротить Францію, которая противопоставляетъ разумность, единеніе и энергію раздорамъ и разслабленію. Франція будетъ республикою, и въ ту минуту, когда она достигнетъ этой цѣли, всѣ утомленные или побѣжденные ею державы поспѣшатъ признать ее». Она захочетъ сохранить за собою свои завоеванія; Австрія пожелаетъ вознаграждать себя за издержки. Гранери находилъ, что не слѣдуетъ давать опередить себя; онъ умолялъ короля принять «рѣшеніе, достойное мудрости и предусмотрительности его предковъ». Викторъ-Амедей заставилъ молчать этого миролюбиваго министра; но военный министръ сознался, что не имѣетъ возможности руководить операціями, на него возложенными, «что въ его вѣдомствѣ все находится въ полнѣйшемъ безпорядкѣ». При дворѣ, и въ особенности въ обществѣ, куда проникли слухи объ этомъ эпизодѣ, всѣ стали на сторону Гранери.

Тоскана склонилась передъ грозой; англичане умѣрили свою суровость и во Флоренціи вздохнули свободнѣе. Здѣсь не прощали лорду Гервею его высокомеріе, угрозы, ужасъ, имъ наведенный, и это служило лишнимъ поводомъ желать сближенія съ Франціей. Манфредини склоненъ былъ къ тому; лишь бы Франція выказала готовность, онъ ничего не желалъ, кромѣ мира. Нѣчто противоположное замѣчалось въ Неаполѣ: правительство, поддерживаемое свирѣпою чернью и изуверскимъ духовенствомъ, пользовалось каждымъ случаемъ душиить и давить, подъ предлогомъ революціонной опасности, духъ свободы и гуманности, бывший честью того вѣка. Неаполитанскій дворъ любилъ зрѣлище казней. Неаполитанская демагогія рукоплескала королевскому террору и приветствовала какъ орудіе общественнаго спасенія пресловутую юнту, въ которой засѣдали, рядомъ съ княземъ Кастельчикалой, Ваннини и прокуроръ Гвидобальдо.

Испанскій дворъ попытался вначалѣ разжечь воинственный пылъ своихъ подданныхъ. Монахи стали проповѣдывать войну, на вербовали крестьянъ, доставили матеріальныя средства. Но такъ какъ французы не вступили въ Испанію, то народъ успокоился; пробудившійся духъ независимости обратился противъ правительства, и снова повели рѣчь о старинныхъ вольностяхъ. Правительство встревожилось этимъ обстоятельствомъ, и это было одною изъ причинъ почему не стали раздувать до конца

войну съ Франціей. Были и другіе мотивы. Кампанія 1793 г. окончилась довольно счастливо для Испаніи: она взяла Бельгардъ; кампанія же 1794 г. не предвѣщала ничего хорошаго: французскія войска продолжали получать подкрѣпленія и во всѣхъ отношеніяхъ привыкали къ войнѣ, напротивъ испанскія войска не улучшались. Они оставались тѣмъ, чѣмъ были во время Тридцатилѣтней войны: хорошо дисциплинированными, выносливыми, стойкими въ битвѣ, но медленными въ движеніяхъ, подвигающимися не иначе, какъ со всѣмъ своимъ обозомъ и сражающимися не иначе, какъ изъ-за окоповъ. Подобная тактика была хороша съ дезорганизованнымъ противникомъ, но съ непріателемъ, бодро бросающимся впередъ и руководимымъ искусными командирами, старый военный механизмъ пугался и уступалъ, подавляемый собственной тяжестью. Испаніи грозило повтореніе пресловутаго опыта при Рокруа. Правительство спрашивало себя, стоитъ ли цѣль войны угрожавшихъ бѣдствій и не окажется ли побѣда коалиціи болѣе грозной для Испаніи, чѣмъ торжество республики.

Англія раскрыла свои карты въ Мадридѣ: она соглашалась доставить дѣйствительную помощь только въ случаѣ подписанія Испаніей торговаго договора. Этотъ договоръ заключался бы въ предоставленіи Англіи всей колоніальной торговли и имѣлъ бы слѣдствіемъ обѣднѣніе испанской казны. Въ Тулонѣ, которымъ овладѣли соединенныя силы обоихъ флотовъ, Испанія потребовала признанія регента; Англія не соглашалась на это, и въ Мадридѣ убѣдились, что англичане хотятъ оставить завоеванный пунктъ за собою. Итакъ, Испанія истощала свои средства и подвергала себя опасности репрессалій, со стороны Франціи, только для того, чтобы утвердить первенство Англіи на Средиземномъ морѣ! Эта операція, единственная веденная сообща, имѣла результатомъ взаимное неудовольствіе союзниковъ. Испанцы уже не хотѣли слушать о торговомъ договорѣ, а англичане—о субсидіяхъ. Испанскіе государственные люди, противившіеся войнѣ, снова заговорили о мирѣ и потребовали конститутіонныхъ реформъ. Составилось нѣчто въ родѣ заговора съ цѣлью устранить Годоя. Аранда, вокругъ котораго группировались заговорщики, подвергся изгнанію. Партія войны, представителемъ которой былъ Годой, еще разъ взяла верхъ въ совѣтахъ, собиравшихся въ мартѣ 1794 г. Королева, болѣе чѣмъ когда-либо, подчинялась вліянію своего фаворита и ревновала его. Но Годой, стоявшій за войну только для упроченія своей власти, начиналъ теперь понимать, что война грозитъ этой власти военными неудачами, истощеніемъ казны, увеличеніемъ налоговъ, необходимостью займовъ, наконецъ, сознаниемъ, что всѣ эти жертвы приносятся только ради выгодъ Англіи. Наступало время, когда Годой увидитъ, что только миръ поможетъ бы ему сохранить ускользавшую отъ него власть.

VII.

Испанія незамѣтно склонялась подобно Пруссіи къ тѣмъ же уступкамъ. Мысль о сдѣлкѣ съ республикою, какъ только республика дастъ къ тому поводъ, болѣе и болѣе проникала въ умы. Политики, задумывавшіеся объ этомъ, естественнымъ образомъ искали пути, который велъ бы къ такому исходу: таково происхожденіе миролюбивыхъ заявленій, дѣлавшихся зимою 1793—1794 г. Не слѣдуетъ придавать имъ большого значенія; тѣмъ не менѣе они отмѣчали результаты намѣреній, обрисовывавшихся осенью 1792 г. и окончательно опредѣлившихся осенью 1794 г. Время года побуждало къ нимъ, и таковъ былъ обычай дворовъ: какъ только армія занимала зимнія квартиры, дипломаты появлялись на сценѣ и разыгрывали свои интермедіи. Въ средѣ людей, предпринимающихъ такіе попытки, не было человѣка болѣе правдиваго и болѣе искренно желавшаго мира, какъ графъ Бернсторфъ. И это не потому, чтобы война особенно вредила Даніи. Благодаря благоразумію этого превосходнаго министра, а также влѣдствіе своего нейтралитета, Данія пользовалась всеобщимъ разореніемъ и богатѣла. Но Бернсторфъ былъ дальновиднымъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ зналъ, цѣною какихъ усилій удалось ему сохранить датскій нейтралитетъ: онъ видѣлъ ростъ деспотизма Англіи и говорилъ себѣ, что послѣ большихъ войнъ мелкія государства доставляютъ матеріалъ для соглашенія крупныхъ между собою. Онъ встрѣчалъ повсемѣстное желаніе мира въ средѣ народовъ и не находилъ иного къ тому препятствія, кромѣ столкновенія алчныхъ поползновеній правительствъ. Эти столкновенія казались ему неразрѣшимыми до тѣхъ поръ, пока каждое изъ правительствъ будетъ поддерживать свои притязанія. Такъ какъ никто въ отдѣльности не былъ расположенъ подать примѣръ безкорыстія, то Бернсторфъ задумалъ заставить всѣхъ сообща подать такой примѣръ. Онъ придумалъ проектъ деклараціи, которая могла бы быть прелиминаріемъ общаго мира и въ силу которой воюющія стороны взаимно отказались бы отъ завоеваній: онѣ рѣшили бы вернуться въ свои прежніе предѣлы и затѣмъ обоюдно обезпечить свои владѣнія. Французскія Собранія брали инициативу такого рода декларацій. Они нарушили ихъ на нѣкоторое время; но Конвентъ возобновилъ ихъ въ апрѣлѣ 1793 г.; новое правительство, казалось, желало ихъ поддержать, и на этотъ разъ можно было считать его искреннимъ, такъ какъ побѣда была на его сторонѣ. Бернсторфъ не скрывалъ своего отношенія къ дѣлу, и не онъ одинъ придерживался такого мнѣнія. Всѣ, раздѣлявшие его, обратились къ Даніи. Всѣмъ извѣстно было, что въ датскомъ министерѣ нашли бы самаго достойнаго и самаго лойальнаго изъ посредниковъ, а въ представителѣ республики при

датскомъ дворѣ—человѣка, способнаго выслушать предложеніе съ полнымъ пониманіемъ и передать его съ надлежащею скромностью.

Этотъ агентъ, Грувелль, не былъ официально признаннымъ дипломатическимъ представителемъ; его принялъ лично Бернсторфъ. Довѣріе, оказанное ему этимъ министромъ и оправдываемое его собственнымъ тактомъ, мало-по-малу оказало воздѣйствіе даже на тѣхъ изъ членовъ дипломатическаго корпуса, которые влѣдствіе войны не имѣли сношеній съ представителемъ республики. Въ ихъ средѣ находился испанскій уполномоченный Музкицъ, «честный человѣкъ,—по словамъ Грувелля,—почти плебей по рожденію... философски образованный, выдѣлявшійся и сдержанностью и умѣренностью, съ которыми высказывался о французскихъ дѣлахъ». Въ началѣ декабря 1793 г. онъ пожелалъ секретно переговорить съ Грувеллемъ. Они встрѣтились «ночью, въ отдаленномъ мѣстѣ», гдѣ, «несмотря на сильнѣйшій вѣтеръ», разговоръ продолжался цѣлые два часа. Музкицъ выразилъ свое восторженное удивленіе предъ республикой: онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ Франціи, находилъ войну непоэтичною и бѣдственною для Испаніи. Если бы вначалѣ, сказалъ онъ,—Франція не такъ ускоряла ходъ дѣлъ, она могла бы достигнуть по крайней мѣрѣ нейтралитета мадридекаго двора. Онъ спросилъ, расположена ли будетъ республика къ переговорамъ, которые можно было бы начать, при посредничествѣ Бернсторфа. У Грувелля не имѣлось никакой инструкціи, и онъ далъ неопредѣленный отвѣтъ. Вскорѣ влѣдъ за тѣмъ онъ получилъ депешу отъ Дефорга, предписывавшую ничего не предпринимать и ничего не говорить. Онъ увидѣлся съ Музкицемъ въ концѣ того же мѣсяца и ничего не сказалъ ему. Къ тому же Музкицъ заявилъ, что рѣчь можетъ идти только объ общемъ мирѣ; Бернсторфъ подтвердилъ это заявленіе; онъ поручился за испанца и формально объявилъ Грувеллю, что испанскій дворъ одобряетъ шагъ, сдѣланный его агентомъ. Грувелль просилъ инструкцій; но, не получая ихъ, онъ сталъ остерегаться и пересталъ видѣться съ Музкицемъ до полученія на то полномочія.

Между тѣмъ онъ продолжалъ посѣщать Бернсторфа; въ январѣ и февралѣ, этотъ министръ подтверждалъ ему во всѣхъ разговорахъ, что прусскій король утомленъ войной; что если бы французы обѣщали ему только не переходить черезъ Рейль, онъ удалилъ бы войска; что онъ желаетъ ограничить свое участіе въ коалиціи покровительствомъ имперіи; что время еще не ушло для переговоровъ съ нимъ, но что слѣдуетъ поторопиться, потому что завязаны и другіе переговоры, имѣющіе цѣлью связать Пруссію съ коалиціей. «Онъ могъ бы,—говорилъ Бернсторфъ,—взять на себя сообщать все, что желали бы передавать чрезъ его посредство. Къ этому онъ прибавилъ, что послѣ зондированія нѣсколькихъ дворовъ, онъ убѣ-

дился, что мысль объ общемъ мирѣ можетъ рассчитывать на нѣкоторый успѣхъ, коль скоро ее не будетъ отвергать Франція.

Такія же свѣдѣнія приходили въ Швейцарію. Графъ Санъ-Фермо, венеціанскій дипломатъ, имѣвшій резиденцію въ Базелѣ, видался тамъ съ Бахеромъ. Онъ говорилъ объ утомленіи державъ, о возможности разрыва коалиціи и въ особенности о выдѣленіи изъ нея Пруссіи и Голландіи. Онъ давалъ почувствовать, что «его связи при многихъ европейскихъ дворахъ даютъ ему возможность служить въ этомъ отношеніи французской республикѣ». Въ Касселѣ и Готѣ съ французскими плѣнными обходились съ замѣчательнымъ вниманіемъ. Резюмируя всѣ впечатлѣнія, полученныя почти за четырехмѣсячный періодъ времени своего швейцарскаго посольства, Бахеръ написалъ Дефоргу 26 марта 1794 г.: «Во всѣхъ, получаемыхъ изъ Германіи, письмахъ продолжаютъ распространять извѣстіе о миролюбивыхъ намѣреніяхъ прусскаго короля и о готовности его къ заключенію отдѣльнаго мира съ французскою республикою. Прусскіе эмиссары громко говорятъ о томъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ созываетъ свою политическую Сорбонну и что всѣ его министры нашли, что государственная польза должна быть поставлена выше всѣхъ остальныхъ соображеній и что берлинскій дворъ могъ бы даже, согласно съ началами международного права, вступить въ переговоры съ временнымъ правительствомъ, установившимся во Франціи».

Слухи о миролюбивомъ настроеніи приходили даже изъ такихъ краевъ, откуда всего менѣе можно было ожидать ихъ. Бахеръ писалъ отъ 17 января 1794 г. «Союзныя державы, повидимому, крайне утомлены войною и расположены къ сближенію съ французскою республикою. Люди, находящіеся въ сношеніяхъ съ австрійскимъ домомъ, пытались зондировать меня, съ цѣлью получить свѣдѣнія о томъ, съ кѣмъ пришлось бы вести переговоры, если будутъ сдѣланы миролюбивыя предложенія». Бахеръ подтвердилъ эти сообщенія нѣсколько дней спустя и прибавилъ: «Быть можетъ, союзныя державы пожелаютъ вмѣшательства и посредничества Швейцаріи. Надѣются даже, что конгрессъ можетъ собраться въ Баденѣ, гдѣ въ настоящую минуту гражданинъ Бартелеми занимаетъ помѣщеніе принца Евгенія, который въ началѣ нашего вѣка вмѣстѣ съ маршаломъ Вилларомъ велъ переговоры, касавшіеся важнѣйшихъ европейскихъ интересовъ». Услужливые миротворцы опережали срокъ заключенія мира только на годъ, но по количеству пролитой крови и важному значенію событій, этотъ годъ равнялся, по меньшей мѣрѣ, двумъ годамъ. Ошибка въ срокѣ произошла потому, что европейскіе политики вели свои расчеты, не принимая въ соображеніе Англію.

VIII.

Кампанія 1793 года заканчивалась для англичанъ нѣсколько менѣе неудачно, чѣмъ для остальныхъ союзниковъ: они пріобрѣли Шандернагоръ, Пондичери, Сенъ-Пьеръ, Микелонъ, Табаго. Но въ Европѣ имъ пришлось испытать одни разочарованія. Они потерпѣли пораженіе при Дюнкирхенѣ, потеряли Тулонъ, допустили подавить возстаніе вандейцевъ: лордъ Мойра и его флотъ были готовы только къ 1-му декабря, а въ этотъ день уже перестала существовать «католическая королевская» армія. Всего хуже, по ихъ мнѣнію, было то, что республика обладала неистощимыми средствами. «Настоящее могущество, проявляемое Франціей, при всей ея дезорганизациі, внушаетъ ужасъ при мысли о томъ, что она была бы въ силахъ совершить при хорошемъ правительствѣ», писалъ Малле изъ Лондона, гдѣ нашелъ убѣжище. Питтъ выводилъ изъ этого то заключеніе, что слѣдуетъ удвоить энергію и настойчивость, и онъ выразилъ это устами короля Георга въ тронной рѣчи 21-го января 1794 г. Фоксъ и Шериданъ воспользовались этимъ случаемъ, чтобы напасть на самый принципъ войны и критиковать способъ ея веденія. — Чего же хотѣли? — спросилъ Фоксъ. — Вознагражденій? Ихъ не съумѣли взять. Уничтоженія Франціи? Но вѣдь мы не поддерживали гражданской войны. Реставраціи съ Людовикомъ XVII? Но какъ же согласовать эту реставрацію съ завоеваніями? Впрочемъ, если бы реставрація и удалась, это не подвинуло бы дѣло ни на шагъ. Франція снова очутилась бы въ томъ положеніи, въ которомъ находилась въ 1789 г., и отъ котораго ведутъ начало всѣ бѣдствія, дѣлающія теперь войну необходимою, а миръ невозможнымъ; такимъ образомъ политика министерства вертится въ неисходномъ кругѣ». Питтъ возразилъ: «Чего же вы требуете? Мира? Но съ кѣмъ? Съ анархіей, въ которой преобладаютъ всегда крайніе. Конвентъ не допускаетъ никакихъ переговоровъ съ непріятелемъ, занимающимъ территорію, и кромѣ того онъ требуетъ предварительнаго признанія республики. Слѣдовало бы, значить, отказаться отъ того, что завоевано, санкціонировать революцію, требующую отреченія отъ нашихъ принциповъ, договариваться съ заклятыми врагами Англіи, съ народомъ, который какъ бы вступилъ въ заговоръ съ цѣлью искорененія съ лица земли всякой чести, справедливости и человѣчности!» — «Если бы ненависть къ пороку могла быть справедливою причиною войны, — отвѣчалъ ему Фоксъ, — съ которыми же изъ нашихъ союзниковъ, о, праведный Боже, могли бы мы быть въ мирѣ? Долженъ сознаться, что я трепещу за судьбу Европы». Онъ заговорилъ о Польшѣ. Палата общинъ осталась невозмутимой и 277 голосовъ противъ 55 отвергли предложеніе о заключеніи мира. Стангопъ развивалъ мысль Фокса въ палатѣ лордовъ: «Говорятъ, что

во Франции нѣтъ правительства. Спросите у генерала Вурмзера, у лорда Гуда, у герцога Брауншвейгскаго, у прусскаго короля, у роялистовъ въ Вандей». 99 пэровъ противъ 12 высказались въ пользу кабинета. 3-го февраля 1794 г. рѣшено было, что флотъ будетъ усиленъ до 80 кораблей, 100 фрегатовъ и 85.000 человекъ, сухопутная же армія до 60.000.

Послѣдовало еще нѣсколько ораторскихъ турнировъ. 17-го марта Фиц-Патрикъ потребовалъ освобожденія Лафайета; министры отвѣтили, что не могутъ вмѣшиваться въ дѣла союзниковъ. Фоксъ почтилъ гражданскую доблесть Лафайета и память знаменитыхъ провозвѣстниковъ англійской свободы, которыхъ Лафайетъ взялъ себѣ за образецъ. Онъ былъ красно-рѣчивъ, но никого не убѣдилъ. 30-го апрѣля онъ снова произнесъ рѣчь, что не помѣшало палатѣ ассигновать 330 милліоновъ на военныя нужды, вотиловать заемъ въ 275 милліоновъ и чрезвычайный налогъ для уплаты субсидій. Питтъ предлагалъ содержать 40.000-ный корпусъ французскихъ эмигрантовъ или инсургентовъ. «Если эти французы будутъ взяты и преданы смерти своими соотечественниками, оплатите ли вы тѣмъ же республиканскимъ солдатамъ, которые очутились бы въ вашей власти?» спросилъ Шериданъ.—Да, отвѣтилъ Боркъ.—Великій Боже!—продолжалъ Шериданъ,—жизнь многихъ тысячъ людей можетъ зависѣть отъ одного этого слова... Вы вводите въ Европу систему жертвоприношеній людьми. Боркъ приложилъ всѣ силы своей реторики къ опроверженію галиматіи Барера. Риторикой онъ превзошелъ его, но сущность рѣчей была одна и та же. «Я радуюсь,—сказалъ онъ,—плану вооружать французовъ противъ французовъ. Убіеніе должно падать на главу убійцы; храни насъ Боже, чтобы оно было иначе. Цѣль войны не должна ограничиваться напраснымъ намѣреніемъ положить предѣлъ дикому и изступленному могуществу Франціи. Война должна стремиться къ единственной разумной цѣли: къ полному истребленію злодѣйской орды, породившей эту борьбу.

Громадное большинство англичанъ раздѣляло чувства Борка и рукоплескало мѣрамъ Питта. Зрѣлище террора унесло послѣдніе слѣды сочувствія къ революціи со стороны англичанъ. Робеспьеръ велѣлъ поставить на очередномъ порядкѣ для обсужденія въ якобинскомъ клубѣ: «преступленія англійскаго правительства и недостатки британской конституціи». Кутонъ обратился съ воззваніемъ къ англійскимъ анархистамъ: «Долой королей! Долой дворянъ! Долой поповъ!» За нѣсколько недѣль предъ тѣмъ, лорду Лаудердалю удалось собрать 10.000 подписей для петиціи въ пользу мира. Но въ 1794 г. объ этомъ нельзя было и думать. Англійское общественное мнѣніе охвачено было единодушной ненавистью къ исконному врагу, посягавшему на его торговлю, его конституцію, его религіозныя вѣрованія. На *Delenda Carthago* отвѣчали: *Pugnent ipsique nepotes*,

и оба берега пролива перекидывались грозными проклятіями, такъ что трудно было бы сказать, въ которомъ изъ двухъ народовъ они находили наибольшій откликъ. И въ той и въ другой странѣ ходили слухи о тайно расточаемомъ на подкупы золотѣ, объ эмиссарахъ, шпионахъ, заговорахъ. Французы повсюду видѣли руку Питта, англичане—руку Робеспьера. Одинаковая ненависть къ независимому образу мыслей, одинаковое презрѣніе къ умѣреннымъ мнѣніямъ наблюдались у той и другой стороны. «Либеральныя мнѣнія,—повѣстствуетъ одинъ англійскій историкъ,—подверглись нѣкотораго рода остракизму. Не только приходилось отказываться отъ нихъ всякому, кто добивался успѣха въ своей общественной или профессиональной дѣятельности, но отъ человѣка съ такими мнѣніями отворачивались и въ свѣтѣ. Всѣ избѣгали его. Вполголоса говорили, что это—не только недовольный, но свободный мыслитель и невѣрующій»¹⁾. «Писатели, издававшіе ученія, противныя монархіи и аристократіи, изгонялись и карались безъ милосердія», говоритъ Маколей. «Республиканецъ могъ исповѣдывать свои политическія воззрѣнія развѣ въ то время, когда ѣлъ бифштексъ и записывалъ его портеромъ въ тавернѣ». Образовались общества для «защиты свободы и собственности противъ республиканцевъ и бунтовщиковъ». Эти ассоціаціи поставляли шпионовъ, доносчиковъ, обвинителей и свидѣтелей. Особеннымъ фанатическимъ усердіемъ отличалась эта охота на либераловъ въ Шотландіи, гдѣ Дундасъ былъ настоящимъ диктаторомъ. «Конвентъ Друзей народа», состоявшій изъ делегатовъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Великобританіи, собрался въ Единбургѣ въ ноябрѣ 1793 г. Всѣхъ делегатовъ было сто шестьдесятъ; они обсуждали при закрытыхъ дверяхъ начало всенароднаго голосованія. Собраніе ихъ было распущено, а лондонскіе делегаты приговорены были къ высылкѣ изъ Англіи на четырнадцать лѣтъ.

Весною, послѣ цѣлаго ряда преслѣдованій, процессовъ и приговоровъ, Питтъ явился въ Палату общинъ для прочтенія обширнаго доклада «Секретнаго Комитета» о смутахъ въ королевствѣ. Онъ указалъ на громадный заговоръ демократовъ, на ихъ связь съ якобинцами, однимъ словомъ, на ихъ государственную измѣну, и представилъ билль, которымъ правительству предоставлялось право арестовывать на основаніи простого подозрѣнія всякаго человѣка, мнѣнія котораго показались бы ему опасными, не исключая и самихъ членовъ парламента. Фоксъ, Грей и Шериданъ нашли, что французская республика не грозила вольностямъ англійскаго народа настолько, насколько угрожалъ имъ этотъ билль. Это было болѣе, чѣмъ упраздненіе *habeas corpus*'а, это была отмѣна самой Великой Хартіи. Билль пущенъ былъ на голоса: 201 противъ 39 высказались въ пользу принятія

¹⁾ ERSKINE MAY, II, 41.

билля. Палата лордовъ оказала болѣе серьезное сопротивленіе; но настоянія и «отвлеченности» Стангоповъ и Лансдауновъ разбились объ упорство рѣшительнаго и упрямаго большинства. Было произведено тридцать перебаллотировокъ; первая дала 201 голосъ за и 32 противъ, послѣдняя: 146 за и 28 противъ билля. Онъ былъ обнародованъ 23-го мая, и Англія получила свой законъ о подозрительныхъ ²⁾.

У нея была и своя Вандея, гдѣ огонь продолжалъ тлѣть подъ пепломъ—Ирландія. Неразрѣшимая ирландская задача, національная, аграрная и вѣроисповѣдная ставилась и въ то время, какъ и всякій разъ, какъ только возникалъ въ Европѣ и Англіи кризисъ, волновавшій національныя чувства, потрясавшій интересы и затрогивавшій католическія страсти. Французская революція упразднила сеньориальный строй, превратила фермера въ собственника; она сдѣлала изъ этой соціальной реформы общечеловѣческое право; она возвѣщала справедливость и провозглашала независимость народовъ. Теперь она открыто готовила диверсію въ Ирландіи. Ирландцы не заботились о томъ, что дѣлали республиканцы во Франціи съ политической свободой, съ свободой гражданской и религіозной; они думали лишь о томъ, что они сами сдѣлали бы изъ свободы въ Ирландіи, если бы имъ удалось вновь завоевать ее при содѣйствіи республиканцевъ. Въ 1792 г. ирландцы находились еще въ положеніи только что завоеваннаго народа; они несли государственныя повинности и не пользовались никакими государственными правами; отправленіе богослуженія по католическому обряду было запрещено, и имѣнія ихъ духовенства шли на содержаніе еретической церкви; мелкій собственникъ былъ ограбленъ англійскимъ аристократомъ и низведенъ на ступень угнетаемаго фермера; наконецъ, интдиктъ тяготѣлъ на самой національности ирландцевъ. Питтъ понималъ, что въ борьбѣ противъ якобинцевъ ему необходимо будетъ заручиться союзомъ съ ирландскими католиками, а для того, чтобы сдѣлать ихъ союзниками, онъ постарался превратить ихъ въ гражданъ. Въ 1792 же г. онъ до нѣкоторой степени избавилъ ихъ отъ гражданской неправопоспособности, по вопросу о воспитаніи дѣтей и наслѣдованіи имуществомъ. Въ 1793 г. онъ позволилъ имъ подавать голоса за кандидатовъ въ парламентъ, не принося однако присяги въ вѣрности. Онъ допустилъ ихъ къ запрещеннымъ для нихъ профессіямъ. Это было пресловутое «сглаживаніе неудовольствій въ пользу ирландскихъ католиковъ». Мѣра эта была такъ же разумна, какъ и эдиктъ Людовика XVI, которымъ освобождались реформаты отъ весьма сходнаго съ ирландскимъ режимомъ, введеннаго Людовикомъ XIV и XV.

Но реформа въ Ирландіи явилась уже запоздалой. Броженіе проникло слишкомъ глубоко и было слишкомъ закоренѣлымъ; страданія длились изъ

²⁾ ERSKINE MAY, II, 41, 160.—STANHOPE, *William Pitt*.

давна, желаніе независимости было слишкомъ пылкимъ и общимъ для того, чтобы самое смягченіе англійскаго ига не усилило волненій. Образовавшійся тогда «Ирландскій Союзъ» требовалъ полнаго освобожденія, завязалъ сношенія съ Франціей и путемъ заговоровъ стремился къ политической инсurreкціи по соглашенію съ иностранцами. Древній духъ независимости, преданность стариннымъ обычаямъ и церкви лежали въ основѣ возмущенія въ Ирландіи, какъ и въ Вандеѣ. Ирландецъ вооружался противъ англійской аристократіи и Палаты лордовъ, такъ же какъ вандеецъ возставалъ противъ республики и Конвента. Священникъ былъ естественнымъ союзникомъ и руководителемъ крестьянина, онъ олицетворялъ собою угнетеніе всѣхъ. Какъ и въ Вандеѣ, къ религіозному бунту присоединился бунтъ на подобіе жакеріи, закваска котораго всегда готова въ средѣ нуждающагося населенія: грабительскія шайки, вольница, контрабандисты, эти вѣчныя враги собственниковъ, какъ бы они ни назывались, анархическій мятежъ, неизбежно сопровождающій національныя инсurreкціи. Англичане скоро отказались отъ мысли примирить съ собою ирландцевъ и стали думать единственно объ ихъ усмирении тѣми же средствами, которыми и Конвентъ усмирять Вандею ³⁾.

Какова бы ни была цѣль борьбы, была ли то война политическая или война за преобладаніе, Питтъ велъ Англію, и всѣ классы ея населенія группировались вокругъ него. Онъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ національныя силы королевства и все, что онъ дѣлалъ для государства, содѣйствовало укрѣпленію его собственной власти, потому что эта власть имѣла источникомъ волю націи, союзъ интересовъ, вѣрованій и страстей. Такимъ-то образомъ произошло то, что, по выраженію Маколей, Питтъ «сдѣлался самымъ могущественнымъ гражданиномъ въ Европѣ именно вслѣдствіе игры отношеній тѣхъ учреждений, которыя онъ защищалъ. Всю свою силу онъ извлекалъ изъ англійской націи: онъ управлялъ парламентомъ посредствомъ общественнаго мнѣнія; но его престижъ останавливался на той границѣ, гдѣ кончалась юрисдикція Палаты общинъ. Онъ говорилъ съ англичанами тѣмъ языкомъ, который они хотѣли слушать, и Англія была въ его рукахъ. Но къ Европѣ онъ обращался на языкъ, чуждомъ европейскимъ канцлерствамъ, и Европа ускользала отъ его вліянія.

Исторія этихъ лѣтъ полна его безсильныхъ попытокъ связать то, что само собою разъединилось въ его рукахъ. Онъ не успѣвалъ, какъ по недостатку гениальности, такъ и вслѣдствіе хрупкости тѣхъ элементовъ, которые онъ пытался заставить дѣйствовать. Питтъ во главѣ европейской

³⁾ GREEN, *Histoire du peuple anglais*, tr. Monod, Paris, 1888, t. II.—FRANCIS DE PRESSENSÉ, *L'Irlande et l'Angleterre*, Paris, 1889. D'ARBOIS DE JUBAINVILLE, *Revue critique*, 1890, p. 285.

лиги оставался великимъ англійскимъ парламентаристомъ; Вильгельмъ III и на англійскомъ престолѣ оставался великимъ европейскимъ лигеромъ. Дѣло Питта было вполне національнымъ, англійскимъ дѣломъ; вотъ почему оно было такъ опасно для республики; но по той же причинѣ Европа не при-
мыкала къ нему. Въ Питтѣ не было ничего соотвѣтствующаго типу того президента комитета европейской обороны, котораго Малле дю Панъ желалъ коалиции. Но если бы онъ обладалъ такимъ характеромъ и такимъ замысломъ, то весьма сомнительно, чтобы его поняла Англія, а Европа, безъ сомнѣнія, не послѣдовала бы за нимъ. Нуженъ былъ пятнадцатилѣтній опытъ прежде, чѣмъ эту роль взялъ на себя Веллингтонъ. Но и тогда, когда Веллингтонъ началъ свое предпріятіе, Европа нашла его безумнымъ, а Англія—обвинила великаго англичанина.

Питту, слѣдовательно, приходилось довольствоваться старыми дипломатическими средствами: высокомеріемъ и завоеваніями; но алчность союзниковъ ставила ему болѣе преградъ, чѣмъ доставляла ресурсовъ. Основной парадоксъ борьбы между Франціей и Англіей истекалъ, такимъ образомъ, изъ самыхъ условій борьбы. Франція могла восторжествовать, лишь завоевавъ Англію, но послѣдняя была для нея недоступной. Англія могла побѣдить Францію не иначе, какъ вторгнувшись въ ея предѣлы; но это могло быть совершенно только при помощи армій континентальныхъ державъ; становясь же на континентальную почву, она теряла увѣренность въ своихъ силахъ и погружалась, такъ сказать, въ зыбучіе пески.

ГЛАВА II.

Польская инсurreкція.

1794.

I.

Съ конца ноября 1793 г. въ Берлинѣ находился чрезвычайный посолъ, лордъ Мальмсбери. Миссія его заключалась въ томъ, чтобы удержать пруссаковъ въ коалиціи и усиливать вражду къ республикѣ. Выборъ былъ удаченъ, такъ какъ Мальмсбери весьма враждебно относился къ Франціи и по своему происхожденію, и по темпераменту, и по карьерѣ. Онъ достаточно доказалъ это въ голландскихъ дѣлахъ. Въ запискѣ, составленной имъ еще въ 1785 г., читаемъ: «Восемнадцатилѣтній опытъ научилъ меня принимать во всей ея силѣ истину, которую Джонъ Буль всасываетъ съ молокомъ матери: Франція—нашъ естественный врагъ, она останется имъ до тѣхъ поръ, пока зависть и соперничество будутъ свойствами, присущими человѣку». Такое-то воззрѣніе повезъ Мальмсбери въ Пруссію. Онъ полагалъ, что для прусскаго правительства деньги стоятъ на первомъ планѣ и готовъ былъ платить, смотря на такого рода субсидіи какъ на авансъ, который будетъ уплаченъ банкирамъ по заключеніи мира: «Для этого, — говорилъ онъ, — должна быть заложена вся Франція» ¹⁾. Конечно онъ предпочелъ бы, чтобы этотъ авансъ сдѣланъ былъ Австріей, но Гаугвицъ рѣшительно объявилъ ему: не будетъ денегъ, не будетъ и пруссаковъ!

Въ Берлинѣ прошелъ слухъ, что вѣнскій дворъ ищетъ мира и что кельнскій курфиреть уже приступилъ къ переговорамъ съ эмиссарами Конвента. 9-го января 1794 г. прусскіе министры заявили посланному императора Лербаху, что если ранѣе 31-го числа не будутъ получены тѣ 22 милліона талеровъ, которыхъ требовалъ король, онъ увидитъ себя вынужденнымъ отозвать «большую часть своей арміи». Мальмсбери вышелъ изъ себя: «да спросите у нихъ», — сказалъ онъ австрійцу, — «не санкюлоты ли они, не якобинцы ли»? Они были истыми пруссаками—не болѣе и думали исключительно объ округленіи своихъ границъ и наполненіи своей казны.

Тутутъ былъ въ своемъ родѣ такимъ же добрымъ австрійцемъ, какъ его берлинскіе коллеги были добрыми пруссаками. Онъ вознегодовалъ, открывъ у другихъ собственныя заднія мысли; онъ угадывалъ ихъ съвозъ

¹⁾ ZEISSBERG, IV, 11. —PIERRE DE WITT, *Une invasion prussienne en Hollande.*

маску Луккезини, присланного въ Вѣну Фридрихомъ-Вильгельмомъ и, какъ то всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, судилъ о нихъ съ крайнею строгостью. «Это,—говорилъ онъ о берлинскомъ дворѣ,—коварный дворъ, не желающій, чтобы свѣтъ проникалъ въ его темную политику». Общественное мнѣніе обвиняло пруссаковъ въ самыхъ черныхъ козняхъ. «Да хранить намъ Богъ нашего дорогого Франца,—писалъ Вурмзеръ;—если бы мы имѣли несчастье потерять его, они завладѣли бы и императорскою короною; отъ однихъ рѣчей ихъ морозъ подирастъ по кожѣ». Не болѣе довѣрія высказывалъ и Мерси: «Пруссія только разстроила первую кампанію и испортила вторую; не лучше пойдетъ дѣло съ третьей». Тугутъ велѣлъ отвѣтить въ Берлинъ, что Австрія истощена и ничего не можетъ дать. А чтобы не оставить въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія, онъ самъ попросилъ субсидій у Англіи. Затѣмъ онъ обратился къ третейскому суду Россіи; онъ настоятельно убѣждалъ императрицу успокоить Австрію и сдѣлать на прусской границѣ военныя демонстраціи, которыя вернули бы Фридриха-Вильгельма на путь истины. Главнымъ же образомъ настаивалъ онъ на ожидаемыхъ Австріей территоріальныхъ вознагражденіяхъ: они дали бы мѣру добраго расположенія Россіи и служили бы обезпеченіемъ для Австріи. Императоръ, писалъ онъ Кобенцелю отъ 18-го декабря 1793 г., расположенъ дать свое согласіе на раздѣлъ 23-го января; но онъ находитъ, что король долженъ гарантировать ему во Франціи приобрѣтенія, равныя тѣмъ, которыя доставляются этимъ трактатомъ Пруссіи въ Польшѣ. Обширность этихъ завоеваній будетъ зависѣть отъ успѣха предстоящей кампаніи. Тѣмъ не менѣе, императоръ полагаетъ, что «уже и теперь» въ видахъ вознагражденія, пропорціональнаго прибрѣтеніямъ державъ-участницъ въ раздѣлѣ Польши, его владѣнія должны быть расширены въ сторону Нидерландовъ до Соммы, а отъ «источковъ этой рѣки, граница должна идти прямою линіей къ Седану или Мезьеру на Маасъ и что теченіе сей послѣдней рѣки должно стать границею между прибрѣтеніями его величества и Германіей». Между тѣмъ, эти прибрѣтенія остаются гадательными, такъ какъ «сила сопротивленія растетъ по мѣрѣ продленія войны». Прусскій король отзываетъ свои войска; есть даже основаніе опасаться, что онъ «пойдетъ далѣе въ своемъ тайномъ соумышленіи съ общимъ врагомъ, желая быть вершителемъ мира и судьбою условій его заключенія». Въ видахъ предупрежденія такихъ коварныхъ замысловъ, императоръ проситъ русскую императрицу выставить на западно-прусскую границу 80 или 100.000 солдатъ и распространить на Пруссію *casus foederis* трактата 14-го іюля 1792 г., обязующаго Россію и Австрію взаимно защищаться противъ Турціи.

Екатерина ждала этихъ намековъ. Рѣчи, которыя вели пруссаки при ея дворѣ, не содѣйствовали ея успокоенію. «Не слѣдуетъ себя обманывать»,

говорилъ Гольцъ Маркову, «наши войска дерутся съ французами только изъ чувства повинновенія; но есть другіе враги, съ которыми они стали бы драться съ радостью, какъ тигры». Императрица ничего лучшаго не желала, какъ проучить этихъ становившихся нестерпимыми пруссаковъ; но она имѣла намѣреніе дать имъ этотъ урокъ на счетъ Турціи, которую подозрѣвала въ соумышленіи съ ними и тайномъ сочувствіи якобинцамъ. Раздавить революцію въ Константинополѣ, подавивъ ее въ Польшѣ, это входило въ ея намѣренія; Австрія давала предлогъ, Екатерина самымъ обязательнымъ образомъ отвѣчала на заявленія Тугута; но она предоставила себѣ самой изысканіе способовъ вмѣшательства. Она объявила, что флотъ ея будетъ вооруженъ къ веснѣ; она послала Суворова въ Крымъ и назначила Салтыкова главнокомандующимъ обсервационной арміи, имѣвшей наблюдать за Турціей. «Наша истинная задача,—сказалъ Зубовъ Кобенцелю,—заключается въ томъ, чтобы сдерживать пруссаковъ, турокъ и шведовъ». Императрица согласна была даже на то, чтобы Австрія секуляризовала нѣкоторые германскія епископства и аббатства, чтобы она расчленила Венецію, раздѣлила Турцію и самую Францію, однимъ словомъ, все, за исключеніемъ Польши. Только по этой статьѣ Марковъ оставался неприступнымъ. На требованія, выражаемыя Кобенцелемъ, онъ постоянно давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: за исключеніемъ Польши «нѣтъ такого плана расширенія вашихъ предѣловъ, которому мы не пожелали бы содѣйствовать всеми зависящими отъ насъ силами».

Онъ указывалъ австрійцамъ на письма Іосифа въ 1782 г., то есть на великій греческій проектъ и пресловутое устройство турецкаго наслѣдства, при которомъ Россія выиграла бы цѣлое государство. Австрія не могла ожидать, чтобы Россія послала свои войска къ Рейну. Англійскій посланникъ Уитвортъ рискнулъ намекнуть на такую просьбу и вызвалъ слѣдующій отвѣтъ Маркова: «Императрица слишкомъ дорожитъ славою русскаго оружія для того, чтобы послать на удачу небольшой корпусъ, успѣхи котораго безусловно зависѣли бы отъ мѣръ которыя приняла бы Англія».

Англія обратила тогда все свое вниманіе на германцевъ и постаралась, хотя бы изъ предосторожности, заинтересовать ихъ въ ихъ собственномъ дѣлѣ. 5-го февраля, Мальмсбери велѣно было предложить пруссакамъ субсидію въ два милліона фунтовъ стерлинговъ на содержаніе 100.000 арміи: Англія дала бы двѣ пятыхъ суммы; Австрія, Голландія и сама Пруссія, въ качествѣ союзницъ, дали бы остальные три пятыхъ. Когда Тугутъ узналъ объ этомъ предложеніи, онъ запротестовалъ. 100.000 человекъ, это, по его мнѣнію, было бы слишкомъ много пруссаковъ въ коалиціи. «Стоя во главѣ такой значительной массы своихъ войскъ, король захотѣлъ бы руководить всеми операціями кампаніи, противодѣйствовалъ бы планамъ и

успѣхамъ другихъ, не дѣлая самъ болѣе того, что нашелъ бы удобнымъ, и кончилъ бы тѣмъ, что сталъ бы диктовать условія при заключеніи мира». Въ случаѣ надобности онъ вошелъ бы въ соглашеніе съ французами, «условившись о взаимномъ бездѣйствіи»; съ приобретенными такимъ образомъ 100.000 солдатъ онъ набросился бы на Германію, которую завоевалъ бы безнаказанно, и на австрійскія владѣнія, которыя остались бы безъ всякой защиты противъ его «алчности и корыстолюбія». Австрія, прибавлялъ Тугутъ, получить отъ Пруссіи только ея имперскій контингентъ и тѣ 20.000 солдатъ, которые обѣщаны трактатомъ 1792 г. Пусть Англія, если у нея имѣются лишніе деньги, покупаетъ, если хочетъ, хоть тысячи пруссаковъ! Австрія одобритъ это, если пруссаки будутъ служить общему дѣлу. Но можно ли требовать, чтобы она сама содѣйствовала вооруженію соперницы, которая стремится лишь къ тому, чтобы унижить и погубить ее.

Пруссійскій король возразилъ на это 27-го февраля депешою, адресованною Луккезини: если Лербахъ не получилъ 16-го марта полномочія для заключенія конвенціи о субсидіяхъ, предложенныхъ лордомъ Мальмсебри, прусскія войска будутъ отозваны. Тугутъ не смутился этимъ. Онъ сказалъ себѣ, что прусскій король никогда не пойдетъ на такую мѣру, что этой измѣною онъ дискредитировалъ бы себя въ глазахъ имперіи, что онъ нуждается въ англійскихъ деньгахъ, что Англіи нужна прусская армія и что эти двѣ союзницы неизбѣжно придутъ къ соглашенію и помимо участія въ ихъ сдѣлкѣ самой Австріи. Австрія же воспользуется ею, не открывая кошелька. Расчетъ былъ вѣренъ. Пруссійскій король предложилъ англичанамъ оставить на Рейнѣ обѣщанныя Австріи трактатомъ 1792 г. 20.000 войска и держать на Везелѣ, при помощи англійской и голландской субсидій, 50.000 солдатъ, которые защищали бы Голландію и, въ случаѣ необходимости, нанесли бы рѣшающій ударъ въ Нидерландахъ. Англичане въ принципѣ приняли такую сдѣлку. Въ серединѣ марта, Гаутвицъ и Мальмсебри отправились въ Гагу для переговоровъ о трактатѣ съ республикою Соединенныхъ Провинцій. Пруссійскій король объявилъ, что вскорѣ отправится къ своимъ войскамъ, чтобы встать въ ихъ главѣ.

Въ то же время Францъ, извѣщенный о томъ, что комитетъ Общественнаго спасенія направилъ на Нидерланды всѣ усилія предстоящей кампаніи, рѣшилъ ѣхать туда для обезпеченія единства командованія. Онъ выѣхалъ изъ Вѣны 30-го марта. Тугутъ однако же далеко не успокоился. Онъ опасался, что вооруженія Екатерины могутъ вызвать со стороны Турціи какую-нибудь неосторожность, которая дала бы Россіи предлогъ напасть на нее. Подтверждая такимъ образомъ расчетъ, сдѣланный французскими дипломатами еще въ самомъ началѣ кампаніи, онъ видѣлъ въ Восточной войнѣ диверсію, которая могла быть весьма опасной для союзниковъ.

«Примите во вниманіе,—говорилъ Кобенцель Маркову,—что въ настоящую минуту война между вами и Портой повлекла бы за собою ускоренный и невыгодный миръ съ злодѣями французами». Диверсія пришла съ другой стороны; но она повлекла за собою всѣ послѣдствія, которыхъ боялся Тугутъ. 29-го марта, наканунѣ отъѣзда Франца, въ Вѣнѣ получено было извѣстіе о серьезномъ волненіи въ Польшѣ. Несмотря на то императоръ пустился въ путь. Однако Тугутъ нашелъ благоразумнымъ пріостановить подкрѣпленія, шедшія къ рейнской арміи. Поляки еще разъ предотвратили отъ Франціи ударъ, который готова была нанести ей коалиція.

II.

Императрица заставила 16-го октября 1793 г. Гродненскій сеймъ принять договоръ, именовавшійся союзнымъ. Это было, въ сущности, признаніе вассальныхъ отношеній, которыя отдавали въ ея распоряженіе то, что еще оставалось отъ Рѣчи Посполитой. Русская армія въ 40.000 человекъ осталась въ странѣ, подъ начальствомъ Игельстрема. Русскій посолъ Сиверсъ, который однакоже доказалъ свое усердіе въ дѣлѣ воздѣйствія на сеймъ, былъ заподозрѣнъ въ умѣренности и излишней снисходительности. Игельстромъ такую умѣренностью не отличался. Въ его рукахъ сосредоточена была вся власть, и онъ наложилъ суровую руку на Польшу. Екатерина желала, чтобы Рѣчь Посполитая кончила-бы самоубійствомъ. Сеймъ началъ съ вѣроломства и кончилъ ренегатствомъ. 23-го ноября 1793 г. онъ вотировалъ слѣдующій декретъ:

«Дабы не оставить потомству слѣдовъ очереднаго сейма, открывшагося въ 1788 г. и превратившагося затѣмъ въ революціонный сеймъ 3-го мая 1791 г., объявляемъ со всеобщаго согласія собравшихся сословій этотъ сеймъ «недѣйствительнымъ». Гродненскій сеймъ расчленилъ Польшу; то, что осталось отъ нея, было отдано имъ во власть анархіи: онъ свершилъ свое дѣло и разошелся.

Польская армія насчитывала около 30.000 человекъ: имъ предстояло распушеніе, то есть нищета или причисленіе къ русскимъ войскамъ, на что большинство этихъ поляковъ смотрѣло какъ на величайшее несчастье. Эта армія сдѣлалась очагомъ недовольства. Она доставляла кадры для заговоровъ, пока не доставила ихъ и для инсurreкцій. И тѣ и другія были неизбѣжны. Русскіе, поработивъ Польшу, казалось, рѣшились довести ее до отчаянія. Это былъ общій режимъ завоевателей, режимъ врага въ военномъ, религіозномъ и національномъ отношеніи, и онъ служилъ на пользу польской аристократической партіи, угодливой, корыстной и высокомѣрной. Польша представила то зрѣлище, которое мы видѣли бы во Франціи, если-

бы самые рьяные из эмигрантов добились, при помощи прусских, австрийских и русских штыков, возстановить среди расчлененного государства предмет их мечтаний — униженную монархию старого порядка. Король Стапислав-Август, забыв о мужестве и собственном достоинстве, служил секретарем русскому командиру. Владѣльцы были разорены реквизициями, грабежом, запущением земель, банкротствами банков. Ко всему этому прибавлялась военная оккупация. «Невозможно представить себя,—писал один русский в мае 1794 г.—чтобы сдѣлались солдаты и офицеры; эти люди превратились в каких-то разбойников с большой дороги. В Варшавѣ отнимали жен у мужей и дочерей у отцов, причем потерпѣвшіе лишены были права приносить жалобы. Крестьяне были разорены, доведены до отчаяннаго положенія, а с дворянами поступали еще хуже, чѣмъ с их рабами» ¹⁾. Страданія были такъ велики, что духъ мятежа овладѣлъ даже низшими слоями населенія, остававшимися до сихъ поръ равнодушными къ распрямъ иностранцевъ съ угнетавшими ихъ собственными господами. Произошло сближеніе между патріотами. Образовались тайныя общества. Вскорѣ ихъ насчитывалось уже семьсотъ, обнимавшихъ собою десять тысячъ участниковъ. Всѣ признавали своимъ главою шляхтича, подвергшагося изгнанію за свою преданность національному дѣлу—Костюшко ²⁾.

Онъ удалился въ Лейпцигъ. Отсюда съ тоскою слѣдилъ онъ за приготовлениями къ возстанію; онъ пытался сосредоточить нити, задержать начало инсurreкціи и доставать помощь, безъ которой эта послѣдняя попытка была бы актомъ безумія. Костюшко былъ человѣкомъ возвышенной души, мужественнымъ и безкорыстнымъ. Какъ политикъ, онъ обладалъ среднимъ уровнемъ дарованій: вѣрнымъ взглядомъ, пониманіемъ даннаго положенія; способенъ былъ къ героизму, но мало способенъ къ расчету, къ тѣмъ смѣлымъ рѣшеніямъ, которыя приходится принимать главѣ партіи и вождю междоусобной войны. Онъ во многомъ напоминалъ Лафайета, вмѣстѣ съ которымъ сражался въ Америкѣ, но ничѣмъ не походилъ на какого-нибудь Дантона или Шаретта, иначе говоря, въ немъ не было того, что увлекаетъ городскихъ революціонныхъ плебеевъ или фанатизируетъ деревенскихъ инсургентовъ. Онъ разсуждалъ о предпріятіи, которому рѣ-

¹⁾ Растопчинъ, *Архивъ князя Воронцова*.

²⁾ Архивъ французскаго министер. иностран. дѣлъ: *Corresp. de Pologne*, меморій, озаглавленный: *Histoire de la dernière révolution de Pologne et de nos relations avec les polonais, nivôse*, an. III.—*Précis de ce qui s'est passé relativement à la Pologne, germinal*, an. II, par REINHARD.—*Tableau général de la Pologne*, par PARANDIER, *vendémiaire*, an. III. *Lettres de Parandier*.—FERRAND, liv. XIII. SYBEL, liv. IX, ch. III, tr. fr. liv. X, ch. I.—Делевель, *Исторія Польши*.

шился пожертвовать жизнью, какъ разумный человѣкъ и добрый гражданинъ. Онъ находилъ, что революція можетъ имѣть успѣхъ только тогда, когда будетъ общей и національной. Ему была желательна болѣе продолжительная ея подготовка. Онъ видѣлъ, что дворянство, хотя и недовольное, пугалось мысли о вооруженіи крестьянъ и о поднятій ихъ обща-ніями реформъ. Онъ понималъ, что эти угнетенные крестьяне слишкомъ затуплены рабствомъ для того, чтобы быть способнымъ на что-либо, кромѣ бунта жакеріи. Самъ же онъ опасался бунтовъ этого рода. Еще болѣе опасался онъ анархической городской черни. Серьезныя надежды возлагалъ онъ только на войско и шляхту. Не будучи въ состояніи обойтись безъ субсидій, онъ просилъ ихъ у Франціи. Онъ ждалъ отъ нея также и большой рѣшающей диверсіи, которая, удержавъ на Рейнѣ Австрію и Пруссію и направивъ Россію на Востокъ, освободила бы занятые части Польши и позволила бы патріотамъ возстановить Польшу. Успѣхи французскаго оружія въ концѣ 1793 г. придали ему мужества. Секретный агентъ республики въ Саксоніи, Парандье, часто видался съ нимъ; онъ поддерживалъ его надежды и говорилъ о скоромъ открытіи турецкой кампаніи. Письмо за письмомъ посылалъ онъ въ Парижъ, надѣясь на полученіе денегъ и оружія. Онъ указывалъ на важное значеніе для республики событія, которое имъ готовилось. Вслѣдствіе его настояній, Дефоржъ разрѣшилъ ему пріѣхать въ Парижъ и привезти съ собою поляка Бареса, друга и повѣреннаго Костюшки.

Они пріѣхали въ началѣ февраля; но всѣ ихъ старанія оказались тщетными. «Польскіе патріоты,—говорилъ Парандье въ одной изъ записокъ, періодически представляемыхъ имъ Дефоржу,—обращаясь къ французской республикѣ, лояльностью своихъ чувствъ заслуживаютъ получить то, чего добились въ былое время американцы отъ версальскихъ деспотовъ».—«Республика,—читаемъ мы въ замѣткахъ, написанныхъ въ отвѣтъ на эти записки,—не можетъ дѣйствительнымъ образомъ поддержать вооруженія поляковъ; поляки къ тому же не сознаютъ необходимости верховной власти народа; имъ не удастся возбудить инсurreкцію въ Россіи, въ виду настроенія ея солдатъ; инoteca староствъ и государственныхъ имуществъ, которую они предлагаютъ за просимый ими заемъ въ двѣнадцать милліоновъ, «слишкомъ неопредѣленна и мало обезпечена, чтобы возможно было на нее расчитывать».—Такъ прошла зима. Въ сущности, поляки на свой рискъ и страхъ служили дѣлу французской республики и для того, чтобы утилизировать ихъ не было надобности договариваться съ инсurreкціей, которая совершалась не по французскимъ принципамъ. Карно имѣлъ возможность воспользоваться ею для своихъ стратегическихъ соображеній, и неподкупность Робеспьера не компрометировалась. «Наше молчаніе,—го-

ворить одинъ французскій агентъ, — нисколько не измѣнило принятыхъ рѣшеній». Въ Польшѣ все было взволновано, и случай заставилъ Костюшку открыть кампанію ранѣе, чѣмъ онъ того желалъ.

Игельстромъ велѣлъ постоянному Совѣту, бывшему орудіемъ всѣхъ его дѣяній въ Польшѣ, сократить составъ польской арміи до 9.000, а литовской до 6.000. Костюшко увидѣлъ, что приходится торопиться, если желаешь воспользоваться этимъ войскомъ, и что не слѣдуетъ упускать случай, который возбудитъ въ немъ недовольство. Бригада Мадалинскаго отказалась отъ распущенія. Этотъ генералъ двинулся на Краковъ съ 4.000 человекъ. Русскіе, бывшіе тамъ въ незначительномъ числѣ, очистили городъ. Костюшко прибылъ туда въ ночь 23-го марта. 24-го было объявлено возстаніе. Костюшко назначенъ былъ главнокомандующимъ. Онъ взялъ на себя образовать временное правительство, подъ именемъ Верховнаго Национальнаго Совѣта, и Верховный судъ. Затѣмъ имъ была объявлена война Россіи и Пруссіи и заявлено, что по освобожденіи Рѣчи Посполитой польскій народъ приметъ рѣшеніе относительно образа правленія. Костюшко призвалъ всю Польшу къ составленію конфедераціи. Движеніе весьма быстро овладѣло прилежащими къ Кракову воеводствами и дошло до только что завоеванныхъ Пруссіей провинцій. Такія-то извѣстія получены были въ Вѣнѣ 29-го марта.

III.

Костюшко собралъ небольшой 6.000 корпусъ солдатъ, къ которому присоединились вооруженные косами и пиками крестьяне. Они встрѣтили 4-го апрѣля авангардъ русской арміи при Рацлавицахъ и обратили его въ бѣгство. Игельстромъ, свирѣпый рубака, въ то же время былъ ограниченнымъ и распущеннымъ человекомъ. Онъ задавалъ пиры въ Варшавѣ. Поляки посѣщали ихъ, чтобы отвлечь его вниманіе. Въ заговорѣ приняли участіе и нѣкоторыя польскія женщины. Игельстромъ льстилъ себя надеждою, что ему удалось обуздать и очаровать польское дворянство. Но въ одно прекрасное утро онъ проснулся и увидѣлъ себя окруженнымъ вооруженнымъ народомъ. Несмотря на то, что въ Варшавѣ онъ располагалъ отъ 7 до 8.000 русскихъ солдатъ и пушками, онъ потерялъ голову и не принялъ никакихъ мѣръ. Польскіе солдаты, находившіеся въ городскихъ казармахъ, взбунтовались 17-го апрѣля; ихъ поддержало городское населеніе. Дрались на улицахъ. Русскіе потеряли 2.000 убитыми, 2.000 было взято въ плѣнъ. Остальные выступили изъ города 19-го апрѣля. Русскія войска принадлежали къ числу лучшихъ войскъ Екатерины. Справиться съ ними было потруднѣе, чѣмъ съ инвалидами, охранявшими Бастилію, или

швейцарцами, приставленными къ Тюильрійскому дворцу. Вильна посаждовала примѣру Варшавы. Русскіе покинули городъ 23-го апрѣля.

Тогда выступили на сцену всѣ естественныя послѣдствія торжества черни и всѣ революціонныя дѣйствія, введенныя въ моду французами. Варшавская чернь грабила дома магнатовъ, принадлежавшихъ къ русской партіи, грозила вообще аристократическимъ домамъ, задерживала дворянъ и повѣсила генерала Коссаковского, одного изъ подписавшихъ Торговицкую конфедерацію. Назначенъ былъ судъ, для ограниченія этой мести. Подозрительныхъ лицъ арестовывали для того, чтобы избавить ихъ отъ народнаго негодованія, а 9-го мая было казнено четыре магната, въ видахъ удовлетворенія гнѣва побѣдителей. Мокановскій, котораго инсургенты назначили губернаторомъ города, водворилъ нѣкоторый порядокъ въ Варшавѣ и занялся организаціей обороны.

Нетрудно было подражать излишествамъ французской революціи. Для этого полякамъ стоило только отдаться влеченію своихъ страстей. Болѣе трудно было воспроизвести энергію французскихъ патріотовъ. Для этого имъ нужно было бы имѣть то, чѣмъ обладали эти патріоты: національнымъ единствомъ, основаннымъ вѣками монархическаго правленія, восторженнымъ чувствомъ своихъ правъ и величія своей страны, государственнымъ инстинктомъ, рвеніемъ къ социальному равенству и правами гражданской свободы. Этихъ ферментовъ не существовало въ Польшѣ; существенный элементъ плодотворныхъ революцій, національность, оставался безплоднымъ, потому что народъ не представлялъ сплоченнаго цѣлаго. Гражданская свобода оставалась мертвою буквою тамъ, гдѣ собственность не распространялась на весь народъ. Въ Польшѣ не было никакой связи между интересами разныхъ сословій, не было чувства общаго достоинства, вѣры, гордости даже, которыя такъ крѣпко связывали французовъ съ ихъ революціей. Не было и ничего подобнаго тѣмъ традиціямъ, которыя побуждали вандейцевъ ставить во главѣ своихъ бандъ своихъ же помѣщиковъ. Наконецъ, главный двигатель — національная независимость — все преодолевавшій во Франціи, не затрогивалъ болѣе глубокихъ слоевъ польскаго народа. Патріотизмъ въ Польшѣ еще оставался привилегіей аристократіи. Нѣкоторое количество крестьянъ было увлечено революціей, но такъ какъ ихъ воодушевляла ненависть къ польскимъ магнатамъ столько же, какъ и ненависть къ русскимъ, то они внушали страхъ и оттолкнули многихъ дворянъ отъ революціи. Громадное большинство крѣпостныхъ осталось безучастнымъ. Успѣхъ инсurreкціи отличался быстротою, но онъ внезапно и остановился. Все весьма скоро сведено было къ условіямъ средневѣковыхъ возстаній, то есть къ уровню польскихъ правовъ. То, что происходило въ Польшѣ, напоминало не столько французскую революцію 1794 г., сколько

французскія возстанія временъ Столѣтней войны, когда партіи раздирали другъ друга въ городахъ, демагогія съ звѣрскимъ остервенѣніемъ бросалась на приступъ, какъ только ослабѣвала узда, когда сражались только доблестное и легкомысленное дворянство, безпокойные горожане, городскія милиціи, проникнутыя недовѣріемъ или подверженныя паникѣ, между тѣмъ какъ феодалы строили козни другъ противъ друга, вели интриги съ самимъ непріятелемъ, предпочитали иностранное господство, обеспечивавшее ихъ преимущества, національной независимости, купленной цѣною народнои эманципации, и были единодушны только по отношенію къ жакеріямъ, болѣе страшнымъ для нихъ, чѣмъ завоеваніе иностранцевъ.

Станиславъ-Августъ съ такою же угодливостью отнесся къ мятежу своихъ согражданъ, съ какою покорился и расчлененію своего отечества. Костюшко сосредоточивалъ въ лицѣ своемъ все государство и въ душѣ своей—всю Польшу. Высокаго роста, съ строгими чертами лица, быстрыми движеніями, несмотря на мучившую его подагру, великодушный и щедрый, славлюбивый и безкорыстный, любившій народъ и популярный, этотъ польскій герой имѣлъ двухъ сподвижниковъ, изъ которыхъ каждый представлялъ собою одну изъ сторонъ своего народа и одно изъ свойствъ революціи, которою они пытались руководить. И тотъ и другой предназначались къ духовному поприщу, и въ этомъ виднѣлось знаменіе времени. Оба сохранили семинарскій отпечатокъ; изученіе богословія дѣлало изъ перваго мистика, изъ втораго—фанатика. Игнатій Потоцкій, аристократъ по рожденію, долго жилъ въ Римѣ; онъ отличался кротостью нрава, привѣтливостью, обаятельностью. Воображеніе его было подвижно, по характеръ не особенно твердъ; недовѣрчивый къ самому себѣ, онъ обладалъ обширными знаніями, возвышенными и гуманитарными стремленіями и съ энтузіазмомъ относился къ *правамъ человека*;—это былъ, такъ сказать, польскій жироидистъ. Коллонтай вышелъ изъ народа, собственной энергіей пробилъ себѣ дорогу и сдѣлался даже ректоромъ краковскаго университета. Духовенство видѣло въ немъ атеиста; его считали подкупнымъ, онъ былъ грубъ въ обхожденіи, грубъ по своимъ нравственнымъ правиламъ, ничего не зналъ о Европѣ, но хорошо зналъ Польшу и полагалъ, что ее можно вывести изъ оцѣпенѣнія не иначе, какъ просками и насильственными мѣрами. Коллонтай являлъ собою нѣчто въ родѣ польскаго монтаньяра. Костюшко послалъ ихъ обоихъ въ Варшаву. Они пріѣхали туда 18-го мая и учредили 30-го Верховный Совѣтъ, состоявшій изъ восьми совѣтниковъ: Коллонтай взялъ себѣ финансовое вѣдомство, а Потоцкій—иностранныя дѣла.

Костюшко остался при войскахъ; но войско не росло. Онъ съ трудомъ собралъ 17.000 человекъ, къ тому же плохо вооруженныхъ: этого было недостаточно. Но онъ не рассчитывалъ на большее. Если бы онъ обѣщаль

землю крестьянамъ, дворяне стали бы упрекать его за сѣянiе смуты въ странѣ и за собственное разореніе. Онъ попытался завязать переговоры съ Вѣпой и добиться нейтралитета Австріи. Ему приходилось падать австрійскій дворъ и потому становилось невозможнымъ открыто сноситься съ комитетомъ Общественнаго спасенія. Барессъ былъ однако уполномоченъ вести тайные переговоры о субсидіи, которую доставила бы Франція, и о диверсін, которую произвели бы турки.

Екатерина отразила ударъ. Пораженіе русскихъ войскъ въ Польшѣ было для нея тяжело, но она не стала терять времени на выраженіе безполезнаго гнѣва и показала, что если энергія ея въ дѣлахъ внутренняго управленія замѣтно ослабѣла, то дипломатическія дарованія сохранили прежнюю гибкость. «Что до нашей войны съ турками», писала она Гримму съ тѣмъ, чтобы онъ распространить содержаніе письма въ Германіи, «то ея не будетъ... развѣ только новыя шалости *проказницы* подадутъ къ тому поводъ и заставятъ турокъ начать войну. «Проказница»—это была возставшая Польша, польскіе патріоты. Нужно было предупредить эти «шалости» и ихъ послѣдствія; приходилось отозвать войска, сосредоточенныя на турецкой границѣ, и направить ихъ въ Польшу. Екатерина держала Австрію въ ожиданіи уже болѣе года: она рѣшилась теперь успокоить ее. Она написала Францу II, требуя поддержки, обѣщанной австро-русскимъ договоромъ; въ то же время она велѣла Остерману написать Голицыну: канцлеръ завѣрялъ о рвеніи своей государыни по отношенію къ австрійскимъ интересамъ. Однимъ словомъ, писалъ онъ, «не будетъ ничего установлено и рѣшено въ этомъ отношеніи иначе, какъ по дружественному и полному соглашенію съ вѣнскимъ императорскимъ дворомъ». Князю Нассау Зигенскому предписано было побуждать прусскаго короля къ энергическому содѣйствію общему дѣлу: «не будемъ слѣдовать рутинѣ, не будемъ руководиться мелкимъ соперничествомъ», писала императрица. «Нуженъ общій и дружный союзъ противъ гидры, вооружившейся главнымъ образомъ противъ государей и законной власти».

Фридрихъ-Вильгельмъ не нуждался, впрочемъ, въ поощреніи. Уже 7-го апрѣля Луккезини объявилъ ему о возстаніи въ Польшѣ. Этотъ итальянецъ обладалъ весьма тонкимъ чутьемъ въ дѣлѣ раздѣловъ. Съ своею фридриховскою логикой онъ вывелъ всѣ послѣдствія событія. Онъ указалъ своему государю на зависть, съ которою Австрія смотрѣла на прусскія пріобрѣтенія, на недовольство прусскою политикою со стороны Россіи, на готовность обѣихъ державъ къ соглашенію и обращенію противъ Пруссіи той самой игры, которую Пруссія сыграла въ 1793 г. вмѣстѣ съ Россіей во вредъ Австріи. Поляки возстали; ихъ усмирять, и Польша увидитъ послѣдній раздѣлъ; но дѣло въ томъ, что государство, которое подавить

возстаніе, получить возможность и продиктовать условия раздѣла. Фридрихъ-Вильгельмъ почувствовалъ мудрость этихъ рѣчей; онъ отложилъ свой отъѣздъ на войну и приказалъ Меллендорфу беречь рейнскую армію. Партія, стоявшая за миръ съ Франціей и вынужденная до тѣхъ поръ ограничиваться намеками, возвысила голосъ, понявъ, что сила вещей работаетъ въ пользу ея политики.

Тугутъ намѣревался держать своему государю такую же рѣчь, какую Луккезини повелъ съ прусскимъ королемъ. Онъ отправился въ Нидерланды. Предъ отъѣздомъ онъ написалъ Кобенцелю, 10-го апрѣля, что если новый раздѣлъ окажется неизбежнымъ, то императоръ постарается пріобрѣсти «приличную долю, которая способна была бы вознаградить за неудобства послѣдовательнаго расширенія Пруссіи»; что если прусскій король пошлетъ свои войска въ Польшу, императоръ введетъ туда же свои, и что если Россія не приведетъ въ порядокъ всѣ эти прусскія узурпаціи, то миръ съ Франціей можетъ оказаться необходимостью для вѣнскаго двора. Это имѣло бы мѣсто, напримѣръ, въ случаѣ объявленія войны Турціей. «Прусская алчность, — продолжалъ Тугутъ, — займется изысканіемъ новыхъ способовъ хищенія. Австрія, принужденная оказать тому сопротивленіе, увидѣла бы себя въ невозможности продолжать войну съ Франціей; пораженія или унижительныя для всѣхъ государей сдѣлки обезпечили бы торжество демократіи» ¹⁾.

Итакъ, въ одно и то же время совѣтники Франца II допускаютъ гипотезу мира съ Франціей, какъ единственное средство противодѣйствія вторженіямъ Пруссіи въ Польшу, а совѣтники Фридриха-Вильгельма смотрятъ на этотъ же миръ, какъ на условіе успѣха прусскихъ операцій противъ поляковъ. Едва завязанная вновь коалиція должна слѣдовательно еще разъ порваться. Заботы о польскихъ дѣлахъ еще разъ замедляютъ и разстраиваютъ всѣ ея движенія. Пруссакіи остановились было въ своемъ отступленіи къ Кельну и начали снова приливать къ Нидерландамъ; теперь они задерживаются на пути и ограничиваются наблюденіемъ за французами. Австрійцы также задерживаютъ подкрѣпленія, посланные въ Бельгію. Въ самой Бельгіи они дѣйствуютъ вяло, стараясь не столько о пораженіи непріятеля, сколько о сохраненіи своихъ силъ; они не слѣдятъ за врагомъ, такъ какъ заняты наблюденіемъ за пруссаками; движенія союзника тревожатъ ихъ еще болѣе, чѣмъ его бездѣйствіе. На эту-то неувѣренную въ себя и лишенную поддержки союзниковъ австрійскую армію дружнымъ натискомъ бросятся республиканскія войска, подкрѣпленные общимъ ополченіемъ 1793 г., воодушевленные успѣхомъ, руководимыя одною и весьма твердою

¹⁾ Hüffer, *Die Politik der deutschen Mächte*.

рукою, ведомыя пылкими, самоувѣренными и молодыми командирами. Это — вѣрная побѣда республики и неизбежное пораженіе коалиціи.

Болѣе того: сверхъ всякаго ожиданія эта война затянется надолго, измѣнитъ свой характеръ, поглотитъ Францію и Европу въ ту минуту, когда казалось, Франція достигла своей цѣли, независимости, а коалиція близка была къ удовлетворенію своей алчности. «Какимъ образомъ, — писалъ старый Мерси, — Франція или злодѣи, ею управляющіе, могутъ согласиться прекратить войну». Что же стали бы они дѣлать съ 800.000 солдатъ? Какъ сдерживать ихъ въ странѣ, не ища для нихъ занятія извнѣ? Какую пищу для ихъ беспокойнаго духа можно дать, кромѣ войны? Какое иное вознагражденіе, кромѣ грабежей и нашествій?.. Какъ задержать это быстрое движеніе, постоянно ускоряющееся въ теченіе четырехъ лѣтъ повидимому только для того, чтобы создать въ центрѣ Европы военную и завоевательную республику?» А Екатерина пишетъ въ февралѣ 1794 г.: «Если Франція выйдетъ изъ всего этого непобѣжденной, она будетъ болѣе мощной, чѣмъ когда-либо; она будетъ послушна какъ агнецъ, но ей нуженъ руководитель незаурядный, искусный, отважный, стоящій выше своихъ современниковъ, а можетъ быть, и выше своего вѣка; родился ли онъ, или нѣтъ?» ²⁾ Онъ родился, и террористы расчищали ему путь, нивелируя государство, сосредоточивая республику въ арміяхъ, дѣлая изъ войны идеаль революціи, изъ своего господства — извращеніе свободы и избивая другъ друга. Въ этомъ хаосѣ среди европейскихъ народовъ и правительствъ, таинственное притяженіе атомовъ глухо управляло движеніями массъ, и сила вещей увлекала всѣхъ: поляковъ она вела къ раздѣлу, коалицію — къ раздорамъ, а французовъ — къ военной диктатурѣ.

²⁾ Письмо къ Гримму.

ГЛАВА III.

Флерюсъ.

1794.

I.

Территория Франции была избавлена отъ непріятельскаго нашествія; роялистскія инсurreкціи были подавлены; вандейская армія—уничтожена. Людовикъ XVI и Марія Антуанета—казнены; ихъ дѣти—въ Тампльской тюрьмѣ; отъ принцевъ Европа отвернулась. Непокорное духовенство выслано или заключено въ тюрьмы; дворяне разорены, въ изгнаніи, или въ заточеніи; федералисты разсѣяны и побѣждены. Роланъ закололъ себя; Кондорсе отравился въ тюрьмѣ. Покорный народъ былъ поголовно вооруженъ; массовое ополченіе дало блестящій результатъ; разединенный и пришедшій въ уныніе непріятель глухо заговорилъ о мирѣ и, повидимому, ждалъ только образованія правительства во Франціи, чтобы точнѣе и громче заявить о желаніи приступить къ мирнымъ переговорамъ. Робеспьеръ ссылался на общественную безопасность и необходимость устрашенія, чтобы овладѣть властью, хотя именно общественное спасеніе требовало, чтобы онъ отъ нея отрекся, въ видахъ всеобщаго успокоенія. Повидимому, снова наступалъ часъ Дантона. Но Робеспьеръ и террористы имѣли въ виду не спасеніе государства, а поддержаніе собственной власти; средствомъ къ тому, по ихъ мнѣнію, было устраненіе умѣренныхъ, жалостливыхъ и политиковъ. Робеспьеръ рѣшился погубить Дантона именно потому, что Дантонъ казался ему способнымъ заключить миръ, положить конецъ террору и организовать республику. Однако ему приходилось уничтожить предварительно другихъ, болѣе опасныхъ соперниковъ, которые грозили его вліянію болѣе непосредственнымъ образомъ, а именно ту фракцію, которая содѣйствовала ему въ дѣлѣ подчиненія Конвента и намѣревалась теперь подчинить себѣ и комитетъ Общественнаго спасенія—фракцію эбертистовъ. Они доводили до крайности ученіе о личной свободѣ и матеріалистическое воззрѣніе, исповѣдывали атеизмъ и отличались крайнимъ фанатизмомъ. Къ числу ихъ принадлежалъ Каррье.

Пуританинъ-Робеспьеръ ненавидѣлъ Эбера, Шометта и все ихъ направленіе; риторъ и теоретикъ, онъ опасался и ненавидѣлъ также непосред-

ственную мощь, энергію дѣйствія, практическую изобрѣтательность, государственный смыслъ, которые отличали Дантона. Какъ эбертисты, такъ и дантониисты были опасны для его диктатуры; онъ рѣшился погубить однихъ посредствомъ другихъ. Онъ успѣлъ въ этомъ, и его тактика могла бы считаться верхомъ искусства, если бы она не была въ сущности дѣломъ самаго властнаго изъ инстинктовъ—инстинкта самосохраненія. Слѣдуя этому инстинкту, Робеспьеръ однако воображалъ, что онъ повинуется духу своего разума и выполняетъ какую-то миссію. Онъ ссылался на великіе мотивы своихъ поступковъ и доказывалъ ихъ справедливость въ тщательно обработанныхъ рѣчахъ. Въ дѣйствительности онъ заботился о собственномъ спасеніи, которое отождествлялъ со спасеніемъ республики, и стремился къ истребленію враговъ своихъ, объясняя это требованіемъ общечеловѣческаго блага. Онъ говорилъ все, что было необходимо для успѣха его желаній, въ которыхъ онъ не сознавался и самому себѣ и искренно вѣрилъ всему тому, что говорилъ. Онъ былъ первою жертвою обмана своей утопіи и своей реторики. Этотъ безпокойный и хитрый фанатикъ былъ бы въ сущности весьма посредственнымъ макіавелистомъ; въ немъ не было холоднаго расчета и холодной твердости какого-нибудь Борджиа, который обесуждалъ и согласовалъ все свои поступки, судилъ о нихъ съ такою же твердостью, съ какою и выполнялъ, видѣлъ въ своей душѣ такъ же зорко и ясно, какъ и въ чужой душѣ, избиралъ себѣ цѣль, шелъ къ ней прямо и приурочивалъ свои средства къ единой цѣли, то есть къ самому себѣ. Робеспьеръ же мыслилъ софизмами и шелъ впередъ окольными путями, направляясь къ призраку.

Дантонъ вернулся изъ Арен-сюръ-Объ полный «великодушной рѣшимости». Зрѣлище всякой лжи, жестокости, лицемерія и нелѣпости, которое ему пришлось увидѣть, возмутило и его патріотическое чувство, и его здравый смыслъ. Добродѣтель въ лицѣ Робеспьера показалась ему безобразной и ужасной. «Кто ненавидитъ пороки, тотъ ненавидитъ людей», повторялъ онъ древнее изреченіе, прославляя въ этихъ словахъ не пороки и распущенность, а жалость. Чѣмъ стала эта революція во имя свободы, которой онъ желалъ для блага Франціи, что сдѣлалъ изъ нея этотъ спартанскій карнавалъ, это воскрешеніе самой жестокой и узкой изъ древнихъ тиранній? Что случилось среди палачей и эшафотовъ, съ тѣмъ блескомъ и великолѣпіемъ, о которыхъ онъ мечталъ для республики? Довольно крови пролито съ сентября. Пора остановиться. Дантонъ высказалъ это 26-го ноября 1793 года.; онъ потребовалъ прекращенія «религіознаго маскарада» и обличалъ лжеслужителей невѣрія. «Народъ,—сказалъ онъ,—желаетъ... чтобы терроръ былъ направленъ къ своей истинной цѣли. Народъ не хочетъ, чтобы дрожалъ тотъ, кто служитъ родинѣ всѣми силами своими, какъ бы ни были слабы эти силы». Камиллъ Демуленъ послѣдовалъ за

Дантономъ; въ своемъ «*Старомъ Кордельеръ*» (Vieux Cordelier), онъ не отрекался отъ того, что высказывалъ ранѣе во «*Французскихъ и брабантскихъ революціяхъ*» (Révolutions de France et de Brabant), но онъ указывалъ на другую сторону дѣла. «Я убѣжденъ, — писалъ онъ 20-го декабря, — что свобода была бы утверждена и Европа побѣждена, если бы у васъ существовалъ комитетъ милосердія». Въ то время, какъ дантоисты смѣло и открыто нападали такимъ образомъ на эбертизмъ и терроръ, Эберъ нападалъ на Дантона и Камилля Демулена, какъ на новыхъ участниковъ вѣчнаго заговора аристократовъ.

Робеспьеръ желалъ продолженія войны, потому что только война съ ея опасностями, кризисами и глухимъ сопровожденіемъ заговоровъ могла оправдывать существованіе революціоннаго правительства. Вотъ почему 22-го января 1794 г. Бареръ, объявляя о полномъ освобожденіи восточной границы отъ непріятеля, прибавилъ: «Въ обыкновенныхъ войнахъ послѣ такихъ успѣховъ получился бы миръ. Войны королей были только кровавыми турнирами. Но войны за свободу имѣютъ цѣлю — истребленіе деспотовъ... Кто же осмѣлится заговорить о мирѣ? Аристократы, модерантисты, богатые, заговорщики, лже-патріоты... Миръ нуженъ монархіямъ; республики нуждаются лишь въ воинской энергіи».

Нѣсколько дней спустя, 1-го февраля, сообщая, что агентамъ республики были сдѣланы миролюбивые намекы, онъ восклицалъ: «Вы, тѣни Бриссо и павшихъ отъ руки правосудія федералистовъ! вы, значить, замѣнили ихъ измѣнническій духъ въ совѣтъ европейскихъ тирановъ!..» Это значило клеймить заранѣе дипломатію Дантона и его сторонниковъ именемъ питтскаго и кобургскаго заговора. Не называя никого, Сень-Жюсть указалъ 13 марта народной мести на двѣ фракціи, подкупленные иностранцами. Одна изъ нихъ должна была подорвать республику, другая — исказить. Конвентъ объявилъ измѣнниками отечеству членовъ обѣихъ фракцій и декретировалъ, что они будутъ преданы суду революціоннаго трибунала.

Разставивъ такимъ образомъ сѣти всѣмъ своимъ врагамъ, Робеспьеръ приступилъ къ нападенію и началъ съ эбертистовъ, принуждая тѣмъ Дантона если не къ содѣйствію, то по крайней мѣрѣ къ молчанію. 14-го марта письмо Конвенту отъ генеральнаго прокурора гильотины Фукье Тенвилля увѣдомляло объ арестованіи Эбера, Венсана, Ронсена, Моморо и Анахарсиса Клоотца. Они были казнены 24-го. Робеспьеръ очистилъ городской совѣтъ отъ неудобныхъ для себя элементовъ и пополнилъ его составъ по своему усмотрѣнію. Такъ какъ онъ держалъ въ рукахъ всю національную гвардію чрезъ Априо, то ему нечего было бояться повторенія инсurreкціи со стороны Дантона. Конвентъ былъ поработенъ, а демагогія лишилась вождей. Если бы Дантонъ даже сохранилъ нѣкоторый кредитъ у парижскаго народа,

то сторонники его уже не имѣли ни готовыхъ кадровъ, ни оружія. Дантону это было хорошо извѣстно. Онъ еще проявлялъ отвагу, но уже только на словахъ. «Они не посмѣютъ напасть на меня», повторялъ онъ друзьямъ, предупреждавшимъ его объ опасности. «Они не могутъ доказать ни одного обвинительнаго пункта противъ меня». На самомъ дѣлѣ, онъ чувствовалъ себя безсильнымъ, погибшимъ и, что еще хуже, утратившимъ бодрость духа. Ему предлагали бѣжать, онъ отказался: «Или ты думаешь, что родную землю можно унести на подошвахъ?» Онъ отказался даже отъ борьбы. «Я утомленъ всѣмъ, что вижу вокругъ себя, и мнѣ не нужно длинной проповѣди для того, чтобы рѣшиться умереть голодною смертію... Они заставляютъ меня до такой степени ненавидѣть настоящее время, что порою я сожалею о тѣхъ несчастныхъ дняхъ, когда мой недѣльный доходъ зависѣлъ отъ бутылки чернилъ». 17-го марта былъ арестованъ Геро де-Сешелль; 31-го. Конвентъ узналъ, что ночью арестованы были также Дантонъ и Делакруа. Лежандръ потребовалъ, чтобы ихъ выслушали. Робеспьеръ сослался на принципы: «Лежандръ заговорилъ о Дантонѣ, вѣроятно потому, что по его мнѣнію съ этимъ именемъ связано какое то преимущество; мы не хотимъ привилегій; намъ не нужно кумировъ. Конвентъ съумѣетъ разбить давно подгниваемаго идола».

«Дантонъ, — воскликнулъ Сень-Жюсть, читавшій обвинительный актъ, — Дантонъ, ты былъ сообщникомъ Мирабо, Орлеана, Дюмурье, Бриссо!» Обвиненіе въ заговорѣ, которое за этотъ годъ охватило и объединило на эшафотѣ: жирондистовъ и эбертистовъ, госпожу Роланъ и Марію Антуанету, Мальзерба и Верньо, Клоотца и Лавуазье, Бирона и Ронсена, погубило также Дантона, Камилля Демулена, Вестермана, Геро и Делакруа. Дантону оставались только громы его голоса. Даже въ лабораторіи Фукье Тенвилля этотъ голосъ казался еще грознымъ. Робеспьеръ придумалъ, а Сень-Жюсть обличилъ 4-го апрѣля новый заговоръ, «обширный заговоръ въ тюрьмахъ». Конвентъ декретировалъ, что каждый обвиняемый, противящійся судьямъ, будетъ лишенъ слова. Судьи велѣли Дантону замолчать; онъ не повиновался, былъ лишенъ слова и казненъ вмѣстѣ со своими друзьями 5-го апрѣля. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ прошелъ весь путь, по которому шла революція, и измѣрилъ суету демагогической популярности. Онъ увидѣлъ, чего стоило это чудовищное правосудіе, на которое онъ опирался, и эта чернь, которую онъ считалъ царицей: правосудіе приговорило его, не захотѣвъ даже выслушать, а чернь допустила убить, потому что онъ былъ побѣжденъ. Его смерть является абсурдомъ среди этого террора, ярости котораго онъ содѣйствовалъ и который поглотилъ его самого. Чѣмъ была полезна для республики смерть Дантона? Всѣ, прославляющіе терроръ, оставляютъ этотъ вопросъ безъ отвѣта.

II.

Во время этих событий, политика бездействовала. Донесения агентов оставались без внимания. Дефорж набросал еще несколько проектов инструкций и депеш, которые даже не читал комитет Общественного спасения ¹⁾. Комитет находил, что заявления Испанцев, если они не прикрывали собою каких-нибудь задуманных вместе с Англией махинаций, лишены всякого значения. Дефорж написал Грувеллю 1-го февраля, чтобы он держал себя осторожнее. «Комитет», — прибавлял он, — весьма ценит деликатность, с которой вел себя при этих обстоятельствах Бернсторф. Комитет совершенно уверен, что когда дело будет идти об интересах гуманности и философии, французская республика всегда может рассчитывать на Бернсторфа как на помощника и доверенное лицо». Этим комплиментом ограничивалась инструкция Грувеллю. События же требовали более обстоятельных инструкций.

Барон Сталь приехал в Копенгаген и заключил 27-го марта договор Швеции с Данией о вооруженном нейтралитете. Это было началом той лиги нейтральных держав, которой помогала республика во время своих переговоров с Швецией и которой она обещала свой союз и свои субсидии. Сталь немедленно отправил секретаря с этим договором в Париж. Секретарь объявил, что Швеция вооружит восемь кораблей и четыре фрегата и напомнил о том, что было обещано Сталю. Ответа не последовало, не было даже выражено удовольствия. Бернсторф ничего не потребовал для Дании, но настаивал на том, чтобы Швеция получила субсидии, которых в правду была ожидать. Грувелль, к которому он обратился, отвечал, что у него нет предписаний и написал в Париж, прося их доставить. «Хотя до сих пор у меня нет никаких инструкций, мое патристическое чувство, к счастью, предостерегло меня от важных ошибок и я даже добился некоторого успеха; но теперь без частых и постоянных сообщений я не могу быть действительно полезным». Ответа не было получено, и все осталось в неопределенном положении и с Швецией и с Данией. То же самое наблюдалось и в Константинополе. Небольшая французская колония разделилась на бесполезных и смешных фракций. Декорш постоянно враждовал с Гененом, объявившим себя главою якобинской партии. Посланники союзных держав пользовались этим для дискредитирования республиканского посольства. Декорш лишен был всякой возможности противодействовать их козням. Он все еще ожидал свои четыре миллиона, но не получал даже никаких указаний.

¹⁾ Например проект инструкции гражданину Адэ, которую предполагалось послать в Копенгаген. Вантоз, год II.

«Декорш», — читаем в одной записке 1795 г. «был мало-по-малу забыт и покинут правительством. Интриги наших врагов теснили его со всех сторон; он был оставлен решительно без всяких денежных средств». В таком положении находилась дипломатия, когда арестован был министр иностранных дел и затем исчезло самое министерство.

Комитет Общественного спасения превратился в полицейское управление и военную главную квартиру. Полицейские и военные, все больше и больше расходясь во всем остальном, согласны были только в необходимости еще сильнее натянуть пружину своей власти. Военное министерство являлось стеснением для Карно; министерство юстиции связывало Робеспьера; Камбон составлял все министерство финансов своим финансовым комитетом; комитет Общественного спасения замещал министерство внутренних дел, а министерство иностранных дел уже не служило ни к чему.

1-го апреля Карно представил доклад Конвенту, в котором он доказывал, что министерства несовместимы с республиканским режимом, потому что они стесняют действия власти. Вследствие этого доклада был издан декрет о замещении министерств исполнительными комиссиями, простыми передаточными отделениями, состоящими под начальством комитета Общественного спасения. Комитет, — сказал Карно, — предоставляет себе функцию мыслящего органа правительства, предлагает важные дела на рассмотрение Конвента, решает дела второстепенные и отсылает подробности в исполнительные комиссии. 2-го апреля, Дефорж, заподозренный в дантонизме, был заключен в тюрьму; 9-го, по предложению Робеспьера, гражданин Бюно был назначен комиссаром по внешним делам. Это был незначительный адвокат из Юрекаго департамента, сдлавшийся благодаря республике судьей в Лон-ле-Сонье. «Его необразованность, пошлая манера себя держать, глупость, — передает один свидетель, — превосходили все, что только можно себя представить». Он вполне пригоден был для той роли, которую ему предназначал Робеспьер. Дипломатия сведена была к нулю и потому ничтожный человек был совершенно на своем месте в ведомстве иностранных дел.

Мысль о турецкой диверсии, как о дополнении к проекту лиги нейтральных государств, была оставлена и вследствие этого покинута была и Польша. В течение марта, апреля и мая, агент Костюшки, Барсез, неоднократно повторял свои ходатайства и представлял множество нот; его поддерживал в Париже Рейнгард, периодически резюмировавший для Конвента польскую дипломатическую переписку. 28-го апреля, в одном из таких резюме упоминалось о том, что поляки просят денежной помощи в размере 500.000 франков или, если то возможно, миллиона. Комитет велел написать на полях: «Нет фондов. Вооруженные рес-

публиканцы располагаютъ всеми богатствами страны... Можно выслушать польскаго агента, но не о чемъ съ нимъ вести переговоры... можно выслушать, но ничего не общать». Комитетъ отнесся къ польской инсurreкціи какъ гаммскій дворъ къ возстанію въ Вандеѣ. Прежде чѣмъ признать и поддержать этого полезнаго и безкорыстнаго союзника, Комитетъ желалъ знать, на сколько правильно онъ разсуждаетъ объ *Общественномъ договорѣ*. Между тѣмъ Барессъ продолжалъ настаивать, такъ что Конвентъ сталъ склоняться къ тому, чтобы послать въ Краковъ, Варшаву и Каменецъ трехъ тайныхъ агентовъ для наблюденія за людьми и дѣлами. Рейнгардъ составилъ 22-го мая проектъ инструкцій для этихъ агентовъ: они должны были стараться придать народной революціи истинно демократическій характеръ и объявить, что французская республика приметъ открытое участіе, какъ только поляки составятъ у себя Національное Собраніе: «Если бы,—говорилъ Рейнгардъ,—противъ всякаго ожиданія, вожди инсurreкціи оказались коварными, то есть враждебными правамъ народа, то во всякомъ случаѣ они добросовѣстно борются противъ своихъ враговъ, которые въ то же время и наши враги». Рейнгардъ предлагалъ послать 300.000 франковъ Костюшкѣ, выдавать ему по 140.000 франковъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ и употребить всего миллионъ на Польшу. «Намъ уже дѣлаютъ честь, обвиняя насъ въ томъ, что мы истратили миллионы на возбужденіе этой революціи. Пожертвовавъ однимъ миллиономъ, мы, можетъ быть, спасемъ ее. Но это было только порывомъ, такъ какъ этотъ докладъ имѣлъ не болѣе успѣха, чѣмъ предыдущіе. На всѣ мольбы Баресса Комитетъ отвѣчалъ,—указывая на то, что «Барессъ не уполномоченный и что польская инсurreкція—дѣло дворянъ». Наступило лѣто, а Комитетъ ничего еще не рѣшилъ ни по отношенію къ Турціи, ни относительно Польши²⁾. Когда, наконецъ, 13-го іюля, вслѣдствіе настойчивыхъ требованій, Барессъ добился аудіенціи у Комитета, онъ не вынесъ изъ нея даже простого поощренія. Ему отвѣчали: «Франція не пожертвуетъ ни малѣйшей крупницей золота, не подвергнетъ риску жизни ни одного человѣка для укрѣпленія революціи въ Польшѣ, если эта революція имѣетъ цѣлью установленіе аристократическаго и монархическаго правительства, перемѣну династіи или же перемѣну одной плохой формы правленія на другую, плохую же форму». На этомъ дѣло и остановилось и польская диверсія ничѣмъ не была подержана³⁾.

²⁾ Tableau des questions à résoudre par le Comité de salut public, 13 juillet 1794.

³⁾ Historique de la dernière révolution de Pologne et de nos relations avec les polonais, nivôse, an III. Архивъ франц. минист. иностр. дѣлъ.—Докладъ Грувелля, 1-го августа 1794 г. Разговоръ съ польскимъ агентомъ. Замѣтка III года о датской дипломатической перепискѣ: «Наши тираны притворялись, что Польша не заслуживаетъ большого участія, по той причинѣ, что пред-

Что касается обширной экспедиціи тайныхъ агентовъ, то изъ нея оставалось всего двадцать одинъ эмиссаръ; большая часть изъ нихъ пребывала въ нуждѣ и бездѣйствіи. Ихъ содержаніе должно было доходить до 123.000 ливровъ, но они получали только задатки и то вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ: Ривальсъ въ Базелѣ, Пробетъ въ Нюрнбергѣ, Швейцеръ въ Граубинденѣ и Венетъ въ Лозаннѣ поддерживали довольно правильную переписку съ Бартелеми. Сообщаемыя ими свѣдѣнія немедленно резюмировались и ими пользовались для военныхъ операцій. Въ политическомъ же отношеніи они ничего не могли сдѣлать, по недостатку указаній и средствъ: «Мое горячее усердіе служить родинѣ остается въ эту минуту почти безъ всякихъ результатовъ, писалъ Ривальсъ 9 іюня.

Стамати, находившійся въ Гамбургѣ, признавался, что его письма, по неимѣнію «точныхъ свѣдѣній», могли имѣть лишь второстепенное значеніе. «Я томлюсь въ нуждѣ и изнываю отъ нетерпѣнія,—писалъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя;—«не получаю ни одного письма, ни одного приказа... Я жилъ какъ мого до сихъ поръ въ надеждѣ, что мое усердіе будетъ оценено Комитетомъ и что найду возможность быть болѣе полезнымъ». Въ Лондонѣ былъ агентомъ нѣкій Дуккетъ, напечатавшій свои *Lettres de Junius redivivus* въ концѣ 1794 г. Онъ могъ быть полезенъ. Но, говорится въ замѣткѣ IV года, «тогдашнее правительство ничѣмъ не поощряло усердія, смѣлости и преданности Д... Онъ, подобно многимъ другимъ агентамъ, былъ предоставленъ себѣ, не получая указаній»... Изъ остальныхъ агентовъ было пять, ничего не писавшихъ, три, мѣстопробываніе которыхъ было неизвѣстно, одинъ, который былъ отозванъ, двое, занимавшихся только естественной исторіей и двое, пребывавшихъ во Франціи и служившихъ въ полиціи—Шэпи и Далгасъ. «Эти агенты,—читаемъ въ отчетѣ объ общемъ состояніи линіи,—осенью 1794 г. уѣхали безъ всякихъ инструкцій. Комитетъ никогда не отвѣчаетъ на ихъ письма. «Наши тираны,—читаемъ въ документѣ 1795 г., дающемъ ретроспективный обзоръ,—заняты были несравненно болѣе усиленіемъ своего желѣзнаго гнета, чѣмъ произведеніемъ на сѣверѣ и югѣ диверсій, которыя могли быть намъ полезны⁴⁾.

Слѣдуетъ однакоже указать на исключеніе, которое было знаменательно. Робеспьеровскій Комитетъ обратилъ вниманіе на одну изъ диверсій,

водители возстанія не провозгласили у себя республики, на подобіе нашей». Изъ замѣтки Комитета отъ 18-го ноября 1794 г. видно, что этого числа не было послано полякамъ никакой субсидіи. По слухамъ, Франція послала миллионы; въ замѣткѣ предлагаютъ послать скромную сумму «для подтвержденія этихъ толковъ».

⁴⁾ Rapport de la section des relations extérieures au Comité de salut public, pluviôse, an III.—Etat des agents secrets, 23 brumaire, an III.—Note sur la correspondance du Danemark, an III.

а именно: на завоеваніе Италіи. На этотъ проектъ, дождавшійся выполненія въ 1796 г., нерѣдко указывали какъ на уклоненіе отъ истиннаго духа революціи, подъ вліяніемъ корсиканца Бонапарта. Но на самомъ дѣлѣ онъ современенъ революціонной войнѣ и вышелъ уже готовымъ изъ картоновъ иностранныхъ дѣлъ. Бонапартъ воспользовался имъ; онъ обезмертилъ замыслы своими прокламаціями, а выполненіе—своими побѣдами. Келлерманъ, Какольтъ и Тилли неоднократно внушали тотъ же планъ. Одинъ старый агентъ писалъ 1-го апрѣля 1794 г.: «Италія можетъ доставить крупныя выгоды, *hic et nunc*, только арміи завоевателей. Она богата сырьемъ, изъ котораго завоеватель немедленно могъ бы извлечь пользу. Пусть же наши войска вступаютъ въ нее немедленно, если должны перейти чрезъ Альпы. Дѣло идетъ о прекрасной странѣ для того, кто первый займетъ ее. Населеніе видитъ, что коалиція только раздражаетъ и недостойно угнетаетъ его. Нужно противодействовать ей. Намъ за это будутъ благодарны.

Комитетъ занялся разсмотрѣніемъ проекта. Робеспьеръ заинтересовался имъ. Операции должны были начаться съ Генуи. «Это правительство,—писалъ Робеспьеръ 16 іюня,—можетъ благопріятствовать намъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ страха. Поэтому на него слѣдуетъ дѣйствовать не лестью и искательствомъ, а требованіемъ громкаго выраженія его уваженія къ республикѣ и ея войскамъ». Это было предметомъ специальной миссіи, которую Робеспьеръ-младшій и представитель Рикоръ поручили Бонапарту. Онъ выполнилъ ее между 15 и 21 іюля. Онъ устранилъ генуэзцевъ и, такимъ образомъ, подъ эгидой обоихъ Робеспьеровъ сдѣлалъ нѣчто въ родѣ реконсцировки своихъ будущихъ путей.

Слухи объ этомъ планѣ стали ходить по Италіи. Ихъ распространяли сами французскіе агенты, намекая, что раздадутъ золото въ изобиліи для того, чтобы расположить въ пользу завоеванія. Венеція испугалась и отправила въ Парижъ эмиссара для полученія свѣдѣній о намѣреніяхъ Комитета. Этотъ агентъ, швейцарецъ, по имени Гиссендорферъ, былъ принятъ въ Комитетъ Робеспьеромъ и Кутономъ: «Они смотрятъ на Италію какъ на предметъ первой важности», сообщалъ онъ; они надѣются найти тамъ продовольствіе и богатства путемъ отобранія ихъ отъ аристократовъ и рассчитываютъ, что такая диверсія принудитъ державы уменьшить количество войскъ въ обѣихъ Фландріяхъ и на Рейнѣ... На Венецію не будетъ произведено непосредственнаго нападенія, но, повидимому, они намѣреваются вызвать тамъ смуты для того, чтобы имѣть предлогъ къ вмѣшательству... Это уже политика 1797 г., и въ то время, какъ она начинается обозначаться, появляется и человекъ, который будетъ проводить ее. Но пока это было лишь интермедіей въ исторіи Комитета II года. У Робеспьера были болѣе неотложныя заботы, и онъ поглотилъ его.

III.

Эберъ, Дантонъ казнены; въ парижской коммунѣ все мѣста заняты своими людьми; Конвентъ порабощенъ; Робеспьеръ отрѣзалъ все головы, превышавшія его уровень; онъ все очистилъ, усмирилъ подавилъ вокругъ «святой Горы». Несмотря на это онъ не чувствуетъ себя болѣе спокойнымъ и увѣреннымъ въ сохраненіи своей позиціи. Около него одни его сеиды: онъ начинаетъ ихъ опасаться. И это потому, что замѣчаетъ и въ ихъ средѣ возникновеніе тѣхъ соперничествъ и разладовъ, которые имѣлъ притязаніе устранить навѣки и повсюду. Правда, на сценѣ уже нѣтъ жирондистовъ, ни дантонистовъ; но теперь на ней появились менѣе сложныя, а потому и менѣе уязвимыя фракціи, сотканныя изъ интересовъ и соперничества, которыя ни во что не ставятъ идеи, даже въ видѣ оправданія совершившихся фактовъ или въ видѣ необходимости въ произносимыхъ съ трибуны рѣчахъ. Робеспьеръ желалъ бы, чтобы его сопровождали избранники, но за нимъ слѣдуетъ лишь конвой сообщниковъ. Онъ подозреваетъ и усматриваетъ въ нихъ зародыши «пороковъ» и «коварства» своихъ побѣжденныхъ враговъ. Онъ съ ужасомъ констатируетъ, что происки, подкупность и атеизмъ не исчезли изъ міра вмѣстѣ съ Бриссо, Дантономъ и Шометтомъ. Тальенъ кажется даже омерзительнѣе Геро: онъ грубѣе и рѣшительнѣе. Духъ интриги и циническое невѣріе Фуше грозитъ смертельною опасностью. Что, если Каррье дойдетъ въ своей нравственной испорченности до того, что обратитъ и противъ самой Горы свой духъ разрушенія? Самая низость Барера едва ли можетъ служить гарантіей, такъ какъ онъ коваренъ и злодѣй по природѣ. Воображеніе Робеспьера плодитъ вокругъ него все новыя призраки. Чѣмъ болѣе онъ возвышается надъ окружающими, тѣмъ болѣе чувствуетъ себя во власти подозрѣній и заговоровъ. Онъ спокоенъ только въ одиночествѣ, но одиночество наполняетъ ужасомъ его душу. Ему кажется, что онъ роковымъ образомъ идетъ къ диктатурѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боится дойти до нея. Онъ возвысился только путемъ униженія себя предъ толпою, обѣщая ей золотой вѣкъ, обличая злодѣевъ, препятствующихъ его водворенію. Если онъ станетъ на вершинѣ, онъ окажется беззащитнымъ и отдастъ себя въ руки зависти и подозрѣнія. Слѣдовательно ему нужно продолжать свою нивелировку, восхваляя малыхъ, унижая гордецовъ. Онъ будетъ искать неприступнаго убѣжища не въ величіи власти, подражающей королевской, а въ хитромъ смиреніи монаха, который, во вретнищѣ сидя въ кельѣ, приказываетъ среди колѣнопреклоненій и тихо произнесеннымъ словомъ заставляеть повиноваться себѣ. Моущество такъ громадно, что передъ нимъ преклоняются все, личность такъ смиренна, что не возбуждаетъ ни въ комъ зависти; вотъ его идеалъ. Такая покорность достигается только вѣ-

рою, такой престиж дается только религіей. Такимъ образомъ Робеспьеръ склоняется къ религіозной реформѣ въ силу тѣхъ же внушенныхъ страхомъ соображеній, въ силу тѣхъ же расчетовъ и утопій, которыя привели его къ террору.

Онъ началъ съ обузданія высокомерія военныхъ, возраставшаго съ ихъ побѣдами. Гошъ былъ арестованъ 12-го апрѣля. Политика, сказала нѣсколько дней спустя Бильо-Вареннъ, будетъ основана на справедливости. «Справедливость это—казнь Манлія, напрасно ссылающагося на свои тридцать побѣдъ, стертыхъ его измѣной. Когда имѣешь подъ палаткой двѣнадцать армій, приходится опасаться и предупреждать не одну только измѣну; одинаково опасны вліяніе и честолюбіе быстро возвысившагося военачальника». Давъ такое предостереженіе арміямъ, Робеспьеръ занялся расположеніемъ пролетаріевъ въ пользу своихъ соціальныхъ мечтаній. Онъ умножилъ мѣры, направленные къ уравнию имущественныхъ правъ, умощненію крупныхъ состояній, помощи нуждающимся, единообразію воспитанія, получаемого французами. Главнымъ дѣтелемъ въ этомъ отношеніи былъ Сенъ-Жюсть, старавшійся вложить въ систему образованія свои соціальныя утопіи.

Между тѣмъ Робеспьеръ размышлялъ объ *Общественномъ договорѣ* и въ особенности о книгѣ IV: *О средствахъ утвердить конституцію государства*, главы VII и VIII, *О цензурѣ* и *О гражданской религіи*. Эта книга никогда не обманывала его ожиданій: «Есть чисто гражданское вѣроисповѣданіе, и статьи его должны опредѣляться главою государства... Не имѣя возможности заставить кого бы то ни было вѣрить имъ, онъ можетъ изгонять изъ государства каждаго невѣрующаго... Догматы гражданской религіи должны быть просты... Существованіе всемогущаго божества, обладающаго мудростью, благостью, предусмотрительностью и предвидѣніемъ, загробная жизнь, блаженство праведныхъ, наказаніе грѣшниковъ, святость общественнаго договора и законовъ, вотъ ея положительныя догматы». Конвентъ декретируетъ эту религію, граждане будутъ ее исповѣдывать, злые будутъ повержены въ смятеніе. Такъ какъ добродѣтель и религіозность обязательны въ республикѣ, первосвященникъ, глава государства и властитель душъ, слѣдѣется простымъ и невиннымъ способомъ цензоромъ нравовъ, инквизиторомъ порока, воздаятелемъ правосудія и судьею истины ¹⁾. На такой высотѣ, неподкупный станеть, наконецъ, и неуязвимымъ.

¹⁾ Сравните роль, характеръ и политическую функцію испанской инквизиціи, орудія царствованія Филиппа II: все ей подвѣдомственно, кромѣ короля; души и епископаты вложены въ его десницу; религіозный фанатизмъ служить фанатизму деспота. «Это былъ административный механизмъ новаго

18-го флореала, то есть 7 мая 1794 г., по инициативѣ Робеспьера Конвентъ декретировалъ слѣдующее: «Французскій народъ признаетъ существованіе Верховнаго существа и безсмертіе души». Вотъ догматъ. За нимъ послѣдовало учрежденіе инквизиціи. 8-го мая, Кутонъ предложилъ, а Конвентъ принялъ законъ объ общей полиціи, отдававшей въ руки комитета Общественнаго спасенія весь государственный надзоръ. Эти самонадѣянные и грубые законодатели думали обновить міръ, въ дѣйствительности же возвращали весьма утонченное и цивилизованное общество къ примитивной стадіи челоуѣчества. Для того чтобы завладѣть властью, они прибѣгли къ элементарному способу вождей дикихъ народовъ: страху. Чтобы освятить и поддержать эту власть, они поднимались на слѣдующую ступень развитія варварскихъ народовъ: теократическое правительство.

Европа введена была въ заблужденіе, потому что желала прекращенія этого кошмара, ее угнетавшаго, и, предаваясь исторической иллюзіи, продолжала упорствовать въ отождествленіи Робеспьера съ Кромвелемъ, тогда какъ онъ не могъ сравняться даже съ Торквемадой. При каждой проскрипціи, отмѣчавшей стадіи первосвященства Робеспьера, въ Европѣ воображали, что революція нашла своего диктатора, что ей положенъ будетъ конецъ. Они рукоплескали Робеспьеру, когда онъ подавлялъ анархистовъ; съ такимъ же ослѣпленіемъ одобряли они его, когда онъ давилъ умѣренныхъ. Казалось, что онъ господствуетъ надъ всѣми мятежными партіями. Декретъ о *Верховномъ существѣ* далъ ему, такъ сказать, высшую санкцію. «Этотъ проектъ», писалъ Грувелль, «если бы даже его внушали одни политическія соображенія, былъ бы превосходенъ по своей мысли. Особенно громадное впечатлѣніе онъ производитъ за-границей. Въ главныхъ квартирахъ и канцлерствахъ только и рѣчи было, что о Робеспьерѣ. Въ немъ олицетворялась вся революція и республика. Ему приписывали самыя страшныя, но и самыя успокоительныя для Европы намѣренія: онъ провозгласитъ королемъ Людовика XVII, а себя—регентомъ; онъ не согласенъ съ Карно по вопросу о продолженіи войны; онъ не хочетъ завоеваній; онъ опасается козней генераловъ; онъ будетъ уважать слабыя государства; онъ отмѣнитъ пропаганду; онъ желаетъ только порядка во Франціи и спокойствія въ Европѣ ²⁾ Все это было далеко отъ истины, что и не замедлитъ скоро обнаружиться. Но заблужденія давали надежду: дѣла же коалиціи шли хуже и хуже.

времени во всемъ его совершенствѣ, примѣненный къ водворенію господства стараго закона во всей его суровости». De Meaux, Paris, 1889, t. I, p. 394—405.

²⁾ D'HÉRICAULT, *La Révolution de Thermidor*. Paris, 1876, p. 124, 214, 240, 309, 310. *Mémoires d'un homme d'Etat*. t. III, p. 10.—*Lettres de Berne* 12 avril 1794. Арх. фр. мин. ин. дѣлъ.

IV.

9-го апрѣля, императоръ, сопутствуемый эрцгерцогами Карломъ и Иосифомъ, прибылъ въ Брюссель. Тугутъ послѣдовалъ за нимъ 20-го, но не остался въ Брюссель, а перенесъ свою канцелярію въ Валансьенъ: завоеванная позиція доставляла ему мѣстопробываніе, удобное для операций обмѣновъ и раздѣловъ, бывшихъ его главною заботою. Здѣсь принялъ онъ сардинскаго уполномоченнаго; этотъ агентъ пріѣхалъ просить союза и помощи, которыхъ и желало и опасалось его правительство. Тугутъ имѣлъ весьма нелестное мнѣніе о добросовѣстности туринскаго двора. Онъ согласился раздѣлить завоеванія, которыя были бы сдѣланы сообща обѣими державами на счетъ Франціи; но, прежде всего, требовалъ въ видѣ залога возвращенія медіоланскихъ земель, присоединенныхъ къ Пьемонту, въ силу ахенскаго трактата, обѣщая въ послѣдствіи вознаградить за это Пьемонтъ изъ французскихъ территорій. Савойецъ нашелъ требованіе чрезмѣрнымъ; онъ жаловался на неожиданныя условія этой войны, не доставляющей его государю «случая расширить предѣлы своего государства, какъ-то всегда бывало при всѣхъ войнахъ между Франціей и Австріей». Но приходилось покориться желанію Тугута; договоръ былъ составленъ подъ его диктовку и подписанъ 23 мая 1794 г. ¹⁾.

Въ то же время болѣе простой по своему содержанію, но болѣе двусмысленный по своему тексту трактатъ былъ заключенъ въ Гагъ 19 апрѣля между пруссаками, англичанами и голландцами. Пруссія обязалась держать наготовѣ 62.000-ную армію; эти войска, подъ начальствованіемъ Меллендорфа, должны были выступить по уплатѣ перваго срока ежемѣсячной субсидіи въ размѣрѣ пятидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ; сверхъ того должно было быть выплачено одновременно въ началѣ похода сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ и доставлено извѣстное количество хлѣба и фуража, расчитанное по 1 фунту и 12 шиллинговъ на человѣка въ мѣсяцъ. Военныя операціи будутъ рѣшаться по соглашенію съ Англіей и Голландіей. Завоеванные края останутся въ распоряженіи этихъ державъ. Англичане поспѣшили увѣдомить австрійцевъ объ этомъ соглашеніи. Арміи Меллендорфа предстояла роль, и весьма важная, въ мастерскомъ планѣ, начертанномъ стратегомъ коалиціи, полковникомъ Маккомъ. Армія Кобурга, насчитывавшая 162.000 бойцовъ, изъ нихъ 45.000 англо-голландцевъ, должна была идти къ Ланд्रेसи, овладѣть имъ и идти на Парижъ. Меллендорфъ долженъ былъ зайти впередъ Трира для поддержанія этого движенія; Боле, съ 25.000 австрійцевъ — защищать Люксембургъ, а герцогъ

¹⁾ Тугутъ Коллоредо, 25 апр. 1794. — Инструкція гр. Кастель Алфера, апр. 1794 г.

Саксенъ-Тешенскій — наблюдать за Рейномъ съ 60.000 солдатъ имперской арміи и корпуса Конде. Подавляя французовъ массою этихъ войскъ, въ то же время имѣлось въ виду изнурять ихъ голодомъ; нужда породила бы мятежи, которые и заставили бы Францію заключить миръ. Именно Англія намѣревалась вызвать голодовку и анархію упорствомъ своихъ блокадъ и энергическими мѣрами противъ нейтральныхъ. Союзники смотрѣли на «чудовищный» трактатъ между Швеціей и Даніей, какъ «на объявленіе войны». «Если, — писалъ Мерси, — великій и мудрый британскій министръ рѣшится наложить руку на всѣхъ этихъ сѣверныхъ каботажниковъ и не пропускать ни одного изъ ихъ судовъ, въ іюлѣ будетъ голодъ по всей Франціи, и война будетъ кончена» ²⁾.

Карно также убѣжденъ былъ въ этомъ. «Нало съ этимъ покончить, — писалъ онъ Пишегрю. — Если бы намъ пришлось воевать и въ будущемъ году, мы погибли бы отъ голода и изнуренія». Онъ также составилъ планъ, заключавшійся въ сосредоточеніи всѣхъ силъ республики для нанесенія рѣшительнаго удара въ Нидерландахъ. Командовавшій сѣверной и арденской арміями Пишегрю долженъ былъ, вмѣстѣ съ Клеберомъ, Марсо и Моро собрать 160.000 солдатъ; онъ долженъ былъ оперировать совокупно съ мозельской арміей, доходившей до 74.000 человекъ и состоявшей подъ начальствомъ Журдана. Генералъ Мишо со своею только 45.000 рейнской арміей долженъ былъ служить подкрѣпленіемъ и слѣдить за Меллендорфомъ. Это была самая смѣлая часть плана. «Эта армія, — передаетъ Сень-Сиръ, — представляла такой тонкій кордонъ, что какіе-нибудь четыре батальона непріятельскихъ войскъ могли прорвать ее въ любомъ пунктѣ». Но Карно былъ увѣренъ, что этого не случится. Бартеlemi и Бахеръ завѣряли въ своей перепискѣ, что Меллендорфъ рѣшился беречь свои войска и болѣе расположенъ къ переговорамъ, чѣмъ къ бою. Извѣстіе о польскомъ возстаніи подтверждало предположенія французскихъ агентовъ о вѣроятномъ бездѣйствіи пруссаковъ, и событія оправдали то, что предвидѣлъ Карно.

Планъ былъ вѣренъ въ общемъ; но выполненіе его представляло не мало затрудненій. Если французы разстроили планы Макка, то это не обошлось безъ многихъ перипетій и ошибочныхъ движеній, которыя отдали бы ихъ въ руки болѣе дальновиднаго и болѣе рѣшительнаго противника. Австрійцы взяли Ланд्रेसи 20-го апрѣля. Обѣ арміи искали и избѣгали другъ друга, бродя ощупью почти въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. 18-го мая, Клерфѣ атаковалъ главныя силы Пишегрю. Этотъ генералъ отправился осматривать одинъ изъ своихъ корпусовъ. Подчиненные ему: Моро,

²⁾ Мерси Штарембергу, 18 марта, 22 апрѣля 1794. THURNHEIM, ZEISSBERG. — *Politische Annalen* t. VII.

Рейнне, Сугамъ и Макдональдъ выдержали сраженіе. Оно пронесло у Туркуана. Французы выставили 70.000 солдатъ; они разбили австрійцевъ, которыхъ было 90.000 и которые потеряли шестьдесятъ пушекъ. Такой исходъ не входилъ въ планъ Макка, и все пришло въ разстройство въ императорской главной квартирѣ. Маккъ объявилъ, что въ виду сосредоточенія непріятельскихъ войскъ ему необходимо подкрѣпленіе въ 40.000 человекъ. Если ихъ нельзя получить, онъ не отвѣчаетъ ни за что; онъ умолялъ императора употребить все средства для достиженія мира, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, будутъ къ тому вынуждены въ концѣ кампаніи.—«Все разстроивается», писалъ Тугутъ въ тотъ же день, 19-го мая. Дѣйствительно все разстроивалось и этому, главнымъ образомъ, содѣйствовала дипломатія самого Тугута.

Онъ желалъ подкрѣплений не для Нидерландовъ, а для того, чтобы отправить ихъ въ Польшу, и именно въ эту сторону пытался направить послѣдніе ресурсы монархіи. Императоръ еще въ началѣ мѣсяца писалъ брату своему, эрцгерцогу Леопольду, остававшемуся въ Германіи, о присылкѣ возможно большаго количества войскъ въ Галицію и преимущественно трансильванскихъ батальоновъ, такъ какъ они охотнѣе стали бы драться тамъ, чѣмъ на Рейнѣ. Онъ писалъ также о необходимости быть готовыми, въ случаѣ надобности, «занять Краковъ силою или инымъ путемъ». Послѣ дѣла при Туркуанѣ осторожность ставилась болѣе, чѣмъ настоятельной. Тугутъ постоянно указывалъ на это императору. «Остатки Польши раздѣлять безъ насъ,—говорилъ онъ.—Раздавленные войной, сдѣлавшиеся для насъ истребительной, вслѣдствіе цѣлаго ряда ошибокъ, мы будемъ поставлены въ полную зависимость отъ другихъ дворовъ и унижены всеми». Сбитый съ толку французами, Маккъ отказался отъ поста начальника главнаго штаба. Замѣнившій его князь Вальдекъ выказалъ крайнюю скудость мысли и думалъ только объ отступленіи. Армія, повторялъ онъ, есть главная опора монархіи; императоръ не можетъ жертвовать ею для задачи, ставшей отнынѣ бесполезной; слѣдуетъ вернуть армию въ Германію и заботиться только о защитѣ имперіи.

Можно было бы призвать пруссаковъ Меллендорфа: казалось, наступила минута для выполненія гагскаго договора. Но австрійцы боялись помощи Пруссіи. Если привлечь пруссаковъ въ Нидерланды, говорилъ Тугутъ, они останутся тамъ господами; они прекратятъ войну, когда пожелаютъ; они способны связать намъ руки въ тотъ моментъ, когда «счастливая случайность подала бы намъ нѣкоторую надежду на достиженіе великой цѣли ослабленія Франціи». Если пруссаки что-нибудь завоюютъ, то принуждены будутъ отдать Англіи и Голландіи, которые дорого продадутъ Австріи то, что согласятся ей уступить. Австрія должна была избѣгать пользованія

слишкомъ большою массою прусскихъ войскъ и не связывать ихъ слишкомъ тѣсно со своими наступательными операціями, для того, чтобы въ случаѣ успѣха не зависѣть отъ ихъ произвола. Тугутъ сталъ даже желать, чтобы Меллендорфа отправили въ Вандену. Послѣ туркуанскаго сраженія онъ отказался отъ этой мысли, вслѣдствіе возраженій англичанъ. Тогда онъ постарался дать опять Питту, что если Англія согласна давать субсидіи для защиты Нидерландовъ, то лучше сдѣлала бы, помѣстивъ ихъ не въ прусскія, а въ австрійскія кассы. Къ тому же Австрія не могла бы до безконечности содержать такую громадную армию на собственные средства и жертвовать болѣе настоятельными пужами своими ради провинцій, владѣніе которою становилось болѣе убыточнымъ, чѣмъ полезнымъ для монархіи. Тугутъ внушалъ все это для того, чтобы приобрести денежные средства и замаскировать свои польскія операціи; но къ этимъ дипломатическимъ ухищреніямъ примѣнивался несомнѣнный упадокъ духа.

Бельгійцы не проявляли никакого усердія въ дѣлѣ своей защиты. Мерси напрасно старался заставить Штаты ассигновать для этой цѣли четыре милліона. Духовенство не желало жертвовать серебромъ, которое ему удалось спасти отъ французовъ. Императорское правительство съ трудомъ добилось вооруженія вспомогательнаго корпуса. Это сильно раздражило его; оно спросило себя: не благоразумнѣе ли будетъ начать переговоры съ республикой, посвятить себя защитѣ имперіи и искать вознагражденія въ Польшѣ. «Что всего хуже, такъ это то, что этого желаетъ армія», писалъ одинъ бельгіецъ³⁾. Слухи о такомъ настроеніи арміи оказывали извѣстное влияніе. Не было недостатка въ людяхъ, чувшихъ переговоры и готовыхъ предложить свои услуги. Бартелеми встрѣтился 7-го мая съ барономъ Глейхеномъ, бывшимъ долгое время датскимъ посланникомъ въ Парижѣ и весьма извѣстнымъ въ тамошнемъ литературномъ мірѣ. «Онъ полагаетъ,—сообщалъ Бартелеми,—что вѣнскій дворъ, быть можетъ, безъ особаго труда, разстался бы съ Англіей и согласился бы на заключеніе отдѣльнаго мира». Въ то же время и Бернсторфъ получалъ однородныя свѣдѣнія. «Австрія,—передавалъ онъ Грувеллю,—въ настоящую минуту, болѣе всѣхъ державъ желаетъ мира». Все это говорилось еще ранѣе австрійскихъ поражений; послѣ нихъ заговорили еще громче. Пронесся слухъ, что 24-го мая былъ созванъ большой военный совѣтъ для обсужденія вопроса объ очищеніи Бельгіи. Отъ подозрѣнія, что Австрія способна начать переговоры съ Франціей, до увѣренности, что она уже приступила къ этимъ переговорамъ, былъ только одинъ шагъ: когда въ Валансьенѣ, гдѣ находился импера-

³⁾ DE PRADT, *De la Belgique depuis 1789 jusqu'en 1814.*—De Pradt à Mallet du Pan, SAYOUS, t. II.

торь, прѣхалъ какой-то французъ, всѣ рѣшили, что это эмиссаръ комитета Общественнаго спасенія.

Это былъ военный и дипломатическій авантюристъ, какихъ не мало встрѣчалось въ тѣ времена. Онъ принималъ участіе въ Американской войнѣ; «горбатый, сверкавшій остроуміемъ и отвагой, что-то среднее между *diable boiteux* и португальскимъ евреемъ»⁴⁾, уроженецъ Лангедока, Рокъ (его настоящая фамилія), величалъ себя графомъ Монгальеромъ и игралъ роль демократа изъ дворянъ. Такая роль давала ему возможность интриговать въ Парижѣ, Лондонѣ, Бельгіи и маклерствовать между двумя лагерями. Терроръ не благоприятствовалъ такого рода операціямъ. Року удалось оставить Парижъ, и онъ могъ только радоваться своему отъѣзду. Прѣхавъ въ Бельгію, онъ старался обратить на себя вниманіе и къ чему-нибудь приклеиться. Хотя у него не было никогда никакихъ прямыхъ или косвенныхъ сношеній съ кѣмъ бы то ни было изъ членовъ комитета Общественнаго спасенія, это не мѣшало ему говорить о нихъ такъ, какъ будто онъ былъ съ ними лично знакомъ. Всѣ нетерпѣливо желали узнать что-нибудь о грозныхъ владыкахъ. Рокъ сдѣлался центромъ интересныхъ новостей. Его стали осаждать. Онъ видѣлся съ Мерси, который послалъ его къ императору. Францъ принялъ его и заставилъ рассказывать; Тугутъ въ свою очередь задавалъ ему вопросы; графъ Траутмансдорфъ присутствовалъ при разговорѣ. Особенно интересовались слушатели свѣдѣніями о Барерѣ и Робеспьерѣ. Жестокость Барера казалось имъ необъяснимой. Робеспьеръ вызвалъ ихъ восхищеніе своимъ умомъ. «Этотъ господинъ Робеспьеръ весьма изумительный человѣкъ», замѣтилъ Траутмансдорфъ. «Вотъ уже болѣе шести недѣль, какъ онъ не даетъ намъ спать. Почему бы его не признать? Все бы и уладилось такимъ путемъ». Рокъ чванился пріемомъ у императора и какъ истый южанинъ и *chevalier d'industrie*, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ, передавалъ о своемъ разговорѣ съ значительными прикрасами. Это подало поводъ къ дальнѣйшимъ измышленіямъ, и вскорѣ въ политическихъ кружкахъ распространилась исторія тайныхъ переговоровъ между императоромъ и Робеспьеромъ. Французы-эмигранты разгласили повсюду объ этой мнимой измѣнѣ Австріи. Англичане взволновались. Пруссакіи нисколько не удивились, такъ какъ сами готовы были поступить такимъ же образомъ. Имъ было выгодно вѣрить подобнымъ рассказамъ: они имъ повѣрили; принявъ къ свѣдѣнію поступокъ императора, они рѣшили предупредить измѣну своей соперницы. Тугутъ опасался прибытія въ Нидерланды 62.000 солдатъ Меллендорфа. Ему скоро пришлось успокоиться въ этомъ отношеніи, но не такъ, какъ бы онъ того желалъ.

⁴⁾ MICHELET, *Histoire du dix-neuvième siècle*. Paris, 1880, t. I, p. 128.

Рѣчи, которыя Тугутъ держалъ Францу II въ Валансьенѣ, находили откликъ въ Берлинѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ выслушивалъ ихъ снисходительно. Однако, онъ еще колебался: его затрудняла, главнымъ образомъ, не измѣна союзникамъ, а то, что пришлось бы пожертвовать собственными предразсудками, честолюбивыми поползновеніями, гордостью. Этотъ государь такъ долго мечталъ о роли Агамемнона при осадѣ новой Трои! Совѣтники напомнили ему, что въ древности были не одни только герои *Илліады*. Прославились своей экспедиціей и Аргонавты: Пруссія создана для ся возобновленія. Золотое Руно—въ Польшѣ. «Вашему величеству», говорилъ королю Манштейнъ, «слѣдуетъ немедленно выѣхать изъ Берлина, овладѣть Краковомъ и Варшавой и отбросить поляковъ за Вислу. Тогда уже можно начать переговоры. Мы заявимъ Австріи, что, въ свою очередь и согласно съ нашимъ договоромъ, требуемъ 20.000 солдатъ, которые намъ ею обѣщаны. Если она откажетъ намъ, въ чемъ нельзя и сомнѣваться, мы отзовемъ 20.000 человѣкъ изъ нашей рейнской арміи и будемъ въ состояніи спокойно ждать событій.—Но,—возразилъ на это король,—такимъ образомъ война съ Франціей никогда не будетъ окончена».—«Ваше величество соизволите обратить вниманіе на то, что каждый изъ нашихъ союзниковъ заботится только о собственной выгодѣ, что только ваше величество поступаете лояльно ради общей пользы; но коль скоро всѣ руководятся эгоизмомъ, Пруссія должна поступать такъ, какъ всѣ, рискуя, въ противномъ случаѣ, нанести себѣ важный ущербъ».

Затѣмъ Манштейнъ затягивалъ безконечную пѣсню объ австро-пруссскихъ поводахъ ко взаимному неудовольствію. Фридрихъ-Вильгельмъ начиналъ колебаться. Однако гагскій трактатъ еще стѣснялъ его, не вслѣдствіе данной клятвы—такія клятвы весьма мало стоили у политиковъ того времени,—а потому что пришлось бы лишиться денегъ. Англичане избавили его отъ этихъ колебаній. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ славолюбивъ и алченъ; но онъ былъ болѣе славолюбивъ, чѣмъ алченъ, и нельзя было предлагать ему унижительныя субсидіи вмѣсто завоеваній, хотя бы и убыточныхъ. Давая свою ратификацію гагскому трактату, онъ хотѣлъ заставить щедро заплатить себѣ за роль покровителя Германіи. Англичане имѣли претензію употребить его армію на защиту Нидерландовъ и свести ее на степень вспомогательнаго корпуса императора. Въ расчеты Фридриха-Вильгельма не входило работать какъ наемнику ради спасенія, а, можетъ быть, и для расширенія Австріи. Онъ разсердился. «Торговать моими подданными,—надменно сказалъ онъ,—противно достоинству моего государства и благожелательству моему къ этимъ подданнымъ; это еще возможно для ландграфа гессенскаго или герцога Брауншвейгскаго, но было бы позоромъ для прусскаго короля». Онъ предупредилъ Меллендорфа, далъ знать англичанамъ и чрезъ посредство Гарден-

берга внести въ имперскій сеймъ предложеніе, клонившее къ посвященію прусской рейнской арміи только защитѣ имперіи за соотвѣтствующую субсидію.

Между тѣмъ дошли до короля извѣстія объ успѣхахъ польскаго возстанія и Костюшки. 14-го мая Фридрихъ-Вильгельмъ отдалъ приказъ объ отправленіи въ Польшу 50.000 арміи и рѣшилъ самолично стать во главѣ ея. Луккезини сообщилъ объ этомъ Меллендорфу и прибавилъ: «Не несчастіемъ ли было бы для насъ, если бы, за неимѣніемъ средствъ раздѣлить опасности этого дѣйствія въ Польшѣ, мы потеряли бы право на равное съ другими участіе въ его выгодахъ. Вотъ, господинъ маршалъ, что, независимо отъ военныхъ и политическихъ соображеній, которыя вы, движимые патріотизмомъ, перѣдко предлагали на обсужденіе королю, побуждаетъ меня сожалѣть о томъ, что морскія державы имѣли великодушіе заставить насъ подписать конвенцію, заключенную въ Гагѣ».

Меллендорфъ былъ именно такимъ генераломъ, который всего болѣе былъ пригоденъ для войны, состоявшей изъ парадовъ и ложныхъ движеній, и никто лучше его не былъ способенъ понять на полусловъ ироническихъ намековъ Луккезини. Онъ объявилъ англичанамъ, что не станеть оперировать въ Бельгіи и выполнить свои обязательства на Сарѣ. Онъ дѣйствительно направилъ туда свои войска 22-го мая, подкрѣпленный австрійскимъ корпусомъ Гогенлоэ-Кирхберга, и 23-го числа взялъ Кайзерслаутернъ. Но далѣе этого онъ не пошелъ. Письмо Манштейна отъ 6-го мая приглашало его держать на-готовѣ въ распоряженіи короля 20.000 войска; вскорѣ вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ новыя извѣщенія отъ Луккезини и сталъ заботиться исключительно о сбереженіи своихъ войскъ.

Между тѣмъ Тугутъ угадывалъ по многимъ признакамъ намѣренія прусскаго короля. Онъ опасался какой-нибудь неожиданности и совѣтовалъ своему государю предупредить ударъ. Кобенцель доставлялъ ему неопровержимые доводы въ своихъ донесеніяхъ изъ Петербурга. Россія, писалъ ему тотъ, ничего не будетъ дѣлать безъ насъ въ Польшѣ; она соблюдеть самую точную равноправность въ тѣхъ выгодахъ, которыя получаютъ тамъ державы. «Было бы весьма важно, если бы наши войска могли вступить въ Польшу, по примѣру русскихъ и пруссаковъ. Это было бы лучшимъ способомъ обезпечить за нами заблаговременно владѣніе тѣмъ, что будетъ прилечь къ намъ при заключеніи ближайшаго трактата о раздѣлѣ, если таковое воспослѣдуетъ».

Вотъ это-то и былъ настоящій театръ военныхъ дѣйствій. Императору слѣдовало къ нему приблизиться. Такимъ образомъ въ одно и то же время, Фридрихъ-Вильгельмъ и Францъ II снѣжили отдѣлаться отъ войны съ Франціей; императоръ колебался такъ же, какъ и король, и его заставили при-

нять рѣшеніе почти такія же соображенія. Онъ приказалъ направить къ Польшѣ подкрѣпленія, предназначавшіяся для Бельгіи, и уѣхалъ 13-го іюня въ Вѣну, поручивъ главное командованіе арміей брату своему, эрцгерцогу Карлу, и принцу Кобургскому. Онъ оставилъ имъ словесныя инструкціи; онъ ни прямо, ни косвенно, не далъ согласія на эвакуацію Бельгіи; еще менѣе приказалъ онъ такую эвакуацію; но онъ предвидѣлъ ее и принялъ мѣры на тотъ случай, если его армія оказалась бы къ тому выпущенной. Такъ, онъ передалъ Мерси 13-го іюня, въ самый день своего отъѣзда, что, въ случаѣ отступленія, слѣдовало увести всѣ денежные фонды государственныхъ кассъ и постепенно, по мѣрѣ очищенія страны войсками, наложить на жителей принудительный заемъ, который долженъ быть покрытъ въ трехдневный срокъ, въ случаѣ надобности и посредствомъ военной экзекуціи, для того, чтобы непріятелю ничего не досталось.

Защита Нидерландовъ не была принципиально покинута и рѣшена Австріей; но она отходила на второй планъ въ соображеніяхъ австрійской политики. Всѣ понимали, что центръ тяжести, главные интересы переносятся въ Польшу: плохое условіе для защиты «до послѣдней крайности», какъ выразился Кобургъ. Въ австрійскихъ, какъ и въ прусскихъ войскахъ, только и говорили, что о предстоящемъ заключеніи мира съ республикой. Дисциплина ослабла; повиновеніе командирамъ сдѣлалось вялымъ. Главный штабъ, «пораженный язвой», по выраженію Вальдека, былъ гнѣздомъ всевозможныхъ козней. Уныніе овладѣло тѣми, кого не сбивала съ толку политика. Уѣзжая изъ Бельгіи, императоръ ясно показывалъ, что не дорожитъ этимъ краемъ. «Чего ждать отъ дѣла, покинутого вождями и руководителями?» замѣтилъ де Прадтъ.

Если бы рѣшеніе Пруссіи не было уже принято, его вызвалъ бы образъ дѣйствій Австріи. До той поры, пока Тугутъ находилъ возможнымъ отстаивать Бельгію, вторгаться и завоевывать Францію, онъ систематически удалялъ пруссаковъ отъ бельгійской границы, не желая ни съ кѣмъ дѣлиться завоеваніями. Онъ требовалъ отъ нихъ однихъ диверсій и коварно эксплуатировалъ ихъ армію постоянными дислокаціями. Но теперь все его вниманіе было поглощено Польшей; привлечь пруссаковъ въ Бельгію и задержать ихъ тамъ представляло несомнѣнные удобства. Они помогутъ отстоять Бельгію, если это возможно; они, помимо своей воли, будутъ устраивать дѣла Австріи по отношенію къ Франціи; наконецъ, они безсильны будутъ помѣшать въ Польшѣ, такъ какъ ихъ будетъ держать на западѣ гагскій договоръ. Поэтому Тугутъ побуждалъ англичанъ требовать выполненія этого договора, находя, что, отнынѣ пруссаки не повредятъ Австріи въ Нидерландахъ. Онъ писалъ объ этомъ въ Лондонъ и говорилъ лорду Корияллису,

который приехал 8-го июня для принятия командования британским корпусом.

Лорд Корнваллис, сопровождаемый Мальмсбери, тотчас же отправился в главную квартиру Меллендорфа. 20-го июня происходило бурное совещание с этим генералом, а также с Гарденбергом и министром Шуленбургом, привезшим королевские инструкции. Меллендорф получил через посредство Дома свидания о намерениях австрийцев, об их желании заключить мир, о двусмысленных сношениях с Мопгалляром. Он убедился в измене союзника и оказался непоколебимым по вопросу о помощи. Англичане и пруссаки вынесли из совещания сильное взаимное раздражение. Пруссакки остановились в наблюдательной позиции. Все эти маневры как бы приостановили операции союзников со времени Туркуана. Французы воспользовались этим, и одно сражение решило катастрофу, готовящуюся уже в течение цѣлаго мѣсяца раздоровъ.

3-го июня, Журданъ произвелъ соединеніе своихъ войскъ съ арденской арміей. Въ распоряженіи этого генерала оказалось 75.000-ная армія, получившая наименованіе самбро-мааской арміи; принцъ Кобургскій атаковалъ ее 26-го съ уступавшими ей силами. Встрѣча произошла при Флерюсѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ были разбиты императорскія войска маршаломъ Люксембургскимъ въ 1690 г. Солдаты Кобурга мужественно дрались съ вернувшейся подъ огнемъ энергіей. Но французы одержали верхъ, благодаря искусству командировъ. Битва была отчаянная, и исходъ ея долгое время оставался неопредѣленнымъ. «Въ нашихъ рядахъ»,—передавалъ Сультъ, сражавшійся съ Марсо и Лефевромъ,—энтузіамъ усиливается по мѣрѣ увеличенія опасности; съ самаго начала дѣйствія и во все время сраженія лозунгомъ авангарда было: «не отступать сегодня, не надо отступленія!» Поэтому все, что сталкивалось съ нимъ, было разбито. Окруженный кровавыми обломками, въ виду своего пылающаго лагеря, съ сброшеннымъ съ лафетовъ большинствомъ пушекъ, съ безпрестанно взлетающими на воздухъ пороховыми ящиками, съ заваленными трупами траншеями и безпрестанно возобновлявшимися атаками, этотъ авангардъ оставался неустрашимымъ; его не смутило даже окружавшее насъ со всехъ сторонъ пламя горѣвшей деревни. Покрытыя сожженнымъ хлѣбомъ поля загорѣлись отъ нашего и непріятельскаго огня; мы не знали куда стать, чтобы избѣжать пожара, но мы твердо рѣшились выйти побѣдителями изъ этого вулкана». И они вышли побѣдителями, и лучше, чѣмъ побѣдителями: великодушными и человѣчными среди своего торжества. Солдаты отказались исполнять свирѣпый декретъ, запрещавшій брать въ плѣнъ англичанъ. Они пощадили эмигрантовъ, взятыхъ въ Флерюсѣ въ рядахъ австрийскихъ войскъ, и дали имъ возможность спастись

бѣгствомъ, ночью; нѣкоторые изъ послѣднихъ вернулись и, подъ вымышленными именами, перешли на сторону республиканской арміи.

Союзники создали военный Совѣтъ въ Бранъ-ла-Ледѣ, 1-го іюля. Герцога Іоркскій сдѣлалъ запросъ эрцгерцогу и принцу Кобургскому, по поводу ихъ дальнѣйшихъ намереній. Они дали честное слово въ томъ, что не получали приказа объ очищеніи Нидерландовъ и увѣрили, что, какъ честные люди, считаютъ себя обязанными защищать край «насколько то позволяютъ человѣческія силы». Они защищали его такъ, что еще разъ были разбиты 6-го іюля и вынуждены были очистить Брюссель. Со дня сраженія при Флерюсѣ правительственная власть въ этомъ городѣ находилась въ полномъ разгромѣ. «Меттернихъ»,—писалъ Тугутъ,—совершенно лишился разсудка. Онъ забралъ всехъ лошадей, все лодки, чтобы увезти все до послѣдняго стола, стула, даже до послѣдней бутылки своего погреба». Маршалъ Виндербъ несъ какой-то вздоръ, не зная гдѣ именно непріятель, и откуда нужно уходить, и гдѣ эрцгерцогъ, чтобы призвать его на помощь. Дворяне уѣзжали, забравъ свое серебро, банкиры—кассы; лавки закрылись. Паника охватила весь край. Отъ Турне до Бреды и отъ Бреды до Люттиха происходило сплошное выселеніе. Въ теченіе недѣли можно было видѣть болѣе двухсотъ тысячъ несчастныхъ, уносящихъ свое имущество; священниковъ, монахинь, посреди бѣжавшихъ солдатъ и обозовъ, загромождавшихъ дороги.

11-го іюля, Журданъ вступилъ въ Брюссель. Сѣверная армія соединилась съ самбро-мааской. Онѣ составили 180.000-ную массу, и ничто не въ силахъ было бы остановить ихъ, если бы онѣ совокупно двинулись къ Рейну. «Это важнѣйшій ударъ, который предстоитъ нанести»,—писалъ Бахеръ—и самое простое средство произвести революцію въ цѣлой Германіи. У меня есть толковые агенты, помогающіе мнѣ всеми мѣрами. Уже происходили частныя возмущенія; недовольство царитъ повсемѣстно и не замедлитъ вспыхнуть при первомъ случаѣ. Австрійцы продолжаютъ неслыханнымъ образомъ притѣснять населеніе и тѣмъ возбуждаютъ все болѣе и болѣе противъ себя имперскія государства, съ которыми обращаются какъ съ непріятелемъ.

Тогда Карно разглядѣлъ послѣдствія, къ которымъ вели Францію его обширные проекты. Мнѣніе его по поводу мира и границъ республики изменилось вслѣдствіе опыта, пріобрѣтеннаго за это время военныхъ дѣйствій. Онъ представилъ 28-го мессидора, то есть 16-го іюля, въ комитетъ Общественнаго спасенія свои *соображенія о результатахъ, которые должны быть извлечены на сѣверной границѣ изъ успѣховъ настоящей кампаніи*. «Мы могли бы, если бы того пожелали, въ теченіе этой кампаніи посадить дерево свободы на берегахъ Рейна и присоединить къ Франціи всю территорію древней Галліи; но какъ ни соблазнительна такая возможность, не будетъ ли благоразумнѣе отъ нея отказаться, такъ какъ

Франція могла бы только этимъ ослабить себя и приготовить для себя нескончаемую войну... При такомъ распространѣніи предѣловъ, понадобилось бы большое количество войскъ и постоянно напряженное вниманіе для того, чтобы искусный непріятель не зашелъ въ тылъ нашимъ арміямъ, не заставилъ ихъ поспѣшить отказаться отъ завоеваннаго и вернуться къ своимъ прежнимъ предѣламъ, понеся громадныя потери». Въ заключеніе опъ находилъ, что слѣдуетъ ограничиться необходимымъ, во избѣжаніе повтореннаго нападенія коалиціи.

Комитетъ Общественнаго спасенія одобрилъ эти соображенія, и 20-го іюля въ депешѣ представителямъ при сѣверной и самбро-маасской арміи, подписанной Карно, Бареромъ, Пріеромъ де-ла-Котъ-д'Орѣ и Билль-Варенномъ, говорилось: «Поспѣшите вернуть Франціи всѣ богатства Бельгіи, изъ которой мы желаемъ сохранивъ за собою только то, что можетъ обезпечить наши собственныя границы, то есть: палѣво всю Вестъ-Фландрію и голландскую Фландрію, направо—земли между Самброю и Маасомъ, такъ, чтобы Антверпенъ и Неверъ служили точками опоры и чтобы граница образовала входящій кругъ, хорошо защищенный рѣками и въ который вслѣдствіе того не могъ бы проникать непріятель, не будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ».

Арміи не пошли далѣе. Опъ ограничили въ занятіи Бельгіи. Журданъ расположилъ свою главную квартиру въ Люттихѣ, 27-го іюля. Пинегрѣ, гнавшій передъ собою англичанъ, взялъ Антверпенъ, 23-го іюля; непріятель удалился; союзники сообразовались въ своихъ движеніяхъ исключительно съ собственными интересами. Австрійцы заняли позицію на Маасѣ, въ сторону Мاستрихта; англичане—между Шельдой и Буа-ле-Дюкомъ; первые прикрывали Германію, вторые—Голландію. Получившая подкрѣпленія французская рейнская армія вновь овладѣла Кейзерслаутерномъ, двинулась къ Триру, прибыла туда 9 августа и принудила Меллендорфа отступить подъ пушечными выстрѣлами, направленными изъ Майнца. Австрійскія войска, подъ начальствомъ князя Саксенъ-Тешенскаго, перешли Рейнъ и расположились лагеремъ подъ Мангеймомъ.

Въ Восточныхъ Пиренеяхъ борьба продолжалась грудъ съ грудью, при подошвѣ горъ. Дюгоммѣ замѣнилъ Дагобера, убитаго непріателемъ и проявившаго въ командованіи болѣе героизма, чѣмъ благоразумія. Онъ заставилъ испанцевъ вернуться въ свои предѣлы. Слѣдовало ли идти далѣе и завоевать Каталонію? Комитетъ былъ противъ этого. Карно писалъ представителямъ при этой арміи: «Франція отказалась отъ завоеваній, кромѣ, впрочемъ, тѣхъ, которыя были бы необходимы для ея собственной свободы. Вторженіе въ Каталонію было бы слишкомъ удалено отъ центра дѣйствія, и край этотъ долгое время не могъ бы слиться съ Франціей, по причинѣ разли-

тія въ обычаяхъ, языкѣ, а также и укоренившихся съ давнихъ поръ предразсудковъ. Намъ представляется болѣе сообразнымъ съ нашими интересами и принципами попытаться сдѣлать изъ Каталоніи независимую республику, которая, пользуясь покровительствомъ Франціи, будетъ служить намъ валомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ прерывается цѣпь Пиренеевъ. Такая система, безъ сомнѣнія, покажется лестною каталонцамъ, и они охотнѣе согласятся на это, чѣмъ на присоединеніе къ Франціи». Но, заключалъ Карно, «въ горахъ вы должны довести границу до крайнихъ предѣловъ, прочно утвердиться въ Серданьи, овладѣть Аранскою долиною, однимъ словомъ, взять все, что находится по сю сторону горъ, все, что даетъ непріятелю доступъ къ нашей территоріи, все, что можетъ обезпечить ея неуязвимость».

Итальянская и альпійская арміи, подкрѣпленныя, реорганизованныя, съ Массеной въ качествѣ дивизіоннаго, и Бонапартъ—въ качествѣ артиллерійскаго генерала, заняли: одна—Тендское ущелье, другая—Сенъ-Вернардъ: въ ихъ власти были проходы и онѣ грозили Турину. Неудачи были испытаны французами только на морѣ и въ колоніяхъ. Французскій флотъ былъ уничтоженъ 1-го іюня; англичане овладѣли Корсикой, Мартиникой, Сенъ-Люси и французскою частью острова Сенъ-Доминго.

V.

Англичане шумно праздновали свои побѣды. Ихъ морскія пріобрѣтенія покрывали расходы, но не утѣшали въ неудачахъ, испытанныхъ на континентѣ. Гагскій трактатъ оказывался убыточною сдѣлкой. Шериданъ сдѣлалъ запросъ министрамъ: продолжаютъ ли они думать объ истребленіи парижскаго правительства? «Министры,—сказалъ онъ 10-го іюля,—безъ сомнѣнія, не находятъ, что прусскій король выполняетъ обязательства союзничества, осаждая Варшаву». Питтъ твердо выдержалъ порицаніе. «Мнѣ прискорбно сознаться,—отвѣчалъ онъ,—что за послѣднее время я былъ чрезвычайно обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ и оскорбленъ во многихъ отношеніяхъ поступками нашихъ союзниковъ; но если бы эти поступки были еще хуже и еще способнѣе отнять всякую бодрость, я, не колеблясь, объявляю разъ навсегда, что они ни въ чемъ не измѣнятъ нашихъ чувствъ по отношенію къ войнѣ, вести которую заставляютъ насъ честь и долгъ». Сессія закрылась 11-го іюля. Большинство было сплочено, какъ никогда. Министерство приняло въ свою среду трехъ виговъ-консерваторовъ, близкихъ Борку: Портленда, Пелгама и Виндгама.—Не боитесь ли вы остаться въ меньшинствѣ въ своемъ собственномъ кабинетѣ?—спрашивалъ Питтъ Дундасъ.—Это меня нисколько не тревожитъ, отвѣтилъ Питтъ: я очень до-вѣряю моимъ новымъ коллегамъ и еще болѣе до-вѣряю себѣ.

Дѣйствительно, нужно было имѣть большое довѣріе къ своимъ силамъ для того, чтобы попытаться вновь привести въ дѣйствіе расшатанныя пружины коалиціи. Принявъ во вниманіе, что необходимо удержать нѣмцевъ въ Нидерландахъ, во что бы то ни стало, Питтъ продолжалъ выдавать пруссакамъ общія субсидіи и отправилъ въ Вѣну хранителя государственной печати, Спенсера, и брата министра иностранныхъ дѣлъ, сэра Томаса Грэнвилля. Они пустились въ путь въ послѣднихъ числахъ іюля. Питтъ только предупреждалъ назначеніемъ этого посольства желанія Тугута. Этотъ министръ вернулся въ столицу 8 іюля. Кауницъ только что умеръ. Тугутъ получилъ официальное назначеніе на должность, которую фактически занималъ уже давно, и принялъ титулъ министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ принялъ его при зловѣщемъ предзнаменованіи. Первый явившійся къ нему курьеръ привезъ извѣстіе о сраженіи при Флерюсъ и объ отступленіи Кобурга. Императоръ писалъ этому принцу, чтобы онъ удержался въ Нидерландахъ, а для обезпеченія ему средствъ рѣшилъ послать въ Англію Мерси. Тугутъ немедленно написалъ инструкціи австрійскому посланнику. «Отнынѣ безусловно необходимо,—говорилъ онъ въ нихъ,—противопоставить потоку французской анархіи возможно болѣе грозную массу силъ». Союзникамъ приходится всего опасаться и ничего не ждать отъ Пруссіи. Гагскій договоръ падетъ самъ собой. Субсидіи будутъ свободны. Политическія соображенія совѣтуютъ обратить ихъ въ пользу Австріи, участіе которой въ войнѣ необходимо, между тѣмъ какъ она не въ состояніи вести ея на собственные средства. Мерси долженъ былъ намекнуть на это и во всякомъ случаѣ попросить гарантіи для займа, который вѣнскій дворъ заключилъ бы въ Лондонѣ. «Мы не желаемъ покидать Бельгіи,—съ своей стороны писалъ Мерси,—если намъ доставить дѣйствительныя средства защищать и сохранить ее и если мы найдемъ возможность удержаться въ ней, не навлекая разоренія монархіи». Австрійскіе военные люди смотрѣли на продолженіе войны совершенно такъ же, какъ и пруссаки, и князь Вальдекскій обратился къ императору съ совѣтами, которые, казалось, были сколками съ совѣтовъ Меллендорфа прусскому королю. Необходимость защищать имперію давала, по мнѣнію австрійскаго генерала, честный и патріотичный предлогъ для бездѣйствія до той поры, когда обезпечены будутъ субсидіи изъ Лондона. Что бы ни случилось, прежде всего слѣдовало беречь армію. «До тѣхъ поръ, пока австрійскій домъ будетъ имѣть армію, онъ можетъ быть вѣрнъ; но коль скоро ея не будетъ, онъ перестаетъ быть чѣмъ бы то ни было», говорилъ князь Вальдекскій.

Этотъ совѣтъ имѣлъ непосредственное приложеніе къ Польшѣ. Дѣло шло о томъ, чтобы быть тамъ чѣмъ-нибудь для того, чтобы взять много,

Австрія же не располагала тамъ почти ничѣмъ, имѣя лишь 18 или 20.000 солдатъ въ Галиціи. А между тѣмъ, писалъ Тугутъ—цѣлью нашею должно быть поступательное движеніе и занятіе насколько возможно обширныхъ пространствъ въ краѣ, всего что еще не занято пруссаками и русскими; мы не должны отступать даже вслѣдствіе угрозъ со стороны пруссаковъ. За неимѣніемъ достаточныхъ военныхъ силъ для такой операціи, Австрія нуждалась въ благорасположеніи Россіи. Екатерина готова была его оказать.

Императрица находила, что пруссаки слишкомъ торопятся и держатъ себя слишкомъ независимо. Она поспѣшила уладить свои разногласія съ Турціей: эти разногласія, сами по себѣ, были малозначущи и ихъ не трудно было окончить, коль скоро не желали извлечь изъ нихъ повода къ войнѣ. О соглашеніи было объявлено 26 іюня въ Константинополь, и русскіе получили возможность начать свои движенія въ сторону Польши. Тѣмъ не менѣе это требовало времени и для того, чтобы за это время сдерживать пруссаковъ, Екатерина нуждалась въ содѣйствіи Австріи. «Настала минута,—велѣла она написать въ Вѣну,—когда три пограничныя державы должны озаботиться не только потушеніемъ до послѣдней искры огня, зажегшагося въ этомъ сосѣднемъ съ нимъ очагѣ, но и воспрепятствованіемъ ему навсегда вновь воспылать изъ-подъ пепла». Марковъ безъ дальнихъ околичностей спросилъ Кобенцеля, что именно желаетъ взять Австрія. Вопросъ этого Кобенцель ждалъ уже цѣлые полтора года. Онъ имѣлъ достаточный досугъ для подготовленія отвѣта. Этотъ отвѣтъ заключался въ томъ, что Австрія возьметъ два «эквивалента»: одинъ по отношенію къ раздѣлу, совершившемуся въ 1793 г., другой—по отношенію къ предстоявшему раздѣлу. Марковъ и Кобенцель занялись разсмотрѣніемъ карты. «Что же дѣлать съ остаткомъ Польши?» спросилъ Кобенцель. «Если уже нужно дѣлать,—отвѣтилъ Марковъ,—то, мнѣ кажется, лучше уже дѣлать все». Онъ прибавилъ, что императрица готова обязаться тайнымъ договоромъ защищать Австрію противъ угрозъ и захватовъ Пруссіи, какъ въ польскихъ, такъ и во французскихъ дѣлахъ¹⁾.

Австрія и Россія не довѣряли пруссакамъ и имѣли на то основаніе. Пруссакъ, въ свою очередь, не довѣрялъ обоимъ дворамъ и также съ полнымъ основаніемъ. Вступивъ въ Польшу 3-го іюня, Фридрихъ-Вильгельмъ собралъ остатки русской арміи и взялъ Краковъ, Костюшко укрылся въ Варшавѣ 9-го іюля и сосредоточилъ здѣсь все сопротивление Польши. Оно было не велико: 17.000 линейныхъ войскъ, 15.000 плохо вооруженныхъ крестьянъ, 450 пушекъ, а позади—полуразрушенныя укрѣпленія и правительство, раздираемое несогласіями. Пруссакъ подошли къ Варшавѣ 13-го

¹⁾ Безбородко Разумовскому, 12-го іюля.—Докладъ Кобенцеля, 25 іюля 1794 г. ZEISSBERG, t. IV. Мартенсъ, т. II, стр. 219.

июля. Они полагали, что можно овладѣть ею немедленно приступомъ. Князь Нассау-Зигенскій, уполномоченный Екатерины, воспротивился. Въ интересахъ его государыни было затянуть операци и изнурить пруссаковъ правильной осадой. Мнѣніе князя взяло верхъ. Русскіе обложили южную часть города, пруссаки—сѣверную; но такъ какъ ни у тѣхъ ни у другихъ не имѣлось осаднаго парка, то траншеи были открыты только 26-го июля.

Фридрихъ-Вильгельмъ занималъ воеводства: Краковское и Сандомирское. Онъ намѣревался оставить ихъ за собою. Это завоеваніе вмѣстѣ съ взятіемъ Варшавы, въ которомъ онъ не сомнѣвался, дало бы ему въ видѣ пограничной линіи все теченіе Вислы. Онъ узналъ, однако, что Австрія имѣетъ виды на воеводства и ни въ какомъ случаѣ не желаетъ уступать. Въ то же время ему сообщали, что императоръ ищетъ сближенія съ французами. Отступленіе австрійскихъ войскъ возбуждало подозрѣнія; то, что говорилось дипломатами, и въ особенности Бернсторфомъ, подтверждало опасенія. «Если ваше правительство, — говорилъ Бернсторфъ французскому агенту, — желало бы при настоящихъ обстоятельствахъ установить сношенія съ императоромъ, то у меня есть для того открытый, вполне вѣрный и благоприятный путь, по которому я беру на себя передать все, что найдете полезнымъ». «Австрія, — говорилъ онъ нѣсколько дней спустя, — по весьма точнымъ свѣдѣніямъ достаточно возбуждена противъ пруссаковъ для того, чтобы измѣнить свой взглядъ на французскія дѣла и воспользоваться случаемъ остановить успѣхи прусскаго короля въ Польшѣ, вступивъ въ переговоры съ республикою». Агенты, распространявшіе такіе рѣчи, не имѣли на то никакихъ полномочій, но не имѣли и причинъ молчать. Пруссакі держались на-сторожѣ. Сплетни дошли и до главной квартиры Фридриха-Вильгельма. Въ ней нашли политики пожелавшіе извлечь изъ нихъ пользу.

Луккезини пріѣхалъ изъ Вѣны, чтобы просвѣтить короля относительно польскихъ дѣлъ, такъ близко ему знакомыхъ. Вы должны заручиться, повторялъ онъ ему; займите все, что можете, такъ чтобы было что отдавать изъ того, что для васъ непригодно, и удержите линію Вислы. Онъ убѣждалъ короля немедленно взять приступомъ Варшаву. Бишофсвердеръ, возстановившій свой кредитъ въ достаточной мѣрѣ, чтобы подавать двусмысленные совѣты, возражалъ, что приступъ скомпрометировалъ бы прусскую армію, что ее слѣдуетъ беречь для того, чтобы сдерживать русскихъ въ случаѣ надобности; наконецъ, что человѣческое чувство запрещаетъ обагрять кровью городъ, предназначенный сдѣлаться прусскою собственностью. Это была партія нерѣшительныхъ дѣйствій; она одержала верхъ, и приступа не послѣдовало.

Луккезини не отличался широтою ума, но онъ былъ проникателенъ и въ особенности методиченъ, воспитавшись въ школѣ Фридриха II: онъ умѣлъ предвидѣть отдаленныя послѣдствія, рассмотреть дѣло съ нѣсколькихъ сторонъ и схватить соотношеніе разныхъ фактовъ. Онъ нашелъ, что у Пруссіи слишкомъ мало войскъ въ Польшѣ и что слѣдуетъ позаимствовать ихъ тамъ, гдѣ ихъ слишкомъ много. Главные удары, т. е. тѣ, которыми пріобрѣтены были бы лучшіе призы, должны быть направлены вокругъ Варшавы; здѣсь неумѣстно было бы себя беречь. У Пруссіи имѣлись резервы; стоило только призвать ихъ во-время, а для этого надо имѣть ихъ въ своемъ распоряженіи. Луккезини намекнулъ, что заключить миръ съ французами нетрудно, что если имъ предоставить Бельгію, они безъ труда согласятся ничего не завоевывать въ Германіи и что все будетъ приведено къ наилучшему концу: честь прусскаго короля будетъ спасена, Австрія ослаблена и унижена, армія же Меллендорфа явится третейскимъ судьей при раздѣлѣ Польши. Меллендорфъ проводилъ такіе же возрѣнія на другомъ концѣ театра военныхъ дѣйствій. 5 июля онъ написалъ королю о мнимыхъ переговорахъ между Робеспьеромъ и Тугутомъ и испросилъ разрѣшеніе завязать подобныя же сношенія съ французскими агентами. Старый Герцбергъ, въ свою очередь, вышелъ изъ своего уединенія и заговорилъ, чтобы подать совѣтъ въ критическую для Пруссіи минуту. Онъ далъ своему государю мысль о широкомъ посредничествѣ, которое обезпечило бы ему супрематство въ имперіи и гегемонію въ Польшѣ. Фридриха-Вильгельма раздражала необходимость покоряться силѣ событій, а именно это и скрывалось подъ всѣми этими увѣщаніями. Мысль о сдѣлкѣ съ якобинцами возмущала его гордость и оскорбляла совѣсть, и однакоже онъ смутно сознавалъ, что придется дойти до этой крайности. Онъ отбивался отъ собственныхъ соображеній, отъ силы вещей, отъ совѣтниковъ. 20 июля онъ писалъ Герцбергу: «Я обращаю вниманіе на совѣты только тогда, когда прошу ихъ самъ». Меллендорфу онъ не разрѣшилъ вступать въ сношенія съ французами. — Что до меня касается, писалъ Луккезини Меллендорфу, то лично я ничего не имѣю противъ переговоровъ съ Робеспьеромъ. Мазарини велъ же переговоры съ Кромвелемъ. Но со стороны короля мы встрѣтили бы непреодолимое сопротивленіе. Слѣдовательно не настало еще время для такого шага».

Меллендорфъ, однакоже, не ждалъ согласія короля, чтобы закинуть удочку для переговоровъ, которые считалъ необходимыми. Онъ зналъ о доброй славѣ Бартелеми, объ уваженіи, которымъ этотъ посланникъ пользовался въ Швейцаріи, и кредитъ, которымъ, повидимому, располагалъ въ Парижѣ: это былъ свѣтскій человѣкъ, дипломатъ по профессіи, ему знакомы были прецеденты и онъ обладалъ тактомъ въ веденіи дѣлъ. Меллендорфъ воспользовался обмѣномъ плѣнныхъ, какъ предлогомъ для сношеній

съ Бартелеми и велѣлъ плѣннымъ французскимъ офицерамъ извѣстить о томъ французскаго послапника. «Пруссаки,—писали эти офицеры,—желаютъ начать переговоры съ Франціей; когда имъ будутъ извѣстны ея намѣренія въ этомъ отношеніи, они пошлютъ делегата въ условленное мѣсто, при чемъ желаютъ только, чтобы этотъ шагъ оставался тайнымъ вплоть до окончательнаго исхода». Письмо было помѣчено изъ Майнца, отъ 23-го іюля. Меллендорфъ поручилъ доставку его нѣкому крейцнахскому вино-торговцу Шмерцу. Этотъ Шмерцъ былъ человѣкомъ со связями, умѣлъ молчать и желалъ играть роль. Онъ дѣйствительно, сыгралъ роль машиниста въ одной изъ замѣчательнѣйшихъ пьесъ европейскаго театра.

Меллендоръ бралъ на себя большую отвѣтственность; но подобныя рискованныя выходки были въ прусскихъ обычаяхъ. Къ тому же онъ полагался на свое чутье и былъ увѣренъ, что рано или поздно его государь опѣнитъ эту попытку. Дѣло въ томъ, что миролюбивые совѣты со всѣхъ сторонъ сыпались на Фридриха-Вильгельма. Струэнзе указывалъ на опустѣвшую казну, на истощенную страну, на отсутствіе кредита, на разорительность содержанія войскъ, несмотря на англійскія субсидіи: «Обстоятельства требуютъ скорѣйшаго заключенія мира», говорилъ онъ въ окончательномъ выводѣ. Гарденбергъ, съ своей стороны, извѣщалъ: «Невозможно скрывать отъ себя, что миръ, быстро и совокупно съ прочими заключенный, есть единственная мѣра, могущая оградить насъ или, по крайней мѣрѣ, отсрочить грозящія намъ бѣдствія».

Король призналъ наконецъ своевременнымъ удаленіе арміи изъ Нидерландовъ и отступленіе ея къ Рейну, а также согласился съ тѣмъ, что эту армію слѣдуетъ сколько возможно менѣе подвергать опасности. Но онъ еще далеко былъ отъ мысли протянуть руку якобинцамъ. Онъ продолжалъ кичиться званіемъ спасителя Германіи и истребителя революціонной гидры. Воображеніе его плѣнялось образомъ Херуса Арминія. «Если другіе не въ силахъ продолжать войны,—говорилъ онъ Луккезини,—то они должны думать о заключеніи мира; но я не изъ тѣхъ, которые заискиваютъ у царей и убійцъ». Луккезини тѣмъ не менѣе продолжалъ настаивать. Событія оправдывали его совѣты. Къ тому же онъ зналъ, какъ быстро можетъ мѣняться настроеніе короля. Если Фридриху-Вильгельму непріятна была мысль о сепаратномъ мирѣ, который былъ бы измѣной, то онъ все-таки не отвергалъ идеи быть посредникомъ при заключеніи общаго мира, могущаго послужить къ чести Пруссіи и счастью всего человѣчества. Луккезини указалъ на равнодушіе Австріи къ благороднымъ мотивамъ, останавливающимъ и волнующимъ короля; онъ замѣтилъ, что она готова опередить его и похитить прекрасную роль миротворца. Далѣе онъ указалъ на Испанію, Тоскану и Неаполь, жаждущихъ мира и спокойствія. Король сталъ коле-

баться въ своемъ упорствѣ. «Боже мой!—сказалъ онъ наконецъ,—я знаю, что миръ есть великое благо и не противлюсь тому, чтобы вы убѣдили въ этомъ другихъ; но поймите это хорошенько: только лично отъ себя». Луккезини немедленно извѣстилъ Меллендорфа: «Король, дѣйствительно, объявилъ мнѣ самымъ торжественнымъ образомъ, что не почтетъ для себя безчестіемъ, если кто-нибудь изъ его слугъ сдѣластъ первый шагъ, по ему весьма желательно, чтобы этому способствовали обстоятельства». Объ обстоятельствахъ должны были позаботиться слуги, а у прусскаго короля имѣлись достаточно ревностные и изобрѣтательные люди, умѣвшіе предупредить его желанія.

Передавая о многихъ переговорахъ между Австріей и Франціей, Луккезини только инсинуировалъ; но говоря о томъ, что и остальные континентальныя державы желали мира, онъ нисколько не грѣшилъ противъ истины. Взятіе Фуэнтарабіи и Санъ-Себастьяна, доставившее Франціи Гвинею, пополнило въ Западныхъ Пиренеяхъ результаты успѣховъ французскаго оружія въ Восточныхъ. Испанская граница была прорвана. Эти извѣстія взволновали Мадридъ. Народъ обвинялъ министерство за безсиліе флота, за неспособность генераловъ, за разореніе страны, которая, несмотря на свои усилія, не въ состояніи была защищаться. Для усмиренія бунтовщиковъ прибѣгли къ содѣйствію войска. Народное недовольство было направлено противъ Годоя. Фаворитъ увидѣлъ, что заключеніе мира—единственное средство сохранить власть: онъ сдѣлался миролюбивымъ, а Марія-Луиза стала желать мира, чтобы сохранить любимца. Испанскіе патріоты видѣли пораженіе коалиціи на европейскомъ материкѣ и торжество Англіи на моряхъ. Они ждали, что Франція станетъ завоевывать сосѣднія страны, Англія же завоюетъ французскія колоніи. Для Испаніи это равнялось двойному ущербу и двойному пораженію, такъ какъ ей было бы выгодно, чтобы Францію сдерживали на континентѣ и чтобы она, въ свою очередь, ограничивала морское преобладаніе Англіи.

Голландцы менѣе опасались за свои колоніи, но были въ страхѣ за собственную территорію. Они знали, что имъ грозитъ нашествіе, но они не въ силахъ были отразить его и не могли рассчитывать на постороннюю помощь. Ихъ маленькая 30.000-ная армія сократилась на половину, укрѣпленія были разружены. Они надѣялись на Австрію, которая заинтересована была въ ихъ защитѣ, отстаивая Бельгію, но Австрія покидала ихъ. Они рассчитывали на Пруссію, которой платили, но она уходила, забравъ ихъ деньги. Помимо Австріи и Пруссіи, Англія ничего не могла для нихъ дѣлать. Голландская буржуазія заговорила о мирѣ, а демократическая партія, стоявшая за союзъ съ Франціей, заговорила о революціи. Въ результатъ получилось всеобщее миролюбіе: одни желали избѣжать французской окку-

паціи. другіе, напротивъ, старались ее облегчить. «Голландія, — писалъ французскій эмигрантъ Малуэ, нашедшій убѣжище въ Лондонѣ, — погибшая страна. Весьма многіе голландцы желаютъ нашествія французовъ». Это не большинство «но большинство бездушно и не имѣетъ вождей, способныхъ его воодушевить. Этому выродившемуся народу, какъ и всѣмъ ему подобнымъ, остается выборъ господина».

Италія идетъ на встрѣчу французамъ. Неаполитанскій король усилилъ составъ своихъ войскъ, но онъ бережетъ ихъ для умирненія собственныхъ подданныхъ. Алфіери, укрывшійся во Флоренціи, пишетъ тамъ свой *Misogallo*; но въ самой Флоренціи французская партія поднимаетъ голову. Лордъ Гудъ и его пушки удалились. Манфредини снова попалъ въ милость. Графъ Карлетти, подвижной, безпокойный, легкомысленный человѣкъ, жужжавшій около дипломатин, принужденъ былъ выѣхать изъ Флоренціи вслѣдствіе дуэли съ англійскимъ резидентомъ Виндгамомъ. Онъ отправляется въ Геную и интригуетъ заодно съ французскимъ агентомъ Тилли. Какольтъ кончилъ тѣмъ, что остался во Флоренціи: онъ ведетъ тамъ тайныя совѣщанія съ государственнымъ министромъ Нери-Коренни; онъ давно уже увѣряетъ, что Италія готова подчиниться. Если французы, — такъ говорили въ Италіи люди всевозможныхъ партій, — оградятъ собственность и религію и не станутъ обращаться съ Италіей какъ съ Палатинатомъ, то какое намъ дѣло до всего остального? — «Этотъ народъ, — прибавлялъ Какольтъ, — болѣе чѣмъ какой-либо другой свободенъ отъ всякой привязанности къ своимъ государямъ и правителямъ».

Такимъ образомъ, въ послѣднихъ числахъ Іюля и въ первыхъ числахъ августа, миръ считался возможнымъ на всемъ европейскомъ материкѣ. Его подготавливалъ самый ходъ событій. Недоставало только правительства въ республикѣ, чтобы согласиться на этотъ миръ и заключить его. Европейскіе дипломаты ожидали, что главою такого правительства будетъ Робеспьеръ: они не знали ни этого человѣка, ни истиннаго положенія дѣлъ во Франціи. Именно паденіе Робеспьера и конецъ его диктатуры и позволили начать переговоры, которые напрасно старались завязать съ нимъ самимъ.

ГЛАВА IV.

Термидорская революція.

1794.

I.

Престижъ Робеспьера былъ пустымъ призракомъ; чтобы разсѣять его, стоило только мрачному диктатору добиться высшей власти и натолкнуться на одну изъ тѣхъ случайностей, которыя открываютъ глаза и на дѣйствительный ходъ исторіи, и на дѣйствительное значеніе тѣхъ, кого считаютъ вождями людей. Могущество тріумвировъ, какъ называли Робеспьера, Кутона и Сентъ-Жюста, казалось достигло своего апогея. Отъ 19-го февраля по 19-е мая число казней дошло въ Парижѣ отъ 116 до 155 и 354; ихъ насчитывали 281 въ двѣ первыя декады преріала, то есть отъ 20-го мая по 10-е іюня. Головы покорно гнулись подъ гильотину. Никто въ странѣ не оказывалъ сопротивленія. Въ этомъ сказалась наслѣдственная привычка повиновенія абсолютной власти, безсиліе отдѣльныхъ лицъ реагировать противъ рокового и непонятнаго для нихъ извращенія революціи, созданной для того, чтобы эманципировать ихъ, а вмѣсто того подавляющей ихъ чувствомъ безпомощности. Отвращеніе къ жизни у людей съ возвышенною душою, своего рода опьянѣніе болѣе мелкихъ, печаль и уныніе всѣхъ — вотъ причины, почему такъ хорошо умирали, — можно сказать, слишкомъ хорошо и слишкомъ легко. «Это чрезмѣрное презрѣніе къ смерти доказывало недостаточное уваженіе къ жизни», замѣчаетъ одинъ роялистъ. Равнодушіе къ жизни — вотъ заключительная черта вѣка, завершавшагося бойней. Въ этомъ бравоугованіи смерти и въ стоицизмѣ сказывалось отчаяніе въ собственныхъ силахъ и разочарованіе въ потускнѣвшемъ идеалѣ своего поколѣнія. И чѣмъ возвышеннѣе были души, тѣмъ глубже было отчаяніе. Двое молодыхъ людей, имена которыхъ остались честию и украшеніемъ того времени, заключенные въ тюрьму по волѣ однихъ и тѣхъ же людей, выражаютъ это чувство почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ: «Я переполненъ отвращеніемъ», — говорилъ Гошъ, — я похожъ на несчастнаго, который хотѣлъ бы убѣжать отъ самого себя и нигдѣ не можетъ найти покоя... Я пламенно вѣрилъ, что революція измѣнитъ нравы. Меня извлекъ изъ неизвѣстности не знаю кто, не знаю зачѣмъ, я вернусь въ нее какъ

и вышелъ, безъ радости и безъ огорченія». Андре Шенье «утомленъ тѣмъ, что раздѣлялъ позоръ этой громадной толпы, которая втайнѣ питаетъ ту же ненависть, но одобряетъ и поощряетъ своимъ молчаніемъ жестокихъ людей и жестока дѣла... Жизнь не стоитъ такого униженія». Эти разочарованные мечтали, кто о римской республикѣ, кто о возрожденіи Аѳинъ; имъ грезилась свободная, великодушная и радостная Франція: имъ кажется, что теперь остается только умереть. Изъ фаланги юныхъ бойцовъ, порожденныхъ революціей, можетъ быть только одинъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ взираетъ на громадную бойню, въ которой падали героическія, мыслящая, благородныя головы, на подавленіе свободы, на униженіе принципа, на неожиданную метаморфозу, превратившую республику въ армію завоевателей и въ поработенное государство. «Если бы Робеспьеръ удержалъ за собою власть,—говорилъ Бонапартъ Мармону,—онъ измѣнилъ бы свой образъ дѣйствій; онъ возстановилъ бы царство закона; къ этому результату пришли бы безъ потрясеній, потому что добились бы его путемъ власти». Очевидно, что въ ту минуту Бонапартъ приписывалъ Робеспьеру свой собственный духъ и какъ бы провидѣлъ собственную судьбу. Онъ смутно предчувствовалъ, что Робеспьеръ готовится ему пути. Подобно европейскимъ политикамъ, онъ видѣлъ въ немъ второго Кромвеля; но между тѣмъ, какъ эти политики обманывали себя призраками минувшаго, Бонапартъ повиновался инстинкту того будущаго, которое никто въ то время, и менѣе всѣхъ онъ самъ, не могъ ожидать для французской республики.

Франція была поработена; Конвентъ уничтоженъ. Онъ соглашался на все. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ пережилъ всѣ фазисы существованія римскаго сената. Подобно этому сенату, онъ, казалось, «устранилъ столько властителей лишь для того, чтобы самому впасть въ позорное рабство нѣсколькихъ наименѣ достойныхъ гражданъ и истреблять самого себя собственными рѣшеніями». Засѣданія велись поспѣшно и безъ оживленія. Большинство депутатовъ искало убѣжища въ дѣловыхъ комитетахъ и отдѣленіяхъ. Тамъ они запирались, закрывая глаза и уши на дѣянія Собранія и выходили только тайкомъ для того, чтобы представить докладъ на трибунѣ Конвента. По всѣмъ политическимъ вопросамъ Конвентъ ждалъ приказовъ комитета Общественнаго спасенія. Триумвиры являлись, предшествуемые кучкой приближенныхъ, такъ сказать, вольноотпущенниковъ, парламентскихъ доносчиковъ и забіякъ ¹⁾. Каждый изъ депутатовъ съ то-

¹⁾ У нихъ, какъ у римскихъ трибуновъ и Цезарей, были приближенные нѣсколькихъ степеней. Первыхъ (дѣло идетъ о Кайѣ Гракхѣ) узнавали по тому, что они, отъ времени до времени, получали аудіенцію и могли видѣться наединѣ съ господиномъ: вторые могли являться только группами, что касается третьихъ, то они приближались къ нему не иначе, какъ всею

скою и тревогою пытался прочесть у нихъ на лицахъ, «несутъ ли они декретъ о новыхъ проскрипціяхъ или вѣсть о побѣдѣ». Всѣ приливали къ Горѣ. Правая была пустыня, центръ полонъ, но молчаливъ. Были робкіе, бродившіе съ мѣста на мѣсто, не смѣя остановиться ни на одномъ и ускользавшіе изъ залы передъ подачей голосовъ. Такое зрѣлище представлялъ Конвентъ во время важныхъ засѣданій. Въ обычное же время зала оставалась почти пустою. 5-го апрѣля Амаръ былъ выбранъ президентомъ 161 голосомъ на 206 вотировавшихъ; 26-го мая былъ выбранъ Приеръ да-ла-Котъ д'Оръ—94-мя на 117 присутствовавшихъ членовъ.

Робеспьеръ былъ окруженъ всею лестью, какую только можетъ внушить низость. Какъ ни велика была подлость угодниковъ, ее, повидимому, превосходило недовѣріе, которое онъ питалъ къ нимъ. Но насталъ день, когда это недовѣріе и опасеніе, всегда охранявшія его, измѣнили ему, и онъ позволилъ ослѣпить себя избыткомъ лести и угодливости. Суровый инквизиторъ, строгій къ себѣ и не искавшій внѣшнихъ отличій и почета, впалъ въ искушеніе: казалось, что у него закружилась голова отъ приступа тщеславія. По его желанію, Конвентъ декретировалъ торжественное празднество, которое должно было справляться 20 преріала;—8 іюня,—въ честь Верховнаго Существа и безсмертія души. Президентъ Конвента долженъ былъ явиться на этотъ праздникъ въ качествѣ первосвященника. 4-го іюня Робеспьеръ записался кандидатомъ на президентство. Конвентъ оказался въ полномъ сборѣ. Депутаты выслали изъ отдѣленій. Всѣ, находившіеся въ Парижѣ члены Конвента должны были засвидѣтельствовать свою вѣру. Вотировавшихъ было 485: всѣ до одного подали голосъ за Робеспьера, и онъ былъ выбранъ. Если бы онъ дѣйствительно былъ тѣмъ ловкимъ и тонкимъ политикомъ, какимъ его считали, онъ, безъ сомнѣнія, выказалъ бы при этомъ случаѣ двойное смиреніе, простерся бы предъ Вседержителемъ и затерялся бы въ толпѣ народа-властелина, созданнаго по подобію этого Бога и являющаго собою орудіе Провидѣнія. Но Робеспьеръ не уберегъ себя отъ головокруженія ²⁾.

8-го іюня небо было ясно, солнце сіяло. Нарядная толпа съ любопытствомъ тѣснилась около того мѣста, по которому долженъ былъ проходить кортежъ. Для массы парижскаго населенія это былъ веселый праздничный массовый. При Тиверіи *cohors amicorum* государя было тѣмъ же, чѣмъ были приближенные трибуновъ; такое же значеніе имѣли и позднѣйшіе *comites*, подраздѣлявшіеся на три разряда. *Comites*—приближенные, допущенные въ *comitatus*, т. е. въ кортежъ государя. Fustel de Coulanges, *Le Bénéfice*, p. 211, 228, 231—232. Тираннія всегда слѣдуетъ рутинѣ и ретроградна по самой своей сущности: у нея немного способовъ и путей; она ихъ находитъ сразу и всегда возвращается къ одному и тому же.

²⁾ Quinet, *La Révolution*, liv. XVIII: *La dictature*.

день; для всѣхъ, кому грозилъ терроръ—день передышки. Парижъ, повергнутый спартанскому режиму, снова сталъ самимъ собою, и люди радовались хотя бы тому, что живутъ на свѣтѣ. Для членовъ Конвента была устроена эстрада, передъ Тюильри. Робеспьеръ въ небесно-голубомъ фракѣ, напудренный, съ букетомъ большихъ размѣровъ, чѣмъ букеты остальныхъ его товарищей, и составленномъ изъ колосьевъ, цвѣтовъ и плодовъ,—взошелъ на трибуну, занимавшую центръ эстрады. Хоры музыкантовъ расположены были вокругъ. Среди ихъ пѣсень, Робеспьеръ прославилъ Бога, котораго онъ далъ революціи. Затѣмъ Конвентъ при звукѣ музыки спустился въ садъ и прошелъ предъ толпою собравшагося народа. Народъ привѣтствовалъ Конвентъ, оратора и въ особенности празднество. Робеспьеръ шелъ впереди остальныхъ членовъ Конвента. Виваты оцѣнили его. Ему показалось, что враги его смущены, республика у его ногъ, добродетель восхваляется въ его лицѣ, Онъ забылся на минуту, и эта минута слабости разрушила дѣло трехлѣтней нравственной сдержанности. Разстояніе между нимъ и товарищами незамѣтно увеличилось на нѣсколько шаговъ. Эти нѣсколько шаговъ погубили его. Видя, какъ поднимается его горячая голова; какъ онъ держитъ себя властелиномъ толпы, монтаньяры почувствовали, что погибнуть, если не упочтожать его, и многіе тогда же задумали отъ него избавиться.

Это были именно самые ожесточенные пособники террора; но такова уже была роковая участь террора, что, будучи созданы для утвержденія господства террористовъ, онъ могъ придти въ концѣ концовъ только къ ихъ собственному уничтоженію. Они одержали верхъ, подобно тому, какъ имъ подобные всегда одерживаютъ верхъ во всѣхъ демагогіяхъ, въ силу личнаго фанатизма, непосредственнаго и не сложнаго. Цинизмъ ихъ рѣчей, реализмъ ихъ воззрѣній и сластолюбивая жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ впускали отвращеніе Робеспьеру: они профанировали его терроръ, и онъ не ошибался, предполагая, что его суровая нравственность—живой укоръ ихъ развращенности. Они ненавидѣли его, потому что онъ узурпировалъ ихъ революцію, т. е. высшую степень разнузданности ихъ инстинктовъ и злобы, и хотѣлъ замѣнить дисциплиною набожнаго воздержанія, духовнымъ и пуританскимъ гоненіемъ; они ненавидѣли его за то, что онъ возстановлялъ прежнія цѣпи, и притомъ наиболѣе для нихъ нестерпимыя: Бога, совѣсть, безсмертіе души; наконецъ, и за то, что онъ намѣревался учредить въ свою пользу нѣчто болѣе претившее имъ, чѣмъ сама диктатура тирана—первосвященство цензора нравовъ. Вотъ, что ясно увидѣли въ торжествѣ Верховнаго Существа Фуше, Талльены, Колло, Бареры, Бурдоны, Лекантры. Они поняли, что имъ нельзя терять времени, если они желаютъ предотвратить ударъ. Робеспьеръ уже увѣдомилъ ихъ. «Завтра,—сказалъ онъ,—возвра-

щаясь къ нашимъ трудамъ, мы съ новымъ пыломъ будемъ разить враговъ отечества». И дѣйствительно, 22 преріаля,—10 іюня,—Кутонъ представилъ окончательный законъ террора, дополнявшій предыдущіе и ставившій всю Францію подъ власть триумвировъ.

Революціонный трибуналъ,—говорилъ онъ,—парализованъ въ своей дѣятельности медленностью процедуры: не нужно формальностей, доказательствъ, свидѣтелей, ни даже собственного признанія; достаточно одной очевидности, и судить о ней будетъ судья. «Единственный срокъ для наказанія враговъ отечества—время ихъ найти и узнать; дѣло идетъ не столько объ ихъ наказаніи, сколько объ ихъ уничтоженіи». Не тѣ только враги отечества,—прибавилъ Кутонъ,—кто вступилъ въ заговоръ съ иностранцами и мятежниками. Самые преступные тѣ, кто старается «непортить правы и развратить общественную совѣсть». Каждый гражданинъ обязанъ указывать на нихъ. Комитетъ Общественнаго спасенія могъ препровождать ихъ непосредственно въ революціонный трибуналъ. Эта статья направлена была, главнымъ образомъ, противъ монтаньяровъ. Тѣмъ не менѣе и она была принята; но на другой день ее отмѣнили, по предложенію Мерлена. Робеспьера не было въ Конвентѣ. 12-го іюня, явившись туда, онъ вознегодовалъ и грозно, какъ истый сектантъ, воскликнулъ: «Въ Конвентѣ могутъ существовать только двѣ партіи: партія добрыхъ и партія дурныхъ гражданъ». Бурдонъ имѣлъ неосторожность протестовать: «Я не злодѣй!»—«Я не называлъ Бурдона,—возразилъ Робеспьеръ;—горе тому, кто самъ себя называетъ!..» Мерленъ засвидѣтельствовалъ чистоту своихъ намѣреній. Конвентъ принеся покаяніе и возстановилъ статью, клонившую къ его собственной гибели.

Робеспьеръ достигъ своей цѣли. Онъ всемогущъ. Настало время открыть свою заветную тайну, свой планъ. Этимъ временемъ нельзя пренебрегать, потому что оно скоропроходяще. Государственныхъ людей узнаютъ по умѣнью пользоваться временемъ. Но у Робеспьера не было никакой тайны. Онъ продолжаетъ убивать безразлично роялистовъ, республиканцевъ, вѣрующихъ, безбожниковъ, господъ, слугъ, горожанъ, крестьянъ, богатыхъ, бѣдныхъ, въ особенности бѣдныхъ по той причинѣ, что, ударяя на удачу, въ толпѣ, попадаютъ главнымъ образомъ въ бѣдняковъ. Одинаковой участи подвергаются ученый и невѣжда, и даже несчастные, которые прячутся и молчатъ, потому что, прячась, они навлекаютъ подозрѣніе въ злыхъ умыслахъ, а молчаніе ставится въ вину, какъ недонесеніе о преступленіи³⁾. Робеспьеръ, быть можетъ, по временамъ самъ при-

³⁾ И въ этомъ нѣтъ ничего исключительно принадлежащаго революціи и ничего, могущаго быть извиняемымъ интенсивностью кризиса; напротивъ, все это прекрасно объясняется повтореніемъ рутиннаго способа дѣйствій ти-

ходилъ въ ужасъ отъ своей работы, въ особенности же отъ того, что ей не предвидѣлось конца и что ему постоянно пришлось бы играть роль палача. Съ отвращеніемъ смотря на эту роль, онъ, быть можетъ, лелѣялъ иллюзію, что, убивая большее количество людей и дѣлая это методически, онъ достигнетъ, наконецъ, того, что не будетъ надобности убивать. Но этотъ день насталъ бы только тогда, когда были бы истреблены все порочныя и все отщепенцы и когда во Франціи водворилось бы единство въ воззрѣніяхъ, единство вѣрованій и чувствъ. Самая пелѣдность такого проекта, приписываемаго ему его апологетами, доказываетъ невозможность для него покончить съ терроромъ. Онъ не могъ уже остановиться и потому, что въ такомъ случаѣ ему пришлось бы опасаться мщенія тѣхъ, кого онъ запугалъ. Что касается того, чтобы вести большую игру какого-нибудь Силлы и поддержать умѣренностью диктаторскую власть, захваченную силою, то Робеспьеръ не былъ способенъ на это. Дантонъ, который превосходилъ смѣлостью всехъ революціонеровъ, мечталъ объ этомъ, но не нашелъ случая исполнить; Робеспьеръ, имѣвшій къ тому случай, не обладалъ достаточною смѣлостью. На самомъ дѣлѣ, со времени принятія преріальскаго закона, казни удвоились ⁴⁾. Единственное государственное правило, которое можно извлечь изъ зловѣщаго краспорѣчія того времени, заключается въ слѣдующихъ словахъ Барера: «Да погибнуть враги! Только мертвые никогда не возвращаются».

Поэтому-то Бареръ и его сообщники не желали умирать. Ихъ чередъ наступалъ. Доносы множились вокругъ нихъ, а въ нихъ самихъ усиливался томительный страхъ предъ эшафотомъ. Они предвкушали послѣднія судороги гильотины, которыми терзали своихъ враговъ. Они уже извѣдали безсонныя ночи, дрожь ночью, при малѣйшемъ шумѣ шаговъ на улицѣ, а на другой день—мучительнѣйшее состояніе людей, боящихся выдать свой страхъ передъ господиномъ. Въ нихъ не было ни мрачнаго энтузіазма жирондистовъ, ни фатализма Дантона, ни той экзальтаціи, которая заставляла

раннической власти всехъ временъ и народовъ, и въ особенности римской.— «Оказать недостаточное уваженіе консулу, имѣть аристократическія стремленія во время господства демократіи или усумниться въ авторитетъ сената, открыто посмѣяться надъ авгуромъ, устраняться отъ общественныхъ дѣлъ и желать жить свободно и независимо, — все это были преступленія противъ государственной власти. Судились же они самою этою властью» FUSTEL DE COULANGES, *Revue des deux Mondes*, 15 fév. 1872.

⁴⁾ Отъ 22-го преріала до 9-го термидора, т. е. отъ 20-го іюня до 27-го іюля, въ теченіи 48 дней, въ Парижѣ казнено было 1.366 человекъ, почти половина общей цифры казней, т. е. 2750. Изъ этого числа только 650 человекъ принадлежали къ бывшему привилегированному сословію и людямъ достаточнаго класса. LOUIS BLANC, t. XI, p. 154.

нѣкоторыхъ, подвергавшихся трагической участи, смотрѣть на свою гибель какъ на свыше предназначенную судьбу. Бареръ и его сообщники боялись смерти, находя, что жизнь хороша и не заботясь ни о чемъ, кромѣ наслажденія жизнью. Вотъ основа, на которой сплелся заговоръ противъ Робеспьера въ мессидорѣ, т. е. въ полѣ мѣсяцѣ. Каждый, чувствовавшій надъ собою угрозу Робеспьера, желалъ его гибели, надѣясь, что его убьетъ кто нибудь другой и не смѣя принять непосредственного участія въ дѣлѣ этой гибели ⁵⁾. Наконецъ, страхъ такъ наэлектризовалъ ихъ, что у нихъ явилось нѣчто въ родѣ храбрости. Нѣкоторые изъ болѣе скомпрометированныхъ заговаривали мимоходомъ другъ съ другомъ, дѣлая намеки. Они скорѣе угадывали, чѣмъ выражали свои мысли, и сѣть сплелась мало-помалу во мракѣ и ощупью.

II.

Первые узлы завязаны были въ самомъ комитетѣ Общественнаго спасенія Бареромъ, Колло и Бильо-Варенномъ: этихъ террористовъ не двигалъ ни талантъ, ни нравственность, ни гражданская добродѣтель, ни преданность республикѣ: въ послѣднюю они всего менѣе вѣрили. Тщеславіе и трусость были ихъ двигателями. Имъ наскучило слушать хвалы Робеспьеру; сами они не ставили его высоко и ихъ раздражала роль приказчиковъ, если не слугъ диктатора. Они знали, что, когда наступитъ минута низложить Робеспьера, они найдутъ поддержку въ своихъ коллегахъ изъ военного отдѣленія Конвента; но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было извѣстно, что именно эти товарищи относятся къ нимъ съ презрѣніемъ и что Карно ничего не предприметъ для замѣны триумвирата ихъ собственной тиранніей. Болѣе готовности встрѣтили они въ комитетѣ Общественной безопасности. Этотъ государственно-полицейскій комитетъ долго слылъ сборищемъ монтаньяровъ самой чистой воды. Но Робеспьеръ, перетянувъ къ себѣ всю полицію, лишилъ этотъ Комитетъ всякаго значенія во время террора. Диссиденты еще слишкомъ боялись триумвировъ и недостаточно довѣряли другъ другу, чтобы рискнуть нападеніемъ. Они боялись хладнокровія и мужества Сень-Жюста, свирѣпости Кутона и понимали, что ничего не будетъ сдѣлано, если не избавиться однимъ ударомъ отъ трехъ сотрудниковъ. Рѣшили ждать удобнаго случая. Среди нихъ образовался не заговоръ, въ собственномъ смыслѣ слова, а установилось соглашеніе воспользоваться обстоятельствами. Робеспьеръ подозрѣвалъ этихъ людей и попытался предупредить ихъ.

⁵⁾ Тиріонъ и Лекюантръ думали убить его у подножія трибуны. QUINET, *La Révolution* liv. XVIII, ch. IV.

У Робеспьера была только одна тактика дѣйствія противъ враговъ, и она всегда удавалась ему. Онъ воспользовался ею и теперь. 13-го мессидора, — 1-го іюля, — онъ принесъ въ якобинскій клубъ обширное донесеніе, касавшееся развращенныхъ, сплсходительныхъ, неистовыхъ и непокорныхъ. Цѣлью всей этой рѣчи было внушеніе мысли о необходимости очищенія комитетовъ. Въ комитетъ Общественнаго спасенія опъ попытался избавиться отъ Карно: онъ напалъ на него по поводу медленнаго хода военныхъ дѣйствій и обвинилъ въ соумышленіи съ врагами республики. Карно закрылъ лицо руками и заплакалъ отъ досады. Товарищи стали защищать его. Робеспьеръ, потерпѣвъ неудачу, обратился противъ якобинцевъ. 11-го іюля онъ высказался о проскрипціяхъ уже съ болѣею опредѣленностью. Въ тотъ день въ клубъ предсѣдательствовалъ Бареръ. Говорятъ, что, возвратясь домой смущенный, онъ сказалъ Вилату: «Съ меня довольно:» И прибавилъ: «этотъ Робеспьеръ ненасытенъ!» Бареръ охотно жертвовалъ ему Камбономъ и «дантоновской шайкой», но жертвовать собственной свитой: Дювалемъ, Одуэномъ, Бурдономъ, Вилатомъ и наконецъ самимъ собою. Бареромъ, — это уже было слишкомъ много! «Невозможно согласиться на это!» Прошелъ слухъ, что списки подвергающихся проскрипціи уже составлены. Затѣмъ стали ходить по рукамъ копіи. Шестдесятъ депутатовъ уже не смѣли начеать у себя на квартирѣ. Заподозрѣнные облизались, но при этомъ лишь выяснили ужасъ своего положенія. Если Робеспьеръ возьметъ верхъ, онъ уничтожитъ ихъ: если же они опрокинутъ Робеспьера, то Конвентъ, освободившись, уничтожитъ ихъ комитеты. Выборъ ихъ палъ на ту сторону, гдѣ опасность казалась болѣе отдаленной: они попытались, привлекая къ своему предпріятію Конвентъ, обезопасить себя противъ послѣдствій собственной удачи. Они повиновались необходимости самосохраненія: Это былъ единственный законъ, которому они всегда повиновались. Эта необходимость заставляла ихъ искать союза съ самыми крайними революціонерами; теперь же она побуждала ихъ искать содѣйствія самыхъ умѣренныхъ изъ членовъ Конвента. Этотъ переходъ вытекалъ изъ всего прошлаго фракцій, входившихъ въ составъ Конвента; онъ измѣнилъ весь его характеръ. Съ этого момента начинается отливъ въ революціи. Въ этихъ темныхъ углахъ комитетовъ начинается раздаваться глухой подземный гулъ, который вскорѣ подниметъ почву, измѣнитъ равновѣсіе водъ и отвлечетъ потокъ къ новому руслу: потокъ не вернется ужъ къ прежнему теченію.

«Этотъ разрядъ людей», говорилъ Ламуаньонъ Рецу объ «умѣренныхъ» того времени. «совершенно безсиленъ при началѣ смутъ; онъ всемогущъ при ихъ окончаніи.» Тѣ, кого называли депутатами «Равнины» или «Болота» (*La Plaine, le Marais*) въ Конвентѣ, гнули спины и ждали окон-

чанія бури: вся политика ихъ заключалась въ томъ, чтобы пережить эту бурю. Всѣ террористы казались имъ одинаково навистными; оппозиціонныя фракціи, образовавшіяся въ комитетахъ, въ ихъ глазахъ были не менѣе тиранническими; позоръ и опасность повиноваться тѣмъ или другимъ были одинаковы. Умѣренные старались только о томъ, чтобы о нихъ забыли и тѣ и другіе. Якобинцы же, съ своей стороны, вынуждены были въ одно и то же время успокаивать и щадить ихъ. Робеспьеръ, гордости котораго льстила ихъ покорность, надѣялся, что щадя ихъ онъ всегда будетъ держать ихъ въ повиновеніи. Онъ далъ имъ понять, что, находя ихъ въ сущности честными и склонными къ добродѣтели, онъ изъ уваженія къ нимъ не казнилъ семидесяти трехъ депутатовъ Жиронды, находившихся въ заключеніи уже цѣлый годъ. Въ то же время они выслушивали и комитетскихъ диссидентовъ, но съ болѣею осторожностью. Они считали Робеспьера менѣе коварнымъ, находили также, что его не такъ опасно слушать, потому что въ его рукахъ власть, и что бороться съ нимъ болѣе, чѣмъ рисковано, такъ какъ до сихъ поръ онъ побуждалъ всѣхъ своихъ противниковъ. Они продолжали льстить ему по такой статьѣ, которая не могла ни компрометировать ихъ, ни нанести безчестія, а именно: по поводу его Верховнаго Существа. 30 іюня, одинъ изъ наиболѣе прямыхъ людей этой группы, вполнѣдствіи проявившій и талантъ и мужество, Буасси д'Англа, напечаталъ. «*Опытъ о національныхъ празднествахъ*» (*Essai sur les fêtes nationales*). Онъ хвалилъ въ немъ «благотворную и здоровую мораль» рѣчи, произнесенной Робеспьеромъ 8-го іюня; сравнивалъ оратора съ «Орфеемъ, обучающимъ людей началамъ цивилизаціи и нравственности». Такимъ путемъ умѣренные засвидѣтельствовали свою правоту и улаживали свои отношенія съ инквизиціей. Этими они и ограничились, имѣя основаніе бояться, что если бы дали увлечь себя и приняли какія-нибудь слишкомъ смѣлыя обязательства, то соперничающія партіи заключили-бы между собою миръ на ихъ счетъ. Благоразуміе заставляло ихъ держаться нейтралитета. Въ случаѣ битвы, они стали бы считать удары, предоставили-бы себѣ роль третейскихъ судей и, если того потребуютъ ихъ интересы, стали-бы на сторону сильнѣйшаго.

Вопросъ, слѣдовательно, сводился къ тому: которые изъ террористовъ болѣе бояться остальныхъ. Робеспьеръ въ такихъ крайнихъ случаяхъ обыкновенно держался въ сторонѣ. Онъ старался вести своихъ враговъ къ пропасти не выдвигаясь и заставляя ихъ падать въ пропасть въ силу ихъ собственного головокруженія. Онъ также выжидалъ. Никогда не было такого историческаго кризиса, который былъ бы менѣе обдуманъ и менѣе руководимъ, чѣмъ этотъ. Личный починъ не имѣлъ въ немъ почти никакого участія; общій импульсъ рѣшилъ все. «Я не могу предписывать

народу средства спасенія.—только что сказалъ Робеспьеръ ¹⁾.—Это не дано одному человѣку». Онъ обличилъ «злѣбъ» и надѣялся, что злодѣи сами себя выдадутъ. Тогда крайніе, Коммуна и Анрію, возьмутъ на себя выполненіе. Когда дѣло будетъ сдѣлано и злодѣи будутъ подъ замкомъ, Робеспьеръ выступитъ какъ орудіе общественной мести и регуляторъ новой революціи, пророкомъ которой былъ уже и ранѣе. Такъ дѣйствовалъ онъ 10-го августа, 2-го сентября, 31-го мая, 2-го іюня, исключая дни процесса Людовика XVI, когда король ужъ былъ арестованъ, а монархія упразднена: требовать казни въ этомъ случаѣ не представляло ни малѣйшей опасности, — опасно было бы ей противиться.

Въ теченіе всего мессидора, отъ 19-го іюня до 18-го іюля 1794 г., Робеспьеръ не показывался въ Конвентѣ. Въ Комитетъ онъ приходилъ отъ времени до времени, ради подробностей полицейскихъ дѣлъ, единственныхъ, которыми онъ интересовался. Онъ слагалъ такимъ образомъ на своихъ друзей, Сенъ-Жюста и Кутона, и на своихъ противниковъ, Барера, Коэло и Билло, отвѣтственность за подготавливаемое имъ событіе. Терроръ становился еще ожесточеннѣе, но Робеспьеръ не приводилъ въ исполненіе имъ же продиктованные декреты. Онъ говорилъ себѣ, что умѣренные и публика замѣтятъ различіе между нимъ, поглощеннымъ исключительно Верховнымъ Существомъ, добродѣтелью и мыслью о будущности республики, и ультра-революціонерами, доводившими все до крайности, разившими безъ всякой доктрины, и которые къ тому же, какъ онъ открыто объявилъ, не менѣе вредны, чѣмъ «порочные, богатые, буржуа, отъ которыхъ происходятъ всѣ внутреннія опасности». Онъ расположился въ якобинскомъ клубѣ; отсюда направлялъ онъ всегда всѣ свои серьезные удары. Онъ дѣйствовалъ противъ отпавшихъ монтаньяровъ такимъ же образомъ, какъ въ свое время дѣйствовалъ противъ Жиронды и Дантона. По его внушенію, клубъ рѣшилъ потребовать очищенія комитетовъ. Робеспьеръ былъ увѣренъ, что «Равнина» (*La Plaine*) подастъ голоса въ пользу очищенія, такъ какъ она всегда подчиняется требованіямъ вооруженной толпы и, безъ сомнѣнія, согласится пожертвовать «неистовыми безъ малѣйшаго укора совѣсти». Когда же неистовые будутъ устранены, Робеспьеръ останется одинъ передъ лицомъ «Равнины»: вынужденные трепетать передъ нимъ однимъ, умѣренные превратятся въ его рукахъ въ послушнѣйшее орудіе, и ему стоитъ тогда лишь протянуть руку, чтобы заставить ихъ поступить такъ, какъ ему будетъ угодно въ каждомъ данномъ случаѣ.

Седьмого термидора, — 25-го іюля, — якобинская депутація явилась къ рѣшеткѣ Конвента; она заявила, что патриоты угнетены, и потребовала, чтобы Собраніе заставило дрожать предателей и успокоило бы благомыслящихъ.

¹⁾ Въ якобинскомъ клубѣ, 7 преріала (26 мая 1794).

Робеспьеръ надѣялся на растерянность своихъ враговъ; онъ ждалъ отъ нихъ взрыва негодованія, во вкусѣ Верньо, или какой-нибудь безумно смѣлой выходки, въ родѣ дантоновскихъ, чѣмъ эти враги и выдали бы себя головой. Онъ упустилъ изъ вида всеобщую подавленность и уныніе, а также и коварство собственнаго ученика, превзошедшаго въ хитрости учителя по той простой причинѣ, что этому ученику не доставало крупнаго честолюбія и претензій на первосвященство и что ихъ замѣняли у него трусость и подлость. Бареръ отвѣтилъ якобинскимъ делегатамъ апологіей Робеспьера. Онъ защищалъ его отъ обвиненія въ намѣреніи произвести повтореніе 31-го мая; онъ увѣрялъ, что въ комитетахъ господствуетъ полное единодушіе и что опасность будетъ несомнѣнно предотвращена «выдѣленіемъ людей чистыхъ изъ среды безчестныхъ, ускореніемъ суда надъ заключенными и быстрымъ наказаніемъ контръ-революціонеровъ». Конвентъ рѣшилъ напечатать эту рѣчь, а умѣренные поздравили себя по поводу своего благоразумія и осторожности.

Робеспьера это ввело въ заблужденіе, и онъ почувствовалъ себя господиномъ положенія. Онъ нашелъ, что настала минута вернуться въ Конвентъ и нанести послѣдній ударъ. Онъ имѣлъ время тщательно отдѣлать свою рѣчь: онъ вложилъ въ эту рѣчь весь свой талантъ и всю свою мысль: «Я знаю, — сказалъ онъ 8 термидора, — только двѣ партіи: партію добрыхъ и партію дурныхъ гражданъ. Чѣмъ помочь злу? Наказаніемъ предателей, возобновленіемъ состава комитета Общественнаго спасенія, очищеніемъ комитета Общественной безопасности, созданіемъ правительственнаго единства, подъ верховною властью Конвента». Затѣмъ, обратившись къ «Равнинѣ»: Патриотизмъ не есть дѣло партіи, это — дѣло личнаго чувства... Я знаю, что гдѣ бы мы ни встрѣтили честнаго человѣка, на какомъ бы мѣстѣ онъ ни сидѣлъ, слѣдуетъ протянуть ему руку и прижать его къ своему сердцу». Такимъ образомъ онъ ставилъ праведныхъ одесную себя; онъ указалъ на неправедныхъ, оную, но указалъ на нихъ съ высоты алтаря, какъ первосвященникъ — блюститель вѣры: «Нѣтъ, Шометтъ, нѣтъ, Фуше, смерть не есть вѣчный сонъ. Граждане, сотрите съ гробницъ нечестивыхъ надписи, набрасывающія черный флеръ на природу и являющіяся оскорбленіемъ достоинства смерти; начертайте на нихъ лучше слѣдующее: «Смерть есть начало безсмертія». Но Шометтъ уже погибъ на гильотинѣ; что касается Фуше и ему подобныхъ, они весьма мало заботились о безсмертіи и предназначавшіяся для нихъ Робеспьеромъ эшафотъ казался имъ самымъ безбожнымъ оскорбленіемъ природы. Они поняли все значеніе дѣлаемаго имъ теперь съ трибуны предостереженія. Конвентъ выслушалъ рѣчь «въ молчаніи и смущеніи». Онъ покорно вотировалъ напечатаніе ея. Кутонъ предложилъ разослать оттиски рѣчи во всѣ французскія общины, Конвентъ

далъ свое согласіе и на эту мѣру. Между тѣмъ памѣченныя жертвы, не видя возможности для отступленія, рѣшились на нападеніе. «Прежде чѣмъ меня поразитъ безчестіе, я обращусь къ Франціи,—объявилъ Камбонъ. Билль-Варепишъ потребовалъ, чтобы текстъ рѣчи былъ предварительно отданъ на разсмотрѣніе инкриминированныхъ комитетовъ для того, «чтобы дать имъ возможность объяснить свое поведеніе». Валье воскликнулъ: «Пора высказать всю правду: одинъ человѣкъ парализовалъ всю волю народнаго Конвента; это именно тотъ человѣкъ, который произнесъ настоящую рѣчь, это — Робеспьеръ». — «Какъ,—возразилъ Робеспьеръ,—мою рѣчь хотятъ отдать на разсмотрѣніе людей, которыхъ я обвиняю». — «Назовите тѣхъ, кого вы обвиняете!» — вскричалъ Шарье. «Да, назовите ихъ, назовите», раздалось нѣсколько голосовъ. Робеспьеръ колеблется, онъ смущенъ: «Объявляю, сказалъ онъ, что я не принимаю никакого участія въ рѣшеніи за или противъ напечатанія моей рѣчи». Называя людей, онъ опасался вызвать объединеніе и соглашеніе среди обвиняемыхъ. Но не пазывая никого, онъ грозилъ всѣмъ и слѣдовательно возстановлялъ всѣхъ противъ себя. По предложенію Бреара, декретъ о разосланіи рѣчи по всей Франціи былъ отмѣненъ. Робеспьеръ не ожидалъ сопротивленія, онъ считалъ его святотатствомъ; но едва онъ замѣтилъ отпоръ, какъ послѣдній показался ему непобѣдимымъ. Стоя у своего мѣста съ грознымъ взоромъ, онъ думалъ, что будутъ вотировать по его желанію. Голосованіе повергло его въ уныніе. Онъ упалъ на свою скамью и, подавляя вздохъ, прошепталъ: «Это — моя гибель». Онъ поднялся съ мѣста и постарался взять реваншъ, но престижъ его былъ уже подломленъ. Въ яacobинскомъ клубѣ привѣтствовали однако его появленіе съ восторгомъ. Пейянъ и Коффингалъ предложили напасть на неохранные комитеты. Робеспьеръ отказался отъ дѣла, которое безвозвратно скомпрометировало бы его, надѣясь еще на поворотъ счастья. Его природная нерѣшительность, ораторское самолюбіе, вѣра въ свою добродѣтель отвращали его отъ мѣръ самой обыкновенной предосторожности: онъ видѣлъ въ нихъ лишь опасность и боялся дать поводъ къ противодействию со стороны своихъ обвинителей.

9-го термидора, — 27-го іюля, — около полудня, зала Конвента стала мало-по-малу наполняться. Изъ отдѣленій высыпали депутаты, давно уже не показывавшіеся на общихъ засѣданіяхъ. Они скопляются на скамьяхъ центра. Сень-Жюсть объявляетъ о заговорѣ, составленномъ противъ революціоннаго правительства, имѣющемъ цѣлю его гибель, проскрипцію одной части Конвента и подавленіе другой путемъ террора. Талльенъ и Билль прерываютъ его. Ихъ приверженцы поддерживаютъ ихъ. Сень-Жюсть покидаетъ трибуну. Тогда Билль обращаетъ обвиненіе противъ самого Робеспьера. Раздаются рукоплесканія. Конвентъ объявляетъ, что

будетъ засѣдать непрерывно вплоть до разъясненія дѣла. Робеспьеръ хочетъ говорить; поощренные успѣхомъ монтаньяры ревутъ: «Долой тирана!» Одинъ изъ наиболѣе дискредитированныхъ людей, Талльенъ, имѣвшій полное основаніе причислять себя къ «злodeямъ и плутамъ», на которыхъ указалъ Сень-Жюсть, чувствуя еще голову на плечахъ, по хорошему зная, что если не сдѣлаетъ теперь же отчаянной попытки самозащиты, эта голова полетитъ завтра же, взошелъ на трибуну: «Заговорщики разоблачены,—сказалъ онъ. — Я присутствовалъ вчера на засѣданіи якобинцевъ; я видѣлъ, какъ составляется армія новаго Кромвеля; я вооружился кинжаломъ, чтобы проколоть ему грудь, если у народнаго Конвента не достанетъ мужества декретировать преданіе его суду». Въ то же засѣданіе предлагаютъ предать суду: Анрію, начальника національной гвардіи, Дюма, президента революціоннаго трибунала, и другихъ извѣстныхъ пособниковъ Робеспьера. Было около половины перваго.

Робеспьеръ находился въ положеніи осажденнаго. Однако, ему пришлось уже выдерживать не одинъ приступъ на трибунѣ Конвента и видѣть болѣе грозныхъ обвинителей. Достаточно было ему заговорить для того, чтобы палъ Верньо и погибъ Дантонъ. Онъ еще стоитъ на трибунѣ. Но времена перемѣнились. Конвентъ пересталъ вѣрить въ систему Робеспьера. Всѣ инстинктивно отхлынули отъ него. Бурные возгласы, обыкновенно раздававшіеся среди монтаньяровъ, громче и громче слышатся въ «Равнинѣ»; волненіе охватило эту пассивную и вялую массу Конвента. Еще недавно все рѣшалось голосами меньшинства: масса воздерживалась отъ подачи голоса. Теперь Робеспьеръ видитъ передъ собою воющуюся и грозное большинство, которое съ минуты на минуту поднимется и добьется всего. Онъ смущается. И, однако, враги еще боятся его рѣчей. Если онъ заговоритъ, онъ можетъ подвергнуть ихъ проскрипціи: но онъ не заговоритъ. У нихъ для этого имѣется средство — грубое, но дѣйствительное: то средство, которое употребили, чтобы заглушить голосъ Людовика XVI на эшафотѣ, — шумъ. Они кричатъ, стучатъ, топаютъ ногами. Президентъ Колло, которому грозитъ участь Талльена, председательствуетъ какъ сообщникъ враговъ Робеспьера. Онъ неистово звонитъ въ президентскій колокольчикъ. Сень-Жюсть, спокойный и невозмутимый, присутствуетъ при этомъ мятежѣ революціонныхъ элементовъ. Робеспьеръ истощаетъ послѣднія усилія; оживленный «Горой», онъ обращается къ «Равнинѣ». Депутаты этой части Конвента ждутъ только какого-либо событія, чтобы принять рѣшеніе. Робеспьеръ кажется имъ раздавленнымъ. Они осуждаютъ его. Утомленный борьбою, потерявъ голосъ, Робеспьеръ покоряется судьбѣ. Колло пускаетъ на голоса преданіе суду Робеспьера, его брата, Кутона и Сень-Жюста. Триумвиры приучили Конвентъ къ единогласнымъ

рѣшеніямъ; онъ единогласно вотируетъ ихъ собственную проскрипцію. Къ половинѣ шестого засѣданія прервапо.

Между тѣмъ Анріо вспоминаетъ, что 2-го іюня онъ заставилъ отступитъ весь Конвентъ одною командой: «Канониры, къ орудіямъ!» Онъ скачетъ верхомъ по улицамъ, призывая народъ къ оружію. Около пяти часовъ толпа, которую опредѣляли въ тысячу человѣкъ, собирается на площади парижской ратуши съ сорока пушками. Комитеты Общественнаго спасенія и Общественной безопасности, извѣщенные объ этомъ движеніи, запряцаютъ битъ сборъ и приказываютъ начальникамъ легионовъ не повиноваться распоряженіямъ Анріо. Начальникъ національной гвардіи объѣзжалъ улицы въ сопровожденіи одного адъютанта. Его встрѣчаютъ шесть жандармовъ, схватываютъ, вяжутъ и приводятъ въ комитетъ Общественной безопасности. Коммуна собралась. Она издаетъ прокламацію: «Возстанъ, народъ! Не позволимъ лишить себя плодовъ 10-го августа и 31-го мая!» Узнавъ объ арестѣ Анріо, она поручаетъ Коффингалю освободить его. Вооруженные представители парижскихъ кварталовъ (секцій) становятся многочисленнѣе. Коффингаль увлекаетъ ихъ за собою, вмѣстѣ съ канонирами и двадцатью пушками. Онъ идетъ къ Тюильрійскому дворцу, занимаетъ площадь Каруселя, направляетъ пушки на окна залы засѣданія, а самъ входитъ въ комитетъ Общественной безопасности. Онъ находитъ тамъ Анріо, уводитъ его и представляетъ канонирамъ, которые громко приветствуютъ его.

Никто не охранялъ Конвента. Большая часть депутатовъ разошлась. Тѣ, которые остались, съ ужасомъ слѣдили за успѣхами мятежа. Они считали себя погибшими. Дѣйствительно, Анріо могъ забрать ихъ всѣхъ. Онъ и думалъ объ этомъ; но канониры, составлявшіе ядро его войска, видя, что начальникъ уже на свободѣ, не понимали, къ чему имъ еще драться. Престижъ этого дворца, гдѣ засѣдаетъ верховная власть, внушаетъ имъ невольную робость. Таковъ былъ духъ времени, когда слова вызывали столько чудесъ и внушали столько преступленій. Великіе республиканскіе образы еще сохраняли всю свою власть надъ воображеніемъ толпы. Тѣ самые люди, которые арестовали бы и убили безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти каждаго изъ депутатовъ Конвента въ отдѣльности, если бы онъ былъ объявленъ измѣнникомъ отечества и поставленъ внѣ закона, колеблются и робѣютъ передъ величіемъ самаго этого закона, Собранія, его установившаго, республики, ради которой совершается все. 2-го іюня они заставили капитулировать Конвентъ, но они сдѣлали это только для того, чтобы добиться декрета о проскрипціи жирондистовъ. Подобно толпѣ, заставившей Людовика XVI вернуться въ Парижъ въ октябрѣ 1789 г. и въ іюнѣ 1791 г., эти революціонеры, оказывая насиліе надъ верховною

властью, выражали свою вѣру въ эту власть. Въ этомъ вся тайна 2-го іюня; въ этомъ же и тайна 9-го термидора. Анріо, замѣтивъ колебаніе своихъ подчиненныхъ, отправился за приказаніями туда, гдѣ могъ ихъ получить, и повернулъ войска къ ратушѣ. Депутаты, вернувшись около семи часовъ въ залу засѣданія, узнали объ опасности, которой подвергался Конвентъ во время ихъ отсутствія, но эта опасность была только отсрочена.

Робеспьеръ былъ отведенъ въ Люксамбургскую тюрьму. Тюремный сторожъ отказался принять его безъ приказа отъ Коммуны. Робеспьеръ руководилъ движеніями арестованныхъ его, и казалось, что они не ведутъ его, а составляютъ его почетный конвой. Онъ приказалъ вести себя въ полицейское отдѣленіе на quai des Orfèvres. Онъ главнымъ образомъ не хотѣлъ быть заключеннымъ въ Люксамбургъ; но онъ вовсе не желалъ освобожденія и въ особенности не желалъ этого въ средѣ Коммуны, предпочитая роль жертвы. Если будетъ предпринято что-нибудь рѣшительное въ видахъ его освобожденія, то онъ намѣревался предоставить рискъ своимъ сторонникамъ для того, чтобы затѣмъ воспользоваться побѣдой тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ менѣе будетъ запятнано его достоинство. Въ этотъ критическій часъ своей жизни онъ заботился прежде всего объ огражденіи своей репутаціи. Ему казалось, что полиція составляетъ нѣчто среднее между Конвентомъ и Коммуной, и что это самое подходящее мѣсто для выжиданія исхода событій того дня.

Онъ пришелъ туда около восьми часовъ. Между тѣмъ Коммуна употребляла всѣ усилія, чтобы спасти его и оградить себя. Она назначала комитетъ дѣйствія изъ девяти человѣкъ, приказала всѣмъ муниципальнымъ агентамъ повиноваться исключительно этому комитету и послала Коффингалья выручать Робеспьера. Коффингаль увелъ его почти насильно и заставилъ стать во главѣ людей, готовившихся къ борьбѣ за его дѣло. Въ ратушѣ Робеспьеръ нашелъ своего меньшого брата, Кутона и Сень-Жюста. Ему оставалось только присутствовать и держать себя съ надлежащимъ достоинствомъ. Сообщники брали на себя проявить недостававшую ему энергію.

Извѣстія объ этихъ событіяхъ весьма быстро дошли до членовъ Конвента. Они рѣшили, что погибнуть, если станутъ ждать нападенія. Они клянутся среди всеобщаго смущенія, что умрутъ на своемъ посту. Въ то время, какъ хоръ, занимавшій всю сцену, разыгрываетъ эти трагическія интермедіи, вожаки комитетовъ предлагаютъ и проводятъ декретъ о поставленіи внѣ закона обоихъ Робеспьеровъ, Кутона, Сень-Жюста, парижскаго мера и членовъ Коммуны. Они отправляютъ въ кварталы комиссаровъ, для доставленія туда декрета, разъясненія его и призыва національной

гвардіи на защиту Собранія. Барра назначается главнокомандующимъ парижскихъ воєнныхъ силъ. Это—офицеръ бывшей королевской арміи, продолжающій авантюристскую карьеру, начатую еще во времена стараго порядка. Онъ благовоспитанный человѣкъ съ приличными манерами, весьма рѣшительнаго характера, жесткій, одинаково способный на всякаго рода *Coup d'état*, готовый похитить государя, разграбить монастырь, завоевать колонію, подавить возстаніе, разогнать собраніе, смотря по интересу минуты. Онъ собираетъ вокругъ себя кучку монтаньяровъ, подобно ему готовыхъ сыграть игру до конца. Комиссары его расходятся по кварталамъ. Они не пускаются въ краснорѣчіе и въ изобрѣтеніе правдоподобныхъ мотивовъ для обвиненія Робеспьера, а просто-на-просто увѣряютъ, что онъ обличенъ въ роялизмъ. Какъ ни была чудовищна такая ложь, но она достигла цѣли. Парижане привыкли вѣрить доносчикамъ въ силу того только, что они доносятъ, и повиноваться всякому, кто приказываетъ отъ имени верховной народной власти. Къ тому же имъ надоѣлъ Робеспьеръ, обѣщавшій много, не дававшій ничего, пугавшій мнѣлюбивыхъ людей и мѣшавшій веселиться остальнымъ. То, что только что произошло въ Конвентѣ между Горой и Равниной, повторилось и въ Парижѣ. Страшная формула: «внѣ закона!» импонируетъ самымъ грубымъ людямъ. Робеспьеръ окружилъ ее своего рода священнымъ ужасомъ, отзывавшимся римскою республикою и испанскою инквизиціей. Секціи повиновались Коммунѣ, потому что за Коммуною была сила, и Робеспьеру потому, что онъ олицетворялъ собою Конвентъ. Комиссары разсѣяли это недоразумѣніе. Секціи увидѣли, что съ одной стороны стоитъ Конвентъ, а съ другой—Коммуна: онѣ высказались за Конвентъ, какъ за представителя народа, республики, закона, т. е. всего, что еще оставалось въ умахъ отъ представлений о верховной власти и правительствѣ.

Въ два часа утра Конвентъ располагалъ военною силою, превосходившею силу Коммуны; но что обезпечивало ему побѣду, такъ это то, что сила эта не была контръ-революціонной: то была сама вооруженная революція, реагирующая противъ себя для того, чтобы спастись отъ собственныхъ излишествъ. Конвентъ принимаетъ наступательное положеніе. Барра и Бурдонъ идутъ на ратушу и разгоняютъ шайки, собравшіяся передъ нею на площади. Привыкшія къ тому, что все гнулось передъ ихъ патискомъ, эти шайки смутились, какъ только на нихъ напала рѣшительная военная сила. Запертые въ ратушѣ: Робеспьеръ младшій, Кутонъ и Сентъ-Жюсть не знали на что рѣшиться: Максимилианъ Робеспьеръ, казалось, застылъ и парализовалъ своею нерѣшительностію энергію своихъ близкихъ. У него былъ только одинъ способъ дѣйствія—устрашеніе, ради огражденія существованія собственной власти; но теперь запуганные имъ собирались его устранить. Онъ пересталъ понимать. Какъ вдругъ въ залу совѣта входитъ жандармъ съ пистолетомъ въ рукѣ. Онъ

узнаетъ Робеспьера, сидѣвшаго съ креслѣ, подперевъ голову лѣвою рукою. Жандармъ идетъ прямо на него, стрѣляетъ и раздробляетъ ему челюсть. Осаждающіе проникаютъ всюду. Леба пускаетъ себя пулю въ лобъ. Робеспьеръ младшій бросается въ окно. Остальныхъ арестуютъ; Максимилиана Робеспьера, смертельно раненаго, обезображеннаго страшною рапой, въ разорванномъ и окровавленномъ платьѣ несутъ въ комитетъ Общественной безопасности. Его оставляютъ тамъ безъ всякой медицинской помощи до утра. Тогда фельдшеръ перевязываетъ ему рану для того, чтобы онъ могъ явиться въ судъ и предстать на эшафотѣ. На пути, боготворившая его ранѣе чернь грозитъ изрубить его въ куски. Она бросаетъ ему въ лицо тѣ прозвища, которыя, благодаря ему, сдѣлались самыми оскорбительными ругательствами: «король!» Кричатъ ему: «ваше величество!» Робеспьеръ испытывалъ послѣдствія двѣнадцати мѣсяцевъ террористической анархіи, привычки толпы къ крови, казнямъ, къ оскорбленію побѣжденныхъ. Ему пришлось выносить на себѣ этотъ законъ равенства, который помогъ ему взобраться на вершину государственной власти, гдѣ онъ явился силою, болѣе грозною, чѣмъ Риппелъ и Кальвинъ, вмѣстѣ взятые. Онъ не выказалъ ни раскаянія въ своихъ поступкахъ, ни разочарованія въ возрѣніяхъ. Онъ вынесъ эту агонію, длившуюся пятнадцать часовъ сряду со стоицизмомъ добродѣтели, непризнанной людьми и гибнущей, вследствие неблагоприятнаго стеченія обстоятельствъ. Если принять во вниманіе, что по природѣ онъ былъ кротокъ, чувствителенъ и даже робокъ, что честолюбецъ и макіавелистъ въ немъ служили лишь внѣшней оболочкой утописта, фанатика и меланхолика, то можно себѣ составить понятіе о томъ, что онъ выстрадалъ въ то время, какъ его водили съ одного мѣста на другое въ послѣдніе часы жизни.

Быстрота и глубина его паденія, грубость виновниковъ этого паденія, внезапность и непоправимость крушенія его системы показали, какою тяжестью онъ тяготѣлъ надъ Франціей и какъ мало, между тѣмъ, значилъ для республики. Пока онъ указывалъ на подозрительныхъ и тѣмъ ограждалъ себя отъ враговъ, ему удавалось скрывать ничтожество своей системы; но когда онъ все уничтожилъ вокругъ себя и явился одинъ передъ народомъ, когда настала минута показать свой планъ и свою идею, онъ не могъ сказать ничего. Изъ его устъ вылетали новыя обвиненія. Ему велѣли замолчать: онъ смутился. Чтобы утратить престижъ, ему стоило только дойти до вершины успѣха. Кто-то толкнулъ его, и онъ упалъ. Народъ восхищался собою въ лицѣ его; онъ отвернулся отъ него, когда увидѣлъ въ немъ то, что всего болѣе презираетъ: ритора безъ вдохновенія, растерявшагося мечтателя, смущеннаго пророка, раздавленнаго тирана. Робеспьеръ до такой степени отождествлялъ терроръ съ собственною своею личностію, что съ его исчезнове-

нѣмъ терроръ разсѣялся самъ собою. Онъ потерялъ свою маску и вмѣстѣ съ маскою утратилъ причину своего существованія.

III.

При всѣхъ революціонныхъ кризисахъ мы видимъ, что люди, которые ихъ вызывали и думали быть побѣдителями, немедленно испровергались другими и выметались натискомъ толпы, имъ прежде содѣйствовавшей. Термидоріанцы въ свою очередь испытали этотъ натискъ, но онъ опрокинулъ ихъ въ сторону, къ которой они не тяготѣли. Революція въ этотъ моментъ, казалось, отступала подобно морскому приливу, который начинаетъ отливать, какъ скоро волны его достигнутъ апогея своего роста. Режимъ, подобный террористическому, могъ поддерживаться лишь подъ условіемъ непрерывности. Какъ только увидѣли возможность отъ него избавиться, его стали порицать съ ужасомъ и отвращеніемъ, и это отвращеніе росло по мѣрѣ того, какъ, смотря на него съ нѣкотораго разстоянія, стали находить его бесполезнымъ и пагубнымъ. Подобно тому, какъ жирондистовъ устранили послѣ 10 августа якобинцы, какъ дантонистовъ послѣ 31 мая одолѣла Коммуна, такъ и позднѣе монтаньяры, побѣдившіе Робеспьера, были сметены «Равниной», а Равнина сметена общественнымъ мнѣніемъ. Человѣчность и снисходительность вернулись въ среду революціи, а разъ брешь была пробита, онѣ устранили остальныхъ террористовъ. Но это не было дѣломъ людей, наполнившихъ комитеты, тѣхъ людей, къ которымъ начато было нападеніе за свой собственный счетъ: Барера, Колло, Билло, Вадье, Амара и развращенныхъ проконсуловъ, которыхъ обличалъ Робеспьеръ: Фуше и Каррье изъ Нанта.

Бареръ попытался ухватиться за уцѣлѣвшія вѣтви: «Гнусная контр-революція,—сказалъ онъ 10-го термидора,—укрылась среди насъ. Переодѣтые аристократы заговорили о снисхожденіи, какъ будто революціонное правительство не сдѣлалось еще болѣе могучимъ, вслѣдствіе совершившейся въ немъ революціи». Но Конвентъ пересталъ внимать такого рода рѣчамъ. Неисправимые неистовцы чувствовали, что имъ не прощаютъ. Они образовали новую Гору, нашли убѣжище въ якобинскомъ клубѣ и снова принялись проповѣдывать беспощадное истребленіе умѣренныхъ. Большая часть прежней монтаньярской фракціи отдѣлилась отъ нихъ. Это были термидоріанцы, получившіе это имя потому, что они наносили рѣшительные удары и эксплуатировали свою побѣду въ термидорѣ. Они принадлежали къ числу бывшихъ дантонистовъ; если они и не примыкали всѣ къ этой фракціи, когда потерпѣлъ пораженіе Дантонъ, то теперь, сдѣлавшись господами положенія, они расположены были присвоить себѣ его политику въ томъ видѣ, какъ

они ее разумѣли: довершить революцію и воспользоваться ею въ свою пользу.

Дѣловые люди, люди авторитета и насилія, жаждавшіе власти, любившіе власть, они, безъ сомнѣнія, не для того избавились отъ Робеспьера, чтобы дать вести себя его сообщникамъ, а такъ какъ и имъ нужна была поддержка, то они неизбежнымъ образомъ принуждены были искать ее въ средѣ «Равнины». Они дѣлаются если не умѣренными, то, по выраженію того времени «реакторами», точно также, какъ ранѣе были террористами, чтобы удержать въ своихъ рукахъ власть. Между тѣмъ изъ глубины этой «Равнины», которую они призвали къ жизни, изъ этого извлеченнаго ими изъ летаргіи «Болота» снова выдвигаются люди, прятавшіеся во время террора, не принадлежащіе ни къ какой фракціи, но имѣющіе назначеніе умѣрять всѣ остальные: Камбасересъ, Тибодо, Дюранъ-Мальянъ, Буасси д'Англа, Пелетъ, наконецъ Сійесъ: рѣшающійся выйти изъ своего укромаго убѣжища. 9-го термидора они составляли большинство. Теперь они находятъ, что новые правители должны дѣлиться съ ними плодами побѣды; но они боятся, что ихъ, въ свою очередь, выметутъ еще болѣе умѣренные, т. е. остатки прежней Жиронды, поддерживаемые остатками монархистовъ, и они немедленно воздвигаютъ укрѣпленіе, которое должно ограждать ихъ позицію отъ подозрительныхъ или непрощенныхъ пришельцовъ. Это укрѣпленіе—казнь Людовика: кто не подаль голосъ за эту казнь, не принявъ кроваваго крещенія, тотъ долженъ быть исключенъ изъ круга правителей. Это будетъ гарантіей для республиканцевъ и огражденіемъ безопасности революціи— «Подавъ голосъ за смерть тирана,—говоритъ Тюріо,—мы согласились рисковать всѣмъ, тогда какъ тѣ, кто не принялъ участія въ этомъ великомъ дѣлѣ, не рисковали ничѣмъ».

Это объясняетъ ихъ образъ дѣйствій по отношенію къ несчастному ребенку, заключенному въ Тамплѣ. Съ января, дофинъ не удостоивался даже чести считаться государственнымъ преступникомъ. Его участь была участіемъ прокаженнаго среди свирѣпой черни. Запертый въ казематъ, подвергавшійся истязаніямъ днемъ и ночью, отданный на жертву невѣжеству, заѣдаемый паразитами въ то время, какъ торжественно обсуждались законы объ общественномъ призрѣніи, народномъ образованіи, равноправности и господствѣ добродѣтели, сынъ Людовика XVI медленно угасалъ отъ рахитизма. Барра посетилъ его 11 термидора и нашелъ его на навозной кучѣ, покрытымъ опухольями, запуганнымъ и какъ бы отравленнымъ слезами. Гуманный Лоранъ замѣнилъ гнуснаго тюремщика Симона. Камера была вычищена, ребенокъ одѣтъ, накормленъ, его стали почти холить. Термидоріанцы были заинтересованы въ томъ, чтобы онъ не умиралъ, потому что

съ его смертью графъ Прованскій провозгласилъ бы себя королемъ и роялисты получили бы естественнаго главу.

Конвентъ принялся за продолженіе трудовъ людей, безвѣстно работавшихъ въ комитетахъ. Эти труды были прерваны или парализованы терроромъ и оставались на бумагѣ. Прежде всего преобразованы были комитеты, это орудіе господства Конвента. Ихъ привели въ порядокъ въ ожиданіи еще отдаленнаго и невѣрнаго голосованія конституціи. Вслѣдствіе представленнаго 15-го фруктидора, — 1 сентября, — доклада Берлье. Конвентъ рѣшилъ, что въ составъ его будутъ входить шестнадцать комитетовъ: три комитета: комитетъ протоколовъ, петицій и дворцовый должны были вѣдать внутрѣнній распорядокъ Собранія; одиннадцать комитетовъ должны были завѣдывать разными отраслями управленія — финансами, законодательствомъ, народнымъ образованіемъ, земледѣліемъ, торговлею и снабженіемъ пищею, общественными работами, путями сообщенія, административной статистикой, военными и морскими дѣлами; два должны были завѣдывать собственно управленіемъ государства: комитетъ Общественной безопасности, которому поручалась государственная полиція, и комитетъ Общественнаго спасенія, руководящій военными операціями и дипломатическими дѣлами. Эти комитеты, состоя каждый изъ двѣнадцати членовъ, должны были возобновлять свой составъ ежемѣсячно на одну четвертую часть, т. е. каждый изъ членовъ назначался на четыре мѣсяца. Для комитетовъ Общественной безопасности и Общественнаго спасенія выборы производились поименной перекличкой: выходящіе члены могли быть избираемы вновь не ранѣе какъ черезъ мѣсяць. При каждомъ комитетѣ учреждалась исполнительная комиссія; это — прежнія министерскія бюро. Комиссіи готовятъ работы и изготовляютъ бумаги.

Такимъ образомъ Конвентъ управлялъ и правилъ непосредственно. Многочисленность комитетовъ открывала поприще для дѣятельности способныхъ и усердныхъ членовъ Конвента. Для того, чтобы наполнить комитеты, Конвентъ принужденъ былъ обратиться къ широкому содѣйствію дѣловыхъ людей и брать ихъ безразлично изъ среды людей всевозможныхъ отбѣнковъ мнѣній. Въ этихъ-то комитетахъ возобновлялись, продолжались и были довершены полезные труды Конвента ¹⁾. Власть, нѣкогда сосредоточенная въ рукахъ одной фракціи, распредѣлилась мало-по-малу по всему Собранію и неизбежнымъ образомъ перешла къ умѣреннымъ.

¹⁾ MICHÉLET, *Histoire du dix-neuvième siècle*, t. I, p. 62, 116—117, 120. — Напримѣръ, положено было основаніе слѣдующимъ учрежденіямъ: Ecole des travaux publics, 28-го сентября 1794; Conservatoire des arts et métiers, 10-го октября; Ecole normale, 30-го октября; Ecole de médecine, 4-го декабря; Museum, въ декабрѣ; Ecoles centrales или лицеи, 25-го февраля 1795.

Термидоріанцы оставили дѣйствовать революціонный трибуналъ до 13-го термидора — 31-го іюля. Ему еще предстояла работа. Онъ приговорилъ къ смертной казни сообщниковъ Робеспьера и 92-хъ представителей Коммуны, изъ которыхъ восемьдесятъ человекъ были казнены 11-го термидора и двѣнадцать — на слѣдующій день, 14-го термидора — 1-го августа — былъ преданъ суду Фуке-Тенвилль; преріальскій законъ былъ отмѣненъ, а 24-го термидора — 10-го августа, — былъ преобразованъ революціонный трибуналъ. 1-го сентября Конвентъ замѣнилъ Коммуну двумя комиссіями, декретировалъ, что революціонные комитеты будутъ собираться только каждые десять дней, сократилъ ихъ число, отмѣнилъ двуфранковое вознагражденіе присутствующимъ и 15-го удалилъ изъ Парижа бродягъ, выпущенныхъ изъ тюремъ подозрительныхъ и не имѣвшихъ должности военныхъ. Гильотина прекратила свою дѣятельность ²⁾, тюрьмы открылись. Выпускали цѣлыми массами. Но въ этой борьбѣ съ неистовыми, ихъ сообщниками или вчерашними вождями, термидоріанцы выказали привычки къ подозрѣнію и насилию, пріобрѣтенныя въ борьбѣ съ роялистами, жирондистами и умѣренными. Талльенъ былъ пораженъ ударомъ ножа. Тотчасъ же обвинили клубъ якобинцевъ въ томъ, что онъ подослалъ убійцу. Мерленъ де-Тіонвилль восклицалъ 10-го сентября: «Вооружись своею мощью, народъ, съ закономъ въ рукѣ напади на этого разбойничій вертепъ!» — «Народные комитеты, — сказалъ вскорѣ вслѣдъ затѣмъ Бурдонъ, — не есть самъ народъ. Я вижу народъ только въ мѣстныхъ избирательныхъ собраніяхъ». Именно такого воззрѣнія придерживались жирондисты, и именно потому они подвергались проскрипціямъ и присуждались къ смертной казни.

Вынужденные защищаться, террористы могли сослаться только на всеобщее признаніе законности террора. Они не понимали, почему ихъ преслѣдуютъ теперь съ такимъ ожесточеніемъ ³⁾. Многіе дѣйствовали изъ страха, по глупости или природной грубости: они сами не отдавали себѣ отчета

²⁾ Въ Парижѣ, начиная съ 13-го термидора и до конца фруктидора т. е. отъ 31-го іюля по 16-е сентября, на 290 обвиняемыхъ было 14 осужденныхъ и 273 оправданныхъ. До конца вандеміера, отъ 17-го сентября по 21-е октября, на 312 обвиняемыхъ было 24 осужденныхъ и 242 оправданныхъ; въ брюмерѣ, на 236 обвиняемыхъ — 5 осужденныхъ, 233 оправданныхъ; въ фримерѣ — 105 обвиняемыхъ, 3 казненныхъ, 99 оправданныхъ. Въ плувіозѣ, 20-го января — 18-го февраля 1795 г. — 30 обвиненныхъ, но ни одного смертнаго приговора.

³⁾ «Съ нами было то, что случается со всѣми людьми, отброшенными на безконечное разстояніе отъ будничной жизни». ROBERT LINDET, Докладъ о положеніи республики отъ имени Комитета Общ. спас. Годъ II. 20-го сентября 1794 г. *Moniteur*, t. XXII. — MICHÉLET, *Histoire du dix-neuvième siècle*, t. I, p. 73.

въ своихъ побужденіяхъ, совершенно такъ, какъ люди изъ среды черни, на другой день послѣ рѣзни, не могутъ объяснить себѣ, зачѣмъ и какъ они рѣзали, и самые подавленные кажутся тогда самыми свирѣпыми. Между тѣмъ кровавое пятно оставалось и вызывало всеобщее отвращеніе. Они попытались одинъ за другимъ защищать свое дѣло въ Конвентѣ. Ихъ увидѣли жалкими, послѣ того какъ видѣли ужасными, «съ блѣдными, нервными лицами» лепетали они софистическія аналогіи своихъ дѣяній, ходи взадъ и впередъ по трибунѣ. «какъ дикіе звѣри въ клѣткахъ»; потомъ, вернувшись на свои скамьи, они «раскачивались, не вставая и не мѣняя мѣста, въ какомъ-то тупомъ волненіи, которое указывало на невозможность для нихъ быть спокойными». Эшафотъ стоялъ у нихъ въ глазахъ. «Вотируемъ забвеніе, — сказалъ одинъ изъ нихъ: — забвеніе безъ фразъ, какъ ранѣе вопиовали смерть». Многіе изъ нихъ были дѣйствительно забыты, когда перестали внушать страхъ. Ужасъ перешелъ въ презрѣніе и изъ ненавистныхъ они сдѣлались смѣшными. Національное легкомысліе, которое они хотѣли искоренить во Франціи, послужило имъ охраной, и протестъ жизни противъ ихъ истребительнаго режима — былъ для нихъ спасеніемъ.

Въ самый разгаръ террора духъ вѣка поддерживалъ въ самыхъ тюрьмахъ своего рода безпечность: смерти ждали среди какого-то головокруженія. Всѣ слои общества смѣшивались въ тюрьмахъ: обломки крушенія стараго міра и осколки новаго сблизились и сошлись. Образовалось смѣшанное общество, которое, послѣ освобожденія изъ заключенія, встрѣтилось и продолжало сноситься, движимое одинаковымъ чувствомъ — жизнерадостностью, жаждой къ наслажденіямъ. Наступилъ реваншъ чувственности и удовольствій, какъ то замѣчалось въ исторіи послѣ продолжительныхъ войнъ, великихъ бѣдствій, чумы въ средневѣковую эпоху, и это настроеніе было тѣмъ интенсивнѣе, что это избѣгнувшее гильотины поколѣніе воспиталось въ школахъ Дидро, Гольбаха и Кребильона-сына. Реакція чувственности коснулась, впрочемъ, только городского населенія и преимущественно того, что зовется свѣтомъ.

Остальная часть французскаго народа, т. е. его громадное большинство сохранило свой здравый смыслъ и разумную твердость. Оно продолжало желать того, что всегда желало: пользоваться независимостью и тѣмъ, что было пріобрѣтено цѣною революціи. Побѣдить чужеземцевъ, довершить организацію республики — вотъ что осталось цѣлью ея стремленій. Во время террора ее заботили главнымъ образомъ интересы войны; добившись относительной безопасности, она не забыла о спасеніи революціи. Распущенность нравовъ, охватившая верхушки, не проникла въглубь народа. Пониженіе нравственнаго уровня въ *beau monde* не повлекло за собою

ослабленія здороваго національнаго чувства во Франціи. Революція, казалось, окрѣпла послѣ паденія Робеспьера. Желая избавиться отъ террористовъ, французы и не думаютъ отдавать себя въ руки эмигрантовъ. Самое названіе этой партіи и имена стоящихъ во главѣ ея принцевъ продолжаютъ означать для большинства французовъ возвратъ къ старому порядку и поработеніе иностранцами. Монархія, смѣшиваемая съ эмиграціей, возбуждаетъ противъ себя лучшее чувство французскаго народа — патриотизмъ, и наиболѣе прочное побужденіе — побужденіе личнаго интереса. «Масса, — пишетъ Малле дю-Панъ Праду, — начинаетъ забывать о томъ, что у нея когда-то былъ король, и какъ только будетъ заключенъ миръ съ вѣшними врагами и настанетъ болѣе мягкій режимъ внутри страны, у народа не будетъ никакого интереса желать иного порядка вещей». Даже въ Вандеѣ ясно видно, что достаточно будетъ освободить безобидныхъ узниковъ, остановить адскія колонны, положить конецъ опустошеніямъ, оставить населеніе въ покоѣ и отдать ему его священниковъ для того, чтобы побѣжденная войскомъ инсurreкція исчезла съ корнемъ.

Но остаются роялистскія мятежныя партіи, которыя не желаютъ сдаваться и, несмотря на общее желаніе мира, будутъ пользоваться нуждой и недовольствомъ. «Я полагаю, — писалъ г-жѣ де-Сталь разочарованный конституціоналистъ Талейранъ, оставшійся весьма зоркимъ наблюдателемъ, — что слѣдствіемъ заключенія мира будетъ во Франціи гражданская война». Остаются раздоры въ средѣ республиканцевъ. Неоспоримо признаваемая большинствомъ народа республика не становится ни благоразумнѣе, ни увѣреннѣе въ своихъ силахъ. Она продолжаетъ нести въ самой себѣ главнѣйшую опасность. Общее желаніе клонить къ миру, къ утвержденію свободнаго образа правленія, прочнаго, правильнаго, способнаго загладить прежнія ошибки; къ благоденствію государства, основанному на благосостояніи гражданъ. Умѣренныя формулируютъ это желаніе общества въ своей правительственной программѣ: они находятъ, что миръ возможенъ, если правительство будетъ конституировано и если республика не будетъ имѣть притязаній на завоеванія. Миръ съ оставленіемъ Франціи въ ея прежнихъ предѣлахъ и либеральная конституція, — вотъ двѣ вещи, которыя становятся для нихъ отнынѣ неразрывными. По этимъ двумъ статьямъ они расходятся съ термидоріанцами и на этой-то почвѣ возобновится соперничество фракцій. Въ теченіе двухъ лѣтъ онѣ боролись изъ-за верховенства въ революціи; теперь онѣ будутъ бороться, чтобы узнать, кто завершитъ революцію, т. е. какая партія рѣшитъ обѣ задачи республики: заключеніе мира и созданіе конституціи къ наибольшей для себя чести, безопасности и выгодѣ.

Термидоріанцы весьма скоро убѣдились, что въ дѣлѣ миролюбивой политики умѣренные будутъ всегда ихъ учителями: если эта политика возъ-

метъ верхъ, сила вещей естественнымъ образомъ приведетъ къ власти тѣхъ людей, которые явятся олицетвореніемъ такой политики. За термидоріанцами же остается одно средство сдѣлать себя необходимыми и одно орудіе престижа: война. Они вынуждены искать рычага извнѣ. Они могутъ управлять республикою только посредствомъ Европы, путемъ иностранныхъ диверсій и отраженного дѣйствія внѣшнихъ дѣлъ. Все толкаетъ ихъ на этотъ путь и все соблазняетъ ихъ на немъ. Течение, влекущее къ миру, можетъ быть легко отклонено въ сторону славы. Народъ ненавидитъ иностранцевъ; онъ славолубивъ, онъ легко опьяняется побѣдами: ничего не стоитъ заставить его видѣть въ расширеніи предѣловъ республики необходимое условіе національной независимости. Во всѣхъ французахъ есть доля этой гордости и этого презрѣнія къ монархамъ, которыми естественнымъ образомъ вдохновились республиканскія арміи, доля того чувства, однимъ словомъ, что «одни французы—разумныя существа», и что ихъ задача—повелѣвать другими народами⁴⁾. Это уже не космополитизмъ Клоотца, не пропаганда жирондистовъ, не якобинскій прозелитизмъ; то были литературскія утопіи, химеры, которыя могли бы привести только къ поглощенію Франціи Европой и разрыву со всѣми традиціями ея исторіи. Но это еще и не духъ чистаго завоеванія и всемірнаго владычества, цезарское возрѣніе, заимствованное у древняго Рима, предназначенное для разрушенія исторической формы, въ которую была отлита Франція, и для безмѣрнаго расширенія французскихъ предѣловъ. Это—нѣчто среднее между этими двумя крайностями, вполне французское сочетаніе двухъ вѣковыхъ стремленій національнаго характера, стремленія къ завоеванію, къ великой войнѣ (*guerre de magnificence*) и стремленія къ распространенію своего духа: расширяться, просвѣщая и содѣйствуя благополучію сосѣднихъ народовъ, завоеванныхъ для свободы и присоединенныхъ къ республикѣ. Термидоріанцы сами проникнуты были этимъ духомъ, они возбуждаютъ его въ странѣ и онъ-то и будетъ духомъ ихъ правленія.

Къ тому же, въ настоящую минуту продолженіе войны обязательно. Война требуетъ энергическаго и сосредоточеннаго правительства: они и будутъ такимъ правительствомъ. Армія была существеннымъ дѣломъ республики: она остается главной и постоянною заботою термидоріанцевъ, потому что она—главная причина ихъ существованія. Они заставляютъ войска одобрять себя и почти единогласно привѣтствовать. Редактированные по одинаковому образцу адреса посылаются Комитету отъ различныхъ полковъ; въ этихъ адресахъ прославляется переворотъ, низложившій Батиліну французской революціи. Но, опираясь такимъ образомъ на армію, термидоріанцы въ то же время и боятся ея. Нужно кормить всѣхъ

⁴⁾ STENDHAL, *Vie de Napoléon*, Paris, 1876.

этихъ солдатъ и давать имъ занятіе за предѣлами Франціи. Если ихъ распустить, они хлынутъ цѣлымъ потокомъ недовольныхъ, которые потрясутъ республику; если они вернутся, это будетъ своего рода нашествіе, которое породитъ во Франціи безкормицу. Генералы же, какъ только перестанутъ сражаться, станутъ стремиться къ узурпаціи власти и станутъ образовывать вооруженныя мятежныя партіи, болѣе грозныя, чѣмъ тѣ, которыя до сихъ поръ спорили изъ-за господства въ странѣ. Чтобы понять это, термидоріанцамъ не нужно было предаваться слишкомъ долгимъ размышленіямъ и обладать особою прозорливостью. Итакъ, войну слѣдуетъ продолжать, хотя бы изъ-за государственной необходимости.

Что касается предѣла этой войны,—потому что всегда нуженъ какой нибудь предѣлъ, который ставятъ себѣ и предлагаютъ народу,—то онъ давно намѣченъ; онъ очевиденъ и ясенъ для всѣхъ, понятенъ каждому уму, лестенъ для каждаго воображенія. Дантонъ указалъ на него въ эпоху первыхъ побѣдъ; онъ стеръ его во время первыхъ пораженій, его послѣдователи снова предлагаютъ его, по мѣрѣ того какъ непріятель отступаетъ и поле дѣйствія открывается предъ французскими арміями. «Мнѣніе, популярность котораго имѣетъ внушительные размѣры», пишетъ одинъ изъ секретарей комитета Общественнаго спасенія, «и число сторонниковъ котораго ежедневно растетъ въ средѣ Конвента, громко требуетъ, чтобы теченіе Рейна считалось границею республики». «Граждане», говоритъ Талльенъ 17 октября, «слѣдуетъ, чтобы республика заняла наконецъ должное мѣсто въ европейскомъ равновѣсіи. Я знаю, было сказано, что могущественная республика, подобная нашей, ведетъ переговоры со своими врагами только пушечными выстрѣлами. Но, что бы ни говорили, республика можетъ придерживаться и другого рода дипломатіи, изъ та послѣдняя, если она въ хорошихъ рукахъ, можетъ найти большую поддержку въ первой».

Продолжать войну со всею энергіей, отложить вотированіе конституціи до заключенія мира, добиться, чтобы этотъ миръ былъ возможно болѣе славенъ, а до тѣхъ поръ эксплуатировать завоеванныя страны, вотъ стремленія термидоріанцевъ. Но это были скорѣе инстинктивныя намѣренія, чѣмъ положенія, принятыя по обсужденію. Въ первые мѣсяцы своего господства, они не ищутъ и даже не выслушиваютъ никакихъ посредниковъ въ дѣлѣ переговоровъ о мирѣ. У нихъ не имѣется никакого ни общаго, ни частнаго плана. Духъ, руководившій военными дѣйствіями, бывшій духомъ меньшинства предыдущаго Комитета, духомъ Приера и Карно, становится господствующимъ въ новомъ Комитетѣ. Новые правители видятъ во внѣшнихъ дѣлахъ исключительно интересы завоеванія. Они живутъ изо дня въ день войною, для войны, путемъ войны. Потребуется нѣкоторое время для того, чтобы у нихъ явилась мысль о мирѣ.

ГЛАВА V.

Миролюбивыя заявленія.

1794.

I.

Желавшія мира правительства надѣялись заключить его при содѣйствіи Робеспьера, такъ какъ рассчитывали, что его диктатура положить конецъ террору. Ихъ иллюзіи относительно гениальности Робеспьера разсѣялись, но желаніе идти на сдѣлку осталось; это желаніе стало проявляться явнѣе по мѣрѣ того, какъ сдѣлка стала казаться болѣе осуществимою. «Иностранцы, расположенные къ республикѣ, громко выражаютъ свое восторженное одобреніе, не опасаясь упрековъ друзей человѣчества», писалъ Грувелль отъ 19-го августа; «я получилъ особенно усердныя поздравленія отъ философа Бернсторфа, который выражаетъ пожеланіе, чтобы этотъ переворотъ оказался благопріятнымъ для заключенія всеобщаго мира». «Энергія народнаго Конвента, низложившаго внутреннихъ тирановъ республики, произвела громадное впечатлѣніе за-границей, вызвавъ радость и восторгъ у ея сторонниковъ, печаль и сожалѣнія—у ея враговъ», извѣщалъ Бартеlemi отъ 13-го августа. Онъ былъ увѣренъ въ близкомъ подавленіи коалиціи, и миръ казался ему отнынѣ возможнымъ. Онъ не могъ сомнѣваться въ чувствахъ пруссаковъ относительно этого предмета.

Въ то время Бартеlemi находился въ Баденѣ, въ Арговіи. Тайный эмиссаръ Меллендорфа, Шмерцъ, явился къ нему 31-го іюля. Онъ передалъ слугѣ конвертъ и исчезъ. Въ Базелѣ, куда онъ отправился, онъ познакомился съ бургомистромъ Оксомъ, большимъ пріятелемъ Бахера, и постарался встрѣтить этого агента республики 6-го августа. Не скрывая того, что его посылаетъ Меллендорфъ, онъ сказалъ: «Берлинскій дворъ не пренебрежетъ ничѣмъ для сближенія съ своей естественною союзницею, французскою республикою; обмѣнъ плѣнниковъ могъ бы служить прелиминаріемъ къ перемирію. Срокъ договора о субсидіяхъ, заключенный Пруссіей съ Англіей, истекаетъ 1-го декабря: тогда прусскій король освободится отъ всякихъ обязательствъ, а до тѣхъ поръ будетъ дѣйствовать вяло». Шмерцъ уѣхалъ 8-го, оставивъ свой адресъ Оксу для того, чтобы бургомистръ могъ переслать ему отвѣтъ парижскаго правительства.

Меллендорфъ почувствовалъ, что слишкомъ много взялъ на себя. Прежде чѣмъ пойти далѣе, онъ захотѣлъ узнать о настроеніи короля; онъ послалъ къ своему государю довѣренное лицо, своего адъютанта Мейеринка. Въ то же время Гарденбергъ посылалъ къ Гаугвицу бывшаго учителя своего Гервинуса, сдѣлавшагося его сотрудникомъ и повѣреннымъ. «Единственное средство спасенія для имперіи—скорый миръ». Гарденбергъ до такой степени былъ убѣжденъ въ этомъ, что распространялъ слухъ о мирѣ повсюду, и этотъ слухъ находилъ откликъ при всѣхъ мелкихъ германскихъ дворахъ. Дѣло шло впрочемъ только объ общемъ мирѣ: Пруссія должна была доставить его своимъ союзникамъ; только такимъ образомъ можно было привести къ этому и прусскаго короля. Роль миротворца въ имперіи льстила гордости Фридриха-Вильгельма и удовлетворяла его чувство соперничества по отношенію къ Австріи. Въ такомъ духѣ онъ и велѣлъ Меллендорфу вести войну, прибавивъ, что, по его мнѣнію, гагская конференція можетъ истолковываться только въ смыслѣ защиты имперіи. Онъ отправилъ графа Тауэнцина въ Петербургъ, съ цѣлью огражденія прусскихъ интересовъ противъ интригъ вѣнскаго двора при раздѣлѣ Польши, и сталъ ждать для окончательнаго уясненія видовъ Австріи отвѣта императора на просьбу о присылкѣ 20.000 солдатъ, передать которую было поручено Луккезини.

Луккезини пріѣхалъ въ Вѣну около 20-го августа. Онъ нашелъ, что настроеніе, такъ господствовавшее, было весьма сходно съ тѣмъ, которое замѣчалось и въ главной квартирѣ прусскаго короля. Императоръ полагалъ, что Германіи грозитъ большая опасность. 13-го августа онъ издалъ указъ, торжественно объявлявшій, что *отечество въ опасности!* Онъ говорилъ, что первая его обязанность заключается въ оказаніи покровительства имперіи; но между тѣмъ, какъ Пруссія намѣревалась спасать Германію, доставляя ей миръ, императоръ, напротивъ, приглашалъ имперію содѣйствовать борьбѣ новыми субсидіями и ополченіями. Что касается Нидерландовъ, онъ недалеко былъ отъ мысли, что они утрачены навсегда. Онъ назначилъ генераль-квартирмейстеромъ Боле въ мѣсто бывшаго имъ Вальдека, но не отдалъ ему никакихъ точныхъ приказаній. 21-го августа онъ велѣлъ Боле постараться вновь овладѣть Бельгіей, а если это окажется невозможнымъ, то прикрыть Голландію, и во всякомъ случаѣ сообразовать военныя операціи противъ французовъ «съ необходимостью не подвергать армію ни слишкомъ большому риску, ни бесполезнымъ потерямъ».

Эта армія нуждалась въ провіантѣ и боевыхъ снарядахъ еще болѣе, чѣмъ въ генералахъ и планахъ военныхъ дѣйствій. Она «едва не разбѣжалась, вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ», писалъ Тугутъ 29-го августа. Тугутъ ожидалъ доставки англійскаго золота. Спенсеръ и Гренвилль были

въ Вѣнѣ съ 6-го августа, Мерси былъ въ Лондонѣ. Цѣна, которую просила Австрія для вторичнаго завоеванія Бельгіи, и жертвы, которыя расположена была бы принести ради этой цѣли Англія, вотъ что было главною основою переговоровъ между обоими канцлерствами. Тугутъ утверждалъ, что императоръ готовъ употребить «величайшія усилія», но требовалъ вспомогательнаго англійскаго войска, немедленной гарантіи займа въ три милліона фунтовъ стерлинговъ, заключеннаго въ Лондонѣ, субсидіи на 1795 годъ, болѣе широкаго союзнаго договора и расширенія нидерландской границы въ сторону Франціи, а именно: Мезьеръ, Шарлемонъ, Жива, Филиппвилль, Мобежъ, Валансьенъ, Конде, Ле Кенуа, Дуэ, Лилль и край до Лисы; сверхъ того еще и Сундгау въ Эльзасѣ. Переговоры замедлились. Мерси умеръ нѣсколько дней спустя по своемъ прѣѣздѣ въ Лондонъ, а Тугутъ запросилъ такъ много для возвращенія Нидерландовъ, что англичане усумнились въ его желаніи сохранить для Австріи эту провинцію.

Въ это-то время Луккезини предъявилъ требованіе о 20.000 войска. Тугутъ отвѣтилъ, что Австрія не располагаетъ свободными войсками и отказалъ рѣшительнымъ образомъ. Если бы у него и были лишнія войска, онъ не далъ бы ихъ на завоеваніе палатинатовъ для прусскаго короля. Его зависть относительно Пруссіи овладѣла имъ всецѣло. Онъ всюду видѣлъ пруссаковъ и повсюду казались они ему гнусными. Увѣренный въ томъ, что они старались поладить съ Франціей на какихъ бы то ни было условіяхъ, онъ послалъ въ Парижъ эмиссара, чтобы получить точныя свѣдѣнія и въ то же время освѣдомиться о дѣйствительномъ настроеніи французовъ относительно мира. Онъ видѣлъ уже возможность прибрѣтеній для Австріи только въ Польшѣ; для ограниченія же посягательствъ Пруссіи расчитывалъ только на Россію. Поэтому онъ очертя голову бросился въ политику раздѣла и русскаго союза. Пруссаки занимаютъ Краковъ: онъ требуетъ этотъ городъ. «Во что-бы это ни обошлось,—говоритъ онъ русскому посланнику Разумовскому,—вѣнскій дворъ долженъ же когда-нибудь имъ владѣть, хотя бы это повело за собою войну». Къ Кобенцелю онъ посылаетъ курьера за курьеромъ. «Я сижу какъ на угольяхъ, когда составляю эти депеши», говоритъ онъ. Онъ развиваетъ въ нихъ вѣчную тему австрійскихъ требованій: равная съ прочими державами доля въ предстоящемъ раздѣлѣ, эквивалентное вознагражденіе во Франціи или Польшѣ, въ видѣ компенсации за раздѣлъ 1793 г., наконецъ, давленіе на Пруссію со стороны Россіи съ цѣлью обязать пруссаковъ къ завоеванію тѣхъ французскихъ территорий, которыя должны быть предоставлены Австріи. Если, впрочемъ, Россія найдетъ притязанія вѣнскаго двора чрезмѣрными относительно Польши, то Австрія согласна, лишь бы только ей оказали содѣйствіе, взять дополнительное вознагражденіе во Франціи и въ послѣднемъ

случаѣ находить нужнымъ взять, кромѣ Фландріи и Эльзаса, еще и Артуа и часть Камбресиса.

Пруссійскій король продолжалъ осаждать Варшаву. Костюшко стоялъ во главѣ обороны: ему приходилось бороться съ демагогами и оказывать покровительство королю Станиславу, котораго поданные заставили сражаться за корону, слишкомъ униженную имъ самимъ, чтобы не жстать отъ нея избавиться. Костюшко находился въ самомъ затруднительномъ положеніи между этимъ вынужденнымъ воевать королемъ и варшавянами, требовавшими строгихъ каръ и суровыхъ примѣровъ. По всей вѣроятности, такую же роль пришлось бы играть Лафайету, если бы ему удалось перевести Людовика XVI въ одинъ изъ городовъ сѣверной Франціи и выдерживать тамъ осаду союзныхъ войскъ. 23-го іюня чернь вырвала у суда и повѣсила семь заключенныхъ, заподозрѣнныхъ въ сообщничествѣ съ русскими. Костюшко приказалъ арестовать виновниковъ самосуда, и изъ нихъ было повѣшено пять человѣкъ. Чтобы успокоить чернь, революціонный трибуналъ приговорилъ къ смерти епископа. Костюшко смягчилъ наказаніе. Его самого стали подозрѣвать въ измѣнѣ. Партіи вздорили между собою по ночамъ; но днемъ все поляки единодушно давали отпоръ пруссакамъ, которые, не видя русскихъ подкрѣпленій, пришли, наконецъ въ уныніе. Фридрихъ-Вильгельмъ узналъ, что Австрія отказывается въ тѣхъ 20.000 человѣкъ, о которыхъ просилъ Луккезини, и что познанскіе поляки подписали 22-го августа актъ о конфедераціи. Онъ увидѣлъ себя между двухъ огней и 1-го сентября, вмѣсто того, чтобы отдать приказъ о штурмѣ, который былъ возможенъ, онъ приказалъ начать отступленіе. Осада Варшавы была снята 6-го сентября.

За два года уже во второй разъ армія Фридриха Великаго отступала предъ возставшимъ народомъ. Пруссаки выместили свою неудачу на населеніи тѣхъ мѣстностей, по которымъ имъ пришлось проходить: «Смертныя казни, насилія и грабежъ, пожары, опустошенія» сопровождали это прусское отступленіе, которое для поляковъ было хуже, чѣмъ прусское же отступленіе по Шампань—для французовъ. Политическія послѣдствія оказались именно такими, какія предвидѣлъ Дюмурье въ 1792 г. Не надѣясь уже болѣе на своихъ союзниковъ, Фридрихъ-Вильгельмъ понялъ необходимость сосредоточенія всехъ своихъ войскъ и наискорѣйшаго освобожденія своей рейнской арміи. Неудачи, дурное расположеніе духа, недовѣріе, которое внушали ему Австрія и Россія, заставили его дѣйствовать противъ совѣсти. Луккезини прѣхалъ изъ Вѣны въ ту минуту, когда король отправлялся въ Берлинъ; онъ написалъ 8-го сентября Меллендорфу, что король принимаетъ его «благодѣтельныя предложенія»; мысль о роли посредника въ дѣлѣ общаго мира и спасителя Голландіи плѣнила воображе-

ніе Фридриха-Вильгельма. Въ Берлинѣ одерживали верхъ сторонники мира. Это обстоятельство не замедлило отразиться на веденіи войны.

Было установлено нѣчто въ родѣ фактическаго перемирія. Французы воспользовались имъ для сосредоточенія войскъ и ускоренія амальгамы, т. е. операціи сліянія линейныхъ войскъ съ волонтерами. Въ началѣ сентября они снова перешли въ наступленіе, одновременно и противъ австрійцевъ, въ окрестностяхъ Лютиха, и противъ пруссаковъ—въ Трирскомъ краѣ. Это не входило въ расчеты Меллендорфа. Его политика внушала ему бечу войска, а «добродѣтель»—падать человѣческую кровь. Онъ предупредилъ Бахера, что союзники двинутся къ Триру 22-го сентября; что нападеніе «окажется вполне неудачнымъ, если только у французовъ будутъ достаточныя силы; что касается пруссаковъ, то они не двинутся съ мѣста». Къ несчастію, Гогенлоэ, командовавшій прусскимъ корпусомъ, не былъ посвященъ въ тайну. Онъ атаковалъ французовъ 19-го сентября и разбилъ ихъ 20-го при Кайзерслаутернѣ. Затѣмъ онъ тотчасъ же получилъ приказъ остановиться. Меллендорфъ устроился такъ, чтобы его не тревожили въ его операціяхъ, и возобновилъ уже при болѣе благоприятныхъ условіяхъ свою игру, заключавшуюся въ попережѣнныхъ угрозахъ и обѣщаніяхъ и удавшуюся два года тому назадъ герцогу Брауншвейгскому. Майоръ Мейеринкъ умножилъ свои секретныя сообщенія Шмерцу, который немедленно передавалъ ихъ Бахеру. «Мы можемъ увѣрить васъ,—писалъ майоръ,—что битва при Кайзерслаутернѣ принесла намъ истинное огорченіе... Мы не двинемся изъ своего лагеря». А 6-го октября онъ извѣщалъ: «Мы еще болѣе стянемъ войска, держась какъ можно дальше отъ республиканцевъ, съ которыми рѣшительно желаемъ подружиться. Такимъ образомъ, мы, мало-по-малу, отступимъ за Рейнъ, говоря: аминъ». Однако и французамъ не слѣдовало заставлять пруссаковъ драться, дѣлая на нихъ несвоевременныя нападенія. «Солдаты,—продолжалъ Мейеринкъ,—не могутъ уклоняться отъ борьбы, если дѣло идетъ о его воинской чести; вся будущность переговоровъ была бы этимъ скомпрометирована». Французы не желали противорѣчить столь предупредительнымъ врагамъ, но они были достаточно благоразумны, чтобы слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ и наблюдать за ними такъ настойчиво, что пруссаки вынуждены были ускорить свое отступление къ Рейну.

Во время этого расчитаннаго отступления, Журданъ билъ австрійцевъ. Они принуждены были отступить на правый берегъ Рейна. Англичане же отступили къ Голландіи. 6-го октября французы вступили въ Кельнъ, 8-го въ Боннъ, а нѣсколько дней спустя—въ Кобленцъ. Отступление австрійцевъ прервало ихъ переговоры съ англичанами. Эти послѣдніе не намѣрены были платить субсидіи императору для того, чтобы онъ защищалъ имперію, до которой имъ не было дѣла. Гренвилль и Спенсеръ выѣхали изъ

Вѣны 7-го октября. Въ то же время Мальмсбери напомнилъ въ Берлинѣ о гагскомъ договорѣ. Онъ объявилъ прусскому правительству, что, если прусская армія не возобновитъ наступленія, субсидіи не будутъ уплачены. А такъ какъ Меллендорфъ не измѣнилъ своего образа дѣйствій, то часть субсидій, причитавшаяся на 1-е октября, не была внесена англичанами. Теперь, для очищенія лѣваго берега Рейна, прусскій король нуждался только въ государственномъ предлогѣ. Его доставила Россія.

II.

Войска Екатерины вѣшались, наконецъ, въ дѣло. Суворовъ явился въ Польшу съ 20.000 войскомъ испытанныхъ солдатъ, которыхъ онъ умѣлъ увлекать и фанатизировать. Съ нимъ появлялся на сценѣ новый элементъ, русскій народъ, и на чашку вѣсовъ упала весьма значительная тяжесть. Суворовъ былъ самымъ замѣчательнымъ изъ русскихъ генераловъ со времени Петра Великаго, и это былъ въ то же время истинно русскій популярный генералъ. Его слава вела начало отъ Измаила въ 1790. Его призывали, какъ призываютъ знахаря къ постели отчаянно-больного. «Тогда пріѣхала на козацкой лошади маленькая, сморщенная, сухая и сутуловатая фигурка, въ сопровожденіи козака, еще болѣе невзрачнаго, чѣмъ его господинъ». Это былъ Суворовъ: герой, чудакъ, ловкій человѣкъ, фанатикъ, остроумецъ, дикарь, впечатлительный, чувствительный и въ то же время свирѣпый, устраивавшій рѣзню и плакавшій надъ нею. Добродушный съ боготворившими его солдатами, онъ льстилъ ихъ національному духу безпечностью, которую выказывалъ по отношенію ко всякой расчитанности и всякому военному искусству, и въ особенности презрѣніемъ къ иностранцамъ и ихъ педантизму; въ то же время онъ забавлялъ и удивлялъ ихъ своими шутовскими выходками, странностями. Онъ былъ предприимчивъ до невозможности, любилъ говорить, что «пуля дура, а штыкъ молодецъ»; стремителенъ въ атакахъ, неутомимъ въ преслѣдованіи; онъ всегда рассчитывалъ, но предпочиталъ скрывать отъ солдатъ свои расчеты, чтобы не расхолаживать и не тревожить ихъ и выказывалъ мистическую вѣру въ событія, которая придавала характеръ чего-то providencialнаго его успѣхамъ; искренно вѣря въ судьбу, по ловко подготавливая ея дѣйствія и извлекающая изъ нихъ выгоду, этотъ набожный человѣкъ, тѣмъ не менѣе, читалъ Вольтера; ему правился его умъ, въ особенности циническая сторона этого ума; онъ охотно заимствовалъ у него кое-что, острилъ, зналъ пять-шесть языковъ и на всѣхъ языкахъ оказывался величайшимъ оригиналомъ и однимъ изъ самыхъ хитрыхъ политиковъ своего вѣка. Если онъ и былъ

честолюбивъ, то не былъ узокъ и тѣмъ отличался отъ своихъ соотечественниковъ той эпохи ¹⁾).

10-го сентября онъ встрѣтилъ поляковъ и разбилъ ихъ; Костюшко вышелъ изъ Варшавы къ нему на встрѣчу. Онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ 10-го октября. Польская армія не существовала болѣе. Можно сказать, что не существовала уже и Польша. Рѣчь Посполитая жила Костюшкой; съ его плѣномъ она теряла свою свободу. Русскимъ оставалось только овладѣть Варшавой, и это было дѣломъ нѣсколькихъ дней.

Екатерина снова стояла во главѣ раздѣла. Она побуждала Австрію кончить дѣло, но ставила условіемъ, чтобы австрійцы продолжали войну съ французской республикой, такъ какъ, въ случаѣ заключенія мира, Англія, Франція, а можетъ быть и сама Австрія могли стѣснить императрицу на Востокъ. «Изъ Вандеи, — говорила она, — выйдетъ спасеніе Франціи... Пора, чтобы всѣ державы признали бы вмѣстѣ со мною королемъ Людовика XVIII»... «Актъ этого признанія не будетъ препятствіемъ для справедливаго вознагражденія въ свое время за военныя издержки; послѣднее не минуетъ въ случаѣ успѣха. Возьмите, что хотите у Франціи или у Венеціи, — говорила императрица; — берите германскія или турецкія земли, я согласна на все; но слѣдуетъ, чтобы Бугъ былъ нашею границею въ Польшѣ». Австрія получитъ Краковъ, Сандоміръ, Люблинъ, часть Холма и ничего болѣе. Пруссія достанется Варшава. Она согласна была дать долю Фридриху-Вильгельму, но желала дать ему почувствовать эту милость. Вообще Екатерина не щадила его въ своихъ отзывахъ и выражалась о немъ крайне рѣзко и насмѣшливо послѣ снятія осады Варшавы. Пруссакаго агента Тауэнцина держали въ сторонѣ отъ всего, но давали ему понять, что есть нѣчто, во что не посвященъ его государь. Это дѣлалось для того, чтобы внушить ему тревогу, а по заключеніи соглашенія съ Вѣной — сдѣлать прусскаго короля болѣе сговорчивымъ ²⁾. Но средство оказалось слишкомъ сильнымъ. Пруссаки убѣдились, что если они не будутъ поддерживать своихъ притязаній всеми мѣрами, раздѣлъ Польши совершится если не помимо Пруссіи, то въ ущербъ ей. Это соображеніе побудило ихъ начать переговоры съ французами. Принцъ Генрихъ, братъ великаго Фридриха и дядя короля, хвалившійся своею философіей и добродѣтелью, прославлялъ французскую республику и въ то же время гордился тѣмъ, что подготовилъ первый раздѣлъ Польши. Онъ написалъ своему

¹⁾ LANGERON, *Journal des campagnes faites au service de la Russie*. Архивъ франц. минист. ин. дѣлъ. *Бумаги герцога Ришелье*, изданіе Русскаго историческаго общества.

²⁾ Донесенія Кобенцеля отъ 6-го и 16-го сентября 1794. ZEISSBERG, t. IV. Письма Екатерины къ Гримму, въ сентябрѣ того же года. МАРТЕНСЪ, т. II. SYBEL, t. III.

племяннику: «Истинный интересъ Пруссіи требуетъ завершенія этого дѣла; дѣйствительный интересъ Франціи заключается въ томъ, чтобы вернуться за счетъ республики къ гарантіи вестфальскихъ трактатовъ; политика совѣтуетъ обоимъ государствамъ доставить себѣ миръ, который возвратитъ ихъ къ ихъ національнымъ традиціямъ. Пруссія спасетъ имперію и расчленитъ Польшу; она выйдетъ изъ сомнительнаго предпріятія съ честью и выгодною». — Эти соображенія подѣйствовали на Фридриха-Вильгельма. Доводы Англіи и Австріи оказались еще болѣе убѣдительными. Мальмсебри официально объявилъ 17 октября, что уплата субсидій прекращена, а князь Рейссъ — что Австрія не доставитъ тѣхъ 20.000 солдатъ, которыхъ требовала Пруссія. Прусскій король почелъ эти заявленія измѣной со стороны своихъ союзниковъ и 16 октября Меллендорфу былъ посланъ приказъ объ удаленіи войскъ.

Генералъ уже началъ отступленіе. Мейеринкъ продолжалъ тянуть переговоры, чтобы выиграть время. «Пусть только намъ дадутъ перебраться черезъ Рейнъ съ честью, чтобы мы не имѣли видъ прогнанныхъ», писалъ онъ Шмерцу. Солдаты той и другой стороны инстинктивно поддавались на эти маневры и по-своему служили видамъ дипломатіи. Они не нападали другъ на друга; но и не избѣгали другъ друга, а встрѣчаясь на пути — раскладывались. «Въ прусскихъ войскахъ, — писалъ нѣкоторое время спустя Мерленъ де-Тюновилль, посланный комиссаромъ въ тѣ края, — весьма распространено убѣжденіе, что вскорѣ они соединятся съ французской арміей для того, чтобы раздавить австрійскій домъ». 22 октября войска, командуемая Меллендорфомъ, перешли черезъ Рейнъ. Французы занимали весь край, лежащій по лѣвому берегу, за исключеніемъ Люксамбургской крѣпости, Майнца и мангеймскаго предмостнаго укрѣпленія; они могли разрушить его, если бы только захотѣли.

25 октября Гарденбергъ извѣстилъ Мальмсебри о гагскомъ трактатѣ. Пруссія шла къ миру; Германія его требовала. Виртембергскіе штаты обсуждали нейтралитетъ; эмисаръ увѣдомилъ Бартеlemi объ ихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ. Курфирстъ майнцскій предложилъ сейму, 24 октября, разрѣшить ему обращеніе къ республикѣ. Онъ указалъ на Данію, какъ на посредницу въ этомъ дѣлѣ. Императоръ отвѣтилъ, что миръ будетъ возможенъ «только тогда, когда не останется ни одного француза на германской землѣ». Король прусскій одобрилъ этотъ отвѣтъ въ принципѣ, но намекнулъ, что посредничество лучше было бы предоставить ему, а не датскому королю. Дѣло пошло обычною, медленною и сложною процедурою.

Испанія также сдѣлала заявленія о мирѣ и хотя держала ихъ въ болѣе строгой тайнѣ, тѣмъ не менѣе нетерпѣливо ожидала результатовъ. Въ восточныхъ Пиренеяхъ, Дюгомме заставилъ испанцевъ отступить къ гра-

ницѣ 26-го мая. Наварро капитулировалъ въ Колліурѣ съ 7.000 чело-
вѣкъ; имъ была отдана воинская честь и предоставлено право вернуться
къ себѣ, за что Испанія должна была возвратитъ равное количество плѣн-
ныхъ французовъ и выдать эмигрантовъ, сражавшихся въ рядахъ ея арміи.
Это послѣднее условіе показалось оскорбительнымъ испанскому главно-
командующему; онъ отказался отъ его выполненія, и французскіе плѣнные
не были возвращены. Война продолжалась съ еще большимъ ожесточе-
ніемъ. Белльгардъ былъ снова взятъ 17-го сентября: это былъ крайній
пунктъ, занимаемый испанцами въ этой части Франціи. Изъ другой части,
въ западныхъ Пиренеяхъ, они уже были вытѣснены. Фуэнтарабіа сдалась
1 августа, Санъ-Себастьянъ — нѣсколько дней спустя. Французы заняли
Гвиускоа и вторглись въ Бискаю. Эти извѣстія произвели ошеломляю-
щее впечатлѣніе въ Мадридѣ. Правительство склонялось въ пользу мира.
Термидорскій переворотъ позволялъ на него надѣяться; но, подобно тому,
какъ совѣтники Фридриха-Вильгельма изображали ему отреченіе Пруссіи
отъ коалиціи въ формѣ европейскаго посредничества и своего рода про-
тектората имперіи, Годой представилъ Карлу IV миръ съ Франціей какъ
средство спасти заключенныхъ въ Тампльской тюрьмѣ дѣтей Людовика XVI
и возстановить, хотя бы въ одной какой-либо части Франціи, тѣнь мо-
нархіи. Заставить отдать Испаніи Людовика XVII, поставить его подъ опеку
Испаніи въ пограничной съ Испаніей французской провинціи, которая от-
пала бы отъ Франціи, вотъ странная фантазія, которую лелѣялъ Годой.
Рыцарское чувство Испаніи, а также и ея политическіе расчеты нашли
бы, такимъ путемъ, удовлетвореніе: честь бургонскаго короля вышла бы
незапятнанной изъ войны, которая къ тому же привела бы Францію къ
расчлененію.

Приступъ къ переговорамъ былъ дѣломъ довольно затруднительнымъ.
Годой приходилось остерегаться надзора со стороны Англіи и подозрѣній
со стороны монаховъ, призвавшихъ къ оружію горное населеніе. Онъ окру-
жилъ эти переговоры всевозможною тайною. Прежде всего онъ обратился
къ жившему въ Испаніи французу Симонену, обязанность котораго заклю-
чалась въ выплачиваніи содержанія плѣннымъ французамъ. Симонену были
извѣстны декреты Конвента и наказаніе, грозившее гражданамъ, заподозрен-
нымъ въ соумышленіи съ непріателемъ. Онъ испугался порученія и рѣ-
шился выполнить его не словами, а символами. 20 сентября онъ отпра-
вилъ къ Дюгоммье письмо, заключавшее оливковую вѣтвь. «Я никакъ не
ожидалъ», писалъ онъ, «что въ странѣ, гдѣ я никого не знаю, посѣтитъ
меня 15-го фруктидора и повторитъ свое посѣщеніе вчера лицо, весьма
высокопоставленное. Еще менѣе ожидалъ я, что мнѣ поручатъ сдѣлать тебѣ
предложенія о... Не могу идти далѣе; декретъ, который я уважаю, нала-

гаетъ на мои уста глубокое молчаніе; вѣтвь, которую ты получишь, объ-
яснить тебѣ остальное». Дюгоммье передалъ посланіе комиссару Делбрелю
и отвѣчалъ, что прежде всего Испанія должна выполнить условія колліур-
ской капитуляціи: «Никогда не будетъ заключенъ миръ съ Испаніей, ни-
когда не будетъ никакого договора до тѣхъ поръ, пока у насъ будетъ
передъ глазами примѣръ такого вѣроломства». Но такъ какъ войска его сильно
пострадали и онъ не видѣлъ возможности пока сдѣлать «что-нибудь блестя-
щее», то 26-го сентября передалъ Комитету письмо Симонена и просилъ ин-
струкцій. «Если,—говорилъ онъ,—правительство не имѣетъ видовъ на Ката-
лонію... если испанцы оставляютъ намъ Серданью, Фуэнтарабію, то не будетъ ли
выгодно выслушать ихъ миролюбивыя предложенія?»

III.

Когда эта депеша дошла до Парижа, комитетъ Общественнаго спасенія
еще не имѣлъ времени заняться вопросомъ о переговорахъ. Мерленъ де
Дуэ, которому порученъ былъ отвѣтъ, занялся имъ въ послѣднюю ми-
нуту. Тѣмъ не менѣе въ импровизаціи этого законника замѣчаются двѣ
черты, ставшія самимъ духомъ комитета Общественнаго спасенія: ловкость
хитраго юриста и надменность римскаго проконсула. Письмо, помѣченное
9 октября, было адресовано не Дюгоммье, а представителямъ Конвента,
находившимся въ Испаніи въ качествѣ комиссаровъ: «Ужасъ царитъ въ
войскахъ всѣхъ деспотовъ, заключившихъ коалицію. Каждодневно фран-
цузы изумляютъ міръ своими побѣдами. Если испанцы поплотъ къ вамъ
депутатовъ, граждане-товарищи, вы должны держать себя съ достоинствомъ,
гордостью и твердостью, подобающимъ народу, дѣйствительно достойному
свободы. Топографическое положеніе Испаніи обязываетъ ее искать сн-
схожденія и возвращенія дружбы Франціи... Соберите свѣдѣнія. Замѣтите,
что все это должно обсуждаться вами сообща и что основу для вашихъ
совѣщаній долженъ опредѣлить комитетъ Общественнаго спасенія... Насту-
пательныя мѣропріятія должны продолжаться болѣе дѣятельно, чѣмъ ког-
да-либо». Отвѣтъ Симонену резюмировался въ слѣдующей фразѣ: «Фран-
ція желаетъ всего, что согласуется съ ея интересами и съ ея достоин-
ствомъ».

Годой созвалъ государственнй совѣтъ 27-го октября; онъ обнаружилъ
въ этомъ совѣтѣ и свое смущеніе, и ничтожество своихъ намѣреній, и не-
лѣпость предлагаемыхъ мѣръ, сводившихся къ интригѣ, его единственному
орудію. Онъ находилъ республику достаточно опасной для того, чтобы счи-
тать миръ необходимымъ; но онъ думалъ, что Конвентъ согласится даже
на такой миръ, который расчленилъ бы Францію, дорожа болѣе всего сво-

ею властью. Онъ вручилъ Симонену для передачи слѣдующій безразсудный ультиматумъ: Испанія признаетъ французское правительство; Франція отдастъ Испаніи дѣтей Людовика XVI и присвоитъ Людовику XVII пограничныя провинціи, гдѣ «онъ будетъ царствовать какъ самостоятельный монархъ». Представитель Видалъ, получивъ это посланіе, нашелъ его «дерзкимъ и неумѣстнымъ». Комитетъ Общественнаго спасенія нашелъ его «гнуснымъ». — «Примите всѣ мѣры и громите, — отвѣтилъ онъ 24-го ноября. — Побѣдоносные французы относятся безъ высокомерія къ врагу, обращающемуся къ нимъ надлежащимъ образомъ; они находятъ только презрѣніе для побѣжденнаго, который осмѣливается предлагать имъ законы». Симоненъ былъ отозванъ; переписка прекратилась; война продолжалась. Дюгомме нашелъ въ ней смерть и съ нимъ исчезъ одинъ изъ самыхъ благородныхъ типовъ этой героической эпохи. Командованіе перешло къ Периньону. Онъ повелъ дѣло съ энергіей, овладѣлъ Фигьеромъ 28-го ноября, занялъ Розасъ, между тѣмъ какъ западная армія устранилась на зимнихъ квартирахъ въ Гвинускоа. Ультиматумъ Годоя не могъ расположить комитетъ Общественнаго спасенія къ переговорамъ. Онъ спрашивалъ себя, насколько заслуживаютъ довѣрія предложенія Бернсторфа, намеки Меллендорфа, свѣдѣнія Бахера и донесенія Бартелеми. Прежде чѣмъ принять рѣшеніе, Комитетъ пожелалъ выслушать мнѣніе вѣрнаго чловека и послалъ 27-го октября комиссаромъ при рейнской и мозельской арміяхъ Мерлена де Тіонвилля. Мерленъ написалъ 4-го ноября, что чѣмъ болѣе пруссаки будутъ себя беречь, тѣмъ болѣе слѣдуетъ ихъ тѣснить; что ихъ миролюбивое настроеніе, если не искренно, то выражается вполне явно и что, не довѣряя ему вполне, слѣдуетъ принять его однако въ соображеніе: «Именно въ ту минуту, когда побуждаютъ наши арміи, дипломатія должна быть особенно дѣятельною, чтобы придти къ крупнымъ результатамъ. Напрасно говорятъ вамъ, что васъ стараются обмануть предложеніями: никогда нельзя быть обманутымъ, если ограничиваешься выслушиваніемъ и если, не уступая врагу въ хитрости, стараешься заручиться отъ него чѣмъ-нибудь и держать себя такъ, что можешь отказать ему въ чемъ угодно». Такая дипломатія не казалась неумѣстной Комитету; но сами дипломаты казались ему подозрительными. 16-го ноября сообщено было Бахеру, что только Комитетъ имѣетъ право выслушивать предложенія: иностранные агенты должны были обращаться непосредственно къ Комитету.

Въ то время, какъ Бахеръ получилъ это письмо, у него находился майоръ Мейеринкъ; онъ сообщилъ его содержаніе майору. Мейеринкъ объявилъ, что у него есть полномочіе на переговоры «съ представителями французскаго народа, какъ по вопросу объ обмѣнѣ плѣнныхъ, такъ и по

другимъ сюда относящимся статьямъ». Съ нимъ былъ секретарь посольства, Гарнье. Оба они выражали восторженное удивленіе къ республикѣ, увѣряли, что любятъ Францію и свободу. Они говорили на философско-интриганскомъ жаргонѣ политиковъ Семилѣтней войны и эпохи раздѣла Польши; они кичились гуманностью, чувствительностью, подобно всѣмъ людямъ того времени, имѣвшимъ претензію на благовоспитанность и просвѣщенность. Бахеръ говорилъ въ томъ же тонѣ. Ихъ бесѣды, во время которыхъ они зорко слѣдили другъ за другомъ, переполнены были трогательными изліяніями. Бахеръ писалъ свои донесенія Комитету подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ бесѣдъ. «Это, — писалъ онъ, — принципы Меллендорфа, Калькрейта, и вся партія стараго двора примкнетъ къ нимъ подъ знаменемъ принца Генриха прусскаго, Герцберга и Финкенштейна...» Вскорѣ Бахеръ могъ присоединить къ названнымъ и Гарденберга. Послѣдній находился во Франкфуртѣ и готовъ былъ проѣхать до Базеля.

Главною цѣлью пруссаковъ въ то время было снятіе осады Майнца, освобожденіе Мангейма и избавленіе отъ контрибуціи владѣній Фридриха-Вильгельма на лѣвомъ берегу Рейна. Но они только теряли время съ Мерленомъ де Тіонвиллемъ. Этотъ членъ Конвента давалъ имъ болтать въ Базелѣ и выводилъ то заключеніе, что республика должна довести до конца операціи противъ Майнца и противъ мангеймскаго тѣтъ-де-пона. Мерленъ де Тіонвилль былъ истиннымъ ученикомъ Лувуа. Онъ полагалъ, что въ военное время можно заставить непріятеля признать себя побѣжденнымъ, только пытая его огнемъ и желѣзомъ. «Мы споримъ, я и Неве съ Феро, который, впрочемъ, превосходный малый, — писалъ онъ Комитету 4-го декабря; — мы хотимъ направить всѣ батареи на тѣтъ-де-понъ, овладѣть имъ и затѣмъ грозить сжечь Мангеймъ, если намъ не сдадутъ Майнцъ, или если не уплатятъ крупныхъ суммъ. Феро, напротивъ, хочетъ сжечь Мангеймъ въ то самое время, какъ будутъ атаковать его укрѣпленіе. Феро одинъ держится такого мнѣнія. Мишо, Клеберъ, Дезэ, Сень-Сиръ и другіе на моей сторонѣ...» Этотъ способъ косвеннаго убѣжденія и это сожженіе одного города для того, чтобы заставить сдать другой, были крайне варварскимъ расширеніемъ системы заложниковъ, примѣненной къ осадной войнѣ. «Это приводитъ въ отчаяніе этихъ разбойниковъ», — прибавлялъ Мерленъ. Онъ не ошибался: австрійцы ничего не боялись такъ, какъ именно этого маневра. «Бомбардировка могла бы имѣть весьма пагубныя послѣдствія, — писалъ Вурмзеръ; во-первыхъ, мангеймское населеніе заражено демократизмомъ... Если городъ зажгутъ, можно опасаться возмущенія, такъ какъ оно отдало бы городъ во власть патріотамъ, что было бы величайшимъ несчастіемъ для всей Германіи».

Такое положеніе вещей и молчаніе комитета Общественнаго спасенія,

заставили пруссаковъ сдѣлать еще шагъ впередъ. Мейеринкъ признался, что его правительство «ощущаетъ настоятельную потребность въ мирѣ и сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы подготовить къ нему пути». Онъ заявилъ это 25-го ноября, и въ тотъ же день ему присланы были изъ Берлина полномочія для заключенія перемирія. Бернсторфъ повторялъ Грувелю, что настроеніе Пруссіи раздѣляется всею Германіей. Имперія желала одного: чтобы республика возвратилась къ гарантіи Вестфальскаго мира. Курфирстъ баварскій и ландграфъ кассельскій послали въ концѣ ноября своихъ агентовъ въ Базель для зондированія почвы. Наконецъ, пруссаки отправили къ Бартелеми новаго эмиссара, на этотъ разъ человѣка съ вѣсомъ. Это былъ тотъ самый графъ Луксбургъ, которому за годъ передъ тѣмъ была поручена такая же миссія въ Мецѣ. Онъ посѣтилъ Бартелеми въ послѣднихъ числахъ ноября. Они поговорили о мирѣ, котораго желали оба. «Въ Конвентѣ, — сказалъ Бартелеми, — есть партія, которая желала бы присоединить къ республикѣ всѣ территоріи до Рейна; но противъ этого мнѣнія борется другая партія». Эта другая находить, «что, оставаясь вѣрной конституціи, республика должна отказаться отъ всякаго завоеванія; прежнія границы Франціи, т. е. тѣ, которыя существовали до революціи, съ цѣлымъ рядомъ хорошихъ крѣпостей на этихъ границахъ, вотъ что нужно республикѣ, и я бы раздѣлилъ это мнѣніе: само собою разумѣется, что англичане должны отдать все, что у нихъ еще въ рукахъ изъ французскихъ владѣній; что Голландія и австрійскіе Нидерланды должны образовать республики, независимыя ни отъ кого и союзныя Франціи». Это были мудрыя рѣчи, и эти рѣчи не могли лишить надеждъ сторонниковъ мира въ Германіи. Но стараясь привлечь прусскихъ агентовъ, Бартелеми только на половину вѣрилъ ихъ искренности. Онъ спрашивалъ себя, не имѣютъ ли цѣлю ихъ миролюбивыя заявленія потревожить Россію, сдѣлать ее болѣе стоворчивой въ Польшѣ, заставить Австрію рѣшиться доставить подкрѣпленія, Германію — платить субсидіи и Англію — соблюдать условія гагскаго договора. Такимъ образомъ донесенія наиболѣе авторитетнаго и важнаго агента республики не въ силахъ были разсѣять подозрѣнія Комитета Общественнаго спасенія и положить конецъ его колебаніямъ. Эти колебанія были, впрочемъ, скорѣе инстинктивными, чѣмъ обдуманными; комитетъ откладывалъ переговоры, потому что и его занимали болѣе неотложныя дѣла: продолженіе войны до тѣхъ поръ, пока непріятель не очиститъ лѣваго берега Рейна; организованіе управленія въ покоренныхъ краяхъ, возстановленіе порядка, нарушеннаго террористическими агентами, и извлеченіе изъ этихъ краевъ тѣхъ ресурсовъ, въ которыхъ такъ нуждалась истощенная республика.

IV.

«Вы спрашиваете насъ, — писалъ Комитетъ своимъ представителямъ при сѣверной и самбро-маасской арміи, отъ 3-го августа, — вы постоянно спрашиваете насъ, какого образа дѣйствій слѣдуетъ держаться въ Бельгіи. И, однако, мы не разъ и вполне опредѣленно высказывались по этому поводу. Мы говорили: 1) обращаться съ этимъ краемъ какъ съ завоеваннымъ, не брататься, не муниципализировать, не заботиться о присоединеніи; 2) обезоружить жителей, не дозволить сборищъ; 3) налечь на богатыхъ, брать заложниковъ изъ ихъ среды и, напротивъ, щадить народъ, его хижины и даже его предразсудки; 4) извлечь изъ Бельгіи жизненные припасы: кожи, сукна, все, что можетъ быть пригодно для нашего потребленія и все, что можетъ благопріятствовать возвращенію непріятели; 5) пускать въ обращеніе ассигнаціи, налагать контрибуціи, изъять денегъ насколько возможно; 6) наконецъ, обращаться съ болѣею строгостью въ Брабантѣ, чѣмъ въ Вестъ-Фландріи, въ Люттихскомъ краѣ — чѣмъ въ краѣ, лежащемъ между Самброю и Маасомъ». Это письмо было энергическимъ резюме инструкцій, выработанныхъ подъ вліяніемъ Карно, Приера де ла Котъ д'Орѣ, Робера Линде и Жанбона и утвержденныхъ 18-го сентября 1793 г. Онъ были возобновлены и пополнены инструкціей и формальнымъ постановленіемъ отъ 9-го вандемьера — 30-го сентября 1794 г. «Въ плодородныхъ краяхъ, занятыхъ арміями республики, вы найдете все, въ чемъ мы нуждаемся и къ чему привыкли. Вы оставите земледѣльцу его лошадей, скотъ, припасы, необходимые для его семьи и для его дѣла. Вы будете платить за всѣ продукты, которые вамъ будутъ продавать въ лагеряхъ и на рынкахъ; вы будете пользоваться только правомъ предпочтенія, и справедливость такого права не можетъ не быть признана жителями». Представители республики и генералы должны были утвердить единый авторитетъ республики, распорядиться инвентарями всѣхъ предметовъ, которые могли подвергнуться реквизиціи, брать ихъ, оцѣнивать въ три четверти лильскаго максимума, выдавать при этомъ расписки и отправлять во Францію, потребовать выдачи всѣхъ государственныхъ фондовъ, требовать недоимочныхъ контрибуцій въ двадцати-четыре часовыя сроки, налагать на жителей военную контрибуцію равную, по крайней мѣрѣ, двойной годовой суммѣ общихъ сборовъ мѣстнаго правительства, распределять ихъ исключительно въ средѣ богатыхъ, людей ничѣмъ не занимающихся, духовныхъ, бѣлаго и чернаго духовенства, всѣхъ пользующихся доходомъ свыше тысячи ливровъ и вообще облагать достаточныхъ жителей, за исключеніемъ тѣхъ, которые содержатъ мастерскія, фабрики и мануфактуры»¹⁾. Респуб-

¹⁾ «Слѣдуетъ вступитъ въ край благодѣтелями трудящагося и нуждающагося», т. IV.

лика будетъ платить ассигнаціями, когда придется платить; ей же будутъ платить звонкою монетою. «Если жителей прижать какъ слѣдуетъ, они доставятъ звонкою монетою». Впрочемъ слѣдуетъ уважать обычаи и вѣрованія населенія: «Презрительное отношеніе къ мнѣніямъ касается и лицъ, ихъ придерживающихся; слишкомъ большое усердіе просвѣщать вызываетъ только озлобленіе и раздраженіе³⁾. Будьте постоянно заняты мыслью о своихъ обязанностяхъ. Жители странъ, по которымъ вы будете проѣзжать, должны видѣть въ васъ только преданнаго республикѣ агента, исполняющаго свой долгъ».

«Вели войну какъ въ лучшие дни Рима»⁴⁾, писалъ одинъ изъ такихъ представителей республики. Справедливѣе было бы сказать, что ее вели такъ, какъ всегда велась она въ «лучшіе дни» завоеванія. Правда, завоеваннымъ республиканскими арміями крайнѣе не приходилось хуже, чѣмъ при ихъ прежнемъ монархическомъ режимѣ; коалиція совершала нѣчто подобное вездѣ, гдѣ проходили ея войска; она примѣняла эти же мѣры и во Франціи, когда проникла туда въ 1814 и 1815 годахъ⁴⁾. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отмѣтить и существенное различіе, а именно то, что республиканскимъ арміямъ приказано было щадить крестьянъ, рабочихъ, недостаточный классъ населенія, мелкій людъ вообще. Арміи стараго порядка притѣсняли ихъ и извлекали изъ нихъ притомъ и мало выгодъ: онѣ брали все, чинили безпощадное насиліе и вымечтали свои убытки грубымъ обращеніемъ. Война во все время питала войну, если не питала сверхъ того и государство, которое завоевывало; военные комиссары, интенданты и реквизиціонеры всякаго рода всегда могли брать контрибуціи только тамъ, гдѣ было что взять: въ государственныхъ кассахъ, въ городскихъ, въ церковныхъ, въ монастырскихъ, у частныхъ лицъ и въ особенности у богатѣй. Республи-

кагося населенія и въ то же время давить богатыхъ, налагать на нихъ значительныя контрибуціи и брать изъ ихъ среды заложниковъ». Carnot, 7 prairial, an II.—26 mai 1794.

³⁾ «Слѣдуетъ внушать духъ свободы, презрѣніе къ испанскому ханжеству, республиканскую гордость, но въ то же время щадить предметы богослуженія, которыми дорожитъ народъ». Carnot.

⁴⁾ «Maitres de l'Univers, ils s'en attribuèrent tous les trésors». (Властители міра, они присвоили себѣ все его сокровища). Montesquieu, *Grandeur et décadence des Romains*, ch. VII.—Lettres de Baudot, 16 mars 1794.

⁵⁾ См. у HENRI HOUSSEAU, 1814, p. 44. Образъ дѣйствій союзниковъ: реквизиціи натурой, денежная такса, опись просроченныхъ контрибуцій 1813 и приходившихся на 1814 г., принужденіе должностныхъ лицъ давать присягу; грабежъ, кражи, поджоги; съ крестьянами обращались еще хуже, чѣмъ съ горожанами, богатыхъ щадили болѣе, чѣмъ бѣдныхъ. Сравни. CAMILLE ROUSSET, *Louvois*, t. I, донесенія интенданта Робера. Utrecht, février et mars 1673, p. 436—440.

канская война отличалась тѣмъ нововведеніемъ, что возвела въ систему обложеніе богачей и привилегированныхъ и прибавила къ этому уваженіе личности и сбереженій бѣдняка и простолюдина. Такимъ путемъ республика готовила себѣ демократическихъ кліентовъ; она располагала народы къ тому, чтобы они пожелали имѣть законы, которые превратили бы въ право то, что до сихъ поръ было дѣломъ простой гуманности побѣдителя. Это была новая пропаганда, и она оказывалась дѣйствительною.

Таковъ былъ политическій духъ этихъ военныхъ инструкцій. Духъ фиска господствовалъ въ текстѣ, выработанномъ Комитетомъ; на практикѣ онъ оказался также на первомъ планѣ, такъ какъ его легче было уразумѣть и въ особенности примѣнять. Военный міръ искусялся въ этого рода дѣлахъ. Представители республики, явившіеся въ арміи, мало-по-малу привыкли къ нимъ. Жирондистскій крестовый походъ освобожденія народовъ и пропаганды Правъ человѣка нашелъ мало апостоловъ. Старый порядокъ не заводилъ семинарій для образованія такого рода миссіонеровъ, тогда какъ школа завоеванія была давно основана. Подъ вліяніемъ комиссаровъ армія превратилась въ поставщицу республики⁵⁾. На Бельгію наложена была контрибуція въ 60 милліоновъ ливровъ, уплачиваемыхъ звонкою монетою и гарантированныхъ заложниками. «На этотъ разъ», сказалъ Камбонъ 21-го іюля, «наше вступленіе въ Бельгію ни въ чемъ не сходно съ тѣмъ, которое происходило при Дюмурье; тогда мы должны были присылать ежемѣсячно въ эту страну по 35 милліоновъ звонкою монетою; теперь же не мы посылаемъ, а Бельгія присылаетъ намъ». Бельгія кормила армію и сверхъ того снабжала провіантомъ Францію. Въ прочитанномъ 30 сентября Конвенту отчетѣ, Камбонъ указывалъ на достигнутые результаты: получено съ Бельгіи 14 съ половиною милліоновъ звонкою монетою и слитками, изъ которыхъ 13 милліоновъ внесено въ государственную казну.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Гюйтонъ-Морво, — бывший парламентаристъ, юрисконсультъ, умный человѣкъ, занимавшійся съ досужемъ время химіей и естественными науками, ученикъ и сотрудникъ Лавуазье, уступившій учителью въ научномъ отношеніи, но болѣе ловкій и умѣвшій жить въ революціонное время, — возвѣстилъ Конвенту «о прибытіи перваго транспорта превосходныхъ картинъ, собранныхъ въ Бельгіи». Гусарскій поручикъ Люкъ-Барбье сопровождалъ транспортъ: «Слишкомъ долгое время», сказалъ онъ въ Конвентѣ, «эти образцовыя произведенія искусства оскор-

⁵⁾ См. отчеты представителей республики при войскахъ, напечатанные по распоряженію Конвента. Въ особенности же *Vues sur la Belgique et la Hollande* par PORTIER de l'Oise съ приложеніемъ его отчета о своей миссіи съ 26-го брюмера по 26 жерминаль, годъ III (отъ 16-го ноября 1794 по 15-е апрѣля 1795 г.).

блялись зрѣлищемъ рабства... Эти безсмертныя творенія не находятся уже на чужой землѣ, они привезены въ отечество искусства и гевія, въ отечество свободы и святого равенства—во французскую республику. «Наши пріобрѣтенія», говорилъ членъ Конвента Портъс де-Л'Уазъ въ отчетѣ о своей миссиі, «вознаградили за потери, нанесенныя Франціи вандализмомъ».

Но какъ ни были многочисленны транспорты, ихъ не было достаточно по мнѣнію финансоваго комитета. «Наши нужды безконечны», писалъ 14-го октября этотъ Комитетъ одному изъ комиссаровъ республики; «ты находишься въ странѣ, гдѣ средства обширны, и мы полагаемся на твое усердіе и дѣятельность для эксплуатаціи столькихъ богатствъ и для обращенія ихъ на пользу республики съ надлежащею быстротою и въ должномъ порядкѣ... Національная собственность Бельгіи оцѣнивается въ два милліарда». Это были государственныя имущества, церковныя и монастырскія имѣнія, а равно и имѣнія отсутствующихъ владѣльцевъ, заподозрѣнныхъ во враждебномъ отношеніи къ республикѣ, записанные въ разрядъ эмигрантовъ и подвергшіеся послѣдствіямъ своего положенія.

А между тѣмъ, страна въ которой производились такія операціи, испытала три нашествія въ продолженіе двухъ лѣтъ. Комиссары Исполнительнаго комитета разграбили ее въ 1792 г. Велѣдъ затѣмъ австрійцы увезли что могли. Возвратившись въ Бельгію, французы нашли ее истощенной. «Большая часть жителей не имѣли жилищъ, — писалъ одинъ солдатъ, — а сколько лишилось и самой жизни! Я сравниваю непріятельское нашествіе съ грабобитіемъ, которое истребляетъ все въ деревняхъ, по которымъ проходить». Комиссары увѣдомляютъ объ этомъ комитетъ Общественнаго спасенія. «Если вы желаете воспользоваться производительными силами Бельгіи, не слѣдуетъ истощать ихъ источника. Хорошая, разумная администрація, принимая благоразумныя мѣры, можетъ заставить все притекать на пользу Франціи. Крайнія и слишкомъ суровыя мѣры не достигаютъ цѣли; онѣ возмущаютъ край и поставятъ насъ между двухъ огней». Войска и цѣлая страна переполнены цѣлыми шайками мнимыхъ агентовъ республики, которыхъ никто не знаетъ, никто не уполномочивалъ: они облагаютъ поборами, взимаютъ въ собственную пользу и наводятъ страхъ на округа, чрезъ которые проходятъ. Принудительный курсъ ассигнацій приводитъ къ тому, что обыватель боится уплаты столько же, сколько и реквизицій. Максимумъ имѣетъ результатомъ, что, избѣгая таксы, крестьяне не являются вовсе на базары. Они прячутъ свои продукты и теряютъ охоту къ ихъ воздѣлыванію. Мастерскія закрываются. Представители республики убѣждаются, что для полученія податныхъ сборовъ недостаточно брать выкупъ съ богачей и освобождать отъ платежа бѣдняковъ. Какая польза въ томъ, что не берутъ съ бѣдныхъ, если они и ничего не получаютъ или не вы-

даютъ выгоды въ работѣ? Къ чему имъ работать и что же они заработаютъ, если нѣтъ богатыхъ для потребленія плодовъ ихъ труда и оплачиванія этого труда? Это не было большою мудростью въ экономикѣ государства; но представители Конвента, пропитанные традиціей фиска, не вѣдали ея ранѣе и только теперь знакомились съ нею на практикѣ.

26-го вандемьера, — 17-го октября, — монтаньяръ Дюгемъ потребовалъ, чтобы Конвентъ озаботился устройствомъ судьбы завоеванныхъ странъ. Года полтора тому назадъ это подало бы поводъ къ блестящимъ принципальнымъ преніямъ. Но теперь Талльенъ грубо отвѣтилъ: «Помните, граждане, сколько разъ со времени объявленія войны старались ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе, то предлагая намъ завоеваніе цѣлаго міра, то говоря намъ, что благоразуміе будетъ остаться въ предѣлахъ нашихъ прежнихъ границъ... По моему мнѣнію, граждане, съ Бельгіей, какъ и со всѣми нашими пріобрѣтеніями, слѣдуетъ обращаться какъ съ завоеваннымъ краемъ, т. е. съ Бельгіей, какъ съ принадлежащимъ австрійскому дому краемъ, который долженъ вознаградить насъ всѣми возможными способами за войну, предпринятую во имя справедливѣйшихъ принциповъ... Неужели станутъ еще муниципализировать, искать союзниковъ въ странѣ, которая получала наше золото, наши деньги, гдѣ мы не нашли ни одного друга и гдѣ убивали нашихъ солдатъ?» Конвентъ перешелъ къ очереднымъ дѣламъ, и Комитетъ остался верховнымъ властью завоеванныхъ народовъ.

Представители республики устроили въ Бельгіи гражданское управленіе, въ видахъ обезпеченія взиманія реквизицій, и предоставили себѣ право назначенія всѣхъ должностныхъ лицъ. Впрочемъ, они поняли, что прозелитизмъ и фискальное начало не могутъ идти долго рядомъ и что декретъ 15-го декабря только запутывалъ дѣла, смѣшивая то, что должно быть раздѣлено. «Народъ, — писали они, — относится совершенно равнодушно къ тому, кто имъ править, онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи. Однако, онъ любитъ французовъ. Слѣдуетъ щадить его вѣру, слѣловать его счастливымъ, и онъ привяжется къ Франціи. Для народа безразлично, какъ смотреть на его край: какъ на завоеванный или какъ на присоединенный; ему важно только, чтобы съ нимъ хорошо обращались. Духовенство будетъ стоять за того, кто оставитъ ему его имѣнія. Что же касается до мнимой республиканской партіи, то она ищетъ только «возможности удовлетворить личнымъ чувствамъ мести и ненависти». Изъ этого слѣдуетъ, что злѣшнія общества вредны: они могутъ быть только очагами интригъ. Богатые и дворяне ссылаются на декреты о присоединеніи, изданные въ 1793 г., желая избавиться отъ уплаты контрибуцій звонкою монетой и предпочитая платить ассигнаціями. Ихъ требованіе — простая уловка. «Мы

устранили всё парти, — говорили представители в заключении отчета, — это единственный способ удовлетворить их всех и избежать столкновений между ними; мы держимся только одного пункта: прижимаем дуновение и богатых, чтобы заставить открыться их кошельки и упрочить благосостояние народа». В конце отчета они потребовали от Комитета инструкций.

Комитет дал им весьма точные указания. Путем фискального эмпиризма он пришел к открытию искусства охранения источников народного богатства. Никакой фанатизм не в силах устоять против деловых интересов, а Францией управляли в то время деловые люди. «Следует, — писал Комитет от 11-го декабря, — примирить выгоды населения страны с интересом республики... Вы должны остерегаться интриганов, которыми кишит край и которые стараются ускорять революционные движения только для того, чтобы воспользоваться беспорядками, их сопровождающими. С другой стороны, не допускайте, под предлогом патриотизма, оскорблять религиозные предрассудки бельгийцев. Важно не торопиться в этом отношении: воспитаем их, приготовим к пониманию свободы путем разума и справедливости и не будем действовать на них насильем». Представители просили разрешить отмену феодальных прав: Комитет одобрил. «Когда, — писали далее представители, — контрибуции будут выплачены, армии снабжены провiantом, магазины наполнены; когда ассигнации замещают звонкую монету, а монастырские и эмигрантские имения сдлаются собственностью жителей, земледельцев, — тогда революция будет совершена без смуты и потрясений. До тех же пор следует отложить все эти просьбы о присоединении, которые заявляются одними интриганами, желающими захватить власть и воспользоваться имениями отсутствующих, или же людьми, думающими ускользнуть от реквизиций и контрибуций». Комитет одобрил и этот взгляд, но прибавил, что присоединение послужит тотчас же после того, как население окажется его достойным, доказав своими жертвами преданность свободе.

Комитет подал надежду бельгийцам, что по уплате контрибуции звонкой монетой будет произведена продажа национальных земель, за которые можно уплачивать ассигнациями. В декабре восстановлены были торговые сношения между Францией и Бельгией. В январе был, отчасти, отменен и максимум. Возвращая эту меру бельгийцам, 6-го января 1795 г., представители республики объявили, что прекращение завоевательного режима есть награда за усердие плательщиков. Для того, чтобы заслужить звание французов, сказали они, вы должны «жертвовать вашей звонкой монетой и, подобно французам, сыпать ее в национальное гор-

нило, признавать только республиканские деньги, обезнечить их кредит и заставлять платить богачей, разжиревших от народного труда и пота». Если отбросить жаргон и ассигнации, это было прямым применением к революционному завоеванию системы древних римлян. Члены Конвента все читали Монтескье, а военные нужды научали их эмпирически тому образу действий, правила которого открыл великий историк в истории Рима: «Еще не наступило время овладеть вполне завоеванными странами... Следовало ждать, чтобы все народы привыкли повиноваться свободно в качестве союзников, прежде чем относиться к ним как к подданным, и дать им мало-по-малу исчезнуть в римской республике»⁶⁾. Таким-то образом, возобновляя римские традиции, республиканцы 3-го года незамысленно отошли от освободительной системы первых месяцев существования Конвента и готовили систему вассальных республик Директории и поработанных союзников Империи.

Германские страны левобережья Рейна были подчинены тому же режиму; но в первую половину 1794 г. комиссары республики выказали там меньше такта и умѣнья, чем в Бельгии, более безпощадно относились к населению, более снисходительно — к поборам действительных или мнимых агентов фиска и армии. «Победить неприятеля и жить на его счет», — писал Бодо, — «это значит побить его вдвойне». В этом смысле коалиция была разбита в конце в лиц злополучных жителей Пфальца и Трирского края. Все, что могло быть увезено, было взято и отправлено во Францию. Это «очищение» Палатината республиканскими завоевателями, как тогда выражались, было не меньшим бедствием, чем опустошения, произведенные в былое время солдатами Людовика XIV. Его можно назвать «сочетанием безобразий, злодѣйств, эзекуций, краж и хищений», передает один из членов Конвента. В устах людей в род Гентца, явившихся от имени республики, правило: «Мирь хижинам» становилось лживой вывеской цинических шарлатанов. С крестьянами обращались как с вандейцами, подобно тому, как с вандейцами поступали как с прирейнцами: у них отнимали все средства к существованию; дома их были ограблены от чердака до погреба; «срывали и увозили даже дверные замки». Если бы не этот грабеж, край, по свидетельству донесений, мог доставить республике двести миллионов и proporcionar армию в течение пятнадцати месяцев⁷⁾. В это-то время

⁶⁾ *Grandeur et décadence des Romains*, ch. VI: De la conduite que les romains tiraient pour soumettre tous les peuples. Montesquieu. (О том как поступали римляне для подчинения себе всех народов).

⁷⁾ Донесение Беккера, 13 июня 1795 г.; речь Мерлена де-Тюньвиля, 5-го апреля 1795 г. *Moniteur* t. XIV, p. 683, 152.

доведенная до отчаянія часть населенія спасалась бѣгствомъ на правый берегъ Рейна; Гете нарисовалъ безсмертную картину этого отчаянія, столь же правдивую, какъ и изображеніе трогательнаго довѣрія, съ которымъ эти добрые люди встрѣтили въ 1792 году вѣсть о своемъ избавленіи и республиканское евангеліе ⁸⁾).

Демагоги-флибустьеры, соревнователи комиссаровъ исполнительной власти 1792 года, опустошая чужую страну, заставляли голодать и французскія войска. Эти войска въ тѣ времена переживали свою героическую эпоху, эпоху молодости, когда энтузіазмъ бываетъ добродѣтелью; когда сила еще не сознаетъ себя во всей полнотѣ и пугается злоупотреблять собою; когда къ побѣдѣ еще не привыкли, когда она наполняетъ души воиновъ восторгомъ, внушаетъ имъ радость и жалость. Никакой алчности, никакого презрѣнія къ слабымъ, бѣднымъ и безоружнымъ: войска были объяты великодушнымъ чувствомъ избавленія, которое несли съ собою. Они шли, освѣщаемыя зарей чуднаго дня. Увѣренность въ близкомъ отлѣхѣ и въ счастьи, которому не будетъ конца, придавала имъ какой-то бодрый, восторженный видъ, и они шли, не заботясь объ испытаніяхъ, не подвергаясь искушеніямъ ⁹⁾. Командуемые молодыми людьми, проникнутыми рыцарскимъ духомъ, какими были, напримѣръ, Марсо и Деза, они возбуждали удивленіе въ мѣстномъ населеніи: эти побѣдители въ лохмотьяхъ, исхудалые, но гордые, веселые, мужественные и дисциплинированные. Народы преклонялись предъ необычайностью и величіемъ, которое угадывали въ этихъ арміяхъ, и солдаты завоевывали самыя сердца своихъ хозяевъ, нужду которыхъ раздѣляли ¹⁰⁾.

⁸⁾ *Herrmann und Dorothea*, Clio.

⁹⁾ Офицеры подавали примѣръ самоотверженія: съ ранцемъ за плечами, безъ жалованья... они получали солдатское содержаніе... имъ давали записки на полученіе пары сапоговъ, платья. И между тѣмъ никто не думалъ жаловаться на свою нужду и бѣдность, или быть неисправнымъ по службѣ. Служба была единственной заботой, единственнымъ предметомъ соревнованія. Во всѣхъ рядахъ нашихъ замѣчалось одинаковое рвеніе, одинаковое желаніе сдѣлать болѣе, чѣмъ требовалъ долгъ... Это время моего поприща, когда я всего болѣе работалъ и когда начальники мои выказывали наибольшую мѣру требовательности. Въ средѣ солдатъ такое же самоотверженіе, такая же преданность... Никогда войска не отличались большимъ повиновеніемъ и не проявляли большаго усердія; ни въ одну военную эпоху не замѣчалось такой высокой нравственности въ войскахъ». *Soult, Mémoires*.

¹⁰⁾ См. по этому поводу въ особенности *Venedky*, p. 176—179, 186—188; *Reynies*, t. I, p. 163. *Journal de Fricasse*. — *Brigard*, 117—162. — *Politische Annalen*, t. V, 1794, 129—130. Письмо нѣмецкаго офицера: онъ съ удивленіемъ сообщаетъ, что взявшіе его въ плѣнъ французскіе солдаты не воспользовались ничѣмъ изъ его золотыхъ вещей.

Послѣ 9-го термидора, Комитетъ отзывалъ террористическихъ комиссаровъ и старался очистить Прирейнскій край отъ грабителей, которыми наполнили его эти комиссары. Новые комиссары были поражены и опечалены зрѣлищемъ страданій и угнетенія, которыя нашли при своемъ прїѣздѣ. Они попытались задержать эмиграцію, успокоить крестьянъ. Объявили, что грабительство будетъ наказано, что за захваченные предметы будетъ уплачено, что съ доброжелательными жителями будутъ поступать по справедливости, что *Права человека* будутъ имъ обезпечены. «Населеніе Пфальца,—передаетъ одинъ членъ Конвента,—отличалось добродушіемъ и умѣло прощать; оно склонно было къ сочувствію французскому народу» ¹¹⁾. Но предстояло, прежде всего и несмотря ни на что, пособить странному обнищанію войскъ, и комиссары занялись устройствомъ порядка въ дѣлѣ реквизицій.

Финансовый комитетъ постоянно побуждалъ ихъ къ эксплуатаціи мѣстныхъ богатствъ. Онъ посылалъ комиссарамъ обольстительныя свѣдѣнія о сокровищахъ кельнскаго, боннскаго, кобленцкаго и трирскаго соборовъ, а также объ имѣніяхъ духовенства и выѣхавшаго изъ края дворянства. «Мы полагаемъ,—писалъ Комитетъ отъ 14-го октября,—что при помощи этихъ новыхъ завоеваній мы могли бы довести контрибуціи звонкою монетою до ста милліоновъ; уже въ Бельгій онѣ доведены до цифры свыше шестидесяти двухъ». Трирское курфиршество, «гдѣ повидимому не революціонировали съ такою энергіей какъ въ Бельгій», представляло національныя имѣнія, оцѣниваемые въ милліардъ. Революціонированіе разумѣлось, въ этомъ случаѣ, въ чисто-фискальномъ смыслѣ: по мѣрѣ того какъ подвигалась армія, сбывали ассигнаціи и выручали деньги, продавая движимость, конфискованныя земли и дома; забирали, выдавая расписки въ надлежащей формѣ, желѣзо, уголь, коноплю, все:—«мы нуждаемся во всемъ, слѣдовательно нужно все брать»,—и увозили во Францію ¹²⁾.

Комиссары продолжали, слѣдовательно, «очищеніе лѣваго берега Рейна», но они производили его безъ прежнихъ грабежей, а правильнымъ образомъ, и это нѣсколько облегчало положеніе населенія. Установлено было для всего края между Маасомъ и Рейномъ центральное управленіе въ Ахенѣ. Контрибуція, назначенная для этого района, равнялась двадцати-пяти милліонамъ звонкою монетою. Объявлены были эмигрантами, то есть подпадавшими подъ конфискацію, всѣ противодѣйствовавшіе республикѣ; та же кара ждала всѣхъ тѣхъ выѣхавшихъ изъ края, которые не пожелали бы

¹¹⁾ Прокламація Неве, Феро и Мерлена де Тіонвилля, въ октябрѣ 1794.—*Remling. Die Rheinpfalz*, t. II, p. 131—136.

¹²⁾ Финансовый комитетъ комиссару Гауссманну, 14 окт. 1794. Подписано: Камбонъ, Гюмберъ и др.

вернуться въ двухнедѣльный срокъ. Народу было объявлено, что громадныя богатства «его непримиримыхъ враговъ, дворянства и духовенства» перейдутъ, если онъ того пожелаетъ, въ его собственныя руки; земли вернутся къ земледѣльцу, и «люди будутъ связаны съ революціей нерасторжимыми узами собственности». Такъ же какъ и въ Бельгіи, для пользованія такими преимуществами надлежало доказать существеннымъ и дѣйствительнымъ образомъ свою преданность республикѣ. Не даете звонкой монеты, не будетъ вамъ *Правъ человека!*—«Заслужите повиновеніемъ и жертвами почетное званіе сыновъ республики!» говорили ея представители. «Но реквизиціи должны быть вносимы съ самою строгою точностью. Подумайте о томъ, что малѣйшее промедленіе стѣснило бы и задержало дѣятельность вашихъ великодушныхъ избавителей. Этою цѣною вы сдѣлаетесь достойными свободы и получите ее»¹³⁾.

Между тѣмъ армія готовила республикѣ новыя завоеванія и новыя средства. Голландія оставалась беззащитной. Австрія была не въ силахъ помочь ей. «Вамъ извѣстны,—писалъ императоръ генералу Клерфэ,—мои громадныя потери людьми и почти непреодолимыя препятствія вознаграждать эти потери, въ виду истощенія, которое начинаетъ давать себя чувствовать въ моихъ владѣніяхъ»¹⁴⁾. Австрійцы отступали; пруссаки удалились; оставались одни англичане, но они такъ вели себя, «скандальная распущенность ихъ войскъ и оскорбительная надменность ихъ обращенія были такъ велики, что голландцы желали прежде всего отъ нихъ избавиться. «Вѣрьте нашей глубокой ненависти къ англичанамъ,—говорилъ полковникъ Бентинкъ представителю французской республики Портъ де-а'Вау;—они разорили наши мануфактуры, уничтожили нашу торговлю; они вовлекли насъ въ разорительную войну, противную нашимъ интересамъ. Ихъ солдаты крадутъ и грабятъ повсюду. Я самъ, несмотря на мое близкое родство съ штатгальтеромъ, не былъ пощаженъ болѣе другихъ. Мой домъ былъ разграбленъ. Лошади, экипажи, даже замки у дверей, все было похищено». Что касается небольшой 30.000-пой голландской арміи, то она находила, что достаточно дралась за счетъ союзниковъ, чтобы не рисковать гибелью за свой собственный счетъ. Жители отказывались отъ

¹³⁾ Постановленія комиссаровъ, касавшіяся управленія завоеванныхъ краевъ въ полосѣ между Маасомъ и Рейномъ, 14 ноября и 11 декабря 1794.—Постановленіе Жилле, Кельнъ, 19-го октября 1794: объ эмигрантахъ и абсентеистахъ.—Прокламація Фресина къ жителямъ города Бонна, 11 января 1794. См. у PERTHES, t. I, p. 122 и слѣд. 141 и слѣд. 177 и слѣд.—HESSE, *Geschichte der Stadt Bonn* 1792—1815, Bonn, 1879, p. 11, 42, 61 и слѣд.—HÜFFER, *Zur Geschichte der Stadt Bonn*, Köln, 1863.—VENEDEX, p. 182 и слѣд.—VIVENOT, *Saxe-Teschen*, t. II.—RAMBAUD, ch. IX.

¹⁴⁾ 7 ноября 1794.—VIVENOT, *Thugut-Clerfayt*, p. 35, 39, 44.

службы въ народномъ ополченіи, такъ пазываемомъ *ландитурмъ*. Арсеналы давно уже были пусты. Страна требовала мира¹⁵⁾.

Правительство находилось въ крайне затруднительномъ положеніи и надѣялось на заключеніе мира при помощи Пруссіи. Оно пришло къ этой мысли слишкомъ поздно. Народъ не прощалъ ни испытанныхъ ущербовъ, ни грозившаго нашествія; онъ думалъ только о смягченіи побѣдителя, предлагая ему братство. Революція готовилась отворить двери иностранному нашествію. Прежняя демократическая партія, или какъ ее называли, французская, преобразовала свои комитеты и постаралась пойти навстрѣчу республикѣ. Общественное мнѣніе поддерживало образъ дѣйствій этихъ гражданъ, полагавшихъ, что имѣютъ право добиваться пощады со стороны Франціи и замѣнить капитуляцію договоромъ о союзѣ. Они тѣмъ болѣе имѣли основанія на это рассчитывать, что въ авангардѣ французскихъ войскъ находился одинъ изъ главныхъ вождей революціи 1787 года. Дендельсъ.

27-го сентября 1794 г., Дендельсъ явился на голландскую границу во главѣ отряда. Укрѣпленіе Кревкёръ, сдачи котораго онъ требовалъ, сдалось на капитуляцію. Пиннегрю взялъ 10-го октября Буа-ле-Дюкъ, а 3-го ноября сдался и Нимвегенъ. Повсемѣстно организовывались революціонные комитеты, проповѣдывавшіе покорность Франціи. Представители республики, сопровождавшіе армію, Гаусманъ, Бельгардъ и Лакомбъ дю-Тарнъ, пригласили батавцевъ къ освобожденію и къ тому, чтобы заслужить покровительство французовъ своими жертвами. «Они являются не повелителями, а братьями, къ которымъ вы можете примкнуть съ полнымъ довѣріемъ... Они желаютъ одного: окружить себя свободными народами». Они окажутъ должное уваженіе личности, собственности, обычаямъ и вѣрованіямъ. Войска будутъ платить за все, имъ доставляемое, и громадная ипотека ассигнацій будетъ гарантіей республиканской монеты. «Мы будемъ судить,—заключали они,—о вашей дружбѣ къ французской республикѣ по вашей готовности снабжать ея армію всѣмъ необходимымъ»¹⁶⁾. Комитетъ Общественнаго спасенія одобрилъ прокламацію. Голландію не слѣдовало облагать на подобіе Бельгіи: «Интересъ республики требуетъ, чтобы голландцы не питали опасеній, чтобы они не эмигрировали вмѣстѣ со своими богатствами, чтобы торговля ихъ процвѣтала... чтобы они доставляли провіантъ войскамъ, чтобы батавцы, по крайней мѣрѣ тѣ, которые живутъ по ту сторону Рейна, были нашими союзниками и чтобы штат-

¹⁵⁾ MICHEL, *Mallet du Pan*, t. I, p. 109.—Отчеты австрійскихъ агентовъ. VIVENOT, *Thugut-Clerfayt*, 51; *Saxe-Teschen*, t. II, 325.

¹⁶⁾ Прокламація 30-го вандемьера, годъ III (21 октября 1794). *Moniteur*, t. XXI, p. 385.

гальтерство было раздавлено; наконецъ, чтобы эта точка соединенія, этотъ узелъ коалиціи былъ въ нашихъ рукахъ и чтобы были перерѣзаны всѣ нити, связующія его съ остальными державами». Необходимо однако огрaдить себя срытіемъ всѣхъ голландскихъ укрѣпленій; но не слѣдуетъ допустить англичанъ воспользоваться такимъ положеніемъ вещей¹⁷⁾. 8-го октября, Комитетъ извѣстилъ комиссаровъ, что они должны взять въ плѣнъ штатгальтера, его жену, военныхъ командировъ, французскихъ эмигрантовъ и обратился къ батавцамъ съ воззваніемъ, въ которомъ ихъ приглашали открыть глаза на ту пропасть, въ которую ввергало ихъ британское коварство. Убѣжденный въ томъ, что немедленно лягутся парламентареры, Комитетъ разрѣшилъ 25-го ноября комиссарамъ выдать имъ паспорта.

На югѣ реквизиціонная война была такъ же неумолима, какъ и на сѣверѣ; террористическіе приемы удержались тамъ даже болѣе долгое время. Въ Пьемонтѣ все бѣжало передъ французскими войсками. «Французы», писалъ одинъ савойецъ, «овладѣли громадными магазинами... сверхъ того они грабили самымъ безпощаднымъ образомъ; они не оставили ни зерна хлѣба, ни вола, ни птицы, ни утвари, ни тряпки. Съ хижинами обращались не лучше, чѣмъ съ замками. Эта орда дошла до такого варварства, что по дорогамъ раздѣвала крестьянъ, мужчинъ и женщинъ. На этотъ разъ французы, по видимому, отказались отъ прозелитизма; крестьяне эмигрируютъ цѣлыми толпами, чтобы не встрѣчаться съ этими добрыми апостолами братства¹⁸⁾. То же самое происходило и на границѣ Испаніи. Такъ какъ испанцы не выполнили условій капитуляціи, подписанной въ Коллурѣ 26 мая 1794 г., и не выдали французскихъ плѣнныхъ, то Конвентъ декретировалъ 10-го августа, что отнынѣ не будетъ испанскихъ плѣнныхъ. Этотъ жестокий декретъ остался, однако, безъ примѣненія, и солдаты никого не убивали. «Высшее начальство и второстепенные исполнители» дѣйствовали въ Гвипускоа и Бискайѣ, быть можетъ, еще болѣе свирѣпо, чѣмъ ихъ сподвижники въ Прирейскомъ краѣ¹⁹⁾. По словамъ одного отчета самого комитета Общественнаго спасенія, это былъ рядъ ужасовъ, излишествъ и преступленій, позорившихъ завоеваніе. Въ Каталоніи «города, мѣстечки и селенія были пусты; народъ бѣжалъ, унося все что могъ изъ утвари и продуктовъ и жегъ то, чего не могъ захватить съ собою». Жители въ Гвипускоа и Бискайѣ довѣряли прокламаціямъ и были готовы къ по-

¹⁷⁾ Комитетъ представителямъ, 7 брюмера (28 октября) 1795 г.

¹⁸⁾ Costa de Beauregard, *Un homme d'autrefois*, p. 262. Lettre de septembre 1794.

¹⁹⁾ Отчетъ Талльена, 16-го апрѣля 1795 г., отъ имени комитета Общественнаго спасенія, *Moniteur*, t. XXIV, p. 230. — *Revue historique*, t. XI, p. 317.

корности и повиновенію. Ихъ судьи были высланы, церкви заперты, священники арестованы; монахи отпавляли на телѣжкахъ, окруженныхъ гусарами; жгли деревни, насиловали женщинъ. «Вы можете себѣ представить,—говорилъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя докладчикъ комитета Общественнаго спасенія,—какое впечатлѣніе должны были произвести эти жестокости и насилія на народъ, столь преданный своимъ религіознымъ вѣрованіямъ и славящійся вѣрностью договорамъ. Всѣ, кто имѣлъ возможность бѣжать, покинули свои очаги и въ Гвипускоа какъ и въ Каталоніи Франціи грозило завоеваніе одиѣхъ пустынь». Все это было отраженное дѣйствіе террора, и вотъ какимъ путемъ этотъ режимъ, оправдывавшійся только необходимостями войны и спасеніемъ революціи, уничтожилъ всѣ преимущества войны и побудилъ къ возстанію противъ Франціи народы, покоренные ея арміями. Между тѣмъ народы желали только мира и къ тому же склонялись и правительства, частію вслѣдствіе этого желанія, а также вслѣдствіе военныхъ пораженій и политическихъ расчетовъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Базельскій миръ.

ГЛАВА I.

Комитетъ III года.

1794—1795.

I.

Комитетъ Общественной безопасности началъ серьезно заниматься дипломатическими переговорами только въ послѣднихъ числахъ ноября, но съ этого времени онъ занимался ими безъ перерыва. Переговоры поглощали его не менѣе военныхъ дѣйствій. Ни одно правительство не вело одновременно столь многочисленныхъ и столь важныхъ сношеній; ни одно также не приняло въ такой короткій срокъ рѣшеній, имѣвшихъ до такой степени рѣшающее значеніе для будущихъ судебъ Франціи. Мы должны поэтому познакомиться поближе съ этимъ совѣтомъ, изучить засѣдавшихъ въ немъ людей, опредѣлить ихъ характеры и уяснить себѣ ихъ намѣренія. Главною цѣлью Комитета было величіе республики и закрѣпленіе революціи; но такъ какъ онъ не руководился ничѣмъ кромѣ временнаго интереса, не имѣлъ никакихъ правилъ кромѣ тѣхъ, которыя внушались обстоятельствами, и никакого принципа, кромѣ требованій государственной необходимости, то его образъ дѣйствій оставался бы для насъ необъяснимымъ безъ знакомства съ лицами, входившими въ его составъ, безъ распознаванія, подъ мнимымъ единствомъ и анонимной вывѣской, ролей отдѣльных лицъ и разногласія во мнѣніяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, наконецъ и безъ опредѣленія дѣйствительной связи въ общемъ ходѣ дѣлъ, несмотря на колебанія, временныя уклоненія и перемѣны въ мѣропріятіяхъ.

Вслѣдствіе системы возобновленія состава, по правиламъ котораго ежемѣсячно выбывало четыре члена, остававшихся затѣмъ цѣлый мѣсяцъ безъ права вторичнаго избранія, Комитетъ безпрестанно мѣнялъ своихъ представителей и на немъ отражались колебанія въ мнѣніяхъ Конвента; но такъ какъ каждый изъ членовъ засѣдалъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ,

а выбывавшіе почти всегда были вновь избираемы, то установилась группа людей, дававшихъ изъ своей среды членовъ Комитета, и политическая традиція, передававшаяся сама собою отъ однихъ къ другимъ, наконецъ извѣстная устойчивость цѣлаго, независящая отъ измѣненія его составныхъ частей. Это былъ организмъ, распадающійся, восстанавливающийся и преобразовывающійся постоянно, но имѣющій однако собственное существованіе и объединяющій различные, смѣшивающіеся въ немъ, элементы. По личному составу и по измѣненіямъ, происходившимъ въ Конвентѣ, мы можемъ отдавать себѣ отчетъ въ различныхъ фазисахъ Комитета III года; но нельзя не признать тѣмъ не менѣе, что этотъ Комитетъ III года оставался вѣрнымъ себѣ среди эволюцій людей и вещей и отражалъ въ силу своего состава импულсъ волненій Верховнаго Собранія.

Отъ 15-го вандемьера III года (5 октября 1794 г.) по 10-е брюмера IV года (31 октября 1795 г.), т. е. до истеченія полномочій Комитета и избранія исполнительн. Директоріи, слѣдовательно въ продолженіе тринадцати мѣсяцевъ, 48 членовъ Конвента засѣдали въ комитетѣ Общественнаго спасенія¹⁾. Главнѣйшіе изъ нихъ были въ немъ: Мерленъ де-Дузъ — въ теченіе 11 мѣсяцевъ, Камбасересъ — въ теченіе 10-ти. Буасси, Ребель и Сіэйс — 7-ми мѣсяцевъ. Вотъ связь, установившаяся между различными его составами. Сліянiе элементовъ зависѣло къ тому же и отъ общности профессій членовъ Комитета. Изъ этихъ 48-ми членовъ насчитывается 28 легистовъ, 9 военныхъ, 3 бывшихъ духовныхъ, 2 ученыхъ, 2 литератора, 1 протестантскій пасторъ, 2 собственника, 1 чиновникъ и одинъ клеркъ изъ конторы нотариуса. Изъ этого видимъ, что законники постоянно составляли основу Комитета; рядомъ съ ними всегда засѣдали и военные. Конвентъ избиралъ своихъ комиссаровъ сперва изъ среды *Горы*, затѣмъ изъ умѣренной лѣвой и даже изъ среды *Равнины*; такимъ образомъ въ Комитетъ проникло нѣсколько членовъ, которые не подавали голоса за казнь короля, напримѣръ Буасси, Дусэ, Ларивьеръ, Дону, Дефермонъ; но въ началѣ своего поприща Комитетъ состоялъ исключительно изъ людей, вотировавшихъ смерть Людовика, и эти люди и впоследствии составляли въ немъ значительное большинство. Всѣ называли себя республиканцами; можно сказать, что изъ 48-ми ими осталось 18; изъ нихъ 5 умерли ранѣе 18-го брюмера: Дельма, Лесажъ, Жилле, Обри, Луве; 4 сошли со сцены: Пріеръ де-ла-Котъ-д'Оръ, Бреаръ, Бладъ, Лапортъ; 6 остались въ оппозиціи во время имперіи: Линде, Пріеръ де-ла-Марнь, Дюбуа-Крансе, Ревельеръ-Лепо, Ребель, Гурданъ; 3 — всѣ трое военные — продолжали служить во времена Консульства или входили въ составъ пра-

¹⁾ 51, если считать отъ 10-го термидора II года (28 іюля 1794 г.).

вительства и удалились послѣ 1804 г.: Карно, Лакомбъ-Сенъ-Мишель, Латурьеръ. Остальные пережили имперію или присоединились къ ней.

Всѣ были демократами-авторитаристами, всѣ и по воспитанію и по темпераменту склонны были приурочить къ республикѣ тѣ правительственныя традиции, благодаря которымъ великіе короли Бурбонскаго дома успѣли утвердить во Франціи абсолютную и централизованную монархію. Они родились слугами государства. На минуту ихъ ослѣпила иллюзія и своего рода опьяненіе свободой; они заговорили ея языкомъ, но они не усвоили себѣ ни ея правовъ, ни ея инстинктовъ, ни истинной преданности этой свободѣ. Термидорская революція, проводя ихъ къ власти, возвратила имъ ихъ дѣйствительное обличіе и вернула ихъ къ той правительственной системѣ дѣйствія, въ которой для нихъ и заключался весь смыслъ политики. Нѣкоторые проявили угодливость предъ толпою, передъ клубами, передъ Робеспьеромъ; этотъ сервизизмъ еще болѣе расцвѣлъ при Наполеонѣ: это было естественное состояніе ихъ духа, и они всюду вносили его.

Большая часть этихъ людей были созданы для того, чтобы повелѣвать народу и въ свою очередь покоряться властителю. Нѣкоторые сами желали бы занять мѣсто этого властителя, говорящаго отъ имени народа: они попытались, но это не удалось имъ. Комитетъ III года собралъ, такъ сказать, элементы могучаго государственнаго организма, но въ немъ не оказалось главы государства. Эти люди пріобрѣли всю свою силу только тогда, когда ими стала руководить мысль и воля высшаго порядка. Они вышли изъ суровой школы революціоннаго правительства, подобно тому, какъ интенданты и совѣтники Ришелье вышли изъ политическаго хаоса религіозныхъ и германскихъ войнъ. Имъ бы нуженъ былъ второй Ришелье, но никто изъ нихъ не доросъ до этой высоты. Иначе говоря, обладая трудолюбіемъ, способностями, знаніями, усердіемъ, дисциплиною и практическимъ смысломъ, всѣми качествами хорошихъ министровъ и преданныхъ слугъ государства, они лишены были оригинальности характера и ума, цѣлостнаго взгляда и дальновидности, а безъ этихъ качествъ немислимы истинно великіе государственные люди.

Вполнѣ понять начало ихъ дѣятельности можно только разсмотрѣвъ ея конецъ. Мы бы имѣли весьма призрачное понятіе о Комитетѣ III года, если бы не держали постоянно въ памяти, что изъ него вышло: 1 князь, 13 графовъ, 5 бароновъ; далѣе—7 сенаторовъ имперіи, 6 государственныхъ совѣтниковъ, 5 членовъ судебнаго вѣдомства, 5 префектовъ, 2 подпрефекта, 1 дипломатъ, 1 консулъ и 4 чиновника²⁾. Всѣ качества ума

²⁾ Князь: Камбасересъ; графы: Буасси, Кошонъ, Дусъ, Сіэйсъ, Вернье, Пеле, Тибодо, Мерленъ де Дуэ, Эшассеріо, Берлье, Трельяръ, Фуркруа, Карно; бароны: де Бри, Ришаръ, Гюйтонъ, Дефермонъ; сенаторы: Кошонъ, Буасси,

и недостатки характера людей Комитета III года олицетворяются двумя его представителями, изъ которыхъ одинъ былъ въ немъ живою традиціей, регуляторомъ, однимъ словомъ, президентомъ; другой—главнымъ работникомъ, двигавшимъ всѣ дѣла, общимъ секретаремъ: и тотъ и другой были связаны сообщничествомъ въ дѣлѣ террора, одинъ—по революціонному трибуналу, другой—по закону о подозрительныхъ; и тотъ и другой раздѣляли труды и почести императорскаго дѣла, одинъ въ качествѣ Верховнаго канцлера, другой какъ генеральный прокуроръ Наполеона. То были Камбасересъ и Мерленъ де Дуэ.

Камбасересъ родился дворяниномъ; онъ отличался здравомысліемъ, вкрадчивостью, изящными манерами, остроуміемъ скорѣе, чѣмъ обширностью ума; болѣе юрисконсультъ, чѣмъ политикъ, болѣе политикъ, чѣмъ государственный человѣкъ, честный, хотя алчный до наживы, онъ, по словамъ одного современника, былъ «самымъ подходящимъ человѣкомъ для того, чтобы придать низости торжественный характеръ»³⁾. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ богатыхъ, титулованныхъ и значительныхъ людей официальной Европы: во времена старой монархіи изъ него вышелъ бы превосходный президентъ Верховнаго королевскаго суда (*Cour souveraine*). Мерленъ, котораго Ришелье безъ сомнѣнія вывелъ бы изъ неизвѣстности, соединялъ въ себѣ свойства и Лелллье и Лувуа. Онъ одинаково былъ бы способенъ руководить канцеляріей среди лабиринта ордонансовъ, обычнаго права и прецедентовъ, вести и приводить въ исполненіе отмѣну Нантскаго эдикта, среди страшнѣйшихъ усложненій гражданскаго, соціальнаго и политическаго характера, устраивать армію и завоеванную провинцію, председательствовать въ палатахъ присоединеній (*chambres de réunion*), улаживать трактаты; начитанность и память его, особенно относительно законодательныхъ и юридическихъ текстовъ, были изумительны; проницательность и изощренность ума могла безъ утомленія примѣняться къ самымъ разнообразнымъ дѣламъ; но понятіе его о роли государства было узко, хотя и опредѣленно: онъ почерпнулъ его въ самой квинтъ-эссенціи стараго французскаго госу-

Сіэйсъ, Крѣзе, Вернье, Дусъ; члены государственнаго совѣта: Трельяръ, Тибодо, Фуркруа, Берлье, Пеле, Дефермонъ; члены судебнаго вѣдомства: Лалуа, Тюріо, Мерленъ, Гамонъ, Ларивьеръ (при Людовикѣ XVIII); префекты: Кошонъ, Ришаръ, Шазаль, Дусъ, де Бри; подпрефекты: Андре Дюмонъ, Рабо; дипломаты: Эшассеріо; консулы: Талльенъ; чиновники: Гюйтонъ, Марекъ, Ру, Шенъе.

³⁾ FAURIEL, *Les derniers jours du Consulat*, publié par Ludovic Lalanne, Paris, 1886, p. 37.

дарства: въ королевскихъ ординасахъ и рѣшеніяхъ судовъ ⁴⁾; онъ имѣлъ душу деспота и раба, а «виѣнность хитраго и умнаго звѣрька» ⁵⁾.

Комитетъ ежемѣсячно назначалъ новаго президента. Мерленъ вначалѣ занималъ это мѣсто. Камбасересъ занялъ его послѣ него и уже не разставался съ этой функцией. Комитетъ подраздѣлялся на секціи: дипломатическую, военную, морскую, арсенальную и пороховую, провіантскую, корреспондентскую. Въ дипломатической, составлявшіе ее члены, три или четыре, смотря по времени, дѣлили между собою иностранныя государства такъ, что тѣ же дѣла, по крайней мѣрѣ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, готовились, докладывались Комитету и получали ходъ подъ руководствомъ одного и того же лица. Члены дипломатической секціи, не будучи въ то же время подчинены возобновленію, передавали дѣла другъ другу. Мерленъ, Буасси, Сіэйсъ, Ребель, Трейларъ, Камбасересъ не выпускали изъ рукъ этихъ дѣлъ во все время пребыванія своего въ Комитетѣ, а такъ какъ они пребывали въ немъ почти постоянно, то и дѣла оставались, такъ сказать, въ однихъ рукахъ. Имъ нуженъ былъ персоналъ для канцелярской работы: составленія бумагъ, наведенія справокъ о прецедентахъ, переписыванія депешъ и веденія менѣе важныхъ дѣлъ. Какъ только Комитетъ нашелъ досугъ для дипломатическихъ переговоровъ, онъ занялся формированіемъ дипломатическихъ бюро. Ихъ организація рѣшена была постановленіемъ 14-го октября. Духъ правителей выразился въ докладѣ, мотивировавшемъ это постановленіе ⁶⁾. «Вѣдомство иностранныхъ дѣлъ было единственнымъ, хорошо управляемымъ вѣдомствомъ во времена монархіи. Начиная съ Генриха IV и до самаго 1756 года, Бурбоны не сдѣлали ни одной крупной ошибки. Со времени Генриха IV до правленія регента, короли, или ихъ первые министры, руководили дѣлами, читали и собственноручно подписывали депеши. Министръ былъ простымъ писцомъ, секретаремъ государства и вѣдѣніемъ властителя». Властителемъ былъ теперь Комитетъ; писцомъ сдѣлался комиссаръ по виѣннымъ дѣламъ, то есть министръ иностранныхъ дѣлъ республики. Бюшо былъ отставленъ ⁷⁾; Комитетъ замѣнилъ этого неспособнаго человѣка опытнымъ и свѣдущимъ Міо. Подъ его руко-

⁴⁾ Кромѣ своего сотрудничества въ Сборникѣ Гюйо, онъ напечаталъ четыре тома *Traité des droits, fonctions, prérogatives, etc. attachés en France à chaque office*.

⁵⁾ Выраженіе одного монтаньяра.

⁶⁾ Masson, *Affaires étrangères*, ch. IX.

⁷⁾ Такъ какъ у него не было никакихъ средствъ существованія, то ему дали мѣсто при одной внутренней таможнѣ. Въ 1808 г. онъ служилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ и вздумалъ просить о пенсіи, въ качествѣ бывшаго министра. Пенсію ему дѣйствительно дали, въ размѣрѣ 6000 франковъ, которые онъ получалъ отъ 1810 г. по день своей смерти въ 1813 г.

водствомъ, трудъ распредѣлился между тремя отдѣленіями; каждое изъ нихъ состояло изъ начальника, помощника и трехъ подчиненныхъ. Начальники отдѣленій оказались опытными и ловкими людьми, впослѣдствіи перешедшими на дипломатическое поприще и сдѣлавшими хорошія карьеры. Въ первомъ отдѣленіи: Испанія, Португалія, Италія и Швейцарія, находился Отто, бывшій совѣтникъ французскаго посольства въ Соединенныхъ Штатахъ и съ 1792 г. старшій секретарь этого посольства; во второмъ: Пруссія, Польша, Порта, Россія—Рейнгардъ. Въ третьемъ: Германія, Австрія, Голландія, Швеція, Данія, Соединенные Штаты, Англія — Перро, весьма свѣдущій человѣкъ по части публичнаго права германской имперіи. Сверхъ того Комитетъ учредилъ, 8-го ноября, аналитическое бюро, въ которомъ работали историки: Анкетиль и Флассанъ.

Какъ только учредились эти отдѣленія, они немедленно озаботились приведеніемъ въ порядокъ дипломатической переписки, возобновленіемъ ея тамъ, гдѣ она была прервана, и поощреніемъ усердія тѣхъ агентовъ, которые жаловались, что о нихъ забыли и не посылаютъ имъ ни инструкцій, ни денегъ. «Извѣстно,—передаетъ одинъ современникъ,—что 9-го термидора картоны политической секціи комитета Общественнаго спасенія были завалены бумагами и донесеніями, на которыя никто не думалъ отвѣчать». Члены Комитета ознакомились съ дѣлами; они немедленно пришли къ необходимости увеличить число агентовъ, доставляющихъ свѣдѣнія. Въ былое время Дефоржъ выработалъ планъ тайныхъ миссій. Эти миссії превратились, какъ мы видѣли, въ орудія террористической пропаганды внутри страны. Вслѣдствіе докладовъ отдѣленій и по совѣту швейцарскаго посольства, Комитетъ рѣшилъ 21-го ноября, что Бартеlemi долженъ послать въ коалиціонныя государства тайныхъ агентовъ, на обязанности которыхъ лежало доставленіе республикѣ свѣдѣній о настроеніи населенія въ этихъ государствахъ, о средствахъ склонить ихъ къ миру, а равно и о средствахъ разьединенія коалиціи. Бахеръ приступилъ къ организаціи политическихъ и, въ особенности, военныхъ развѣдокъ; эта часть была крайне неудовлетворительно устроена по причинѣ недостатка въ средствахъ; мало-по-малу удалось пополнить составъ агентовъ. Въ январѣ 1795 г. Комитетъ ассигновалъ съ этою цѣлью 25.000 ливровъ.

II.

Такимъ путемъ, правители III-го года собирали всевозможныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Европѣ и окружали себя живыми традиціями управленія виѣнными дѣлами старой Франціи. Эти традиціи внушались имъ изученіемъ этихъ дѣлъ во времена монархіи. Внезапно брошенные въ

сферу политики, они нашли готовую систему раньше, чѣмъ даже успѣли о ней поразмыслить. То была старая французская система. «Властитель, говорится въ вышеуказанномъ докладѣ, наслѣдовалъ нѣсколько династическихъ принциповъ, нѣсколько непреложныхъ истинъ, на которыхъ основывались честолюбивые виды бургонскаго дома, въ ущербъ соперничающимъ домамъ. Наши тираны никогда не уклонялись отъ этихъ аксіомъ и, сильные національнымъ трудомъ, они успѣли дать Франціи предѣлы, сдѣлавшіе ее самою грозною изъ державъ. Во всѣхъ нашихъ войнахъ, новая провинція была всегда наградой нашей политики умѣнья пользоваться своими силами». Комитетъ усвоилъ себѣ эти правила. У него явился планъ, также замѣтованный въ архивѣ великихъ королевскихъ замысловъ: Рейнъ, какъ граница Франціи. Мысль объ этой границѣ возникла въ Комитетѣ непосредственно, по мѣрѣ того какъ побѣды давали разыгрываться честолюбію. Она проявляется въ ихъ письмахъ, какъ государственная истина, которою они естественнымъ образомъ проникнуты и которая получаетъ все болѣе и болѣе точный характеръ, по мѣрѣ развитія событий. Достаточно было возникнуть обстоятельствамъ, освѣтившимъ ее, для того, чтобы она явилась во всей своей яркости, и съ той поры они считаютъ ее абсолютной и очевидной.

Такъ было съ Мерленомъ де-Дуэ: онъ уже пять лѣтъ былъ членомъ Комитета и ни разу не касался вышнихъ споминій; 6-го октября ему поручили отвѣчать на заявленія Испаніи, и онъ заключаетъ свою депешу такою фразой: «Друзья, чрезъ нѣсколько дней нашею границею будетъ Рейнъ. Никогда величіе Франціи не достигало такой высокой степени!» Мерленъ со свойственною ему развязностью укладываетъ эту политику въ рамки афоризмовъ: «Нашимъ принципомъ», пишетъ онъ 21-го ноября, «должно быть предоставленіе водамъ возможности поѣдать другъ друга... Что до меня касается, то по зрѣломъ размышленіи и послѣ пребыванія въ средѣ хорошо освѣдомленныхъ людей, я нахожу, что миръ долженъ быть заключенъ въ ущербъ всѣмъ нашимъ врагамъ, и въ особенности въ ущербъ слабѣйшимъ изъ нихъ. Чрезъ нихъ слѣдуетъ добратъся и до сильнѣйшихъ... Отпаденіе одной державы отъ коалиціи вскорѣ повлечетъ за собою и другія отпаденія. Каждый будетъ бояться оказаться послѣднимъ, и республика, распространивъ свои предѣлы до Рейна, продиктуетъ свои законы Европѣ» ⁷⁾.

Эти воззрѣнія носятъ въ воздухѣ ⁸⁾. Монтаньяръ Дюгемъ, врачъ по

⁷⁾ JEAN REYNAUD, *Merlin de Thionville*, t. II, p. 128.

⁸⁾ Одинъ эмигрантъ-роялистъ пишетъ въ 1794 г.: «Рейнъ будетъ безъ сомнѣнія наиболѣе скромною границей, которую Конвентъ захочетъ дать республикѣ... Будетъ счастьемъ, если древнія границы Карла Великаго удовле-

творять новое, воспитанное въ крови, поколѣніе». *Le marquis de Vêrac et ses amis*. Paris. 1890, p. 76.—ALBERT SOREL, *Madame de Staël*. Paris, 1890, p. 55.
⁹⁾ MICHELET, *Histoire du dix-neuvième siècle*, t. I, p. 125.
¹⁰⁾ По поводу всеобщей ненависти къ англичанамъ см. MICHELET, *Correspondance de Mallet du Pan*, t. I, p. 54.

профессіи, представляетъ 3-го ноября Комитету свои *Размышленія о мирѣ*: «Не слѣдуетъ заключать мира на скорую руку; доведемъ войну до конца, «не переступая однако за Рейнъ, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ экскурсій, потому что Рейнъ—наша естественная граница... Наши колоніи мы должны завоевать вновь на континентѣ». Когда европейскія державы «будутъ ослаблены, имъ придется образовать новаго рода союзъ для того, чтобы самимъ заставить Англію принять участіе въ договорѣ, возвративъ намъ наши колоніи». Всѣ три положенія неизбѣжно связываются одно съ другимъ: естественныя границы, война на смерть съ Англіей, коалиція континентальныхъ державъ для одолѣнія новаго Кароагена. Не нужно особой гениальности для того, чтобы открыть эту связь: она возникла въ умахъ уже съ самаго начала войны и вытекала изъ самой силы вещей. Въ теченіе двадцати лѣтъ французская политика не будетъ выходить изъ предѣловъ этой задачи. Невѣжественный монтаньяръ Дюгемъ видитъ дѣло съ такою же ясностью, какъ Наполеонъ. Уже въ 1793 г. Гюшъ писалъ: «Непріятель—это не Вандея. Непріятель—это не Германія. Дать отпоръ Германіи, помириться съ Вандеей и направить ее противъ Англіи. Англичане—наши единственные враги» ⁹⁾. Дипломатъ по профессіи Калльяръ приходитъ къ такимъ же заключеніямъ въ докладной запискѣ, которую прислалъ Комитету: *Нѣсколько мыслей по поводу настоящихъ отношеній Франціи къ главнымъ европейскимъ державамъ*: «Слѣдуетъ принципиально установить, что Англія—наслѣдственный врагъ всѣхъ европейскихъ націй» ¹⁰⁾, слѣдуетъ запретить имъ континентъ, при помощи системы союзовъ: «Отъ Таго до Эльбы пусть не будетъ ни одного пункта, къ которому могли бы пристать англичане!» Въ заключеніе записки предлагается союзъ съ Испаніей, Пруссіей, Голландіей, Даніей, Швеціей и второстепенными германскими государствами.

Таковы были пожеланія монтаньяровъ, термидоріанцевъ и большинства республиканскихъ членовъ Конвента. Однако, въ средѣ этихъ представителей Конвента, нѣкоторые, болѣе умѣренные, а главное болѣе проникательные, опасались этой безграничной и безконечной войны; они спрашивали себя, не благоразумнѣе ли было бы остановиться на планѣ, предложенномъ въ іюлѣ Барно: границу долженъ служить Маасъ до предѣловъ Голландіи. Такое приращеніе согласовалось и съ успѣхами французскаго оружія, и съ дѣйстви-

тельными силами Франціи. При этомъ округленіи границъ понесла бы ущербъ одна Австрія; оно не коснулось бы Пруссіи, и имперія осталась бы къ нему равнодушной. Изолированная Австрія была бы вынуждена заключить миръ. Покинутая союзниками Англія должна была бы покориться. Такимъ образомъ миръ былъ бы возможенъ. Но если бы республика настаивала на завоеваніи всего лѣваго берега Рейна, задача усложнилась бы въ значительной мѣрѣ: пришлось бы расчленивъ Голландію и дать Пруссіи компенсаціи, которыя увеличили бы ея владѣнія въ имперіи и сдѣлали бы ее, тѣмъ самымъ, и болѣе грозной. Пришлось бы въ видахъ уплаты за согласіе и содѣйствіе второстепенныхъ государствъ, вознаградить на правомъ берегу за убытки тѣхъ, кого обобрали на лѣвомъ, дать имъ сосредоточиться, а слѣдовательно и нарушить равновѣсіе Германіи. Расширеніе Франціи встревожило бы всѣхъ ея сосѣдей, и Англія, которая стала бы противиться всего настойчивѣе, съ меньшимъ трудомъ нашла бы поддержку для своей оппозиціи. Это было съ замѣчательною ясностью изложено въ двухъ анонимныхъ запискахъ, полученныхъ комитетомъ Общественнаго спасенія 14-го октября и 21-го ноября.

Въ этихъ запискахъ говорится, что завоеваніе всего лѣваго берега Рейна и Бельгіи будетъ дѣломъ крайне неосмотрительнымъ и по замыслу и по формѣ. Для выполненія и удержанія такого завоеванія потребуются содержать громадныя арміи, что будетъ пагубой для свободы и приведетъ въ концѣ концовъ къ деспотизму. Европа будетъ неизбежно встревожена расширеніемъ предѣловъ Франціи; великія державы захотятъ для себя того же: «Войны умножатся и духъ завоеванія уничтожитъ благополучіе, установленное Франціей». Англія никогда не согласится на такое расширение. Австрія будетъ ему противиться. Нейтральныя государства будутъ напуганы. «Бельгіецъ или житель Прирейнскихъ провинцій, могутъ ли любить Францію? Могутъ ли они видѣть въ ней отечество? Не будутъ ли ихъ взоры обращаться въ другую сторону, въ сторону родного края?» Въ средѣ этихъ народовъ могутъ возникнуть очаги недовольства; Пруссія, Англія будутъ ихъ поддерживать; войны, разъ принявъ *національный* характеръ, станутъ безконечными. Франція должна только нейтрализовать эти страны, привязать къ себѣ населеніе, освобождавъ его, заставить любить и уважать себя. Для пріобрѣтенія довѣрія, ей достаточно быть справедливой. Справедливость при независимости и нераздѣльности не сдѣлаетъ ее менѣе грозной. «Миръ,—писала около того же времени госпожа Сталь,—это свобода, это милосердіе, справедливость, это также и политика. Франція не имѣетъ никакого интереса въ усиленіи воинственности сосѣднихъ народовъ и внушеніи имъ собственнаго воинственнаго

духа». Въ этомъ случаѣ авторъ записки, представленной Комитету, и авторъ *Размышленій о мирѣ*¹¹⁾ оба какъ бы провидѣли будущее.

Ученикъ Верженна, Бартеlemi, и ученикъ Вобана, Карно, были проникнуты этимъ воззрѣніемъ. Члены Конвента, раздѣлявшие его, высказывали его, но съ крайнею робостью. Дѣло въ томъ, что воззрѣніе это было непопулярно; оно считалось противнымъ духу революціи, и всѣ страсти влекли въ сторону завоеванія. По мѣрѣ того, какъ «реакторы» брали верхъ въ правительствѣ республики, остававшееся грознымъ обвиненіе въ «модерантизмѣ» постигало теперь людей, стоявшихъ за миръ. Сами члены Комитета II года подверглись однажды со стороны завоевателей обвиненію въ томъ, что намѣревались будто бы продать Бельгію Англіи¹²⁾. Сторонники возвращенія къ прежнимъ предѣламъ или расширенія ихъ не далѣе Мааса подозрѣвались въ заговорѣ съ цѣлью монархической реставраціи. Республика и Рейнъ, какъ граница Франціи, скоро сдѣлались двумя неразрывными понятіями. Такъ смотрѣли на нихъ и въ комитетѣ Общественнаго спасенія, и 25-го ноября Камбасересъ, Мерленъ де Дуэ и Тюріо подписали слѣдующую депешу, отправленную представителямъ, находившимся при войскахъ: «Наши границы должны быть ограждены отъ новыхъ посягательствъ...» Этимъ огражденіемъ долженъ былъ служить Рейнъ. Вотъ на какой основѣ, съ какими данными и при какомъ настроеніи комитетъ Общественнаго спасенія приступалъ къ переговорамъ съ Европой.

Пруссакіи просили отвѣта и было вполне согласно съ желаніями Комитета начать осаду коалиціи именно съ Пруссіи. Комитетъ желалъ порвать этотъ союзъ, дабы уничтожить Австрію и изолировать Англію; онъ желалъ также пріобрѣсти лѣвый берегъ Рейна. И то и другое побуждало вести съ прусскимъ королемъ переговоры, имѣвшіе цѣлью отпаденіе его отъ Австріи и Англіи, уступку имъ его владѣній на лѣвомъ берегу и вслѣдствіе его примѣра такую же уступку нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей на томъ же берегу. Пруссійскій король долженъ былъ также и доставить согласіе имперскаго сейма, которому принадлежалъ рѣшающій голосъ въ дѣлѣ окончательнаго присоединенія края къ Франціи. Однако, два соображенія еще задерживали дѣйствія комитета Общественнаго спасенія: одно

¹¹⁾ *Réflexions sur la paix adressées à M. Pitt et aux français*. Это сочиненіе появилось въ Швейцаріи въ концѣ 1794. Г-жа Сталь, усматривая послѣдствія завоеванія, стояла однако же за рейнскую границу, «начертанную неизбѣжною природою вещей». Авторъ записки политичѣе; онъ смотритъ далѣе и болѣе послѣдователенъ. См. въ III томѣ: виды Дантона въ апрѣлѣ 1793 г.

¹²⁾ *Revue historique*, t. XVIII, p. 308; письмо Ребея комитету Общественнаго спасенія.

изъ нихъ, основное, зависѣло отъ общеевропейскаго положенія вещей, другое, формальное, связано было съ состояніемъ Конвента.

Члены Конвента сдѣлали съ 1792 г. большіе успѣхи въ смыслѣ перехода къ реальной политикѣ; однако они еще не окончательно окрѣпили въ ней и отъ ихъ первоначальнаго космополитизма уцѣлѣла доля сочувствія къ Польшѣ. Къ тому же клонилось и бюро иностранныхъ дѣлъ, хотя у его членовъ поддержка Рѣчи Посполитой была основана на чисто государственномъ интересѣ. Фавье и его школа находили, что худшей измѣной со стороны Людовика XV и самой слабой стороной трактата 1756 года было отреченіе отъ старинной союзницы Франціи и нарушение пресловутаго сѣвернаго равновѣсія. Коалиція между Турціей, Польшей, Швеціей и Даніей была постоянной мечтой дипломатіи республики, своего рода исканіемъ философскаго камня. Дюмурье начерталъ ея планъ, Лебренъ неоднократно возвращался къ этому плану, Дантонъ пытался провести его. Комитетъ III года, въ свою очередь, намѣревался повторить ту же попытку. Поляки хотя и грѣшили аристократизмомъ, все же представляли собою націю, добивавшуюся независимости. Прусскій же король былъ «тиранъ», который самымъ недостойнымъ образомъ обманулъ и предалъ Польшу, рассчитывая воспользоваться ея наслѣдствомъ. «Неужели же мы станемъ вести переговоры съ Пруссіей въ такую минуту, когда это дастъ ей возможность перенести въ Польшу войска, которыя она принуждена держать на Рейнѣ?» — писалъ членъ Комитета Эшассеріо¹³⁾. Бартелеми, вѣрный своей системѣ умѣренности и равновѣсія, не переставалъ защищать интересы Польши. «Выслушай пожеланіе, внушаемое мнѣ горячей преданностью интересамъ и славѣ моей родины», — писалъ онъ 13-го августа комиссару по внѣшнимъ дѣламъ. — «Комитету Общественнаго спасенія предстоитъ заступить не только за честь республики: онъ долженъ отомстить еще и за слишкомъ несчастную Польшу. Онъ, безъ сомнѣнія, найдетъ средство прекратить ужасающій разбой, грозящій гибелью этой странѣ, и вернуть ей и ея владѣнія и ея независимость: средства эти зависятъ отъ мужества французскаго народа и смущенія и пораженія коалиціи».

Поляки, чрезъ посредство Грувелля, въ Копенгагенѣ, и Рейнгарда, въ Парижѣ, продолжали настойчиво ходатайствовать о поддержкѣ. Ихъ парижскому агенту Барсу сказано было нѣсколько сочувственныхъ словъ. По словамъ записки того времени, термидорская революція измѣнила систему, которой держались до того времени по отношенію къ Польшѣ. На

¹³⁾ *Des droits des peuples; des principes qui doivent diriger un peuple républicain dans ses relations étrangères.* — Эшассеріо вышелъ изъ Комитета 5-го ноября; записка его была напечатана 9-го. *Moniteur*, t. XXXI, p. 445.

совершившуюся въ ней революцію стали смотрѣть надлежащимъ образомъ, т. е. понявъ ея значеніе для Франціи. Въ видахъ поддержанія ся, Комитетъ намѣревался противопоставить Россіи Порту и склонить въ пользу Польши нейтральные государства. Агенты получили соответствующія инструкции, и Парандье назначенъ былъ тайнымъ агентомъ республики при польскомъ правительствѣ.

Полученныя имъ инструкціи помѣчены 21 брюмеромъ (11-го ноября) и редактированы были Камбасересомъ. Парандье обязанъ былъ только наблюдать и сообщать. Ему не было дано ни денежныхъ суммъ, ни полномочія на заключеніе договора: «Французская республика не откажетъ Польшѣ въ непосредственной помощи, которую дозволить оказать ея собственное положеніе, лишь бы она имѣла увѣренность, что эта помощь послужитъ дѣлу свободы. Подъ такимъ же условіемъ республика, когда найдетъ, что наступило время для выслушанія предложеній о мирѣ, будетъ согласовать собственные интересы съ интересами польскаго народа». Впрочемъ, Парандье долженъ былъ воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши. Мотивы, приводимые по этому поводу инструкціями, заслуживаютъ вниманія. По нимъ можно отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, до какой степени политика восторжествовала надъ умозрѣніемъ. Въ слѣдующихъ строкахъ¹⁴⁾ узнаемъ духъ дантоновскаго декрета 13-го апрѣля 1793, развитаго публицистомъ: «Завоевавъ себѣ свободу и будучи естественнымъ союзникомъ свободныхъ народовъ, французскій народъ долженъ желать освобожденія и другихъ народовъ. Если справедливо, что обстоятельства, мѣстность, степень образованности и просвѣщенности могутъ дозволить сдѣлать измѣненія въ пользованіи политическими правами, составляющими принадлежность всѣхъ гражданъ, а также допустить ограниченія этого пользованія въ теченіе нѣкотораго времени, какъ для цѣлаго народа, такъ и для нѣкоторыхъ его сословій, то не менѣе справедливо и то, что агенты французской республики, когда имъ приходится высказывать мнѣніе или подавать совѣты, могутъ почерпнуть и то и другое лишь въ принципахъ французскаго народа, его конституціи и подаваемомъ имъ примѣрѣ. Слѣдуя такому правилу, гражданинъ Парандье долженъ соединять непоколебимость принципа съ терпимостью по отношенію къ мнѣніямъ, а уваженіе къ независимости другихъ народовъ — съ вѣрностью принципамъ и законамъ республики»¹⁵⁾.

¹⁴⁾ По всей вѣроятности Рейнгарда, начальника отдѣленія, вѣдавшего сношенія съ Польшей.

¹⁵⁾ Въ такомъ же духѣ составлены, начиная съ 8-го сентября, инструкціи Адэ, агенту, посланному въ Женеву вмѣсто отозваннаго Сулави: «Удо-

Это было все и въ то же время ничего. Парандье выѣхалъ 22-го декабря: въ эту минуту Польша уже перестала существовать. Одною изъ роковыхъ особенностей исторіи того времени было то, что интересы Франціи и интересы Польши противорѣчили другъ другу: одна изъ двухъ республикъ неизбежно должна была заплатить своимъ существованіемъ другой. Расчлененіе Польши удерживало Россію отъ присоединенія къ коалиціи; оно же удаляло Австрію съ театра войны и устранило Пруссію. Эвакуація Бельгій и лѣваго берега Рейна, оставленіе Голландіи въ беззащитности—проистекали изъ одной и той же причины. Это послужило мотивомъ миролюбивыхъ заявленій Пруссіи и условіемъ соглашенія съ этою державою. Вначалѣ комитетъ Общественнаго спасенія сознавалъ это лишь смутно, и такъ какъ мысль объ этомъ все-таки смущала его, онъ отвернулся отъ нея. Но, подобно тому, какъ Людовикъ XV принужденъ былъ, ради сохраненія союза съ Австріей, допустить первый раздѣлъ Польши, такъ точно и комитетъ Общественнаго спасенія вынужденъ былъ допустить третій раздѣлъ для того, чтобы добиться мира съ Пруссіей и обезпечить себѣ ея снисхожденіе для приобрѣтенія лѣваго берега Рейна.

Комитетъ шелъ въ этомъ направленіи оцупью и не безъ тревоги. Онъ опасался обмана со стороны агентовъ Фридриха-Вильгельма, боялся сослужить службу алчнымъ поползновеніямъ пруссаковъ, безъ всякой выгоды для республики. Но въ особенности боялся какого-нибудь взрыва негодованія въ Конвентѣ. Страсти этого собранія не остановились бы ни предъ какими соображеніями: ораторы не задумались бы обвинить Комитетъ въ измѣнѣ и дѣлу свободы, выразившейся въ отреченіи отъ Польши, и дѣлу республики, если не потребовали бы отъ Пруссіи немедленнаго отторженія государствъ, лежащихъ на лѣвомъ берегу Рейна. На скамьяхъ Конвента засѣдало не мало людей, понимавшихъ и дипломатическіе переговоры и войну въ чисто римскомъ духѣ. Классическій кругъ Помпілія былъ символомъ ихъ политики. Если нѣкоторые термидоріанцы намѣревались явиться продолжателями Лувуа и Ришелье, другіе ставили этихъ министровъ въ разрядъ тирановъ. «Коварный Мазарень! Кровожадный Ришелье!» Такъ выражался Эшассеріо. «Тогда дипломатія стала править міромъ: эта пагубная наука, дочь тиранніи, узурпировала мѣсто естественнаго права»¹⁶⁾. 14-го ноября Пеле намекнулъ, что слѣдовало бы разсѣять коалицію для того, чтобы имѣть возможность сосредоточить всѣ успія для борьбы съ Англіей. На трибунѣ снова появился Бареръ; онъ потребовалъ неумолимой

стойкости женеваго народъ въ томъ, что французскій народъ никогда и ничѣмъ не посягнетъ на его независимость».

¹⁶⁾ Эшассеріо (Eschasseriaux) былъ въ 1804 г. повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Валисѣ, а позднѣе—въ Луккѣ, при дворѣ сестры Наполеона.

войны, назвалъ миръ измѣной; намекая, что Комитетъ, заботясь о мирныхъ переговорахъ, ищетъ только установленія собственной диктатуры: эта запоздалая «Карманьола» доставила оратору нѣсколько жидкихъ рукоплесканій. Талльенъ строго и рѣзко отвѣтилъ ему, защищая Комитетъ: «Презрѣнные люди!» закричалъ онъ по адресу террористовъ, «вы заставляли народъ вѣрить, что ваши казни давали побѣду нашимъ знаменамъ, и вы умалчивали о мужествѣ и неустрашимости нашихъ войскъ! Они завоевали Рейнъ,—продолжалъ онъ;—теперь мы имѣемъ возможность, избавившись отъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ враговъ, перенестись на берега Темзы и разрушить новый Кароагенъ. Не пытайтесь увѣрить, что нашлось республиканское правительство, намѣревающееся предлагать республикѣ заключеніе позорнаго мира!»

Подобнаго рода инциденты, въ которыхъ умышленно связывали вопросъ о мирѣ съ дѣломъ революціоннаго правительства, не могли поощрить Комитетъ къ объявленію съ трибуны о своихъ планахъ мирныхъ переговоровъ, а тѣмъ менѣе вести эти переговоры помимо согласія Собранія. Онъ находился въ своего рода безвыходномъ положеніи. Въ ту самую минуту, какъ для него являлась возможность приступить къ переговорамъ, онъ не зналъ, въ какой мѣрѣ могъ бы заняться ими. Декретъ 7-го фруктидора, поручившій ему вѣдѣніе иностранныхъ дѣлъ, не опредѣлилъ ни размѣра, ни свойствъ его полномочій. Имѣлъ ли Комитетъ право заключать перемирія, вести тайные переговоры, давать согласіе на тайныя обязательства? А вѣдъ это—необходимые прелиминаріи и почти всегда неизбежныя слѣдствія заключенія трактата. Камбасересъ вступилъ въ Комитетъ 5-го ноября; онъ настойчиво требовалъ, чтобы коллеги рѣшили эти предварительные вопросы, которые могли явиться задержкою во всѣхъ дѣлахъ. Но онъ одинъ держался такого мнѣнія. Изъ затрудненія могъ вывести только Конвентъ, а между тѣмъ Комитетъ всего болѣе опасался именно преній въ Конвентѣ и по поводу внѣшнихъ сношеній, и относительно собственныхъ правъ и обязанностей. Поэтому Комитетъ отложилъ рѣшеніе этого вопроса, какъ и многихъ другихъ, предоставляя себѣ, въ случаѣ необходимости, выпутаться изъ затрудненія при помощи какой-нибудь сдѣлки. Въ духѣ Конвента было вести долгія пренія и выказывать несговорчивость въ принципахъ, но въ то же время безъ всякихъ преній покоряться совершившимся фактамъ. Когда у него просили средствъ, онъ не соглашался ни на что; когда же ему навязывали поконченное дѣло, онъ почти всегда одобрялъ безпрекословно. Ревниво отстаивая свои теоретическія права, Конвентъ нерѣдко дѣлалъ невозможнымъ какое бы то ни было правительство; но когда эти права узурпировались безъ его согласія, онъ не разъ покорялся захвату. По этой-то причинѣ онъ отложилъ на неопредѣленное время

составленіе конституціи и, откладывая на будущее гарантіи свободы, жертвовалъ ими въ настоящемъ. Комитету это было прекрасно извѣстно. Это-то настроеніе умовъ и было его главнымъ *raison d'être*. Онъ ждалъ, чтобы обстоятельства принудили его къ дѣйствию. тогда онъ, въ свою очередь, заставитъ дѣйствовать Конвентъ.

Извѣстіе о полномочіяхъ Мейеринка на веденіе переговоровъ побудило Комитетъ сдѣлать шагъ впередъ и, въ то же время, успокоило его. Онъ подвигался, однако, съ большою осторожностью. Мерленъ писалъ Бахеру, отъ 1-го декабря: «Если предложенія имѣютъ какую-нибудь важность, слѣдовало бы обсудить ихъ съ нами изустно, въ Парижѣ; въ такомъ случаѣ ты бы могъ выдать необходимый паспортъ». Послѣ такой денени, Комитетъ уже не могъ отказать въ приѣмѣ явившемуся въ Парижъ прусскому агенту; не могъ онъ также и откладывать долѣе извѣщеніе Конвента объ этомъ приѣздѣ. Мерлену поручено было представить Конвенту, въ видѣ доклада о внѣшнихъ дѣлахъ, нѣчто въ родѣ *profession de foi* Комитета, изложеніе намѣреній, которыми онъ сталъ бы руководиться при веденіи переговоровъ. Въ этомъ докладѣ, прочитанномъ въ засѣданіи 14-го декабря, — 4-го декабря, одновременно опровергались мнѣнія тѣхъ, кто находилъ, что Франція должна терпѣть вокругъ себя одни демократическія правительства, и мнѣнія тѣхъ, которые намекали, что республика, нуждаясь въ мирѣ, готова была бы на всѣ жертвы ради его достиженія. «Мы желаемъ мира, — сказалъ Мерленъ, — но мы желаемъ, чтобы онъ былъ обезпеченъ нашею собственною силою и невозможностью для нашихъ враговъ вредить намъ, когда бы то ни было». Англію онъ называлъ «гнусною державою»; Австрію — «коварною»; Голландію и Испанію онъ приглашалъ къ обсужденію ихъ истинныхъ интересовъ; о Пруссіи выражался съ большою осторожностью. Что касается условій мира, онъ указывалъ на нихъ намеками, впрочемъ достаточно прозрачнаго свойства: «Французскій народъ, начертавъ побѣдоносною, но великодушною рукою, предѣлы, въ которыхъ онъ желалъ бы заключаться, не отвергнетъ ни одного предложенія, согласнаго съ его интересами и достоинствомъ, съ его спокойствіемъ и безопасностью». Ни одинъ публицистъ не могъ ошибиться относительно истиннаго значенія этихъ словъ. Собраніе рукоплескало Мерлену; оно постановило: перевести докладъ на всѣ европейскіе языки, а также разослать его по всѣмъ французскимъ общинамъ и послать въ войска республиканскія, «дабы и всѣ французы могли повторить вмѣстѣ съ Конвентомъ: миръ, но миръ прочный и славный».

Такимъ путемъ Комитетъ избѣжалъ преній, которыхъ опасался, и добился выраженія довѣрія, въ которомъ нуждался. Конвентъ высказался въ еще болѣе знаменательныхъ рѣшеніяхъ: яacobинскій клубъ былъ закрытъ

11 ноября; Каррье преданъ суду и предоставленъ 23-го революціонному трибуналу; Конвентъ рѣшилъ, сверхъ того, возвращеніе въ свою среду семидесяти-трехъ узниковъ, болѣею частью умѣренныхъ изъ жирондистовъ. Мерлену поручено было издать декретъ 8-го декабря: «Теперь, когда вы не имѣете основаній опасаться ни мятежныхъ партій, ни тирановъ»... Это было сильнымъ покрѣпленіемъ для сторонниковъ переговоровъ. Комитетъ сдѣлался смѣлѣе. Уже 5-го декабря Мерленъ написалъ Бахеру, что Комитетъ расположенъ выслушать прусскія предложенія: — у Франціи и Пруссіи имѣются общіе враги. Если Фридрихъ-Вильгельмъ лояльно отнесется къ переговорамъ, европейская система измѣнится къ великому благу его монархіи и нашей республики. Затѣмъ, такъ какъ Бахеръ былъ второстепеннымъ агентомъ, пригоднымъ только для завязыванія первыхъ нитей, а не для веденія крупныхъ дѣлъ, то Комитетъ сталъ сноситься съ Бартелеми, изложилъ ему положеніе вещей и спросилъ его мнѣніе.

10-го декабря Бахеръ получилъ экземпляры Мерленовскаго доклада. Онъ передалъ эти экземпляры вмѣстѣ съ полученною имъ перепискою прусскимъ агентамъ, которые выразили свое удовольствіе по поводу того, что «государственные правила французской республики до такой степени совпадаютъ съ тѣми, которыми руководятся въ настоящую минуту Фридрихъ-Вильгельмъ и его министры». Мейеринкъ попросилъ разрѣшенія приѣхать въ Парижъ, и секретарь посольства Гарникъ немедленно отправился въ Берлинъ. Когда онъ явился туда, король уже принялъ рѣшеніе. Извѣстія изъ Польши, послѣдовательно вліявшія на его образъ дѣйствія, заставили его рѣшиться и на послѣдній шагъ.

III.

«Нужно кончить то, что начали, — писала Екатерина Гримму 26-го декабря 1794 г., — прежде чѣмъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, нами къ тому же неодобренныя и напоминающія менуэтъ, который начали съ лѣвой ноги и продолжаютъ танцевать безъ такта».

Начато же было уничтоженіе Польши; Суворовъ довершалъ это дѣло. 3-го ноября онъ стоялъ у варшавскаго предмѣстья, Праги. Онъ рѣшилъ повторить здѣсь то, что такъ удалось ему при осадѣ Измаила. Дѣйствительно штурмъ Праги весьма напоминаетъ знаменитое взятіе Измаила въ 1790 году. Русскія войска двинулись подъ прикрытіемъ страшнѣйшаго артиллерійскаго огня. У поляковъ уже не было Костюшки, некому было воодушевлять ихъ. Они смутились, были раздавлены и стумѣли только умереть мужественною смертію. На улицахъ борьба продолжалась до са-

мой ночи. Русские убивали, грабили, насиловали и жгли. Кто-то из русских взял на руки ребенка; другой вырвал этого ребенка: «Выростет и будет убивать наших!» сказали солдаты и убили ребенка. Множество варшавян съ отчаянія бросилось въ Вислу. На другой день, послѣ всю ночь продолжавшагося пожара Праги, жители послали депутацию къ Суворову. Она нашла его въ одномъ изъ его припадковъ мистицизма, подъ впечатлѣніемъ отвращенія къ крови. Онъ сидѣлъ на землѣ въ своей палаткѣ, по-восточному; какъ только онъ увидѣлъ поляковъ, вскочилъ, побѣждалъ къ нимъ навстрѣчу, крича: «Миръ! Миръ!» Онъ обнялъ ихъ, согласился на всѣ гарантіи, которыхъ они просили для огражденія безопасности частныхъ лицъ, и сказалъ имъ: «Вы забыли одну статью: это забвеніе прошлаго; я согласенъ и на нее!» 8-го ноября онъ вступилъ въ Варшаву. Польская армія была распущена, предводители возстанія были отвезены въ Россію. Суворовъ далъ уйти многимъ, но задержалъ Станислава-Августа. Дѣло, порученное Екатериною своему бывшему другу въ 1764 году, еще не было кончено: нуженъ былъ еще польскій король для отреченія отъ польской короны и санкціонированія разрушенія Рѣчи Посполитой.

Суворовъ обѣщалъ забвеніе; но его сподвижники не оказывали даже жалости, и гарантія, имъ данная, никого не оградила. Имѣнія участвовавшихъ въ возстаніи дворянъ были взяты подъ секвестръ; подозрительныхъ заключали въ тюрьмы; брали заложниковъ. По дорогамъ тянулись безконечные транспорты ссылаемыхъ въ Сибирь поляковъ. Въ ожиданіи сполнаціи крупныхъ имѣній, русскія войска грабили помѣщичьи дома. Французскіе санюлоты увозили во Францію то, что находили въ Прирейнскихъ провинціяхъ и въ Бельгіи, русскія войска уничтожали на мѣстѣ. Во многихъ домахъ происходило то, что видѣли въ домѣ Чарторыйскихъ, когда явился туда Валеріанъ Зубовъ. «Ломали, разбивали все, относящееся до внутренняго убранства. Драгоцѣнныя картины были разрѣзаны полосами; книги въ библіотекѣ были разбросаны и разграблены; пощажена была только одна изъ залъ замка, по той причинѣ, что при видѣ золотыхъ украшеній на стѣнахъ и надъ дверями козаки приняли эту залу за часовню. Провизія, находившаяся въ домѣ: масло, вино, сахаръ, кофе, спиртные напитки, лимоны, копченое мясо и проч. были въ безпорядкѣ брошены въ украшающую середину двора бассейнъ, и козаки купались въ немъ»²⁾.

Въ то время, какъ все это происходило въ Польшѣ, дипломаты, засѣдавшіе въ Петербургѣ, обсуждали раздѣлъ. 21-го октября пруссакъ Тауэнцинъ потребовалъ, чтобы границею Пруссіи были: Висла, Нарева и Нѣ-

²⁾ Мемуары князя Адама Чарторыйскаго, т. I, с. 161. — Langeron, *Journal des campagnes de Pologne*.

манъ; это равнялось присвоенію Пруссіей Кракова, Сандомира и Самогитіи. Русскіе отвѣтили 3-го, что Краковъ и Сандоміръ отойдутъ къ Австріи, что Самогитія останется за Россіей, а Пруссія должна удовольствоваться остальною частью лѣваго берега Вислы. Варшавою и прекрасною полосою земли на правомъ берегу, долженствовавшимъ соединять старую Пруссію съ ея новыми владѣніями. Это было послѣднимъ словомъ Екатерины. Тауэнцинъ сообщилъ о немъ въ Берлинъ. Императрица торопила Кобенцеля подписать договоръ, потому что, коль скоро Австрія покончитъ съ этимъ дѣломъ, Пруссія вынуждена будетъ уступить.

Вѣнскій дворъ заставлялъ ждать своего согласія. Тѣмъ временемъ Екатерина внушала посланнику Франца, что необходимо продолжать во Франціи войну во имя принципа и признать права Бурбоновъ. Кобенцель слушалъ, но ничего не отвѣчалъ, полагая, что императрица сама не придаетъ серьезнаго значенія такимъ рѣчамъ... Марковъ сбросилъ маску и положилъ конецъ недоразумѣнію, которое вызывалось Россіей съ самаго начала войны съ Франціей. Онъ смѣялся надъ добросовѣстностью вѣнскаго двора, стѣснявшагося признавать регентство старшаго брата Людовика XVI подъ тѣмъ предлогомъ, что война, ведомая изъ-за принципа, не можетъ обратиться въ завоевательную. Марковъ находилъ, что вѣнскій дворъ ничего не смыслитъ въ дѣлѣ обращенія съ принципами, эмиграціями и попытками монархическихъ реставрацій! Онъ совѣтовалъ Кобенцелю поучиться у русскихъ и вдохновиться примѣрами, подаваемыми ими въ Польшѣ. — «Вы не съ сегодняшняго дня знаете мнѣніе императрицы, и оно не измѣнилось...» Не въ войскахъ былъ недостатокъ для войны съ французами, а операціи ведены были неудовлетворительно. Въ особенности же «не слѣдовало открыто заявлять, что воюютъ съ Франціей ради завоеваній, вмѣсто того слѣдовало постоянно вести рѣчь о томъ, что ведутъ войну ради Франціи, ради избавленія ея отъ разоряющихъ ее злодѣевъ, что не мѣшаетъ, вступивъ во владѣніе, добиться какого угодно вознагражденія». «Слѣдовало бы также», — говорилъ Марковъ, — «не относиться къ мятежникамъ какъ къ равной державѣ и въ войнѣ изъ-за мнѣній ничѣмъ не пренебрегать для торжества праваго дѣла. Посмотрите на Польшу. Плѣнные, взятые у насъ и находившіеся въ Варшавѣ, не помѣшали намъ отнести къ нашимъ противникамъ какъ къ бунтовщикамъ, не заботясь объ излишествахъ, которыя могли быть ими совершены». По вопросу о содѣйствіи Россіи, Марковъ проявилъ однако большую сдержанность: «Этотъ предметъ требуетъ зрѣлаго и серьезнаго размышленія. Нужно покончить съ польскимъ вопросомъ, а онъ будетъ рѣшенъ только тогда, когда раздѣлъ совершится вполне и окончательно». Къ тому же «мы не должны терять изъ вида турокъ и шведовъ...»³⁾.

³⁾ Кобенцель Тугуту, 2-го декабря 1794 г. Zeissberg, t. V, p. 47.

Марковъ не агаль, говоря, что мнѣніе его государыни о французской войнѣ осталось неизмѣннымъ; тѣмъ не менѣе Екатерина и ея агенты говорили теперь съ французскими принцами уже въ совершенно иномъ тонѣ, и если принцы считали себя разочарованными, то дѣйствительно имѣли къ тому нѣкоторые основанія. Екатерина продолжала говорить съ ними съ тою же неопредѣленностью, но эмигрантовъ она уже не щадяла. Французскіе дворяне, съ такимъ низкопоклонствомъ игравшіе въ руку ея политикѣ, казалось, перестали быть пригодными и для этой функціи. «Настѣ приняли дурно» — передаетъ одинъ изъ нихъ, Ланжеронъ, принимавшій участіе въ польской кампаніи и вернувшійся около этого времени въ Петербургъ; въ сущности «русскіе относились къ намъ, а также и къ другимъ иностранцамъ съ тѣмъ большей несправедливостью, чѣмъ почетнѣе было наше прежнее положеніе. Дѣло Бурбоновъ казалось проиграннымъ; дѣло французскаго дворянства обречено было на гибель; относясь къ намъ милостиво теперь, уже не могли рассчитывать на прославленіе этихъ милостей въ газетахъ или же тѣми, кого неслыханныя и почитавшіяся непоправимыми несчастія навсегда, казалось, удалили изъ отечества».

Наконецъ Кобенцель получилъ инструкціи отъ Тугута. Министръ, за неимѣніемъ лучшаго, соглашался на предложенія Россіи; онъ признавалъ за Россіей право довести свои предѣлы до Буга и припималъ къ свѣдѣнію объѣзжаніе Екатерины относительно присвоенія Австріи Краковскаго и Сандомірскаго воеводствъ. Это соглашеніе предоставляло обоимъ дворянамъ равное количество поляковъ, но это касалось будущаго раздѣла. Если принципъ «равенства» намѣревались соблюсти по отношенію къ предстоявшему раздѣлу, то оставалось удовлетворить этотъ принципъ и въ дѣлѣ прежняго, то есть раздѣла 1793 года. Австрія еще ждала эквивалента выгодъ, доставленныхъ себѣ тогда Россіей и Пруссіей. Такимъ образомъ возвращались къ безконечному спору о вознагражденіяхъ за военные издержки послѣдней войны съ Франціей, остававшемуся не рѣшеннымъ съ 1791 года. Правда, трактатъ 23-го января 1793 г. предоставлялъ Австріи право обмѣнять Нидерланды на Баварію; но Нидерланды были потеряны, а, съ другой стороны, Австрія постоянно утверждала, что этотъ обмѣнъ доставилъ бы только округленіе границъ и что она должна получить добавочное вознагражденіе за пріобрѣтенія Россіи и Пруссіи въ Польшѣ. «Нелояльность» Пруссіи уже не позволяла надѣяться на полученіе этого вознагражденія изъ сообща завоеванныхъ у Франціи земель. Но Польша и Франція были не единственными республиками въ Европѣ; принципъ «равенства», по своей универсальности, прилагался и къ монархическимъ государствамъ такъ же, какъ и къ республиканскимъ. По примѣру Кауница, Тугутъ рѣшилъ, что, установивъ такой принципъ, «можно будетъ отрѣзать еще нѣсколько

земель у кого-нибудь имѣющаго въ нихъ избытокъ и вынужденнаго поневолѣ дать согласіе, въ виду соглашенія трехъ великихъ державъ». Это могло касаться Венеціанской республики, Оттоманской имперіи, а, въ случаѣ необходимости, и Священной имперіи. Тугутъ указалъ съ полною точностью на «территоріи, захваченныя Венеціей».

Онъ настаивалъ кромѣ того на томъ, чтобы къ трактату о раздѣлѣ приложена была секретная конвенція «противъ общаго врага»: это касалось Пруссіи, предусматривая случай, когда эта держава осмѣлилась бы препятствовать операціямъ своихъ союзниковъ. Подъ такимъ условіемъ, Австрія расположена была энергически продолжать войну съ Франціей. «Мы вполне согласны съ принципами ея величества императрицы», — писалъ Тугутъ, — «то есть мы полагаемъ, что единственное средство укрощенія революціонной гидры это — возбужденіе внутреннихъ взрывовъ, и что для облегченія такого предпріятія ничто не можетъ быть цѣлесообразнѣе вмѣшательства во французскія дѣла со стороны принцевъ Бурбонскаго дома». Само собою разумѣется, что Тугутъ находилъ наиболѣе удобными для произведенія внутреннихъ взрывовъ тѣ провинціи, которыя были нѣкогда отвоеваны Людовикомъ XIV у австрійскаго дома и всего болѣе доступны для операцій императорской арміи. Онъ предлагалъ «создать вторую Вандею въ Франшъ-Конте, или другихъ прилежащихъ краяхъ». Корпусъ Конде, если его довести до 10.000 человекъ, могъ бы содѣйствовать предпріятію; но для его успѣшности необходимо было бы, чтобы русская императрица оказала ему содѣйствіе, приславъ отъ 30 до 40.000 солдатъ, преимущественно пѣхотинцевъ и козаковъ и подъ начальствованіемъ Суворова». Въ противномъ случаѣ Австрія не въ силахъ будетъ вести столько одновременныхъ операцій на территоріяхъ, лежащихъ на такихъ значительныхъ одна отъ другой разстояніяхъ; если ей не окажутъ помощи, то никакіе принципы въ мірѣ не могутъ перевѣсить необходимости для императора заключить миръ. «Безъ этого», — прибавлялъ Тугутъ, говоря о русскомъ вспомогательномъ корпусѣ, — «мы рискуемъ съ минуты на минуту быть увлеченными непреодолимымъ потокомъ обстоятельствъ».

Русскіе, какъ и прежде, отклонили просьбы о прямомъ содѣйствіи во французской войнѣ; относительно же всего прочаго, разсужденія Тугута были одобрены и соглашеніе съ Кобенцелемъ достигнуто. Тогда пригласили на совѣщанія и Тауэнцина, но этотъ пруссакъ оказался весьма непокладистымъ. Онъ настойчиво оспаривалъ права Австріи на Краковское и Сандомірское воеводства⁴⁾. «Въ вашихъ рукахъ эти двѣ провинціи», — сказалъ онъ Кобенцелю 19-го декабря, — «причиняютъ намъ болѣе вреда, чѣмъ все

⁴⁾ Протоколы совѣщаній 16, 17, 18 и 19 декабря 1794 г. *Archiv für österreichische Geschichte*, t. XLII. ZEISSBERG, t. V, 64, 70.

демократы въ мірѣ». Онъ заявилъ даже, что Пруссія скорѣе откажется отъ раздѣла, чѣмъ поступится этимъ своимъ притязаніемъ. Это заявленіе конечно не могло заставить отпестись къ его сопротивленію серьезно. «Польша умерла, мертвыхъ нельзя разбудить», — замѣтилъ русскій канцлеръ Остерманъ, безъ сомнѣнія, черпавшій изъ газетъ афоризмы Барера. Протоколъ засвидѣтельствовалъ разногласіе Пруссіи и соглашеніе между Россіей и Австріей. Тауэнцинъ былъ изолированъ и жилъ какъ въ карантинѣ въ то время, какъ его коллеги, предоставивъ ему размышлять на свободѣ, довершили дѣло безъ него. Трактатъ былъ подписанъ 3-го января 1795 г.: онъ состоялъ изъ трехъ актовъ ⁵⁾.

Первымъ изъ нихъ Австрія изъявляла согласіе на трактатъ о раздѣлѣ, заключенный между Россіей и Пруссіей, 23-го января 1793 г.: этимъ договоромъ предоставлялся Австріи обмѣнъ австрійскихъ Нидерландовъ на Баварію. Вторымъ — императоръ и императрица распредѣляли доли, присвоенныя себѣ и предоставляемыя Пруссіи въ новомъ раздѣлѣ: Россія приобрѣтала 1.176.000 поляковъ, Австрія — 1.037.000, Пруссія — 939.000. Третьимъ — Екатерина и Францъ заключали тайный союзъ противъ Пруссіи, возобновляли прежніе союзные договоры противъ Турціи и намѣчали доли, которыя должны быть присвоены той и другой державѣ въ случаѣ раздѣла Оттоманской имперіи, согласно съ статьями, установленными между Іосифомъ II и Екатериною въ 1782 г. Въ заключеніи стояла наиболѣе тревожившая австрійскую дипломатію за послѣдніе два года статья о вознагражденіяхъ въ видахъ уравниванія выгодъ, приобретенныхъ Пруссіей и Россіей въ 1793 г. Австріи предоставлялось взять эквиваленты во Франціи; однако трактатъ предусматривалъ и тотъ случай, когда это оказалось бы неосуществимымъ. Въ этомъ случаѣ императрица «давала заранѣе свое полное согласіе на вознагражденіе Австріи на счетъ Венеціанской территоріи, а равно и на какой-либо иной планъ приобретенія, могущій вести къ предполагаемой цѣли». Послѣдняя статья представляла большія удобства, и нетрудно оцѣнить значеніе такой *carte blanche*. Цѣлью этой статьи было доставленіе Австріи эквивалента раздѣлу 1793 г.: трактатъ этого года указывалъ на приобретеніе, путемъ обмѣна, Баваріи, «прибавляя нѣкоторыя другія выгоды, не противорѣчающія общимъ видамъ». Эти дополнительные выгоды доставлялись трактатомъ 1795 г. при помощи расчлененія Венеціанской республики; но оставалось еще возмѣстить потерю австрійскихъ Нидерландовъ и обмѣнъ, не имѣющій уже значенія, вслѣдствіе этой утраты. Возмѣщеніе это не могло быть произведено ни на счетъ Польши, гдѣ уже нечего было взять, ни въ Турціи, возможный раздѣлъ которой регулировался бы согласно съ трактатомъ 1782 г. Слѣдова-

⁵⁾ Мартенсъ, т. II, с. 228 и слѣд.

тельно рѣчь могла идти только о Баваріи: Австрія просто-на-просто присоединить себѣ курфиршество, вознаградивъ курфирста на счетъ другихъ германскихъ или итальянскихъ государей.

Таково было содержаніе петербургскаго трактата 1795 г. Онъ вполнѣ характеризуетъ политику коалиціи: въ немъ осуществляется ея постоянная цѣль: приобретеніе. «Европа исчезаетъ!» — писалъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя Малле дю Панъ. Европа, о которой скорбѣлъ Малле, Европа, основанная на мнимыхъ принципахъ и мнимомъ правѣ, была лишь глинянымъ божкомъ, воздвигнутымъ на пескѣ публицистами и позолоченнымъ риториками европейскихъ канцлерствъ на удивленіе толпы современниковъ и разочарованіе будущихъ исторіографовъ. Это подобіе христіанскаго союза государствъ разлетѣлось уже давно. Малле былъ однако правъ. Европа исчезала, т. е. исчезала реальная монархическая Европа стараго порядка. Она разлагалась и рушилась сама собою; но язва, ее подточившая, не происходила ни отъ нанесенной ей раны, ни отъ внѣшняго зараженія. Европа умирала естественною смертію, въ силу состоянія и соотношенія своихъ органовъ, эволюціи своего существованія. Никогда не выказывала она такой послѣдовательности, никогда не была въ такой степени вѣрна себѣ, какъ именно въ трактатѣ 3-го января 1795 г. Эта Европа, санкционируя свой обычай торжественнымъ актомъ еполяции, казалось, сама открывала власти, возникшей изъ революціи, единственные пути, посредствомъ которыхъ французская республика получала возможность проникнуть въ общество старыхъ монархій и водвориться въ немъ. Она опредѣляла средства, она указывала цѣль, она намѣчала посредствующіе пункты: расчлененіе Венеціи, конфискацію мелкихъ германскихъ государствъ, раздѣлъ Турціи. Дѣйствительно, именно на такихъ условіяхъ и «принципахъ», если можно такъ выразиться, потому что Европа не имѣла иныхъ, — Конвентъ будетъ договариваться съ Пруссіей, Директорія будетъ продолжать его дѣло и договариваться съ Австріей, и, наконецъ, Имперія будетъ вести переговоры съ Вѣной и придетъ къ соглашенію съ Россіей въ 1807 г. въ Тильзитѣ.

IV.

Трактаты 1795 г. держались въ тайнѣ. Но прусское министерство предвидѣло ихъ и не стало ждать извѣщенія, чтобы избѣжать ихъ послѣдствій. Въ Пруссіи все склонялось въ пользу сдѣлки съ республикою: одни по симпатіи, большинство по расчету, нѣкоторые, руководясь заднею мыслію о томъ, что миръ долженъ парализовать Францію. «Этотъ безумный народъ становится все болѣе и болѣе грознымъ по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ на чужой землѣ», — писалъ піэтистъ Вельнеръ ¹⁾; — онъ из-

¹⁾ Въ октябрѣ 1795 г. РИЛЛЕРСОН, т. II, глава III.

звлекать свою силу из войны, миръ нанесетъ ему смертельный ударъ. Когда французскія арміи не найдутъ занятія на границахъ, партіи станутъ враждовать между собою, и начнется гражданская война... Тогда-то и слѣдуетъ напасть на нихъ и заставить уплатить военные издержки съ лихвой, отомстить за смерть ихъ короля и дать имъ новаго государя». Такая перспектива въ будущемъ, необходимость въ настоящемъ сосредоточенія своихъ силъ въ Польшѣ и прибыльная роль миротворца германской имперіи въ концѣ концовъ увлекли Фридриха-Вильгельма. Онъ призвалъ 1-го декабря Гольца, обставивъ его пріѣздъ величайшей тайной. Этотъ дипломатъ былъ посланникомъ Фридриха II во Франціи; онъ оставался тамъ до самой минуты разрыва; Гольцъ посѣщалъ всѣхъ выдающихся дѣятелей революціи; ему были знакомы всѣ интриганы и всѣ козни; онъ ненавидѣлъ Австрію и весьма мало расположенъ былъ къ Россіи; къ союзу съ Франціей онъ не былъ враждебенъ и казался, вообще, самымъ подходящимъ человѣкомъ для переговоровъ съ республиканцами. На него указалъ племяннику самъ принцъ Генрихъ. Гольцъ, несмотря на то, что сильно страдалъ подагрой, согласился безъ малѣйшаго колебанія взять на себя предлагаемую миссію, и министерству поручено было приготовить для него инструкціи. Старые сподвижники и ученики Фридриха Великаго торжествовали. «Слава Богу!»—воскликнулъ старикъ Финкенштейнъ,—желѣзо, наконецъ, попало въ огонь!»

Общая инструкція генералъ-маіору графу Гольцу помѣчена 8 декабря 1794 г. Король объявляетъ въ ней, что «паденіе якобинской партіи» позволяетъ ему надѣяться на установленіе мира; онъ желаетъ мира; онъ почелъ бы даже за честь «взять на себя прекрасную роль миротворца болѣе половины Европы, если то дозволено будетъ обстоятельствами». Не можетъ быть еще рѣчи объ окончательномъ мирѣ съ Франціей, еще менѣе—о союзѣ съ нею. Союзъ—дѣло будущаго: Гольцъ долженъ говорить о немъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, но съ чувствомъ; окончательный миръ зависитъ отъ имперіи. Король желалъ бы добиться перемирія, могущаго оградить Майнцъ, явиться посредникомъ въ нѣкоторыхъ изъ союзныхъ ему государствъ, ищущихъ его посредничества, доставить этимъ государствамъ выгоды нейтралитета до заключенія общаго мира, распространить свое посредничество не только на всю имперію, но и на Голландію, Сардинію, Австрію, Испанію и Англію. Король предпочелъ бы избѣжать формальнаго признанія французской республики: если же Франція дорожитъ имъ, то должна будетъ заплатить за него эвакуаціей лѣвобережныхъ прирейнскихъ владѣній Пруссіи. Король желалъ бы, чтобы миръ заключенъ былъ на основаніи *statu quo ante*, чтобы Франція возобновила гарантію Вестфальскаго мира и обезпечила бы тѣмъ сохраненіе цѣлости имперіи.

Далѣе этого не шла инструкція. Во всемъ остальномъ Гольцу поручалось освѣдомиться о намѣреніяхъ Франціи.

Одинъ изъ прусскихъ министровъ, Альвенслебенъ, убѣжденный въ томъ, что Франція не согласится «дробить» своихъ завоеваній, совѣтовалъ, чтобы Пруссія опредѣлила, какія именно вознагражденія, въ случаѣ необходимости, потребованы будутъ ею за владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна. Коллеги его нашли, что этотъ вопросъ долженъ быть отложенъ. «Это», замѣтилъ Финкенштейнъ, «могло бы возмутить короля, и тогда онъ не захотѣлъ бы и слышать о миссіи графа Гольца». Немалымъ результатомъ было уже и то, что Фридрихъ-Вильгельмъ согласился на переговоры съ «цареубійцами»; не слѣдовало требовать отъ него пока согласія на расчлененіе имперіи и этимъ утратить главное средство склонить его къ миру. Наконецъ объ этомъ пошли бы слухи и вызвали бы скандалъ во всей Германіи. Мнѣніе это, поддержанное Гаугвицемъ, взяло верхъ въ совѣтѣ. Министры рѣшили выждать время и сообразоваться съ обстоятельствами.

Гольцъ пустился въ путь, переговорилъ по дорогѣ съ Гарденбергомъ и посѣтилъ Меллендорфа во Франкфуртѣ, куда пріѣхалъ 21 декабря. Тѣмъ временемъ Гарнье уже успѣлъ явиться въ Берлинъ. Онъ представилъ министрамъ необходимость дать комитету Общественнаго спасенія залогъ искренности короля и получилъ разрѣшеніе ѣхать въ Парижъ и подготовить тамъ переговоры съ Гольцемъ. Ратисбонскій сеймъ принялъ 22-го декабря *conclusum*, которымъ императоръ приглашался къ подготовленію вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ справедливаго мира, на основѣ Вестфальскихъ трактатовъ. Французское посольство въ Швейцаріи увѣдомлялось обо всѣхъ этихъ событіяхъ, по мѣрѣ ихъ совершенія. 18-го декабря Гарнье вернулся въ Базель. Вечеромъ того же дня прибылъ и Гольцъ, а на другой день маіоръ Мейеринкъ пригласилъ обоихъ дипломатовъ и Бахера на обѣдъ. Они пили за преуспѣяніе французской республики и прусскаго королевства. Бахеръ получилъ уже разрѣшеніе выдать пруссакамъ паспорта. Гарнье получилъ ихъ 31 декабря и выѣхалъ въ Парижъ 2-го января 1795 г. Наканунѣ, баронъ Сталь, проѣзжавшій по Швейцаріи, посѣтилъ Бартелеми и выразилъ ему желаніе возобновить сношенія съ республикою. Въ то же время голландскій штатгальтеръ, которому прусскій король надѣялся выхлопотать заключеніе мира, почитая себя погибшимъ, посылалъ депутацію въ Парижъ.

Онъ получилъ разрѣшеніе отъ генеральныхъ штатовъ еще въ началѣ декабря, послѣ удаленія англичанъ. Одинъ изъ членовъ штатгальтерской партіи, Репелааръ, тайнымъ образомъ отправился къ представителю французской республики Лакомбу Сентъ-Мишелю, который слылъ миролюбивымъ, но не успѣлъ съ нимъ встрѣтиться. Тогда, узнавъ объ измѣнѣ Пруссіи,

штатгальтеръ присоединилъ къ Ренсхаэру Брантцена, и оба уполномоченные поѣхали во французскую главную квартиру. Здѣсь они пашли комиссара Белльгарда. Находясь подъ вліяніемъ революціонера Дендельса и батавскихъ патріотовъ, этотъ членъ Конвента выказалъ весьма мало охоты къ веденію переговоровъ. Онъ отказался отъ заключенія какого бы то ни было перемирія, но не могъ отказать въ выдачѣ паспортовъ для поѣздки въ Парижъ. «Эти агенты,—написалъ онъ Комитету 20-го декабря,—желаютъ только обманывать насъ малозначущими предложеніями, чтобы выиграть время и дожидаться оттепели».

Морозы, дѣйствительно, уничтожали всю защиту Голландіи: знаменитое голландское наводненіе, которое должно было остановить французовъ, бездѣйствовало, и они шли безпрепятственно. Однако Пишегрю боялся перемѣны температуры, которая подвергла бы его армию страшному бѣдствію. Коммисары Белльгардъ, Алкье и Робержо, болѣе смѣлые чѣмъ онъ, приказали перейти по льду рѣку Вааль и направиться къ сѣверу.—«Это послѣднее слово Комитета,—объявили они генералу,—если ты не двинешься черезъ два часа, ты смѣщенъ».—Это было 27-го декабря. Пишегрю двинулъ войска и уже не останавливался. Морозы благопріятствовали ему. Вся Голландія, какъ и ея флотъ, была оковапа льдомъ и какъ бы парализована. Уполномоченные штатгальтера прибыли въ Парижъ 8-го января, но были отпущены ни съ чѣмъ. «Та же рука, которая допустила ихъ въ Комитетъ,—передаетъ Камбасересъ,—подписала приказъ республиканскимъ войскамъ двинуться до Амстердама». 25-го января Конвентъ получилъ извѣстіе о покорности Голландіи: «Вся Голландія во власти республики, мы овладѣли Тексельскимъ флотомъ кавалерійскою атаккой».

Штатгальтеръ отплылъ 18-го января въ Англію; правительство его было распущено; революціонные комитеты захватили власть. Народъ даже не требовалъ мира: онъ считалъ его совершившимся фактомъ. Представители французской республики поощряли его довѣріе: «Мы явились къ вамъ не для того, чтобы подчинить васъ: французскій народъ будетъ уважать вашу независимость. Пользуясь своею верховною властью, только самъ голландскій народъ можетъ нарушать или улучшать конституцію своего правительства». Превосходная дисциплина войскъ генерала Пишегрю казалась ручательствомъ за эти обѣщанія. Образъ дѣйствій этихъ завоевателей представлялъ полнѣйшій контрастъ съ тѣмъ, какого держались нѣкогда англичане, патентованные покровители Соединенныхъ провинцій. Это произвело тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ необычайнѣе были побѣды и бѣдственное положеніе самихъ побѣдителей. Въ сильные холода они шли въ лохмотьяхъ, изнуренные, безъ обуви, по одной изъ богатѣйшихъ странъ Европы. Никакого грабительства, ни малѣйшаго злоупотребленія. «То была

военная эпоха», передавалъ участвовавшій въ голландской кампаніи Сульть, «когда въ лагеряхъ царила добрая нравственность». Голландскіе патріоты восхищались этими республиканцами и громко привѣтствовали ихъ: они имѣли основаніе надѣяться на умѣренность парижскаго правительства, коль скоро сама французская армія такъ щадила ихъ. Они обратились къ Комитету, полные довѣрія къ справедливости Конвента и къ принципамъ французской революціи, слѣдовать которымъ вотъ уже три года какъ приглашала ихъ Франція.

Эти призывы къ французской справедливости и революціоннымъ принципамъ со всѣхъ сторонъ обращались къ торжествующей республикѣ, вмѣстѣ съ миролюбивыми заявленіями европейскихъ народовъ. Франція выдала, такъ сказать, въ 1792 г. крупные векселя всѣмъ народамъ Европы. Эти векселя возвращались къ ней акцептованными, и наступала минута, когда республика должна была выполнить подписанныя ею обязательства. Въ концѣ ноября Карлетти, отправившійся въ Геную отъ имени тосканскаго правительства, передалъ повѣренному въ дѣлахъ республики Вилларсу записку, въ которой напоминалъ о дружественномъ и лояльномъ образѣ дѣйствій своего государя. Требуя признанія своего нейтралитета, Тоскана требовала лишь акта справедливости. Карлетти просилъ пропуска въ Парижъ. Генуя уже утратила свою независимость. Сардинія, предъявившая такіа алчныя требованія, думала теперь только о собственной охранѣ. Союзъ съ Австріей, ненавистный народу, вызывавшій опасенія у двора, потерпѣлъ крушеніе. Нужда населенія служила революціонному движенію. Государство подвергалось положительно травлѣ. Войску платили ассигнаціями. Былъ заключенъ заемъ въ размѣрѣ 9 милліоновъ и обезпеченный церковными имѣніями; просили папу о новомъ займѣ въ шесть милліоновъ. Издали указъ о принудительномъ займѣ; перелили въ монету королевскую посуду и продавали коронные брилліанты. Нѣкоторые политики заговорили уже о мирѣ. При такомъ затруднительномъ положеніи они, не колеблясь, сдѣлали первые шаги, а такъ какъ Бартеlemi былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ и по своей должности, и по своему мѣстопробыванію, и по репутации, то они постарались войти съ нимъ въ сношеніе. Баронъ Винье де-Этоль, сардинскій посланникъ въ Швейцаріи, поручилъ спросить у Бартеlemi—можетъ ли онъ принять предложенія о мирѣ, а Бартеlemi тотчасъ же увѣдомилъ о томъ Комитетъ. «Мы высказали наши взгляды вчера съ трибуны», отвѣтилъ Мерленъ 5-го декабря. Онъ сослался на свой вчерашній докладъ и прибавилъ, что если Сардинія дѣйствительно желаетъ вести переговоры о мирѣ, то она можетъ прислать депутацию въ Парижъ: Бартеlemi уполномочивался выдать ей паспорта. Сардинцы, однако, еще не дошли до такой степени довѣрія и покорности

судьбы. Они боялись требовательности комитета Общественнаго спасенія и репрессалій австрійцевъ. Они, по словамъ барона Винье, стремились только къ нейтралитету. Сардинскій посланникъ обратился съ своими сѣтованіями къ бернскому государственному секретарю, который передалъ ихъ Бартеlemi, а этотъ послѣдній выразилъ пожеланія итальянцевъ и, въ частности, сардинцевъ Комитету, поручая ихъ его политической мудрости. «Не подлежитъ сомнѣнію», писалъ онъ, «что пьемонтцы въ настоящее время не располагаютъ собою... Сардинское правительство, уже подавленное нашими побѣдами, еще болѣе угнетено австрійцами... Все, что было бы нами сдѣлано въ видахъ ослабленія Пьемонта,—который никогда не можетъ быть для насъ опасенъ, такъ что республика должна скорѣе покровительствовать ему,—обратилось бы къ выгодѣ и преимуществу вѣнскаго двора... Слава, честь, всѣ интересы республики, настоящіе и будущіе, могутъ зависѣть отъ способа рѣшенія судьбы этого слабаго Пьемонта».

Бартеlemi часто бесѣдовалъ объ этомъ съ венеціанскимъ посланникомъ Санъ-Фермо. Этотъ дипломатъ завѣрялъ его, что революція готова выпыхнуть въ Пьемонтъ, распространиться по Медіоланскому краю и всему сѣверу Италіи, какъ только проникнуть туда французы. Бартеlemi спрашивалъ себя, въ интересахъ ли республики будутъ эти движенія, явится ли для нея возможность организовать по своему усмотрѣнію эти возмущившіеся народы, выгодно ли будетъ для Франціи устраненіе всякой преграды между собою и Австріей, уничтожая Пьемонтъ, не воспользуется ли наконецъ всѣмъ этимъ Австрія для распространенія собственныхъ предѣловъ и вліянія ²⁾. Разсужденія эти были несомнѣнно разумны и основательны; но Комитетъ охотнѣе выслушивалъ другіе совѣты, болѣе отвѣчавшіе его собственному внутреннему настроенію. Какольтъ указывалъ ему изъ Флоренціи на разьединенныя, истощенныя и разоренныя итальянскія правительства; увѣрялъ, что самъ народъ пребываетъ въ «бездѣйствіи и вялости». Одинъ Пьемонтъ даетъ отпоръ; если его сломить, если прогнать австрійцевъ изъ Медіолана, Франція овладѣетъ богатѣйшимъ въ мірѣ краемъ. Республика подступитъ къ Риму, искоренитъ «возрождающуюся гидру», «тирана общественнаго мнѣнія»; она принесетъ въ жертву тѣни Галилея «сателлитовъ гнусной инквизиціи». Народы возстанутъ; имъ дадутъ уравняться между собою, и Франція вмѣстѣ со своимъ оружіемъ принесетъ революцію къ самому Неаполю ³⁾.

²⁾ Донесенія 5, 18, 19 января и 25 февраля 1795 года. См. *Papiers de Barthélemy*, t. IV, p. 535 и слѣд.

³⁾ Донесеніе Какольта, 26 ноября 1794.

Неаполь начиналъ испытывать страхъ. Его дворъ всегда былъ террористическимъ: здѣсь всѣмъ руководилъ страхъ, подлый при неудачѣ, свирѣпый при успѣхѣ. Въ ту пору онъ склонился въ сторону подлостей. Англичане уже не поддерживали приговоровъ тираннической юнты, этой королевской инквизиціи, сдѣлавшейся единственнымъ органомъ правительства Фердинанда и Каролины. Комитетъ Общественнаго спасенія понималъ, до какой степени было бы выгодно отнять у Англіи неаполитанскіе порты; онъ поручилъ своимъ итальянскимъ агентамъ намекнуть, при случаѣ, что если неаполитанскіе Бурбоны желаютъ сближенія съ республикой, то имъ облегчать это дѣло. Жакобъ внушалъ это въ Венеціи, Вилларъ—въ Генуѣ. Декоршъ заговорилъ о томъ же въ Константинополѣ. Неаполитанскій король велѣлъ написать 25 ноября 1794 г. дипломатическому агенту своему въ Венеціи Мишеру, чтобы онъ конфиденціально освѣдомился о намѣреніяхъ французской республики. Тѣмъ временемъ французскій посланникъ Лаллеманъ пріѣхалъ въ Венецію, Мишеру тайно видѣлся съ нимъ 6-го декабря и Комитетъ былъ извѣщенъ объ этомъ свиданіи ⁴⁾.

Въ то же время получены были извѣстія и объ испанскихъ Бурбонахъ. Испаніей руководили въ ту минуту самые перемѣнчивые импульсы: капризы влюбленной королевы, для которой все государство олицетворялось въ особѣ ея фаворита, и соображенія фаворита, вся политика котораго резюмировалась въ заботахъ о собственномъ благѣ. Аранда заплатилъ изгнаніемъ за свою оппозицію Годю; Кампоманесъ, опальный представитель счастливаго царствованія Карла III, и морской министръ Вальдесъ еще рѣшались смѣло подавать голоса за миръ. Эти заявленія противниковъ докучали королевѣ и Годю; но продолженіе войны внушало имъ еще болѣе серьезныя опасенія. Въ провинціяхъ, которымъ грозило нашествіе французовъ, замѣчались признаки возмущенія.

Въ Наваррѣ, Каталоніи и Бискайѣ организовались тайныя юнты, призывавшія народъ къ оружію и для отраженія непріятеля, и съ цѣлью потребовать у правительства возвращенія старинныхъ вольностей. Годой колебался между двумя страхами, искалъ наиболѣе выгоднаго для себя пути и старался оградить себя со всѣхъ сторонъ. «Мои отчеты должны производить на васъ странное впечатлѣніе», писалъ прусскій агентъ Сандозъ; «я перехожу въ нихъ попеременно отъ чернаго къ бѣлому». Годой велъ переписку съ Кабаррюсомъ, отцомъ г-жи Талльенъ, и такимъ путемъ думалъ добраться до комитета Общественнаго спасенія. Онъ внимательно слѣдилъ за движеніями Пруссіи, старался сообразоваться съ поступками мини-

⁴⁾ MARESCA, *La pace del 1796 tra le Due Sicilie e la Francia*, изд. въ Неаполѣ, 1887.—ZEISSBERG t. V, p. 50.

стровъ Фридриха-Вильгельма, и одинаковыя причины внушили испанцамъ тѣ же самые способы дѣйствія, къ которымъ прибѣгали и пруссаки.

Генералъ Уррутиа принялся писать Периньону въ чувствительномъ и гуманитарномъ духѣ, напоминая посланія Мейерника и Меллендорфа къ Бахеру. При мадридскомъ дворѣ находился дворянинъ Крильонъ, носившій одно изъ знаменитѣйшихъ именъ во Франціи и перешедшій на испанскую службу во времена *Семейнаго договора*. Его сынъ, будучи взятъ въ плѣнъ, водворенъ былъ въ Монпелье. Старикъ Крильонъ писалъ ему 30 декабря: «Мнѣ кажется, что ко мнѣ возвращается мои молодыя силы, какими онъ были шестьдесятъ лѣтъ назадъ, во время моей первой кампаніи (въ Италіи, при Вилларсѣ въ 1733 г.), при мысли увидѣть конецъ этой чудовищной войны для того, чтобы начать другую войну, въ которой я могъ бы надѣяться драться въ рядахъ французовъ, соединившихся съ испанцами противъ истинныхъ враговъ Испаніи и Франціи»... Это письмо, проникнутое воинскимъ духомъ стараго французскаго дворянства, было адресовано Периньону. Оно могло глубоко тронуть его, потому что онъ самъ служилъ въ старой королевской арміи. Онъ послалъ его вмѣстѣ съ письмомъ генерала Уррутиа въ комитетъ Общественнаго спасенія, 16 января 1795 г. Такимъ образомъ въ началѣ января Комитетъ со всѣхъ сторонъ получалъ заявленія, побуждавшія его даровать миръ и Франціи и Европѣ. Казалось, что несговорчивою оставалась одна Англія, а непримиримыми—одни эмигранты. Но и та и другіе должны были чувствовать, что ихъ коалиція подорвана, и какъ ни было страстно ихъ ожесточеніе, оно должно было ослабѣть.

V.

Лѣто прошло для англичанъ крайне тревожно. Народное волненіе усиливалось въ Англіи: вербовки подавали поводъ къ возмущеніямъ. Число недовольныхъ, а слѣдовательно и число сторонниковъ мира, росло. Тайныя общества умножались и принимали характеръ заговора. Общества лоялистовъ содѣйствовали подавленію уличныхъ бунтовъ; судьи принимали строгія мѣры. Въ августѣ и сентябрѣ двое членовъ *Общества друзей народа* приговорены были къ смертной казни шотландскими судами. Лондонскіе суды пожелали слѣдовать ихъ примѣру и тринадцать человѣкъ преданы были суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Процессъ начался въ октябрѣ. Эрескинъ защищалъ подсудимыхъ съ необыкновеннымъ блескомъ: трое были оправданы, отъ преслѣдованія остальныхъ отказались судьи. Народъ выпрягъ лошадей изъ экипажа защитника и довелъ его до квартиры среди всеобщихъ привѣтственныхъ кликовъ. Война постоянно на-

ходила противниковъ въ средѣ англійскихъ либераловъ, считавшихъ ее несправедливой и бесполезной. Буржуазія и народъ начинали критиковать ее, потому что она стоила дорого и не доставляла славы. Завоеванія Антильскихъ острововъ и Пондишери не утѣшали въ виду униженія, испытаннаго на континентѣ, и измѣны союзниковъ. Правительство выплачивало весьма крупныя субсидіи всѣмъ союзникамъ, но этимъ повидимому только поощряло ихъ отпаденіе отъ коалиціи.

Сессія открылась 30 декабря подъ впечатлѣніемъ крайне неблагоприятнымъ для правительства. Шериданъ и Фоксъ не складывали оружія; теперь они прониклись новымъ жаромъ. Они попытались возстановить *habeas corpus*, но безъ успѣха. Большинство оставалось вѣрнымъ Кабинету. Въ Палатѣ общинъ Вильберфорсъ потребовалъ переговоровъ о мирѣ; въ Палатѣ лордовъ Стэнтопъ внесъ предложеніе противъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи. Министры, несмотря на неоднократныя неудачи, отражали удары на обоихъ фронтахъ. «Какіе бы негодяи ни составляли новое правительство во Франціи», сказалъ лордъ Гренвилль въ Палатѣ лордовъ 30-го декабря, «оно будетъ одинаково враждебно благосостоянію и славѣ этой страны». Въ тотъ же день Питтъ объявилъ Палатѣ общинъ о своемъ рѣшеніи продолжать войну до послѣдней крайности. «Надо добиться того, чтобы можно было сказать объ этомъ государствѣ: *Toto certatum est corpore regni*».

«Новое французское правительство,—продолжалъ Питтъ,—держится по отношенію къ Англіи политики прежняго правительства. Оно желаетъ разрушенія конституціи, которая является непрерывной сатирой для французской анархіи. Къ тому же Англія не можетъ отказаться отъ своихъ завоеваній. Она въ состояніи выдерживать борьбу, она богата, а Франція бѣдна. Весь вопросъ заключается въ томъ, кто дольше выдержитъ, т. е. будетъ имѣть болѣе кредита. Настоящая война зависитъ только отъ состоянія финансовъ».—Фоксъ указалъ на то, что *Права человека* не мѣшаютъ однако же Кабинету сносятся съ Соединенными Штатами, терроръ, практикуемый въ Польшѣ, не мѣшаетъ союзу съ Россіей, Пруссіей и Австріей». Онъ получилъ 73 голоса противъ 246. Въ Палатѣ лордовъ Стэнтопу и Ландоуну удалось собрать ихъ не болѣе двѣнадцати.

Питтъ провелъ заемъ въ восемнадцать милліоновъ ливровъ и гарантію трехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, занятыхъ Австріей. Какъ ни увѣрялъ Питтъ, что въ этой войнѣ деньги—все, но эти деньги еще слѣдовало тратить умѣстнымъ образомъ и знать, на что онѣ тратятся. Среди ожесточенной борьбы, которую онъ велъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, Питтъ постоянно думалъ о мирѣ. Онъ ошибся относительно силы сопротивленія Франціи. Онъ полагалъ, что для безопасности Англіи достаточно будетъ

отнять у французовъ нѣсколько портовъ, взять ихъ колоніи, разорить ихъ торговлю, заставить ихъ голодать и гибнуть отъ анархіи. Угрозы раздѣла объединили французовъ для ожесточенной обороны, голодъ заставилъ ихъ вторгаться въ чужія страны, чтобы добывать средства существованія, война породила въ средѣ самой анархіи военное правительство болѣе сильное и грозное, чѣмъ была когда-либо власть самихъ французскихъ королей. Слѣдовательно приходилось искать иныхъ средствъ и способовъ для заключенія мира, къ которому Англія хотѣла принудить Францію. Питтъ попытался это сдѣлать и съ той минуты уже не измѣнялъ своихъ намѣреній.

Миръ, по его мнѣнію, могъ быть обезпеченъ только нѣкоторыми невыбылемыми условіями, требуемыми постоянными интересами Англіи. Онъ пересталъ заботиться о завоеваніяхъ, по крайней мѣрѣ на континентѣ: онъ сталъ довольствоваться колоніями, въ качествѣ вознагражденія за военные издержки. Онъ призналъ, что, грозя раздѣломъ Франціи, можно только возмутить и поднять всѣхъ французовъ, усиливъ власть революціоннаго правительства. Но онъ твердо вѣрилъ, что Англія не будетъ пользоваться безопасностью до тѣхъ поръ, пока Франція сохраняетъ за собою лѣвый берегъ Рейна, и въ особенности бельгійскій. Удалить французовъ изъ Бельгіи было въ его глазахъ первымъ и необходимымъ условіемъ мира. Онъ началъ войну въ тотъ день, когда это условіе было уничтожено; онъ будетъ продолжать войну до тѣхъ поръ, пока оно не возстановится. Онъ слѣдилъ добиться этого и видѣлъ одно только средство, а именно: заинтересовать въ этомъ условіи часть самихъ французовъ, показавъ, что въ такого рода мирѣ заключается конецъ ихъ революціи. Это привело его, вопреки официальнымъ завѣреніямъ, къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Франціи, къ тому, чтобы желать и поощрять такое правительство, которое могло бы одновременно прекратить и войну и революцію, доставивъ Франціи устойчивую конституцію и возвративъ французское государство въ его прежніе предѣлы. Такимъ образомъ онъ пришелъ къ соединенію интересовъ Англіи съ возстановленіемъ во Франціи стараго порядка вещей: монархіи и прежнихъ французскихъ границъ.

Онъ полагалъ, что республиканцы вынуждены будутъ продолжать войну до безконечности и не столько въ силу своихъ принциповъ, сколько въ силу интересовъ; что война породитъ правительство военачальника, иначе говоря, постоянную войну и неопредѣленное расширеніе завоеваній. Онъ находилъ, что только легитимистская монархія способна дать и поддерживать миръ. Онъ не смѣшивалъ легитимистской монархіи съ абсолютной. Первая казалась ему необходимой, вторая — невозможной. Онъ надѣялся, что если Франція примирится со своей династіей, то она будетъ достаточно удовлетворена спокойствіемъ, чтобы пожертвовать ему своими често-

любивыми стремленіями, а короли будутъ такъ довольны возвращеніемъ себѣ престола, что охотно пожертвуютъ Европѣ прибрѣтеннымъ революціей завоеваніямъ. Такого рода реставрація должна быть совмѣстнымъ дѣломъ Бурбоновъ и французскаго народа, иначе она не можетъ быть прочной. Питтъ не намѣревался оказать прямое вмѣшательство въ это дѣло; онъ зналъ, что реставрація, навязанная иностранцами, была бы ненавистною для французовъ. Онъ считалъ роялистовъ въ силахъ возстановить королевскую власть; ему не придется внушать имъ, что не слѣдуетъ возвращаться къ старому режиму, къ которому народъ питаетъ отвращеніе и возстановленіе котораго не могло бы быть прочно, потому что было бы плодомъ насилия.

Эти соображенія были довольно связны и логичны, но они имѣли ложное основаніе, а потому были неосуществимы. Французскіе претенденты выказали полную практическую неспособность и, казалось, не умѣли даже что-либо понять. Эмигранты строили козни другъ противъ друга и злобно очищали свою среду, постоянно усматривая другъ въ другѣ неправоты. Они не были согласны даже относительно смысла контръ-революціи: всѣ желали ее полною и деспотическою, но каждый хотѣлъ вести ее по-своему, присвоивъ себѣ ея честь и выгоды. Конституціонистовъ эмиграція отвергала болѣе, чѣмъ когда-либо, а между тѣмъ эта партія начинала упрочивать свою власть и вмѣстѣ съ тѣмъ старалась дать почувствовать, какая пропасть отдѣляетъ ее отъ принцевъ и ихъ совѣтниковъ. Вандейцы и бретонцы не складывали оружія, но никто не являлся, чтобы руководить ими. И однако англичане могли бы опереться только на Вандею, въ смыслѣ военныхъ дѣйствій, и только на конституціонистовъ — въ смыслѣ политическаго движенія. Прошло много времени, пока Питтъ это понималъ; но теперь онъ ужъ не сомнѣвался и рѣшилъ завязать сношенія съ обѣими партіями и регулировать ихъ движенія.

Бретонецъ, офицеръ Прижанъ, пользовавшійся его довѣріемъ, свелъ его въ сентябрѣ 1794 г. съ графомъ Пюизэ ¹⁾. Они занялись подготовленіемъ крупной высадки въ Бретани. Одинъ изъ братьевъ Людовика XVI долженъ былъ стать во главѣ военныхъ дѣйствій и собрать разсѣянныхъ вандейцевъ. Графу д'Артуа дали знать объ этомъ планѣ. Онъ одобрилъ его въ общемъ, но не обязался принять участіе въ выполненіи. Между тѣмъ лондонскіе французы-эмигранты отнеслись къ графу Пюизэ, какъ къ непрошеному гостю: онъ не принадлежалъ къ ихъ обществу; онъ былъ эмигрантомъ «третьей эпохи», онъ напоминалъ типъ провинціального политика и, наконецъ, его заподозрѣли въ ереси двухъ палатъ. Графъ испытывалъ всевозможныя затрудненія при наборѣ отряда, вооружить который

¹⁾ См. *Mémoires de Puisaye*, t. II, p. 579, t. III, p. 50, 61, 179, 215, 218, 229, 248. ANDRÉ LEBON, *L'Angleterre et l'émigration*, Paris, 1882.

и доставить въ Бретань общали англичане. Нелегкое дѣло было навестовать этотъ отрядъ изъ эмигрантовъ; но еще труднѣе было согласовать ихъ планы гражданской войны съ политическими соображеніями конституціонистовъ.

Питтъ знакомъ былъ съ послѣдней партіей только въ лицѣ Малле-Пана и Мунье. Ихъ предложенія были діаметрально противоположны видамъ графа Пюизе. Малле утверждалъ, что сила должна быть употреблена во Франціи только въ качествѣ «пособницы другихъ двигателей, которые будутъ работать въ пользу возстановленія монархическаго правительства». Прежде всего, по его мнѣнію, — не слѣдовало говорить о принципахъ и въ особенности ихъ показывать: «Ихъ непопулярность громадна и нечего думать ни о составленіи для нихъ партіи, ни о предоставленіи имъ регентства». Малле совѣтовалъ поддерживать умѣренныхъ роялистовъ въ родѣ Ламета, Мунье, Матье Дюма, какъ единственныхъ людей, могущихъ примирить народъ съ государями. Эти роялисты стали бы возбуждать движеніе въ странѣ, образовали бы партію въ Конвентѣ, старались бы проводить въ комитеты своихъ людей и, подготовивъ дѣло такимъ путемъ, вызвали бы, наконецъ, общее возстаніе противъ прежнихъ якобинцевъ съ такою программой: «Война анархін! уваженіе къ религіи и собственности! Наслѣдственная королевская власть и народное представительство!» Что касается Бурбоновъ, то они должны будутъ сдѣлать уступку если не въ своихъ принципахъ, то по крайней мѣрѣ въ своемъ упрямствѣ и предразсудкахъ: «Никогда», такъ заканчивалъ Малле, «Генрихъ IV не вступилъ бы на престолъ, если бы не далъ кальвинистамъ Нантскаго эдикта и не отрекся бы самъ отъ ихъ вѣры».

Питтъ послалъ въ Швейцарію одного изъ своихъ лучшихъ агентовъ, школьнаго товарища лорда Гренвилля, Виггэма. Это былъ человѣкъ дѣйствія, находчивый и ловкій; онъ любилъ комплоты и заговорщическія средства; шпионить было для него наслажденіемъ, и роль заговорщика болѣе подходила къ его наклонностямъ, чѣмъ роль дипломата. Онъ былъ усерднымъ и преданнымъ своей миссіи агентомъ, патриотомъ-англичаниномъ, и вносилъ въ служеніе дѣлу Бурбоновъ страстность якобита, работающаго въ пользу реставраціи Стюартовъ. Данныя ему 15 октября 1794 г. инструкции предписывали ему войти въ сношенія съ Мунье и его партіей, опредѣлить, насколько осуществимы ихъ планы и содѣйствовать ихъ выполненію, насколько то дозволяютъ англійскіе интересы. Полномочія и денежный кредитъ Виггэма были весьма обширны; онъ долженъ былъ вліять на ходъ внутреннихъ дѣлъ Франціи и способенъ былъ воспользоваться и тѣмъ и другимъ въ полной мѣрѣ. Приѣхавъ въ Бернъ 1 ноября, онъ очутился тамъ въ сродной ему атмосферѣ. Швейцарія была сборнымъ пунктомъ и

лабораторіей интригановъ, шпионовъ, конспираторовъ и авантюристовъ, стекавшихся сюда со всѣхъ концовъ Европы въ постоянно возрастающемъ количествѣ. Она была центральной мастерской памфлетовъ и фальшивыхъ ассигнацій. Виггэмъ и его касса являлись настоящею обѣтованною землею для людей, желавшихъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Не успѣвъ онъ явиться и открыть свой кошелекъ, какъ ему наперебой стали предлагать и выдать государственныя тайны республики, и подкупить всѣхъ республиканцевъ и произвести возстаніе во всѣхъ французскихъ департаментахъ. Онъ платилъ всѣмъ явившимся къ нему агентамъ и вѣрилъ всѣмъ. Въ этомъ была его слабая сторона: подобно всѣмъ политическимъ ажіотерамъ, онъ былъ обманутъ питаемою имъ продажною. Всякій получаемый имъ отчетъ онъ считалъ документомъ. Сплетни превращались, въ его дипломатической перепискѣ, въ событія. Нѣсколько недѣль спустя послѣ своего приѣзда, онъ воображалъ, что держитъ въ своихъ рукахъ всю Францію, ея правительство и ея армію, такъ какъ маклера продавали ему все это, а онъ заранѣе заплатилъ за комиссію. Онъ обладалъ настойчивостью, дѣйствительною изобрѣтательностью, никогда не поддавался разочарованіямъ и безконечно вѣрилъ въ успѣхъ.

Виггэмъ нашелъ чистыхъ роялистовъ въ большомъ уныніи. Войска Конде, не вѣдая кому они будутъ служить завтрашній день и какой дворъ ихъ найметъ, провели страшную зиму 1794 — 1795 г. въ не меньшей нуждѣ, чѣмъ республиканцы. Въ октябрѣ 1794 г., когда Питтъ рѣшилъ прійти къ нимъ на помощь, у принца Конде было всего семьдесятъ четыре луидора въ кассѣ и онъ уже думалъ о распущеніи своей арміи. Солдаты его продолжали еще стойко выдерживать встрѣчи съ непріятелемъ; но отсутствіе дисциплины, нахальство и развращенность дѣлали ихъ нестерпимыми для населенія тѣхъ странъ, гдѣ они стояли. Эти войска обирали жителей и обращались съ ними тѣмъ хуже, что жители эти были нѣмцы. Они оскорбляли дѣвушекъ и водворялись хозяевами въ монастырскихъ имѣніяхъ. Крестьяне брали съ нихъ выкупъ, когда думали, что у нихъ есть деньги, убивали ихъ, когда встрѣчали въ одиночку, и ненавидѣли какъ завоевателей, какъ дворянъ, и, наконецъ, какъ французовъ. Въ январѣ Конде прибылъ въ Брукзалъ, резиденцію шпайерскихъ князей-епископовъ. Онъ потребовалъ квартиръ для себя и для своей свиты: его сопровождалъ сынъ, герцогъ Бурбонскій, внукъ, герцогъ Англенскій, двоюродный братъ, герцогъ Беррійскій, 14 дворянъ, 34 адъютанта, 15 офицеровъ главнаго штаба, 4 дамы высшаго общества, 14 женщинъ ихъ свиты, конвой и слуги: всего 543 человѣкъ и 311 лошадей. Экспропрированный республиканцами на лѣвомъ берегу, епископъ отказался дать обогрѣть себя роялистамъ на правомъ берегу Рейна. Конде силою водворился въ замокъ,

и чтобы подтвердить свое военное право, занялся охотой въ епископскихъ лѣсахъ. Епископъ протестовалъ, и всѣ, владѣльцы и крестьяне, желали избавиться отъ французовъ.

Знатные эмигранты развлекались и пировали. Солдаты, рядовые эмигранты, не знатные, но убѣжденные, теряли всякую надежду на успѣхъ своего дѣла. «Изъ десяти писемъ, получаемыхъ изъ арміи Конде», сообщалъ одинъ корреспондентъ Бартеlemi, человекъ разумный и хорошо освѣдомленный, «изъ десяти писемъ, по крайней мѣрѣ, въ шести выражается раскаяніе, отвращеніе къ борьбѣ и отчаяніе въ успѣхѣхъ предпріятія. Они остаются, потому что получаютъ десять солей (50 сантимовъ) въ день и потому что для нихъ лучше умереть въ сраженіи, чѣмъ быть разстрѣлянными со связанными на спинѣ руками. Они рассчитываютъ также и на общую амнистію, по заключенію мира». Въ средѣ непринимавшихъ участія въ войнѣ эмигрантовъ, большинство уже не помышляетъ о заговорахъ: они думаютъ только о возвращеніи домой, «какою-бы то ни было цѣною и на какихъ бы то ни было условіяхъ», лишь бы правительство обезпечило имъ миръ и справедливость. Таково въ особенности пожеланіе тѣхъ, кто бѣжалъ только отъ республиканскихъ излішествъ. Съ прекращеніемъ террора они готовы подчиниться. Какъ только республика смягчится и устроится, эмиграція превратится въ главный штабъ безъ арміи и въ политическую коте́рію безъ приверженцевъ. Въ этомъ отношеніи швейцарскіе эмигранты сильно напоминали роялистовъ, оставшихся во Франціи. Въ ихъ средѣ господствуетъ пастросіе, которое Малле дю-Панъ опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ: «склонность подчиниться какому-бы то ни было правительству, лишь бы оно дало имъ миръ и безопасность».

Викгэмъ нашелъ готовность къ дѣйствію только у интригановъ и вожаковъ и полное равнодушіе у большинства эмигрантовъ. Онъ даже встрѣтилъ у этихъ послѣднихъ прямую вражду, такъ какъ эти роялисты не переставали чувствовать себя французами: они питали традиціонную ненависть и недовѣріе къ англичанамъ. Всѣ хотѣли, чтобы Англія успокоила ихъ относительно своего стремленія къ завоеваніямъ. «Если державы дѣйствительно желаютъ сражаться ради нашего дѣла», писалъ одинъ изъ роялистовъ, «то онѣ не должны сражаться не въ-за чего другого. Чѣмъ доказали державы, что онѣ ведутъ войну ради нашего дѣла? Развѣ когда-нибудь опровергли якобинцевъ, возбуждающихъ умы тѣмъ, что внушаютъ всѣмъ партіямъ, что державы хотятъ просто завоевать Францію и затѣмъ ее подѣлить?» Еще живѣе была эта ненависть въ средѣ конституціонистовъ. Ламетъ отказался сперва отъ свиданія съ Викгэмомъ, а когда увидѣлся съ нимъ, то объявилъ, что не можетъ принять на себя никакихъ

обязательствъ. Послѣ этого Викгэмъ обратился къ агентамъ роялистскихъ комитетовъ въ Ліонѣ, Франшъ Конте, Бургундіи и попытался возбудить инсurreкціи. Онъ скоро понялъ, что ничего нельзя предпринять до тѣхъ поръ, пока французы не будутъ успокоены относительно двухъ пунктовъ: отказа отъ намѣренія произвести полную контръ-революцію и сохраненія неприкосновенности французскаго государства. Онъ написалъ объ этомъ своему правительству.

Донесенія Викгэма, не общая многого Питту, могли только утвердить послѣдняго въ его взглядахъ. Дѣйствительно, въ то время, какъ Конвентъ возвращался къ старому плану королей — завоеванію предѣловъ древней Галліи, Англія укрѣплялась въ своей традиціи сопротивленія этому плану; въ то время, какъ во Франціи идея рейнской границы смѣшивалась и отождествлялась съ существованіемъ республики, англичане убѣждались въ томъ, что только возстановленіе монархіи, возвращая Францію въ ея прежніе предѣлы, могло обезпечить миръ для Англіи.

Этотъ антагонизмъ продолжался до 1815 года: онъ вытекалъ изъ самыхъ элементовъ войны, а война происходила изъ всей исторіи обѣихъ націй.

ГЛАВА II.

Миссія Бартелеми.

1795.

I.

«Если бы мы овладѣли Майнцемъ, бьюсь объ закладъ, что трактатъ съ Пруссіей былъ бы заключенъ въ какіе-нибудь десять дней», — писалъ Мерленъ де-Дузъ Мерлену де-Тюнвилль 4-го января 1795 г.; — «къ тому же, въ этомъ отношеніи все идетъ хорошо... Мнѣ кажется, что всего труднѣе будетъ подыскать форму, которую не стали бы порицать наши виртуозы; вѣдь въ сущности мы можемъ, произведя зрѣло обдуманную раздѣлъ Германіи, сдѣлать прочную и надежную операцію. Но для этого придется отложить философію въ сторону, и я боюсь, что среди насъ и теперь есть люди, болѣе привязанные къ роду человѣческому, чѣмъ къ родинѣ». Отъ этихъ словъ вѣетъ духомъ III-го года. «Виртуозы», о которыхъ упоминалъ Мерленъ и совѣстливости которыхъ такъ опасались ихъ товарищи въ Комитетѣ, были и вернувшіеся изъ тюрьмы члены бывшей жирондистской партіи, стоявшей, какъ извѣстно, за освобожденіе народовъ, и осколки прежней космополитической партіи якобинцевъ. Подъ именемъ виртуозовъ подразумѣвалась также нестройная и нерѣшительная, но многочисленная партія умѣренныхъ, требовавшихъ въ одно и то же время заключенія мира и конституціи. Вѣрные декрету 19-го ноября 1792 г., они составляли теперь только небольшую церковь: имъ противенъ былъ торгъ народами и государствами; ревнители декрета 15-го декабря не доверяли дипломатамъ и дипломатіи и боялись, чтобы революція не выродилась путемъ сдѣлокъ съ государями; умѣренные опасались, что чрезмѣрные притязанія затянутъ до безконечности войну, то есть существованіе революціоннаго правительства: всѣ, хотя и по различнымъ мотивамъ, подозрѣвали комитетъ Общественнаго спасенія и постоянно вѣшивались въ его дѣйствія, одни, желая его торопить, другіе, стремясь, напротивъ, его задерживать.

Комитетъ Общественнаго спасенія былъ скорѣе среднею, чѣмъ умѣренною партіей. Не слѣдуетъ судить о немъ, какъ о современ-

номъ парламентскомъ кабинетѣ. Онъ конституировался не определеннымъ главою, вслѣдствіе какихъ-нибудь долгихъ преній и голосованія большинства. Онъ былъ выбранъ тайною подачею голосовъ собраніемъ, не признававшимъ никакого главы и не заключающимъ правильно организованныхъ партій. Въмѣсто того, чтобы возникнуть одновременно и подъ вліяніемъ одной руководящей мысли, онъ создавался, такъ сказать, послѣдовательными наслоеніями. При такомъ способѣ образованія онъ, слѣдовательно, подчинялся всѣмъ приливамъ и отливамъ Собранія, но никогда не подвергался имъ прямымъ образомъ и исполнѣ. Выборъ членовъ Комитета, не завися отъ принципиальныхъ или дѣловыхъ вопросовъ, имѣлъ источникомъ однѣ личныя комбинаціи, а такъ какъ производился втайнѣ, то давалъ поводъ разыгрываться всѣмъ страстямъ, произволу и интригамъ минуты. Выходящіе члены Комитета принуждены были вступать въ сдѣлки со всѣми этими личными притязаніями, если желали новаго избранія своего въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Эти сдѣлки, касаясь людей въ гораздо болѣе степені чѣмъ вещей, поползновеній, а не фактовъ, общности антипатій, а не солидарности въ воззрѣніяхъ, не доставляли Комитету, при выборахъ, ни руководительства, ни поддержки. Это было нѣчто въ родѣ безымяннаго синдиката различныхъ республиканскихъ кружковъ, а для того, чтобы дать каждому изъ нихъ требуемыя ими гарантіи, онъ могъ только нейтрализовать однихъ другими. Комитетъ ни въ чемъ не походилъ на объединенное и автономное министерство Питта; онъ скорѣе напоминалъ подчиненный деспоту безпокойный совѣтъ, постоянно принуждающій своихъ членовъ министровъ считаться съ его страстями и интригами двора. Этимъ деспотомъ было Верховное собраніе.

Комитетъ III-го года возвысился и держался въ странѣ исключительно поддержкою, которую давала ему такъ называемая «Равнина», помогавшая ему въ дѣлѣ отпора монтаньярамъ, возстановленія порядка въ государствѣ и подавленія террористовъ. Но въ то же время онъ нуждался и въ монтаньярахъ для того, чтобы «Равнина» не уклонилась отъ революціи, чтобы термидорская, автократическая и демократическая реакція не превратилась въ реакцію жирондистскую, конституціонную или даже роялистскую. Не имѣя возможности образовать партію, которая объединила бы остальныхъ и главенствовала бы надъ ними, комитетъ Общественнаго спасенія былъ обреченъ на постоянное колебаніе между «Равниной» и «Горой». Отсюда его непослѣдовательность и изумительное молчаніе, которое онъ хранилъ по отношенію ко всякаго рода дѣламъ. Онъ не могъ высказываться ни по какому поводу. Его искусство управленія сводилось къ пріобрѣтенію голосовъ за кулисами и къ представленію съ трибуны Собранія облеченныхъ въ форму докладовъ готовыхъ рѣшеній, которыя

онъ старался проводить въ Конвентѣ безъ преній, или послѣ чисто формальныхъ дебатовъ.

Этимъ объясняется пустота, холодность и краткость засѣданій Конвента. Утомленіе, осторожность, расчетъ, все способствовало въ эту зиму III-го года къ тому, чтобы уменьшить ихъ интересъ. По прежнему Конвентъ оставался собраніемъ горячихъ патріотовъ; но по болѣйшей части они не чувствовали себя на высотѣ выпавшей на ихъ долю задачи и пережитыхъ ими кризисовъ.

Событія вознесли ихъ, такъ сказать, выше ихъ собственныхъ головъ и закрутили въ вихрь; теперь они падали на землю, ошеломленные полетомъ, изнуренные презыѣрными усиліями и не понимая ни того, что было имъ совершенно, ни того, какъ могли они все это совершить. Слѣдуетъ замѣтить также, что хотя въ среду Конвента и вернулись подвергавшіеся проскрипціи депутаты, но, во всякомъ случаѣ, составъ его былъ значительно урѣзанъ и нарушенъ. Конвентъ всегда оказывался пригоднымъ только для чрезвычайныхъ дѣлъ; онъ не способенъ былъ вести скромныя и непрерывныя политическія дѣла. Онъ предоставлялъ ихъ безвѣстнымъ труженикамъ своихъ комитетовъ. Онъ пробуждался только въ тѣ минуты, когда опасность грозила отечеству или революціоннымъ принципамъ. Вопросъ о мирѣ и войнѣ былъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые могли всего болѣе взволновать его; но вмѣстѣ съ тѣмъ именно къ обсужденію этого вопроса у него было всего менѣе охоты, потому что именно въ этомъ отношеніи онъ чувствовалъ себя въ высшей степени разъединеннымъ.

Страна нуждалась въ мирѣ, она ждала его какъ конца нужды, а нужда приняла, дѣйствительно, ужасающіе размѣры. Зима, доставившая побѣды въ Голландіи, обострила болѣзни и голодъ во Франціи. Дрова, которыя доставлялись въ Парижъ только по Сенѣ, не привозились: жители мерзли. Свѣчи выдавались раціонами, такъ же какъ хлѣбъ и мясо. Въ провинціи никто не осмѣливался ѣздить по размытымъ дорогамъ, по которымъ бродили шайки грабителей. Въ деревенскихъ домахъ ограждали себя баррикадами. Въ городахъ всѣ стояли подъ ружьемъ. Боялись инсургентовъ, въ особенности такъ называемыхъ *шофферовъ* ¹⁾ (*chauffeurs*). Нивы оставались невоздѣланными; реквизиціи опустошали фермы и амбары. Земли обезцѣнивались до одной четверти, а дома—до одной пятой своей стоимости. Собственники ничего не выручали отъ продажи, потому

¹⁾ *Chauffeurs*-ы (истопники) получили свое названіе отъ варварской расправы, которую они чинили съ врагами: связавъ человека, они всовывали его ноги въ разведенный огонь печи и оставляли его умирать мучительною смертью. Практиковалось это преимущественно въ Вандеѣ.

что національныя имущества понизили цѣны, не могли и закладывать, потому что истечная администрація была разстроена. Капиталисты прятали свои деньги, или помѣщали ихъ въ конфискованныя имѣнія. Эта зима напоминала злобѣйшей памяти зиму 1709 года; но за республикою оставались военные успѣхи и завоеванія. Они утѣшались во всѣхъ бѣдствіяхъ, потому что обѣщали славный и счастливый миръ.

Будущность принадлежала тѣмъ, кто дастъ этотъ миръ, а съ нимъ и обезпеченіе завоеванныхъ 1789 году правъ. Монархія, упраздненная лишь три года тому назадъ, казалась окончившею свое существованіе за нѣсколько вѣковъ предъ тѣмъ. Ея образъ какъ бы исчезъ изъ народной памяти; то, что оставалось отъ него въ умахъ, смѣшивалось съ понятіемъ объ эмиграціи и о возвращеніи стараго порядка: его призракъ внушалъ ужасъ и отвращеніе. Республика существовала; народъ отождествлялъ ее съ національною независимостью и гражданскою свободою; она торжествовала и потому казалась вѣчною. «Извѣстіе о вторженіи въ Голландію, совершившемся безъ сопротивленія», писалъ одинъ роялистъ, «отдаляетъ исполненіе надеждъ, которыя подавало настроеніе парижскаго и провинціального общественнаго мнѣнія. Народъ приходитъ въ такой же восторгъ отъ этого завоеванія, какъ и Конвентъ; онъ уже считаетъ себя господиномъ Европы: онъ уже не такъ желаетъ мира съ тѣхъ поръ, какъ полагаютъ, что можетъ продиктовать его когда и кому онъ захочетъ» ²⁾.

Комитетъ Общественнаго спасенія спекулировалъ на такое настроеніе публики. Онъ находилъ, что частичный миръ необходимъ и могъ судить объ этомъ лучше кого бы то ни было, такъ какъ ему хорошо извѣстны были размѣры нужды во Франціи. Онъ полагалъ, что трактатъ такого рода удовлетворилъ бы большинство населенія, облегчивъ ношу въ настоящемъ и придвинувъ желанное будущее; притомъ этого будущаго стали бы ждать терпѣливѣе. Заклячая миръ только для того, чтобы успѣшнѣе вести войну, и ведя войну только для того, чтобы имѣть возможность заключить впослѣдствіи болѣе блестящій миръ, Комитетъ надѣялся расположить къ себѣ въ одно и то же время и воинственные, и миролюбивые элементы; а это значило расположить къ себѣ всю Францію, потому что не было француза, который всѣми силами души не стремился бы къ величію и благосостоянію родины. Умѣренные, проповѣдывавшіе миръ, были бы обезоружены заключеніемъ частичныхъ трактатовъ и вынуждены были бы безуспѣшно отстаивать непопулярное мнѣніе о возвращеніи Франціи къ ея прежнимъ границамъ. Монтаньяры утратили бы лучшую тему для своихъ ораторскихъ упражненій и были бы бесполезны въ

²⁾ Mallet du Pan, 8 févr. 1793. Michel, t. I, p. 107. *Revue historique*, . IV, p. 80.

борьбѣ съ правительствомъ, поддерживаемымъ республиканскою гордостью. Такимъ образомъ Комитетъ нашелъ бы во внѣшней политикѣ престижъ, въ которомъ такъ нуждался. Онъ получилъ бы путемъ отраженного дѣйствія внѣшнихъ дѣлъ то верховенство надъ всѣми партіями, къ которому стремился въ Конвентѣ. Комитетъ сознательно создавалъ себѣ то чисто римское понятіе о республикѣ, которое народъ усваивалъ въ силу непосредственного традиціоннаго внушенія.

«Это слово: народовластіе», сказалъ Сіейсъ ³⁾, приняло въ народномъ воображеніи такіе колоссальные размѣры только потому, что французскій умъ, еще полный суевѣрія временъ королей, почелъ своимъ долгомъ надѣлать его всѣмъ торжественнымъ наслѣдіемъ атрибутовъ абсолютной власти, которыми сіяло узурпированное могущество французскихъ королей. Раздражались тѣмъ, что не могли увеличить число этихъ признаковъ величія. Казалось, говорили себѣ съ патріотическою гордостью: если верховная власть королей была такъ страшна и могущественна, то верховная власть народа должна быть еще страшнѣе и могучѣе».

Такъ думали члены Комитета III года. Эти авторитарные плебеи, вынужденные шагъ за шагомъ отстаивать въ Конвентѣ власть, добытую революціонными путями, боготворившіе силу, обреченные на слабость, принужденные тратить время и дарованія на жалкія интриги, на глухую закулисную борьбу, на публичные и порою унижительныя пренія, обязанные считаться со всѣмъ и со всѣми, выдерживать нападки газетъ, свистки публики въ залѣ засѣданій, подозрѣваемые въ своихъ намѣреніяхъ, оснашиваемые въ своихъ планахъ, стѣсненные въ своихъ дѣйствіяхъ—возвышались въ собственныхъ глазахъ только тогда, когда въ тиши своихъ совѣщаній они руководили движеніями побѣдоносныхъ армій и обсуждали условія мира, который продиктуютъ монархамъ. Тутъ былъ реваншъ для ихъ гордости, а также награда ихъ патріотизму и возстановленіе ихъ чувства собственного достоинства. Благодаря успѣхамъ французскаго оружія, они надѣялись совершить въ Европѣ для республики и революціи великія дѣла, которыя неспособны были выполнить во Франціи путемъ свободы.

Странное зрѣлище представляло это правительство, колебавшееся въ самомъ основаніи своемъ, готовое ежеминутно рухнуть и въ то же время внушающее страхъ и ужасъ повсюду, куда доходили выстрѣлы его пушекъ. Еще страннѣе было зрѣлище собранія, которое не въ силахъ было вести Францію и управлять собою, а между тѣмъ давало отпоръ Европѣ, завоевывало провинціи, подчиняло себѣ народы, унижало государей и довело свое непрочное правленіе до той степени внѣшняго могущества, да-

³⁾ Рѣчь 2 термидора III года.

же какой не шла старая французская монархія въ дни расцвѣта своей силы и власти. Историкъ могъ бы придти при этомъ въ изумленіе, еслибъ онъ не зналъ, что полтора вѣка предъ тѣмъ Франція представляла уже аналогичное зрѣлище, когда, несмотря на ребенка-короля, еще сейчасъ только вынужденнаго спать на соломѣ, на ненавидимаго министра, окруженнаго недоброжелательствомъ и заговорами, на дворъ, разоренный и нерѣдко принуждаемый къ бѣгству, на государство, раздираемое дворянскими мятежами и народными бунтами, велась успѣшная война ненадежными войсками подъ предводительствомъ мятежныхъ генераловъ и, наконецъ, былъ заключенъ самый выгодный миръ, котораго только могла пожелать страна.

Совершенно такъ же, какъ въ былое время Мазаренъ и Ришелье, комитетъ Общественнаго спасенія былъ властенъ только въ дѣлахъ внѣшней политики. Только на этой почвѣ онъ былъ господиномъ своихъ замысловъ и могъ выполнять ихъ только посредствомъ Европы. И онъ былъ вынужденъ проявлять тѣмъ болѣе рѣшимости и энергіи внѣ Франціи, чѣмъ болѣе равнодушія или непокорства оказывали ему страна и Конвентъ. Вслѣдствіе всего этого, патріотическіе инстинкты, честолюбіе и личные интересы являлись двигателями дипломатіи членовъ Конвента за этотъ періодъ времени. А такъ какъ они жили среди тревогъ и борьбы, то становятся понятными внезапные повороты ихъ политики, рѣзкость ихъ слога, несвоевременность требованій и причудливый характеръ ихъ переговоровъ.

Съ сентября мѣсяца, со времени первыхъ намековъ на желаніе Европы окончить войну, у нихъ было довольно времени для того, чтобы осмотрѣться, собрать мнѣнія, обсудить и опредѣлить свои виды. Эти виды съ замѣчательною точностью и необыкновенною ясностью выражены въ *Планѣ дѣйствія, котораго долженъ держаться комитетъ Общественнаго спасенія, для достиженія способовъ обезпеченія благоденствія французской республики и ея военныхъ успѣховъ въ кампаніи 1795 г.* Планъ этотъ принадлежитъ Дюбуа Крансе, вступившему въ комитетъ 5 декабря 1794 г. и остававшемуся въ немъ до 4 апрѣля 1795 г. «Нужно», говоритъ Дюбуа, «во что бы то ни стало избавить республику отъ состоянія блокады, приобрести для нея союзниковъ и друзей... Побѣдителю только можетъ дѣлать честь, если онъ строитъ золотой мостъ побѣжденному... Союзники напрашиваются; обстоятельства благоприятны. — Никогда ни Испанія, ни Пруссія, ни Сардинія не могли бы получить выгоды, которыя мы можемъ предложить имъ, безъ малѣйшей затраты съ ихъ стороны. Франція должна вступить въ союзъ съ Соединенными Штатами. Она сдерживала бы Россію при помощи Даніи, Швеціи и Турціи, объединенныхъ нейтралитетомъ, если не диверсіей. Такого рода комбина-

ції позволили бы намъ преслѣдовать нашу неизмѣнную цѣль: «войну на смерть съ Англіей и Австріей». А вотъ и средства: Испанія не будетъ расчленена на континентъ; ей даже будетъ временно возвращенъ Гибралтаръ; но она уступитъ свои владѣнія на Сень-Доминго; благодаря такого рода сдѣлкѣ возможно добиться наступательнаго и оборонительнаго союза съ Испаніей. Если то окажется необходимымъ, республика дастъ и больше: «можно, сверхъ того, обезпечить за испанскимъ королемъ Португалію, облегчивъ ему вторженіе, подъ условіемъ уступки намъ Гаванны, въ обмѣнъ на Бразилію». Сардинія уступитъ Савойю и Ниццу въ обмѣнъ на предоставляемую ей Ломбардію. Естественная и необходимая союзница Франціи—Пруссія получитъ вмѣсто лѣваго берега Рейна Брауншвейгъ и, въ случаѣ необходимости, австрійскую Силезію. Герцогъ Брауншвейгскій сдѣлается курфюрстомъ ганноверскимъ. Ландграфъ кассельскій получитъ званіе электора, если онъ заключитъ миръ и уступитъ свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна. Что касается прирейнскихъ провинцій, то Комитетъ будетъ сообразоваться съ обстоятельствами: онъ рѣшитъ, слѣдуетъ ли довести французскую границу только до Мааса и образовать изъ остальной части завоеваннаго края двѣ республики, которыя вмѣстѣ съ Голландіей состояли бы подъ супрематствомъ Франціи, или же присоединить къ Франціи весь край до Голландіи. Эта послѣдняя будетъ республикою и союзницею Франціи. Во всякомъ случаѣ Франція, считая испанскій и батавскій флотъ, располагала бы 123 кораблями. У нея будетъ 440.000 линейныхъ войскъ, кромѣ 149.000 въ гарнизонахъ и при складахъ. Она овладѣетъ Ганноверомъ съ 100.000 человекъ, займетъ правый берегъ Рейна съ 120.000, высадитъ 60.000 человекъ на лѣвый берегъ Темзы, 80.000—на правый, 20.000—въ Ирландію, и тогда навсегда будетъ порванъ союзъ между Англіей и Австріей.

Въ этомъ планѣ видимъ идею о Булонскомъ лагерѣ, о перестройкѣ Германіи 1803, о кампаніи 1805, однимъ словомъ, будущность республиканскихъ и имперскихъ войнъ; и это потому, что этотъ планъ вытекаетъ изъ всего прошлаго республиканской политики и связывается съ старыми честолюбивыми планами монархіи. Комитетъ, смотря по случайностямъ своего личнаго состава, смотря по требованіямъ внутренней и финансовой политики, превратностямъ войны и дипломатическимъ затрудненіямъ, то брался за выполненіе плана цѣликомъ, то покидалъ или измѣнялъ нѣкоторыя его части; но этотъ планъ оставался въ главныхъ чертахъ своихъ дипломатическою основой, господствующею идеей и руководящею заднею мыслью для большинства членовъ Комитета. Повидимому Комитетъ постоянно дѣйствовалъ подъ вліяніемъ этого импульса; онъ объявлялъ о

своихъ видахъ съ первыхъ переговоровъ съ Пруссіей, какъ будто эти виды безповоротно были рѣшены въ умахъ его членовъ.

II.

Какъ только получено было извѣстіе о миссіи Гольца, комитетъ Общественнаго спасенія выразилъ свое удовольствіе по этому поводу. Онъ предпочелъ бы, чтобы переговоры начаты были въ Парижѣ; но, не зная, какъ смотритъ на это дѣло прусскій король и не желая промедленій, онъ рѣшилъ 1-го января послать на всякій случай въ Базель Бартелеми. 5-го января Гарнье пріѣхалъ въ Парижъ и попросилъ аудіенціи. Комитетъ возобновилъ свой составъ 4-го. Мерленъ, завѣдывавшій дипломатическою перепискою съ 5 ноября, вышелъ. Ею сталъ руководить Камбасересъ, бывший уже въ теченіе двухъ мѣсяцевъ членомъ Комитета. Гарнье былъ принятъ 7-го, въ полдень. Предсѣдательствовалъ Камбасересъ; онъ посадилъ прусскаго уполномоченнаго рядомъ съ собою. Гарнье прочиталъ королевскій рескриптъ, указывавшій на предметъ его миссіи. Бесѣда, завязавшаяся между нимъ и членами Комитета, была какъ бы предисловіемъ къ переговорамъ. Всѣ пункты были указаны въ ней и положеніе каждой изъ сторонъ ясно опредѣлено.

«Король мой», сказалъ Гарнье, «могъ быть возмущенъ ужасами, которые, преимущественно во время господства Робеспьера, отмѣчали собою эпоху французской революціи; но, далекій отъ злобы противъ Франціи за то, отъ чего она сама страдала, далекій отъ притязанія на ея подчиненіе или на вмѣшательство въ ея внутреннее управленіе, король прусскій желаетъ ей лишь возвращенія благополучія, утраченнаго ею во время ея внутреннихъ смутъ. Его величество, радуясь рѣшительной перемѣнѣ, видимо происшедшей въ принципахъ и образѣ дѣйствій французскаго правительства со времени паденія якобинской партіи, видитъ въ этой перемѣнѣ счастливое предзнаменованіе для возстановленія мира; король стремится даже къ прекрасной роли миротворца для большей половины Европы, если то дозволитъ обстоятельства». Это заявленіе тотчасъ же повлекло за собою обмѣнъ мыслей по поводу тождественности интересовъ обоихъ государствъ, причинъ, дѣлающихъ миръ желательнымъ, и мотивовъ, побуждавшихъ къ союзу, направленному противъ общихъ враговъ. Австрія, замѣтили члены Комитета, не будучи въ силахъ уничтожить Францію, тѣмъ съ большею энергіей станетъ искать удовлетворенія своей алчности въ другомъ мѣстѣ: она вернется къ своимъ планамъ противъ имперіи. Россія стремится къ полному господству на Востокѣ. Франція и Пруссія, соединившись съ Даніей, Швеціей, Турціей и Польшей, должны про-

тиводѣйствовать честолюбивымъ стремленіямъ, угрожающимъ всей остальной Европѣ. — Гарнье отвѣчалъ, что его государь не найдетъ возможнымъ вооружиться противъ своихъ союзниковъ. Его рѣшеніе по этому поводу принято безповоротно; но еслибъ король и отклонилъ мысль о союзѣ съ республикою, то тѣмъ не менѣе онъ расположенъ предложить свое посредничество для заключенія общаго мира. — Комитетъ не допускалъ слова посредничество, такъ какъ оно предполагало нѣкотораго рода признанный авторитетъ за посредникомъ, а республика создала себѣ въ Европѣ положеніе, освобождающее ее отъ признанія какого бы то ни было иностраннаго авторитета; тѣмъ не менѣе она готова принять дружественныя услуги. Что же касается перемирія, то о немъ излишне было бы говорить: германцамъ приходится выбирать между окончательнымъ миромъ съ Франціей и продолженіемъ войны подъ гнетомъ Австріи. Эти рѣчи привели къ обозначенію условій мира. Комитетъ рѣшительно потребовалъ слѣдующее: приобрѣтеніе лѣваго берега Рейна, какъ «естественной границы Франціи, и даже немедленной сдачи Майнца. Гарнье запротестовалъ; по его мнѣнію это значило перевернуть всю Имперію и дискретировать въ ея глазахъ Пруссію въ ту минуту, когда дѣло идетъ объ увеличеніи ея значенія! «Можно подумать», сказалъ онъ, «что вы хотите затянуть войну на неопредѣленное время; вамъ это удастся, если вы не измѣните своего способа дѣйствій и ваша требовательность приведетъ къ восстановленію противъ васъ всей Германіи». — «Пруссійскій король», — отвѣтилъ одинъ изъ членовъ Комитета, — не захочетъ, вѣроятно, подчинять интересы собственной державы просьбамъ нѣкоторыхъ изъ союзныхъ ему государствъ; къ тому же желаніе мира такъ настоятельно и очевидно въ Германіи, что національная война противъ Франціи оказалась бы невозможной». Другой представитель Комитета прибавилъ: «Республика не будетъ ничего имѣть противъ того, если бы германскіе государи, которые лишились бы владѣній, искали вознаграждать себя или на счетъ австрійскаго дома, или же путемъ секуляризаціи церковныхъ владѣній: Вестфальскій трактатъ уже далъ къ тому примѣры». Комитетъ, — продолжалъ онъ, — согласился бы предложить Пруссіи Ганноверъ ¹⁾, цѣною союза; но такъ какъ идея союза отклоняется королемъ, то и Комитетъ воздержится отъ такой щедрости. Гарнье убѣдился, что по вопросу о Рейнѣ уступокъ ожидать нельзя. «Я весьма сомнѣваюсь», — сказалъ онъ, — чтобы мое правительство согласилось на уступку лѣваго берега Рейна, но для меня не подлежитъ сомнѣнію, что война останется неизбежной, если въ случаѣ такой уступки не бу-

¹⁾ Ганноверъ былъ предложенъ и данъ въ 1805 и 1806 г. ради этого самаго союза и съ тою же самою цѣлью: подчинить Англію и покорить Австрію.

детъ предоставлено Пруссіи широкаго вознагражденія». Комитетъ не противорѣчилъ, и стороны пришли, если не къ соглашенію, то, по крайней мѣрѣ, къ опредѣленію обоюдныхъ домогательствъ.

Гарнье записалъ сдѣланныя ему заявленія и повезъ ихъ въ Берлинъ. Комитетъ сгруппировалъ эти самыя заявленія, развилъ ихъ и положилъ въ основу инструкцій, которыя были выработаны для Бартеlemi, обсуждены 12-го и 15 и окончательно приняты 26-го января. Новидимому, эта работа была выполнена Рейнгардомъ, подъ руководствомъ Камбасереса. Въ этомъ документѣ рѣзко и ярко выступаетъ противоположность между напыщенностью, рѣзкостями, метафорическою манерой выраженія манифестовъ Комитета и ясностью и точностью, даже нерѣдко грубоватостью дѣлового слога его инструкцій: этотъ контрастъ будетъ возрастать съ теченіемъ времени. Манифесты были школьными работами, предназначавшимися для публики и написанными въ условномъ стилѣ; слогъ депешъ былъ естественнымъ языкомъ комиссаровъ, опредѣляемымъ государственною необходимостью. Члены Комитета мотивировали свои поступки послѣ ихъ совершенія и иллюстрировали свои разъясненія отвлеченными и универсальными принципами, подобно автору, который прибавилъ бы къ своему сочиненію, въ видѣ уступки требованіямъ времени, картинки, могущія угодить читателю. Въ инструкціяхъ Бартеlemi не было уже и тѣни космополитизма, а еще менѣе чувствительности; о *Правахъ человека* въ нихъ умалчивалось, и ничто не указывало на то, что публичное право измѣнило свои начала съ 1789 года. Мазаренъ, Лувуа и великій Фридрихъ одинаково могли бы подписать такой документъ. Въ такомъ же тонѣ составлялись инструкціи по приказанію Бонапарта. Единственныя права, на которыя ссылались инструкціи, были права завоеванія: Комитетъ, обращаясь къ Европѣ, внезапно заговорилъ ея языкомъ.

Перемена въ настроеніи особенно ярко давала себя чувствовать въ статьѣ о территориальныхъ условіяхъ мира. «Гражданинъ Бартеlemi объявить, что республика смотритъ на Рейнъ какъ на свою естественную границу, которую она и рѣшила сохранить. Мотивы права и пользы, внушившіе такое рѣшеніе, безъ труда будутъ усвоены гражданиномъ Бартеlemi, и Комитетъ не находитъ нужнымъ вдаваться въ ихъ перечисленіе». Вотъ и все; и по европейскому публичному праву этого было вполне достаточно, такъ какъ французскія войска завоевали тотъ край, о которомъ шла теперь рѣчь. Инструкціи весьма много распространялись о способахъ дѣйствія. Комитетъ, какъ нѣкогда Бромвель, придавалъ имъ чрезвычайную важность. Онъ не желалъ посредничества, въ особенности въ Голландіи, и не желалъ перемирія, даже въ Германіи. Онъ совѣтовалъ Бартеlemi прижать къ стѣнѣ прусскихъ дипломатовъ, лукавство которыхъ

славилось по всей Европѣ. Несмотря на то, что переговоры лежали въ ихъ интересахъ, надлежало поступать съ пруссаками такъ, какъ будто сомнѣваясь въ ихъ искренности. Впрочемъ республика готова была предоставить всевозможныя облегченія, если Пруссія согласилась бы вступить съ нею въ союзъ, направленный противъ Австрій, обуздать Россію и загладить вредъ, нанесенный Польшѣ. Франція, расширивъ свои предѣлы вплоть до своихъ естественныхъ границъ, не только не будетъ опасна для Германіи, но сдѣлается ея вѣрнѣйшею союзницею: она охотно допуститъ лишеніе своихъ земель свѣтскихъ государей лѣваго берега вознаградить себя раздѣломъ церковныхъ территорій праваго берега Рейна: благодаря такому способу, «дозволяемому Вестфальскимъ трактатомъ и настоятельно требуемому просвѣщеннымъ вѣкомъ», прусскій король могъ бы, «образовать ядро союза», могущаго установить въ Имперіи новаго рода равновѣсіе. Это была приманка прусскому честолюбію перспективой *Конфедерации северныхъ государей*, выполненіемъ политическаго завѣщанія Фридриха Великаго, сдѣлавшагося одною изъ главъ широкаго замысла республиканскихъ политиковъ, по крайней мѣрѣ въ видѣ средства и необходимаго дополненія.

Относительно Германіи Комитетъ находилъ болѣе умѣстными непосредственные переговоры съ мелкими государствами, путемъ посредничества также некрупной державы. Такова была традиція, и она не лишена была основанія. Графъ Бернсторфъ желалъ для себя такой роли. Комитетъ поощрилъ его и написалъ въ этомъ смыслѣ Грувеллю 15-го и 19-го января: «Границы республики должны быть доведены до Рейна. Эта рѣка, служившая границею древней Галліи, одна можетъ обезпечить миръ между Франціей и Германіей...» Комитетъ приводилъ и соображеніе, могущее главнымъ образомъ касаться Даніи и которое не нашло себѣ мѣста въ инструкціяхъ Бартелеми: «Тираннія надъ Европою и морями оируется на Петербургъ, Вѣну и Лондонъ. Эта преступная лига грозитъ поглощеніемъ отдѣльныхъ государствъ и свободы морей. Франція должна предотвратить угнетеніе міра. Почему бы гангскій, берлинскій, стокгольмскій, копенгагенскій и константинопольскій дворы не могли бы бороться противъ триумvirата?» Къ тому же эти государства одинаково съ Франціей заинтересованы въ томъ, чтобы Польша не была окончательно поглощена Россіей. Такимъ образомъ въ этой депешѣ такъ же, какъ и въ инструкціяхъ Бартелеми, Польша появлялась на заднемъ планѣ картины. Комитетъ еще не рѣшился ее покинуть: ему былъ неизвѣстенъ петербургскій трактатъ, и онъ еще не различалъ въ этомъ дѣлѣ, въ чемъ именно заключается непосредственный интересъ республики. Но съ обычною предусмотрительностью законниковъ, никогда ихъ не покидавшею, члены Ко-

митета озаботились прибавить, что имъ необходимо уяснить себѣ намѣренія Пруссіи и что до тѣхъ поръ они «находятъ нужнымъ отложить на нѣкоторое время тѣ мѣры, которыя могла бы принять республика въ видахъ спасенія Польши».

Бартелеми пріѣхалъ въ Базель 12-го января. Этотъ посланникъ, бывшій въ продолженіе переговоровъ III-го года фактическимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ комитета Общественнаго спасенія, былъ хорошо знакомъ со всеми обычаями и приемами дипломатическаго міра. Его профессиональныя связи въ значительной степени облегчили ему его миссію. Личное уваженіе, которымъ онъ пользовался, репутація дискретности и любезности позволили ему сгладить непріятности начала переговоровъ. Не было чловѣка, болѣе его способнаго служить звеномъ между старою и новою французскою политикою; но этотъ добросовѣстный ученикъ Верженна долженъ былъ, именно по этому главному пункту, становиться въ частыя противорѣчія съ парижскимъ правительствомъ. Онъ сумѣлъ примирять внушенія своего опыта съ осмысленнымъ повиновеніемъ получаемымъ имъ инструкціямъ. Нерѣдко онъ самъ подсказывалъ эти инструкции, не разъ оспаривалъ ихъ и успѣвалъ ихъ исправить; но когда онъ получалъ формальныя и категорическія предписанія, то думалъ только объ ихъ выполненіи и всегда дѣлалъ это съ надсажающею твердостью и тактомъ. Во время ожесточенной войны, Комитетъ нашелъ въ немъ чловѣка, доставлявшаго полезныя свѣдѣнія; теперь онъ находилъ въ немъ весьма опытнаго дипломатическаго посредника. Это было истинною находкой, и Комитетъ сумѣлъ ею воспользоваться.

Бартелеми встрѣтился съ Гольцемъ въ самый день своего пріѣзда. Они представили другъ другу свои полномочія 22-го января, и совѣщанія начались немедленно. Но едва успѣли они обозначить свои обоюдныя позиціи, какъ Гольцъ, уѣхавшій уже болѣнымъ изъ Берлина, слегъ въ постель. Онъ умеръ въ ночь съ 5-го на 6-е февраля, и хотя переговоры могли бы продолжаться съ секретаремъ его миссіи, Гарнье, но приходилось отказаться отъ надежды на непосредственное заключеніе мира.

III.

Между тѣмъ Комитетъ, опредѣливъ свои виды на ходъ переговоровъ, нашелъ нужнымъ упорядочить свои отношенія къ Конвенту. Онъ считалъ пренія опасными и желалъ ихъ избѣжать, но въ то же время онъ находилъ, что было бы неосмотрительнымъ дѣлать дальнѣйшіе шаги, не заручившись поддержкою Конвента. Вслѣдствіе такихъ соображеній онъ рѣшился на среднюю мѣру и прибѣгнулъ къ приему, уже выпутавшему его изъ

затрудненій въ декабрѣ. Одному изъ членовъ Комитета поручено было составить большой докладъ, въ которомъ изложены были бы предложенія о мирѣ и устанавливались дипломатическіе принципы. Если, какъ на то надѣялся Комитетъ, докладъ будетъ встрѣченъ съ одобреніемъ, то это одобреніе можно будетъ принять къ свѣдѣнію; можно будетъ по усмотрѣнію примѣнить къ отдѣльнымъ статьямъ доклада одобреніе, которымъ онъ былъ бы встрѣченъ въ своемъ общемъ видѣ; можно будетъ, по отношенію къ иностранцамъ, сдѣлать себѣ лишній доводъ изъ косвенно выраженныхъ намѣреній Конвента; можно будетъ, уже не стѣсняясь, продолжать тайные переговоры, такъ какъ предметъ ихъ былъ открыто признанъ Собраніемъ, а затѣмъ принести Конвенту совершившійся фактъ: большинство утвердить его, потому что онъ будетъ согласенъ съ его желаніями, а меньшинство могло бы лишь предаться безплодной критикѣ средствъ и формы. Эта процедура была ловко задумана; въ ней узнается рука Камбасереса. Такимъ путемъ Комитетъ обходилъ препятствія, которыхъ всего сильнѣе опасался. Онъ ускользалъ отъ ораторскихъ столкновеній вслѣдствіе соперничества отдѣльныхъ партій, между которыми онъ маневрировалъ. Такъ какъ при этомъ приходилось щадить умѣренныхъ и конституціонистовъ, то Комитетъ поручилъ составленіе доклада тому изъ своихъ членовъ, который былъ всего болѣе способенъ внушить довѣріе этой части Собранія, а именно—Буасси д'Англа.

Этотъ членъ Конвента произнесъ 27-го декабря 1794 г. большую рѣчь о «принципахъ пышнѣшаго правительства и объ основахъ общественнаго довѣрія». Онъ намекнулъ на эту рѣчь въ началѣ своего доклада. «Я указалъ въ одной изъ моихъ рѣчей,—сказалъ онъ 11-го плювіоза (30-го января),—на начала справедливости и лояльности, лежащія въ основѣ дѣйствій настоящаго правительства во Франціи... Я разъясню, какъ изъ установленія свободы въ этомъ обширномъ государствѣ необходимо должно произойти благополучіе всей вселенной, а это всеобщее спокойствіе должно явиться слѣдствіемъ мира, о которомъ вамъ предстоитъ вести переговоры съ сосѣдями». «Французовъ нельзя побѣдить и потому стараются ихъ оклеветать»,—продолжалъ онъ. Затѣмъ, отвергая всякую пропаганду, онъ приглашалъ Европу къ примиренію для того, чтобы бороться противъ пагубнаго «тріумвирата», стремящагося къ ея разоренію и расчлѣняющему на ея наслѣдство. Австрія желаетъ взять Баварію и подчинить себѣ Германскую имперію. Англія метитъ на захватъ міровой торговли и морей. Россія соединяетъ противъ насъ державы подъ предлогомъ заступничества за дѣло монарховъ, но въ сущности съ цѣлью «оторвать отъ насъ Эльзасъ, Лотарингію, часть Фландріи», освободиться отъ всякаго препятствія раздавить Турцію и подчинить Польшу. «Датчане,

шведы, германцы, оттоманы! подумайте объ этомъ, пока еще есть время: оно летитъ. Гремить уже громъ; Вѣна предастъ васъ; воды московскаго потока прибываютъ; второй Атилла идетъ на васъ, и вы погибнете, если не соединитесь своевременно для того, чтобы задержать этотъ разрушающій потокъ!» Республика желаетъ только мира, но мира прочнаго и справедливаго: она заключить себя въ предѣлы, которые для нея будутъ обезпеченіемъ безопасности, а для Европы — ручательствомъ за добросовѣстность Франціи. «Опасности, нами пережитыя, необходимость оградить себя отъ ихъ повторенія, примѣръ грозной лаги, стремившейся вторгнуться къ намъ и на минуту принесшей бѣдствія въ самое сердце Франціи; лежащая на насъ обязанность вознаградить нашихъ согражданъ за принесенныя ими жертвы; искреннее желаніе сдѣлать миръ прочнымъ и продолжительнымъ, все это заставляетъ насъ расширить наши предѣлы, доставить себѣ границы въ видѣ большихъ рѣкъ, горъ и моря, и обезпечить себя на цѣлый рядъ вѣковъ отъ всякаго вторженія и нападенія».

Рѣчь Буасси д'Англа была выслушана среди глубокаго молчанія. Ея заключеніе было покрыто единодушными рукоплесканіями. Собраніе рѣшило обсудить изложенныя въ ней основанія, но тотчасъ же отложило это обсужденіе и ограничилося тѣмъ, что постановило напечатать докладъ. Монтаньяры одобрили его. Бурдонъ даже поздравилъ своего коллегу Буасси по поводу «энергіи и смѣлости, съ какими онъ поставилъ столбы французскому Геркулесу». Комитетъ могъ только радоваться успѣху этого засѣданія. Конвентъ применилъ къ системѣ естественныхъ границъ, и Европа получила торжественное извѣщеніе. Что касается мотивовъ, выставленныхъ Буасси, то это были тѣ самые, которыми всегда руководились побѣдоносные завоеватели: всѣ они объявляли, что ихъ завоеваніе отмѣчаетъ конецъ войнъ и что спокойствіе человѣчества связано съ усиленіемъ ихъ могущества. Многіе сами искренно вѣрили этому; но ни одинъ не могъ убѣдить въ томъ чужеземцевъ, и въ особенности побѣжденных. Комитету Общественнаго спасенія посчастливилось въ этомъ отношеніи не болѣе другихъ, и онъ не выказывалъ большей чѣмъ бы слѣдовало увѣренности въ успѣхѣ. Онъ чувствовалъ себя сильнымъ; этого факта, по его мнѣнію, достаточно было для убѣжденія Европы; правовыя обоснованія, радужныя надежды и ссылки на законы природы предназначались для удовлетворенія Конвента: подобныя риторическія ухищренія не влекли за собою никакихъ послѣдствій внѣ сферы Собранія и, въ особенности, за предѣлами республики.

Но если Конвентъ охотно предоставлялъ комитету Общественнаго спасенія распоряжаться природою вещей, декретировать конечныя причины и перекраивать карту Европы, то оказывался несравненно менѣе сговорчи-

вымъ по вопросу о собственныхъ прерогативахъ. Пренія по существу переговоровъ, которыхъ удалось избѣжать Комитету, завязались по поводу формы съ перваго же представившагося случая и по поводу трактата, который казалось бы всего менѣе способенъ былъ вызвать страстное обсужденіе. Тоскана просила о признаніи своего нейтралитета; это великое герцогство имѣло всѣ права на такое признаніе. Франція была заинтересована въ томъ, чтобы открыть для себя торговля сношенія съ Ливорно. Манфредини былъ философомъ; Карлетти слылъ весьма сочувствующимъ Франціи и почти республиканцемъ. Комитетъ выслалъ ему паспорта 27-го января. Договоръ, обусловливавшій миръ и дружбу между Франціей и Тосканой, былъ подписанъ въ Парижѣ 9-го февраля. Ринаръ, слѣдившій за этимъ дѣломъ и вышедшій изъ Комитета 3-го февраля, долженъ былъ, по порученію Комитета, представить Конвенту докладъ по поводу ратификаціи договора. Онъ прочелъ его въ засѣданіи 22-го плювіоза—10-го февраля. Трактатъ съ Тосканой представлялся въ докладѣ какъ первое доказательство искренняго миролюбія республики и ея доброжелательства къ слабымъ государствамъ. Республика, говорилось въ заключеніи, выкажетъ тѣмъ болѣе твердость, по отношенію къ великимъ державамъ, и безпощадность относительно Англіи.

Тибодо потребовалъ напечатанія доклада и отсрочки преній. Лакомбъ Сень-Мишель, только что вступившій въ Комитетъ, указалъ, что пренія этого рода представляютъ нѣкоторыя неудобства; что если съ трибуны будутъ объявлять о причинахъ, заставляющихъ правительства добиваться мира, то многіе, уже предпринятые переговоры были бы скомпрометированы: лица, ведущія ихъ, испугаются публичности. Бурдонъ возразилъ, что право заключенія мира принадлежитъ всему Конвенту; онъ поддерживаетъ предложеніе объ отсрочкѣ для того, чтобы дать Собранію возможность обсужденія. Въ виду всего этого дипломаты Комитета старались предпринять голосованіе въ Конвентѣ. Буасси снова заговорилъ о границахъ, которыя не допустятъ уже болѣе непріятеля во Францію. «Всѣ наши дѣйствія зрѣло обдуманы», — сказалъ въ свою очередь Камбасересъ, — «и мы всегда будемъ обращаться къ Конвенту съ проектами декретовъ, которые будутъ обсуждаться имъ гласно и утверждаться, если будутъ имъ найдены согласными съ его видами... Комитетъ Общественнаго спасенія желалъ бы, чтобы вся Европа могла присутствовать на настоящемъ засѣданіи, въ которомъ всѣ члены Конвента одушевлены однимъ желаніемъ,—желаніемъ славнаго мира». Такимъ образомъ каждый разъ, когда вопросъ о мирѣ переносился на трибуну Собранія, замыселъ естественныхъ границъ выходилъ изъ преній подтвержденнымъ и болѣе и болѣе точнымъ, какъ выраженіе пожеланія самаго этого Собранія.

13-го февраля открылись пренія по поводу трактата съ Тосканою. Нѣсколько членовъ Конвента оспаривали порядокъ рѣшенія дѣла: Комитетъ, — сказали они, — подвергается разсмотрѣнію Конвента одни совершившіеся факты. Камбасересъ отвѣтилъ, что всякіе переговоры требуютъ быстроты и тайны: если будутъ гласно обсуждать прелиминаріи мира, «остальныя коалиціонныя державы стали бы враждебно относиться къ той, которая искала бы сближенія съ нами, и всѣ соединились бы противъ нея». Онъ потребовалъ, чтобы Конвентъ «подтвердилъ» тосканскій трактатъ и немедленно приступилъ бы къ обсужденію размѣра полномочій комитета Общественнаго спасенія. Голосованіе единогласно утвердило трактатъ; но тѣмъ не менѣе Комитетъ убѣдился, что если онъ хочетъ добиться необходимыхъ ему полномочій, то долженъ дѣйствовать энергически и бояться превыше всего, чтобы его не сочли обманутымъ иностранными дипломатами.

Съ своей стороны и иностранцы боялись скомпрометировать себя, благодаря комитету Общественнаго спасенія и его суровымъ демократамъ, которые могли если не прямо обойти, то поступить съ крайнею грубостью. Это опасеніе отзывалось на переговорахъ. Какъ уже ранѣе упоминалось, Годой намекалъ чрезъ своихъ посредниковъ, что условіемъ мира должно быть освобожденіе тампльскихъ узниковъ. Комитетъ нашелъ такое предложеніе неумѣстнымъ и прекратилъ всякіе переговоры съ Испаніей. 22-го января Камбасересъ внесъ докладъ о дѣтяхъ Людовика XVI и, обсуждалъ вопросъ объ ихъ дальнѣйшемъ заключеніи или высылкѣ изъ страны, сказалъ: «Продолженіе заключенія членовъ семейства Капетовъ не можетъ быть опаснымъ. Высылка же тирановъ почти всегда подготавливала ихъ возвращеніе, и еслибъ Римъ оставилъ у себя Тарквиніевъ, ему не пришлось бы бороться противъ нихъ». Устранивъ это дѣло, Комитетъ тѣмъ не менѣе желалъ возобновить переговоры съ Испаніей. «Этотъ миръ», писалъ 3-го февраля Мерленъ, снова вступавшій въ этотъ же день въ Комитетъ, «необходимъ для насъ, если мы желаемъ предохранить нашъ югъ отъ голода и всѣхъ его страшныхъ послѣдствій, успокоить умы внутри страны, прекратить на вѣки пагубную войну, продолжающую раздирать нѣкоторые изъ нашихъ департаментовъ, сократить наши расходы, чудовищные размѣры которыхъ ежедневно грозятъ намъ разореніемъ, и дать себѣ возможность собрать противъ нашихъ враговъ силы, достаточныя для ихъ окончательнаго и скорого пораженія».

Чтобы увеличить западную армію, чтобы привести итальянскую и рейнскую арміи въ такое положеніе, которое дало бы возможность напасть на Австрію съ двухъ сторонъ и раздавить ее, необходимо было располагать обѣими пиренейскими арміями. Республикѣ удалось дать отпоръ

всѣмъ своимъ врагамъ; но какъ ни была она сильна, она не имѣла возможности раздавить ихъ всѣхъ и повсюду въ одно и то же время. Миръ съ Испаніей былъ неизбежнымъ прелиминаріемъ итальянской кампаніи, которая одна только могла помочь добиться отъ Австріи уступки Нидерландовъ и согласія на присоединеніе къ Франціи лѣваго берега Рейна. Комитетъ вполне сознавалъ это, но боялся сдѣлать первый шагъ и не терпѣливо ждалъ этого шага отъ Испаніи. Онъ написалъ Грубелю, удивляясь, что Муркицъ не возобновлялъ своихъ предложеній. Периньона уполномочили возобновить переписку съ испанскими генералами. Бартеlemi поручено было намекнуть, при случаѣ, посланнику Карла IV въ Швейцаріи, что «Франція не только не желаетъ уничтоженія Испаніи, но напротивъ желала бы укрѣпить ея существованіе». Такія же инструкции отправлены были къ Лаллеману, французскому посланнику въ Венеціи. Послѣдній французскій посланникъ въ Испаніи, Бургоанъ, былъ вызванъ изъ Невера; по порученію Комитета онъ написалъ отъ своего имени двумъ испанскимъ дипломатамъ, Окарицу и Иріарте, съ которыми былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Наконецъ на честномъ словѣ освободили изъ плѣна молодого Крильона. Довезенный до границы, этотъ офицеръ встрѣтился тамъ съ представителемъ республики Гупильо Фонтенэ и сказалъ ему конфиденціально, что отецъ его готовъ отдаться въ плѣнъ на аванпостахъ: онъ достанетъ полномочія, явится въ Парижъ, поведетъ переговоры, и коалиція узнаетъ объ этомъ, когда дѣло будетъ уже кончено. «Испанія», сказалъ Гупильо, не могла бы сдѣлать болѣе пріятнаго для республики выбора уполномоченнаго». Крильонъ освѣдомился: намѣрена ли республика удержатъ за собою свои завоеванія. Гупильо отвѣтилъ: «Республика не столько заботится о расширеніи своихъ предѣловъ, сколько о томъ, чтобы заключить себя въ тѣ, которые сама природа какъ бы предназначала для ея безопасности и огражденія независимости.

Комитетъ желалъ начать переговоры и съ Сардиніей. Онъ указалъ основанія для нихъ въ письмѣ къ Бартеlemi; но эти основанія, позволявшія ничего не брать у испанцевъ, требовали сохраненія за Франціей того, что было завоевано у пьемонтцевъ: «Поручаемъ тебѣ заявить, что такъ какъ Альпы—одна изъ данныхъ самою природою границъ Франціи, то слѣдуетъ отказаться отъ всякой мысли о возвращеніи Савойи и графства ниццскаго...»¹⁾. «Но—писалъ Мерленъ 6 февраля,—Комитетъ прекрасно сознаетъ, что, лишая сардинскаго короля этихъ двухъ владѣній, онъ лишалъ бы его и всякаго политическаго вѣса и вліянія, республика же, напротивъ, должна желать, чтобы Пьемонтъ сдѣлался достаточно сильною державою для того, чтобы австрійскій домъ встрѣчалъ въ немъ по-

¹⁾ Комитетъ Бартеlemi 13 января 1795. Камбасересъ.

стоянное препятствіе своимъ видамъ на Италію... Если онъ придетъ къ соглашенію съ нами, то скоро австрійская Ломбардія доставитъ намъ для него эквивалентъ, могущій вознаградить за утраченныя въ этой войнѣ территоріи». Ломбардія была для этой итальянской Пруссіи своего рода Ганноверомъ, она служила приманкой, которая должна была поощрить къ союзу, а союзъ этотъ имѣлъ особое значеніе въ то время, когда Комитетъ думалъ о томъ, чтобы подойти къ Австріи чрезъ сѣверную Италію. Онъ поручилъ Бартеlemi передать эти соображенія въ Туринъ косвенными путями. Бартеlemi не преминулъ сообщить сардинцамъ о видахъ республики на Савойю. Онъ предупредилъ о нихъ и швейцарцевъ, желавшихъ вмѣшиваться въ переговоры, подъ предлогомъ, что, вслѣдствіе такого присоединенія, Франція будетъ тѣснить ихъ со всѣхъ сторонъ. Но положеніе офиціознаго курьера по пути изъ Швейцаріи въ Туринъ представляло нѣкоторыя опасности при томъ подчиненіи, въ которомъ австрійцы держали владѣнія Виктора-Амедея. Такъ, на примѣръ, подозрѣвая, что въ Базелѣ ведутся какіе-то подготовительные переговоры, они «велѣли убить чловека, везшаго почту изъ Швейцаріи и забрать всѣ письма». Венеціанскій дипломатъ Санъ Фермо, охотно бесѣдовавшій о Сардиніи съ Бартеlemi, сообщилъ ему объ этомъ похищеніи, которое, повидимому, сильно озабочивало его²⁾. Комитетъ отказался придать серьезное значеніе возраженіямъ Швейцаріи и поручилъ Бартеlemi дать понять ей это. Ни Савойя, ни графство Ницца не могли быть возвращены. Они уже были превращены во французскіе департаменты и имѣли своихъ представителей въ Конвентѣ. «Отъ насъ такъ же мало зависитъ уступить ихъ сардинскому королю, какъ уступить Парижъ или Версаль», писалъ Мерленъ. Сардинія должна обратить свои виды на Ломбардію и Медіоланъ, и Комитетъ расположенъ вернуться къ плану, который нѣкогда составленъ былъ по отношенію къ Италіи д'Аржансономъ, приурочивъ его къ своей политикѣ³⁾.

Чтобы продолжать войну съ Австріей, Комитетъ нуждался въ мирѣ съ Испаніей и союзѣ съ Сардиніей. Голландія находилась во власти республики; тѣ самыя причины, которыя заставляли падать Испанію и Сардинію, привели Комитетъ къ покоренію Голландіи. На этомъ примѣрѣ

²⁾ Это похищеніе связано было съ арестованіемъ Маре и Семонвилля и убійствомъ уполномоченныхъ въ Раштадѣ. Цѣль всѣхъ этихъ дѣйствій была одна: полученіе свѣдѣній о сношеніяхъ республики съ второстепенными державами.

³⁾ Комитетъ Бартеlemi 16 и 22 февраля 1795 г. Мерленъ. Донесенія Бартеlemi 16 и 22 февраля.—Duc de Broglie, *Le maréchal de Saxe et le marquis d'Argenson*, Paris 1891, t. I, p. 119—122.

всего яснѣе доказывається, что этими правителями руководила лишь государственная необходимость, *raison d'Etat*, законы же о народахъ и ихъ правахъ занимали весьма ничтожное мѣсто на ихъ совѣщаніяхъ. Сардинія была враждебнымъ государствомъ, Испанія управлялась Бурбонами, испанскій народъ ненавидѣлъ французовъ, республику и революцію; тѣмъ не менѣе Комитетъ предлагалъ Ломбардію Виктору-Амедею и намѣревался предложить Португалію Карлу IV. Голландія была республикой; революція, совершившаяся въ ней подъ покровительствомъ Франціи, только что выдвинула голландскую демократію; въ Голландіи господствовала партія, доказавшая свою преданность союзу съ Франціей, а между тѣмъ комитетъ Общественнаго спасенія заботился только объ эксплуатаціи, расчлененіи Голландіи, задержаніи свободнаго конституированія ея демократіи для того, чтобы имѣть возможность долѣе обращаться съ этою страной какъ съ завоеваннымъ краемъ и принудить ее уступить Франціи территорію, которыя онъ объявлялъ входящими въ естественныя границы французской республики.

IV.

Представители республики, посланные въ Голландію, присутствовали при совершеніи въ ней революціи; они оцѣнили ея духъ; они принимали заявленія народныхъ пожеланій; они видѣли голландцевъ, кроткихъ, привѣтливыхъ, гостепріимныхъ, восторженно относящихся къ французскимъ принципамъ, искренно восхищавшихся республиканскими арміями, полныхъ довѣрія къ неоднократнымъ обѣщаніямъ парижскаго правительства генераловъ, депутатовъ. Во всѣхъ депешахъ, посылаемыхъ этими представителями Комитету, они совѣтовали умѣренность въ пользованіи правами завоеванія: «Мы полагаемъ», писали они, «что можемъ позволить себѣ реквизиціи, необходимыя для содержанія арміи. Мы войдемъ по этому предмету въ соглашеніе съ существующими властями и такимъ путемъ устранимъ тучу агентовъ и реквизиторовъ, неспособность или безчестность которыхъ были такъ пагубны для завоеванныхъ нами странъ»¹⁾. Комитетъ нашелъ, что эти члены Конвента впадали въ чувствительность, которая могла быть пригодной для ораторовъ-философовъ завоеваннаго народа, но переставала быть умѣстной для политическихъ уполномоченныхъ побѣдоноснаго народа: они ошиблись во времени и думали, что живутъ еще въ 1792 году. Свѣтъ измѣнился, въ особенности же измѣнился самъ Конвентъ. Комитетъ поручилъ двумъ комиссарамъ сѣверной арміи,

¹⁾ Донесенія комиссаровъ комитету Общественнаго спасенія 21 января (2 пювіоза) 1795.

Кошону и Рамелю отправиться въ Голландію, наблюдать за ея дѣлами безъ всякой предвзятости и напомнить коллегамъ о требованіяхъ дѣйствительности²⁾.

Кошонъ-де-Лаппаранъ, экскъ-совѣтникъ въ уѣздномъ судѣ въ Пуатье, и Рамель-де-Ногаре, бывшій королевскій адвокатъ въ Каркассонѣ, оба подавали голосъ за казнь Людовика, оба были законниками и членами комитетовъ, слыли авторитетными людьми, ставили высоко интересы фиска, неспособны были руководиться чувствомъ въ дѣлахъ, подчинять интересы принципамъ и вообще были вполнѣ не космополитическими политиками. Они пріѣхали въ Гагу 10 февраля и присоединились къ Белльгарду, Алкье, Жуберу, Лакосту, Робержо, Гаусману и Фресину. Эти девять членовъ Конвента образовали настоящій комитетъ по батавскимъ дѣламъ. Кошонъ и Рамель нашли своихъ товарищей подъ впечатлѣніемъ пріема, сдѣланнаго имъ въ голландской столицѣ: «Намъ сдѣлали визиты посланники: Соединенныхъ Штатовъ, шведскій, датскій, польскій и даже русскій и португальскій», объявили они. «Всѣ эти представители выразили національному представительству величайшее вниманіе». Французскіе комиссары, съ своей стороны, отвѣчали такою же внимательностью; сверхъ того они поручились за безопасность, давали паспорта и доказали иностранцамъ, что члены Конвента знаютъ цѣну и понимаютъ смыслъ дипломатическихъ вѣжливостей.

Въ это время представители республики получили актъ, подписанный 3 февраля и извѣстный подъ именемъ Зеландской капитуляціи. Этимъ актомъ обезпечивалось Франціи покорность острововъ и владѣніе Флессингскимъ портомъ; жителямъ обезпечивалась ихъ независимость, неприкосновенность имущества и религіозная свобода. Такимъ образомъ вся Голландія была во власти республики. Кошонъ и Рамель, не колеблясь, присоединились къ товарищамъ въ дѣлѣ признанія этой мѣры и поспѣшили извѣстить о ней Комитетъ. «Ничего другого нельзя было бы сдѣлать», написали нѣсколько дней спустя Кошонъ и Рамель. «Если бы жители захотѣли защищаться, было бы крайне трудно, чтобы не сказать прямо невозможно, проникнуть вглубь страны, покрытой густо населенными городами и изрѣзанной множествомъ каналовъ и рѣкъ. Къ тому же самыя значительныя крѣпости, каковы: Бреда, Бергенъ-опъ-Цомъ, Наарденъ и нѣсколько другихъ еще держались и даже не подвергались нападеніямъ. Вторженіе въ Зеландію было бы невозможно, если бы она вздумала защищаться, а между тѣмъ нельзя было терять ни минуты, потому что мы

²⁾ Постановленіе 8 пювіоза—27 января 1795 г. Члены комитета: Камбасересъ, Карно, Буасси, Дюбуа-Крансе, Пеле, Пріеръ-де-ла-Марнъ, Гюйтонъ, Ришаръ, Дюмонъ, Марекъ, Шазаль, Бреаръ.

можемъ засвидѣтельствовать, что если бы вторженіе въ Голландію было отложено хотя бы на двѣ недѣли, наши войска безусловно принуждены были бы отступить и очистить Бельгію, вслѣдствіе недостатка въ провіантѣ».

Итакъ, голландская резолюція совершалась мирнымъ путемъ и въ самомъ благоприятномъ для французской республики направленіи. 6-го февраля Генеральные Штаты упразднили штатгальтерство; 16-го они рѣшили извѣстить французскій народъ о провозглашеніи въ Голландіи *Права человека*, независимости батавскаго народа, его верховной власти; наконецъ, новая республика выражала желаніе войти въ сношенія съ Франціей, какъ «равная и независимая», и образовать прочный и одинаково выгодный для обоихъ народовъ союзъ. Голландцы дали и явное доказательство своего расположенія къ Франціи: постановленіе ихъ временнаго правительства вводило въ обращеніе французскія ассигнаціи. Комиссары отвѣтили на это возстановленіемъ 18-го февраля торговыхъ сношеній съ Франціей. Наканунѣ Кошонъ и Рамель писали своему правительству: «Мы можемъ извлечь пользу изъ этой страны или силою, или доверіемъ. Последнее средство будетъ прочнѣе и вѣрнѣе, но оно дѣйствуетъ медленно, по-голландски, а нужды наши настоятельны и не терпятъ отлагательствъ. Войска, въ особенности самбро-маасская армія, нуждаются во всемъ; товарищъ нашъ Жилье извѣщаетъ, что провіанта остается только на пять дней. Бельгія истощена, жители доведены до отчаянія. Мы распорядились доставкою отсюда временной помощи зерномъ и фуражемъ... Теперь уже мартъ, и австріецъ можетъ скоро возобновить кампанію и застать наши войска безъ перевозочныхъ средствъ, безъ запасовъ въ укрѣпленныхъ пунктахъ». Невозможно было бы прибѣгать къ насилію послѣ данныхъ Голландіи обѣщаній; «но если бы мы и захотѣли, то не могли бы это сдѣлать. Наша армія разбросана по всѣмъ городамъ Голландіи, и въ случаѣ общаго возстанія, къ которому непременно присоединились бы и бельгійцы, войска наши подверглись бы величайшимъ опасностямъ».

То была истина и даже политика; но этого нельзя было сказать Конвенту. Весь авторитетъ Комитета вытекалъ изъ военнаго престижа и успѣха завоеваній республики. Можно ли было заговорить съ трибуны объ изнуреніи французскихъ войскъ и шаткости ихъ положенія въ занятой ими странѣ въ ту минуту, какъ завязаны были переговоры съ Пруссіей и старались сдержать Австрію. Комитетъ долженъ былъ сумѣть поставить себя и по отношенію къ иностранцамъ, и по отношенію къ Конвенту. Когда 28-го пювюза—16-го февраля—было сообщено ему о капитуляціи Зеландіи, это извѣстіе встрѣчено было сильнѣйшимъ ропотомъ. Сила ве-

щей, вызывавшая съ ноября 1792 г. необходимость завоеванія Голландіи, какъ слѣдствіе завоеванія Бельгіи, и сдѣлавшая французское господство въ Голландіи условіемъ системы естественныхъ границъ, поневолѣ заставляла признавать себя. Всѣмъ приходили на память слова Дантона: «Возьмемъ Голландію, и Кароагенъ будетъ въ нашихъ рукахъ!»—Мы желаемъ свободы и возрожденія батавскаго народа,—сказалъ Матье³⁾;—но «онъ не долженъ удивляться нашей строгости: строгость свойственна мужеству и несетъ въ себѣ успокоеніе. Намъ слѣдуетъ убѣдиться, дѣйствительно ли голландцы будутъ намъ союзниками, хотѣли ли они представить капитуляцію или нейтралитетъ... Голландія можетъ окончательно сбросить съ себя штатгальтерство, только разбивъ всѣ пружины Англіи... Мы должны начать разрушеніе Лондона изъ Амстердама и Гаги». Рѣчь Матье ежеминутно прерывалась рукоплесканіями. Въ засѣданіи 20 февраля Карно попытался отстоять капитуляцію: она, по его словамъ, ограждала одну частную собственность, государственная же принадлежитъ побѣдителю. Наши товарищи, прибавилъ онъ, «увлеченные своими великодушными чувствами», провозгласили, «что батавскому народу предоставлено будетъ вполне самостоятельно измѣнять или улучшать свою конституцію»; но это заявленіе не можетъ распространяться на приверженцевъ Англіи. Франція связана только естественнымъ правомъ, правомъ каждаго народа быть свободнымъ, если онъ не лишаетъ свободы другихъ. Великое слово природы всегда обладало способностью успокаивать Конвентъ: слово это было пышно, туманно и покорно толкованіямъ. Конвентъ любилъ его именно потому, что могъ толковать его по своему желанію и видѣлъ въ немъ символъ своего всемогущества. Карно защищалъ Комитетъ отъ упрека въ томъ, что онъ «не извлекъ изъ столь блестящей экспедиціи всѣхъ выгоды, которыя она, повидимому, обѣщала». Онъ отвергъ обвиненіе, что «побѣдители какъ бы подчинялись въ Голландіи побѣжденнымъ». Прочитавъ депеши Комитета, онъ доказалъ твердость принятыхъ имъ мѣръ и подтверждалъ, что будутъ всегда достигаться надлежащіе результаты. Съ республики снята, такъ сказать, блокада, сказалъ онъ; «мы приобрѣли свободу судоходства на трехъ рѣкахъ, обширная провинція отторгнута отъ наслѣдія Англіи, въ нашемъ распоряженіи находится обширный флотъ». Представитель Ришаръ, прибавилъ онъ, вышелъ изъ Комитета 15 нивоа; онъ отправился въ Голландію: онъ энергиченъ, ему хорошо извѣстны намѣренія Комитета, и онъ сумѣетъ привести ихъ въ исполненіе.

³⁾ Mathieu-de-Mirampal (депутатъ отъ Узскаго деп.), журналистъ, подавалъ голосъ за казнь Людовика XVI, термидоріанецъ, изъ *пятисотъ* и членъ трибуна: directeur des droits réunis въ Жирондск. деп. послѣ въ 1804 г.

На этот раз Конвентъ выразилъ свое одобреніе; дѣло въ томъ, что онъ и не могъ требовать ничего большаго, кромѣ, впрочемъ, полного присоединенія Голландіи. Но чтобы получить одобреніе Собранія, Комитетъ принужденъ былъ связать себя обязательствомъ. Теперь приходилось заставлять голландцевъ согласиться на миръ въ римскомъ вкусѣ. Комитетъ намѣревался примѣнять принципъ естественныхъ границъ со всѣми его послѣдствіями, а этотъ принципъ требовалъ включенія въ предѣлы Франціи всѣхъ голландскихъ владѣній на лѣвомъ берегу Рейна. Вечеромъ того же дня, Мерленъ написалъ комиссарамъ въ Гагу. Они должны были подготовить умы къ мирному трактату, могущему оградить Францію отъ новыхъ нападений и вознаградить за ея громадные расходы. «Республика, заключая миръ, должна воспользоваться своими побѣдами для доставленія своей территоріи границъ, способныхъ импонировать ея врагамъ, а потому мы полагаемъ, что Соединенныя Провинціи могли бы на будущее время отдѣляться отъ Франціи Вааломъ и Маасомъ до его устья». Къ этому слѣдуетъ прибавить вознагражденіе за издержки или денежныя субсидіи, размѣръ которыхъ будетъ установленъ впоследствии; далѣе, передать часть военного флота, магазины, охрану укрѣпленныхъ пунктовъ. «Наконецъ, вы должны сильно настаивать на заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза и должны поставить его предварительнымъ условіемъ всякаго другого соглашенія. Какъ вамъ извѣстно, этотъ союзъ былъ обѣщанъ въ прокламаціи 1 плювіоза, и онъ уже самъ по себѣ могъ бы мотивировать всѣ вышеуказанныя требованія».

Комитетъ считался только съ желаніями Конвента; комиссарамъ, посланнымъ въ Голландію, приходилось считаться съ дѣйствительностью. Въ тотъ самый день, когда Карно, въ видахъ исправленія впечатлѣній засѣданія 28 плювіоза, намѣтилъ передъ Собраніемъ планъ подчиненія и расчлененія Голландіи, представители республики въ Гагѣ извѣщали Комитетъ о прискорбномъ впечатлѣніи, вызванномъ въ этой странѣ именно засѣданіемъ 28 плювіоза.—Капитуляція Зеландіи, говорили они, спасла армію. Мы придерживались системы дружелюбія и братства, не отрѣпаясь однакоже отъ правъ побѣдителей. Если измѣнять систему, мы не можемъ здѣсь оставаться. «Если открыто и безъ всякой осторожности нарушать данныя обѣщанія, страна будетъ разорена, а сама Франція не получитъ никакихъ прочныхъ и дѣйствительныхъ выгодъ». Опасность казалась имъ настолько серьезной, что они рѣшили послать въ Парижъ Кошона для увѣдомленія о ней Комитета. Кошонъ былъ дѣловитымъ человѣкомъ; онъ принадлежалъ къ той средѣ, изъ которой выходили королевскіе интенданты. Онъ быстро и точно уяснилъ себѣ положеніе вещей. Къ Комитету онъ обратился съ весьма разумными государ-

ственными соображеніями. «Въ Конвентѣ и вообще во Франціи», сказалъ онъ, «создали себѣ ложное понятіе о Голландіи, въ которой думали найти скопленіе всѣхъ европейскихъ богатствъ». Богатство Голландіи происходитъ изъ ея торговли и національнаго хозяйства. «Если желаютъ поступать съ нею какъ съ Бельгіей, брать отовсюду реквизиціи, разорять частныхъ лицъ, то останется не болѣе того, сколько требуется для снабженія продовольствіемъ нашихъ сѣверной и самбро-маасской армій въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; но страна будетъ разорена, не доставитъ ничего въ будущемъ, и мы приобретемъ въ лицѣ голландцевъ непримиримыхъ враговъ, потому что голландецъ рѣдко прощаетъ оскорбленіе, а въ особенности вѣроломство». Внушите имъ довѣріе: они поддержатъ васъ своимъ кредитомъ; но для того, чтобы союзъ ихъ былъ искрененъ, не слѣдуетъ ихъ слишкомъ разорять. Кошонъ совѣтовалъ взять одинъ Мастрихтъ и нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ на Маасѣ; но требовать въ видѣ контрибуціи не болѣе двойной суммы налоговъ за одинъ годъ, т. е. отъ 80 до 90 милліоновъ; прибавить къ этому стомилліонный заемъ по три или четыре на сто; обезпечить себѣ пользованіе частью флота и обѣщаніе взаимно не заключать мира съ Англіей ранѣе возвращенія принадлежавшихъ Голландіи колоній. «Весьма опасаясь», заключилъ онъ, «что и эти условія покажутся голландцамъ убыточными и что они могутъ сказать вамъ: если вы до такой степени не довѣряете намъ и принимаете мѣры къ тому, чтобы держать насъ въ постоянной зависимости, то мы предпочитаемъ, чтобы съ нами обращались какъ съ завоеваннымъ краемъ: тогда каждый изъ насъ приметъ рѣшеніе и сдѣлаетъ то можетъ».

Кошонъ пріѣхалъ нѣсколькими днями ранѣе делегатовъ, которыхъ Генеральные Штаты послали въ Парижъ для переговоровъ о мирѣ, союзѣ и торговомъ договорѣ. Объ ихъ миссіи извѣстили 3-го марта представителей, находившихся въ Гагѣ. Комитету предстояло встрѣтить сопротивление, преодолѣть которое онъ могъ бы только силою, а этою силою онъ не располагалъ.

Онъ окружилъ себя престижемъ, но блескъ этого престожа не могъ быть продолжительнымъ. Республика нуждалась въ мирѣ съ Пруссіей, съ Голландіей, съ Испаніей и съ Сардиніей, чтобы имѣть возможность сосредоточить свои военныя силы противъ Австріи; условія, которыя Комитетъ имѣлъ притязаніе поставить Пруссіи, Голландіи, Испаніи и Сардиніи, имѣли единственную цѣль доставленіе успѣха именно этимъ военнымъ силамъ. Всѣ переговоры Комитета громоздились одни на другіе и всѣ покоились на одномъ и томъ же шаткомъ основаніи. Все было предпринято, и ничего не было упрощено: стоило только ускользнуть однимъ сношеніямъ, и рухнули бы всѣ остальные; стоило произойти малѣйшей задержкѣ въ

тѣхъ или другихъ переговорахъ, и армія, служившая основой всему, грозила распаденіемъ, вслѣдствіе недостатка въ средствахъ существованія. Изъ этого вытекала необходимость утратить Голландію отпаденіемъ Пруссіи отъ коалиціи, заставить пруссаковъ ускорить свое рѣшеніе, подчинивъ Голландію республикѣ, и увлечь Испанію и Сардинію примѣромъ двухъ другихъ державъ. А до тѣхъ поръ приходилось жить не иначе, какъ на счетъ завоеванныхъ странъ. Послѣднія доведены были до крайности. Если гдѣ-нибудь вспыхнулъ бы мятежъ, онъ превратился бы въ общее бѣдствіе. Комитетъ ясно видѣлъ эту опасность: донесенія комиссаровъ не оставляли ему ни малѣйшей иллюзіи.

Несмотря на блистательный успѣхъ и могущество, проявленное Франціей съ 1793 г., положеніе Нишегрю въ Голландіи оставалось почти такимъ же непрочнымъ, какъ и положеніе Дюмуре въ Бельгіи. Какая-нибудь смѣлая выходка коалиціи, возвращеніе къ ней пруссаковъ, возобновленіе наступленія съ ея стороны—и пришлось бы снова стать лицомъ къ лицу съ бѣдствіями 1793 года. «Граждане и товарищи,—писали комиссары, находившіеся при сѣверной и самбро-маасской арміяхъ,—мы обязаны сказать вамъ правду: Бельгія разорена и доведена до отчаянія. Въ случаѣ отступленія французскихъ войскъ, могло бы произойти повтореніе *Сицилійской вечерни*». Населеніе умоляло о пощадѣ и взывало къ справедливости. Лютихцы послали депутацію въ Парижъ 23 февраля, Гентцы—5 марта: по ихъ словамъ на нихъ наложили 7-ми миллионную контрибуцію, равнявшуюся болѣе, чѣмъ суммѣ налоговъ за десять лѣтъ. Никогда не терпѣли бельгійцы такихъ строгостей, даже отъ худшихъ изъ своихъ тирановъ: Филиппа II, Людовика XIV и Людовика XV. «Неужели же вернулись старыя варварскія времена и неужели послѣ 9 термидора право завоеванія сдѣлалось правомъ конечнаго истребленія?»⁴⁾—Бельгія, писали администраторы, уплатила отъ 32 до 33 миллионъ звонкою монетою: для полученія ихъ приходилось брать заложниковъ, истощать страну, продавать за безцѣнокъ государственныя земли. Остается собрать 23 миллиона; «нѣтъ ни нравственной, ни даже физической возможности получить хотя бы половину звонкою монетою». Люксембургъ уплатилъ 400.000 ливровъ. «Этотъ край опустошенъ, частію выжженъ и не поправится ранѣ, какъ лѣтъ черезъ двадцать: съ него ничего нельзя уже требовать».

Бельгійцы просили о присоединеніи къ Франціи какъ объ облегченіи сравнительно съ завоевательскимъ режимомъ. Они ссылались на выраженные въ 1793 г. пожеланія и декреты. Комитетъ кончилъ тѣмъ, что согласился на эту просьбу, принявъ во вниманіе, что «обоюдная польза

⁴⁾ BORGNET, ch. XXII.

обоихъ народовъ требуетъ, повидимому, чтобы Бельгія присоединена была къ Франціи, а несогласно было бы съ благосостояніемъ республики лишать эту страну средствъ, необходимыхъ для промышленности ея населенія»; отменены были наиболѣе утѣснительныя и убыточныя мѣры; общиннымъ управленіямъ возвращено было право располагать своими доходами, контрибуція звонкою монетою сокращена была до одной четверти прежней суммы и эмигрантамъ непривилегированныхъ сословій обезпечено было возвращеніе на родину⁵⁾.

Пришлось поступить такимъ же образомъ въ полосу между Маасомъ и Рейномъ. «Этотъ край разоренъ года на три», писалъ комиссаръ Жилле. «Что осталось? Ничего, или почти ничего... Мы ведемъ войну не съ народами; мы не хотимъ доводить ихъ до отчаянія». Робержо бывший священникъ, нѣчто въ родѣ савойскаго викарія республики, посланный комиссаромъ, писалъ изъ Ахена: «Этотъ край находится въ состояніи какого-то остоленія». Конвентъ послалъ туда мозельскаго депутата Беккера, гуманнаго, умѣреннаго человѣка и хорошаго администратора, который произвелъ разслѣдованіе объ излишнихъ требованіяхъ и загладилъ ихъ послѣдствія по мѣрѣ возможности. Ему удалось внушить довѣріе населенію, возстановивъ порядокъ и проявивъ участіе къ потерпѣвшимъ. Вслѣдствіе донесеній этихъ представителей, Комитетъ снялъ секвестръ съ имущества мнимыхъ эмигрантовъ, оказавшихся простыми бѣглецами, и далъ имъ возможность вернуться. Также какъ и въ Бельгіи, населеніе желало быть присоединеннымъ, лишь бы избавиться отъ войны и сопряженныхъ съ нею бѣдствій. Оно требовало правильно установленнаго правительства и пользованія благами этой революціи, о которой возвѣщали имъ какъ объ избавленіи и съ которой до сихъ поръ они испытывали одни суровыя мѣры⁶⁾. Но для того, чтобы присоединить Бельгію и лѣвый берегъ Рейна, чтобы перенести въ другія мѣста арміи республики и содержать ихъ на счетъ другихъ народовъ, нужно было подвинуть дѣло заключенія мира. Комитетъ вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ исхода переговоровъ съ Пруссіей; онъ отдавалъ себѣ однако отчетъ въ необходимости уступокъ по нѣкоторымъ статьямъ и такимъ-то образомъ весьма скоро пришелъ къ рѣшенію пожертвовать Польшей.

⁵⁾ BORGNET. Arrêté du Comité de salut public, 25 germinal 1795. (Постановленіе комитета Общественнаго спасенія 14 апрѣля 1795 г.)

⁶⁾ Донесеніе Робержо, 16 фруктидора—21 сентября 1795 г. Донесеніе Беккера, 25 преріаля—13 іюня 1795 г. Донесеніе Дюбуа и Робержо, 1 флореаля—20 апрѣля 1795.—*Moniteur*, t. XXVI, p. 29, 307, 683—688. REMLING, t. II. VENEDEY.

V.

Подобныя уступки были вынуждены затруднительными обстоятельствами. Принципами и чувствами еще не желали поступаться. Демократы III года еще умилялись и воспалялись по поводу народных страданій въ своихъ докладахъ, читанныхъ съ трибуны, или въ заранѣ составленныхъ рѣчахъ; но умиленіе и экзальтація исчезли изъ ихъ совѣщаній и не проявлялись съ прежнею непосредственностью. Независимость и верховная власть другихъ народовъ почитались теперь дѣломъ второстепеннымъ; правители республики доказали своими проектами, касавшимися Голландіи, что ихъ не смущалъ раздѣлъ чужой страны даже въ томъ случаѣ, когда эта страна сама была республикой. Польская же революція носила къ тому же характеръ аристократическій. Костюшко слишкомъ напоминалъ Лафайета для того, чтобы внушить серьезное сочувствіе къ своимъ замысламъ. Но Польша представляла собою часть того политическаго механизма, который они нашли развинченнымъ и разстроеннымъ въ арсеналѣ стараго режима и который они намѣревались привести въ порядокъ. Они держались за Польшу по такимъ же соображеніямъ, по какимъ дорожили турецкой имперіей, то есть ради того, чтобы, образовавъ союзъ между этими двумя государствами и присоединивъ къ нимъ Данію и Швецію, направить ихъ всѣхъ противъ Россіи.

Швеція сама шла къ нимъ навстрѣчу, и они желали бы связать съ нею остальныхъ. Баронъ Сталь получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Парижъ для возобновленія переговоровъ, которые были не прекращены, а отложены во время террора. Онъ явился 23-го января, а 24-го уже получилъ аудіенцію. Комитетъ выразилъ желаніе, чтобы до начала переговоровъ Сталь былъ официально аккредитованъ въ качествѣ посланника. Члены Конвента придавали значеніе этому дѣлу, такъ какъ оно повлекло бы за собою признаніе французской республики Швеціей, а также и Турціей.

Хотя агенты коалиціи и обвиняли турецкихъ министровъ въ «якобинствѣ» и пристрастіи къ французскимъ демагогамъ¹⁾, тѣмъ не менѣе эти министры откладывали насколько могли мѣру, которая, по ихъ мнѣнію, скомпрометировала бы Турцію. Декоршъ, котораго они утомляли проволочками, вознаграждалъ себя тѣмъ, что сажалъ деревья свободы въ Османской имперіи и издавалъ на турецкомъ языкѣ бюллетени о побѣ-

¹⁾ Кочубей Воронцову, 25-го августа 1794 г. Архивъ кн. Воронцова, т. XVII, с. 80.

дахъ республики²⁾. Въ концѣ концовъ онъ добился только любезныхъ словъ и осторожныхъ заявленій о посредничествѣ. «Все сводится къ нотѣ, въ которой Порта предлагаетъ послать уполномоченнаго на общеевропейскій конгрессъ... читаемъ въ запискѣ, составленной въ мартѣ того года: «Едва ли можно было добиться болѣе крупныхъ результатовъ въ положеніи Декорша, не получавшаго ни инструкцій, ни поддержки и предоставленнаго на произволъ судьбы». Но Декоршъ дискредитировалъ себя своими неудачами. Комитетъ замѣтилъ его Вернинакомъ, доказавшимъ свою полезность въ Швеціи. Онъ былъ назначенъ въ концѣ февраля.

Между тѣмъ слухъ о новомъ раздѣлѣ Польши распространился по Европѣ. Въ Парижѣ это извѣстіе дошло въ концѣ февраля. Комитетъ разсудилъ, что только бесполезнымъ образомъ усложнилъ бы собственныя дѣла, если бы примѣнялъ къ нимъ еще и польскія. Пруссіи невыгодно было ссориться съ Россіей ради спасенія Польши. Если Комитетъ и питалъ какія-нибудь иллюзіи относительно безкорыстія Фридриха-Вильгельма, то достаточно было выслушать рѣчи Гарнье и ознакомиться съ мнѣніями Гольца, резюмированными Бартелеми, чтобы утратить ихъ навсегда. «Комитетъ Общественнаго спасенія», — говорится въ нотѣ 21-го февраля, — «отложивъ обсужденіе польскаго вопроса въ переговорахъ своихъ съ Пруссіей, не можетъ и не желаетъ принимать никакого окончательнаго рѣшенія при настоящихъ обстоятельствахъ». Однако, Комитетъ не имѣлъ намѣренія отказываться отъ выгодъ, которыя могли быть доставлены ему польской диверсіей, а равно и допустить разрушеніе одного изъ оплотовъ Франціи въ Европѣ, не попытавшись поддержать его хотя бы косвеннымъ путемъ. Эту заботу онъ возложилъ на турокъ и поручилъ Вернинаку убѣдить ихъ.

Въ инструкціяхъ, данныхъ этому посланнику, значилось, что, въ случаѣ конгресса для обсужденія общаго мира, Порта должна имѣть на немъ представительство. Главнымъ предметомъ миссіи Вернинака была Польша. Республика не признаетъ раздѣла этого государства даже въ томъ случаѣ, если не найдетъ себя обязанною ему противиться. Она рассчитываетъ, что Порта воспротивится совершенію раздѣла. Для Турціи это—вопросъ жизни и смерти, такъ какъ, раздѣливъ Польшу, державы—участницы раздѣла—обратятся къ турецкой имперіи и будутъ отнынѣ искать именно въ ней вознагражденій за потери, понесенныя отъ Франціи. Вернинакъ долженъ былъ побуждать турокъ дѣйствовать, если то окажется возможнымъ, по соглашенію съ Швеціей и Даніей. «Слѣдуетъ подготовить уни-

²⁾ Донесеніе Декорша о своей миссіи 18 мессидора III года—6-го іюня 1795 г.

женіе Австріи по отношенію къ республикѣ и нанести ударъ высококомѣ-рію Англіи ³⁾).

Въ видахъ содѣйствія своему посланнику и подготовленія путей для новаго возстанія въ Польшѣ, Комитетъ поручилъ находившемуся въ то-скливомъ бездѣйствіи Стамати выѣхать изъ Германіи и отправиться съ тайной миссіей въ Яссы и Бухарестъ. Стамати самъ выработалъ планъ своихъ дѣйствій. Онъ долженъ былъ возбудить молдаванъ и валаховъ противъ Россіи и попытаться устроить союзъ между ними и поляками ⁴⁾. Комитетъ, охотно прибѣгавшій къ прецедентамъ, не сообразилъ, что въ этомъ случаѣ онъ повторяетъ одинъ изъ самыхъ неудачныхъ способовъ старой королевской дипломатіи. Силою обстоятельствъ онъ былъ вынужденъ для предотвращенія послѣдняго раздѣла Польши обратиться къ пустой уловкѣ, придуманной Шуазелемъ для предупрежденія перваго ⁵⁾. Это была та же комбинація второстепенныхъ государствъ и та же роль «Суфлера Мустафы», которую собирались возобновить въ Константинополѣ. Время было, конечно, другое, и республика 1795 г. обладала военнымъ престижемъ, котораго лишена была монархія въ 1768 г. Но относительно лиги второстепенныхъ державъ и Польши продолжали существовать тѣ же препятствія, потому что вытекали они не изъ большаго или меньшаго могущества Франціи, а изъ самаго устройства европейскихъ государствъ. Союзъ съ Австріей, лежавшій въ основѣ системы Шуазеля, парализовалъ его замыселъ относительно Польши и Востока. Трактатъ съ Пруссіей, на которомъ построилъ свою систему комитетъ Общественнаго спасенія, повлекъ за собою такіе же послѣдствія: прусскій король не только не желалъ возстановленія Польши, но соглашался договариваться съ французскою республикою только для того, чтобы удобнѣе обобратъ польскую республику.

³⁾ Комитетъ Верниаку 21—26 февраля и 28 марта 1795 г.

⁴⁾ Стамати Комитету 7-го и 8-го февраля 1795 г. *Réflexions sur la mission en Moldavie et en Valachie du citoyen Stamaty*. Instructions de Stamaty, 28 mars 1795.

⁵⁾ *La question d'Orient au dix-huitième siècle*. A. SOREL, 2-me édition, p. 21—26.

ГЛАВА III.

Трактатъ 16-го жерминаля.

1795.

I.

«Я полагаю»,—писалъ Бартелеми,—«что прусскій король согласится на заключеніе мира; это будетъ зависть отъ насъ; но мы должны отказаться отъ мысли заставить его сыграть великодушную роль. Онъ никогда не пойметъ этого языка. Онъ охотно вознаградитъ себя на счетъ Польши и сосѣднихъ германскихъ государей за потери свои на лѣвомъ берегу Рейна. Сблизится же онъ съ нами только тогда, когда будетъ вынужденъ къ тому боязнью дальнѣйшихъ успѣховъ Россіи» ¹⁾. То, что происходило въ Берлинѣ, вполне оправдывало эти предположенія ²⁾. 7-го января, то есть въ тотъ самый день—когда комитетъ Общественнаго спасенія излагалъ Гарнье условія мира, русскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ, Алопеусъ, вручилъ прусскимъ министрамъ знаменательный меморій. Тауэнцинъ объявилъ въ Петербургѣ, что если Австрія будетъ требовать Краковское и Сандомирское воеводства, то Пруссія, не желая дѣлать ей такой уступки, предпочтетъ отказаться отъ раздѣла. «Императрица,—говорилъ Алопеусъ,—крайне удивлена тѣмъ, что Пруссія предлагаетъ сохранить Польшу. Подобное желаніе, конечно, можетъ возникнуть въ сердцѣ, но должно быть тотчасъ же подавлено, потому что оно не согласуется съ природою вещей...» Итакъ, раздѣлъ рѣшенъ и очевидно, что Австрія совѣщалась по этому вопросу съ Россіей, а можетъ быть и заключила съ нею тайное соглашеніе. Въ то же время слухи о тайныхъ переговорахъ между Австріей и комитетомъ Общественнаго спасенія приобрѣтали опредѣленный характеръ: говорили, что Тугутъ поручилъ эту миссію тосканскому посланнику Карлетти. Наконецъ французы овладѣли Голландіей. Пруссію тѣснилъ на востокъ австро-русскій союзъ, а на западѣ на нее напирала французы: если она не приметъ свои мѣры, противники соеди-

¹⁾ Донесеніе Бартелеми, 13-го плювіоза—1-го февраля 1795 г.

²⁾ См. *Revue historique*, t. VI, p. 330—340. PHILIPPSON, t. II, ch. III, p. 93. О роли Гаугвица см. у TREITSCHKE, t. I, 139.—BAILLEU, *Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807*, Leipzig, t. I, XXI.—MARTENS, VI, 168.—ZEISSBERG, t. V.

няться противъ нея и лишать ее всѣхъ вознагражденій, какъ въ Германіи, такъ и въ Польшѣ. Подъ этимъ страхомъ ничего не получить ни съ какой стороны, пруссаки должны были найти болѣе выгоднымъ уступить французамъ, такъ какъ путемъ сдѣлки съ Франціей они могли приобрести нѣсколько германскихъ территорій и, заключивъ миръ съ республикою, воспользоваться имъ для того, чтобы взять въ Польшѣ то, что найдутъ для себя удобнымъ.

Такую-то задачу рѣшали пруссаки въ то время, когда получено было ими донесеніе Гарнье и «разъясненія комитета Общественнаго спасенія». Комитетъ настаивалъ на рѣшеніи грознаго вопроса о лѣвомъ берегу Рейна, вопроса, который такъ желательно было Пруссіи отложить до другого времени. Финкенштейнъ, Альвенслебенъ и Гаугвицъ, или, какъ ихъ называли, «тріумвиратъ», принялись обсуждать дѣло по всѣмъ правиламъ искусства. Они изощрялись во всѣхъ возможныхъ тонкостяхъ для того, чтобы въ концѣ концовъ придти къ необходимости уступки. Ни одинъ изъ этихъ трехъ министровъ не обладалъ ни умомъ, ни взглядами истинно-государственного человѣка. Они не умѣли оцѣнить настоящимъ образомъ дѣйствительныя силы ни Франціи, ни Пруссіи, не имѣли яснаго представленія и объ остальной Европѣ; они рѣшали дѣло какъ какую-нибудь тяжбу помѣщика изъ-за межевыхъ столбовъ, думая только о расширеніи вотчины своего господина и не заботясь о послѣдствіяхъ, которыя повлечетъ за собою это расширеніе для самой вотчины.

Прусская армія не тронута, сказалъ Финкенштейнъ, французскія войска должны давать одновременный отпоръ на всѣ фронты; прусская казна пуста, но и французскіе финансы не въ лучшемъ состояніи. Франція настолько же нуждается въ мирѣ, какъ и Пруссія. При нѣкоторой твердости Пруссія можетъ заставить Францію отказаться отъ излишнихъ требованій. Гарденбергъ писалъ въ томъ же духѣ, ссылаясь въ подтвержденіе своего мнѣнія на письма, получаемыя отъ Малле дю-Пана: Франція изображалась въ нихъ истощенною, нетерпѣливо ожидающею заключенія мира, а Собраніе, Комитетъ и общественное мнѣніе—разъединенными по вопросу о завоеваніяхъ. Альвенслебенъ находилъ, напротивъ, что если миръ необходимъ для Пруссіи, то для Франціи онъ только полезенъ. Если снова загорится война на Рейнѣ, повторялъ онъ, Пруссіи придется вѣдаться со всей Европой. Ни Франція послѣ своихъ успѣховъ, ни Австрія и Россія, которыя заключили между собой союзъ, не захотятъ отказаться отъ своихъ притязаній. Слѣдовательно, мы должны соединиться съ Франціей, предоставить ей лѣвый берегъ Рейна подъ условіемъ вознагражденія Пруссіи и обезпеченія за нею выѣстъ съ настоящими ея владѣніями польскихъ земель до Вислы.

Итакъ, на одной сторонѣ стояло соблюденіе трактатовъ, общее дѣло монарховъ, цѣлостность Имперіи, но и отсутствіе барышей или весьма сомнительныя выгоды, война въ перспективѣ и, въ случаѣ пораженія, подчиненіе Австріи и Россіи; на другой сторонѣ—нарушеніе обязательствъ и принципа, Германія, предоставленная во власть Франціи, но за то и приобретенія повсюду: здѣсь—церковныя владѣнія, тамъ—староства, а слѣдовательно—земли, доходы и подданные. Задача была крайне трудна для прусскаго короля, цѣнившаго приобретенія, но желавшаго сохранить лояльность. Гаугвицъ попытался примирить интересы государства съ честью государя.—Пруссійскій король, замѣтилъ онъ, не можетъ уступить лѣваго берега Рейна, такъ какъ владѣть въ этомъ краѣ лишь клочками земли и даже отъ этихъ клочковъ не можетъ отказаться иначе, какъ съ согласія сейма, которому одному принадлежитъ согласиться на расчлененіе Имперіи.—Гаугвицъ предложилъ поэтому оставить вопросъ объ окончательной уступкѣ лѣваго берега Рейна до общаго мира, оставить въ неопредѣленномъ положеніи судьбу прусскихъ владѣній въ прирейнскомъ краѣ и условиться только въ томъ, что, въ случаѣ присоединенія ихъ къ Франціи, «обоюдная польза обѣихъ странъ потребуетъ соглашенія по поводу какого-нибудь обмѣна и равноцѣннаго приобретенія».

Король согласился съ этимъ предложеніемъ, отсрочивавшемъ вопросъ о Рейнѣ и дававшемъ возможность безпрепятственно заняться Польшей. Составленные въ такомъ смыслѣ инструкціи посланы были 28 января графу Гольцу. Что касается перемирія, то пруссаки отказались отъ него. Спрошенный королемъ военный совѣтъ отвѣтилъ, что слѣдуетъ предоставить Майнцъ охранѣ австрійскихъ войскъ и прикрыть прусскія владѣнія въ Вестфаліи и восточномъ Фризѣ. Вслѣдствіе этого армія получила приказъ образовать линію, центръ которой долженъ находиться въ Оснабрюкѣ, лѣвый флангъ—тянуться до окрестностей Гиссена и Гайнау, а правый—по Эмсу до Эмдена. Везельскій гарнизонъ, при сліяніи Липпы и Рейна, предполагалось усилить. Распоряженія эти имѣли двойную цѣль: они облегчали заключеніе мира, отдаляя прусскія войска отъ территорій, занятыхъ французами, и въ то же время они давали Пруссіи, въ случаѣ неуспѣшности переговоровъ, возможность защищать сѣверную Германію и согласиться съ Англіей на случай возобновленія военныхъ дѣйствій ³⁾.

Пруссійскій король подавался на миръ, какъ ранѣе давалъ увлечь себя къ переговорамъ путемъ различныхъ ухищреній и уловокъ. Онъ шелъ на встрѣчу къ республикѣ колебаясь и не переставая глядѣть въ сторону Варшавы. Всѣ политическіе виды его сосредоточивались на Польшѣ, сердце

³⁾ *Revue historique*, t. VII, p. 19—27.

же его принадлежало коалиции. Онъ не терялъ надежды на примиреніе съ нею и на то, что она войдетъ въ его интересы при раздѣлѣ. Онъ еще надѣялся порвать начатыя съ Франціей переговоры, по извлеченіи изъ нихъ желательныхъ результатовъ. Итакъ, въ этомъ берлинскомъ кабинетѣ, одинъ изъ министровъ, Финкенштейнъ, хотѣлъ во всемъ отказать Франціи, даже подъ страхомъ войны; другой, Альвенслебенъ, совѣтовалъ немедленно заключить съ нею союзъ и придти къ соглашенію по вопросу о приобрѣтеніяхъ; третій, Гаугвицъ, проводилъ мысль объ уклончивыхъ переговорахъ въ видахъ возможнаго соглашенія. Товарищи соглашались съ нимъ, потому что его способъ открывалъ путь для всевозможныхъ сдѣлокъ. Король соглашался, питая заднюю мысль избавить себя отъ обязательства при первомъ удобномъ случаѣ.

Англійскіе агенты и прусская придворная партія, стоявшая, хотя и весьма слабо, за коалицію, старались пользоваться нерѣшительностью короля, его слабостями и разногласіями министровъ, чтобы уладить дѣло о возобновленіи субсидій. Лордъ Спенсеръ, посланный осенью съ дипломатическимъ порученіемъ въ Вѣну, пріѣхалъ въ Берлинъ по поводу этого дѣла. Питтъ произнесъ 26 января рѣчь, которая взволновала Фридриха Вильгельма: «Именно потому, что Пруссія покидаетъ насъ», сказалъ Питтъ, «мы должны еще прочіѣ связать Австрію съ нашимъ дѣломъ... Австрія имѣетъ опредѣленную политику»... Принцъ Генрихъ, напротивъ, открыто работалъ въ пользу мира. «Миръ неизбеженъ, говорилъ принцъ Массенбаху. Я началъ и продолжаю свое дѣло. Эта война начата глупо и глупо ведена. Она противорѣчитъ интересамъ страны. У насъ другіе враги, а не французы.—Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Массенбахъ, мнѣ кажется, что мы должны сдѣлать еще одинъ шагъ. Пруссія должна сдѣлаться союзницею Франціи и подражать политикѣ великаго курфюрста: союзъ между Франціей, Голландіей, Саксоніей, Оттоманскою Портою и Пруссіей». Принцъ прервалъ его: «Для этого еще не наступило время. Вы слишкомъ торопитесь. Здѣсь не питаютъ расположенія къ Комитету; сношеній съ нимъ даже стыдятся. И, дѣйствительно, это—плохіе молодцы: многіе изъ нихъ подавали голосъ за казнь своего короля.—Извините меня, ваше высочество, если моя мысль окажется, быть можетъ, слишкомъ смѣлой: я вспоминаю о Людовикѣ XIV, о Мазаренѣ и о Кромвелѣ.—Что хотите вы сказать?—Людовикъ не хотѣлъ назвать Кромвеля *братомъ*. Назовите его отцомъ, если понадобится, и добейтесь отъ него того, чего хотите,—отвѣтилъ ему Мазаренъ». При этихъ словахъ глаза принца заблестѣли. Онъ отвелъ Массенбаха къ окну и сказалъ ему: «Я съ вами совершенно согласенъ».

Но прежде, чѣмъ такое направленіе одержало верхъ въ прусской политикѣ, ей пришлось испытать еще не мало колебаній. Подстрекаемый

рѣчами англичанъ, Фридрихъ-Вильгельмъ весьма неблагоприятно отнесся къ рѣчи Буасси д'Англа. Онъ вышелъ изъ себя, объявилъ, что министры тащатъ его туда, куда онъ не хочетъ идти, и что революціонеры вздумали диктовать ему условія, которыхъ онъ не подпишетъ. 15 февраля онъ велѣлъ Гарнье написать, что мысль о какой бы то ни было территориальной уступкѣ не только должна быть отложена до времени заключенія общаго мира и что не можетъ быть рѣчи о временномъ соглашеніи съ Франціей, но что, если республика желаетъ мира, она должна начать съ очищенія прусскихъ владѣній лѣваго берега, которыя она заняла и желаетъ оставить за собою. Тѣмъ временемъ получено было извѣстіе о смерти Гольца. Король рѣшилъ замѣнить этого дипломата Гарденбергомъ. Онъ только что прочиталъ записку, въ которой Гарденбергъ развивалъ соображенія, показавшіяся Фридриху своевременными. «Можно говорить о мирѣ», писалъ Гарденбергъ, «лишь въ томъ случаѣ, если Франція откажется отъ лѣваго берега Рейна; но и тогда слѣдуетъ говорить не объ общемъ мирѣ, а только о нейтралитетѣ, который Пруссія могла бы распространить на имперскія государства. Если бы мы могли достигнуть этой цѣли, не порывая съ нашими настоящими союзниками, и въ особенности съ Россіей, и не вызывая слишкомъ большихъ опасностей въ Польшѣ, то изъ всей комбинаціи эта будетъ наиболее благоприятная для Пруссіи». Такое мнѣніе вполне согласовалось съ политикой короля. Гарденберга тотчасъ же вызвали въ Берлинъ. Пруссія сдѣлала шагъ назадъ; но между тѣмъ, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ,—въ видахъ поддержанія принциповъ, а также своей репутаціи въ Германіи и подготовленія прусской гегемоніи, посредствомъ выгоднаго и почетнаго для всѣхъ германцевъ мира,—находилъ полезнымъ избѣжать уступки лѣваго берега Рейна, комитетъ Общественнаго спасенія также нашелъ необходимымъ поставить эту уступку необходимымъ условіемъ мира, имѣя съ своей стороны въ виду поддержать свой авторитетъ въ Конвентѣ, увеличить престижъ Франціи въ Европѣ и обезпечить за собою управленіе республикою.

II.

Непрочное вообще положеніе Комитета становилось критическимъ. Борьба за власть, бывшая, въ сущности, борьбою за существованіе, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль глухо велась въ кулуарахъ Собранія. Теперь она давала себя чувствовать на трибунѣ, и засѣданія Конвента снова принимали бурный характеръ. Ментавьяры обличали всѣ мѣры Комитета, имѣвшія цѣлью организовать республику и сдержать анархію, называя эти мѣры контръ-революционными заговорами. Они старались поднять чернь; поводовъ къ тому было достаточно, такъ какъ въ Парижѣ свирѣпствовала страшная

нужда. Комитетъ сознавалъ, что если сдѣластъ уступки крайнимъ, они неминуемо выбьютъ его изъ позиціи. Онъ давалъ отпоръ. Реакціонныя мѣры во внутреннихъ дѣлахъ слѣдовали одна за другою. Обнародованъ былъ декретъ объ отсрочкѣ продажи имѣній, принадлежавшихъ родственникамъ эмигрантовъ; другимъ декретомъ отмѣнялся *максимумъ*, третьимъ освобождались священники и бывшіе дворяне, приговоренные къ ссылке ¹⁾. 19-го февраля были упразднены революціонныя комитеты. 21-го, по предложенію Буасси д'Англа, была декретирована свобода богослуженія. 28-го Конвентъ принялъ законъ, которымъ запрещались сборища. 2-го марта были арестованы и преданы суду бывшіе члены Комитета II года: Бареръ, Колло, Вадье, Бильо-Вареннъ. Для приведенія этихъ мѣръ, Комитетъ принужденъ былъ опираться на умѣренныхъ, а умѣренные оказывались притязательными. Комитетъ не намѣренъ былъ отдавать въ ихъ руки республику; но для того, чтобы держать ее въ своихъ, необходимо было, по его сужденію, сдѣлать что-нибудь яркое и рѣшительное. Никогда еще миръ не казался ему такою неотложною необходимостью. «Мы должны передать тебѣ важную и печальную новость», писалъ Мерленъ одному изъ комиссаровъ въ Пиренеяхъ; «дѣло въ томъ, что если въ кратчайшій срокъ не удастся заключить миръ съ какими-либо крупными державами коалиціи, республикѣ можетъ грозить страшнѣйшая опасность, быть можетъ, даже безвозвратная гибель. Ничего не можетъ быть болѣе критическаго, чѣмъ наше положеніе... Голодъ угрожаетъ всеми своими ужасами наиболѣе населеннымъ общинамъ. Даже Парижъ, предметъ нашихъ главныхъ заботъ въ этомъ отношеніи, не огражденъ отъ опасности... Облегчить доставку водой жизненныхъ припасовъ, уменьшить наше потребление, сократить наши расходы, оживить кредитъ, внушая гражданамъ довѣріе къ устойчивости республики, предупредить анацію и отчаяніе народа, вотъ чего мы должны добиваться, вотъ что составляетъ постоянный предметъ нашихъ думъ, и вотъ чего мы можемъ достигнуть, посредствомъ нѣсколькихъ почетныхъ и выгодныхъ договоровъ» ²⁾.

Таковы были заботы комитета Общественнаго спасенія въ ту минуту, когда онъ узналъ изъ донесеній Бартелеми объ измѣненіи положенія дѣлъ и о своего рода отступленіи прусскаго правительства ³⁾. Гарнье подалъ нѣкоторую надежду на уступку лѣваго берега Рейна: теперь онъ

¹⁾ Декреты: 1 нивоза—21 декабря, 4 нивоза—24 декабря 1794 г.; 23 нивоза—12 января и 29 нивоза—18 января 1795 г.

²⁾ 14-го вантоза—7 марта 1795 г. *Revue historique*, t. XII, p. 290.

³⁾ Съ подробностями переговоровъ между Бартелеми и Гарнье отъ 11 по 25 февраля 1795 г. можно ознакомиться въ *Revue historique*, t. VI p. 30—40.

уклонялся. Комитетъ относился всегда съ недоувѣріемъ къ намѣреніямъ прусскаго короля. Ни переписка Бартелеми, не особенно одобрявшаго систему прусскаго союза и довольно строго относившагося къ берлинскимъ уловкамъ, ни, въ особенности, донесенія Грувелля, передававшего о всѣхъ проискахъ англичанъ, старавшихся обойти Фридриха-Вильгельма, не могли, конечно, разбѣять подозрѣній Комитета. Онъ почелъ себя обманутымъ, и 1 марта, не подумавъ о томъ, что установившееся фактически перемиріе было выгодно преимущественно для республики, не принявъ въ соображеніе 80.000-го отдохнувшаго и преобразованнаго войска Меллендорфа, Мерленъ написалъ Бартелеми: «Мы возвращаемся къ нашему прежнему рѣшенію—продолжать военныя операціи, несмотря на переговоры о мирѣ». Комитетъ полагалъ, что если будетъ говорить въ такомъ тонѣ, то пруссаки испугаются и станутъ сговорчивѣе. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ нужно ловить на словѣ и, въ особенности, обставить ихъ согласіе формальными условіями. Комитетъ не надѣялся добиться отъ Фридриха-Вильгельма публичнаго акта объ уступкѣ лѣваго берега Рейна. Это могло быть достигнуто не иначе, какъ путемъ негласныхъ сдѣлокъ. Но у него не было надлежащаго полномочія для такого рода сдѣлокъ, а потому нельзя было откладывать исполненіе такого полномочія у Конвента.

Комитетъ рѣшился вызвать по этому важному дѣлу принципіальныя пренія. Составленіе доклада поручено было Камбасересу. Онъ прочелъ его съ трибуны Конвента 13 вантоза—3 марта. Чтобы снискать довѣріе, котораго Комитетъ добивался отъ Собранія, а также и для того, чтобы поставить прусскому королю условія, отъ которыхъ республика была бы уже не въ правѣ отступать, Камбасересъ вернулся къ принципамъ переговоровъ, приличествующихъ республикѣ, и системѣ естественныхъ границъ, причемъ развилъ эти принципы болѣе полно, чѣмъ-то когда-либо было сдѣлано его товарищами. Политика Комитета заключалась въ томъ, чтобы избѣгать прямыхъ и рѣшительныхъ преній по вопросу объ этой системѣ, но развивать ее при случаѣ въ рѣчахъ такъ, чтобы одобреніе, выраженное этимъ рѣчамъ, влекло за собою подразумеваемое и обязательное согласіе; такъ, Мерленъ указалъ въ декабрѣ мѣсяцѣ на существенныя данныя системы; Буасси въ январѣ обратилъ вниманіе на ея важныя примѣненія. Ихъ доводы, опиравшіеся исключительно на государственную необходимость, не показались достаточно убѣдительными Собранію, которое хотя и прибѣгало всегда къ сдѣлкамъ, но имѣло претензію ставить условіемъ блага всего человѣчества и принимать рѣшенія, согласныя съ міровою справедливостью. Необходимо было подчинить внѣшнюю политику принципамъ и дать мѣсто отвлеченной власти чистаго разума, хотя бы въ изложеніи мотивовъ. Въ этомъ и заключался истин-

ный смысл рѣчей Камбасереса. Этотъ юрисконсультъ вознамѣрился основать вѣчнымъ правомъ замыслы, имѣвшіе до тѣхъ поръ въ виду простой интересъ Франціи, и представить Европѣ миръ, заключаемый республикою какъ прелиминаріи вѣчнаго мира для всѣхъ народовъ.

«Въ такую минуту», сказалъ онъ, «когда обстоятельства могутъ въ значительной степени усилить наши вѣншія сношенія, весьма важно, чтобы вы выразили ваши намѣренія относительно этой стороны правительственной дѣятельности... Миръ есть цѣль войны. Торжествующая республика... желаетъ мира: она желала бы всеобщаго мира. Но такой миръ невозможенъ при настоящемъ положеніи Европы: Англія, Австрія и Россія условились ему препятствовать. По крайней мѣрѣ Франція подаеги примѣръ и, заключая миръ для себя, будетъ имѣть въ виду общее благо. Успокоимъ Европу послѣ того, какъ мы ее изумили... Слѣдуетъ примирить съ нашимъ дѣломъ друзей человечества, создать народное право... Франція не ищетъ «выгодныхъ или лицемѣрныхъ сдѣлокъ, она не ищетъ искусственного равновѣсія вознагражденій или обмѣновъ,—гарантій, которыя въ сущности ничего не обезпечиваютъ»; она «стремится не къ приобрѣтенію какихъ-нибудь сотенъ квадратныхъ километровъ, въ силу инстинкта захватовъ, которымъ можетъ руководствоваться деспотъ или сосредоточенная въ сенатѣ аристократія». Она желаетъ только границъ, необходимыхъ для ея безопасности; она желаетъ, чтобы эти границы были вѣчны и освящали ея права, щадя правильно понимаемые интересы другихъ народовъ. Она начертаетъ эти окончательныя границы согласно съ верховнымъ закономъ всѣхъ народовъ, тѣмъ закономъ, который примиритъ права ихъ всѣхъ, опредѣляя право каждаго: закономъ самой природы. Возвратясь затѣмъ за счетъ этого закона природы, извлеченнаго изъ государственной необходимости, къ гипотезѣ Страбона о провиденціальныхъ границахъ Галліи, Камбасересъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Естественными границами республики могутъ считаться Альпы и Пиренеи, оба моря и свободная страна, бывшая нашею союзницею въ теченіе вѣковъ: она примыкаетъ, къ сѣверу, къ иностраннымъ владѣніямъ, границы которыхъ, а равно и зависть нѣкоторыхъ правительствъ подали поводъ къ вѣковымъ войнамъ... Въ этихъ-то владѣніяхъ, нынѣ подчиненныхъ нашими войсками, многія изъ орошающихъ наши департаменты рѣкъ направляются къ морю и приглашаютъ васъ ввѣрить имъ произведенія нашего земледѣлія и промышленности. Вамъ предстоитъ разсмотрѣть, не требуетъ ли сама природа и вѣковой опытъ, чтобы вы твердой рукой начертали границы французской республики, не должно ли быть основой и истинной гарантіей всеобщаго мира—выполненіе этого великаго замысла».

Устами Камбасереса Комитетъ ставилъ вопросъ Конвенту; отвѣтъ продиктованъ былъ устами Дюбуа Крансе. Нѣсколько минутъ спустя послѣ того, какъ Камбасересъ представилъ свой планъ переговоровъ о мирѣ, Дюбуа-Крансе внесъ проектъ декрета о движеніяхъ армій, которыя должны были обезпечить выполненіе этого плана. Комитетъ мотивировалъ декретъ такъ, чтобы не оставалось ни малѣйшихъ сомнѣній по поводу намѣреній Собранія. «Напрасно коалиціонныя державы», сказалъ Дюбуа-Крансе, «стали бы помогать нѣкоторыхъ владѣній на лѣвомъ берегу Рейна: природа, желаніе народовъ и интересъ французской республики требуютъ, чтобы этотъ край навсегда завоеванъ былъ для свободы... Комитетъ полагаетъ, что онъ удовлетворяетъ вашимъ намѣреніямъ и исполняетъ свой долгъ. Мы думаемъ, что нѣтъ ни одного истиннаго француза, который не одобрилъ бы этой мѣры... Распредѣленіе армій, предложенное затѣмъ какъ слѣдствіе предыдущаго, было вотировано безъ преній. Конвентъ отложилъ публичное обсужденіе проекта декрета, предложеннаго Камбасересомъ и имѣвшаго предметомъ регулированіе дипломатическихъ правъ Комитета».

Комитетъ возобновилъ свой составъ 5 марта; выходили: Камбасересъ, Карно и Пеле. Ихъ замѣнили: Лапортъ, Ребель и Сіейсъ. Это было возвращеніе на сцену человѣка, который долго молчалъ изъ гордости—въ Учредительномъ Собраніи, изъ осторожности—въ Конвентѣ и теперь, когда Мирабо унесла смерть, а Дантона гильотина, Сіейсъ нашелъ, что часъ его участія въ дѣлахъ революціи наступилъ. Онъ вмѣшался въ дипломатическіе переговоры, полагая, что это самое удобное начало для той роли, которую онъ себѣ предназначалъ. Къ нему присоединили Ребеля и вмѣстѣ съ Мерленомъ они составили дипломатическую секцію. Въ лицѣ этихъ людей получала значительное подкрѣпленіе партія завоеванія и партія твердой власти внутри страны.

На эту власть нападали теперь уцѣлѣвшіе представители монтаньарской фракціи. Комитетъ сдѣлалъ новыя уступки умѣреннымъ. 18 вантаза—8 марта, Шенье потребовалъ возвращенія двадцати двухъ депутатовъ, подвергшихся проскрипціи послѣ 2 іюня 1793 г. «Объ этой мѣрѣ нельзя даже и спорить, это—право», сказалъ Сіейсъ, впервые появившійся, въ этотъ день на трибунѣ. Мерленъ поддержалъ предложеніе. Декретъ былъ утвержденъ: Иснаръ, Луве, Ланжюине, Дефермонъ, Дусе-де-Понтекуланъ, Ревельеръ-Лепо и Анри Ларивьеръ вернулись на свои мѣста въ Конвентѣ. Но, возвращая имъ депутатство и рассчитывая на ихъ голоса, Комитетъ не хотѣлъ, чтобы его заподозрѣли въ угожденіи роялистамъ. Онъ смѣшалъ послѣднихъ съ террористами и всунулъ предаль ихъ проклятію. «Непримиримая война врагамъ республики», сказалъ Буасси 11 марта,

«предателямъ, которые захотѣли бы воскресить терроризмъ, деспотизмъ и королевскую власть»!

Укрѣпившись такимъ образомъ въ своихъ позиціяхъ, Комитетъ нашелъ возможнымъ приступить къ опасному обсужденію своихъ полномочій въ дѣлѣ заключенія трактатовъ. Пренія начались 22 вантоза—12 марта. Конвентъ рѣшилъ, что Комитетъ будетъ вести именемъ республики переговоры о перемиріяхъ, мирѣ, союзахъ и торговыхъ договорахъ; впрочемъ всѣ договоры будутъ считаться дѣйствительными только по разсмотрѣніи, утвержденіи и подтвержденіи Собраніемъ. Въ проектѣ Камбасереса предлагалось изъять изъ ратификаціи Конвентомъ: перемирія и договоры о нейтралитетахъ. Монтаньяры Приеръ-де-ла-Мария, Дюгемъ, Германъ горячо протестовали. Камбасересъ отвѣчалъ имъ, что отнятіемъ у Комитета права заключать такого рода обязательства будетъ затруднено веденіе переговоровъ: перемирія почти всегда составляютъ начало мирныхъ переговоровъ и невозможно обсуждать гласно эти прелиминаріи раньше ихъ успѣшнаго окончанія. «Или вы желаете вести непрерывную войну съ Европой»? спросилъ онъ у своихъ противниковъ. «Тогда слѣдуетъ сказать народу, что его хотятъ погубить излишествомъ демагогіи, если не будутъ осторожны». За тѣ четыре мѣсяца, которые я провелъ въ Комитетѣ, мнѣ пришлось убѣдиться, что онъ вполнѣ парализованъ и не имѣетъ никакой возможности вести сношенія съ иностранными державами». Статья прошла. Далѣе слѣдовали статьи, опредѣлявшія способъ заключенія негласныхъ условій мира: по мнѣнію Камбасереса, онѣ должны были подвергаться разсмотрѣнію специальной комиссіи. Мерленъ-де-Тюньвилль потребовалъ по этому поводу возвращенія къ предварительному вопросу. Онъ очень хорошо понимаетъ, что для достиженія цѣли, то есть разьединенія коалиціи и примѣненія его государственнаго правила—«предоставленія волкамъ пожрать другъ друга», право заключенія тайныхъ условій необходимо для правительства. Но уступить Комитету заключеніе тайныхъ статей, безъ всякаго контроля и ограниченія, это значитъ все предоставить на его усмотрѣніе и уничтожить всѣ предосторожности, заключающіяся въ первыхъ статьяхъ декрета. Оппозиція безъ труда доказала это. Тибодо поставилъ вопросъ на его дѣйствительную почву: «Дѣло идетъ о томъ желаете ли вы имѣть правительство, или не желаете. Слѣдуетъ вернуться къ принципамъ, иначе вы только будете мѣнять одну анархію на другую. Если вы не обличаете комитетъ Общественнаго спасенія широкимъ довѣріемъ, то не будутъ питать къ нему довѣрія и иностранныя правительства. Они увидятъ, что Конвентъ составляетъ законы, но не увидятъ правительства».

Дальнѣйшее обсужденіе было отложено до слѣдующаго дня, 23 ван-

тоза—13 марта. Пренія возобновились съ большею горячностью. «Только враги мира не желаютъ тайныхъ статей въ трактатахъ», заявилъ Мерленъ-де-Тюньвилль. Бурсо замѣтилъ, что безъ такихъ статей частичные трактаты оказались бы невозможными: «Предположимъ, что Австрія пожелаетъ вести съ республикою переговоры о мирѣ, но подъ условіемъ, чтобы эти переговоры оставались тайными въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, потому что ей приходится въ то же время вести переговоры съ другою державой. Если вы находите договоръ съ нею полезнымъ, станете ли вы нарушать тайну и откажетесь ли вы договариваться на такомъ условіи? Виллеторъ сказалъ: «Французскій народъ долженъ вести переговоры на подобіе римскаго сената.—Но, развѣ мы засѣдаемъ на площади»? возразилъ Камбасересъ. «Развѣ республика закрѣплена тремя вѣками побѣдоноснаго существованія?.. Мы не обращаемъ достаточнаго вниманія на различіе между настоящимъ и будущимъ... Можетъ быть, со временемъ у насъ и не будетъ другой дипломатіи кромѣ той, которой держались при Поппленіи, и я нахожу, что такая дипломатія достойна свободнаго народа; но мы еще не дожили до такого времени». Конвентъ продолжалъ аргументировать по поводу текста еще и 26-го вантоза; наконецъ пришли къ соглашенію. Комитетъ былъ уполномоченъ заключать тайныя статьи, лишь бы онѣ имѣли предметомъ «обеспеченіе защиты республики, расширеніе средствъ къ достиженію ея благоденствія», не противорѣчили бы открытымъ статьямъ и не ограничивали бы ихъ. Редактированный Камбасересомъ на такомъ основаніи, декретъ былъ принятъ 27-го вантоза—17 марта. Комитетъ добился желаемыхъ полномочій. Онъ воспользовался ими немедленно, чувствуя, что единственнымъ средствомъ оправдать довѣріе, съ такимъ трудомъ вырванное у Конвента, является рѣшительный, быстрый и одновременный повсюду ударъ, могущій удовлетворить національное честолюбіе и уменьшить страшно давившую Францію нужду.

III.

16-го марта, Мерленъ-де-Дуэ писалъ Бартеlemi: «Нужно съ этимъ покончить, невозможно долѣе оставаться связанными». Три дня спустя, 19-го, Комитетъ узналъ, что переговоры отложены до прибытія новаго уполномоченнаго Гарденберга и что этотъ дипломатъ не спѣшитъ пускаться въ путь. Ребель написалъ Бартеlemi: «Наши послѣднія инструкціи должны служить ультиматумомъ... Если бы не прелиминаріи, мы овладѣли бы Везелемъ, и наши войска могли бы проникнуть въ край, гдѣ еще остаются ресурсы. Ты поймешь, до какой степени малѣйшее промедленіе можетъ навлечь на насъ упреки. Намъ нуженъ положительный отвѣтъ: да или

нѣтъ, для того, чтобы мы имѣли возможность идти впередъ». Соблюдение въ тайнѣ нѣкоторыхъ статей въ прусскихъ переговорахъ требовалось только въ видахъ успокоенія пруссаковъ и избѣжанія неудовольствій со стороны имперіи: вознагражденіе Пруссіи путемъ секуляризацій было бы, безъ сомнѣнія, одобрено Конвентомъ, и въ этомъ отношеніи Комитетъ не могъ опасаться серьезныхъ противорѣчій во время обсужденія трактата. Не такъ стояло дѣло относительно Испаніи, и именно для замысловъ, касавшихся испанскаго двора, Комитетъ нуждался въ тайнѣ.

Эти замыслы, по всей вѣроятности, были бы одобрены Конвентомъ, когда сдѣлаются совершившимся фактомъ; но было рискованно заявлять о нихъ съ трибуны на другой день послѣ того, какъ Собраніе рукоплескало Камбасересу за противопоставленіе прямой и естественной республиканской политики «коварнымъ сдѣлкамъ и искусственному равновѣсію обмѣновъ и вознагражденій» старо-европейской политики. Комитетъ нетерпѣливо ждалъ заключенія мира съ Испаніей, не только для того, чтобы получить возможность располагать пиренейскими арміями, но и въ видахъ достиженія союза, который могъ бы доставить республикѣ содѣйствіе испанскаго флота и дать возможность запереть для англійской торговли обширное побережье въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. Однако такая грандіозная комбинація оставалась бы неосуществимой, пока значительная часть побережья Иберійскаго полуострова оставалась въ подчиненіи англичанъ. Поэтому слѣдовало, или заключить союзъ съ Португаліей противъ Англіи, или подчинить Португалію Франціи. На союзъ трудно было надѣяться; покореніе было осуществимѣе и выгидѣе. Республика, дѣйствительно, не могла требовать отъ короля Бурбонскаго дома отреченія отъ его принциповъ и узъ крови, какого ожидала отъ Карла IV, не заплативъ одною изъ тѣхъ компенсаций, которыя во всѣ времена и почти всегда перевѣшивали и принципы, и родственныя чувства. Предстояло купить испанскій дворъ монархическою монетой, людьми и землями: оставалось только назначить цѣну. Португалія направиалась сама собою; въ этомъ случаѣ, интересъ республики совпадалъ съ алчными поползновеніями мадридскаго кабинета. Дюбуа-Крансе указывалъ уже на такую сдѣлку въ запискѣ, представленной имъ въ январѣ; Наполеонъ заключилъ ее въ Фонтенбло и привелъ въ исполненіе декабрьскими декретами 1807 года¹⁾. Это было однимъ изъ условій успѣха той политики, которую задумалъ комитетъ Общественнаго спасенія и осуществилъ Наполеонъ, — завоеваніе естественныхъ гра-

¹⁾ 27 октября 1807 г. Трактатъ о раздѣлѣ Португаліи между Франціей и Испаніей. — «Велите снять отовсюду гербы Браганцскаго дома и объясните, что этотъ домъ пересталъ царствовать». Наполеонъ Жюно, 20 декабря 1807 г.

ницъ и ослабленіе Англіи посредствомъ континентальнаго расширенія Франціи.

Мерленъ извѣстилъ, 7 марта, Бургоана, «что его имѣютъ въ виду для важной миссіи» и что онъ долженъ немедленно отправиться въ Пиренеи, гдѣ представитель республики Гуинильо-Фонтенъ передастъ ему приказанія Комитета²⁾. Въ тотъ же день посланъ былъ правительственный приказъ, и редактировавшій его Мерленъ сталъ руководить французскою политикою относительно Испаніи вплоть до катастрофы съ этимъ королевствомъ. — Комитетъ соглашался заключить миръ съ испанскимъ королемъ. Король долженъ былъ отмѣнить всѣ акты присоединенія своего къ коалиціи; онъ долженъ былъ уступить Франціи Гвидускоа, Фуэнтъ-Арабію, портъ угорнаго прохода и, сверхъ того, всѣ спорныя, со временъ Людовика XIV, окраины. Такимъ образомъ республика довершила бы еще неоконченное дѣло Пиринейскаго мира и приобрѣла бы ту самую территорію, которую Людовикъ XIV предназначалъ дофину, по плану 1699 года³⁾. Карлъ IV долженъ былъ кромѣ того уступить испанскія владѣнія на Сентъ-Доминго; онъ обязывался поставлять Франціи подлежащее установленію количество лошадей, овецъ и барановъ-мериносовъ. Взамѣнъ этого Франція очиститъ тѣ испанскія территоріи, которыя занимала и которыя не будутъ ей присуждены. Она предложитъ Испаніи наступательный и оборонительный союзъ противъ Англіи; Испанія предоставитъ въ распоряженіе республики двадцать линейныхъ кораблей и двадцать фрегатовъ, которые должны состоять подъ начальствомъ французскихъ командировъ, при смѣшанномъ (то есть испанско-французскомъ) экипажѣ. Комитетъ уполномочивалъ своихъ представителей уступить, въ случаѣ надобности, по статьѣ о Сантъ-Доминго. «Мы поставили бы болѣе строгія требованія, — говорилъ Мерленъ, — если бы менѣе нуждались въ этомъ мирѣ. Впрочемъ есть средство для достиженія уступчивости со стороны испанскаго правительства. По этому, какъ и по другимъ пунктамъ, можно бы дать ему понять, что если оно, вѣрно оцѣнивая свои интересы, желаетъ вернуть Португалію къ ея прежнему положенію, то есть обратить ее въ испанскую провинцію, то французское правительство охотно обязалось бы содѣйствовать покоренію этой страны: 1) потому, что въ этомъ дѣлѣ французскій народъ боролся бы съ одною изъ вступившихъ противъ него въ коалицію державъ и, сражаясь противъ нея, имѣлъ бы право и на ея уничтоженіе; 2) потому

²⁾ См. *Revue historique*, t. XII, p. 288—295.

³⁾ Трактатъ о раздѣлѣ испанскаго наслѣдія между Людовикомъ XIV и Вильгельмомъ III, 11 іюня 1699 г. Reynald, *Louis XIV et Guillaume III*, Paris, 1878, t. I, p. 359.

что, низлагая португальское правительство, мы отняли бы тѣмъ самымъ у Англіи одну изъ ея наиболѣе цѣнныхъ провинцій. Въ концѣ концовъ, ты видишь, что нашу главною цѣлью должно быть господство на Средиземномъ морѣ, изгнаніе съ него англичанъ, увеличеніе нашихъ силъ на океанѣ, доставленіе нашей торговлѣ и нашей промышленности наиболѣе выгодныхъ рынковъ». Если бы Бонапартъ не обладалъ духомъ завоеванія, онъ нашелъ бы въ этихъ словахъ живую и возрожденную старую традицію ⁴⁾.

Нѣсколько дней спустя, Мерленъ приготовилъ инструкцію для заключенія мира съ Неаполемъ, имѣвшую такую же цѣль: изслѣдованіе Англіи и доставленіе средствъ республикѣ. Французскій посланникъ въ Венеціи Лаллеманъ продолжалъ бесѣдовать съ своимъ неаполитанскимъ коллегой Мишеру и просилъ инструкцій изъ Парижа ⁵⁾. Комитетъ утвердилъ ихъ 6 жерминаля—25 марта. «Мы не любимъ проволочекъ и дипломатическихъ сплетенъ», заявилъ онъ Лаллеману. Условіями мира Комитетъ поставилъ: полное уничтоженіе всѣхъ актовъ участія въ дѣлѣ коалиціи; обязательство не оказывать ни прямого, ни косвеннаго противодѣйствія военнымъ операціямъ республики въ Италіи; возвращеніе конфискованныхъ имѣній французамъ; право для французовъ водворяться въ Обѣихъ Сициліяхъ; обѣщаніе заключенія торговаго договора. Комитетъ прибавилъ тайную статью, которая должна была служить не дополненіемъ, а prelimинаріемъ явнаго трактата. «Эта статья или, точнѣе говоря, условіе *sine qua non* всякихъ переговоровъ, должна имѣть цѣлью вознагражденія, которыхъ французская республика въ правѣ ожидать отъ неаполитанскаго правительства». Вознагражденіе должно было заключаться въ пятистахъ тысячахъ квинталовъ зерна, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ триста тысячъ должны были быть доставлены во Францію подъ неаполитанскимъ флагомъ. Гражданинъ Лаллеманъ, такъ заключалась инструкція Комитета, «долженъ сверхъ того объявить, что если не восослѣдуетъ согласія на означенную предварительную статью въ двухнедѣльный срокъ послѣ обмѣна полномочій, то республика не ограничится предлагаемыми условіями и проявитъ тѣмъ болѣе требовательность, чѣмъ болѣе затянутся переговоры».

⁴⁾ «Португалія вотъ уже шестнадцать лѣтъ представляетъ скандальное зрѣлище державы, продавшей себя Англіи... Я условлюсь съ вашимъ величествомъ насчетъ того, чтобы вы могли дѣлать съ этою страной, что найдете для себя удобнымъ... Мы не можемъ придти къ миру иначе, какъ изолируя Англію отъ континента...» Наполеонъ Карлу IV, 12 октября 1807 года.

⁵⁾ Венеціанская дипломатическая переписка. Арх. ф. м. и. д. Письма Мишеру и Лаллемана.

Миръ съ Испаніей доставилъ бы подкрѣпленія итальянской арміи, миръ съ Неаполемъ доставилъ бы ей жизненные припасы и обезпечилъ бы за нею нейтралитетъ половины полуострова; оставалось добиться права на прохожденіе пьемонтской территоріи и, если возможно, содѣйствія сардинской арміи. Комитетъ приказалъ своему агенту пригласить Виктора-Амедея отправить уполномоченнаго въ Женеву. Тамъ состоялъ резидентомъ тотъ самый Депортъ, который, начиная съ 1792 г., былъ въ Парижѣ и Цвейбрюкенѣ предвѣстникомъ дипломатической системы III года. Депортъ посылалъ Комитету депеши о союзѣ съ Сардиніей и перестройкѣ Италіи, проникнутыя духомъ д'Аржансоновскихъ проектовъ 1745 года; они казались Комитету какъ нельзя болѣе республиканскими. Онъ предлагалъ образованіе лиги между Франціей, Испаніей и Сардиніей; лига должна была имѣть цѣлью «окончательное разрушеніе пагубнаго вліянія тираническаго гнета австрійскаго дома, слишкомъ долго тяготѣющаго надъ Европой и, въ особенности, надъ Испаніей и Италіей». Этотъ тонъ и эти цѣли болѣе отвѣчали инстинктамъ Комитета, чѣмъ осторожныя совѣты и скромныя по формѣ, но энергическія по содержанію, дипломатическія наставленія Бартелеми. Комитетъ, находя, что этотъ посланникъ достаточно занятъ съ Пруссіей, поручилъ Мерлену написать 26 марта Депорту: «Комитетъ съ удовольствіемъ увидѣлъ бы, если бы Женева сдѣлалась для Сардиніи тѣмъ, чѣмъ Базель сдѣлался для Пруссіи, и если бы между тобою и сардинскимъ агентомъ состоялся уговоръ о выборѣ мѣста для веденія переговоровъ о мирѣ... Ты можешь считать почти одобренными нами условія, которыя предлагаются въ письмѣ отъ 4 вантоза». Условія заключались въ союзѣ, направленномъ противъ Австріи, въ уступкѣ Франціи Савойи и Ниццы, въ присоединеніи къ Пьемонту Ломбардіи и Медіолана, которые предстояло завоевать соединенными силами ⁶⁾.

IV.

Голландія представляла собою одну изъ главныхъ статей системы, которую комитетъ Общественнаго спасенія намѣревался проводить во всей Европѣ. Комитетъ держалъ голландскую республику въ своей власти; такъ какъ господствовавшая тамъ партія была демократическая, то она нуждалась въ французской поддержкѣ. Голландія была побѣжденной страной, слабой, а слѣдовательно и зависимой. Комитетъ обошелся съ нею какъ съ вассальной провинціей. Находя, что она должна почитать себя

⁶⁾ Донесенія Депорта, 26 нивоза—15 января: 18 плювіоза—6 февраля, 4 вантоза—22 февраля. Комитетъ Депорту: 28 плювіоза—16 февраля; 6 жерминаля—26 марта 1795.

счастливой уже потому, что у нея не отняли права на существованіе и что ее не окончательно обобрали, онъ считалъ, что дѣлаетъ ей подарокъ каждый разъ, когда чего-нибудь не взымаетъ, а потому не нашелъ даже нужнымъ предлагать взаимнъ союза съ Франціей какія-нибудь территориальныя приобрѣтенія, какъ то дѣлалось по отношенію къ Испаніи и Сардиніи. Комитетъ заключалъ сдѣлки съ монархами согласно съ публичнымъ правомъ старой Европы, то есть правомъ на раздѣлы; съ республиками же онъ обращался на основаніи римскаго публичнаго права, то есть римскаго супрематства.

Граждане Блаувъ и Мейеръ, делегаты новаго голландскаго правительства, явились въ Парижъ 10-го марта. Комитетъ принялъ ихъ вечеромъ того же дня; но въ запискѣ, дававшей имъ аудіенцію, Мерленъ умышленно опустилъ званіе уполномоченныхъ, съ цѣлью не предпрѣшать въ ихъ пользу признанія голландской республики и не поступаться правами французскаго завоеванія. Мерленъ занимался, главнымъ образомъ, прусскою корреспонденціей. Сіейсъ взялъ въ свои руки голландскія дѣла. Онъ редактировалъ «планъ переговоровъ» съ батавцами, и дипломатическая секція одобрила его 24 вантоза—14 марта: «Батавская республика будетъ сохранена (sic) не какъ завоеванная, а какъ союзная страна». Тѣмъ не менѣе, Франція должна получить предварительно удовлетвореніе по вопросу о границахъ и вознагражденіе за военныя издержки. Относительно границъ, Франція потребуетъ Флессингъ, «такъ какъ необходимо оживить Бельгію и нанести рѣшительный ударъ Англіи, противопоставляя Шельду Темзѣ, Антверпенъ — Лондону и флотъ, который мы будемъ имѣть во Флессингѣ—англійскому флоту, намѣревающемуся господствовать на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ¹⁾. Вознагражденіе должно равняться ста милліонамъ флориновъ, уплачиваемыхъ въ три мѣсяца; сверхъ того требуется гарантія займу также на сто милліоновъ флориновъ, по 3 на 100. Франція воспользуется правомъ завоеванія на счетъ имѣній штатгальтера. Батавская республика будетъ признана немедленно по заключеніи договора; но было бы «нелѣпностью» признавать ее ранѣе, такъ какъ нельзя было-бы «вновь заговорить тономъ завоевателя съ народомъ, который признанъ и съ которымъ уже обращаются какъ съ союзникомъ». «Очевидно, что преждевременный актъ признанія имѣлъ бы слѣдствіемъ затянуть до без-

¹⁾ Въ Голландіи заключается важнѣйшій политическій интересъ Франціи... Голландія расположена близъ устья большихъ рѣкъ, орошающихъ значительную часть нашей территоріи, и мы должны имѣть ручательство въ томъ, что торговый договоръ, который мы заключимъ съ ней, будетъ точно выполняться... Декретъ Наполеона 5 іюня 1806 г. (Этимъ декретомъ конституировалось голландское королевство).

конечности дѣло о вознагражденіи, а территориальныя приобрѣтенія сдѣлались бы и немислимыми. Въ самомъ дѣлѣ, на что походило бы въ такомъ случаѣ требованіе расчлененія территоріи, можетъ быть даже значительнаго, предъявляемое независимымъ народомъ къ другому, столь же независимому? Можно предвидѣть только отказъ, и его поддержала бы вся Европа. Если батавскіе делегаты будутъ жаловаться на медленность хода дѣла, мы докажемъ имъ, что весь договоръ можетъ быть составленъ и подписанъ въ какой-нибудь часъ времени». Это были практическія сужденія ловкихъ государственныхъ людей. За недѣлю, въ теченіе которой находились у дѣлъ бывший каноникъ Сіейсъ и бывший адвокатъ Эльзасскаго совѣта Ребель, они такъ же полно освоились съ тайнами старой дипломатіи, какъ и ихъ коллега Мерленъ. Комитетъ Общественнаго спасенія сталъ разсуждать о признаніи республикъ совершенно въ томъ же духѣ, какъ разсуждало вѣнское канцлерство по поводу признанія Людовика XVII или регентства брата короля.

Делегаты или, какъ рѣшили ихъ именовать Комитетъ, «батавскіе граждане» Блаувъ и Мейеръ, само собою разумѣется, протестовали противъ этой процедуры. Они увѣряли, что благодарная голландская республика не откажетъ Франціи въ справедливомъ вознагражденіи за военныя издержки; но неужели же Франція захочетъ разорять и расчленять Голландію, вычеркивать такимъ образомъ голландскій народъ изъ списка народовъ? Делегаты просили успокоить ихъ въ этомъ отношеніи и настаивали на томъ, чтобы признаніе независимости Голландіи предшествовало подписанію договора. «Французское правительство, — сказали они, — тѣмъ менѣе должно затрудняться въ этомъ случаѣ, что Конвентъ торжественно объявилъ о войнѣ съ тиранами, а не съ народами; съ штатгальтеромъ, а не съ голландцами: это было подтверждено и французскими представителями немедленно по вступленіи ихъ въ Голландію». Въ заключеніе делегаты объявили, что должны передать слышанное своему правительству.

Старая дипломатія не дѣлала различія между правами и интересами государства; она никогда не провозглашала *Правъ человека*, не говорила о верховной власти народовъ въ своихъ манифестахъ; однако и ей приходилось считаться съ сопротивленіемъ народовъ, съ ихъ характеромъ, условіями существованія, интересами и всякими національными особенностями. Просвѣщенные администраторы прежнихъ армій, интенданты завоеванныхъ странъ, генералы пытались, а иногда и успѣвали, смягчать своими представленіями и жалобами систематическую суровость приказаній, исходившихъ отъ парижскаго правительства. Переписка французскихъ комиссаровъ, въ особенности письма Кошона, напоминаютъ эти прежнія ходатайства, возобновлявшіяся съ каждой войной. — Армія нуждается во

всемъ, повторяли члены Конвента. Мы ничего не добьемся, если не удастся возстановить довѣрія, мы подвергнемъ себя величайшимъ бѣдствіямъ, сама армія будетъ въ опасности, если будемъ продолжать отказывать голландцамъ въ признаніи ихъ независимости. Но Ребель принадлежалъ къ тому разряду законниковъ, для которыхъ не существуетъ ничего выше декретовъ центральной власти; Сіейсъ считалъ опытъ дѣломъ второстепеннымъ и съ презрѣніемъ относился къ фактамъ. Оба они указали въ своемъ планѣ переговоровъ, въ чемъ заключается воля французскаго народа. Комиссарамъ Конвента оставалось заставить исполнять эту волю, а голландцамъ—подчиниться ей.—Если батавцы желаютъ, повторялъ Сіейсъ, «все можетъ быть кончено въ часть времени. Мы не заслужимъ упрековъ Конвента, отказываясь раздѣлять вопросы, которые, подъ предлогомъ ускоренія дѣла, затруднили бы до безконечности все, что клонится къ нашей выгодѣ».

Сіейсъ, вмѣстѣ съ двумя изъ своихъ коллегъ, составлялъ въ такомъ смыслѣ письмо 4 жерминаля—24 марта, когда ему доложили о приходѣ батавскихъ делегатовъ. Члены Комитета потребовали у нихъ задатка въ двадцать милліоновъ въ счетъ военнаго вознагражденія. Они объявили делегатамъ, что связаны рѣшеніями Конвента по вопросу о территориальныхъ уступкахъ, а именно рѣшеніемъ довести границы республики по теченію Рейна и Ваала до самаго моря. «Мы не можемъ», сказали они, «отказаться отъ такого рода границы, если самъ Конвентъ не измѣнитъ этого мнѣнія, столь часто выражавшагося въ его средѣ и всегда принимаемаго съ почти единогласнымъ одобреніемъ». На другой день батавцы представили проектъ трактата. Цифра вознагражденія за военныя издержки не была въ немъ проставлена; въ статьяхъ значилось признаніе верховной власти народа и независимости Голландіи. Делегаты ссылались на декреты 19-го ноября, 15 декабря 1792 г. и на декретъ 2 марта 1793 г. Они напоминали также и о выраженіяхъ, въ которыхъ объявлена была война, и требовали, чтобы Франція поручилась за «цѣлостность, единство и нераздѣльность батавской республики въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до объявленія войны штатгалтеру и его приверженцамъ». «Мы дали клятву», прибавили они, «что никогда не подпишемъ никакого расчлененія территоріи», и «если бы мы уступили хотя пядь земли, мы заслужили бы тѣмъ презрѣніе и ненависть голландцевъ и цѣлой Европы». Члены Конвента признавали только одну основу для переговоровъ: интересъ Франціи. «Мы не желаемъ ничего лучшаго, какъ признать вашу республику и вашу независимость и заключить съ вами прочный союзъ», отвѣтили они. «Но поспѣшите же уплатою за военныя издержки или, по крайней мѣрѣ, условимся въ суммѣ и дайте намъ заранѣе обеспе-

ченіе... Коалиція, къ которой хотѣла примкнуть Голландія, имѣла цѣлью расчлененіе Франціи; если бы это удалось ей, вы приняли бы участіе въ раздѣлѣ; не удивляйтесь же тому, что французская республика желаетъ присоединить къ своей территоріи изъ завоеваннаго края то, чего требуетъ ея политическій интересъ. Конвентъ уже не разъ высказывалъ свои намѣренія, по поводу новыхъ границъ для Франціи; слѣдовательно, мы не можемъ вести съ вами переговоры на иныхъ основаніяхъ, а именно на основаніи неприкосновенности для насъ территоріи, принадлежавшей прежнему правительству Соединенныхъ Провинцій».

Вообще, Сіейсъ, Ребель и Мерленъ не стѣснялись съ батавскими делегатами; сношенія съ собственными коллегами-комиссарами въ Голландіи представляли для нихъ болѣе затрудненій. Если въ Конвентѣ завяжутся пренія, мнѣнія этихъ представителей будутъ имѣть большой вѣсъ. Члены дипломатической секціи рѣшили послать въ Голландію человека, который просвѣтилъ бы ихъ относительно парижскаго взгляда на голландскія дѣла, невѣрно имъ понимаемыя влѣдствіе слишкомъ близкаго наблюденія и недостаточнаго знакомства съ прецедентами. 24 марта, въ самый день полученія голландскаго сообщенія и проекта договора, дипломатическая секція составила такъ-называемый *État de la question* (Изложеніе положенія дѣла) и назначила для поѣздки въ Гагу бывшего дипломата Калльяра, состоявшаго полуофициальнымъ совѣтникомъ при отдѣленіяхъ Конвента. Калльяръ имѣлъ случай видѣть на мѣстѣ революцію 1787 г. и составилъ по вопросу объ отношеніяхъ между Франціей и Голландіей записку, считавшуюся классической въ школѣ Фавье²⁾. Сіейсъ проредактировалъ *Изложеніе положенія дѣла*, а Марленъ—письмо къ комиссарамъ. И тотъ и другой настаивали на необходимости приобрѣтенія Флессинга, въ видахъ продолженія торговой борьбы съ Англіей. «Таковы наши виды, потому что таковъ важный интересъ французской республики... Есть только одинъ способъ привлеченія насъ къ вашему мнѣнію: доказать намъ, что французскія войска въ Голландіи недостаточно сильны для того, чтобы заставить себя уважать»...

На другой день, 26-го марта, Блаувъ написалъ Сіейсу: «Я долженъ признаться вамъ, что мы съ величайшимъ прискорбіемъ узнали о вашемъ планѣ присоединенія къ французской республикѣ части нашей территоріи, которою, по вашимъ собственнымъ принципамъ, батавское правительство не имѣетъ права располагать помимо свободно выраженаго желанія населенія своей страны и въ которой французскій народъ нисколько не нуждается, ни для своей безопасности, ни для своего величія. Гражда-

²⁾ Эта записка приведена въ III томѣ *Décade historique* графа Сегюра. Сорель, т. IV.

нинъ, если есть на свѣтѣ что-нибудь священное, такъ это, безъ сомнѣнія, заявленіе перваго народа въ мірѣ...» Сіейсъ могъ бы отвѣтить на это, что Конвентъ, а также и Учредительное собраніе постоянно держались въ политикѣ двухъ различныхъ взглядовъ: если эти собранія установили принципъ нераздѣльности французской республики, то, съ другой стороны, всегда слѣдовали обычаю дробить до безконечности другія государства, и если они провозгласили догматъ верховной власти всѣхъ народовъ, то на практикѣ ревниво устанавливали культъ верховенства одного французскаго народа, и что затѣмъ они признавали, что главною основою этого верховенства было существованіе націи, второю же—безопасность французскаго государства; что остальные народы не имѣютъ голоса въ рѣшеніи этихъ вопросовъ и, наконецъ, что война предпринята была для того, чтобы рѣшить, на чьей сторонѣ чистый разумъ, а пушки присудили его французской республикѣ. Это значило возвращаться къ королевскому способу рѣшать дѣла; но ни Конвенту, ни Комитету и никому въ Европѣ не было извѣстно никакого иного способа рѣшенія государственныхъ вопросовъ. Всѣ деклараціи, крылатыя слова и летучіе листки исчезли въ вихрь и разсѣялись какъ дымъ. Это были проявленія ораторскаго краснорѣчія или академическія диссертациі, которыми утѣшаются во время бѣдствій, или развлекаются въ минуты изнеможенія. Сіейсъ весьма ясно высказалъ это нѣсколько времени спустя тѣмъ же батавцамъ: «Принципы годятся для школъ, для государства же важенъ его интересъ». На этотъ разъ онъ ограничился тѣмъ, что отвѣчалъ имъ: «Если вы такъ настаиваете на полученіи отъ насъ такого рода деклараціи, почему же не соглашаетесь на немедленное подписаніе тѣхъ двухъ статей?»

Итакъ, все сводилось къ силѣ. Но въ этомъ отношеніи Комитетъ далеко не былъ спокоенъ. Въ то самое время, какъ онъ давалъ такую отповѣдь батавцамъ, онъ только что избѣгнулъ мятежа, и уже новый и болѣе грозный мятежъ готовился въ парижскихъ предмѣстьяхъ. Преданіе суду террористовъ и возвращеніе въ Конвентъ жирондистовъ довело до послѣднихъ предѣловъ тревогу и бѣшенство монтаньяровъ. Пользуясь нуждой, свирѣпствовавшей въ Парижѣ, они подготовили «день», который, по ихъ мысли, долженъ былъ завершиться 31-мъ мая для термидоріанцевъ³⁾. Но имъ приходилось имѣть дѣло съ людьми силы и власти, несравненно болѣе рѣшительными и практическими, чѣмъ жирондисты 1793

³⁾ О соперничествѣ между монтаньярами и термидоріанцами—«реакторами», см. у Фогнет, *La Révolution*, liv. XX: *La Réaction*, по замѣткамъ Вандот (бывшаго члена Конвента). О нуждѣ въ Парижѣ, бунтахъ и возникновеніи социализма: у Мишельет, въ его *Histoire du dix-neuvième siècle*, t. I, 1 partie: *La fin des Jacobins*.

года. Армія мятежа утратила вождей, кадры и самую свою неустрашимость. Наконецъ измѣнились и духъ Конвента, и духъ парижскаго населенія. Умѣренные соединились съ правительственными республиканцами противъ осаждающихъ. 1-го жерминаля—21-го марта, Сіейсъ провелъ законъ о *государственной полиціи*, имѣвшей цѣлю подавлять мятежи и прекращать заговоры. Это былъ своего рода законъ о подозрительныхъ. Правда, наказанія были мягче сравнительно съ прежнимъ закономъ. Ссылка замѣняла смертную казнь, но новый законъ каралъ все, что грозило республикѣ, правительству и Конвенту. Подвергавшіеся преслѣдованію объявлялись виѣ закона. Въ случаѣ опасности, Конвентъ долженъ былъ перенести свое пребываніе въ другой департаментъ. Въ то время, какъ Конвентъ издавалъ этотъ законъ, въ Тюильри уже дрались. Сторонники Конвента вытѣснили бунтовщиковъ. На слѣдующій день начался процессъ Биллю, Колло и Барера. Допустить осужденіе этихъ террористовъ, это значило для уцѣлѣвшихъ монтаньяровъ признать себя побѣжденными и выдать себя головой. Съ другой стороны, пораженіе въ Парижѣ, удаленіе въ провинцію разрушило бы престижъ комитета Общественнаго спасенія. Съ обѣихъ сторонъ шли къ «дню».

Такое положеніе вещей объясняетъ нетерпѣніе Комитета и грозный тонъ, принимаемый имъ въ переговорахъ. Покорность Голландіи была однимъ изъ доводовъ, на который онъ рассчитывалъ для того, чтобы заставить прусскаго короля принять рѣшеніе и подписать миръ. Въ то же время миръ съ Пруссіей могъ бы привести къ покорности Голландіи; въ виду всего этого Комитетъ торопилъ Бартелеми. Выказывая себя неумолимымъ по отношенію къ Голландіи, онъ удваивалъ приманки для Фридриха-Вильгельма. «Вознагражденіе,—писалъ Мерленъ 2-го жерминаля (22-го марта), онъ можетъ самъ себя назначить на другомъ берегу Рейна... Пусть онъ выбираетъ, что ему угодно, лишь-бы то было на счетъ нашихъ враговъ... Мы подпишемъ все, мы обеспечиваемъ все и сложимъ оружіе только тогда, когда онъ благополучно вступитъ во владѣніе...» Это значило общать слишкомъ много. Комитетъ понялъ это, когда прослушалъ чтеніе черноваго наброска депеши Мерлена, и Мерленъ исправилъ его слѣдующимъ образомъ: «Мы полагаемъ, что если бы было возможно заставить короля принять наше ручательство по поводу какой-либо уступаемой ему территоріи, напримѣръ епископства... то мы были бы весьма довольны... Такимъ путемъ прусское правительство присоединилось-бы къ нашему дѣлу». Это присоединеніе было весьма нелегкою вещью, и базельскіе переговоры, на которыхъ вертѣлись всѣ остальные, именно въ эту минуту испытывали задержки весьма тревожнаго свойства.

V.

Новый прусский уполномоченный Гарденберг был образованным дипломатом и государственным человеком, способным на широкие замыслы; сведения его были обширны, темперамент достаточно решителен; но рядом с этими качествами в нем замечалось большое преклонение перед силой и излишняя уступчивость перед великими мира. Одним словом, это был человек, сперва потерпевший неудачу, вследствие внезапного стечения неблагоприятных обстоятельств, затем возвысившийся и занявший положение, превышавшее его действительные дарования, но несомненно стоявший ценою головою выше таких изношенных министров, как Альвенслебен, Финкенштейн, и такого вздорного дипломата, как Гаугвиц. Больше германец, чем пруссак, ганноверец в душе, Гарденберг искал мира с французскою республикой только для того, чтобы избавить Германию от австрийского супрематства и подготовить возрождение германской империи, под гегемонией Пруссии. Он был против расчленений, стоял за нейтралитет, путем которого можно было бы расположить Северную Германию в пользу прусской политики, его доставляющей; через посредничество Фридриха-Вильгельма в деле мира для остальной части империи, чрез такъ называемую «Конфедерацию государей», расширенную и укреплённую, подготовить Северогерманскую конфедерацию,—вотъ чего ждалъ Гарденбергъ отъ переговоровъ въ Базелѣ. Онъ надѣялся достигнуть своихъ цѣлей, не порывая съ европейскою коалиціей, въ особенности же съ англичанами, къ которымъ, въ качествѣ ганноверца, питалъ всегда большую склонность и пристрастіе ¹⁾. Такимъ образомъ, по своимъ мыслямъ онъ несравненно ближе былъ къ прусскому королю, чемъ къ его министрамъ.

Инструкции полученные имъ отъ этихъ послѣднихъ, 28-го февраля, уполномочивали его уступить, въ случаѣ надобности, прусскія владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна. Ему предписывалось «настаивать на вознагражденіи», для компенсаціи этой уступки, и уладить нейтрализацію Северной Германіи подъ ручательствомъ Пруссіи. Ганноверъ долженъ былъ быть включенъ въ нейтралитетъ; если же республика стала бы опасаться недостаточно полного соблюденія нейтралитета въ зависимость отъ англійской короны Ганноверъ, то прусскій король объявитъ себя готовымъ принять Ганноверъ подъ свою охрану.—Для министровъ, важнѣйшею статьею была статья о вознагражденіяхъ, для Гарденберга—«демаркаціонная линия» и нейтралитетъ». Если Франція отклонитъ это предложеніе, сказала

¹⁾ *Revue historique*, t. VII, p. 316—335.

Гарденбергъ 1-го марта, то покажетъ тѣмъ, что имѣетъ намѣреніе вернуть всю имперію и, въ такомъ случаѣ, нужно предпочесть войну во что бы то ни стало.

Гарденбергъ не спѣшилъ приѣздомъ въ Базель. «Онъ старался затянуть переговоры», писалъ Мальмсбери, «до тѣхъ поръ, пока узнаетъ чрезъ меня, что Англія предлагаетъ субсидіи Пруссіи, на чемъ онъ сильно настаиваетъ». Гарденбергъ говорилъ объ этомъ герцогу Брауншвейгскому и повторялъ англійскому агенту во Франкфуртѣ—Крауфорду. Англичане доверяли искренности Гарденберга, «но не его двора». Онъ приѣхалъ въ Базель 18 марта, не узнавъ ничего положительнаго о субсидіяхъ, но решившись выиграть время, насколько будетъ возможно.

Съ Бартеlemi онъ встрѣтился 19-го. Совѣщанія начались тотчасъ же. Бартеlemi находилъ всевозможныя затрудненія по вопросу о нейтрализаціи Северной Германіи; Гарденбергъ подвергъ безконечному разсмотрѣнію территоріальныя уступки. «Мнѣ кажется», замѣтилъ онъ между прочимъ, «что, желая показать уваженіе Пруссіи и подготовить на будущее время полезныя для вашей политики соглашенія, вы не можете начинать съ отнятія ея старинныхъ владѣній, не предлагая за то вознагражденія, и дискредитировать ее въ глазахъ Германіи, которая съ прискорбіемъ увидитъ въ отдѣленіи отъ нея Клеве начало дальнѣйшаго раздѣла имперіи».

Подъ впечатлѣніемъ сообщеній Малле дю-Пана, а можетъ быть и вследствие какихъ-нибудь неосторожныхъ рѣчей Бартеlemi и Бахера о реакціи въ умахъ парижанъ, о возвращеніи въ Конвентъ умѣренныхъ и враждебности этой партіи къ политикѣ присоединеній, Гарденбергъ воспользовался, какъ лишнимъ доводомъ, внутреннимъ положеніемъ Франціи, настоятельной необходимостью для нея мира и общимъ желаніемъ французскаго народа видѣть этотъ миръ заключеннымъ въ самомъ непродолжительномъ времени. «Общественное мнѣніе», сказалъ онъ, «болѣе и болѣе громко высказывается противъ войны, предлогами для которой уже не могутъ служить завоеваніе свободы и сохраненіе неприкосновенности старой французской территоріи».

Оба уполномоченные продолжали вести такого рода академическія пренія въ ту минуту, какъ Бартеlemi получилъ *ультиматумъ* Комитета. Гарденбергъ подаль видъ, что не обращаетъ на это обстоятельство никакого вниманія. Онъ сталъ выказывать тѣмъ болѣею сдержанностью, чемъ настойчивѣе становился Бартеlemi. Какъ ни былъ опытенъ Бартеlemi, тѣмъ не менѣе онъ сталъ тревожиться. «Мы попали въ плохія руки», писалъ онъ Конвенту 22-го марта. Между тѣмъ срокъ, назначенный Гарденбергомъ англичанамъ по вопросу о субсидіяхъ, приходилъ къ концу. Онъ увидѣлъ себя выну-

жденнымъ, какъ извѣщалъ лорда Спенсера, «думать только о заключеніи договора съ французами на возможно выгодныхъ условіяхъ».

23-го марта Гарденбергъ отправился къ Бартелеми и приступилъ къ обсужденію договора по статьямъ. Главную трудность представляла редакция статьи, касавшейся территоріальныхъ уступокъ. Бартелеми, согласно съ полученными имъ предписаніями, предложилъ слѣдующую редакцію: «*Французская республика будетъ продолжать оккупацию Марка, Клеве и Гельдерна, лежащихъ на лѣвомъ берегу Рейна... Эти края, по заключеніи окончательнаго мира между французскою республикою и остальною Германіей, раздѣлятъ участь прочихъ имперскихъ государствъ, расположенныхъ на томъ же берегу*». Гарденбергъ имѣлъ претензію «оградить репутацию прусскаго короля и его интересы, не вредя интересамъ французскимъ». Онъ полагалъ, что достигнеть этой цѣли слѣдующимъ ухищреніемъ въ выраженіяхъ. вмѣсто слова «республика» можно бы сказать: «республиканскія войска»; вмѣсто «раздѣлять участь» поставить: «всякое окончательное устройство по отношенію этихъ провинцій будетъ отложено до заключенія общаго мира между Франціей и Германской имперіей». Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, все сводилось бы къ признанію и опредѣленію факта оккупации, оставляя всѣ вопросы о правахъ на будущее время. Это было немного. Но Гарденбергъ думалъ однако же потребовать за это хорошую цѣну и обнаружилъ слѣдующіе виды. «Пруссійскій король, — сказалъ онъ, — отклоняетъ мысль о территоріальной уступкѣ; но Конвентъ настаиваетъ, и вслѣдствіе этого настоящій король вынужденъ предвидѣть такой исходъ». Поэтому Гарденбергъ предложилъ включить тайную статью, по которой король могъ условиться съ республикой по поводу «приличествующаго ему вознагражденія». Затѣмъ вернулись къ вопросу о нейтралитетѣ.

Бартелеми понялъ игру своего партнера, заключающуюся не въ желаніи прервать переговоры, а «прикрыть Ганноверъ и сыграть роль великаго человѣка». Онъ понялъ, какія выгоды представилъ бы для республики нейтралитетъ сѣвера Германіи: такимъ способомъ обезпечивалась бы безопасность Голландіи, получалась возможность перевести всѣ сѣверныя и восточныя арміи на югъ Германіи и сосредоточить ихъ противъ Австріи; наконецъ готовились бы раздѣл имперіи и образованіе сѣверо-германскихъ конфедераций, бывшихъ однимъ изъ излюбленныхъ плановъ дипломатіи Комитета. Гарденбергъ проявилъ нѣкоторую уступчивость по поводу территоріальныхъ уступокъ, и Бартелеми нашелъ нужнымъ уступить по вопросу о нейтралитетѣ. Первый заявилъ даже, что «если Франція приметъ демаркаціонную линію, то въ силу имѣющихся у него достаточныхъ полномочій онъ можетъ приступить къ немедленному соглашенію». Бар-

телеми самъ желалъ этого; однако нейтралитетъ могъ вызвать бури въ Конвентѣ; Комитетъ также не желалъ отказываться отъ своего прежняго рѣшенія, и переговоры продолжались въ томъ же духѣ. «Мы продолжаемъ спорить, однако безъ ссоры, и каждый остается при своемъ мнѣніи», писалъ Бартелеми. Онъ не безъ основанія остерегался вопроса о нейтралитетѣ. Комитетъ былъ далекъ отъ согласія на такую уступку; но событія, которыя все переворачиваютъ въ дѣлахъ этого рода, скоро должны были вынудить и его согласіе.

VI.

Въ Парижѣ разыгрывался мятежъ. Комитету приходилось высказывать твердость во внѣшнихъ дѣлахъ и въ то же время лавировать въ Конвентѣ, приготовляясь выдержать приступъ уличнаго возмущенія голодныхъ, анархистовъ и монтаньяровъ: эти три элемента заключили между собою союзъ. «Пренія», писалъ Сіейсъ, «были начаты, оставлены, затѣмъ возобновлены и снова прерваны, вслѣдствіе ежедневныхъ важныхъ событій»¹⁾. 5-го жерминаля — 25-го марта, Мерленъ увѣдомилъ Бартелеми, что не слѣдуетъ ничего уступать по вопросу о лѣвомъ берегу и прибавлялъ: «Ускоряй ходъ переговоровъ всѣми возможными мѣрами и не теряй ни минуты, чтобы довести ихъ до конца». 10-го жерминаля — 30-го марта, по полученіи базельской почты, Мерленъ еще нетерпѣливѣе писалъ: «Мы не можемъ, не подвергаясь неизбѣжному порицанію всей Франціи, измѣнить хотя бы единое слово въ редакціи статьи VI», то есть статьи о территоріальныхъ уступкахъ. Бартелеми получилъ предписаніе добиться обѣщанія, что прусскій король воздержится «отъ всякаго враждебнаго предпріятія, по отношенію къ Соединеннымъ Провинціямъ. Далѣе Мерленъ прибавилъ: «Предлагать планъ нейтрализаціи невозможно... Комитетъ поручаетъ тебѣ просить точнаго и быстрого объясненія и кончать дѣло безъ дальнѣйшихъ проволочекъ. Да или нѣтъ, — вотъ отвѣтъ, котораго мы ждемъ со слѣдующею почтой».

Въ ту же ночь, когда Комитетъ подписалъ эту депешу, онъ обратился съ ультиматумомъ къ голландцамъ. Пишегрю находился въ это время въ Парижѣ; Комитетъ предполагалъ, въ случаѣ надобности, возложить на него дѣло подавленія мятежа. Его призвали въ засѣданіе, и онъ принялъ участіе въ обсужденіи голландскихъ дѣлъ. *Ультиматумъ* повторялъ ранѣе поставленныя условія. Комитетъ постановилъ рѣшеніе по поводу мѣръ,

¹⁾ Комитетъ франц. комиссарамъ въ Голландіи, 11-го жерминаля — 31-го марта 1795 г.

которые будут приняты, если голландцы станут упорствовать в своем сопротивлении: французские войска отступать к Дортрехту и Флессингу; он сосредоточать в этих двух крепостях все, что можно будет извлечь из морских арсеналов, увезти по части артиллерии и провiantа; завоеванный и имѣющій быть присоединенным к Франціи край должен быть и организован сообразно с обстоятельствами. Батавские делегаты были приглашены на слѣдующій день. «Мы поставим их в необходимость дать немедленный отвѣтъ: да или нѣтъ», писалъ Сіейс. Комитетъ рассчитывалъ вынудить капитуляцію делегатовъ при помощи одного изъ классическихъ дипломатическихъ приемовъ. Предписывая Бартеlemi заручиться обѣщаніемъ прусскаго короля относительно воздержанія отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Голландіи, Комитетъ въ то же время намѣренъ былъ дать понять батавскимъ демократамъ, что если они откажутся отъ союза съ французской республикой, то подвергнуть себя вооруженному вмѣшательству Пруссіи въ пользу штатгалтерской партіи.

11-го жерминаля—31-го марта, утромъ, Комитетъ получилъ донесеніе отъ Бартеlemi, отъ 27-го марта. Оно заключало слѣдующую декларацию Гарденберга: «Пруссійскій дворъ искренно желаетъ скорѣйшаго заключенія мира съ Франціей; но, не допуская возможности подписанія условій, несовмѣстныхъ со своею честью и интересами, рѣшится снова взяться за оружіе и рисковать всемъ, во избѣжаніе позора». Смыслъ этой рѣчи означалъ, что республика можетъ успокоить прусскую щекотливость не иначе, какъ хорошо заплативъ, но не добьется ничего безплодными угрозами и отказами. Мерленъ наскоро набросалъ записку Бартеlemi. Комитетъ будетъ совѣщаться, писалъ онъ ему: «А пока мы просимъ тебя не сообщать содержанія нашей вчерашней депеши и считать ее не существующею вплоть до слѣдующаго распоряженія». Записка была вручена экстренному курьеру, который и былъ немедленно отправленъ. Вечеромъ Комитетъ обсудилъ дѣло и, понявъ, что добьется отъ Пруссіи уступки лѣваго берега только предоставивъ прусскому королю честь и выгоду умиротворенія Сѣверной Германіи, принялъ рѣшеніе въ этомъ смыслѣ. Но, писалъ Мерленъ Бартеlemi, «мы даемъ это согласіе только подъ тѣмъ условіемъ, что миръ будетъ подписанъ тотчасъ же».

Парижскія волненія заставляли Комитетъ сдѣлать уступку по статьѣ о нейтралитетѣ. Въ то же время и Гарденбергъ получалъ депешу изъ Берлина, въ которой ему приказывалось подписывать миръ, лишь бы Сѣверная Германія была нейтрализована. Пруссакъ заставляли уступить по статьѣ о Рейнѣ польскія дѣла. Извѣстія, полученные изъ Петербурга, были крайне тревожнаго свойства. Императрица считала себя даже въ правѣ

требовать, чтобы Фридрихъ-Вильгельмъ продолжалъ войну съ Франціей. «Однимъ почеркомъ пера», писала она 19-го марта одному изъ своихъ агентовъ, «пруссійскій король получалъ такое вознагражденіе, котораго не могли бы ему доставить и десять лѣтъ войны»²⁾. Это говорилось о раздѣлѣ 1793 г. Что же касается того раздѣла, который готовился въ 1795 г., то Екатерина о немъ умалчивала; министры ея противопоставляли требованіямъ пруссакъ ироническое молчаніе. Разрывъ казался неизбѣжнымъ. Когда прусскіе министры увидѣли, что Гарденбергъ навлекаетъ на Пруссію возобновленіе войны съ Франціей, они пришли въ бѣшенство. «Да, сейчасъ видно, что Гарденбергъ не пруссакъ, а ганноверецъ!» воскликнулъ Альвенслебенъ. Они подозрѣвали, что Гарденбергъ строитъ козни противъ Пруссіи вмѣстѣ съ англичанами. Фридрихъ-Вильгельмъ уже ничего не ждалъ отъ Англіи, а потому не хотѣлъ дѣлать ей никакихъ авансовъ. Подъ такими-то вліяніями редактированы были инструкции, полученные Гарденбергомъ 31-го марта.

Между тѣмъ экстренный курьеръ Комитета такъ быстро совершилъ свой путь, что контръ-приказъ доставленъ былъ въ Базель 3-го апрѣля—ранѣе пріѣзда курьера, везшаго самый приказъ. 15-го жерминаля—4-го апрѣля, депеши 11—31 марта были уже въ рукахъ Бартеlemi. Уполномоченныхъ раздѣляли только нѣкоторые отгѣнки въ выраженіяхъ договора. Гарденбергъ упрямо стоялъ на формулѣ: *Республиканскія войска будутъ продолжать оккупацию*. Ему казалось, что эта формула маскируетъ уступку. Бартеlemi придавалъ значеніе только самому факту, находя что для Франціи важно занимать войсками прусскія земли и заручиться согласіемъ прусскаго короля относительно возможности отдѣленія, при случаѣ, всего лѣваго берега Рейна и присоединенія его къ Франціи. Гарантій для имперіи былъ бы явный трактатъ, щадившій форму, а республика получила бы тайныя статьи, опредѣлявшія самую суть. Бартеlemi замѣчалъ сверхъ того у Гарденберга признаки возраставшей тревоги, по поводу внутренняго положенія Франціи и устойчивости ея правительства, то есть Комитета. Слухи, распространяемые въ Базелѣ эмигрантами, и извѣстія, приносимыя парижскими газетами, слишкомъ оправдывали эту тревогу. Бартеlemi рѣшился кончить, и 16-го жерминаля—5-го апрѣля, въ шесть часовъ вечера, трактатъ былъ подписанъ³⁾.

Въ открытыхъ статьяхъ его значилось, что французскія войска очистятъ прусскія владѣнія на правомъ берегу Рейна и будутъ продолжать занимать таковыя же владѣнія на лѣвомъ берегу. Всякое окончательное

²⁾ Мартенсъ, т. VI, стр. 165.

³⁾ De Clercq, *Tratés de la France*, t. I, p. 232 и слѣд.

соглашение относительно этих послѣднихъ откладывалось до заключенія общаго мира между Франціей и имперіей. Обѣ договаривающіяся державы обязывались къ совокупному обсужденію мѣръ, клонящихъ къ удаленію театра войны изъ Сѣверной Германіи. Республика изъявляла согласіе на трехмѣсячное перемиріе для германскихъ государствъ праваго берега Рейна, въ положеніи которыхъ принялъ бы участіе прусскій король, и принимала дружественное содѣйствіе этого государя въ улаженіи отношеній со всеми имперскими государствами. Въ тайныхъ статьяхъ говорилось, что если по заключеніи общаго мира съ имперіей Франція сохранитъ за собой лѣвый берегъ Рейна, прусскій король условится съ республикою относительно слѣдующаго ему вознагражденія. Пруссія же обязывалась не предпринимать никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Голландіи и противъ странъ, занятыхъ республикою. Сѣверная Германія, отграниченная демаркаціонной линіей, становилась нейтральною, подъ поручительствомъ прусскаго короля.

Бартеlemi поступилъ весьма благоразумно, подписавъ трактатъ 5-го апрѣля. Три дня спустя, извѣстія, полученныя изъ Парижа, уничтожили бы все результаты переговоровъ, подтвердили бы сомнѣнія Гарденберга и укрѣпили бы его сопротивленіе.

Мятежъ, котораго опасалось французское правительство, вспыхнулъ 12-го жерминаля—1-го апрѣля. Шайки, составленныя въ значительномъ количествѣ изъ женщинъ и дѣтей, образовались съ утра въ предмѣстьяхъ. Тампльскій и Сентъ-Антуанскій кварталы взялись за оружіе, и инсургенты дружно двинулись къ Тюильріямъ съ крикомъ: «Хлѣба и конституцію 1793 года!» Толпа окружила Конвентъ, и депутаціи мало-по-малу наполнили его, ворвавшись въ него силою. То была обычная тактика революціонныхъ «дней». Если бы, подобно 31-му мая и 2-му іюня, инсurreкція нашла многочисленныхъ сообщниковъ въ средѣ самихъ депутатовъ Конвента, дѣло кончилось бы паденіемъ господствовавшей партіи, прокрипціей умѣренныхъ и подчиненіемъ національнаго представительства волѣ инсургентовъ. Но времена перемѣнились. Это вторженіе толпы голодныхъ и анархистовъ такъ же мало измѣнило ретроградное движеніе революціи, какъ вышедшій изъ береговъ потокъ не замедляетъ морского отлива. Дантонъ уже не руководилъ приступомъ, а дантонисты новаго времени вызывали отпоръ анархистовъ. Засѣдавшій въ инсurreкціонной Коммунѣ 10-го августа Талльенъ объявилъ 11-го жерминаля: «Прошло то время, когда извѣстная часть народа диктовала свою волю Конвенту; мы сѣмъ исполнить нашъ долгъ». Когда 12-го жерминаля одинъ изъ членовъ парижскихъ секцій, бывшій гонитель жирондистовъ, воскликнулъ: «Депутатъ, вы видите передъ собою людей 10-го августа и 31-го мая!»

Гора встрѣтила его слова рукоплесканіями; но комитеты велѣли бить въ набатъ; національная гвардія, вѣрная правительству, взялась за оружіе и разогнала толпу, окружавшую Собраніе. Барра, показавшій свое усердіе 9-го термидора, обратился къ вторгнувшимся въ залу инсургентамъ съ приказаніемъ удалиться. Секціи, вѣрныя Конвенту, продефилировали передъ рѣшеткой; онѣ просили депутатовъ остаться на мѣстахъ и, выражая преданность Собранію, вытолкали бунтовщиковъ. Въ Тюильріяхъ, въ самой залѣ засѣданій Конвента, завязалась глухая борьба сталкивающихся группъ, тѣснившихъ и увлекавшихъ другъ друга. Перевѣсъ остался на сторонѣ наиболѣе многочисленной толпы, натискъ которой былъ сильнѣе и выдержаннѣе.

Освобожденный Конвентъ оправился отъ своего воленія, гордясь тѣмъ, что избѣжалъ опасности, но полный ожесточенной ненависти къ тѣмъ, кто навлекъ эту опасность. Изданъ былъ декретъ о доставкѣ жизненныхъ припасовъ; декретирована была ссылка преданныхъ суду террористовъ: Колло, Билльо и Барера, а также и семи депутатовъ изъ монтаньяровъ, на которыхъ донесли, какъ на виновниковъ бунта. Въ Парижѣ было объявлено осадное положеніе; Баррасу и Мерлену де Тіонвиллю поручено было слѣдить за защитою республики, а командованіе военными силами Парижа ввѣрено было Пишгрю. Это было новымъ явленіемъ въ исторіи революціи. Со времени паденія Лафайета, во главѣ парижской національной гвардіи ни разу не видѣли военнаго генерала. Пишгрю слылъ преданнымъ революціи; онъ громко говорилъ объ этой преданности, и его демократическія выходки, по крайней мѣрѣ настолько же, какъ и его побѣды, способствовали назначенію его на этотъ постъ. Примѣръ былъ поданъ; онъ имѣлъ громадное значеніе и имѣлъ вполнѣ логическія, но и весьма неожиданныя послѣдствія. 12-го жерминаля видѣли только прослаившагося генерала, въ видѣ исключенія ставшаго во главѣ національной гвардіи. Скоро Конвентъ сдѣлаетъ еще шагъ впередъ, и въ Парижѣ войдутъ линейныя войска. Республика не могла быть правительствомъ, и республиканцы не могли удержаться у власти безъ тѣхъ средствъ, которыми пользовались правительства всехъ временъ и народовъ. Обращеніе къ нимъ само по себѣ не было нововведеніемъ; сила, начиная съ 1789 года, рѣшала все; но до апрѣля 1795 года рѣшала сила народная, съ этого же момента совершать «дни» и господствовать надъ республикою будетъ организованная военная сила.

Мятежъ продолжался 16-го жерминаля—2-го апрѣля—съ еще болѣею яростію. Инсургенты захотѣли воспротивиться отъѣзду ссылаемыхъ, и тогда потекла кровь. Пишгрю велѣлъ стрѣлять въ толпу изъ пушекъ. Такого рода мѣры, строгая дисциплина войскъ и въ особенности громкая

слава генерала подавили мятежь. Въ ночь со 2-го на 3-е апрѣля, Пишгерю явился къ рѣшеткѣ Конвента и сказалъ: «Представители, ваши приказанія исполнены въ точности». Президентъ Пеле отвѣчалъ, что побѣдитель тирановъ не могъ не восторжествовать и надъ преступленіемъ. Пишгерю былъ приглашенъ къ почетному участию въ засѣданіи. Одинъ изъ депутатовъ потребовалъ арестованія Камбона, Тюріо, Фуше и Лекантра: «Въ этихъ четырехъ негодяяхъ живетъ духъ разгромленной партіи!» Конвентъ постановилъ арестовать девять монтаньяровъ: въ ихъ числѣ Камбона, честнаго человѣка, оказавшаго важныя услуги государству; но будущаго министра Бонапарта и Людовика XVIII, Фуше, въ то время успѣвшаго заявить о себѣ одними злодѣянiami, не значилось въ спискѣ; по своему характеру онъ принадлежалъ къ разряду интригановъ и злодѣевъ, но партія жертвъ никогда не была его партіей, и до 1816 г. онъ избѣжалъ роли ссылаемаго.

Конвентъ нашелъ нужнымъ усилить составъ своего правительства. Число членовъ комитета Общественнаго спасенія было доведено до шестнадцати. 15-го жерминаля кончался срокъ полномочій Буасси, Дюбуа-Крансе и Дюмона. Ихъ замѣнили: Камбасересъ, Обри, Талльенъ, Крезе-Латушъ, Лесажъ, Жилье и Ру. Крезе и Жилье подавали голоса только за арестъ Людовика XVI. Никогда еще число умѣренныхъ не было такъ значительно въ Конвентѣ. Но, измѣнивъ въ такомъ смыслѣ Комитетъ, Конвентъ не былъ расположенъ усилить къ нему въ значительной степени свое довѣріе. Онъ раздражался медленностью внѣшнихъ переговоровъ и обвинялъ Комитетъ въ томъ, что онъ не въ достаточной степени и не довольно искусно пользуется предоставленными ему широкими полномочіями. Недовѣріе Конвента особенно ярко проявилось въ докладѣ о положеніи внѣшнихъ дѣлъ, котораго потребовало Собраніе и который былъ ему представленъ депутатомъ Пеле 19-го жерминаля—8-го апрѣля. Пеле былъ членомъ Комитета отъ 5-го ноября 1794 г. до 5-го марта 1795 г., онъ председательствовалъ въ Конвентѣ во время дней 12-го и 13-го числа. Докладъ его былъ довольно пустъ и посредствененъ по содержанию, узокъ и злобенъ по духу. Пеле имѣлъ претензію быть дипломатомъ; онъ принадлежалъ къ небольшому кружку, который, не имѣя опредѣленнаго политическаго плана, порицалъ планъ Комитета и завидовалъ триумвиату, который подѣлилъ между собою вѣдомство иностранныхъ дѣлъ. А такъ какъ этотъ триумвиратъ склонялся къ прусской системѣ, то есть къ союзу съ Пруссіей, то соперники его рекомендовали, напротивъ, австрійскую комбинацію. Пеле констатировалъ всеобщее желаніе мира во Франціи; онъ напомнилъ, что Комитетъ имѣлъ намѣреніе разъединить коалицію, при помощи отдѣльныхъ трактатовъ; онъ намекнулъ, что надежда на такіе трактаты

рушилась, что миролюбіе Пруссіи лицемерно и что берлинскій дворъ имѣлъ единственною цѣлью импонированіе сѣверо-германскимъ государствамъ, съ цѣлью заставить ихъ скрѣпить по его желанію «макиавелистическое дѣло» раздѣла Польши.

Двоедушіе Пруссіи было большимъ мѣстомъ дипломатическихъ сношеній Комитета; еще болѣе болѣзненною точкою для него былъ раздѣлъ Польши. Комитетъ увидѣлъ въ докладѣ Пеле воскрешеніе чудовища, которому Конвентъ принесть столько кровавыхъ жертвъ: *австрійскаго комитета*. Возволнованный засѣданіемъ, въ которомъ читался вышеупомянутый докладъ, Комитетъ съ томительною тоскою ждалъ извѣстій изъ Базеля, когда 20-го жерминаля—9-го апрѣля, курьеръ Бартелеми привезъ подписанный трактатъ. Статья о перемиріи вызвала неудовольствіе въ завоевателяхъ; но, вникнувъ въ дѣло, они поняли, что эта статья явнаго договора была лишь дополненіемъ тайной статьи о нейтралитетѣ Сѣверной Германіи. Нѣкоторые пожалѣли также, что Пруссія не взяла Ганновера въ видѣ залога, какъ ей предлагалось: это было бы ручательствомъ за нейтралитетъ Сѣверной Германіи и средствомъ для привлеченія Пруссіи къ союзу съ французской республикой. Но все это были частности, а въ общемъ Комитетъ былъ доволенъ.

21-го жерминаля—10-го апрѣля, Ребель представилъ трактатъ Конвенту. Собраніе встрѣтило его повторенными рукоплесканіями. Ребель хвалилъ авторовъ трактата; онъ указалъ, какъ на благоприятный исходъ, на значеніе, которое въ силу этого трактата приобретаетъ Пруссія въ Германіи. Не раскрывая тайныхъ статей, онъ далъ угадать ихъ существованіе и смыслъ слѣдующими словами: «Хотя вы еще не высказались по вопросу о желаемыхъ границахъ вашей территоріи, Комитетъ, вами избранный, полагалъ, что долженъ былъ рѣшить этотъ вопросъ въ смыслѣ, который, какъ ему казалось, пользовался до сихъ поръ одобреніемъ націи». Конвентъ единогласно утвердилъ трактатъ 25-го жерминаля—14-го апрѣля съ виватами въ честь республики. Нѣсколько дней спустя Комитетъ узналъ, что 16-го апрѣля Бартелеми добился согласія Пруссіи на взятіе ею, въ случаѣ надобности, въ залогъ Ганновера, и уже безъ всякихъ заднихъ мыслей могъ поздравить Бартелеми съ успѣхомъ.

Не менѣе удовольствія вызвало заключеніе мира и въ Берлинѣ. Комбинація, касавшаяся нейтралитета, утѣшала Гарденберга въ уступкѣ, къ тому же еще невѣрной, которую онъ принужденъ былъ сдѣлать относительно прирейнскаго края. «Этотъ миръ, государь, представляется мнѣ прочнымъ, выгоднымъ и почетнымъ», написалъ онъ королю. Министры были въ полномъ удовольствіи: трактатъ заключенъ былъ согласно съ ихъ желаніями и получалась гарантія богатаго вознагражденія: Пруссія округ-

лить свои границы въ будущемъ и у нея не связаны руки въ настоящемъ. Около этого времени въ Берлинъ пріѣхалъ французскій эмигрантъ Ламбертъ, состоявшій на русской службѣ. Онъ только что былъ въ Петербургъ и привезъ письмо отъ императрицы и особую инструкцію отъ Маркова. Въ письмѣ и въ инструкціи говорилось о томъ, что слѣдуетъ предостеречь короля противъ «окружающихъ его коварныхъ совѣтниковъ», убѣдить его прервать сношенія съ цареубійцами, тѣснѣ сблизиться съ коалиціей и энергичнѣйшимъ образомъ продолжать войну. Письмо адресовано было къ герцогу Брауншвейгскому. Этотъ герой «философъ», осторожный и фрондирующій, выразилъ въ письмѣ къ Ламберту свои «живѣйшія опасенія по поводу судьбы Германіи вообще и собственныхъ владѣній въ частности». Императрица рассчитывала на него въ дѣлѣ отклоненія Фридриха-Вильгельма отъ договора съ Франціей и отдаленія, такимъ путемъ, этого государя отъ Польши. Но посредникъ былъ выбранъ неудачно, а эмиссаръ явился слишкомъ поздно. Герцогъ Брауншвейгскій, успокоенный нейтралитетомъ Сѣверной Германіи, притворился, что у него идетъ кровь носомъ», и ушелъ, когда Ламбертъ сталъ просить его о поддержкѣ изложенныхъ въ его письмѣ совѣтовъ. Когда Ламбертъ обратился затѣмъ къ самому королю, Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣтилъ, что переговоры зашли уже слишкомъ далеко для того, чтобы могли быть прерванными, и заключеніе мира было однимъ изъ первыхъ извѣстій, которое посланный Екатерины узналъ въ Берлинѣ. Принцъ Генрихъ Пруссскій выразилъ свою радость въ письмѣ къ Бахеру. «Желаю, чтобы этотъ миръ содѣйствовалъ благоденствію французской республики! Желаю, чтобы онъ скрѣпилъ узы дружбы между народами, и въ особенности дружбу между Пруссіей и Франціей!»

Въ сущности, Базельскій миръ былъ лишь переходнымъ соглашеніемъ. Онъ только откладывалъ затрудненія, но обѣщалъ важныя комбинаціи въ будущемъ. Между французскимъ и прусскимъ народомъ не существовало никакого повода къ ненависти и злопамятству; не было также антагонизма въ интересахъ и столкновенія въ честолюбивыхъ стремленіяхъ и между французскимъ и прусскимъ государствами. Сближаясь, обѣ страны, несмотря на несходство своихъ правительственныхъ принциповъ, повиновались традиціямъ своего историческаго прошлаго. Миръ былъ почетенъ для Франціи и не былъ унижителенъ для Пруссіи.

Трактатъ не рѣшалъ вопроса о Рейнѣ, но готовилъ всякія рѣшенія, и это-то и было самою удачною стороною сдѣлки. Если республика нашла бы нужнымъ настаивать на системѣ рейнской границы, она обезпечивала себѣ теперь лучший способъ для проведенія такой системы; если бы она отказалась отъ нея, то значительно подвинула бы этимъ

частичнымъ договоромъ дѣло заключенія общаго мира, стала бы судьбою Германіи, могла бы возобновить Вестфальскій миръ и принудить Австрію къ уступкѣ Бельгіи. Пруссія видѣла свое вознагражденіе обезпеченнымъ въ томъ случаѣ, если Франція оставила бы за собою лѣвый берегъ Рейна. Ея измѣна дѣлу имперіи была позолочена конвенціей о нейтралитетѣ. Если Фридрихъ-Вильгельмъ заслужилъ упрекъ однихъ изъ союзныхъ ему государствъ, то, съ другой стороны, заслужилъ и благодарность другихъ. Онъ могъ надѣяться и на нѣчто большее. Онъ могъ сказать себѣ, что торжество умѣренной партіи въ Конвентѣ дастъ поводъ надѣяться, что республика удовольствуется одною Бельгіей и небольшимъ исправленіемъ своихъ границъ въ сторону имперіи. Въ такомъ случаѣ Базельскій миръ имѣлъ бы для Пруссіи одни преимущества. Пруссія, миротворица Германіи, вернулась бы къ роли, подготовленной для нея трактатами 1648 г. великимъ курфирстомъ и планомъ Конфедераціи государей, задуманной Фридрихомъ II. На это возлагалъ надежду Гарденбергъ. Но не таковы были намѣренія комитета Общественнаго спасенія и не такъ смотрѣлъ онъ на будущность, открываемую трактатомъ 16 жерминаля для Франціи, Пруссіи и Имперіи. Онъ располагалъ сдѣлать изъ Пруссіи орудіе величія французской республики, заинтересовавъ ее въ этомъ величій крупными выгодами. Не къ огражденію цѣлостности имперіи и къ подтвержденію Вестфальскихъ трактатовъ намѣревался пригласить Пруссію Комитетъ, а къ раздѣлу территорій Германіи и супрематства въ ней. «Прусское правительство», писалъ Мерленъ, «слишкомъ хорошо понимаетъ свои интересы, а потому не можетъ не чувствовать вмѣстѣ съ нами, что только что заключенный трактатъ будетъ, если только оно того пожелаетъ, лишь прелиминаріемъ другого болѣе важнаго трактата. Отъ него зависитъ, содѣйствуя нашимъ видамъ, подняться на ту высоту величія и устойчивости, которыхъ такъ важно для него достигнуть, и вмѣстѣ съ французскою республикою оказывать въ высшей степени полезное для цѣлой Европы вліяніе»⁴⁾.

⁴⁾ Письмо Мерлена къ Бартелеми отъ 22 жерминаля—11 апрѣля 1795 года.

КНИГА III.

Замыслы республики.

ГЛАВА I.

Ультиматумы Комитета.

1795.

I.

Такой взгляд на Базельскій миръ предполагалъ цѣлый переворотъ въ устройствѣ Германіи. Комитетъ, желавшій довести этотъ взглядъ до конечныхъ его послѣдствій, не отступалъ и передъ такимъ переворотомъ. Начиная съ конца апрѣля, онъ постоянно занятъ былъ этимъ планомъ. До тѣхъ поръ дипломатическою перепискою съ Германіей завѣдывалъ почти исключительно Мерленъ; теперь онъ долженъ былъ ступеваться передъ своими двумя новыми товарищами по дипломатической секціи, Ребелемъ и Сиейсомъ: первый превосходилъ его страстностью и рѣшимостью, второй былъ болѣе его способенъ къ выполнению обширныхъ и медленно выполняемыхъ замысловъ. Ребель былъ въ прежнее время адвокатомъ эльзасскаго верховнаго совѣта; хитрый крючкотворецъ, дерзкій, упрямый, грубый и по характеру и въ обращеніи съ людьми, не терпѣвшій противорѣчій, властолюбивый, алчный къ наживѣ, не вѣрившій въ чужую добродѣтель, согласовавшій свою собственную съ интересомъ, онъ руководился въ дѣлахъ не принципами, а гибкими формулами процедуры. Тѣмъ не менѣе онъ былъ, по-своему, преданъ республикѣ и оставался республиканцемъ; но въ республикѣ онъ болѣе всего любилъ государственность. Въ службу свою государству онъ вносилъ тщеславіе приказнаго, командующаго военными, и гордость плебея, унижающаго королей. Въ былое время онъ завѣдывалъ дѣлами нѣсколькихъ владѣтельныхъ эльзасскихъ князей и велъ ихъ тяжбы съ другими князьями. Въ германскихъ дѣлахъ онъ былъ весьма свѣдущъ и питалъ антипатію революціоннаго законника, — усиливаемую злопамятствомъ эльзасскаго буржуа. — къ имперіи, ея конституціи, ея имперскимъ камерамъ, сейму, медиатизированному дворянству и князьямъ-епископамъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ политиковъ, которые ничего не хотятъ знать о народѣ и имѣютъ

претензію вести страну одною виѣшнею политикою и интригами; онъ желалъ править Франціей посредствомъ Европы и Европою — при помощи французскихъ пушекъ, цѣня въ побѣдахъ выше всего доставляемыя ими матеріальныя выгоды и находя, что для республики, какъ и для частныхъ лицъ, самое вѣрное помѣщеніе капиталовъ — земля.

Сиейсъ имѣлъ претензію на реформу въ Европѣ и во Франціи, стремясь подчинить ту и другую собственнымъ соображеніямъ. Онъ мѣтилъ высоко, желая, чтобы Франція управляла Европою, а себѣ предоставляя роль учителя самой Франціи. Въ прологъ и въ первомъ дѣйствіи революціи онъ обѣщалъ сыграть весьма крупную роль; затѣмъ онъ внезапно исчезъ, уступивъ мѣсто Мирабо, гениальность котораго служила ему помѣхой, жирондистамъ, посредственность которыхъ смущала, Дантону, котораго презиралъ, и Робеспьеру, который внушалъ ему страхъ. Онъ умолкъ изъ гордости, ища удобныхъ случаевъ для появленія на политической аренѣ, затѣмъ молчалъ изъ осторожности, чтобы сохранить право на существованіе. Всѣ враги исчезли, опасность миновала, Сиейсъ вышелъ изъ своего убіжища, распорядился напечатаніемъ своей біографіи ¹⁾ и выставилъ свою кандидатуру на званіе члена Комитета. Весьма быстро успѣлъ онъ пріобрѣсти въ совѣтахъ республики то мѣсто высшаго политическаго механика, къ которому всегда стремился. Онъ поставлялъ въ этомъ свою славу, интересъ, страсть: онъ любилъ Францію и желалъ ей величія; онъ любилъ республику и желалъ ей благоразумія; сверхъ того онъ любилъ собственное спокойствіе и достатокъ и желалъ, чтобы они были прочно обезпечены ²⁾. Притязаніе на высокую руководящую роль оправдывалось глубиною и широтою его ума, діалектическимъ дарованіемъ, огромною вѣрою въ свои абсолютныя теоріи и въ собственную мудрость. Его государственныя замыслы были обширны, но ему не доставало самыхъ элементарныхъ свойствъ государственнаго человѣка: чутья дѣйствительности, жизненнаго инстинкта, умѣнія распознавать людей. Этотъ міровой реформаторъ началъ съ того, что замѣнилъ весь родъ человѣческій какою-то *tabula rasa*. Онъ съ одинаковымъ презрѣніемъ относился къ случайнымъ фактамъ, къ опыту и къ исторіи. «Достаточно людей, — говорилъ онъ, презрительно намекая на Монтескье, — занимались комбинаціей рабскихъ идей, всегда согласуемыхъ съ событіями. Политика не есть наука о томъ, что существуетъ, а о томъ, что должно быть». По-

¹⁾ *Notice sur la vie de Sieyès, écrite en messidor, deuxième année de l'ère républicaine.* — См. STERN, Konrad Oelsner, Фрейбургъ въ Брицгау, 1890.

²⁾ ROEDERER, t. III, 327. — SAINTE BEUVE, *Causeries du lundi*, t. V, Sieyès. — MIGNET, *Portraits et notices*, LE COMTE SIEYÈS, TALLEYRAND, *Mémoires*, Paris, 1891, t. I, 211.

кинувъ духовное званіе, онъ одновременно порвалъ со всѣми традиціями: «Мнимыя историческія истины такъ же мало реальны, какъ и мнимыя истины религіозныя». Но произведя такую очистку въ своемъ мышленіи, онъ оставилъ неприкосновенною форму, въ которую оно было отлито. Рационалистъ остался богословомъ по своему методу, и главныя способности, приложенныя имъ къ государственнымъ дѣламъ, носили явный отпечатокъ духовнаго званія: необыкновенный даръ анализа сцѣпленія обстоятельствъ, умѣнье распутать ихъ элементы, опредѣлить, уловить связь между ними; интенсивное чувство гармоніи, необходимой для социальнаго и политическаго организма.

Никто, во времена революціонныхъ кризисовъ, не опредѣлялъ яснѣе Сіейса задачъ данной минуты и не выводилъ съ большею точностью ихъ формулы. Въ 1789 и 1799 годахъ онъ сказалъ первое и послѣднее слово. Онъ былъ сотрудникомъ двухъ капиталныхъ событій этого періода: того, которое открывало, и того, которое замыкало его—клятвы въ залѣ *Jeu de paume* и 18-го брюмера. Онъ угадалъ начало господства третьяго сословія и диктатуру Бонапарта; онъ предсказалъ ихъ и содѣйствовалъ имъ. Но онъ содѣйствовалъ имъ противъ себя, и всѣ намѣченныя имъ событія только опровергли его теоріи. И это было именно потому, что отрицаемые его философскимъ тщеславіемъ два элемента: условія жизни и человѣческія страсти являются самыми мощными двигателями людей. Сіейсъ видѣлъ ихъ проявленія въ настоящемъ, но пренебрегалъ разысканіемъ причинъ, усматривалъ ихъ отдаленныя послѣдствія, но не хотѣлъ знать ихъ въ настоящемъ. Въ попыткахъ примѣнить свои политическія умозрѣнія къ управленію людьми, онъ переполненъ былъ самоувѣреннымъ тщеславіемъ политическаго астролога и создавалъ себѣ однѣ химеры. Публика никакъ не могла объяснить себѣ, какъ могъ онъ соединить такую прозорливость съ такимъ отсутствіемъ дѣятельности. Говорили, что въ немъ было что-то декартовское: вѣрнѣе было бы сказать, что онъ походилъ на того Декарта, который указалъ на вихревыя движенія въ мірозданіи. «Онъ не спорить, потому что умѣетъ только предписывать. Онъ желаетъ не убѣждать, а подчинять», — говорилъ Талейранъ, представлявшій полную противоположность Сіейсу. Сверхъ того, онъ одержимъ былъ мизантропией, бѣгалъ отъ людей, былъ желчнымъ человекомъ, любилъ господствовать, отличался абсолютностью своихъ правилъ, неумолимостью выводовъ, но и тонкостью въ примѣненіи своихъ идей, ухищренностью въ осуществленіи плановъ и, почитая себя макиавелистомъ вслѣдствіе скептицизма относительно средствъ, былъ въ сущности казуистомъ государственной необходимости.

Сіейсъ, размышляя о судьбахъ Европы, неспособенъ былъ останавли-

ваться на полумѣрахъ и ограничиваться формулами Фавье. Главнымъ нововведеніемъ плана, выработаннаго имъ въ 1795 г., было то, что въ немъ получила мѣсто Австрія, и притомъ мѣсто даже болѣе обширное, чѣмъ Пруссія. Сіейсъ не раздѣлялъ пристрастія своихъ современниковъ въ пользу Пруссіи: уже по духу противорѣчія онъ отказывался положить въ основу республиканской политики разрушеніе Австріи. Онъ не вѣрилъ ни въ энергію, ни въ способность, ни въ искреннюю преданность прусскаго правительства и находилъ, что прямо опасно усиливать Пруссію и давить Австрію. Онъ не желалъ, чтобы Франція была поставлена въ необходимость идти на сдѣлки съ тою или другою, предпочиталъ противопоставлять ихъ одна другой, видѣлъ возвышеніе обѣихъ и, по мѣрѣ возрастанія ихъ могущества, разжигать ихъ соперничество, а затѣмъ нейтрализовать одну другою. Въмѣсто того, чтобы ставить Германію подъ сомнительное покровительство Пруссіи, онъ желалъ прямо подчинить ее супрематству республики, образовать среди нея одинъ или два некрупныхъ союза, которые отдѣляли бы Францію отъ обоеихъ великихъ германскихъ государствъ и ограждали бы Германію отъ вторженія англійской торговли ³⁾.

Сіейсъ разсуждалъ объ этомъ теоретически, но не онъ одинъ приходилъ къ такимъ заключеніямъ. И въ Парижѣ, и въ самомъ Конвентѣ были политики, которые, не задаваясь такими обширными комбинаціями, просто спрашивали себя предъ лицомъ усиливавшейся нужды, угрозой банкротства, опасности военнаго преобладанія: не слѣдуетъ ли прежде всего стремиться къ континентальному миру; выгодно ли для Франціи искать систематическаго сближенія съ Пруссіей; не лучше ли, вмѣсто ожесточенной борьбы съ Австріей, теперь же вступить съ нею въ переговоры, предложить ей за выгодное для нея вознагражденіе уступить Нидерланды и согласиться на присоединеніе къ Франціи лѣваго берега Рейна ⁴⁾. Такое мнѣніе было довольно распространено въ своего рода *сэнтъ*, который снова образовался въ Парижѣ, и въ тѣхъ «раззолоченныхъ салонахъ», гдѣ освободившіеся изъ тюремъ узники встрѣчались съ термидоріанцами—*реакторами*.

Домъ барона Сталя былъ однимъ изъ сборныхъ пунктовъ этого міра, искавшаго главнымъ образомъ развлеченій, но слишкомъ привыкшаго къ интригамъ и кознямъ для того, чтобы не предаваться имъ даже среди свѣтскихъ удовольствій ⁵⁾. Изъ среды этихъ интригановъ и заговорщи-

³⁾ См. донесенія Сіейса изъ Берлина въ 1799 г., въ особенности донесеніе 8-го фруктидора—25-го августа. Извлеченіе, изданное BAILLET, t. I, 485.

⁴⁾ *Revue historique: L'Autriche et le Comité de salut public*, t. XVII, 25; t. XIX, 47.

⁵⁾ SAINT-BEUVE, *Nouveaux Lundis*, t. 1, Benjamin Constant, MADAME DE-STAEËL, *Considérations*, 3 partie, ch. XX.

ковъ по профессіи, на первый планъ выдвинулся тосканскій дипломатическій агентъ Карлетти. Послѣ Сталя и на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, Карлетти представлялъ собою блистательнѣйшій образецъ тѣхъ дипломатическихъ агентовъ, которые «были у ногъ комитета Общественнаго спасенія и въ то же время конспирировали противъ него». Былъ ли посвященъ Карлетти въ тайну Манфредини и дѣйствительно ли онъ работалъ въ пользу посредничества Тосканы между Австріей и Франціей? Если онъ былъ посвященъ, то не сохранилъ этой тайны, и если ему поручено было работать въ этомъ направленіи, то онъ не проявилъ надлежащей молчаливости. Онъ принадлежалъ къ числу второстепенныхъ и вздорныхъ дипломатовъ, которые во все время придають себѣ важность, офиціозность, распространяють ложныя извѣстія и питають газеты своими конфиденціальными сообщеніями. Карлетти давалъ парадные обѣды; жена Талльена видѣла въ немъ дипломата; онъ позировалъ горячимъ республиканцемъ. Проникая въ разныя общества, онъ сѣялъ недовѣріе къ Пруссіи, намекая на примиреніе съ Австріей. Онъ такъ волновался и шумѣлъ, что его приняли за серьезнаго человѣка, и слухи о тайныхъ переговорахъ, будто бы ему порученныхъ, распространились по всей Европѣ.

На самомъ дѣлѣ не было предпринято ничего, но многіе думали о такихъ переговорахъ и одно время казалось, что и вѣнскій дворъ расположенъ къ нимъ. Тугутъ получалъ письма отъ Ожара, бывшаго секретаря Маріи Антуанеты, игравшаго теперь роль миротворца и дипломатическаго маклера. Бывшій секретарь Мирабо, Пелленъ, работавшій въ пользу Австріи, также взялся устроить заключеніе мира. Въ началѣ апрѣля бывшій старшій секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ, Жераръ де-Райневаль, уволенный прежнимъ правительствомъ, но пользовавшійся большимъ довѣріемъ новаго, получилъ отъ какого-то лица просьбу о доставленіи паспорта для пріѣзда во Францію и вмѣстѣ съ тѣмъ предложеніе переговорить на границѣ. Сіейсъ нашелъ, что можно попробовать и пригласить агента въ Парижъ. «Мы его выслушаемъ», писалъ онъ къ Райневалю 12-го апрѣля. «Если у него имѣется полномочіе, если онъ лояленъ и откровененъ, если онъ дѣйствительно желаетъ довести дѣло до конца, то мы сдѣлаемъ экономію во времени, если сейчасъ же дадимъ ему доступъ въ комитетъ Общественнаго спасенія».

Эмиссаръ не явился вовсе; но Сіейсъ готовился его принимать и, по видимому, именно по этому случаю написанъ былъ *Проектъ мирнаго договора, представленный комитету Общественнаго спасенія членомъ этого Комитета гражданиномъ Сіейсомъ въ III году республики*. Планъ этотъ есть не что иное, какъ предисловіе къ обширному замыслу, задуманному Сіейсомъ по отношенію къ Германіи и которымъ

вдохновлялся Бонапартъ въ 1803 и 1806 годахъ. Прочный, если не вѣчный, миръ поставленъ открытою цѣлью этого труда. Условіемъ должно быть присоединеніе къ Франціи лѣваго берега Рейна. Нужно добиться этой границы и необходимо ее удерживать за собою. Для такого пріобрѣтенія слѣдуетъ вознаградить государей-владѣльцевъ лѣваго берега и заручиться ихъ голосами въ Имперскомъ сеймѣ, а для удержанія за собою новой границы слѣдуетъ отдалить отъ нея крупныя государства. «Республика всегда легко подвергается внутреннимъ раздорамъ; ничего не можетъ быть для нея опаснѣе могущественнаго сосѣдства». Полное упраздненіе церковныхъ княжествъ, что также легко, «какъ снести песочную кучу», позволить достигнуть той и другой цѣли. Палатинскій домъ, Цвейбрюкенскій и оба герцогства Мекленбургскія должны быть перенесены въ близкіе къ правому берегу Рейна края; Саксонія должна быть увеличена. Дома Кассельскій, Дармштатскій, Виртембергскій и Мекленбургскій получаютъ курфиршескій санъ. Группа всѣхъ этихъ государствъ образуетъ зародышъ *Конфедераціи* или *Рейнской лиги*, которая будетъ служить тампономъ между Франціей и главными германскими государствами: Баваріей, которая будетъ значительно расширена; Пруссіей и Австріей, которыя будутъ награждены съ избыткомъ. Пруссія получитъ Гильдесгеймъ, Падерборнъ, Вестфальское герцогство, Эссенъ, Верденъ, оба герцогства Мекленбургскія; Австріи предоставлена будетъ часть Баваріи, Зальцбургъ, Пассау и Ратисбоннъ.

Этотъ планъ долженъ былъ взволновать всю Европу: онъ переселялъ династіи, кроилъ и сшивалъ по произволу территоріи, обмѣнивалъ народы и подчинялъ государственнымъ соображеніямъ не только верховную власть народовъ, о которой не заботился Сіейсъ, но самыя ихъ традиции и интересы, не принимавшіеся имъ въ соображеніе. Таковъ былъ духъ новаго времени, и Грегуаръ показался совершеннымъ привидѣніемъ временъ давно минувшихъ, когда предложилъ Конвенту торжественно провозгласить республиканское народное право⁶⁾. «Прежняя дипломатія и публичное право», сказалъ онъ, «были достойными смѣха, а нерѣдко и чудовищнымъ построеніемъ, которое было опрокинуто дуновеніемъ разума. Мы разрушили его, но что поставили мы на его мѣсто?»—Себя самихъ, и этого довольно, могъ бы отвѣтить Сіейсъ, если бы только онъ снисходилъ отвѣчать на эти отголоски жирондистскихъ воззрѣній. Одинъ стразбургскій гражданинъ, Бюрге, несравненно лучше усвоилъ себѣ тонъ новой эпохи, представляя свои соображенія по поводу учрежденія высшаго учебнаго заведенія для дипломатовъ⁷⁾.

⁶⁾ 4 флореала—23 апрѣля 1795 г.

⁷⁾ 23 жерминаля—12 апрѣля 1795 г. Протоколы засѣданій Конвента.

II.

Германія открыто готовилась къ заключенію мира ¹⁾. Ландграфы касельскій, дармштадтскій и гамбургскій ничего лучшаго не желали, какъ приступить къ переговорамъ. Кассельскій прислалъ уполномоченнаго Вайца, который явился 19-го апрѣля къ Бартелеми. Въ Виртембергѣ замѣчалось довольно сильное движеніе въ пользу нейтралитета. Георгъ Кернеръ, къ которому вернулась послѣ 9 термидора вѣра въ республику и республиканскія иллюзіи, возвратился на родину; тамъ онъ организовалъ корреспонденціи для Бартелеми и старался пропагандировать миръ по всему югу Германіи. Герцогъ Людовикъ-Евгеній не терпѣлъ Кернера: онъ велѣлъ выслать его изъ своихъ владѣній. Но герцогъ умеръ въ маѣ, и наслѣдовавшій ему братъ его Фридрихъ I поспѣшилъ обратиться къ дружественному содѣйствію Пруссіи. Однако нѣмцы, прося мира, не имѣли въ виду дѣлать какія-либо территоріальныя уступки; они надѣялись на сохраненіе цѣлости Имперіи и на огражденіе и обезпеченіе собственныхъ владѣній посредствомъ прусскаго вліянія. Напротивъ того, комитетъ Общественнаго спасенія ожидалъ, что Пруссія доставитъ ему за широкое вознагражденіе лѣвый берегъ Рейна именно путемъ заключенія этого мира съ Имперіей. По мѣрѣ того, какъ Германія выказывала болѣе и болѣе готовности къ миру, Пруссія становилась озабоченнѣе и уклонялась отъ предназначаемыхъ ей республикою благъ.

Едва успѣли подписать Базельскій миръ, какъ уже начали проявляться разногласія между сторонами, по поводу примѣненія трактата. Комитетъ долго колебался принять въ принципѣ демаркаціонную линію; теперь онъ оцѣнилъ ея полезность. Онъ торопилъ Бартелеми, побуждая его къ переговорамъ о публичной конвенціи, которая дѣйствительнымъ образомъ нейтрализовала бы, подъ ручательствомъ Пруссіи, всю лежащую къ сѣверу отъ Майна часть Германіи. Гарденбергъ настоялъ на включеніе, по этому поводу, тайной статьи въ Базельскій договоръ и очень гордился этимъ; но въ минуту ея примѣненія и опубликованія, его взяло сомнѣніе. И хотя онъ представилъ проектъ конвенціи, но обсужденіе его шло крайне медленно. Дѣло въ томъ, что въ Германіи начиналъ распространяться слухъ о возможномъ отдѣленіи земель лѣваго берега Рейна, что заранѣе уничтожало дѣйствіе, котораго Гарденбергъ ожидалъ отъ нейтралитета.

¹⁾ *Revue historique: La neutralité du nord de l'Allemagne en 1795*, t. XVII, 257.

Министръ майнцкаго курфюрста, Албини, написалъ 15-го апрѣля Гарденбергу: «Для насъ миръ невозможенъ до тѣхъ поръ, пока не узнаемъ, что Франція отказывается отъ Рейнской границы; мы обязаны, хотя бы никто не оказалъ намъ поддержки, вести отчаянную борьбу; намъ остается только *побѣдить или умереть*». Гарденбергъ мало вѣрилъ въ героизмъ сейма и патріотическій пылъ имперскихъ канцлерствъ; онъ несравненно болѣе довѣрялъ собственнымъ дипломатическимъ переговорамъ, чѣмъ «красивому отчаянію» Албини. Тѣмъ съ большею ревностью принялся онъ убѣждать Бартелеми. Онъ объяснилъ ему, что, продолжая держаться рейнской границы, невозможно будетъ достиженіе прочнаго и искреннаго мира. Онъ сослался на отвращеніе прусскаго короля къ такой уступкѣ, намекая, что она отклонила бы Имперію отъ нейтралитета и прусскаго посредничества, заставила бы продолжать войну и обратиться за содѣйствіемъ къ Австріи. Далѣе Гарденбергъ передалъ Бартелеми письма, получаемыя имъ отъ Герца, прусскаго агента при германскомъ сеймѣ. Въ этихъ письмахъ упорно настаивали на отказѣ Франціи отъ лѣваго берега Рейна. «Это было бы», писалъ Герцъ, *chef'd'oeuvre* самой возвышенной политики, истинной побѣдой какъ для насъ, такъ и для самой Франціи». Вся Германія бросилась бы въ объятія Пруссіи. «Что касается до австрійскихъ Нидерландовъ, то это дѣло другого рода; но оно имѣетъ особую важность для Франціи».

Комитетъ уполномочилъ Бартелеми на заключеніе сепаратныхъ договоровъ съ ландграфами гессенскими и сталъ обдумывать мѣры, вызываемыя прусскимъ движеніемъ вспять. Самою простою и дѣйствительною было затронуть самолюбіе Пруссіи. Комитетъ нашелъ, что онъ совершенно напрасно и слишкомъ торжественно объявлялъ о томъ, что никогда не пойдеть на соглашеніе съ Австріей; это значило слишкомъ угождать пруссакамъ и ставить себя въ зависимость отъ Пруссіи. «Если вы желаете приязнать къ себѣ Пруссію», говорилъ позднѣе Сіейсъ, «покажите ей, что можете безъ нея обойтись... Вы болѣе заботились объ ея интересахъ, чѣмъ о вашихъ собственныхъ, когда не переставали обѣщать ей увеличеніе значенія, вліянія и топографическаго приращенія, что, въ сущности, могло только вскорѣ избавить ее отъ необходимости дорожить дружбой республики». Карлетти подвернулся весьма кстати для того, чтобы сыграть въ руку Комитету. Комитетъ предоставилъ ему полную свободу дѣйствовать и раздувать свое значеніе, онъ даже поощрялъ его къ тому. *Mooniteur* напечаталъ письмо изъ Нюрнберга, въ которомъ читалось слѣдующее: «Многіе полагаютъ, что графъ Карлетти быть можетъ и не совсѣмъ чуждъ интересамъ императора, несмотря на непреодолимое препятствіе, создаваемое Нидерландами». Комитетъ рѣшилъ повести свою игру даже

далѣе, встревожить и Англію и Пруссію и возобновить переговоры съ Тосканой, задуманные еще Дантономъ и прерванные похищеніемъ Маре и Сомонвилля. Комиссаръ по вѣнскимъ дѣламъ, Міо, былъ назначенъ дипломатическимъ агентомъ во Флоренцію, и Сіейсъ велѣлъ составить для него проектъ инструкцій. Въ нихъ проявляется истинное намѣреніе комитета Общественнаго спасенія и становится яснымъ, къ чему сводилась мнимая миссія Карлетти, которою начинали уже заниматься всѣ европейскія канцлерства.

Міо долженъ былъ завязать сношенія съ иностранными дипломатами, въ видахъ подготовленія частныхъ трактатовъ и, главнымъ образомъ, трактата съ Испаніей. «Что касается Австріи», говорилось въ инструкціяхъ, «то гражданинъ Міо долженъ выказывать въ этомъ отношеніи большую сдержанность. Послѣ Англіи, эта держава играла первую роль въ средѣ враговъ Франціи, и интересы республики требуютъ, чтобы Австрія, вслѣдствіе своихъ многочисленныхъ неудачъ, поставлена была въ абсолютную невозможность вредить ей. Но между этими двумя главными врагами республики господствуетъ обоюдное недовѣріе, поддержаніе котораго исполнѣ согласуется съ нашимъ интересомъ... Мы знаемъ, что англичане уже питаютъ подозрѣнія по поводу миссії графа Карлетти, принципы котораго имъ извѣстны и котораго они считаютъ уполномоченнымъ вести тайные переговоры за счетъ Австріи. Слѣдуетъ ловкимъ образомъ раздуть возникшее неудовольствіе и постоянно вводить въ заблужденіе британское правительство разными кстатіи распространяемыми слухами и даже какими-нибудь таинственными, но на самомъ дѣлѣ незначущими свиданіями съ австрійскими агентами... Гражданинъ Міо... долженъ проникнуться тою великою истиною, что самое дѣйствительное средство разединенія коалиціи есть внушеніе ея членамъ страха быть покинутыми собственными союзниками и выносить на однихъ своихъ плечахъ тягость весьма разорительной войны со всею мощью французскаго народа».

Между тѣмъ какъ одинъ агентъ вводилъ бы въ заблужденіе Англію и Пруссію, возбуждая въ нихъ подозрѣнія противъ Австріи, другой занялся бы возбужденіемъ такихъ же подозрѣній у Австріи самой, по отношенію къ ея союзницамъ. Англичане послали на Діеппскій рейдъ парламентаря, чтобы переговорить объ обмѣнѣ плѣнныхъ. Комитетъ поручилъ 11-го апрѣля вести эти переговоры гражданину Комейрасу. Французскій агентъ долженъ былъ отказать въ картелѣ на томъ основаніи, что Англія нуждалась въ людяхъ, а республика располагала «большимъ ихъ числомъ, чѣмъ нужно для окончательнаго пораженія своихъ враговъ». Однако Комейрасу поручено было выслушать то, что скажутъ англичане, и передать Комитету. Ему предоставлено было также упомянуть, какъ бы невзначай,

что Конвентъ искренно желаетъ мира, но мира славнаго и почетнаго. «Если», писалъ Мерленъ Комейрасу 26-го апрѣля, «англійское правительство готово стать на почву такихъ сношеній, то каковы бы ни были его вины относительно насъ и всего человѣчества, оно не встрѣтитъ препятствій со стороны представителей французскаго народа, великодушіе котораго всегда будетъ равно его могуществу. Впрочемъ переговорамъ должна быть предпослана существенная статья, а именно: обязательство очистить занимаемые въ настоящее время англійскими войсками французскіе острова, ранѣе заключенія окончательнаго трактата». Встрѣча состоялась въ первыхъ числахъ мая; англичане просили картеля, Комейрасъ отказалъ, и на этомъ переговоры и были порваны. О мирѣ не было и рѣчи. Англичане нисколько не встревожились и не подались на классическую страгегему Комитета²⁾. На оборотъ, этого же рода хитрость удалась какъ нельзя лучше со Сталемъ и шведами.

III.

Сталь находился въ Парижѣ уже въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Онъ ходатайствовалъ о субсидіи, предлагалъ союзъ и изъявлялъ готовность признать республику. Комитетъ требовалъ, чтобы Швеція начала съ признанія республики, что было и исполнѣ логично; но Сталь хотѣлъ, чтобы ему заплатили дорогою цѣною за это признаніе и оттягивалъ врученіе своихъ вѣрительныхъ грамотъ подъ тѣмъ предлогомъ, что еще не получилъ всѣхъ необходимыхъ бумагъ. Комитетъ не удовольствовался такою уловкою и пожелалъ доказать, что по части дипломатіи онъ можетъ кое-чему поучить шведскаго посланника. Въ салонахъ распространился слухъ о томъ, что противъ Швеціи затѣвается какая-то темная интрига, починъ которой принадлежитъ Сіейсу, взявшему на себя и веденіе этого дѣла. Рассказывали вполголоса, что молчаливѣйшій изъ царевѣйцевъ внезапно вошелъ въ милость у самыхъ непримиримыхъ враговъ республики и что Сіейсъ стоитъ во главѣ тайнаго общества, имѣющаго предать Швецію въ руки Екатерины. Какъ ни мало правдоподобенъ былъ такой слухъ въ глазахъ всѣхъ, кто зналъ русскую императрицу и самого Сіейса, однако баронъ Сталь встревожился, и результатомъ этой тревоги было то, что 15-го жерминаля — 4-го апрѣля курьеръ, весьма кстатіи, привезъ ему всѣ требуемые документы. Комитетъ немедленно получилъ о томъ увѣдомленіе. Сталь присоединилъ къ извѣщенію весьма обширное изложе-

²⁾ ZEISSBERG, t. V, 128, 205, донесенія Штаремберга.

ніе прерванныхъ въ 1793 г. переговоровъ и выказалъ полную готовность къ ихъ возобновленію. «Вы слишкомъ справедливы», писалъ онъ, «для того, чтобы навлечь на насъ опасность со стороны Россіи, система которой должна бы и вамъ внушить серьезные размышленія и даже мѣры предосторожности... Если бы я обращался къ бывшему министру Верженну, склонявшемуся въ пользу союза съ Россіей, то сказать бы ему: найдутся, быть можетъ, люди, коварная политика которыхъ будетъ пытаться отклонить васъ отъ прежнихъ союзниковъ; они скажутъ, что Швеція небогата, что для нея требуется поддержка; они станутъ превозносить могущество Россіи; но они должны будутъ старательно умалчивать объ ея возрастающей ненависти къ Франціи, объ ея честолюбіи... и въ особенности объ ея образѣ дѣйствій въ Польшѣ...» Сталь просилъ десять милліоновъ ливровъ за вооруженія, предпріятыя Швеціей въ 1793 г., другіе десять милліоновъ—въ видѣ вознагражденія за русскую субсидію, утраченную вслѣдствіе объявленія о нейтралитетѣ Швеціи, немедленнаго подписанія трактата, проектированнаго въ 1793 г., и образованія лиги, въ составъ которой вошли бы Данія, Голландія и Турція. Сталь, намекнулъ, что республика могла бы получить эти милліоны отъ Генеральныхъ Штатовъ и что Швеція охотно приняла бы векселя, выданные на имя батавскихъ республиканцевъ.

Комитетъ принялъ къ свѣдѣнію согласіе на признаніе Швеціей французской республики. «Ваши вѣрительныя грамоты будутъ приняты и вы сами будете представлены Конвенту въ тотъ день, который сами назначите», тотчасъ же отвѣчалъ Сіейсъ. Что касается ходатайства о субсидіяхъ, то Комитетъ дѣлалъ между ними различіе: Швеція не могла требовать субсидій, о которыхъ условливались въ 1793 г., такъ какъ трактатъ не былъ тогда ратификованъ, а слѣдовательно и условія его не обязательны. Швеція держалась нейтралитета въ видахъ собственной пользы, и республика ничѣмъ въ этомъ случаѣ ей не обязана. «На республикѣ не лежитъ никакого положительнаго обязательства относительно уплаты Швеціи субсидій за прошлое время... Предстоящіе расходы! Вотъ главный пунктъ. Слѣдуетъ, чтобы прошлое, для того чтобы мы обратили на него вниманіе, связывалось съ будущимъ». Комитетъ указалъ на услуги, которыхъ ждетъ республика: Швеція должна отозвать свой контингентъ изъ имперской арміи и побудить своихъ германскихъ союзниковъ къ заключенію мира съ Франціей; она должна соединиться съ Даніей въ видахъ достиженія свободы плаванія на моряхъ, порвать британскія блокады, препятствовать распространенію англійской торговли, и закрыть Зундъ для англійскаго флага. Сверхъ того, Комитетъ пригласилъ шведское правительство высказаться о «степени участія», которое оно поже-

лало бы оказать Польшѣ, и объ основаніяхъ союза, который, въ случаѣ надобности, оно заключило бы съ Портой. По выясненіи всѣхъ означенныхъ предварительныхъ статей, Комитетъ охотно общается доставить субсидіи, на случай нападеній на Швецію со стороны Англіи или Россіи, и ничего не имѣетъ противъ уплаты ихъ по соглашенію съ Голландіей¹⁾.

Сталь нашелъ, что требованія Комитета презмѣрны; онъ протестовалъ, аргументировалъ и пересталъ говорить о своихъ кредитивахъ²⁾. Комитетъ напомнилъ о нихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, Сіейсъ передалъ ему 19 апрѣля *arrêté*, помѣченное 18, и заканчивающееся слѣдующими словами: «Необходимо, чтобы г. де-Сталь выяснилъ свое положеніе въ самомъ непродолжительномъ времени». Это извѣщеніе сопровождалось пространнымъ письмомъ Сіейса; въ немъ требовался «категорическій отвѣтъ». Сталь выполнилъ требованіе. 1-го флореаля, 19-го апрѣля, онъ вручилъ свои кредитивы Комитету. Это былъ день возобновленія состава бюро Конвента. Сіейсъ выбранъ былъ президентомъ и прочиталъ 2-го флореаля Собранію письма шведскаго регента. 3-го онъ покинулъ постъ президента и его замѣнилъ Буасси д'Англа. 4-го флореаля—23 апрѣля—Мерленъ велѣлъ установить церемоніаль пріема посланниковъ. Напротивъ президентскаго мѣста поставлено было кресло съ находящимися по обѣимъ его сторонамъ скамейками для свиты. Сталь ввели въ залу, онъ сѣлъ и произнесъ горячую рѣчь: онъ прославлялъ успѣхи Франціи и привѣтствовалъ наступленіе царства правды въ соединеніи съ могуществомъ. Буасси д'Англа величественно отвѣтилъ ему: «Баронъ Эрикъ-Магнусъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ, примите республиканское братское цѣлованіе; да будетъ оно залогомъ братской привязанности, которая должна связать французскую республику съ шведскимъ королевствомъ».—«Никогда не приходилось видѣть такъ много достоинства и неподдѣльности чувства», сообщаетъ въ одной изъ депешъ Комитета³⁾.

Тѣмъ не менѣе переговоры не подвигались. Сталь просилъ субсидій на вооруженіе кораблей, а Комитетъ желалъ ихъ ассигновать только послѣ того, какъ эти корабли будутъ вооружены. Однако шведскій посланникъ выражалъ полное усердіе въ дѣлѣ сдерживанія Англіи и поддержки Польшы. Въ концѣ концовъ ему обѣщали авансъ въ четыре милліона звонкою монетою подъ условіемъ, что Швеція немедленно вооружитъ десять кораблей и шесть фрегатовъ и склонитъ Данію къ совмѣстнымъ операціямъ противъ Англіи. Сталь увидѣлъ въ этомъ залогъ добрыхъ намѣреній Комитета и представилъ проектъ трактата: за восемнадцать мил-

¹⁾ Комитетъ Сталю, 17 жерминаля—6 апрѣля 1795 г.

²⁾ Сталь Комитету 20, 25 жерминаля,—9, 14 апрѣля 1795 г.

³⁾ Комитетъ Грувелю, 10 флореаля—29 апрѣля 1795 г.

ліоновъ турецкихъ ливровъ ⁴⁾ Швеція бралась заставить уважать свой нейтралитетъ, запереть Зундъ англичанамъ, снабдить Францію продовольствомъ и не заключать никакого договора, противнаго общимъ интересамъ ея и республики.

Шведскій регентъ не заставилъ ждать доказательствъ своего усердія. Онъ собственноручно написалъ датскому наслѣдному принцу 27-го апрѣля, жалуюсь на вялость, съ которою Данія поддерживаетъ общій нейтралитетъ, и склонялъ своего союзника къ признанію республики. Датскій король приказалъ вооружить четыре корабля, чѣмъ составъ его флота въ союзномъ контингентѣ доводился до восьми кораблей. Что же касается признанія законности республиканскаго правительства, то онъ продолжалъ его откладывать. Бернсторфъ находилъ для избѣжанія этого признанія такъ же много уловокъ, какъ и совѣтовъ по статьѣ о мирѣ. Комитетъ, желая покончить съ этимъ дѣломъ, прислалъ новые кредитивы Грувелю: «Это, писалъ онъ, самый быстрый и ясный отвѣтъ нашъ на мелочныя сомнѣнія г. Бернсторфа».

IV.

Комитетъ не заблуждался относительно непрочности такого рода дипломатіи. Переговоры, начатые имъ одновременно повсюду и долженствовавшіе поддерживать другъ друга, казалось вездѣ ускользали отъ него. Въ Испаніи дѣло стояло не лучше, чѣмъ на сѣверѣ. Бургоанъ находился въ Пиренеяхъ съ половины марта. Переписка, завязанная имъ съ Окарицемъ, повидимому, была только препровожденіемъ времени. Комиссары подозревали, что Испанія пользуется ею въ видахъ доставленія подкрѣпленія своимъ войскамъ. Въ этомъ случаѣ они, однако, ошибались. Мадридскій дворъ серьезно желалъ вести переговоры о мирѣ. Но, боясь интригъ и опасаясь въ особенности какой-нибудь угрожающей мѣры со стороны англичанъ, этотъ дворъ рѣшилъ вести переговоры въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никто не ожидалъ встрѣтить его уполномоченныхъ. Онъ поручилъ дѣло бывшему своему агенту въ Парижѣ—Іріарте, недавно отозванному изъ Польши. Годой прислалъ ему инструкцію и приказъ войти въ сношенія съ тѣмъ изъ агентовъ республики, который окажется наиболѣе доступнымъ и способнымъ успѣшно вести столь важное дѣло. Курьеръ отправился за Іріарте чрезъ Венецію и Австрію. Это отняло не мало времени. Миссія, дѣйствительно, оставалась тайной, и пока такимъ образомъ задержива-

⁴⁾ Турскій ливръ равнялся 20 су, т. е. нынѣшнему франку, а парижскій ливръ—25 су.

лись переговоры, комитетъ Общественнаго спасенія естественно начиналъ сомнѣваться въ искренности миролюбивыхъ заявленій Испаніи.

Бургоанъ склоненъ былъ вѣрить имъ, но находилъ, что требованія Комитета чрезмѣрны. Онъ близко зналъ испанцевъ, былъ честнымъ человекомъ и усерднымъ слугою государства. Ни мало не колеблясь, онъ сообщилъ свое мнѣніе Комитету. «Я признаюсь вамъ, граждане представители»,—писалъ онъ 20-го марта,—«что основанія, на которыхъ вы желаете вести переговоры съ Испаніей, не кажутся мнѣ способными привести къ скорому сближенію». Испанія дорожитъ сохраненіемъ Гвианскоа. Она не уступитъ ея, если не будетъ къ тому вынуждена новыми неудачами. Къ тому же, будетъ ли это и для насъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ? «Гвианскойцы не созрѣли для свободы въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ». Они держатся за свои національныя вольности, но изъ нихъ могли бы выйти только весьма плохіе французскіе граждане. Завоеваніе Португаліи, которымъ Комитетъ хочетъ привлечь Испанію, было бы щекотливымъ и труднымъ дѣломъ для испанцевъ. Португальцы ненавидятъ ихъ и дадутъ отпоръ. «Къ тому же, неужели вы полагаете, что Карлъ IV, который настолько честный человекъ, насколько имъ можетъ быть король, захотѣлъ бы изъ-за одного собственнаго удобства порвать сношенія съ державою, съ которою онъ находится въ союзѣ?» Это значило бы лишитъ престола собственную дочь, вступавшую въ бракъ съ португальскимъ наслѣднымъ принцемъ. Только особыя обстоятельства, впрочемъ возможные, могли бы заставить Карла IV и «его супругу» (которая и есть настоящій государь въ Испаніи), осесть съ столь возмутительною для насъ, съ перваго взгляда, мыслью. «Особыя и новыя обстоятельства» явились въ 1807 г., и тогда Карлъ VI и «его супруга» не только примирились съ «возмутительною мыслью», но и пошли несравненно далѣе, чѣмъ могъ вообразить честный Бургоанъ. Эта королевская чета, какъ извѣстно, участвовала въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью изгнаніе ея дочери и лишеніе наслѣдства сына. Но въ 1795 г. Бурбоны еще не созрѣли для такого рода политики, и Комитетъ уступилъ совѣтамъ Бургоана.

Увѣдомленный комиссарами, находившимися въ Гагѣ, что португальскій посланникъ въ Голландіи, графъ Аранхо, расположенъ къ сближенію съ Франціей и согласенъ даже взять на себя роль посредника для заключенія мира между республикой и Испаніей, Комитетъ рѣшилъ принять его посредничество. Аранхо предупредилъ, что если его правительство пришлетъ агента въ Базель, то посланникъ республики переговоритъ съ нимъ. Франція потребуетъ въ видѣ вознагражденія за военные расходы извѣстное количество зерноваго хлѣба, лошадей и «возвращенія» Фернамбуко

и Пара, примыкающих къ французской Гвианѣ и основанныхъ французскими поселенцами. Что касается условій мира съ Испаніей, то Комитетъ не желалъ ничего измѣнять въ нихъ. Онъ держался за Гвианскою, потому что эта провинція, по его мнѣнію, могла служить болѣе «естественною границею, чѣмъ линія старой французской границы». Предполагая включить этотъ край въ свои предѣлы, онъ призналъ необходимость обращаться съ нимъ съ меньшею суровостью. 16-го апрѣля, въслѣдствіе доклада Таллена, Конвентъ декредитировалъ, что порицаетъ «жестокости и несправедливости», совершенныя въ Гвианскою и Бискайѣ «прежними тиранами». 20-го числа къ жителямъ обратились съ «гуманною» прокламаціей: въ ней обѣщали уважать личную, имущественную и религіозную свободу. Успокоивъ, такимъ образомъ, населеніе, Комитетъ надѣялся, что и мадридскій дворъ не будетъ оказывать сопротивленія; въ случаѣ же надобности, республика съумѣетъ заставить его уступить. «Этотъ дворъ,—говорилось въ запискѣ, представленной Комитету,—съ такимъ же упрямствомъ отказывался отъ уступки намъ Франшъ-Конте и Руссильона. Но его заставили уступить страхъ и безсиліе. Безсиліе и теперь на лицо. Страхъ можно будетъ усилить... Ослабленіе Испаніи не должно входить въ планъ дѣйствій нашего правительства, если оно послужитъ на пользу другой державы; но въ настоящемъ случаѣ этимъ безсиліемъ воспользуется Франція... Пиренеи—ваша естественная граница; но владѣніе Гвианскою не доставитъ намъ цѣльной границы: она тянется гораздо далѣе. Въ концѣ концовъ, не лучше ли обладать полною линіей, чѣмъ дѣлить ее? ¹⁾».

Однимъ словомъ, «природа» заговорила. Казалось бы Комитету оставалось только разъяснять ея изреченія. Однако возникли сомнѣнія, и кто-то намекнулъ, что возвращеніе Луизианы было бы полезно для республики, чѣмъ присоединеніе Гвианскою. Лишеніе этой прекрасной колоніи было крайне непріятно для Франціи. Въ немъ видѣли и политическую ошибку, и оскорбленіе *Правъ человека*. Намѣренія Комитета относительно Луизианы проявились сперва въ перѣшительной формѣ въ депешѣ, адресованной комиссарамъ, находившимся въ Пиренеяхъ 28 жерминаля—17-го апрѣля. Но 4-го флореала—23 апрѣля, Комитетъ пересталъ уже колебаться. Его заставило рѣшиться новое соображеніе.

Парижъ только-что испыталъ возмущеніе. Можно было ожидать новыхъ волненій. Республика еще не усмирила мятежныхъ партій. *Законъ о государственной полиціи* почти во всѣхъ случаяхъ замѣнилъ смертную казнь ссылкой. Республика, слѣдовательно, нуждалась въ ссыльной

¹⁾ Мнѣніе Карно, высказанное еще въ 1794 г.

колоніи. Ей необходимо было также имѣть мѣсто, куда можно бы направлять неудобные элементы. Вандея успокоивается, но въ ней остаются вожаки и рядовые; они не захотятъ довольствоваться однообразною и тихою жизнью, которую вели до войны. Наконецъ, что дѣлать съ арміями по заключеніи мира? Чѣмъ запятъ это огромное число молодыхъ людей, потерявшихъ охоту къ земледѣлію и ремесленной дѣятельности? У нихъ возбуждено честолюбіе, они привыкли къ лагерной жизни, къ громкимъ приключеніямъ, къ вольностямъ нашествій и завоеваній. Колонія открывала бы для нихъ новое поприще и, можетъ быть, солдаты гражданской войны и солдаты національной гвардіи, примиренные переселеніемъ, возстановятъ колониальное могущество Франціи. Государственная необходимость и стремленіе къ величію республики, которыми постоянно вдохновлялся Комитетъ, совпадали въ этомъ случаѣ и внушили обширное мѣропріятіе. Талейранъ указывалъ на него еще въ 1792 году: «Послѣ революцій... слѣдуетъ дать исходъ всѣмъ страстямъ» ²⁾. Комитетъ ухватился за эту мысль: «Мы скажемъ вамъ всю нашу мысль, вотъ въ чемъ дѣло», пишетъ Мерленъ ³⁾. «Возвращенію Луизианы мы придаемъ особое и преимущественное значеніе; къ тому же Испанія откажется отъ нея охотнѣе, чѣмъ отъ всего остального... Намъ необходимо болѣе, чѣмъ то можетъ быть высказано въ письмѣ, имѣть теперь, по заключеніи революціи, континентальную колонію... Вы должны поставить на видъ привязанность, которую сохранили къ Франціи луизианцы, такъ какъ это можетъ побудить Испанію возвратитъ ее намъ взамѣнъ нами завоеваннаго... ⁴⁾».

Но существовала необходимость еще болѣе настоятельная, чѣмъ пріобрѣтеніе ссыльныхъ колоній: приходилось кормить народъ и армію, требовать деньги. Комитетъ могъ извлечь ихъ только изъ Голландіи, а эта республика продолжала оказываться непокорной. Комитетъ рѣшилъ прибѣгнуть къ сильнымъ средствамъ.

V.

12 жерминаля—1 апрѣля, батавскіе уполномоченные Блаувъ и Мейеръ обратились къ Комитету съ длинною запискою, въ которой излагались ихъ сѣтованія. Голландія, заявляли они, глубоко огорчена условіями, предлагаемыми ей Франціей. Если бы она могла ихъ предвидѣть, она стала

²⁾ Докладъ 25 ноября 1792 г. PALLAIN, *Le ministère de Talleyrand sous le Directoire*, p. 56.—*Essai sur les avantages à retirer des colonies dans les circonstances présentes, par le citoyen Talleyrand*, messidor an V—juillet 1797.

³⁾ Пиренейскимъ комиссарамъ 4 и 8 флореала—23 и 27 апрѣля 1795 г.

⁴⁾ *Revue historique: La diplomatie française et l'Espagne*, t. XII, 295—311.

бы защищаться, и покорение ей оказало бы не столь легкимъ. «Ихъ послѣдній меморій», писалъ Сіейсъ ¹⁾, «имѣетъ весьма опредѣленный смыслъ изъ всего ихъ многословія вытекаетъ то, что для нихъ требуется, прежде всего, признаніе ихъ независимости, и они грозятъ, что въ случаѣ отказа съ нашей стороны не будутъ ничего для насъ дѣлать». Въ послѣднихъ словахъ подразумѣвалось содержаніе арміи Нишегрю: батавцы объявляли, что для нихъ невозможно заботиться объ этомъ содержаніи до тѣхъ поръ, пока переговоры остаются въ неопредѣленномъ положеніи. Комитетъ же располагалъ обращаться съ Голландіей, какъ съ завоеваннымъ краемъ, и не признавать ея независимости до тѣхъ поръ, пока она не подчинится его требованіямъ. Такъ понимали эти политики свои «универсальные принципы»: Швеція просила у нихъ союза и субсидій, а они требовали, чтобы она, прежде всего, признала независимость французской республики; въ то же время они сами желали навязать батавцамъ союзъ и контрибуцію и требовали, чтобы союзъ былъ заключенъ, и чтобы контрибуція была дана, ставя это предварительнымъ условіемъ для признанія ими батавской республики.

Блаувъ и Мейеръ отказались принять статьи, предложенныя Комитетомъ. Тогда Комитетъ представилъ имъ другія. Онъ требовалъ въ нихъ сто милліоновъ, изъ которыхъ двадцать должны были быть уплочены немедленно. Франція будетъ занимать, вплоть до окончанія войны, территории по сю сторону Ваала и Рейна; она сохранитъ за собою Маастрихтъ, Венлоо, Бреду, Бергенъ-опъ-Цоомъ, Голландскую Фландрію и Зеландію. «Флессингъ,—говорилъ Комитетъ,—необходимъ для насъ въ видахъ вознагражденія Франціи за ея великія усилія, закрѣпленія ея побѣдъ и обезпеченія источника ея будущаго благосостоянія». Чтобы не слишкомъ оскорблять чувствительность голландскаго правительства «и отдѣлаться отъ отказовъ», опирающихся на конституцію Соединенныхъ Провинцій, Комитетъ прибѣгалъ къ слѣдующей фикціи, въ сочиненіи которой узнается казуистика Сіейса: территории, упомянутыя въ трактатѣ, предлагалось считать завоеванными Франціей; слѣдовательно, Голландія ничего не уступаетъ; напротивъ того, Франція возвращаетъ то, что не находитъ своевременнымъ удержать за собою. Такой проектъ трактата, разбитый на статьи, былъ представленъ на усмотрѣніе батавскихъ делегатовъ 16 жерминаля—5 апрѣля. Въ то же время французскіе комиссары, Сіейсъ, Ребель и Мерленъ, вручили имъ ноту, написанную «весьма энергически» и имѣвшую цѣлью «поторопить» ихъ. Проектъ названъ былъ въ этой нотѣ *ультиматумомъ*, и Комитетъ давалъ батавцамъ десять дней срока для приня-

¹⁾ Представителямъ въ Голландіи, 15 жерминаля—4 апрѣля.

тія рѣшенія. Блаувъ тотчасъ же уѣхалъ въ Гагу. Комитетъ принялъ мѣры къ тому, чтобы *ультиматумъ* былъ поддержанъ энергическими демонстраціями.—Не слѣдуетъ допускать,—писалъ Сіейсъ комиссару Ришару, чтобы голландцы затягивали дѣло, подъ предлогомъ обсужденія его сперва Генеральными Штатами, затѣмъ провинціальными, а далѣе и муниципалитетами. Во время этихъ проволочекъ они приобрѣли бы средства сопротивленія.—Ришару поручено было противиться всякаго рода военной реорганизации голландской республики: «Никакой голландской арміи, до той поры, пока мы не покончимъ дѣла съ Генеральными Штатами или Конвентомъ, который можетъ ихъ замѣнить».

Инструкціи такого рода вполне согласовались со взглядомъ Ришара. По мнѣнію этого комиссара, необходимо было избавить «Голландію отъ якобинскихъ заблужденій, которыя, повидимому, грозятъ ей». Онъ полагалъ, что при необходимой строгости можно будетъ заставить голландцевъ платить; болѣе трудно было бы заставить ихъ уступить территорію, такъ какъ они нашли бы, что не имѣютъ на то права. Это и было, повидимому, однимъ изъ якобинскихъ заблужденій, отъ которыхъ ихъ слѣдовало излѣчить, и Ришаръ не видѣлъ къ тому иного средства, кромѣ того, которое примѣнялось относительно польскихъ республиканцевъ Фридрихомъ, Екатериною и Марією-Терезіей. «Я думаю», писалъ Ришаръ, «что вы не выйдете изъ затрудненія иначе, какъ взявъ то, что вамъ требуется, и опредѣливъ долю Голландіи декретомъ» ²⁾. Миръ съ Пруссіей позволялъ если не привести въ исполненіе эту мѣру, то, по крайней мѣрѣ, грозить. Въ силу Базельскаго трактата, Фридрихъ-Вильгельмъ обязывался не вмѣшиваться въ голландскія дѣла; но это оставалось тайной статьею и можно было грозить Голландіи вмѣшательствомъ Пруссіи. Правда, Франція сильно нуждалась противъ Австріи въ тѣхъ войскахъ, которыя ранѣе слѣдили за прусскими войсками, но батавцы могли этого не знать. Ришаръ долженъ былъ заявить имъ, что Базельскій миръ освобождалъ войска, которыя, при случаѣ, могли «стимулировать» ихъ «энергію».

Несмотря на всѣ свои старанія, Блаувъ доѣхалъ до Антверпена только въ пять дней. Это была ровно половина срока, назначеннаго батавцамъ французскимъ *ультиматумомъ*. Голландія волновалась. Англійскіе агенты разжигали волненіе и побуждали къ возстанію. «Повторяемъ вамъ», писали Алкье и Кошонъ Комитету, «что если произойдетъ возстаніе, мы не располагаемъ достаточными силами, чтобы заставить уважать себя». Въ тотъ же день Кошонъ послалъ частное письмо Мерлену, въ которомъ ка-

²⁾ Ришаръ Комитету, Утрехтъ, 8 и 9 жерминаля—28 и 29 марта 1795 г. Сорель, т. IV. 16

самся больного мѣста франко-голландскаго спора. Намекая на слова, приписываемыя Сіейсу, онъ сообщалъ: «Говорятъ даже, что одинъ изъ комиссаровъ комитета Общественнаго спасенія отвѣтилъ голландскимъ уполномоченнымъ, когда тѣ ссылались на принципы и капитуляціи, что дѣло идетъ не о принципахъ и что ихъ нѣтъ въ политикѣ. Ты не можешь себѣ представить, какое пагубное впечатлѣніе произвели всѣ эти толки, которые мы, при теперешнемъ положеніи вещей, не смѣемъ даже опровергать». Кошонъ спрашивалъ себя: благоразумна ли система, принятая Комитетомъ, и доставитъ ли она вѣрныхъ союзниковъ республикѣ? Не лучше ли было бы ограничиться присоединеніемъ Бельгіи и не настаивать на присоединеніи столь различныхъ по своимъ правамъ населеній, какъ, напримѣръ, прованское и зеландское? Алкье и Рамель поддерживали его соображенія. «Зеландскіе депутаты», писали нѣсколько дней спустя комиссары, «проявили сильнѣйшую оппозицію. Отчаяніе ихъ такъ сильно, что, повидимому, можно всего ожидать и отъ ихъ личнаго настроенія, и отъ того движенія, которое они постарались бы возбудить въ своей провинціи, предпочитая отдать Англіи, лишь бы не дѣлать съ Франціей. Мы думаемъ, что ихъ легче будетъ подчинить силою, чѣмъ связать съ французскимъ правительствомъ во имя принципа и чувства.—Комитетъ долженъ взвѣсить эти важныя соображенія, которыя, по нашему мнѣнію, могутъ имѣть серьезное значеніе для судьбы Франціи. Вамъ предстоитъ рассмотреть, не вовлекутъ ли насъ, въ ближайшемъ времени, эти слишкомъ блестящія пріобрѣтенія въ новую войну и новыя бѣдствія, и не предпочтительнѣе ли были бы для нашей республики прочныя уступки и скромный, но продолжительный миръ, вмѣсто тяжелыхъ условій союза»³⁾. Ришаръ признавалъ, вмѣстѣ съ своими товарищами, что голландцы «единодушны», по вопросу объ уступкѣ Зеландіи; но онъ полагался на владыку, то есть на Конвентъ, въ дѣлѣ рѣшенія степени справедливости и цѣнности мнѣній и чувствъ этихъ батавцевъ. Подражая тону и мысли одного интенданта Людовика XIV, обращавшагося къ своему королю, онъ писалъ членамъ Конвента: «Вамъ однимъ принадлежитъ рѣшеніе въ столь важномъ дѣлѣ; вы одни можете видѣть его въ настоящемъ свѣтѣ. Здѣсь же, какъ бы мы ни относились къ нему, оно принимаетъ мѣстный оттѣнокъ... Вы стоите въ центрѣ всѣхъ сношеній республики. Вы однимъ взглядомъ обнимаете всѣ точки соприкосновенія ея съ окружающими правительствами. Вы измѣняете политическую систему Европы и переста-

³⁾ Кошонъ, Рамель и Алкье Комитету, 24 и 25 жерминаля—13 и 14 апрѣля 1795 г.

навливаете крупныя силы, до сего дня препятствовавшія вліянію и благоденствію Франціи»⁴⁾.

Такъ смотрѣлъ на дѣло и самъ Комитетъ. Тѣмъ не менѣе, онъ находилъ, что оно подвигается слишкомъ медленно. Онъ боялся, что еще до заключенія мира съ Голландіей въ Парижѣ вспыхнетъ какой-нибудь новый мятежъ, могущій скомпрометировать авторитетъ правительства; опасался и движеній австрійцевъ, которыя заставили бы сосредоточить войска на Рейнѣ; наконецъ и взрыва нужды народа и войскъ, который обнаружилъ бы слабость республики, что поощрило бы голландцевъ къ сопротивленію и затруднило бы миръ съ Голландіей, главною цѣлью котораго было наполненіе государственной казны и продовольствіе народа. Комитетъ грозилъ, но зналъ, что его угрозы не хватитъ надолго. Престижъ его, однако, оставался пока нетронутымъ, и онъ воспользовался имъ, рискуя потерять все. Сіейсъ написалъ Ришару, что рѣчи и прокламаціи генераловъ и комиссаровъ, при вступленіи въ Голландію, были лишь «хорошими словами»; что онѣ не имѣли значенія и смысла дипломатическихъ обязательствъ; что онѣ обращены были ко всѣмъ и ни къ кому; что авторы ихъ называли себя союзниками, но кого? Старыхъ Генеральныхъ Штатовъ? Они уже перестали существовать. Новыхъ? Ихъ еще нѣтъ, и мы ихъ не признали... Батавцы, дѣйствительно, смѣются надъ нами... Мы этого не потерпимъ и поручаемъ тебѣ поддержать военное и политическое преобладаніе, которымъ должна пользоваться республика по самый день заключенія трактата о союзѣ...»⁵⁾. Такіе софизмы весьма удобны для завоевателей; съ ними освоились дипломаты стараго порядка; такимъ же образомъ политики всѣхъ временъ согласовали свои рѣчи съ поступками: облазнительныя обѣщанія, одерживающія верхъ надъ добросовѣстностью претендентовъ и усыпляющія сопротивленіе покоренныхъ народовъ, согласовались съ высокомѣрными требованіями, отдающими во власть побѣдителей народы, подвергшіеся раздѣлу, и завоеванныя государства⁶⁾. Комитетъ усилилъ свои угрожающія мѣры и повторилъ приказъ объ обезоруженіи батавцевъ, если они будутъ продолжать бунтовать. «До заключенія трактата», писалъ Сіейсъ, «они не должны имѣть возможности противиться нашимъ войскамъ»⁷⁾.

⁴⁾ Ришаръ Комитету, Утрехтъ, 10 флореаля—29 апрѣля 1795 г.

⁵⁾ Комитетъ Ришару, 25 жерминаля—14 апрѣля 1795. Черновая Сіейса.

⁶⁾ Сравн. въ II томѣ рѣчи Луккезини полякамъ, образъ дѣйствій Екатерины по отношенію къ Тарговицкой конфедераціи, и въ III томѣ—отношеніе Россіи къ графу Прованскому и раздѣлу Франціи.

⁷⁾ Постановленіе 26 жерминаля—15 апрѣля 1795 г.—Комитетъ Кошону и Алкье, въ Амстердамъ; Ришару—въ Утрехтъ, 26 жерминаля. Черновая Сіейса.

Три дня спустя, Комитетъ узналъ, что его воля исполнена. 21 жерминаля—10 апрѣля, Моро распорядился прекращеніемъ реорганизаціи батавской арміи. Но голландцы продолжали отказываться отъ территориальныхъ уступокъ, ссылаясь на Утрехтскій національный договоръ. Этимъ, заключеннымъ въ 1579 г., договоромъ воспрещались какія бы то ни было уступки голландскихъ земель. Но для комитета Общественнаго спасенія такой пергаментъ лишенъ былъ всякаго значенія и комитетъ, продолжалъ настаивать на уступкѣ Франціи Флессинга. «Мы рѣшились смотрѣть уже на него какъ на французскій портъ», написалъ Сіейсъ комиссарамъ⁸⁾. «Вамъ говорили объ упорномъ сопротивленіи, которое собираются оказать зelandскіе депутаты; Комитетъ уполномочиваетъ васъ заявить съ нѣкоторою осторожностью, что ему очень нетрудно было бы преодолѣть это сопротивление; дѣйствительно, наша мысль проста, но сильна, и мы сообщимъ вамъ о ней на случай надобности».

Случай представился весьма скоро. Блаувъ вернулся въ Паряжъ; онъ заявилъ Комитету, что привезъ контръ-проектъ Генеральныхъ Штатовъ и попросилъ «нравственной отсрочки», для подготовленія новыхъ переговоровъ. Комитетъ отвѣтилъ 25 апрѣля, что дѣло идетъ не о переговорахъ, а о положительномъ или отрицательномъ отвѣтѣ и что для этого не требуется ни дальнѣйшихъ разъясненій, ни нравственныхъ отсрочекъ. Батавцы вручили 26 апрѣля Комитету ноту, отклоняющую *ультиматумъ* Комитета. Тогда Комитетъ приступилъ къ «простымъ, но сильнымъ средствамъ», которыя должны были рѣшить дѣло. Мѣры эти были утверждены 13 флореаля—2 мая 1795 г. Комитетъ отказывался отъ присоединенія всей Зеландіи: онъ довольствовался занятіемъ Флессинга, объявляя, что объ республики будутъ совмѣстно пользоваться портомъ. Это былъ «способъ примиренія». Комитетъ рѣшилъ, что Сіейсъ и Ребель отправятся въ Гагу и поручилъ Ришару подготовить умы къ ихъ пріѣзду, или, если можно такъ выразиться, подготовить вмѣстѣ съ товарищами и генералами постановку *ультиматума*. «Хорошо было бы», писалъ Сіейсъ этому комиссару, «чтобы умами овладѣло нѣкоторое волненіе, чтобы вѣрили, что французская республика рѣшила кончить дѣло во что бы то ни стало. Слѣдовало бы вамъ провести нѣсколько часовъ вмѣстѣ въ закрытомъ помѣщеніи для того, чтобы вообразили, что принимаются военныя мѣры на случай новыхъ затрудненій. Дѣйствительно, любезный коллега, пора кончить эту длинную исторію; мы твердо рѣшились, если трактатъ не будетъ подписанъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, отнестись къ Соединеннымъ Провинціямъ какъ къ завоеванному краю и

⁸⁾ Кошону, Алкье и Рамелю, 29 жерминаля—18 апрѣля 1795 г.

взыскать, путемъ непосредственной контрибуціи съ городовъ и мѣстечекъ, по крайней мѣрѣ сумму, назначенную нами въ видѣ вознагражденія»⁹⁾. Въ инструкціяхъ, данныхъ 15 флореаля Ребелю и Сіейсу, значилось, что если вопреки всякому ожиданію батавцы откажутся подписать договоръ, представители республики наложить на страну контрибуцію въ размѣрѣ ста милліоновъ флориновъ, будутъ взимать ее путемъ военныхъ экзекуцій, захватятъ арсеналы и конфискутъ всѣ военные и морскіе боевые снаряды¹⁰⁾. Ребель и Сіейсъ выѣхали въ тотъ же день.

VI.

На слѣдующій день Комитетъ получилъ изъ Пиренеевъ донесеніе о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Сносившійся съ Бургоаномъ Окарицъ наметнулъ, что предварительнымъ условіемъ заключенія мира должно бы быть перемиріе и освобожденіе дѣтей Людовика XVI. Представитель республики, Гупильо-Фонтенъ, увидѣлъ въ повтореніи «этихъ смѣшныхъ притязаній» доказательство неискренности испанцевъ. Вопреки благоразумнымъ предостереженіямъ Бургоана, онъ приказалъ ему прервать переговоры. Комитетъ нашелъ, что Гупильо дѣйствовалъ слишкомъ поспѣшно и что Бургоанъ вѣрнѣе понялъ намѣренія правительства. Рѣшено было оставить этого дипломата въ Пиренейхъ, куда ему будутъ присланы полномочія и болѣе обширныя инструкціи. Мерленъ тотчасъ же принялся за дѣло, и 17 флореаля—6 мая инструкціи были уже отправлены къ мѣсто-назначенію. Но въ это время Бургоанъ успѣлъ вернуться въ Неверъ, и переговоры съ Испаніей подверглись бы новымъ замедленіямъ, если бы Комитетъ не узналъ совершенно неожиданнымъ образомъ, что ихъ можно вести въ другомъ мѣстѣ и при наилучшихъ условіяхъ.

Иріарте встрѣтился въ Венеціи съ курьеромъ Годоя, везшимъ ему предписаніе снестись съ тѣмъ изъ французскихъ агентовъ, котораго найдеть наиболѣе подходящимъ для мирныхъ переговоровъ. Иріарте переговорилъ съ французскимъ посланникомъ въ Венеціи, Лаллеманомъ, и пришелъ къ тому заключенію, что всего удобнѣе для него отправиться въ «базельскую гостиную»: такъ называли канцелярію Бартеlemi. Иріарте давно уже былъ знакомъ съ этимъ посланникомъ. Они встрѣчались въ Вѣнѣ, Лондонѣ и Парижѣ, относились другъ къ другу съ довѣріемъ и вполне дружески. Иріарте пріѣхалъ въ Базель 4 мая, нашелъ Бартеlemi

⁹⁾ Комитетъ Ришару, 13 флореаля—2 мая 1795 г.

¹⁰⁾ Инструкціи Ребелю и Сіейсу, 15 флореаля—4 мая 1795 г., подписанныя Камбасересомъ, Мерленомъ, Талльеномъ, Бреаромъ, Фуркруа и Лакомбомъ.

у венеціанскаго посланника Санъ-Фермо и сообщилъ ему о цѣли своей поѣздки. Комитетъ извѣщенъ былъ о томъ 21 флорсаля—10 мая; онъ отставилъ отъ посредничества Бургоана и немедленно препроводилъ полномочія къ Бартелеми. Въ инструкціяхъ этому дипломату предписывалось отказать самымъ опредѣленнымъ образомъ въ освобожденіи дѣтей Людовика XVI. Однако, если Испанія будетъ настаивать и Иріарте сдѣлаетъ изъ этого пункта непремѣнное условіе, то Бартелеми могъ бы обѣщать, что по заключеніи общаго мира «всѣ члены семейства Бурбоновъ будутъ переданы испанскому королю». Онъ долженъ былъ сверхъ того поставить на видъ, до какой степени оба государства заинтересованы въ томъ, чтобы препятствовать англійскимъ предпріятіямъ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ и обѣщать Испаніи содѣйствіе Франціи въ этомъ отношеніи. Испанія же должна признать добрыя намѣренія республики и дать залогъ своего благорасположенія. Она содѣйствовала сожженію тринадцати французскихъ кораблей въ Тулонѣ: справедливость требуетъ, чтобы она уплатила ихъ стоимость. Франція возвратитъ завоеванныя ею территоріи: Испанія откажется отъ спорныхъ земель. Бартелеми будетъ просить объ уступкѣ Гвианскоа, но если Испанія окажется несговорчивой, то замѣнить эту провинцію Луизианой и Санъ-Доминго; если же оказалось бы невозможнымъ получить и то и другое, то слѣдуетъ требовать одной Луизианы. Франція кромѣ того будетъ требовать извѣстнаго количества лошадей и меринсовъ. Въ видъ услуги и жертвы со стороны республики, Бартелеми можетъ согласиться на оборонительный союзъ съ Испаніей, направленный противъ Англіи.

Комитетъ предоставлялъ Бартелеми весьма широкія полномочія, но опасался его медлительности и умѣренности. Для приданія переговорамъ надлежащаго характера, Комитетъ присоединилъ къ инструкціямъ настоящей *ультиматумъ*: «Если миръ не будетъ подписанъ черезъ мѣсяцъ, мы рѣшили отдать приказъ разрушить укрѣпленія Розаса, Фигьера и Санъ-Себастьяна. Таково было нетерпѣніе Комитета въ дѣлѣ заключенія этого мира и такъ сильно было у него желаніе вышеуказанныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, что уже въ слѣдующіе же дни посланъ былъ въ Базель второй курьеръ съ новыми доводами и новыми требованіями. Такъ, предписывалось Бартелеми требовать Аранскую долину и уступать только въ случаѣ крайняго сопротивленія. Тѣмъ временемъ посланникъ получилъ письмо Окарица, пересланное Бургоаномъ. Въ немъ заключался рядъ вопросовъ, касавшихся предстоящаго мира, и между прочимъ слѣдующіе: «Какая участь ожидаетъ дѣтей Людовика XVI? Каковъ будетъ размѣръ пенсій эмигрирующихъ принцевъ? Какая судьба ожидаетъ во Франціи католическое вѣроисповѣданіе?»—Эти вопросы,—замѣтилъ одинъ изъ членовъ

Комитета, посягаютъ на верховную власть французской націи».—«Испанія,—сказалъ другой,—такъ же мало имѣетъ право обращаться къ намъ съ подобными запросами, какъ и мы требовать, напримѣръ, упраздненія инквизиціи или вознагражденія для династіи Монтезумы, Атабалибы и всей перувіанской аристократіи».—Комитетъ рѣшилъ держаться своихъ инструкцій, но нѣсколько комиссаровъ спросили: не лучше ли возобновить сношенія между Окарицемъ и Бургоаномъ, чѣмъ допускать Бартелеми вести переговоры съ Иріарте. Заявленія этого послѣдняго страдали неопредѣленностью. Отъ Базеля до Мадрида было слишкомъ далеко. Наконецъ, Бартелеми, соединяя въ своихъ рукахъ всѣ нити переговоровъ, можетъ и нанести ущербъ инициативѣ правительства. Многіе изъ комиссаровъ находили, что этотъ дипломатъ временъ стараго порядка, весьма тактичный въ своихъ рѣчахъ и образѣ дѣйствій, тѣмъ не менѣе связанъ съ республикою скорѣе интересомъ, чѣмъ симпатіей и, раздѣляя стремленія самой умѣренной изъ партій, пріобрѣтаетъ слишкомъ большое вліяніе въ государствѣ. Другіе указывали, напротивъ, на его искусство, на довѣріе, которымъ онъ пользовался у иностранцевъ, наконецъ и на успѣхъ въ сношеніяхъ съ Пруссіей. Благоразуміе взяло верхъ, и Комитетъ сталъ ждать для измѣненія своего рѣшенія болѣе опредѣленныхъ объясненій со стороны Иріарте. Эта выжидательная политика, внезапно замѣнившая *ультиматумъ*, не была въ обычаяхъ Комитета. Она обличала существованіе кризиса, переживаемаго въ ту пору республиканскимъ правительствомъ: этотъ кризисъ и отразился на переговорахъ съ Испаніей.

ГЛАВА II.

Гагскій трактатъ и Сѣверо-германскій нейтралитетъ.

1795.

I.

15 флореала—4 мая, въ самый день отъѣзда Ребея и Сіейса въ Голландію, составъ Комитета подвергся возобновленію. Лесаажъ подалъ въ отставку, Марекъ, Шазаль, Бреаръ и Крезе выходили вслѣдствіе окончанія срока ихъ уполномочій. Ихъ замѣнили: Трельяръ, Дефермонъ, Дусэ-де-Понтекуланъ, Рабо-Помье, Вернье. Изъ четырехъ впервые вступавшихъ въ Комитетъ членовъ Конвента, одинъ только Рабо подавалъ голосъ за казнь Людовика. Сынъ пастора, онъ въ свою очередь занялъ мѣсто пастора въ Монпелье, когда реформатская церковь снова получила право гражданства. По своимъ склонностямъ онъ приближался къ умѣреннымъ. Дусэ, Дефермонъ и Вернье завѣдомо принадлежали къ умѣренной партіи. Камбасересъ продолжалъ председательствовать въ Комитетѣ, а Трельяръ былъ назначенъ въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ требовался помощникъ, вслѣдствіе отъѣзда Ребея и Сіейса. Трельяръ не засѣдалъ въ Комитетѣ съ ноября; Дусэ, Дефермонъ, Рабо и Вернье являлись туда новичками. Они пожелали освѣдомиться объ общемъ положеніи дѣлъ. Оно показало имъ опаснымъ, и не безъ основанія. Опоясанная своими побѣдоносными арміями, республика, если смотрѣли на нее извнѣ, казалась славной и грозной, но внутри царил лихорадочное возбужденіе и раздоры.

Вандея, однако, казалось, успокоивалась: пріостановка борьбы была только-что подписана предводителями возстанія. Вандейскіе партизаны доведены были до крайности. Средства ихъ истощились, а населеніе не желало продолжать возстанія. Вандейскія полчища расхилились. Комитетъ послалъ въ Вандею человека, который значилъ для ея усмиренія болѣе, чѣмъ цѣлая армія,—Гюша. Этотъ генералъ былъ героемъ и въ то же время политикомъ. Одновременно съ этимъ Комитетъ принялъ мѣру, одно провозглашеніе которой изгладило воспоминаніе о звѣрскихъ потопленіяхъ Каррье и адскихъ колоннахъ Тюрро: онъ далъ амнистію и разрѣшилъ священникамъ вернуться въ церкви. Такимъ образомъ кончили тѣмъ, съ чего должны бы были начать, и отнимали у инсurreкціи народный и

религіозный характеръ, въ которомъ и заключалась вся ея мощь ¹⁾. Но были ли искренни вожакі вандейцевъ? Не было ли притворнымъ ихъ примиреніе? Доведенные до крайности, не имѣли ли они въ виду задержать республиканскія арміи, дожидаясь помощи отъ англичанъ, принца, о пріѣздѣ котораго возвѣщали уже давно, и новыхъ поводовъ къ призыву населенія къ оружію? Весьма основательны были такіа подозрѣнія, и событія не замедлили ихъ подтвердить ²⁾. Французскій югъ между тѣмъ былъ объятъ пламенемъ. Вездѣ, гдѣ одерживала верхъ реакція, она выражалась въ грабежахъ, заточеніяхъ, рѣзнѣ. Какъ только побѣда оказывалась на сторонѣ роялистовъ, они вводили контръ-терроръ не менѣе ужасный, чѣмъ якобинскій, а быть можетъ и еще болѣе грубый и мстительный и не имѣвшій оправданія даже въ общественномъ спасеніи. «Реакторы» преслѣдовали республиканцевъ совершенно такъ же, какъ террористы преслѣдовали аристократовъ. Грабители и разбойники пользовались беспорядками и оперировали за собственный счетъ рядомъ съ полуразбойниками и полу-заговорщиками, нападавшими на большихъ дорогахъ и грабившими преимущественно почтовые кареты, называя себя «това-

¹⁾ Постановленіе комиссаровъ республики 13 флореала — 2 мая 1795: «Принимая во вниманіе, что западные департаменты уже въ теченіе двухъ лѣтъ опустошаются бѣдственной войной; что раздирающія ихъ смуты имѣютъ источникомъ закрытія храмовъ и запретъ мирнаго исповѣданія какой бы то ни было вѣры; что люди, причинившіе эти бѣдствія и эти безпорядки, тѣ самые, которые желали повергнуть Францію въ анархію и преслѣдованіями пытались установить особый культъ, первосвященниками котораго себя ставили; что эти анархисты, дерзостно нарушивъ права человека, сами подпали власти закона... постановляемъ: каждое лицо и каждая группа гражданъ имѣютъ права свободного и мирнаго исповѣданія своей религіи». Подписано: Рюэль, Шальонъ, Жарн.—См. по этому вопросу: *La Société, Les articles secrets, Pacification de la Vendée, Revue des questions historiques*, janvier 1881.—*Louis de Frotte et les insurrections normandes*, Paris, 1889, t. I, liv. II.

²⁾ «Британское министерство имѣетъ, повидимому, серьезныя основанія предполагать, что покорность Шаретта притворна и имѣетъ цѣлью только обмануть бдительность французовъ и шадить кровь и жизнь роялистовъ до полученія ожидаемой ими помощи».—«Нѣсколько дней тому назадъ я имѣлъ случай окончательно убѣдиться въ справедливости мнѣнія, которое, какъ вамъ извѣстно, раздѣляю уже давно, а именно, что англійское министерство вело постоянную тайную переписку съ Шареттомъ и Стоффле и что ихъ мнимое примиреніе съ Конвентомъ есть не что иное, какъ военная хитрость, придуманная вслѣдствіе соглашенія съ Англіей, съ цѣлью выиграть время въ такую минуту, когда роялисты нуждались во всемъ и когда не имѣлось никакой возможности доставить имъ помощь». Донесенія Штаремберга изъ Лондона, 17 апрѣля и 23 іюня 1795 г. *Zeissberg*, t. V, 171—260.

рищами солнца» (*compagnons du soleil* или *compagnons de Jésus*)³⁾.

Правительство III года, не имѣя въ департаментахъ достаточной поддержки со стороны администраціи, разоруженное, безсильное, поступало по отношенію къ этой контръ-революціонной анархіи совершенно такъ же, какъ поступалъ Людовикъ XVI съ революціонной анархіей отъ 1788 по 1791 годъ. Производилось слѣдствіе, но не принималось никакихъ мѣръ. Въ Швейцаріи, по всему протяженію нейтральной, не занятой войсками, границы составлялись заговоры и происходило какъ бы медленное и непрерывное просачиваніе ихъ вліянія въ республику. Центромъ и главнымъ двигателемъ этихъ предпріятій была канцелярія англійскаго агента Виггэма. Комитетъ получилъ о нихъ свѣдѣнія отъ своихъ агентовъ: ихъ сообщенія указывали на связь, существовавшую между проектами высадки на западный берегъ Франціи, попытками гражданской войны въ восточныхъ департаментахъ и происками парижскихъ анархистовъ. Вожаки эмиграціи и не скрывали своихъ намѣреній. Они громко объявляли, что въ такой то день вспыхнетъ бунтъ въ Парижѣ, и ликовали, когда предсказаніе оправдывалось⁴⁾.

Объ враждебныя Комитету партіи встрѣчались и соглашались, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ подонковъ. Термидоріанцы выказывали одинаковое порицаніе и той и другой. «Крики анархіи и роялизма исходятъ изъ однихъ и тѣхъ же устъ», говорилъ Шенье 12-го флореаля — 1-го мая; одинаково сожалѣютъ они и о Робеспьерѣ, и о Людовикѣ XVI... Анархія есть одно изъ роялистскихъ средствъ». Конвентъ усилилъ суровость законовъ, направленныхъ противъ эмигрантовъ. Подъ вліяніемъ той же тревоги, Комитетъ поручилъ своимъ агентамъ въ Швейцаріи наставлять «самымъ энергичнымъ образомъ на высылкѣ изъ этой страны эмигрантовъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали». «Французская республика», писалъ онъ, «не можетъ не усматривать доказательства косвенной враждебности въ фактѣ убѣжища, даруемаго людямъ, не переставшимъ составлять противъ нея заговоры и ожидающимъ лишь удобнаго случая, чтобы нанести послѣдній ударъ своему отечеству».

Правительство чувствовало свою несостоятельность. Комитеты мѣшали одинъ другому. «Все откладывается», говорилъ Карно въ Конвентѣ, «все затягивается. Всѣ, занимающіеся общественными дѣлами, находятся въ со-

³⁾ QUINET, *La Révolution*, t. II, liv. XX, *La réaction*. — LOUIS BLANC, t. XII, liv. XIV, ch. II, *La Terreur blanche*. — MICHELET, *Histoire du dix-neuvième siècle*, t. I, p. 163, 171.

⁴⁾ *Revue historique*, t. XVIII. — FAIN, *Manuscrit de l'an III*, ch. IV. Рѣчь Робера, 10-го флореаля; рѣчи Мерлена и Бурдона. — ANDRÉ LEBON, *L'Angleterre et l'émigration*.

стояніи оцѣпенѣнія». Тибодо предложилъ сосредоточить всѣ функціи власти въ комитетѣ Общественнаго спасенія. «Этотъ проектъ слишкомъ энергиченъ для нашего политическаго и нравственнаго положенія», объявилъ Камбасересъ. «Что касается временнаго правительства», прибавилъ онъ, «то его уже не желаютъ. Подумайте о скоромъ созданіи окончательнаго правительства, а до тѣхъ поръ соединимъ всѣ наши усилія, средства и замыслы для обезпеченія побѣды нашимъ арміямъ, для заключенія почетныхъ и прочныхъ мирныхъ трактатовъ, для исправленія несправедливостей, которыхъ мы не могли ни предвидѣть, ни предотвратить, и для заживленія ранъ революціи». Конвентъ образовалъ комитетъ для составленія конституціи. Въ него назначены были главные члены комитета Общественнаго спасенія, а до окончательнаго созданія конституціи вся исполнительная власть предоставлялась этому Комитету. Оставалось позаботиться о главномъ: объ обезпеченіи успѣшнаго хода военныхъ дѣйствій и заживленіи ранъ республики. Военныя дѣйствія были прерваны, социальныя раны съ каждымъ днемъ становились опаснѣе, и въ силу однихъ и тѣхъ же причинъ усиливались и голодовка, и оскуднѣніе государственнаго казначейства.

До сихъ поръ Комитетъ не сомнѣвался въ превосходствѣ своей системы по внѣшней политикѣ. Онъ принялъ эту систему безъ обсужденія; онъ объявилъ о ней Конвенту, не требуя для нея формальной санкціи, и поступалъ такъ, какъ будто эта система, обладая очевидною полезностью, сдѣлалась необходимымъ закономъ республиканской дипломатіи. По возобновленіи состава Комитета 15-го флореаля, является неувѣренность, затѣмъ тревога и наконецъ тоскливое ожиданіе чего-то. Новые члены Конвента, пожелавъ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, заставили своихъ коллегъ вновь разсмотрѣть то, что считалось до сихъ поръ безспорнымъ. Вопросы, предлагаемые имъ новыми членами, несостоятельность отвѣтовъ, которые они вынуждены были давать, грозное противорѣчіе ихъ замысламъ, даваемое дѣйствительностью, все это волновало старыхъ членовъ Комитета. Казалось, что упрямство Ребея, обаятельная діалектика Сіейса и невозмутимый оптимизмъ, внушаемый ему самолюбіемъ, какъ бы околдовали ихъ. Покровы, скрывавшіе паткость положенія республики, спали съ ихъ глазъ. Все было начато въ одно время и все запутано; слабо завязанный узелъ держитъ основу; стоитъ ему развязаться, и всѣ нити распускаются.

Даже въ умѣ тѣхъ, которые, подобно Камбасересу и Мерлену, объединяли и вели большинство членовъ Комитета, убѣжденіе въ превосходствѣ замысловъ далеко не было такъ твердо, какъ давали поводъ предполагать ихъ заявленія. Одною изъ странныхъ чертъ людей этого времени

была смѣсь нетвердости характера съ властнымъ способомъ выраженія. Этотъ недостатокъ въ характерахъ объясняетъ ихъ подчиненіе Робеспьеру, ихъ покорность Бонапарту, внезапные повороты въ ихъ политикѣ и вліяніе, скрывавшееся подъ высокомеріемъ ихъ рѣчей. Они воображали, что завоеваніе укрѣпитъ установленіе республики. Но ранѣе завершенія завоеваній, республикѣ грозила гибель, вслѣдствіе голода и банкротства. Донесенія полиціи, которыя читалъ Комитетъ, были лишь однообразнымъ отголоскомъ цѣлой бури угрозъ и страшной нужды ⁵⁾; народъ желалъ мира, чтобы имѣть заработокъ, безопасность, право на самую жизнь; Комитетъ навязывалъ воинственную политику народу, который хотѣлъ только пользоваться завоеванными правами и вернуться къ трудовой жизни. Страна была избавлена отъ нашествія. Республика восторжествовала. Упорствуя въ продолженіе войны для расширенія предѣловъ и прославленія республики, не рисковалъ ли Комитетъ подорвать тотъ самый республиканскій режимъ, на основаніе и укрѣпленіе котораго предъявлялъ претензію? Очевидность фактовъ, настоятельные запросы политики, логика, здравый смыслъ, все указывало Комитету на необходимость вникнуть въ положеніе вещей. Даже болѣе опытные политическіе дѣятели, болѣе твердые и убѣжденные въ своемъ дѣлѣ, могли поколебаться. Члены же Комитета прямо пришли въ замѣшательство, а Мерленъ де Дуэ, на которомъ лежала почти вся тяжесть внѣшнихъ сношеній, повидимому, смутился болѣе всѣхъ остальныхъ ⁷⁾. Наступило время пріостановки и какой-то нерѣшительности въ дѣлахъ.

II.

Базельскія донесенія, несмотря на свой осторожный и скромный тонъ, все болѣе и болѣе принимали характеръ «дипломатическихъ выговоровъ». Бартеlemi подробно сообщалъ о своихъ бесѣдахъ съ Гарденбергомъ, по вопросу о Рейнѣ; онъ особенно охотно останавливался на доводахъ прусскаго дипломата; собственные же отвѣты онъ самъ находилъ слабыми и въ нихъ не звучало убѣжденіе. Комитетъ раздражался вначалѣ этими донесеніями и вскорѣ заподозрилъ своего посланника въ приверженности «къ партіи прежнихъ границъ». Это отозвалось на нравственномъ кредитѣ Бартеlemi; тѣмъ не менѣе его внушенія оказали вліяніе на Комитетъ. И это вліяніе было тѣмъ сильнѣе, что подобныя же предостереже-

⁵⁾ SCHMIDT, *Tableaux de la Révolution française*, Leipzig 1867. Его же: *Paris pendant la révolution*, Paris 1880—1890, переводъ съ нѣмецкаго Viollet. — TAINE, *La Révolution*, t. III.

⁷⁾ *Revue historique*, t. XVII, 264—268.

нія получались отъ совѣтниковъ, стоявшихъ выше всякихъ подозрѣній, даже по статьѣ о границахъ, въ качествѣ ярыхъ противниковъ прежняго порядка, подававшихъ голосъ за казнь короля. «Я очень боюсь,—писалъ Кошонъ Мерлену,—что мы слишкомъ честолюбивы. Какъ! Мы не можемъ справиться съ управленіемъ одного города, составляющаго лишь небольшую часть республики, и еще говоримъ о такомъ значительномъ расширеніи французскихъ предѣловъ? Я очень хорошо знаю, что мы укажемъ на общественное мнѣніе, то есть на мнѣніе Конвента, и такъ далѣе. Но развѣ это мнѣніе уже такъ непоколебимо? Не измѣнилось ли бы оно, если бы Конвентъ и публика имѣли болѣе обстоятельныя свѣдѣнія? Я очень опасуюсь, чтобы современемъ не пришлось пожалѣть о недостаточномъ освѣдомленіи Конвента. Время сказать правду наступило. Можемъ ли мы закрывать глаза на то, что не имѣемъ никакой возможности принять новую кампанію? Народъ громко требуетъ мира, онъ въ немъ нуждается самымъ настоятельнымъ образомъ, и неужели вы полагаете, что иностранныя державы расположены будутъ заключить прочный и искренній миръ, если замѣтятъ у насъ такое непомерное честолюбивое стремленіе къ расширеніямъ?.. Я думаю, что благоразуміе должно бы заставить насъ отказаться отъ этой рейнской границы, которая, къ тому же, вовсе не такъ удобна, какъ полагаютъ горячія головы, ничего въ этомъ вопросѣ не смыслящая... Отказавшись отъ Рейна, Конвентъ выказалъ бы истинное величіе и истинную преданность имъ самимъ провозглашеннымъ принципамъ».

Кошонъ находилъ, что слѣдовало присоединить часть Бельгіи до-Турне, а остальную Бельгію раздѣлить на нѣсколько республикъ, состоявшихъ бы подъ покровительствомъ Франціи. Относительно Бельгіи, Комитетъ никогда не колебался: онъ желалъ сохранить ее всю. Но по поводу рейнской границы его брало сомнѣніе. Мерленъ слѣдилъ за базельскою перепискою. Онъ не опровергалъ возраженій Гарденберга, не порицалъ Бартеlemi за его наставленія и ограничился требованіемъ возможно скораго подписанія конвенціи о нейтралитетѣ Сѣверной Германіи. Онъ уже не указывалъ на пріобрѣтеніе лѣваго берега, какъ на нѣчто принципиально и безповоротно рѣшенное, но объявилъ только, что республика должна продолжать занимать Майнцъ. «Эта оккупация», сказалъ онъ, «даже въ томъ случаѣ, если бы мы не оставили за собою окончательно лѣваго берега Рейна, необходима для импонирования Австріи и побужденія ея согласиться на миръ, принявъ условія, требуемыя соединенными интересами республики, прусскаго короля и большей части Имперіи». Одно изъ такихъ условій заключается въ замѣнѣ духовныхъ князей-избирателей, вполнѣ зависящихъ отъ Австріи, свѣтскими князьями, которые, въ силу собственныхъ

выгодъ, были бы одинаково связаны и съ Пруссіей, и съ французскою республикою».

Въ подтвержденіе своего мнѣнія, Кошонъ ссылаясь на авторитетъ военныхъ людей. «Я не встрѣтилъ», писалъ онъ, «ни одного образованнаго офицера, который не находилъ бы, что эту границу (Рейнъ) будетъ трудно защищать и что она обойдется дороже прежней». Комитетъ пожелалъ собрать непосредственныя свѣдѣнія и съ этою цѣлью написалъ представителямъ, находившимся при мозельской и рейнской арміяхъ: Кавеньяку, Риво и Мерлену-де-Тюнвилю. Онъ спрашивалъ ихъ мнѣнія и приглашалъ ихъ къ совѣщанію по этому вопросу съ Пинегрю и другими генералами, внушающими имъ наибольшее довѣріе: «Это—дѣло крайней важности; мы обращаемся для его разсмотрѣнія къ вашему усердію, проницательности и патриотизму». Къ депешѣ приложены были копии съ донесеній Бартелеми, на которыхъ написано было: *весьма важное*; а для того, чтобы не осталось ни малѣйшаго недоумѣнія по поводу совѣщанія, Мерленъ-де-Дуэ написалъ частное письмо Мерлену-де-Тюнвилю: «Вотъ, любезный другъ,—писалъ онъ ему,—тѣ данныя, по которымъ мы ждемъ твоего мнѣнія. Что касается меня лично, то я еще не составилъ себѣ опредѣленнаго мнѣнія... Я вижу множество интригъ, даже среди насъ, клонящихся къ тому, чтобы дать преимущество той или другой системѣ. Я же стараюсь только о томъ, чтобы выяснитъ себѣ положеніе возможно болѣе точно».

А пока, Бартелеми уполномоченъ былъ подписать проектъ нейтралитета, предложенный Гарденбергомъ. Прусская демаркаціонная линія оставляла французамъ теченіе Майна и облегчала, слѣдовательно, военныя операціи, въ особенности же осаду Майнца. Прежде чѣмъ поставить условіемъ пріобрѣтеніе этой крѣпости республикой, надлежало овладѣть ею. Обезпечивъ себѣ спокойствіе со стороны Сѣверной Германіи, Комитетъ получилъ бы возможность содержать республиканскія войска на счетъ Южной Германіи, остававшейся подъ верховною властью Австріи. Это было бы двойною выгодною для Франціи: налагая на эти края контрибуціи, она содѣйствовала бы скорѣйшему отдѣленію ихъ отъ союза съ Австріей и привела бы ихъ къ заключенію мира, по извлеченіи изъ нихъ всѣхъ средствъ, которыя они могли доставить на веденіе войны. Однако эти средства не могли быть достаточными. Комитетъ не видѣлъ иныхъ способовъ возмѣщенія военныхъ расходовъ, кромѣ веденія войны и вмѣстѣ съ тѣмъ почти отчаивался въ возможности продолжать эту войну. «Мы находимся въ положеніи дѣйствительно ужасномъ,—писалъ Мерленъ де-Дуэ Мерлену де-Тюнвилю, 26 флореала—15 мая;—не говоря уже о недостаточности продовольствія, мы нуждаемся и въ деньгахъ. Намъ остается надежда до-

стать ихъ въ Голландіи; но это дѣло еще невѣрное. Поспѣши отвѣтомъ на недавнее письмо Комитета о нейтрализаціи Майнца и способахъ заключенія мира, о которыхъ упоминали нѣкоторые посланники. Признаюсь тебѣ, что наше положеніе внушаетъ мнѣ страхъ и что я не вижу иного исхода, кромѣ скорого заключенія мира... Ребель и Сіейсъ находятся въ Гагѣ и совѣщаются съ Генеральными Штатами. Дай Богъ, чтобы они окончили полюбовно».

Тревога, съ какою Комитетъ ожидалъ извѣстій объ этихъ переговорахъ, сказывается и въ письмѣ, отправленномъ въ тотъ же день Мерленомъ де-Дуэ Сіейсу и Ребелю: «Не скроемъ отъ васъ, что въ настоящую минуту судьба республики находится въ вашихъ рукахъ. Если вамъ удастся переговоры и вы успѣете достать денегъ, которыхъ мы требуемъ, то мы питаемъ большую надежду выйти изъ настоящаго критическаго положенія. Казна пуста; мы крайне нуждаемся въ деньгахъ, и спеціально для продовольствованія рейнской и итальянской армій, терпящихъ большія лишенія. Намъ съ трудомъ удалось собрать 150.000 ливровъ для первой изъ этихъ армій, которая можетъ добиться успѣха, только перейдя Рейнъ, и которая не переходитъ его по недостатку средствъ. Ассигнаціи упали до невѣроятной степени; въ Базелѣ теряемъ на нихъ 95 на 100, а вамъ извѣстно, что именно въ Базелѣ поставщики этой арміи получаютъ денежныя средства. Извѣстія, получаемыя нами о положеніи рейнской и итальянской армій, усиливаютъ наше желаніе вести переговоры о мирѣ. Нужно 25.000 человекъ для Рейна и 10.000 для Италіи. Ихъ можно получить только въ Сѣверной арміи, и чтобы взять ихъ, необходимо быть увѣренными въ Голландіи». Въ ту самую минуту, когда Комитетъ писалъ эти отчаянные призывы своимъ представителямъ, его энергію еще разъ ожидала награда. Трактаты, которыхъ онъ ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, были уже подписаны: одинъ—въ Гагѣ, другой—въ Базелѣ.

III.

Выѣхавъ изъ Парижа 15 флореала, Ребель и Сіейсъ прибыли въ Гагу только 19—8 мая 1795 г. Они могли лично убѣдиться въ бѣдственномъ положеніи завоеваннаго края: по дорогѣ они не находили почтовыхъ лошадей: ихъ приходилось брать реквизиціей; «начальникъ почтовой станціи въ Антверпенѣ объявилъ, что предпочитаетъ не получать никакой платы, чѣмъ получать ассигнаціи». Въ Гагѣ они встрѣтили ожидавшихъ ихъ Алкье и Рамеля, Ришара, пріѣхавшаго изъ Утрехта, и Кошона—изъ Амстердама. Моро присоединился къ нимъ и распорядился угрожающею военною демонстраціей въ сторону Утрехта. Тѣмъ не менѣе

Ребель и Сиейсъ должны были уступить очевидности. Они имѣли возможность убѣдиться въ постоянно возрастающемъ неудовольствіи населенія и потери довѣрія, грозившей Генеральнымъ Штатамъ. Они извѣстили это Собраніе о своемъ пріѣздѣ, и оно назначило для переговоровъ съ ними пятерыхъ комиссаровъ: Паулуса, Лестевенона, Матьяса, Понса и Гюбера. Первое совѣщаніе происходило 11 мая; оно продолжалось отъ 11 часовъ утра до четырехъ пополудни. На немъ присутствовали и французскіе комиссары. Немедленно приступлено было къ наиболѣе щекотливому пункту: къ вопросу о Флессингѣ. Французскіе уполномоченные убѣдились, что принятіе *ультиматума* Комитета будетъ зависѣть отъ правилъ, имѣющихъ быть установленными относительно совместнаго пользованія этимъ портомъ. «Настаиваютъ на вознагражденіи за уступку голландской Фландріи», писали они. «Что касается Бергенъ-опъ-Цоома, то мы не надѣемся на возможность его получить». Совѣщанія продолжались цѣлую недѣлю. ими руководилъ Сиейсъ. «Онъ несъ на себѣ всю тягостную сторону переговоровъ», писалъ Ребель. Наконецъ французы обѣщали территориальное вознагражденіе, и трактатъ былъ подписанъ въ ночь съ 27 на 28 флореаля, — 16—17 мая.

Онъ помѣченъ 27 флореаля—16 мая 1795 г. Французская республика признаетъ батавскую республику и гарантируетъ ея независимость. Обѣ республики заключаютъ наступательный и оборонительный союзъ вплоть до окончанія настоящей войны, и постоянный союзъ противъ Англіи. Батавцы доставятъ двѣнадцать кораблей, восемнадцать фрегатовъ и, въ случаѣ надобности, половину своихъ сухопутныхъ войскъ; этими войсками будутъ командовать французскіе генералы. Франція оставляетъ за собою голландскую Фландрію, Маастрихтъ, Венлоо и примыкающія къ нимъ земли. Она занимаетъ Флессингъ, портъ котораго остается въ совместномъ пользованіи. Голландія получитъ, при заключеніи общаго мира, территориальное вознагражденіе, соответствующее размѣру утрачиваемыхъ земель. Франція занимаетъ укрѣпленные пункты, необходимые для обоюдной обороны. Голландія уплачиваетъ, въ видѣ вознагражденія за военные расходы, 100 милліоновъ флориновъ. Къ явному трактату приложены и тайныя статьи: Голландія ссужаетъ три корабля и четыре фрегата; до окончанія войны она беретъ на себя содержаніе 25.000 французскаго войска; она доставляетъ реквизицій на 10 милліоновъ флориновъ; она предоставляетъ Франціи имѣнія французскихъ эмигрантовъ, нашедшихъ убѣжище въ Голландіи; обѣ республики взаимно гарантируютъ другъ другу обоюдныя колоніи въ Индіи и Африкѣ.

На слѣдующій же день, Бартеlemi заключилъ съ Гарденбергомъ конвенцію о нейтралитетѣ Сѣверной Германіи. Слухи о тайныхъ перегово-

рахъ Комитета съ Австріей привели къ желанному результату. Германія тревожилась ими, Пруссія они внушали еще болѣе серьезныя опасенія. Гарденбергъ съ нѣсколькихъ сторонъ получилъ заявленіе, что Австрія готова уступить лѣвый берегъ Рейна, лишь бы Франція не препятствовала ей овладѣть Баваріей. Если эти слухи оказались бы справедливыми, то Пруссія рисковала потерять одновременно и славу и выгоду умиротворенія Германіи. Если Франція придетъ къ соглашенію съ Австріей по поводу Баваріи, Пруссія потеряетъ всякій кредитъ и въ глазахъ республики, и въ глазахъ Имперіи; самыя вознагражденія ея были бы тѣмъ скомпрометированы. Въ виду этого Гарденбергъ съ тревогою ожидалъ согласія Комитета на предложенный Пруссіей планъ нейтралитета. Немедленно по полученіи полномочія, Бартеlemi изъявилъ готовность его подписать. Конвенціей 28 флореаля—17 мая, Франція обязывалась считать нейтральными всѣ государства, лежащія къ сѣверу отъ Майна, въ томъ случаѣ если они отзовутъ свои контингенты изъ имперской арміи и будутъ съ точностью соблюдать нейтралитетъ. Пруссійскій король обѣщавъ заставить соблюдать этотъ нейтралитетъ и взять въ видѣ залога Ганноверъ, если то оказалось бы необходимымъ.

Эти оба трактага, гагскій и базельскій, были заключены весьма кстати. Въ то время какъ курьеры везли ихъ въ Парижъ, тамъ вспыхнулъ мятежъ, напоминавшій самые грозные дни 1793 года и подвергавшій серьезнѣйшей опасности существованіе правительства, то есть комитета Общественнаго спасенія. Одного извѣстія о такомъ мятежѣ было бы достаточно для ослабленія готовности Гарденберга и усиленія сопротивленія голландцевъ.

IV.

Мятежъ, неудавшійся шесть недѣль тому назадъ, едва не восторжествовалъ 1 преріаля—20 мая. Онъ былъ ожесточеннѣе и кровавѣе бунта 12 жерминаля: голодные, нуждающіеся, злодѣи, доведенный до отчаянія народъ, грабившая чернь, и во главѣ всего этого нѣсколько фанатиковъ монтаньяровъ, а въ рядахъ, кое-гдѣ—двусмысленные агенты-агитаторы эмиграціи, раздувавшіе пламя. Толпа негодовала на Конвентъ 1795 года, какъ негодовала на короля въ 1789 году и шла во имя общаго благополучія. Республика обѣщала счастье бѣдному люду; этотъ люду имѣлъ собственное понятіе объ этомъ счастьѣ; онъ разумѣлъ время, когда не умираютъ съ голода, а такая революція, по его мнѣнію, была еще впереди. Анархисты требовали водворенія золотого вѣка, наступленіе котораго такъ часто возвѣщалось и постоянно отодвигалось. Республика отвѣчала на ихъ требованія тюрьмой и ссылкой. Мятежъ готовился на

такой общей основѣ еще съ зимы. Какъ въ октябрѣ 1789 г., агенты Орлеанскаго принца и вожаки клубовъ пользовались народными страстями для ускоренія паденія Людовика XVI, такъ въ жерминаль и преріаль 1795 всѣ заинтересованные въ паденіи Конвента побуждали къ инсurreкціи, или радовались ей.

Комитеты, такъ же какъ и въ жерминаль, не приняли никакихъ мѣръ. Они были предупреждены объ опасности, но располагали для своей защиты только фрондирующими и далеко не вѣрными національными гвардейцами; Комитеты не смѣли принимать мѣръ предосторожности, боясь повредить остатку своего престижа. Оставшіяся вѣрными секціи вооружились; но онѣ оказались не въ силахъ дать отпоръ инсургентамъ. Чернь ворвалась въ залу Собранія. Республиканца Феро (Feraud), пріѣхавшаго въ Парижъ изъ Кельна, съ цѣлью бороться противъ роялистовъ и анархистовъ» приняли за Фрерона. Бунтовщики убили его, отрѣзали голову, насадили ее на пикъ и съ страшными криками поднесли ее президенту Буасси д'Англа, на подобіе того, какъ въ былое время ихъ предшественники поднесли Маріи-Антуанетѣ окровавленную голову г-жи де-Ламбалль. Вечеромъ побѣда оставалась, повидимому, на сторонѣ инсurreкціи. Конвентъ разбѣжался. Въ залѣ засѣданій оставались только тѣ изъ монтаньяровъ, которые руководили движеніемъ или примкнули къ побѣдителямъ. Они постарались воспользоваться «днемъ», согласно съ прецедентами 31 мая и 2 іюня. Объявивъ, что они составляютъ все Собраніе, они принялись писать декреты; чернь утверждала ихъ громкими изъявленіями одобренія. Но сходство съ 12 жерминалемъ должно было оказаться полнымъ. Комитеты оправились отъ своего смущенія; республиканскія секціи ободрились и получили подкрѣпленія. Онѣ, въ свою очередь, вторглись въ залу, вытѣснили монтаньярскій анти-Конвентъ и водворили въ ней Конвентъ національный. Это Собраніе выказало себя, какъ и всегда, свирѣпымъ послѣ побѣды и неумолимымъ въ репрессіи. Монтаньярскіе депутаты, захватившіе власть, были арестованы.

На слѣдующій день инсurreкція возобновила нападеніе. Республиканскія секціи нашли, что въ достаточной мѣрѣ доказали свое усердіе. Съ нихъ было довольно. Онѣ отказались стрѣлять въ толпу. Комитеты поняли, что слѣдуетъ ждать уличной борьбы и что національная гвардія ее не выдержитъ. Тогда пришлось рѣшиться призвать солдатъ по профессіи и регулярныя войска. Обри, Жилье и Дельма, всѣ трое изъ бывшихъ офицеровъ, потребовали линейныя войска, несшія конвойную службу. Бывшій генералъ королевской арміи, Мену, получилъ командованіе этими войсками. Первый прибывшій отрядъ состоялъ изъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ вышедшаго изъ революціи молодого капитана, Мюрата. Толпѣ

данъ былъ отпоръ. Въ слѣдующіе дни число войскъ увеличилось. 4-го преріаля Мену располагалъ 3.000 кавалеріи, нѣсколькими линейными батальонами и артиллеріей. Они послужили кадрами для лучшихъ батальоновъ парижскихъ секцій и образовали армію въ 20.000 человекъ. Войска двинулись на Сентъ-Антуанское предмѣстье, гдѣ забарикадировались мятежники, и обезоружили ихъ. Такъ продолжался отливъ революціи: въ жерминаль, Конвентъ призвалъ Пишегрю и поставилъ его во главѣ національной гвардіи для подавленія возмущенія; въ преріаль, онъ призвалъ уже для усмиренія инсurreкціи линейныя войска.

Среди перипетій этихъ бурныхъ дней, въ одну изъ выдавшихся спокойныхъ минутъ, 2 преріаля, Мерленъ прочиталъ съ трибуны депешу, въ которой сообщалось о заключеніи мира съ Голландіей¹⁾. Большинство Собранія приняло извѣстіе съ восторгомъ. «Никогда, — воскликнулъ Марекъ, — «никогда якобинцы не дали бы намъ этого мира!» Въ послѣдовавшіе за тѣмъ дни Конвентъ сводилъ свои счеты. Послѣдніе монтаньяры попытались устроить «31 мая» противъ термидоріанцевъ; термидоріанцы же сдѣлали изъ своей побѣды второе «9 термидора». Шестьдесятъ два монтаньярскихъ депутата преданы были суду. Шестеро изъ нихъ приговорены были къ смерти. Конвентъ распорядился преслѣдованіемъ еще оставшихся на свободѣ членовъ прежнихъ комитетовъ. Нѣсколько неистовыхъ, быть можетъ, тѣ самые, которые добились проскрипціи Карно въ 1797 г., предложили арестовать его. Секціямъ дозволено было разоружаться и забирали секціи. Секціямъ дозволено было разоружаться и забирали арестовать его. Секціямъ дозволено было разоружаться и забирали «воровъ, убійцъ и агентовъ тиранніи, предшествовавшей 9 термидора». Нѣсколькихъ изъ нихъ посѣщали гильотинировать. Остальные побѣжденные были заключены въ тюрьмы или сосланы. Национальная гвардія была «очищена отъ вредныхъ элементовъ», и Собраніе назначило себѣ постоянную охрану изъ линейныхъ войскъ.

Принявшись снова за дѣла, Комитетъ почувствовалъ унылость и утомленіе. Необходимость завершить революцію и конституировать республику представлялась для всѣхъ настоятельной. Побѣда, одержанная Конвентомъ, укрѣпляла партію умѣренныхъ, а слѣдовательно и партію мира. При такомъ-то настроеніи Комитетъ обсуждалъ отвѣты, полученные имъ отъ Бартеми, Пишегрю, Риво, Кавеньяка и Мерлена де-Тюввиля, по вопросу о рейнской границѣ. Пишегрю совѣщался съ комиссарами. Всѣ находили, что необходимо нейтрализовать Майнцъ и держать его подъ секвестромъ до заключенія мира, который и рѣшить его судьбу. Всѣ желали скорого общаго мира. «Все общасть побѣду, — писали они, — но у насъ нѣтъ лошадей, звонкой монеты, ассигнацій... Минута кончать эту войну наступаетъ».

¹⁾ FAIN, *Manuscrit de l'an III.*

пила, такъ какъ всѣ враги просятъ мира на условіяхъ, которыя Франція съ удовольствіемъ приняла бы, если бы ихъ предложили въ то время, когда непріятель занималъ часть ея территоріи».

Мерленъ-де-Тювилль, мысленно распоряжаясь Европой и раздробляя ее по своему усмотрѣнію, желалъ бы оставить Пруссію при ея колебаніяхъ и сомнѣніяхъ и обратиться къ Австріи, которая, быть можетъ, оказалась бы болѣе сговорчивой: можно бы предложить ей чрезъ Карлетти Баварію и вести съ нею переговоры, «не обращая вниманія ни на прусскаго короля, ни на германскую имперію...» Къ чему, говорилъ онъ, брать на себя роль покровителей мелкихъ германскихъ государствъ? «Какое намъ дѣло до Баваріи? Какое намъ дѣло до курфирстовъ?.. Въ политическихъ дѣлахъ слѣдуетъ покидать слабыхъ и вступать въ союзъ съ сильными». Но, обращаясь къ Франціи, Мерленъ тотчасъ же прибавлялъ: «Мы, такъ сказать, изнемогаемъ подъ бременемъ побѣды; блокированные у себя дома, мы нуждаемся во всемъ... А между тѣмъ Европа у нашихъ ногъ. Міръ проситъ у насъ окончанія войны въ ту минуту, когда одна какая-нибудь неудача можетъ лишить насъ всего нашего прежняго блеска... Съ какою цѣлью мы взяли за оружіе? Для завоеванія нашей свободы, установленія мира, благосостоянія и счастья. Повидимому, намъ готовы уступить епископства: Шпейерское, Трирское и Люксамбургъ до Мааса, который слѣжался бы нашей границей; примите это въ видѣ вознагражденія и дайте намъ миръ. Дайте намъ миръ, хотя бы мы должны были вернуться къ нашимъ прежнимъ границамъ: мы были бы отъ этого не менѣе, а даже болѣе велики, такъ какъ доказали бы, что взяли за оружіе только ради свободы. Таково мое мнѣніе; я нахожу его единственнымъ здравымъ мнѣніемъ. Желательно, чтобы оно одержало верхъ надъ гигантскими проектами людей, забывшихъ, чѣмъ держатся государства!» Казалось, что въ бурной душѣ Мерлена на минуту наступило затишье и дало ему возможность ясно увидѣть истинное положеніе вещей.

Эти патріотическія увѣщанія самаго горячаго изъ ревнителей завоеванія, эти признанія и совѣты самаго блестящаго изъ республиканскихъ генераловъ придавали особую силу представленіямъ Гарденберга, переведеннымъ и комментированнымъ самимъ Бартеlemi.—Укрѣпите и установите ваше правительство, повторялъ Гарденбергъ. Умиroтвореніе Германіи совершится само собою, а прусскій король поможетъ вамъ въ установленіи прочнаго равновѣсія въ Европѣ. Но все будетъ невозможнымъ, если вы не откажетесь отъ лѣваго берега Рейна. «Иначе, какимъ же образомъ предотвратитъ обширѣйшія потрясенія въ Германіи, слѣдствіемъ которыхъ явятся безконечныя затрудненія? А между тѣмъ уже и теперь возможно предвидѣть, что все это кончилось бы поглощеніемъ мелкихъ

государствъ крупными. Это неизбѣжно, и какую же выгоду извлечь Франція изъ такого положенія вещей?»

Доводы были серьезны; они указывали на государственную необходимость. Событія придавали имъ особый вѣсъ. Комитетъ сдѣлся. 3 преріаля—22 мая, Мерленъ де Дуэ написалъ Бартеlemi: «До сихъ поръ Комитетъ сообразовался съ «общимъ движеніемъ мыслей и чувствъ Конвента»; но Конвентъ никогда не декретировалъ формальнымъ образомъ, что Рейнъ будетъ границею республики, а для того, чтобы онъ могъ основательно обсудить этотъ вопросъ, ему необходимо узнать, какую иную систему могла бы предложить ему Пруссія. Расположена ли Пруссія просить мира для всей Германіи подъ условіемъ, что республика пріобрѣла бы не только австрійскіе Нидерланды, Люксамбургъ, Люттихъ и австрійскія владѣнія лѣваго берега, «по поводу которыхъ не можетъ возникнуть спора», но еще и Ахенъ, Саарбрюкенъ и Монбельяръ? Комитетъ ждетъ по этому поводу объясненій отъ Гарденберга. Что касается переговоровъ съ Австріей, то эта мысль оставлена Комитетомъ. Во время бунтовъ, едва не разрушившихъ республику, онъ видѣлъ «и лондонское золото, и вѣнскія интриги» и полагаетъ, что только силою можетъ одолѣть этихъ коварныхъ и непримиримыхъ враговъ».

Комитетъ дѣйствительно не думалъ уже о переговорахъ съ Австріей; но онъ думалъ о нихъ ранѣе. Онъ самъ распускалъ о нихъ слухи, и Мерленъ де Тювилль лукаво намекалъ на нихъ въ своихъ бесѣдахъ на границѣ. Такъ, 19-го мая, онъ встрѣтился съ Гарденбергомъ въ Гунингенѣ; Гарденбергъ вынесъ изъ разговора съ нимъ убѣжденіе, что Карлетти договаривается въ Парижѣ объ обмѣнѣ Баваріи. Пруссскій дипломатъ сказалъ объ этомъ Бартеlemi. «Такое пріобрѣтеніе», замѣтилъ онъ, «доведе-детъ эту честолюбивую державу до высшей степени могущества... оно довершитъ подчиненіе и уничтоженіе Германіи, Италіи, Граубиндена и турокъ; оно раздавитъ вліяніе Пруссіи и почти погубитъ Швейцарію...» Гарденбергъ былъ такъ встревоженъ, что нашелъ нужнымъ послать въ Парижъ своего секретаря Гервинуса: онъ поручилъ ему переговорить съ комитетомъ Общественнаго спасенія о средствахъ побуждать Австрію къ миру. «Вамъ представляется прекрасный случай примѣненія вашего благоразумія», писалъ по этому случаю Бартеlemi. «Но все будетъ зависеть, добавлялъ онъ, отъ рѣшенія, которое будетъ принято республикою относительно лѣваго берега Рейна: если республика оставитъ за собою этотъ край, «то невозможно предвидѣть, что станетъ съ внутреннею Германіей... Пруссскій король не рѣшится содѣйствовать дѣлежу имперскихъ государствъ». Если же республика откажется отъ прирейнскаго края, то она все-таки получитъ, и притомъ съ согласія всѣхъ державъ, «территоріи,

необходимы для округленія нашихъ границъ и защиты ихъ отъ всякихъ посягательствъ».

Когда это донесеніе дошло до Комитета, Сіейсъ уже снова засѣдалъ въ немъ. Онъ вернулся 4-го преріала. Измѣненіе въ настроеніи сотоварищей не могло не изумить его. «Уѣзжая въ Голландію», писалъ онъ Ребелю, «я надѣялся, что миръ на всемъ западѣ Европы будетъ нравственно несомнѣннымъ слѣдствіемъ системы рейнской границы... Я съумѣю, если то окажется необходимымъ, подчиниться мнѣнію большинства, но не безъ огорченія буду смотрѣть на карту этой прекрасной полосы между Маасомъ и Рейномъ, которая, не будучи ни французскою, ни батавскою, всегда останется очагомъ и театромъ періодическихъ опустошеній». ГERVINUSU предстояло, слѣдовательно, встрѣтить большое разногласіе въ средѣ дипломатовъ Комитета: Сіейсъ настаивалъ на своей системѣ, Мерленъ склонялся къ умѣренности, а Трельяръ не высказывался.

ГERVINUSU пріѣхалъ въ Парижъ 25-го мая; онъ былъ принятъ въ дипломатической секціи 29-го. Сіейсъ, Мерленъ и Трельяръ сидѣли въ очень мрачной комнатѣ. Сіейсъ, повидимому, председательствовалъ. Онъ руководилъ разговоромъ. ГERVINUSU онъ показался «очень требовательнымъ, жесткимъ, рѣзкимъ, преисполненнымъ философскаго высокомерія». Старый наставникъ Гарденберга не лишенъ былъ наблюдательности; онъ проявилъ и разсудительность во время послѣдовавшаго совѣщанія. Онъ выразилъ желаніе Пруссіи не допускать обмѣна Баваріи и утвердить, насколько возможно, при помощи общаго мира, цѣлостность и равновѣсіе Германіи. Сіейсъ спросилъ его, что породило обнаруживаемыя имъ опасенія. «Развѣ австрійскія войска покинули Рейнъ?». Я ничего объ этомъ не слышалъ. Если такъ, то мы послѣдуемъ за ними и побьемъ ихъ». ГERVINUSU, какъ добрый пруссакъ, одобрилъ эти слова. Сіейсъ потребовалъ, чтобы Пруссія представила планъ заключенія мира. «Намъ нуженъ почетный миръ»,—сказалъ онъ,—и въ то же время нужно установить въ Германіи прочную и постоянную систему... Содѣйствовать этому — зависитъ отъ Пруссіи... Мнѣ кажется, что Пруссія принимаетъ къ сердцу возвращеніе прирейнскаго края и интересы германской имперіи, въ которыхъ мы ничего не понимаемъ; это—хаосъ, въ которомъ не выдѣляется ясной и точной идеи...» ГERVINUSU попытался доказать, что въ предложеніяхъ Пруссіи заключается, по крайней мѣрѣ, весьма простая мысль, а именно: сохраненіе цѣлостности имперіи. Ему показалось, что Мерленъ одобряетъ его. Сіейсъ противопоставилъ рѣшенія Конвента о естественныхъ границахъ республики. ГERVINUSU замѣтилъ на это, что хотя, дѣйствительно, заявленія такого рода дѣлались отдѣльными лицами, но Конвентъ не выражалъ ихъ декретомъ. Затѣмъ спросилъ: обязываютъ ли Комитетъ

слова, сказанныя Сіейсомъ по этой статьѣ? Сіейсъ рѣзко отвѣтилъ: «Нѣтъ, я этого не сказалъ и не такъ понимаю это дѣло». Но потомъ смягчился, и совѣщаніе кончилось въ дружескомъ тонѣ.

Изъ всего имъ выслушаннаго, ГERVINUSU вывелъ то заключеніе, что съ Австріей не заключено никакихъ условій и что, при нѣкоторой настойчивости, Пруссія добьется отъ Франціи уступки большей части лѣваго берега. Такое же впечатлѣніе вынесли прусскіе уполномоченные изъ совѣщаній съ Бартеlemi въ Базелѣ. Онъ извѣстилъ Комитетъ, что находитъ возможнымъ заключить миръ съ Касселемъ и Виртембергомъ. Но,—повторялъ онъ,—эти частичные договоры ни къ чему не будутъ служить, и окончательный миръ не будетъ достигнутъ, пока остается нерѣшеннымъ рейнскій вопросъ. Что касается Австріи, то всѣ старанія ея были направлены къ дискредитированію Пруссіи въ Германіи, къ тому, чтобы играть роль заступницы Имперіи, выиграть время для полученія подкрѣпленій, англійскихъ субсидій, и возобновить войну. Свѣдѣнія эти были вполнѣ вѣрны. Вѣнскій дворъ ни минуты не думалъ о сообщничествѣ съ республикой.

V.

Этотъ дворъ узналъ 22-го апрѣля о заключеніи мира между Пруссіей и Франціей. Онъ пришелъ въ негодованіе отъ такой измѣны, тревожился по поводу намѣреній Пруссіи, относительно Германіи, и предиріятій, которыя эта держава могла безнаказанно выполнить въ Польшѣ. Екатерина, получивъ почти въ то же время извѣстіе о франко-прусскомъ мирѣ, выразила громкое порицаніе «гнусному, постыдному и бѣдственному миру», который не краснѣлъ подписывать «съ шайкой царевубійцъ и отребьемъ человѣческаго рода» лишенный «вѣры и нравственности» король. Императрица объявила, что будетъ со всею энергіей бороться противъ республики, борясь противъ пруссаковъ и турокъ. «Это значить», говорилъ канцлеръ Остерманъ, «дѣйствительнымъ и непосредственнымъ образомъ содѣйствовать дѣлу Англіи противъ французскихъ мятежниковъ». Около этого самаго времени императрица присоединила Курляндію, что прибавило 452 квадратныхъ миль и 400.000 подданныхъ къ русской имперіи. Екатерина предложила Австріи извѣстить пруссаковъ о трактатѣ 3-го января.

Слѣдствіемъ такого заявленія могла явиться война, Австрія же не видѣла возможности одновременно воевать съ пруссаками въ Польшѣ и съ французами на Рейнѣ. Тугутъ потребовалъ русскихъ войскъ, отложилъ объявленіе о русско-австрійскомъ договорѣ и 20-го мая заключилъ съ Англіей трактаты о займѣ, союзѣ и гарантіяхъ. Императоръ приказалъ не обра-

щать никакого вниманія на прусскую линію нейтралитета. Но получившіе эти приказы генералы оставляли ихъ безъ исполненія. Тѣ самыя препятствія, которыя мѣшали французамъ перейти черезъ Рейнъ, задерживали австрійцевъ на его правомъ берегу. Нужда и голодъ, порожденные тремя годами ожесточенной войны, принуждали и республику и Австрію къ соблюденію фактическаго перемирія. «Поистинѣ есть отъ чего плакать горькими слезами!» писалъ Тугутъ. Онъ утѣшалъ себя въ военныхъ разочарованіяхъ гнѣвомъ, въ который приводили его: коварство пруссаковъ, малодушіе германскихъ князей, скупость англичанъ, медленность и проволочки русскихъ.

Между тѣмъ имперія съ такою поспѣшностью стремилась къ миру, что императору поневолѣ приходилось за нею слѣдовать, хотя бы для того, чтобы задерживать движеніе. Сеймъ принялъ посредничество Швеціи и Даніи. Императоръ потребовалъ немедленнаго назначенія депутаціи, которой поручено будетъ вести переговоры. Онъ выбралъ своимъ комиссаромъ Бартенштейна, человека прямого, скромнаго и посредственнаго. «Не требуется большого просвѣщенія», писалъ Тугутъ Коллоредо, «для такихъ переговоровъ, въ которыхъ нашъ интересъ требуетъ тянуть дѣло и искать въ формѣ и хламѣ германскихъ конституцій поводовъ для проволочекъ».

Этотъ министръ, медлившій съ германцами, жестоко подавлялъ тѣхъ подданныхъ императора, которыхъ можно было заподозрѣть въ сообщничествѣ съ якобинцами. Венгерскіе патріоты, находя положеніе монархіи критическимъ, сочли время благоприятнымъ для того, чтобы требовать возстановленія своихъ вольностей. Императоръ приказалъ арестовывать подозрительныхъ. Его агенты терроризовали Венгрію. Пятьдесятъ человекъ подвергнуты были тюремному заключенію въ Будѣ. Ихъ перевезли въ Вѣну для того, чтобы судить въ болѣе безопасности. Своего рода венгерскій Фуке-Тенвилль послѣдовалъ за ними и обвинялъ ихъ. Этотъ «раболѣпный прокуроръ» изобрѣлъ для обвиненія подсудимыхъ заговоръ по рецепту, составившемуся его французскимъ сподвижникомъ и отправившему на эшафотъ такое множество добрыхъ французовъ. Венгерскихъ патріотовъ обвиняли въ полученіи пяти милліоновъ отъ республики. Нѣсколько человекъ изъ наиболѣе выдающихся казнили 20-го мая.

Такого рода образъ дѣйствій не свидѣтельствовалъ о желаніи договариваться съ республикою. Тугутъ однако не разъ грозилъ англичанамъ и русскимъ соглашеніемъ съ Франціей, но это было съ его стороны одною дипломатическою уловкою, имѣвшею цѣлью полученіе нѣсколькихъ лишнихъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ или нѣсколькихъ тысячъ козачковъ. Тѣмъ не менѣе слухи о переговорахъ съ Франціей повторялись въ австрійскихъ посольствахъ. Тугутъ или не препятствовалъ ихъ распространенію,

или иногда протестовалъ, смотря по надобностямъ политики. Въ сущности, онъ желалъ только войны, потому что ему казалось, что она обѣщаетъ извѣстныя выгоды. Въ Вѣнѣ однако не было недостатка въ политикахъ, строго порицавшихъ разорительную и бѣдственную войну, совѣтовавшихъ направить всѣ силы государства на расчлененіе Польши, внушавшихъ, однимъ словомъ, всѣ тѣ соображенія, которыя привели пруссаковъ въ «базельскую гостиную» Бартелеми. Тугутъ относился къ нимъ съ презрѣніемъ. Онъ не только не желалъ окончанія войны для Австріи, но старался отклонить отъ заключенія мира и Сардинію.

Туринскій дворъ бѣдствовалъ матеріально и объять былъ ужасомъ. 27-го мая, въ день тезоименитства пьемонтскаго государя, его супругѣ пришлось обойтись безъ придворнаго костюма: она продала всѣ свои наряды. «Кто бы не пожелалъ мира?» говорилъ однажды пьемонтскій министръ д'Отвиль. «Но меня пугаютъ эти 40.000 австрійцевъ, потому что они стоятъ у насъ». Миротлюбивыя заявленія Франціи были отклонены, подъ давленіемъ Австріи. Впрочемъ, не подъ вліяніемъ вѣжности къ своему дому, и еще менѣе изъ уваженія къ публичному праву, поступалъ такъ Тугутъ, обрекая этихъ несчастныхъ сардинцевъ на героизмъ поневолѣ. Онъ желалъ оградить Ломбардію, сохранить за императоромъ супрематство въ Италіи, даже расширить австрійское господство на этомъ полуостровѣ и найти здѣсь или компенсацію за выгоды, полученныя въ 1793 году Пруссіей и Россіей, или вознагражденіе за утрату Нидерландовъ.

Тайныя статьи Петербургскаго договора 3 января открывали Венеціанскую республику для австрійской аячности. Тугутъ постепенно заугнивалъ эту республику, подготавливая для нея участь Польши. Онъ донесъ дожу, что венеціанскій посланникъ въ Базелѣ, графъ Санъ-Фермо, виновенъ въ томъ, что облегчалъ заключеніе мира между Пруссіей и Франціей. Этотъ доносъ повергъ венеціанскій совѣтъ въ несказанный ужасъ. «Патриціи затопали ногами, съ проклятіями обвиняя Санъ-Фермо въ нарушеніи нейтралитета и компрометированіи интересовъ государства». Санъ-Фермо потребовали предъ лицо государственныхъ инквизиторовъ, и когда онъ уѣзжалъ изъ Базеля, всѣ смотрѣли на него какъ на погибшаго. Венеціанцы преклонились передъ Австріей и попробовали смягчить Францію. «Венеціанскій сенатъ», писалъ Лаллеманъ, «возлагаетъ всѣ свои надежды исключительно на Францію. Это-то и нежелательно для вѣнскаго двора... Я отвѣтилъ, что сенатъ можетъ положиться на дружбу и лояльность французскаго народа. Въ то время никто еще не предвидѣлъ, что именно изъ рукъ французской республики получить Австрія этотъ великолѣпный кусокъ, а Тугутъ ожидалъ этого менѣе, чѣмъ кто-либо. Онъ еще не терялъ надежды побить Францію и урѣзать ея границы.

Отчасти для получения свѣдѣній о вещахъ, весьма мало извѣстныхъ Европѣ, отчасти же для того, чтобы обуздывать «бѣшеннаго публициста», Тугутъ велъ переписку съ Малле-дю-Паномъ. Малле, репортеръ по ремеслу и писатель по темпераменту, заботился не столько о послѣдовательности въ своихъ видахъ, сколько объ изложеніи фактовъ, по мѣрѣ того какъ они представлялись его наблюденію, стараясь давать ярко освѣщенную картину каждымъ взмахомъ кисти. Тугутъ находилъ, что въ его письмахъ много балласта: балластомъ же онъ называлъ разсужденія Малле о неспособности коалиціи, о безсиліи роялистовъ, о непоколебимой привязанности французскаго народа къ новому порядку, о твердомъ намѣреніи его не терпѣть иностраннаго вмѣшательства въ свои внутреннія дѣла, не допускать урѣзыванія родной земли, объ энтузіазмѣ войскъ и страстномъ порывѣ къ славѣ молодыхъ военачальниковъ. Описанія Малле были правдивы, мысли, имъ сказываемыя, обличали порою замѣчательную проницательность, изображенія людей и картины событій, имъ даваемыя, глубоки и широки, несмотря на свою безыскусственность, и напоминаютъ кисти Давида. Но Тугутъ ничего не понималъ въ нихъ и не желалъ принимать къ свѣдѣнію. Онъ видѣлъ «логику и послѣдовательность сужденія» только въ безконечныхъ диссертаціяхъ Малле о неспособности всѣхъ французскихъ партій, о продажности, тупоуміи, малодушіи правителей и управляемыхъ, о раздорахъ въ Конвентѣ, о всеобщемъ презрѣніи, имъ внушаемомъ, о постоянныхъ мятежахъ, частныхъ банкротствахъ, государственномъ банкротствѣ, о близкой къ агоніи республикѣ, однимъ словомъ, о вѣрномъ паденіи и неизбежномъ крушеніи Франціи. Тугутъ, выѣстѣ съ Малле, выводилъ изъ всего этого, что «не пройдетъ и полугода, какъ при условіи терпѣнія, ловкости и твердаго образа дѣйствій, державы-союзницы увидятъ, какъ Конвентъ разсѣется самъ собою, республика исчезнетъ, безъ содѣйствія хотя бы одного батальона, а революція завершится восстановленіемъ ограниченной монархіи».

Правительство, ограниченное извнѣ «преградами», установленными союзниками, а внутри—самими французами и ихъ конституціей, вотъ чего желали Тугутъ и Австрія съ самаго начала войны. Но Тугутъ вовсе не желалъ, чтобы это правительство было непременно монархическимъ. У него не было предразсудковъ въ этомъ отношеніи; лучшимъ правительствомъ для Франціи, по его мнѣнію, было бы то, которое дало бы Австріи наиболѣе прочныя гарантіи слабости и уступило бы ему возможно обширныя доли территорій. Вотъ почему онъ съ такимъ упрямствомъ отказывалъ и русскимъ и англичанамъ въ признаніи Людовика XVIII королемъ и графа Прованскаго—регентомъ. Ища гарантіи для мира въ расчлененіи Франціи, Австрія побуждала Францію стремиться къ побѣдѣ надъ самой

собою; ища той же гарантіи въ восстановленіи Бурбоновъ, англичане преслѣдовали не менѣе химерическую цѣль и такъ же жестоко ошибались относительно настроенія французовъ.

VI.

Во Франціи совершалась сильная реакція противъ революціонныхъ излишествъ и самовластия якобинцевъ. Комитету Общественнаго спасенія смутно предъявлялось требованіе, съ которымъ уже нетерпѣливо обратились потомъ къ Директоріи и которое только на короткое время выполнено было Консульствомъ. Требовали мира и завершения революціи, то есть равенства, организованнаго и проведеннаго практически въ общественную жизнь, обеспеченной гражданской свободы, свободы совѣсти, устойчиваго законодательства, хорошей администраціи. Это не монархія, и тѣмъ болѣе не старый порядокъ. «Такъ же невозможно»,—писалъ Малле,—«восстановить прежній режимъ, какъ выстроить римскій соборъ Петра и Павла изъ дорожной пыли». Названіе образа правленія для большинства гражданъ было вещь совершенно безразличною, лишь бы выѣска не напоминала ни эмигрантовъ, болѣе чѣмъ когда-либо ненавидимыхъ, ни принцевъ, сообщниковъ и вождей эмиграціи. Ничто не напоминало ихъ менѣе республики: за республику говорили фактическое пользованіе властью и престижъ народной обороны; она оставалась наиболѣе популярнымъ и наиболѣе удобоорганизуемымъ правительствомъ. Здравомыслящіе роялисты, прежніе конституціонисты, такъ хорошо сознавали это, что возлагали всѣ свои надежды на регентство, которое ввѣрено было бы имъ, устраняло бы дядей Людовика XVIII и подготовляло бы реставрацію. Слабая сторона монархической партіи заключалась главнымъ и основнымъ образомъ въ необходимости порвать, если не съ самой династіей, то, по крайней мѣрѣ, съ ея представителями и завѣдомыми слугами.

Споръ между Франціей и монархической партіей не касался непосредственно политической свободы. Этого рода свобода въ 1795 году уже не составляла главной цѣли для французовъ. Всѣ, республиканцы, въ видахъ своего укрѣпленія, роялисты, чтобы оправиться, одинаково желали сильной и независимой исполнительной власти. Масса населенія знала политическую свободу лишь со стороны оргіи и разврата. Она опротивѣла ей и ею не дорожила. Свобода, которую подвергла бы опасности реставрація монархіи, а слѣдовательно и возвращеніе эмигрантовъ, была элементарная, первобытная свобода личности и имущества, главное приобрѣтеніе 1789 года, реальное пользованіе правами человека, въ чемъ для громаднаго большинства французовъ и заключался весь смыслъ революціи. Всѣ, кто воспользовался упраздненіемъ сенъеріальнаго режима, а къ такимъ

принадлежала почти вся Франция; всё,—а это были по большей части расчетливые буржуа и трудолюбивое крестьянство,—кто поместил свои сбережения в национальные имения, всё, кто чьм-нибудь владел и работал, то есть главный элемент, на который опирается консервативная партия, смотрели на восстановление монархии как на нечто несовместимое с безопасностью их личности и имущества. Что же касается конституционалистов, мечтавших об образовании национальной роялистской партии, то они видели в эмигрантах партию, служащую иностранцам и «сбьющую раздоры». «Их неопытность»,—писал Ройе Колларь,—«неосторожность их поступков, эксцентричность замыслов, пренебрежение к национальным интересам, приверженность к интриганским способам действия, к шпионству, грабительству, нестираемая кличка «английского комитета», все это воздвигло непреодолимую преграду между слугами короля и этими людьми». «Эмигрантов боялся почти столько же, сколько и террористов», писал Викгэм по поводу восточных провинций и парижских секций, на которые он рассчитывал. Малле, в своих письмах в Вьну, Викгэм—в донесениях, лорд Гренвилль—в своих депешах, постоянно возвращаются к тому, что следует успокоить французов относительно возвращения прежнего порядка и нарушения старых границ. «Иначе,—говорит Викгэм,—«пришлось бы отказаться от всякой надежды на совместное действие с внутреннею Францией».

Изъ всего этого они выводять, что первый толчок должен быть данъ роялистами, находящимися внутри страны, и пытаются агитировать в этой среде. Но они ошибались и в этом случае. Одно подозрение в сообщничестве с английскими агентами заставляло предполагать сообщничество и с эмигрантами, поэтому все заговоры оказывались неудачными. Къ тому же во все эти комplotы попадало столько же полиции, сколько и заговорщиков, а еще болѣе втиралось паразитовъ. Какъ только слухъ о заговорѣ проникалъ въ народъ, онъ начиналъ питать ненависть къ его авторамъ. Агенты Викгэма интриговали повсюду и вездѣ потерпѣли самую жалкую неудачу. Агенты принцевъ нерѣдко противодействовали имъ, при случаѣ доносили на нихъ, парализовали ихъ своею воркотней, называя, вмѣстѣ съ д'Антрэгомъ, царевичами всѣхъ депутатовъ, приносившихъ присягу въ залѣ Jeu de Paume, и грозя считать измѣнниками королю всѣхъ, кто не измѣнитъ словомъ и дѣломъ республикѣ. Наконецъ, англійскіе агенты и агенты принцевъ хвалились, что у нихъ есть рука въ парижскихъ мятежахъ, что они располагають анархистами, руководятъ монтаньярами, организуютъ «дни» и пользуются ихъ плодами. Они не только хвалятся этимъ, но и доказываютъ это. Въ преріалѣ такъ же, какъ и въ жерминалѣ, они празднуютъ въ Базелѣ побѣду

ранѣе, чѣмъ получено было извѣстіе о вспыхнѣ инсurreкціи, вмѣстѣ съ ними задуманной. Конституціоналисты оскорбляются этимъ, всё истинные французы негодуютъ, а республиканское правительство пользуется результатами ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, англичане не унывають. Викгэмъ доставляетъ субсидіи Конде и подготавливаетъ вторженіе его небольшого корпуса наемныхъ роялистовъ въ Эльзасъ и во Франшъ Конте. Но для успѣха операціи необходимо, чтобы австрійцы поддержали движеніе, а роялисты внутри страны оказали содѣйствіе. Австрійцы отказываются сдвинуться съ мѣста, и это останавливаетъ эмигрантовъ; они отказываются объявить, что не оставляютъ за собою занятыхъ ими провинцій, и это смущаетъ роялистовъ внутри страны. Гражданская война снова загорается на западѣ Франціи. Комиссары надавали великолѣпныхъ обѣщаній вандейскому населенію, правительство плохо выполнило ихъ. Вандейскіе вожаки подписали перемиріе только для того, чтобы собраться съ силами; они видятъ волненіе населенія и находятъ возможнымъ возобновить борьбу. Пюизе готовится высадить вспомогательный корпусъ, сформированный въ Англіи. Это—эмигранты, и они приплывутъ на англійскихъ корабляхъ. Такимъ образомъ они явятся вдвойнѣ измѣнниками.

Когда роялисты снова взяли за оружіе, всё умы воспламенились въ республикѣ. Основныя страсти революціи пробуждаются, какъ только опасность грозитъ республикѣ. Изъ ненависти къ террористамъ извѣстная часть населенія отдалилась отъ республиканцевъ; изъ ненависти къ эмигрантамъ эта самая часть населенія вернулась къ якобинцамъ. Утомившись правленіемъ Конвента, общественное имѣніе склоняется въ пользу мира и прежнихъ границъ Франціи; но чувство ненависти къ Англіи и Австріи, негодованіе на ихъ вмѣшательство и презрѣніе къ ихъ политикѣ заставляютъ снова стоять за завоеванія, и миръ будетъ считаться обезпеченнымъ только тогда, когда союзники подвергнутся униженію, а республика оградитъ себя рейнской границей.

¹⁾ *Revue historique*, t. XVII, p. 276, свидѣтельства Fain'a и письмо Бахера. Верниакъ пишетъ изъ Константинополя 1-го преріала—20-го мая 1795 г.: «Миръ съ Пруссіей сильно смутилъ англійскаго и австрійскаго посланника. Первый говорилъ о прусскомъ королѣ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ. Онъ сказалъ, между прочимъ: «Какъ могъ Фридрихъ-Вильгельмъ выйти изъ коалиціи въ ту минуту, когда она готова разсѣять народный Конвентъ!» Эти слова замѣчательны тѣмъ, что были произнесены въ ту минуту, когда дѣйствительно вспыхнулъ мятежъ въ Парижѣ». 22-го мессидора—10 го іюля: «Волненія, происходяція отъ времени до времени въ республикѣ, всегда возвѣщаются здѣсь во всей подробности почти одновременно съ ихъ началомъ...»

ГЛАВА III.

Миръ съ Испаніей.

1795 г.

I.

Совѣщаніе между Бартеlemi и Приарте началось 15-го мая. Приарте просилъ перемирія, на что не было изъявлено согласія, и жаловался на требуемыя Комитетомъ территориальныя уступки. «Возможно ли,—сказалъ онъ Бартеlemi,—что именно Франція желаетъ подвергнуть Испанію подобнымъ жертвамъ? Больше этого могла ли потребовать и сама Англія?» Онъ надѣялся, что переговоры будутъ вестись на основѣ *Statu quo ante*, что будетъ скрѣплено искреннее примиреніе и что слѣдствіемъ мира явится бы союзъ противъ общаго врага. Бартеlemi торговался и уступилъ по статьѣ о Гвианскоа и Сень-Доминго; но объявилъ, что Комитетъ ни въ какомъ случаѣ не поступится Луизианой. Приарте намекнулъ, что его дворъ желаетъ посредничать при заключеніи мира съ Италіей. Затѣмъ они подошли къ щекотливому вопросу о дѣтяхъ, заключенныхъ въ Тампльской тюрьмѣ. Послѣ продолжительныхъ разсужденій, Бартеlemi призналъ, что если миръ зависить только отъ этой статьи, то можно будетъ придти къ соглашенію, и согласился повести рѣчь о пенсіи, которую возможно было бы выдавать сыну Людовика XVI.

Комитетъ Общественнаго спасенія, желая какъ можно скорѣе приступить къ переговорамъ, предоставилъ сперва весьма широкія фактическія полномочія своему посланнику. Но послѣ того, какъ начались переговоры, въ Парижѣ измѣнился взглядъ на трактуемые вопросы. Комитетъ уже требовалъ Аранской долины; вскорѣ потомъ онъ отвергъ всякую мысль объ уступкѣ относительно дѣтей Людовика XVI. Это былъ отраженный ударъ волненій на западѣ Франціи и заговоромъ въ ея восточныхъ провинціяхъ. Роялисты замыслили въ Парижѣ ниспроверженіе республики и старались прорваться чрезъ границу; въ такую минуту весьма неудобно было бы дать главу разъединенной партіи и создать въ Испаніи новый очагъ заговоровъ.

Впрочемъ Комитетъ имѣлъ основаніе предполагать, что еще ранѣе заключенія мира и, какъ ни спѣшилъ Бартеlemi, смерть рѣшить вопросъ о

сынѣ Людовика XVI и устранить необходимость переговоровъ и общаній по этому поводу. Мучительное заключеніе окончательно подорвало и ранѣе того шаткое и слабое здоровье Людовика XVII ¹⁾. Королевскій сынъ погибалъ отъ болѣзни, пожирающей дѣтей самыхъ жалкихъ бѣдняковъ. Рахитизмъ изъѣлъ его тѣло; нравственная пытка, уединеніе, униженіе, страхъ парализовали его душевныя силы. Послѣ 9-го термидора съ нимъ обходились кротко, содержали опрятно и кормили удовлетворительно. Но эти заботы явились слишкомъ поздно. 6-я мая образованный и человѣчный врачъ, посѣтившій мальчика, нашелъ въ немъ «олицетвореніе того образа нищеты и горя», который представляетъ ребенка, обреченный на неминуемую смерть. «Этотъ ребенокъ не будетъ жить, — сказалъ 11-го преріаля — 30-го мая комиссаръ, дежурившій при Тамплѣ. Нѣсколько дней спустя Людовика XVII не стало.

Комитетъ послалъ 21-го преріаля—9-го іюня курьера къ Бартеlemi; онъ посылалъ этому посланнику ратификацію конвенціи, заключенной 28-го флореала съ Пруссіей и прибавлялъ въ постскриптумъ: «Сегодня утромъ объявили Конвенту о смерти Капета, къ чему отнеслись равнодушно, а также о взятіи Люксамбурга, что встрѣчено было съ живѣйшимъ восторгомъ. Капетъ былъ боленъ уже долгое время». Такъ какъ заключеніе мира уже не представляло никакихъ затрудненій, то Комитетъ потребовалъ рѣшительнаго отвѣта отъ Испаніи и извѣстилъ Бартеlemi, 28-го преріаля — 16-го іюня, что вслѣдствіе истеченія мѣсячнаго срока, опредѣленнаго въ его инструкціяхъ для переговоровъ, французскіе генералы сроятъ до основанія Розасъ, Фигьеръ и Санъ-Себастьянъ. Этотъ ультиматумъ показывалъ, что Комитетъ повысилъ тонъ и что вліяніе Сіейса въ немъ снова давало себя чувствовать.

15-го преріаля—3-го іюня, Мерленъ де Дуэ вышелъ изъ Совѣта. Сіейсъ, Ребель и Трельяръ составили дипломатическую секцію. Трельяръ присоединился къ видамъ своихъ двухъ товарищей. Въ секціи никто уже не противился рейнской системѣ. Жилье, Дусэ и президентъ Камбасересъ, и ранѣе склонявшіеся къ ней, теперь примкнули къ ней. Нерѣшительные группировались вокругъ Обри; этотъ депутатъ засѣдалъ въ военномъ отдѣленіи; онъ слылъ главою «партіи прежнихъ границъ». Глухимъ противорѣчіемъ и рассчитанными промедленіями онъ умѣрялъ воинственный пылъ Комитета. Обри противился переходу черезъ Рейнъ. Онъ желалъ скорого и общаго мира. Надѣясь на то, что по возобновленіи состава Комитета большинство окажется на другой сторонѣ, онъ изложилъ свою систему «съ необычайною горячностью». Жилье, Сіейсъ и Ребель заста-

¹⁾ CHANTELAUZE, *Louis XVII*. Paris, 1884.

вили его замолчать. Взятіе Люксамбурга возвратило сторонникамъ дѣйствія всю ихъ энергію. Пиннегрю и Журданъ получили приказъ о возможно скоромъ переходѣ черезъ Рейнъ. Мерлену де Тонвиллю, снова всплывшему страстью къ завоеваніямъ, поручено было подогрѣвать рвеніе генераловъ.

Для успѣха, то есть для того, чтобы заставить сдаться Австрію, необходимо было дѣятельное содѣйствіе Пруссіи. Ища этого содѣйствія, Комитетъ слѣдовалъ вполнѣ сознательному расчету: въ Вѣнѣ опасались союза Пруссіи съ Франціей, и это достаточно объясняетъ настойчивость, съ которою домогался его Комитетъ²⁾. Но условія заключенія такого союза съ каждымъ днемъ становились болѣе и болѣе трудными. Комитетъ боялся, что Пруссія ускользнетъ отъ него, и выражалъ нетерпѣніе. Уже на другой день послѣ Базельскаго мира и конвенціи о нейтралитетѣ Сѣверной Германіи, проявились противорѣчія, заключавшіяся въ системѣ рейнской границы и прусскаго союза: эти противорѣчія путемъ своеобразной, но логической эволюціи должны были привести Францію къ замыслу уничтоженія Пруссіи, послѣ того какъ французы стремились къ союзу съ этой державой, возбуждали ея алчность и удовлетворяли ея честолюбіе. Поставленный въ 1795 г. въ положеніе аналогичное съ тѣмъ, въ которомъ находились Директорія въ 1796 г. и Наполеонъ въ 1805 г., Комитетъ, силою вещей, принужденъ былъ выяснить, въ ея существенныхъ чертахъ, задачу, рѣшеніе которой явилось необходимостью для его преемниковъ. Задача оказалась неразрѣшимой, такъ какъ ни неоднократныя побѣды 1796 и 1797 годовъ, ни Маренго, ни Гогенлинденъ, Аустерлицъ и Іена не въ силахъ были ее рѣшить.

«Пора,—писалъ Комитетъ Бартелеми,—не скажемъ открыть глаза, а дать почувствовать, что мы всегда ясно видѣли, въ чемъ заключаются истинные интересы республики, и что насколько мы настаиваемъ на желаніи нашемъ, чтобы союзникъ республики былъ могущественнѣйшимъ изъ европейскихъ государей, настолько же твердо рѣшились требовать исполне-

²⁾ Тугутъ, писалъ 27-го мая: Прусскій король можетъ вторгнуться въ Богемію съ 70-ю или 80-ю тысячами человекъ и занять это королевство, не встрѣтивъ серьезнаго сопротивленія. «Мы напрасно стали бы скрывать отъ себя, что энергически направивъ такую операцію, король весьма вѣроятно успѣлъ бы въ скоромъ времени довести Австрію до послѣдней крайности и заставить ее подписать все, что захотѣлъ бы, какъ относительно спорныхъ пунктовъ въ Польшѣ, такъ и относительно условій мира съ Франціей. Такое непредвидѣнное нападеніе, если оно будетъ ведено съ быстротою и энергіей, не позволило бы его величеству извлечь пользы изъ значительнаго количества войскъ, стоящихъ на Рейнѣ; мы погибли бы ранѣе, чѣмъ извѣстіе о событіи успѣло бы дойти до Петербурга.

нія принятыхъ по отношенію къ намъ обязательствъ и не допускать, чтобы насъ обманули». Комитетъ требовалъ, вслѣдствіе этого, чтобы Пруссія заняла Ганноверъ и заставила очистить Куксгавенъ, занятый непріятельскими войсками; чтобы она перестала предлагать свою помощь Сейму въ видахъ сохраненія за имперіей лѣваго берега Рейна; чтобы прусскіе агенты въ Стокгольмѣ, Копенгагенѣ и Константинополѣ содѣйствовали попыткамъ уполномоченныхъ республики при этихъ дворахъ и чтобы прусскій посланникъ въ Петербургѣ воздерживался отъ «враждебныхъ рѣчей противъ Франціи». «Что касается прусскаго короля», такъ заканчивалъ письмо Комитетъ, «то его интересъ вполнѣ выясненъ. Ему слѣдуетъ быть вѣрнымъ принятымъ по отношенію къ намъ обязательствамъ и твердымъ по отношенію къ своимъ врагамъ. Горе тѣмъ, кто будетъ держать ему иныя рѣчи!»³⁾.

Но если Пруссія отказывалась отъ собственного возвеличенія, если слабый и недалекъвидный преемникъ Великаго Фридриха, Фридрихъ-Вильгельмъ, упускалъ удобный случай, предлагаемый ему Франціей, то республикѣ нечего было упорствовать, наставляя на безполезномъ союзѣ. Почему не обратиться въ сторону Австріи? Объ этомъ уже думали нѣкоторые: Карлетти, эксъ-маркизь де-Потера и нѣсколько другихъ услужливыхъ интригановъ не переставали нашептывать объ этомъ Комитету. Сіейсъ всегда склонялся къ тому же. Онъ продолжалъ носиться съ своимъ планомъ континентальнаго мира и промежуточныхъ республикъ. «Тѣ, кто обвинялъ меня въ дружбѣ съ Австріей, лгали»,—говорилъ онъ;—«тѣ, кто видѣлъ во мнѣ друга пруссаковъ, также лгали; я—французъ и только». Конечно, Австрія не получала и не дѣлала сама никакихъ намековъ, но

³⁾ Талейранъ, будучи министромъ иностранныхъ дѣлъ Директоріи, пишетъ Сіейсу, посланному въ Берлинъ 13-го фруктидора VI года — 30-го августа 1798 г.: «Если Прусскій король желаетъ быть покровителемъ Имперіи и посредникомъ при заключеніи мира, то онъ не долженъ терять и четверти часа времени. Если онъ откажется дѣйствовать, сдѣлаютъ дѣло и безъ него, и пусть остережется онъ развязки». PALLAIN.—Наполеонъ пишетъ Талейрану 4-го фруктидора XII года—22-го августа 1805 г.: «Я намѣренъ отдать Ганноверъ Пруссіи и гарантировать ей непркосновенность ея владѣній; но я подразумеваю, что и Пруссія гарантируетъ мнѣ мои настоящіе владѣнія...» Пусть же она остается въ своемъ жалкомъ видѣ, если не желаетъ воспользоваться случаемъ возвыситься».—Талейранъ Наполеону, 17-го октября 1805 г. BERTRAND, *Lettres inédites de Talleyrand à Napoléon*, Paris, 1889, p. 159. «Пусть же узнаютъ они (пруссакіи), что если легко пріобрѣсти могущество и расширить свои предѣлы при содѣйствіи дружественнаго великаго народа, то враждебность этого народа, которую можно вызвать, только дѣйствуя наперекоръ разуму и благоразумію, страшнѣе бурь самаго океана!» Прокламація Наполеона, 6-го октября 1806 г.

почему бы не позондировать ее, хотя бы ради эксперимента. Комитетъ открылся въ этомъ Бартелеми. Этотъ экспериментъ,—смѣсь парадоксальности въ замыслахъ, мелочной тонкости въ заключеніяхъ, смѣлости въ предложеніяхъ, политической неосторожности и предвосхищенія будущаго,—характеризуетъ умъ Сіейса во всѣхъ его чертахъ.

«Мы желаемъ,—писалъ Комитетъ,—почетнаго мира, а подѣ такимъ мы подразумѣваемъ такую пограничную линію, которая вознаградила бы насъ за военные издержки, обезпечила бы на будущее время безопасность нашей территоріи и открыла бы новые источники для нашей торговли и промышленности». Такою пограничною линіей долженъ быть Рейнъ; Пруссіи это извѣстно, и не она можетъ отклонить насъ отнынѣ отъ этого плана; если мы откажемся отъ него, то не иначе, какъ добровольно; если мы не откажемся отъ него, и Австрія предложитъ намъ миръ на этомъ основаніи, то у насъ нѣтъ повода его отринуть. Пусть предоставитъ она намъ Бельгію и свои владѣнія въ Швабіи, пусть она присоединитъ къ намъ Медіоланъ, «который мы, по всей вѣроятности, предоставили бы Пьемонту», и мы согласимся на присоединеніе къ Австріи Баваріи. Сосредоточившись такимъ образомъ въ Германіи, Австрія отдалится отъ нашихъ предѣловъ. Если ее будутъ продолжать волновать честолюбивыя стремленія, она можетъ обратить свое вниманіе «на востокъ, гдѣ намъ было бы желательно, чтобы она встрѣтила въ лицѣ Россіи естественнаго врага»⁴⁾. Пруссія не могла бы почестъ себя обиженной; ей было бы доставлено «болѣе, чѣмъ пропорціональное приращеніе»: епископства, Ганноверъ, новая германская лига; она могла бы соединить при помощи каналовъ свою торговлю на Балтійскомъ съ торговлею на Сѣверномъ морѣ; она сдѣлалась бы морскою державою и въ союзъ съ Даніей и Швеціей уравновѣшивала бы вліяніе Россіи на Балтійскомъ морѣ. Наконецъ, Пруссія могла бы содѣйствовать поднятію Польши, на престолъ которой можно бы возвести одного изъ ея принцевъ. Остальная Германія, «образовавъ новую федерацію, болѣе разумно и болѣе мощно составленную чѣмъ та, которая сложилась по волѣ случая въ предшествовавшія столѣтія, уравновѣживала бы обоюдное значеніе Пруссіи и Австріи». Такимъ образомъ, промежуточное государство

⁴⁾ «До той поры, пока Австрія не вступитъ въ соперничество съ Россіей, Англіи нетрудно будетъ связать ихъ союзомъ... Необходимо, чтобы Австрія перестала приходить въ непосредственное соприкосновеніе съ Франціей и основанными этою послѣднею государствами... Чтобы взаимныя Венеціанскихъ владѣній, Тироля и ея Швабскихъ земель... ей были бы предоставлены: Валахія, Молдавія, Бессарабія и наиболѣе сѣверная часть Болгаріи...» Талейранъ Наполеону, 17-го октября 1805 г. Вектрандъ. Меттернихъ Штадіону, 26-го февраля 1811 г. *Mémoires de Metternich*, t. II.

отдѣлило бы республику отъ этихъ обѣихъ державъ. Границы наши были бы ограждены отъ всякаго нашествія и оберегались бы гласисомъ республикъ, федерацій или монархій, состоящихъ или подѣ ея протекторатомъ, или въ вассальныхъ къ ней отношеніяхъ: Голландіей, Германскою конфедераціей, Пьемонтомъ⁵⁾. Россія будетъ противодѣйствовать такому замыслу, но «этотъ планъ имѣетъ цѣлью именно сдерживать Россію». Англія никогда не согласилась бы на него; но планъ имѣетъ въ виду принудить ее уступить и унижить ее. Республика образовала бы морскую лигу. «Пусть же Россія и Англія вступятъ тогда въ союзъ! На нихъ будутъ указывать, какъ на противниці международнаго права, и общее сопротивленіе восторжествуетъ надъ ихъ замыслами»⁶⁾.

Оставалось выразить эти теоретическія соображенія въ дипломатическихъ актахъ. Для начала, Комитетъ передалъ шведскому правительству, чрезъ посредство посланника французской республики, Ривальза, два векселя, на два милліона каждый, къ предъявленію казначейству Батавской республики. Первый изъ этихъ векселей долженъ былъ быть предъявленъ немедленно по ратификаціи союзнаго договора, второй—послѣ объявленія Швеціи о присоединеніи ея къ кампаніи. Комитетъ не сомнѣвался въ согласіи Швеціи на такую сдѣлку и извѣстилъ о ней Вернинака. «Республика не замедлитъ сдѣлаться центромъ всѣхъ дружественныхъ сѣверныхъ державъ». Въ былое время Польша была однимъ изъ главныхъ колесъ подобныхъ комбинацій. Но теперь Комитетъ не могъ не сознавать, что по мѣрѣ того, какъ онъ углублялся въ дебри европейской политики, возстановленіе Рѣчи Посполитой болѣе и болѣе отодвигалось вдаль и становилось гадательнымъ. Парандье, посланный въ качествѣ развѣдчика, принужденъ былъ остановиться на границѣ и повернуть къ Альгонѣ. Онъ присылалъ не столько свѣдѣнія, сколько собственные догадки. Стамати отказался отъ

⁵⁾ Батавская республика, союзница Франціи въ 1795; Голландское королевство—въ союзъ съ Франціей въ 1806; Пьемонтъ—въ союзъ съ Франціей съ 1797; присоединенъ въ 1802; Рейнская конфедерація—подѣ протекторатомъ Франціи съ 1806 г.; Гельветическая республика—преобразована въ 1803; Цизальпинская республика, итальянское королевство, 1797—1804 г.

⁶⁾ Союзъ между Франціей и Пруссіей, въ 1812 г.; Франціей и Австріей, въ 1812 г.—Союзъ между Россіей и Англіей, 18-го іюля 1812 г. «Война съ Россіей становилась неизбежнымъ послѣдствіемъ континентальной системы съ того дня, какъ императоръ Александръ нарушилъ конвенціи, заключенныя въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ... Въ 1812 г. Австрія, Пруссія, Германія, Швейцарія и Италія шли подѣ французскими знаменами. Не имѣлъ ли основанія Наполеонъ думать, что насталъ моментъ упрочить обширное зданіе, имъ возведенное...?» Наполеонъ на островѣ Св. Елены. Damas-Hinard, *Dictionnaire Napoléon*, статья о Россіи.

поѣздки въ Молдавію и Валахію, не желая, какъ онъ говорилъ, играть роль тайнаго агента иностранной державы въ своемъ отечествѣ и будучи убѣжденъ, что всякое національное движеніе, возбужденное въ этихъ княжествахъ, обратится на пользу Россіи. Комитетъ покорился необходимости. Интересы Порты, писалъ онъ Вернинаку, не требуютъ отдѣленія Польши отъ Пруссіи, но требуютъ отдѣленія ея отъ Россіи и Австріи. Онъ соглашался даже на то, чтобы «Австрія вмѣстѣ съ Пруссіей гарантировали независимость Польши, посадивъ на ея престолъ принца. Главнымъ условіемъ ставилось невмѣшательство польскихъ эмигрантовъ. «Въ настоящую минуту,—писалъ Комитетъ,—Польша не можетъ и не должна дѣйствовать самостоятельно... Впрочемъ, такъ какъ для насъ важно въ особенности возстановленіе независимости Польши, то мы далеки отъ того, чтобы противиться такому возстановленію, хотя бы оно совершилось при содѣйствіи Австріи».

II.

Австрія была увѣдомлена о заявленіяхъ, которыя намѣревался сдѣлать ей комитетъ Общественнаго спасенія. Послѣ взятія Люксамбурга, Мерленъ де Тонвилль имѣлъ случай переговорить съ генераломъ Бендеромъ, который только что сдалъ эту крѣпость. Онъ очень худо отзывался о пруссакахъ, что было средствомъ для пріобрѣтенія довѣрія австрійца; слова Мерлена привели Бендера въ такое же доброе расположеніе духа, въ которое былъ приведенъ пруссакъ Гервинусъ въ Парижѣ, вслѣдствіе грозныхъ рѣчей Сіейса противъ Австріи. Бендеръ охотно повелъ бесѣду. Тогда Мерленъ сказалъ ему: «Нетрудно было бы прийти къ соглашенію съ императоромъ; если бы вашъ государь пожелалъ покинуть имперію и удалиться въ Баварію, мы не стали бы ему препятствовать». Бендеръ и его старшій адъютантъ Крохъ «съ жадностью ухватились за это предложеніе и обѣщали замолвить о немъ слово своему государю. Но государю не пришлось по вкусу предложеніе, а еще менѣе понравилось оно его первому министру. Капитуляція Люксамбурга вывела изъ себя Тугута. «О, если бы Марія-Терезія, которая однако была только женщиной, могла подняться изъ гроба и видѣть все это!» Бендеръ и Крохъ показались ему порядочными глупцами. «Не удивляюсь», замѣтилъ онъ, «что Мерленъ обрадовался, встрѣтивъ такихъ глупышей». Если бы Австрія «по непростительной слабости подалась на такія пустыя соображенія», она попала бы въ ловушку, сыграла бы въ руку республиканцамъ, испортила бы свои отношенія съ Россіей и Англіей. Вслѣдъ затѣмъ Тугутъ велѣлъ повсюду опровергать слухи о переговорахъ съ французами. «Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія», писалъ онъ 25 іюня, «щадить и оказывать

снисхожденіе французскимъ разбойникамъ». Тѣмъ не менѣе Комитетъ сдѣлалъ новую попытку сближенія съ австрійскимъ домомъ, и на этотъ разъ весьма ловкую. Случай къ этому доставила Испанія.

Годой, не менѣе комитета Общественнаго спасенія, желалъ мирныхъ переговоровъ; но онъ зналъ, что за нимъ слѣдять союзники, и трепеталъ передъ англійскимъ посланникомъ, лордомъ Бѣтомъ. Опасаясь, что Пріарте будетъ слишкомъ на виду въ Базелѣ и находя къ тому же, что по отдаленности этого города неудобно было бы слѣдить за ходомъ переговоровъ, онъ предложилъ Комитету продолжать ихъ въ Пиренеяхъ. Туда, въ величайшемъ секретѣ, посланъ былъ Иранда, и Франціи предложено было дѣлать выборъ между этими двумя уполномоченными. Однако Годой увѣдомилъ лорда Бѣта, что Испанія желаетъ продолжать войну, а потому Англія не должна обращать вниманія на пустые слухи о переговорахъ: все это одинъ отводъ глазъ общественному мнѣнію. Если бы, прибавлялъ онъ, Испанія принуждена была измѣнить свои намѣренія, то первую заботою ея было бы извѣстить о томъ лондонскій дворъ, согласно съ духомъ искренности и лояльности, руководящимъ ея образомъ дѣйствій. Лордъ Бѣтъ удовлетворился заявленіемъ, и Годой съ большимъ спокойствіемъ сталъ ждать отвѣта изъ Парижа.

Комитетъ узналъ 18 іюня о пріѣздѣ Иранды въ Байонну. Увѣренный на этотъ разъ, что переговоры не ускользнутъ отъ Франціи, Комитетъ нашелъ полезнымъ тревожить испанцевъ, заставляя ихъ ждать, а затѣмъ принудить ихъ къ соглашенію внезапнымъ нападеніемъ. Монсей получилъ главное командованіе западно-пиренейскою арміей, менѣе изнуренною, чѣмъ восточно-пиренейская; ему-то и была поручена операція. Затѣмъ Комитетъ озаботился предупрежденіемъ новыхъ ходатайствъ о дочери Людовика XVI, Маріи-Терезіи-Шарлоттѣ, остававшейся въ Тампльской тюрьмѣ. Комитетъ начиналъ находить узницу обременительною, а такъ какъ не было никакого повода держать ее въ заключеніи, то онъ положилъ конецъ затрудненіямъ при помощи уловки, достойной тонкихъ законниковъ, руководившихъ въ то время дѣлами республики. Пріарте и Иранда, безъ сомнѣнія, потребовали бы освобожденія принцессы; Карлетти уже требовалъ этого освобожденія 24 іюня, отъ имени своего государя, великаго герцога Тосканскаго. 30 іюня Трельяръ объявилъ съ трибуны, что республика достаточно прочно утверждена, чтобы не имѣть надобности въ заключеніи дочери послѣдняго короля. Онъ предложилъ «совершить актъ человѣчности, чтобы загладить великую несправедливость», и Конвентъ декретировалъ, что Марія-Терезія-Шарлотта можетъ быть обмѣнена на представителей республики, Бернонвиля и двухъ посланниковъ, находящихся въ плѣну въ Австріи.

Декретъ сообщенъ былъ генераламъ для доставленія его австрійцамъ чрезъ посредство парламентаровъ. Въ то же время поручалось Бартелеми увѣдомить о томъ же представителей дружелюбныхъ и нейтральныхъ державъ. «Нужно, — писалъ Комитетъ, — чтобы весь міръ узналъ, предпочитаетъ ли Австрія продолженіе ничѣмъ не оправдываемыхъ насильственныхъ дѣйствій возвращенію свободы своимъ роднымъ и друзьямъ». Бартелеми уполномоченъ былъ къ тому же вступить въ переговоры объ обмѣнѣ въ томъ случаѣ, если его пригласить къ тому австрійскій посланникъ въ Базелѣ.

Бартелеми полагалъ, что Австрія расположена договариваться на условіяхъ, указанныхъ Комитетомъ въ депешѣ отъ 8 мессидора, то есть подъ условіемъ облегченія уступки Франціи лѣваго берега Рейна и обмѣна Баваріи на австрійскіе Нидерланды, которые были бы уступлены республикѣ. Такая комбинація казалась ему опасной для будущности Франціи. Она нарушала то германское равновѣсіе, которое почиталось *chef-d'oeuvre* омъ прежнихъ французскихъ дипломатовъ, парализовало имперію и обезпечивало за Франціей удобнѣйшую изъ политическихъ границъ: слабыхъ сосѣдей, робкихъ кліентовъ, государство, разъединенное собственнымъ устройствомъ и стѣсненное собственными законами. Бартелеми ясно указалъ на это Комитету. Его докладъ вмѣстѣ съ депешей 8 мессидора сопоставляютъ два способа политическаго дѣйствія, между которыми приходилось выбирать тогда Комитету и которыхъ съ того времени поочередно держалась Франція. Комитетъ въ своихъ видахъ на девять лѣтъ упреждалъ событія и намѣчалъ комбинаціи, которыми руководились Наполеонъ и его министры отъ 1806 г. до 1810 г. Сіейсъ думалъ, какъ позднѣе и Талейранъ, о раздѣленіи Германіи на три государства, объ оттѣсненіи Австріи къ востоку, о противопоставленіи ей Россіи. Онъ кроилъ Европу, связывалъ народы, упразднялъ слабыя государства, укрѣплялъ сильные. Сіейсъ былъ предтечею Наполеона.

Бартелеми же былъ ученикомъ Верженна; онъ былъ проникнутъ духомъ докладныхъ записокъ, которыя этотъ мудрый совѣтникъ представлялъ Людовику XVI въ то время, какъ Іосифъ II пытался соблазнить французскаго короля и побуждалъ его облегчить ему тотъ самый обмѣнъ Баваріи, о которомъ шла рѣчь и теперь. Бартелеми — представитель классической традиціи: пріобрѣтеніе лѣваго берега Рейна представляется ему дѣломъ сомнительной выгоды. Онъ не споритъ о принципѣ, но обсуждаетъ и указываетъ на послѣдствія. — Австрія, говоритъ онъ, беретъ Баварію; вслѣдствіе этого она сосредоточивается въ Германіи, а сосредоточиться въ ней она желаетъ для того, чтобы господствовать; она не покинетъ этого положенія для того, чтобы искать приключеній на востокъ; она будетъ, напротивъ, подвигаться вглубь германской имперіи, а затѣмъ

и Италіи. Между тѣмъ для того, чтобы расположить Пруссію въ пользу комбинаціи, которой она опасается, чтобы создать противовѣсъ усиленному вліянію Австріи, «нужно будетъ въ значительной мѣрѣ расширить могущество и прусскаго короля»; Пруссія, въ свою очередь, будетъ стремиться нанести ущербъ предѣламъ своихъ сосѣдей. Австрія, въ видахъ сохраненія своего преобладанія, «не преминетъ дать волю своему хищничеству». Мелкія государства исчезнутъ. Венеція уже трепещетъ за свое существованіе. Вся Германія возстанетъ на насъ. Франція потеряетъ своихъ кліентовъ; она увидитъ, какъ подъ ея собственными ударами исчезнутъ второстепенныя государства, которыя созданы ею для огражденія ея собственной безопасности. «Тогда система, грозящая навлечь на Европу величайшія опасности, получитъ быстрое осуществленіе; всѣ мелкія государства будутъ истреблены и захвачены. Европа будетъ порабощена болѣе, чѣмъ когда-либо, войны примутъ ужасающіе размѣры, всякое стремленіе къ свободѣ будетъ подавлено сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

Въ этихъ соображеніяхъ было не менѣе проницательности, чѣмъ въ замыслахъ Сіейса ⁷⁾. Когда донесеніе Бартелеми получено было Комитетомъ, этотъ Совѣтъ, вслѣдствіе новыхъ событій и перемѣны въ своемъ составѣ, казалось, долженъ былъ быть лучше подготовленъ къ оцѣнкѣ его основательности.

III.

Непріязненные дѣйствія возобновились въ Вандеѣ. Нормандія волновалась. Говорили объ инсurreкціи въ Бретани. Весь западъ объятъ былъ пламенемъ. 23-го іюня, англійскій флотъ встрѣтилъ и разбилъ флотъ Вилларе Жуаеза; 25-го онъ остановился у Киберона; 27-го онъ высадивъ на побережье этого полуострова 3600 человекъ: эмигрантовъ и насильно завербованныхъ французскихъ плѣнныхъ. Англичане привезли боевые снаряды, оружіе и экипировку на 60.000 человекъ. Явилось отъ 4-хъ до 5000 шуановъ, которыхъ и вооружили. Бретонцы ненавидѣли англичанъ; они не желали сражаться вмѣстѣ съ ними и требовали себѣ французскаго принца; но этотъ принцъ могъ проникнуть во Францію только при содѣйствіи англійскихъ войскъ, англичане же не хотѣли подвергать опасности своихъ солдатъ и жертвовать ими ранѣе полученія увѣренности въ томъ, что ихъ достаточно поддержитъ мѣстная инсurreкція. Между роялистскими вождями возникли пререканія. Республиканцы имѣли время при-

⁷⁾ Сравните взгляды Сіейса и Бартелеми въ 1795 г. съ противоположными, по своимъ воззрѣніямъ, взглядами Руэра и Тьера, отъ 1865 до 1867 г. Мы встрѣчаемъ въ нихъ тѣ же доводы. Споръ 1795 года резюмировалъ всю ихъ совокупность.

нять свои мѣры, чтобы раздавить ихъ ранѣе, чѣмъ они успѣютъ собраться. Извѣщенный о высадкѣ 12-го мессидора—30-го іюня, Комитетъ немедленно отправилъ двухъ комиссаровъ: Таллена и Блада, давъ имъ чрезвычайныя полномочія. На другой день, Дусе просилъ Конвентъ утвердить распоряженія Комитета. Онъ принадлежалъ къ наиболее умѣреннымъ членамъ этого правительства; тѣмъ болѣе значенія имѣли его рѣчи: «До сихъ поръ,—сказалъ онъ,—республиканцы сражались ради славы: въ настоящую минуту всѣ французы будутъ бороться во имя своихъ интересовъ. Республиканцы, англомены 89-го, конституціонисты 91-го года, вамъ предстоитъ одна и та же участь; вы должны собраться вокругъ одного и того же знамени... Конвентъ вмѣстѣ со всеми нашими арміями повторяетъ: «Республика или смерть! Побѣда или смерть!» Гошъ занялся организациономъ побѣды, то есть подавленіемъ мятежа; правительство приступило къ обсужденію мѣръ, могущихъ облегчить усмиреніе, доставивъ миръ республикѣ и поддержанія войсками внутри страны.

Выборы 15-го мессидора—3-го іюля замѣнили въ комитетѣ Общественнаго спасенія Сіейса, Ребеля, Жилье и Ру другими представителями, а именно: Буасси, Луве, Лесажемъ и Бри. Камбасересъ остался президентомъ. Дипломатическая секція составила изъ Трельяра, Буасси, Луве и Жана де Бри. Люди, завѣдывавшіе внѣшними дѣлами республики за послѣдніе четыре мѣсяца, Ребель, Сіейсъ и Мерленъ, на время удалились. Изъ стараго дипломатическаго подъ-комитета остался одинъ Трельяръ. Этотъ депутатъ засѣдалъ въ немъ два мѣсяца; онъ стоялъ за планы вышедшихъ товарищей, но уже не располагалъ для ихъ проведенія прежнимъ авторитетомъ. Луве приносилъ въ секцію только знанія журналиста, тревоги и подозрѣнія жирондиста, избѣжавшаго смерти. Де Бри былъ совершенно подъ вліяніемъ Сіейса и оставался въ секціи его эхомъ. Буасси принадлежалъ къ Комитету, руководилъ переговорами и не переставалъ интересоваться ими. Онъ принадлежалъ къ большому свѣту, доступенъ былъ конфиденціямъ иностранныхъ дипломатовъ и внушеніямъ случайныхъ совѣтниковъ, тайныхъ дипломатическихъ агентовъ, услужливыхъ поставщиковъ свѣдѣній, всякаго рода маклеровъ и агентовъ, которыми всегда кишѣлъ Парижъ. Терроръ не устранилъ ихъ, и они толпились вокругъ Комитета.

При новомъ составѣ, Комитетъ продолжалъ оставаться благопріятствующимъ рейнской системѣ; но эта система утратила самыхъ вліятельныхъ и убѣжденных изъ своихъ сторонниковъ. Обри попытался этимъ воспользоваться; ему оставался еще одинъ мѣсяцъ пребыванія въ Комитетѣ; но Дусе, котораго присоединили къ нему въ военной секціи, принадлежалъ къ партіи завоеваній. 16-го мессидора—4-го іюля, Обри сдѣлалъ новую

попытку подчиненія Комитета своимъ взглядамъ: онъ предложилъ ограничиться оборонительнымъ образомъ дѣйствій на всѣхъ границахъ. Въ виду опасности, которую грозила инсurreкція въ западной Франціи, доводы его произвели впечатлѣніе на товарищей. Лесажъ и Луве присоединились къ его мнѣнію, остальные не высказывались. Сторонники завоеванія призвали къ себѣ на помощь Жилье. Хотя этотъ депутатъ и вышелъ изъ Комитета 15-го мессидора, но онъ появился въ немъ для прочтенія записки, въ которой совѣтовалъ перейти черезъ Рейнъ. Обри отложилъ рѣшеніе и убѣдилъ Комитетъ въ необходимости обратиться къ совѣту генераловъ. Рейнская система, которую Бартеlemi находилъ опасною въ политическомъ отношеніи, а Обри считалъ неосуществимою—въ военномъ, никогда еще не подвергалась такому сомнѣнію, какъ въ это минуту. Комитетъ не рѣшился даже приказать возобновленіе военныхъ дѣйствій, которое, во всякомъ случаѣ, было необходимо для того, чтобы заставить Австрію согласиться на миръ. «Поистинѣ,—писалъ Мерленъ Дуэ,—я склоненъ порою вѣрить, что въ средѣ комитета Общественнаго спасенія находится человекъ, похлывшійся произвести контръ-революцію».

Вліяніе миролюбиваго теченія не замедлило отозваться на переговорахъ съ Испаніей. Изъ двухъ предложенныхъ Испаніей уполномоченныхъ, Комитетъ не желалъ остановиться ни на одномъ; рѣшили выслушать обоихъ, предоставивъ себѣ предпочесть того, который представитъ наилучшія условія. Оставивъ Бартеlemi переговариваться съ Приарте, Комитетъ поручилъ вести переговоры съ Прандой генералу Сервану, бывшему военному министру 1792 г., заключенному въ тюрьму по обвиненію въ «модерантизмѣ» и освобожденному въ январѣ 1795 года. Комитетъ желалъ отличить этого превосходнаго слугу республики. Настоящая миссія давала къ тому поводъ. Серванъ получилъ вмѣстѣ съ полномочіями инструкции, данныя уже Бартеlemi; но къ нимъ приложено было слѣдующее, значительно измѣнявшее ихъ духъ, дополненіе: «Если бы, противъ всякаго ожиданія, Испанія рѣшительно отказалась отъ всякой территориальной уступки, то въ виду того, что война между Испаніей и Франціей есть, нѣкоторымъ образомъ, дѣло противоестественное... а равно въ виду того, что миръ съ этою державой могъ бы ускорить заключеніе общаго мира, путемъ доставленія возможности болѣе энергично тѣснить непріятеля на другихъ пунктахъ, гражданинъ Серванъ уполномочивается отказаться отъ требованія всякихъ территориальныхъ уступокъ».

Въ то время, какъ Комитетъ рѣшался на такое сокращеніе своихъ требованій, оно дѣлалось бесполезнымъ вслѣдствіе отважнаго наступленія Монсея. 8-го іюля французы вступили въ Витторію и грозили Пампелунѣ. Кастилія открывалась, такимъ образомъ, передъ ними. Годомъ по-

сать 2-го и 8-го іюля приказъ, въ которомъ предписывалось Приарте приступить немедленно къ окончательнымъ переговорамъ. Между тѣмъ какъ его курьеръ ѣхалъ въ Базель, другая побѣда французскихъ войскъ удвоивала цѣну мира, предлагавшагося республикѣ. 20-го іюля Гошъ разбилъ роялистовъ на Киберонѣ. Ихъ пораженіе, бывшее слѣдствіемъ «неспособности и раздоровъ» и эгоизма вождей, превратилось въ настоящее бѣгство, за которымъ послѣдовала страшная репрессія. Республиканцы взяли въ плѣнъ 6000 человекъ. Шуаны, въ количествѣ 3600, были разосланы по домамъ; на вербованные солдаты, въ числѣ 1600, распущены. Оставалась 1000 эмигрантовъ; ихъ судила военная комиссія, и изъ нихъ было разстрѣляно 690. 9-го термидора—27-го іюля Талльенъ явился на трибунѣ: «Привѣтствую тебя, великій день, когда народъ раздавилъ тиранию децемвировъ! Трижды счастлива годовщина, въ которую защитники отечества поразили коалицію чужеземцевъ и отцеубійцъ!» Два дня спустя Комитетъ узналъ, что потомокъ Людовика XIV измѣнилъ дѣлу Бурбоновъ.

Послѣднія инструкціи, посланныя Годомъ уполномоченному Приарте, застали этого послѣдняго въ ту минуту, когда онъ приводилъ уже почти къ концу свои переговоры съ Бартеlemi, начатыя съ 11 іюля. Договарившіеся пришли къ соглашенію по большей части статей. Относительно Маріи-Терезіи (дочери Людовика XVI), Приарте удовольствовался общаніемъ, что принцесса будетъ передана Испаніи, если Австрія не согласится на предлагаемый ей обмѣнъ. Онъ потребовалъ возстановленія во Франціи католической религіи. Бартеlemi увидѣлъ въ этой претензіи доказательство «невѣжества и слабости» мадридскаго двора и презрительно отклонилъ ее. Приарте, несмотря на ужасъ, внушаемый ему цензурою инквизиціи, въ концѣ концовъ согласился съ тѣмъ, что «государственная необходимость», по всей вѣроятности, одержитъ верхъ надъ «ханжествомъ». Затруднительными пунктами оказались только посредничество Испаніи въ Италіи и территоріальныя уступки. Приарте получилъ предписание упомянуть о папѣ, какъ объ одномъ изъ государей, интересы которыхъ составляютъ предметъ попеченій Испаніи. Бартеlemi находилъ это только выгоднымъ, но не осмѣливался называть римскаго первосвященника въ трактатѣ, заключаемомъ республикою. Онъ выпутался однако изъ затрудненія, придумавъ слѣдующую формулу: «Республика принимаетъ посредничество его католическаго величества въ пользу королей: португальскаго, неаполитанскаго, сардинскаго, инфанта—герцога пармскаго и *другихъ итальянскихъ государствъ...*» Что касается территоріальныхъ уступокъ, Приарте отбивался отъ нихъ, сколько могъ. 4 термидора—22 іюля, послѣ цѣлаго дня преній, онъ неожиданно предложилъ подписать договоръ,

если Бартеlemi удовольствуется уступкою Санъ-Доминго. Бартеlemi имѣлъ достаточныя полномочія. Онъ согласился, и трактатъ былъ подписанъ вечеромъ того же дня.

Комитетъ получилъ текстъ 11 термидора—29 іюля. Онъ уже покорился необходимости заключать миръ безъ завоеваній. Базельскій трактатъ доставлялъ Санъ-Доминго. Трельяръ немедленно сообщилъ объ этомъ событіи Конвенту. «У республики,—сказалъ онъ,—стало однимъ врагомъ менѣе и однимъ союзникомъ болѣе». Комитетъ поздравилъ Бартеlemi съ успѣхомъ, а нѣсколько дней спустя *Мониторъ* принесъ ему извѣстіе о шумномъ одобреніи Собранія. Была, однако же, и критика. Делакура, будущій министръ иностранныхъ дѣлъ Директоріи, выразилъ опасеніе, чтобы принципъ «направленія рѣкъ», установленный для опредѣленія границъ, не оказался убыточнымъ для республики. Майль отвѣтилъ, что республика должна проявить великодушіе: «Къ чему говорить о расширеніи территоріи? Не въ этомъ заключается наша миссія. Она состоитъ въ обезпеченіи свободы». Камбасересъ положилъ конецъ преніямъ, сославшись на законъ, выше котораго нѣтъ ничего на свѣтѣ: «По естественному закону, нѣкоторые народы созданы для того, чтобы быть друзьями и союзниками; эта истина вполне примѣняется къ Испаніи и Франціи. Комитетъ сдѣлалъ все отъ него зависящее для выполненія этого высшаго закона, поддержавъ въ то же время достоинство французскаго народа». Конвентъ утвердилъ трактатъ почти при всеобщемъ одобреніи.

IV.

Этотъ трактатъ окончательно разрывалъ лигу монарховъ. Смерть Людовика XVII разбивала монархическую партію. Переходя на голову графа Прованскаго, королевская корона становилась эмигрантской. Республиканское правительство почувствовало себя сильнѣе, но, въ то же время, правители почувствовали, что имъ еще болѣе непосредственно грозятъ роялисты: то, что уже начинали называть орлеанской партіей, было пока только интригой и заговоромъ; у конституціонной монархіи не было признаннаго главы; реставрація могла быть предпринята отнынѣ только эмигрантами или при ихъ содѣйствіи; она была мало вѣроятна, но если бы она совершилась при настоящихъ условіяхъ, то повлекла бы за собою низложеніе, проскрипцію, если не смерть, для всѣхъ подававшихъ голосъ за казню Людовика XVI. Они сомкнули свои ряды, чтобы дать отпоръ. Слѣдствіемъ этого явилась новая эволюція и новая группировка партій.

Прежніе монархисты 1791 г. умѣренные, которыхъ революція болѣе преслѣдовала, чѣмъ компрометировала, потерявъ надежду на регентство,

которое выпало бы на ихъ долю при существованіи Людовика XVIII, ненавидимые принципами и эмигрантами болѣе самихъ царевичей, рѣшили, что республика остается ихъ единственнымъ убѣжищемъ и что они могутъ организовать ее по своему желанію и сдѣлать ее болѣе миролюбивой. Они перенесли на принципы преданность, которую уже не могли оказывать лицамъ, и занялись исключительно обезпеченіемъ свободы. Въ возстановленіи порядка, общественной безопасности и, въ особенности, внѣшняго мира они стали искать средствъ для возвращенія своей партіи народнаго сочувствія. Они вездѣ склонялись къ системѣ прежнихъ французскихъ границъ; эта система доставляла болѣе скорый и вѣрный миръ съ Европой; миръ этотъ былъ первымъ и необходимымъ шагомъ къ водворенію режима, о которомъ они мечтали для Франціи; онъ устранялъ отъ республики угрозу военнаго нашествія внутрь страны и возможность узурпаціи верховной власти какимъ-нибудь генераломъ.

Салонъ шведскаго посланника былъ нейтральною почвой, на которой конституціонисты 1791 года могли встрѣчаться съ умѣренными республиканцами, ихъ соперниками въ 1795 году. Госпожа Сталь, возвратившаяся въ Парижъ въ маѣ мѣсяцѣ и обратившая на себя всеобщее вниманіе, какъ авторъ *Réflexions sur la paix, adressées à M. Pitt et aux français*, сдѣлалась душою новой партіи ¹⁾. Ея друзья и она сама проектировали организацію французской республики по образцу американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, подобно тому, какъ пытались, въ былое время, преобразовать старую французскую монархію по англійскому образцу ²⁾. Въ сущности, они и теперь имѣли въ виду ту же систему двухъ палатъ и аристократію интеллекта, замѣняющую родовую знать: республику, президентомъ которой могъ бы быть освобожденный изъ плѣна Лафайетъ и первымъ министромъ—Талейранъ. Обращенные или покорившіеся своей участи монархисты вернулись бы къ дѣламъ этимъ окольнымъ путемъ. Въ видахъ успокоенія республиканцевъ по поводу намѣреній этихъ новыхъ конституціонистовъ, а также и привлеченія къ ихъ интересамъ робкихъ и нескотливыхъ представителей прежней правой Законодательнаго Собранія, госпожа Сталь написала свою вторую политическую брошюру: *Réflexions sur la paix intérieure*. Эта брошюра (Размышленія о внутреннемъ мирѣ), вышла лѣтомъ 1795 г.—Республика,—говорилъ авторъ,—есть единственно возможный образъ правленія; слѣдуетъ примѣнить къ ней и направить

¹⁾ ROEDERER, *Oeuvres*, t. V, p. 81. (Замѣтка о брошюрѣ г-жи де Сталь). *Moniteur* du 8 floréal—27 avril, XXIV, p. 297.

²⁾ См. *Considérations*, 3-е partie, и въ коллекціи знаменитыхъ писателей (Collection des grands écrivains), эту же, озаглавленную: *Madame de Staël*, Paris 1890, p. 57—62.

ее въ смыслъ введенія въ нее той свободы, которую желаютъ всѣ. Таково теченіе общественнаго мнѣнія; за такими теченіями можно только слѣдовать, а не создавать ихъ. «Кажется, будто бы гениальные люди создаютъ обстоятельства; но на самомъ дѣлѣ они лишь обладаютъ умѣньемъ ранѣе другихъ ими воспользоваться». Въ дѣйствительности ничто не раздѣляетъ республиканцевъ, стремящихся установить порядокъ, отъ монархистовъ, цѣнящихъ свободу. Если монархисты будутъ настаивать на монархической реставраціи, этимъ воспользуются одни только эмигранты; къ тому же реставрація можетъ быть совершена не иначе, какъ путемъ насилія и государственнаго переворота: «Франція можетъ остановиться на республикѣ; но для того, чтобы придти къ смѣшанной монархіи, пришлось бы неизбѣжно испытать военную власть».

Къ несчастію для новыхъ конституціонистовъ, ихъ личности мало способны были внушить довѣріе демократической части населенія; ихъ соображенія были слишкомъ тонки и слишкомъ сложны для того, чтобы плѣнить воображеніе массъ; наконецъ, и та часть ихъ программы, на которую они преимущественно рассчитывали для склоненія къ миру, дѣлала ихъ подозрительными въ глазахъ всѣхъ, ставившихъ національную славу и могущество республики выше самой свободы.

Въ 1791 году, Барнавъ и его сторонники, помимо своей воли, сослужили службу австрійской политикѣ своимъ планомъ ограниченной монархіи. Умѣренные же 1795 г., предлагая отказаться отъ завоеваній, или, подобно Редереру, возвращаясь къ замысламъ Дюмурье, стремясь создать изъ Бельгіи и Голландіи независимыя республики, казалось, служили замысламъ Англіи и графа Прованскаго. Этотъ принцъ находилъ, что не слѣдуетъ ничего уступать изъ старой французской территоріи, но и ничего не прибавлять къ ней. Англія видѣла въ возстановленіи монархіи, ограниченной конституціею, и въ возвращеніи Франціи къ предѣламъ 1792 г. единственное условіе прочнаго мира. Такимъ образомъ произошло своего рода смѣшеніе этихъ двухъ партій, къ тому же весьма мало сплоченныхъ, и «роялистская партія» въ умѣ многихъ французовъ смѣшивалась съ «партіей прежнихъ границъ».

Поэтому республику безъ республиканцевъ, о которой мечтали конституціонисты 1795 года, должна была постигнуть участь королевской власти безъ приверженцевъ короля 1791 года. Большинство людей, приглашаемыхъ для этого, смотрѣли на комбинацію, какъ на имѣющую временной характеръ; въ нее входили какъ въ придорожную гостиницу, но не избирали постояннымъ жилищемъ. Напротивъ, тѣ, которыхъ намѣревались вытѣснить изъ дома, полагали, что этотъ домъ—ихъ законная собственность и отказывались уходить: то были люди, въ теченіе трехъ

лѣтъ боровшіеся за республику и отдавшіе себя самихъ въ залогъ революціи. Конституціонисты, естественнымъ образомъ, вызвали противъ себя и союзъ эмигрантской аристократіи, думавшей о реставраціи стараго порядка исключительно въ свою пользу, и союзъ тѣхъ, кого называли аристократіей царевубійства, стремившейся сохранить и закрѣпить за собою власть. «Какихъ же гарантій вы хотите?—спрашивалъ однажды у Трельяра Матье Дюма, бывшій роялистъ-конституціонистъ, превратившійся въ консерватора-республиканца.—«Взойдите на трибуну»,—отвѣтилъ ему Трельяръ,—«и объявите, что если бы вы были членомъ Конвента, вы, подобно намъ, вотировали бы смерть Людовика XVI».—Вы требуете невозможнаго.—Ну, такъ наши судьбы не одинаковы: мы поставили на карту свои головы». Итакъ, условія для существованія остались для республиканцевъ тѣ же, какія были въ первое время республики. Имъ нужно было основать твердое правительство въ республикѣ, и это правительство должно было оставаться въ ихъ рукахъ. Слишкомъ скорое заключеніе мира сдѣлало бы ихъ правленіе безпомощнымъ и ихъ личности неудобными: оно повлекло бы за собою реакцію, которая подвергла бы опасности пріобрѣтенія революціи и открыло бы пути реставраціи, которой они опасались. Для нихъ было необходимо, чтобы война продолжалась, сохраняя за ними правительство; чтобы эта война была блестяща, поддерживая расположеніе къ нимъ арміи; наконецъ, чтобы дѣло революціи навѣки отождествилось въ воображеніи народа съ ихъ собственнымъ дѣломъ. Эта необходимость восторжествовала надъ послѣдними колебаніями по вопросу о границахъ. Идея завоеванія смѣшалась съ идеей республики, и установленіе республиканской конституціи ассоціировалось съ пріобрѣтеніемъ естественныхъ границъ. Тотъ, кто соглашается на прежнія границы, заподозрѣвается въ роялизмѣ. Выказаться за рейнскую границу, значитъ получить патентъ на «патріотизмъ»; этотъ «патентъ» почти равносителенъ свидѣтельству о царевубійствѣ. Дусе, не вотировавшій смерти, подвергся доносу вслѣдствіе того, что его имя нашли въ бумагахъ одного изъ агентовъ принцевъ. Въ видѣ оправданія онъ сослался на свое завоевательское рвеніе. «Я прибавлю только одно слово,—воскликнулъ одинъ изъ бывшихъ членовъ Комитета:—объявляю, что Дусе не принадлежитъ къ партіи прежнихъ границъ!»

Въ такомъ духѣ состоялись выборы, возобновлявшіе составъ Комитета 15-го термидора—2-го августа. Камбасересъ, Трельяръ, Талльенъ и Обри выходили изъ него. Ихъ замѣнили: Мерленъ де Дуэ, Сіейсъ, Ребель и Летурнеръ. Летурнеръ «вотировалъ смерть» и подкрѣплялъ партію войны. «Партія прежнихъ границъ» утрачивала своего главу—Обри. Мерленъ занялъ президентское кресло. Сіейсъ и Ребель вернулись къ своимъ мѣ-

стамъ въ дипломатическомъ отдѣленіи; здѣсь они нашли Буасси, который былъ на ихъ сторонѣ, и Луве, котораго они завербовали. Большинство было за ними.

При этомъ-то правительствѣ и при такихъ-то обстоятельствахъ вотировалась конституція III года. Обсужденіе ея въ Собраніи закончено было 5-го фруктидора — 22-го августа 1795 г. Эта конституція значительно отличалась отъ конституцій 1791 и 1793 годовъ. Она ставила рядомъ съ *провозглашеніемъ правъ человека* декларацию *правъ гражданина*. Она раздѣляла правительство на двѣ палаты: *Conseil des Cinq-Cents* (Совѣтъ Пятисотъ) и *Conseil des Anciens* (Совѣтъ Старѣйшинъ). Первый предлагалъ и обсуждалъ законы, второй обсуждалъ и утверждалъ ихъ. Новое устройство являлось не столько результатомъ прегресса во взглядахъ, сколько слѣдствіемъ политической необходимости. Весьма вѣроятно, что въ Комитетѣ законодатели съ большою тонкостью обсуждали принципы, что Сіейсъ выказалъ глубину мысли, Буасси соблюдалъ приличную виѣшность, а Камбасересъ—разсудительность; но всѣ великія основы публичнаго права, предложенныя этими законодателями Собранію, были лишь доводами, собранными для украшенія и оправданія чисто эмпирическаго произведенія. Конституція III года, послѣднее дѣло Конвента, носитъ въ высочайшей степени характеръ политическихъ актовъ этого Собранія: теорія предназначалась для рѣчей, обстоятельства обусловливали декреты, а государственная необходимость управляла всѣмъ.

Конституція должна была озаботиться тремя предметами: создать верховный, но обузданный Законодательный корпусъ и исполнительную власть, исходящую изъ этого корпуса, но независящую отъ него и саму по себѣ весьма сильную, а также сохранить занимаемыя царевубійцами мѣста и постоянство не только политики Конвента, но и состава его большинства. Какъ ни былъ ловокъ и изобрѣтателенъ Сіейсъ, трудно было допустить, чтобы онъ однимъ ударомъ могъ рѣшить задачу и изобразить ее въ изящной формулѣ. Если бы Конституціонный комитетъ разсуждалъ въ чисто отвлеченной сферѣ, онъ породилъ бы какую-нибудь парадоксальную комбинацію въ родѣ той, которую Сіейсъ представилъ Бонапарту въ VIII году. Но сила вещей, выставившая всѣ противорѣчивые элементы задачи, навязала и ея рѣшеніе. Форма, въ которую уложилось правительство, существовала, ее создала революція: этою формой былъ комитетъ Общественнаго спасенія. Въ сущности, этотъ Комитетъ рѣшилъ и конституцію. Для него дѣло шло объ обезпеченіи, путемъ его организованія, своего собственнаго правленія. Нашли, что всего проще сдѣлать изъ Комитета основное учрежденіе, сконцентрировать его силы и развить его органы.

Отсюда вытекала Директорія, состоящая изъ пяти членовъ, назначае-

мыхъ на пять лѣтъ, возобновляемая въ одной пятой состава ежегодно, избираемая совѣтами и въ свою очередь избирающая, безъ контроля министровъ, не имѣющихъ отношенія къ совѣтамъ. Она должна вести всѣ дѣла, посредствомъ этихъ министровъ; предлагать вопросъ о войнѣ совѣтамъ, ее объявляющимъ, и договариваться по поводу мира, ратификуемаго этими совѣтами. Это, однимъ словомъ, тотъ же комитетъ Общественнаго спасенія, возведенный на степень окончательно утвердившагося правительства съ независимостью и широтою полномочія, къ которымъ онъ всегда стремился. Умудренный испытаніями, пережитыми въ теченіе послѣдняго года, онъ усовершенствовался и утвердился. Главною помѣхою для него являлось могущество единаго Собранія, отъ котораго онъ пропихивалъ. Это стѣсненіе устранялось: верховная власть раздробляется и распределяется между Директоріей и двумя совѣтами; оба эти совѣта засѣдаютъ отдѣльно, не управляютъ и даже не контролируютъ дѣйствія правительства. Конституція можетъ безнаказано предоставлять этимъ законодателямъ-затворникамъ честь назначенія исполнительной власти. Сохраненіе состава Конвента въ совѣтахъ было обезпечено двумя декретами 5 и 13 фруктидора—22 и 30 августа, въ которыхъ значилось, что въ этихъ, возобновляемыхъ въ одной трети своихъ членовъ, совѣтахъ, двѣ трети будутъ съ самаго начала составлены изъ членовъ Конвента. Остальная часть конституціи состояла изъ статей, запрещающихъ народныя общества, ассоціаціи, противныя общественному порядку, и изъ статей, ставившихъ эмигрантовъ внѣ закона, объявляющихъ о присвоеніи республикѣ ихъ имѣній и обезпечивающихъ владѣніе этими конфискованными имѣніями лицамъ, ихъ приобрѣвшимъ.

Такимъ образомъ Конвентъ, комитетъ Общественнаго спасенія и правительство III года сохранять свое существованіе и сдѣлаются самою сущностью республики. Но вмѣстѣ съ тѣмъ останутся въ силѣ ихъ страсти и характеръ столкновеній такими, какими породила ихъ революція и раздѣлъ только-что истекшій годъ. Эти страсти будутъ тѣмъ деспотичнѣе, а конфликты тѣмъ яростнѣе, чѣмъ болѣе свободы предоставляетъ имъ конституція, не предусматривающая порядокъ ихъ улаживанія. И потому, когда, по возобновленіи состава Директоріи и Совѣтовъ, большинство Директоріи, избранное еще изъ большинства Конвента, очутится предъ лицомъ большинства Совѣтовъ, избраннаго при другихъ условіяхъ, взглядахъ и полномочіяхъ, когда между Законодательнымъ корпусомъ, не имѣющимъ вліянія на выборъ министровъ, и Директоріей, не желающей уступать большинству Совѣтовъ, произойдетъ столкновеніе, тогда для выхода изъ этого кризиса останется только прежній способъ «дней», обращеніе къ военной силѣ и къ прецедентамъ Конвента 31-го мая и 9-го

термидора, то есть къ государственному перевороту. Именно это и увидимъ въ 1797 г. 18-го фруктидора. Причины, вызвавшія это событіе, происходили изъ политики III года; онѣ сдѣлались какъ бы присущими новой конституціи.

Такъ какъ республиканцы не имѣли иныхъ средствъ удержать за собою власть кромѣ тѣхъ, которыя содѣйствовали и ихъ возвышенію, то есть, военной славы и завоеваній, то естественнымъ слѣдствіемъ этого явилось то, что всѣ партіи, враждебныя или правительству, или самой республикѣ, искали средствъ дѣйствія въ политикѣ противоположнаго свойства и сдѣлались поборниками мира. Сторонники естественныхъ границъ и «партія прежнихъ границъ» продолжали борьбу, начатую въ 1795 году. По мѣрѣ того, какъ война распространялась по Европѣ, столкновенія по вопросу о внѣшней политикѣ республики примѣшались къ внутреннимъ раздорамъ. Внѣшнія дѣла постоянно и весьма пагубно отражались на внутреннихъ. Директорія принуждена была все болѣе и болѣе руководиться въ своемъ правленіи соображеніями внѣшней политики, то есть войною и войсками. Послѣдствія эти развились съ крайнею быстротою. Общественное мнѣніе обратило вниманіе на это обстоятельство лишь тогда, когда послѣднее оказалось неотвратимымъ. Въ 1795 г. эти послѣдствія еще не были неизбежными, но люди, правившіе тогда Франціей, прекрасно различали ихъ и вполне сознательными мѣрами дали дѣламъ республики то направленіе, по которому онѣ затѣмъ и слѣдовали.

V.

Главнымъ, господствующимъ надъ всѣми остальными, являлся въ этомъ періодѣ фактъ вторженія въ дѣла республики военныхъ, а отсюда перемѣна и въ настроеніи, и въ роли республиканскихъ войскъ. Этотъ фактъ еще въ 1795 году поразилъ Ребея, законника въ душѣ, склоннаго по темпераменту къ диктатурѣ и завоеванію. Военный кризисъ, который онъ предвидѣлъ для республики, показался ему лишнимъ поводомъ продолжать воинственную политику. Онъ находилъ, что арміи не только должны кормить государство и себя самихъ, но и должны быть удаляемы изъ страны для того, чтобы не могли поглотить и заполнить республику. «Надо», писалъ онъ своимъ товарищамъ по Комитету, «весьма мало понимать истинные интересы республики или окончательно продать себя Австріи и Англіи, чтобы въ видахъ заключенія мира предлагать возвращеніе къ старымъ границамъ. Подобный миръ не только покрывъ бы насъ позоромъ, но и привелъ бы къ неминуемому разрушенію республики... Если наши арміи вернутся въ страну, не имѣющую возможности награждать

защитниковъ отечества... недовольство сдѣлается всеобщимъ. Онѣ стали бы принимать участіе въ нашихъ политическихъ и религіозныхъ расприхъ, въ особенности же въ религіозныхъ... Слѣдствіемъ была-бы жесточайшая гражданская война; иностранныя державы не преминули-бы вмѣшаться въ нее, и Францію постигла-бы участь Польши...» Съ другой стороны, арміи даютъ средства существованія государству, и безъ этихъ средствъ оно не можетъ обойтись: «Эти миролюбцы должны-бы, по крайней мѣрѣ, сообразить, что въ одной Бельгіи почти на миллиардъ, считая металлическими деньгами, національныхъ земель, что въ другихъ завоеванныхъ краяхъ ихъ еще болѣе, и что это—единственный ресурсъ для изыятія изъ обращенія нашихъ ассигнацій...»

Приносящія доходъ и въ то же время столь опасныя для республики арміи, безъ сомнѣнія, не могли надолго оставаться въ неизвѣстности относительно своего значенія въ государствѣ. Онѣ необходимы и въ то же время внушаютъ опасенія; вскорѣ онѣ получатъ преобладаніе въ силу самаго свойства своего и импульса событій.

Зима III-го года, 1794—1795 г., показываетъ ихъ намъ на высшей степени доблести и самоотверженнаго труда. Отнынѣ онѣ окончательно организовались и составили проникнутое общимъ духомъ цѣлое. Во главѣ этого войска стоятъ герои: ихъ героизмъ возбуждаетъ въ солдатахъ восторгъ и преданность; сами военачальники дорожатъ своею славой. Военный духъ мало-по-малу замѣняетъ духъ гражданственности въ этихъ болѣе дисциплинированныхъ войскахъ. Это слѣдствіе не одной только дисциплины, но и самаго характера войны, которую приходится вести. Переступая черезъ границу, войска получаютъ новый, отличный отъ прежняго, характеръ: они вторгаются на непріятельскую территорію съ цѣлью освобожденія собственнаго отечества; они чувствуютъ, что исполняютъ долгъ и совершаютъ актъ справедливости: они вносятъ въ свои завоеванія что-то человѣческое, стоящее выше простаго завоеванія; они—орудіе, острое и кровавое, но орудіе цивилизаціи и прогресса; они чувствуютъ это инстинктивно, но этотъ инстинктъ, хотя и высшаго порядка, заключаетъ въ себѣ менѣе самоотреченія и болѣе гордости, чѣмъ содержалъ въ себѣ прежній элементарный патріотизмъ всякаго народнаго ополченія, вызваннаго необходимостью національной обороны. Республиканскій солдатъ не можетъ завоевать Голландію и брать приступомъ стоящія во льду корабли съ такимъ же душевнымъ порывомъ, съ какимъ прогонялъ нѣмецъ у Виссенбурга.

Генералы оставались республиканцами; но честолюбіе побуждаетъ ихъ стремиться въ первые ряды этой республики, которую они защищаютъ, возвеличиваютъ и которой, наконецъ, даютъ и средства существованія.

Политика закрадывается въ ихъ души вслѣдствіе переговоровъ, которые они ведутъ съ непріятельскими генералами, и вслѣдствіе управленія занятыми и покоренными странами. Не можетъ оставаться безъ послѣдствій то обстоятельство, что такой человѣкъ, какъ Гошъ, испробуетъ, въ качествѣ намѣстника, власти надъ судьбою народовъ: открывъ въ себѣ качества политическаго и государственнаго дѣятеля, онъ видитъ передъ собою новые горизонты, открывающіеся для его дарованій. Именно потому, что это честолюбіе благородно, искренно и патріотично, оно и мѣтитъ выше: предметомъ его является республика, съ которой чувствуютъ себя на одномъ уровнѣ. Это можетъ быть сказано о герояхъ высшаго разряда. Другіе ищутъ только славы, но ищутъ страстно и стараются поддерживать войну, потому что она даетъ имъ случай къ возвышенію. Далѣе слѣдуетъ легіонъ авантюристовъ, которые дорожатъ извѣстностью или наживой и которые въ промежуткахъ между сраженіями пробиваютъ себѣ дорогу интригами и кознями. Нѣкоторые изъ людей этого рода бываютъ иногда и выдающимися представителями военнаго міра, какъ доказалъ еще во времена Сень-Жюста Пишгрю.

Конечно, въ 1795 г. большинство военныхъ начальниковъ еще было проникнуто духомъ гражданственности, заставившимъ ихъ спѣшить къ границамъ и переносить терроръ. Всѣ они подписали-бы письмо, съ которымъ обратился 1-го преріала Журданъ къ состоявшимъ подъ его командованіемъ войскамъ: «Армія должна поступать въ этомъ случаѣ такъ, какъ поступала всегда при подобныхъ обстоятельствахъ, то есть, поставленная на границѣ для борьбы съ вѣнскимъ врагомъ, она не должна заниматься тѣмъ, что происходитъ внутри страны, и должна вѣрить тому, что добрые граждане, тамъ находящіеся, сумѣютъ заставить молчать роялистовъ и анархистовъ...»

Но на ряду съ такими чувствами, кое-гдѣ, въ рядахъ и въ главныхъ штабахъ, уже прорываются инстинкты, возбѣщающіе участіе арміи въ политикѣ. Офицеры и солдаты 127-ой полубригады пишутъ Конвенту вслѣдъ за этими самыми преріальскими днями: «Законодатели!... Если дерзость однихъ возростетъ вмѣстѣ съ ихъ преступными вожделѣніями и если мужество другихъ ослабнетъ подъ вліяніемъ боязни, если, наконецъ, потребуется, чтобы колонны побѣдоносныхъ войскъ обратились къ защитѣ народнаго Конвента,—вамъ стоитъ сказать слово! и мы полетимъ къ вамъ! Мятежники достигнутъ васъ, только пройдя по нашимъ трупамъ...»

Можно-ли было ожидать, что войско не привяжется къ республикѣ и не примкнетъ къ партіи войны? Въ этомъ—смыслъ его существованія, его слава и будущность. Оно связано съ войною патріотизмомъ, честью и выгодною. Если-бы войско даже хотѣло, оно не можетъ оставаться равнодуш-

нымъ къ политикѣ. Миръ означаетъ для него разрушеніе надеждъ, безвѣстность, стѣсненные обстоятельства для офицеровъ; а для солдата — нужду, трудъ, отъ котораго онъ успѣлъ отвыкнуть, вмѣсто полной приключеній жизни, правда, и полной лишеній, но по временамъ широкой и открывающей обширныя и заманчивыя перспективы. Самые пылкіе изъ республиканцевъ первые привлекутъ армію къ политическимъ дѣламъ и потребуютъ ея вмѣшательства. Конвентъ призываетъ ее на свою защиту. Онъ приглашаетъ ее вотировать конституцію. Онъ побуждаетъ ее подписывать республиканскіе адреса. Онъ противопоставляетъ ей республиканско-воинственные пожеланія стремленіямъ умѣренной партіи, пока не направить ее противъ національной гвардіи, заподозрѣнной въ роялизмъ. «Армія также составляетъ часть народа», объявляетъ Шенье. Роялистъ Лакретель младшій представляетъ въ Конвентъ адресъ, въ которомъ указываетъ на опасность, грозящую отъ преторіанства: «Подумайте о томъ, насколько слѣдуетъ опасаться военного деспотизма въ республикахъ. Римъ нанесъ въ немъ гибель своей свободы». Талльенъ гнѣвно отвѣтилъ: «Конвентъ долженъ указать арміи на ея клеветниковъ!.. Вы обвиняете напѣвщиковъ, но они-то и спасли насъ. Имъ вы обязаны своимъ существованіемъ. Вы хотите судить нашу армію? хорошо! Слѣдуетъ, чтобы и она судила васъ и узнала, какимъ вы проникнуты духомъ...»

Тѣмъ временемъ Наполеонъ Бонапартъ пріѣхалъ въ Парижъ и вступилъ въ отдѣленія комитета Общественнаго спасенія.

Робеспьеръ младшій встрѣтился съ нимъ во время своей миссіи при итальянскихъ войскахъ въ 1794 г. Бонапартъ былъ тогда восторженнымъ республиканцемъ, презирая Жиронду, потому что она посягала на единство республики. Онъ создавалъ въ своемъ воображеніи идеализированный образъ Робеспьера, преувеличивая его значеніе и полагая, что Робеспьеру предстоитъ увѣнчать революцію. Мнѣнія Бонапарта и выказанныя имъ дарованія очаровали Робеспьера младшаго; онъ предложилъ ему быть помощникомъ брата и занять мѣсто Анрію. Люсьенъ Бонапартъ, болѣе спѣшавшій сдѣлать карьеру, чѣмъ Наполеонъ, болѣе якобинецъ по темпераменту и безконечно менѣе политикъ, уговаривалъ его принять предложеніе. Наполеонъ обдумалъ его и отказался: «Для меня, — сказалъ онъ, — можетъ быть почетенъ только военный постъ. Терпѣніе! Позднѣе я буду командовать Парижемъ». Вернувшись въ Парижъ изъ Генуи, по исполненіи возложенной на него миссіи, Наполеонъ былъ заключенъ въ тюрьму, по подозрѣнію въ терроризмъ и сообщничествѣ съ Робеспьеромъ. Но такъ какъ не найдено было никакихъ доказательствъ противъ него, то его и выпустили на свободу. Онъ увидѣлъ, какъ власть, сила и то, что онъ называлъ «духомъ республики», перешли къ термидоріанцамъ. Рѣшившись

всегда слѣдовать «этому духу», онъ отправился въ кампанію противъ Пьемонта. Въ то время, какъ онъ готовилъ экспедицію, имѣвшую цѣлью отнять Корсику у англичанъ, пришелъ приказъ о назначеніи его въ качествѣ артиллерійскаго генерала въ войска, находившіяся въ западной Франціи. Пріѣхавъ въ Парижъ въ концѣ флореала, онъ испыталъ жестокую неудачу. Обри, распорядившійся, и довольно самовластно, военными дѣлами, былъ «старымъ артиллеристомъ ограниченаго ума и горячаго нрава, нигдѣ не слыхавшимъ стрѣльбы, кромѣ какъ на полигонѣ»¹⁾. Онъ ненавидѣлъ въ Бонапартѣ тулонскаго побѣдителя и якобинца: немедленно приказано было ему отправляться на западъ и командовать не артиллеріей, а пѣхотной бригадой. Бонапартъ отказался повиноваться.

Для него было важно остаться въ Парижѣ, потому что только здѣсь могъ-бы онъ заставить себя оцѣнить и получить назначеніе по своему вкусу. У него не было связей, и онъ занялся ихъ пріобрѣтеніемъ. Въ Тулонѣ онъ встрѣчался съ Барра и теперь снова сблизился съ нимъ. Барра въ то время игралъ роль, а кто желалъ пробить себѣ дорогу, тотъ непременно долженъ былъ пристать къ кому-нибудь изъ членовъ Конвента. Томясь бездѣйствіемъ, стѣсненный въ средствахъ, тревожась за свою будущность и за судьбу своихъ близкихъ, Бонапартъ тратилъ время на ходатайства, проекты, чтеніе и наблюденія. Онъ былъ очевидцемъ преріальскаго бунта, что помогло ему дополнить назидательные выводы, сдѣланные имъ 20-го іюня 1792 г. Незвѣстный и безъ дѣла, онъ имѣлъ досугъ для изученія людей и партій. Онъ началъ «Историческій очеркъ событій, начиная отъ 9-го термидора, о причинахъ смутъ и раздоровъ», составлялъ планы кампаній и пытался, въ ожиданіи выхода изъ Комитета врага своего Обри, втереться къ другимъ членамъ этого Совѣта. Буасси выказалъ участіе къ нему и рекомендовалъ его Дусе, котораго только-что назначили въ военную секцію. Дусе искалъ человѣка съ идеями, *faiseur'a*, какъ выражались въ концѣ стараго порядка. Бонапартъ не особенно понравился ему при началѣ знакомства. «Это былъ блѣдный итальянчикъ, хрупкій и болѣзненный, но замѣчательный по смѣлости взглядовъ и твердости рѣчи». При второмъ свиданіи Дусе началъ различать, какую пользу можно извлечь изъ «маленькаго итальянца». Онъ прикомандировалъ его къ себѣ на службу. Бонапартъ доставилъ ему планъ, обезпечившій успѣхъ Монсея въ Пиренеяхъ и рѣшившій миръ съ Испаніей, а, главное, внушилъ мысль объ итальянской кампаніи, предпринять которую являлась возможность вслѣдствіе заключенія мира съ Испаніей.

Это было первымъ шагомъ Наполеона; во этомъ шагѣ уже проявилась его гениальность. Бонапартъ становился уже во главѣ и войны и

¹⁾ Ségur *Histoire et Mémoires*, t. I, p. 140.

политики. Онъ обладалъ идеей и способностью выполненія, общимъ планомъ и знаніемъ подробностей. Въ этомъ изумительномъ планѣ онъ предусматриваетъ все: инструкціи генераламъ, администраторамъ и дипломатамъ. Планъ былъ переданъ Комитету, который былъ пораженъ имъ и подвергъ его обсужденію. «Все спокойно,—писалъ Бонапартъ брату своему Іосифу 12 термидора—30-го іюля.—Миръ, заключенный съ Испаніей... премного насъ обрадовалъ...» Благодаря ему, наступательная война въ Пьемонтѣ неминуема. Обсуждаютъ предложенный мною планъ, который неизбежно будетъ принятъ...»²⁾.

Планъ этотъ, выполненный имъ съ неподражаемымъ блескомъ въ 1796-мъ и 1797 годахъ, ставилъ всѣ вопросы, которые исторія разбирала въ послѣдовавшее двадцатилѣтіе. Прогнать австрійцевъ съ полуострова, расширить Пьемонтъ присоединеніемъ къ нему Ломбардіи и сдѣлать это государство авангардомъ республики въ Италіи; овладѣть Триентскими ущельями, проникнуть въ Тироль, соединиться съ рейнскою арміею и принудить австрійскаго императора, атакованнаго въ центрѣ его наслѣдственныхъ владѣній, къ заключенію мира, «отвѣчающаго ожиданіямъ Европы и всякаго рода жертвамъ, нами принесеннымъ,—такова первая часть этого плана. Она будетъ выполнена только для того, чтобы подготовить выполнение второй и главной его части, главной цѣли войны, ради которой все совершается и безъ которой ничто не будетъ прочно: «разъединенія европейской олигархіи... борьбы съ Англіей въ Ирландіи, въ Канадѣ и въ Индіи...» Бонапартъ еще не успѣлъ дойти до Адриатики, какъ уже воображеніе уноситъ его на Востокъ: у него зарождается мечта о мощномъ обходномъ движеніи, о которомъ онъ неотступно думалъ всю жизнь и путемъ котораго должно быть достигнуто уничтоженіе Англіи, въ тылъ которой слѣдуетъ зайти въ Азіи. Райналь, идеями котораго онъ проникнутъ, указывалъ ему на Египетъ какъ на страну, которую Александръ хотѣлъ сдѣлать «исходною точкою своей власти и центромъ вселенной.» Вольней, которымъ онъ восхищается, поддерживаетъ въ немъ эти колоссальные замыслы³⁾.

Между тѣмъ чловѣкъ, противъ котораго направлены всѣ эти проекты и который олицетворяетъ собою духъ вѣковой соперницы Франціи, Питтъ также уже нѣсколько мѣсяцевъ думаетъ о перенесеніи войны въ Италію, чтобы такимъ путемъ «возвратить Нидерланды». Онъ обращаетъ свой взоръ на Америку и предполагаетъ сосредоточить тамъ главные усилія

²⁾ Переписка Наполеона, т. I.

³⁾ *Histoire philosophique des deux Indes*, liv. I, ch. XVI. СРАВН. NAPOLEON, *Campagne d'Egypte*, ch. IX, *Correspondance*, t. XXX, 12. SAINT-BEUVE, *Causeries du Lundi*, t. VII, статья о Вольней.

Англіи въ то самое время, какъ Бонапартъ замышляетъ нападеніе на ея колоніи. «Я склоняюсь къ мысли,—пишетъ Питтъ своему брату въ августѣ 1795 г.,—что придется измѣнить наши проекты и что отнынѣ главный центръ нашей дѣятельности долженъ быть въ западной Индіи, гдѣ, какъ я надѣюсь, мы еще можемъ достигнуть успѣховъ, которые уравновѣсятъ французскія завоеванія въ Европѣ»⁴⁾.

За неимѣніемъ поста въ Италіи, Бонапартъ задумывалъ искать службы въ Турціи, возродить военныя силы Оттоманской имперіи, вернуться, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ, къ дѣлу, очерченному барономъ Тоттомъ и выполнить такимъ образомъ на счетъ Турціи часть предпріятій, которыя были-бы упущены изъ вида республикою. Дусе, сдѣлавшійся по выходѣ Обри почти независимымъ въ своей секціи, не пожелалъ липать Комитетъ такого цѣннаго сотрудника.—«Меня причислили къ топографическому бюро Комитета по управленію арміями, на мѣсто Карно», извѣщалъ Бонапартъ брата своего Іосифа 3 фруктидора—20-го августа. «Такъ какъ это назначеніе и постановленіе о немъ Комитета, поручающаго мнѣ управленіе арміями и руководство планами, весьма лестны для меня, то я боюсь, что не захотятъ отпустить меня въ Турцію». Такъ дѣйствительно и случилось. Де Бри констатировалъ, что Бонапарту обязаны «большею частью полезныхъ мѣръ, предложенныхъ для альпійской арміи»; де Бри выразилъ мнѣніе, что Бонапарту слѣдуетъ дать назначеніе или при этой арміи, или по дипломатическимъ дѣламъ. Бонапартъ остался въ бюро; но его успѣхъ продолжался недолго. Дусе вышелъ изъ Комитета 15-го фруктидора—1-го сентября; Лестурнеръ, служившій ранѣе въ корпусѣ инженеровъ, приобрѣлъ первенствующее вліяніе въ военной секціи и принесъ въ нее предубѣжденіе Обри. Въ силу постановленія 29-го фруктидора—15-го сентября, Бонапартъ былъ отставленъ отъ службы за то, что отказался ѣхать къ мѣсту назначенія своего при западной арміи. Онъ покорился. Теперь его знали, у него были друзья и покровители. Онъ сталъ выжидать событій, и ему не долго пришлось ихъ ждать. Дѣйствительно, комитетъ Общественнаго спасенія руководился во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ политикою, которая весьма скоро должна была сдѣлать Бонапарта необходимымъ и внезапно возвысить его до такой роли, о которой онъ и самъ въ то время не помышлялъ.

⁴⁾ STANHOPE, t. II, 345.

ГЛАВА IV.

Условія общаго мира.

1797.

I.

Комитетъ Общественнаго спасенія желалъ дать республикѣ «естественныя границы». Онъ съумѣлъ понять и выбрать тѣ единственныя средства, которыя позволяли достигнуть такихъ границъ, а по приобрѣтеніи ихъ сдѣлать возможною и ихъ защиту. Люди, руководившіе тогда дѣлами, имѣли достаточно времени для изученія и опредѣленія необходимыхъ условій своей системы дѣйствія. Условія эти вытекали изъ самой природы вещей и зависѣли отъ общаго положенія Европы: они не измѣнились, и съ ними съ тѣхъ поръ пришлось считаться всѣмъ послѣдовавшимъ за революціей правительствамъ совершенно такъ же, какъ приходилось принимать ихъ въ соображеніе и Комитету III года. Такъ какъ препятствія со стороны Европы оставались неизмѣнными, то въ приѣмахъ выполненія предпріятія, надъ которымъ послѣдовательно трудились Директорія, Консульство и Имперія, не было иныхъ различій кромѣ тѣхъ, которыя обуславливались ресурсами, доставляемыми въ данное время Франціей, и относительнымъ искусствомъ ея государственныхъ людей.

Республика занимаетъ Бельгію, Люксембургъ, германскія территоріи лѣваго берега Рейна, то есть именно то, что ей желательно включить въ свои предѣлы; но она еще только завоевала эти земли. Для того, чтобы онѣ могли служить полезной оградой для республики, необходимо, чтобы онѣ были уступлены ей законнымъ образомъ; необходимо, чтобы границы, предназначенныя для обезпеченія мира Франціи, были признаваемы и уважаемы всѣми европейскими государствами. Если Франція не можетъ рассчитывать на сочувствіе французской системѣ со стороны Пруссіи, то можетъ спекулировать на алчность ея двора: стоитъ заплатить, и онъ дастъ свою санкцію: достаточно назначить надлежащую цѣну. Остальные германскіе государи послѣдуютъ примѣру Фридриха-Вильгельма на такихъ же условіяхъ. Республика попытается склонить въ свою пользу Австрію, затронувъ ея жажду приобрѣтенія; если же это не удастся, она принудитъ ее къ веденію переговоровъ путемъ двойного нападенія въ Германіи и Италіи и, щедро расплатившись, купить ея согласіе на заключеніе

мира ¹⁾. Но затѣмъ республикѣ останется выполнить другую половину труда и, притомъ, наиболее тяжелую: принудить Англію къ ратификаціи мира, заключеннаго въ ущербъ ея собственной выгодѣ, и заставить ее признать присоединеніе къ Франціи Бельгіи, чему еще со временъ Людовика XIV англичане рѣшились противиться, «хотя-бы для того пришлось продать послѣднія рубашки». Англія противилась этому присоединенію исключительно по коммерческимъ соображеніямъ, а потому единственнымъ средствомъ вынудить ея согласіе представлялось нападеніе именно на коммерческіе англійскіе интересы, такъ чтобы миръ, отъ котораго она отказывается ради этихъ интересовъ, сдѣлался необходимостью, ими же обусловленною. Вслѣдствіе островнаго положенія Англіи, являются возможными только два способа понужденія: повтореніе высадки Цезаря и Вильгельма-Завоевателя, то есть крайне рискованное и невѣрное предпріятіе или блокада, которая отрѣзала-бы англичанъ отъ континента: мѣра чудовищная и гиперболическая, не соответствующая размѣрамъ самаго предмета борьбы, но вмѣстѣ съ тѣмъ единственная, на которую можно было рѣшиться. Эта мѣра требовала, въ видѣ предварительнаго условія, подчиненія континента супрематству Франціи и коалиціи европейскихъ государствъ противъ Англіи.

Такіе способы дѣйствія присущи системѣ естественныхъ границъ. Они связаны между собою чисто роковымъ образомъ. Простая ораторская логика приводила къ нимъ ритор Барера такъ же, какъ діалектика привела къ нимъ философа Сіейса. Первый комитетъ Общественнаго спасенія, во время первоначальнаго завоевательнаго импульса, уже предвидѣлъ ихъ: они затушевались затѣмъ фразеологіей «карманьоловъ» и разсѣялись во время дипломатическаго бездѣйствія террора. По совершеніи завоеванія, комитетъ Общественнаго спасенія III года возвращается къ этимъ способамъ, обсуждаетъ, упорядочиваетъ ихъ и, наконецъ, примѣняетъ.

«Союзъ съ Голландіей», пишетъ Комитетъ, «даетъ тотъ, быть можетъ, наиболее выгодный результатъ, что отстраняетъ англичанъ отъ континента и запираетъ его имъ на время войны, отъ Байонны до Фриза и нѣсколько выше, такъ же, какъ запираетъ и Сѣверныя моря. Такимъ образомъ внутренняя германская торговля возвращается въ свои естественные каналы... Лишенная громаднхъ рынковъ, раздираемая внутренними мятежами и движеніями, Англія будетъ поставлена въ крайне-затруднительное положеніе относительно своихъ колониальныхъ и азіатскихъ товаровъ. Нераспроданные товары упадутъ въ цѣнѣ, и англичане изнемогутъ отъ избытка

¹⁾ Кампаніи 1796 и 1797 г. въ Италіи и въ Германіи: Трактатъ, заключенный въ Кампо-Форміо.—Кампанія 1800 г. въ Италіи и въ Германіи: Люневильскій трактатъ.

подобно тому, какъ они хотѣли побѣдить французовъ голодовкой. «Мы желали-бы, чтобы г. Приарте подобно намъ оцѣнилъ важность трактата, который, будучи вскорѣ принятъ и Португаліей, можетъ запереть нашему общему врагу двери европейскаго материка отъ Гибралтара до Текселя...» «Мы съ живѣйшимъ интересомъ выслушаемъ заявленія, которыя пожелаетъ сдѣлать г. Приарте по поводу средствъ образованія при содѣйствіи Испаніи Итальянской конфедераціи, въ видахъ освобожденія Италіи отъ господства императора». Франція, Испанія и Италія одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы положить конецъ насиліямъ Англіи и прогнать англичанъ изъ Средиземнаго моря ²⁾).

Составивъ такой планъ, Комитетъ предпринимаетъ одновременное выполненіе его повсюду. Италія не любитъ ни Франціи, ни республики. «Было вполнѣ очевиднымъ,—сообщаетъ одинъ изъ агентовъ ³⁾,—что пока мы не восторжествуемъ въ Италіи силою оружія, мы не получимъ тамъ ни безопасности путемъ нейтралитета, ни выгодъ завоеванія. Всѣ мѣстныя предубѣжденія возстали противъ насъ... Народъ, возбуждаемый духовенствомъ и гнусѣйшими декламациями эмигрантовъ, готовъ при первомъ движеніи на величайшія жестокости противъ французовъ». Неаполитанскій Бурбонъ отлаживаетъ, а затѣмъ и отклоняетъ миръ, на который одно время соглашался. Онъ не признаетъ и отвергаетъ посредничество Испаніи. У Франціи на всемъ полуостровѣ только одинъ вѣрный другъ, Манфредини; но кредитъ этого министра поколебленъ. Въ самой Флоренціи, изгнанный туда Алфіери стремится пробудить національный духъ своихъ соотечественниковъ и внушаетъ любовь къ итальянской независимости, раздувая ненависть къ французамъ. Онъ пишетъ именно въ это время свою знаменитую сатиру: *Misogallo*. Пьемонтъ, несмотря на свое бѣдственное положеніе, стоитъ за войну. Но для того, чтобы дойти до другихъ итальянскихъ государствъ и подчинить ихъ, необходимо обезпечить себя прохожденіе чрезъ Пьемонтъ и имѣть его въ своемъ распоряженіи. Республика вторгнется въ него, побѣдитъ, принудитъ къ миру и, уступивъ ему Ломбардію, сдѣлаетъ изъ него если не союзника, то невольнаго пособника. Наемниками республики будутъ сами короли. Она станетъ вербовать ихъ силою, приобрѣтаетъ ихъ помощь, дѣйствуя на ихъ алчность, сдерживать ихъ страхомъ.

Справившись съ Савойцемъ, республика принялась за испанскаго Бур-

²⁾ Инструкціи Нозля, французскаго посланника въ Гагъ въ августѣ 1795 г.

³⁾ Посланникъ при тосканскомъ дворѣ Mio, съ мая 1795 г. *Mémoires de Miot*, t. I, 68. *FRANCINETTI*, t. I, 97.—Вотта, t. I, 318. *MARESCA*, *ZEISSBERG*, t. V. Письма Фердинанда IV и Маріи Каролины: Донесенія Эстергази, Розенберга и Жерардини: Неаполь, Флоренція, Туринъ.

бона. Она предоставила ему роль старшаго адмирала. Испанцы ненавидѣли французовъ и питали отвращеніе къ ихъ революціи. При испанскомъ дворѣ царил интрига, двоедушіе, слабость; въ средѣ испанскаго народа все было враждебно французамъ: національная традиція, страсти и интересы.

Цареубійственное правительство III года потребовало отъ монархической Испаніи тѣхъ же обязательствъ, тѣхъ же жертвъ и той-же вѣрности, которыхъ ожидали отъ нея короли Бурбонскаго дома во Франціи. Пресловутый *семейный договоръ*, заключенный въ силу кровнаго родства и едва поддерживаемый, такъ какъ испанцы желали его отмѣны, долженъ былъ по волѣ Комитета превратиться въ *національный договоръ*. Глава *семейства* былъ казненъ, а народы—испанскій и французскій—ненавидѣли другъ друга. Общимъ интересомъ у нихъ была только борьба противъ Англіи; но ожидать, чтобы Испанія, ради огражденія своихъ колоній отъ революціи, а торговли—отъ конкуренціи, начнетъ съ союза съ республикою, распространяющею эту революцію, и разорить свою торговлю, объявивъ войну англичанамъ, контрабанды которыхъ такъ сильно опасалась,—это значило предполагать у Испаніи странное ослѣпленіе. Однако Комитетъ потребовалъ отъ нея: торговый трактатъ, трактатъ общаго союза, наступательный и оборонительный, повсемѣстное подчиненіе испанской политикѣ французской; 15 кораблей, 6 фрегатовъ, 4 корвета, 18.000 пѣхоты, 6000 кавалеріи; наконецъ, подтвержденіе условій семейнаго договора, вопреки исчезновенію къ нему повода. О такого-то рода трактатѣ долженъ былъ Бартеlemi вести переговоры съ Приарте, или, точнѣе говоря, продиктовать ему такой договоръ ⁴⁾

Подобный же трактатъ долженъ былъ продиктовать голландцамъ назначенный посланникомъ въ Гагу Нозль. Для упроченія и плодотворности союза между обѣими республиками, слѣдовало-бы, чтобы Голландія нашла въ союзѣ съ Франціей не только миръ, но и расширеніе своей торговли и покровительство своимъ колоніямъ. Она же находила въ немъ внутреннюю смуту партій, войну съ Англіей, утрату своихъ колоній, разореніе своей торговли. Она должна содержать 28.000 окупационнаго французскаго войска: войско это было въ лохмотьяхъ и голодало, и, кромѣ того, когда оно экипируется, приобрѣтаетъ продовольствіе, оно уйдетъ, а на смѣну ему явятся другія войска, также голодныя и оборванные. Союзъ при такихъ условіяхъ становится все болѣе и болѣе убыточнымъ, но

⁴⁾ Инструкціи Бартеlemi отъ 4—6 фруктидора, 21—23 августа 1795. Черновая набросана Сиейсомъ.—*Revue historique, La diplomatie française en Espagne*, 1795—1796, t. XIII, 241—254.

это-то и требуется для республики въ видахъ извлеченія изъ Голландіи ожидаемыхъ выгодъ. Покорность Голландіи считается залогомъ ея независимости; но покорность эта такого свойства, что подрываетъ самую независимость. «Это», пишетъ Комитетъ, — «независимое государство; существованіе его обезпечено французскимъ оружіемъ, признано торжественно-заключеннымъ трактатомъ, который послужитъ образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ договоровъ, и будетъ подчинено благоразумію собственнаго образа дѣйствій и условіямъ своего внутренняго устройства».

Однако послѣдствія, вытекающія изъ системы, захватываютъ несравненно болѣе обширный районъ дѣйствія, и Комитету приходится слѣдовать по этому пути до конца, иначе система не будетъ исполнѣ проведена. Она представляетъ собою цѣпь — оборвется одно звено, и разрушится связь цѣлаго. Недостаточно запереть Средиземное море для англичанъ и запретить имъ доступъ на континентъ отъ Гибралтара до Текселя, если останется открытымъ для нихъ Балтійское море и если русская торговля сдѣлается союзницей британской. Слѣдовательно нужно, чтобы и Россія была если не блокирована, то по крайней мѣрѣ отодвинута и подчинена. Эту задачу предлагается выполнить нейтральнымъ Даніи и Швеціи. Комитетъ не перестаетъ побуждать ихъ къ тому. Онѣ отказываются, потому что понимаютъ, что ближайшимъ слѣдствіемъ будетъ конфискація ихъ товаровъ, сожженіе портовъ, однимъ словомъ, ихъ собственное разореніе вслѣдствіе союза между русскими и англичанами. Бернсторфъ не только не соглашается на комбинацію, предложенную Швеціей, но откладываетъ признаніе французской республики до того времени, когда это признаніе не будетъ представлять неудобствъ для Даніи, то есть до заключенія общаго мира. Этотъ отказъ Даніи повергаетъ въ уныніе шведскаго регента, и шведское правительство уже не хочетъ слышать ни о чемъ, кромѣ нейтралитета. Но и для поддержанія такого, отвѣчающаго его собственнымъ интересамъ, нейтралитета оно проситъ субсидіи у Франціи. Комитетъ соглашается дать ему десять милліоновъ, въ видѣ вознагражденія, и обѣщаетъ по четыреста тысячъ ливровъ на каждый корабль и по двѣсти тысячъ — на фрегатъ, въ случаѣ снаряженія флота для собственной защиты Швеціи во время войны. Швеція покоряется этимъ условіямъ, и трактатъ подписывается 28-го фруктидора — 14-го сентября 1795 г. Но союзъ откладывается на неопредѣленный срокъ и съ нимъ улетучиваются: важный проектъ союза нейтральныхъ государствъ и всѣ диверсіи въ Турціи и Польшѣ ⁵⁾.

⁵⁾ Текстъ трактата можно найти у Fain'a, p. 426, Стать Комитету, 26-го іюля 1795. Комитетъ Грувелю 10-го іюля. Стать Комитету 8, 9, 29-го ав-

Вернинакъ вручаетъ министрамъ султана прекрасно составленный меморій. Турки съ обычною своею вѣжливостью затягиваютъ дѣло, будучи убѣждены въ томъ, что нейтральныя государства не двинутся съ мѣста; что республика ведетъ съ Австріей тайные переговоры о мирѣ; что по заключеніи этого мира она не станетъ поддерживать Порту въ войнѣ, въ которую вовлекла-бы ее, наконецъ и въ томъ, что соглашеніе съ Пруссіей есть основа всѣхъ комбинацій Комитета и что Пруссія никогда не согласится на возстановленіе Польши. Къ тому же самъ прусскій король озабоченъ предостереженіемъ Турціи. Извѣщенный о заявленіяхъ Вернинака, Фридрихъ-Вильгельмъ написалъ своему посланнику въ Константинополь: «Не можетъ быть ничего нелѣпѣе и фальшивѣе плана, представленнаго господиномъ Вернинакомъ. Смѣшная сторона его такъ очевидна, что ложь должна броситься въ глаза наименѣе проницательнымъ политикамъ». Такимъ-то образомъ содѣйствовалъ прусскій король восточной политикѣ Комитета; но такъ какъ эта политика предполагала, что Пруссія не расчленитъ, а освободитъ Польшу, то Комитетъ и не могъ ожидать ничего большаго отъ прусскаго короля. Тѣмъ не менѣе Комитетъ почувствовалъ себя обманутымъ въ своихъ ожиданіяхъ, и это разочарованіе въ связи съ неудачами, испытываемыми по отношенію къ Германіи, вызвало сильное неудовольствіе настоящимъ поведеніемъ Пруссіи и нѣкоторую тревогу по поводу осуществимости въ будущемъ союза между ея дворомъ и республикою. Дѣло въ томъ, что Комитетъ и прусскій дворъ никакъ не могли придти къ соглашенію даже относительно главной цѣли этого союза.

II.

Германія не переставала требовать мира. Сеймъ, побуждаемый настояніями общественнаго мнѣнія и германскихъ государей, вотировалъ 9-го іюля *conclusum*, приглашающій императора завязать переговоры, а прусскаго короля — оказать дружественное содѣйствіе; но Сеймъ постановилъ въ то же время, что въ основу мира положена будетъ неприкосновенность имперіи, что дѣлало переговоры бесполезными, а услуги Пруссіи — безплодными. Францъ II и Фридрихъ-Вильгельмъ оспаривали другъ у друга супрематство въ имперіи, которую каждый изъ нихъ имѣлъ намѣреніе эксплуатировать, сообразно со своимъ честолюбіемъ, и которую оба одинаково готовы были предать, сообразно съ собственными интересами. Никто, впрочемъ, не заботился объ этой имперіи: ни второстепенные государи, густа. Государственный канцлеръ Сталю, 10-го іюля. Комитетъ Сталю, 30-го августа.

болѣе чѣмъ когда-либо равнодушные къ своему общему дѣлу; ни германцы, отказывающіеся и защищаться и сдаваться, желающіе вести войну не сражаясь, и подписывать миръ, не дѣлая территориальныхъ уступокъ; ни Пруссія, компрометировавшая свой престижъ, стараясь доставить желаемый ими миръ; ни Австрія, пытавшаяся поднять свой кредитъ, приглашая ихъ къ войнѣ, отъ продолженія которой они отказывались. Подкупленные вѣнскіе и берлинскіе публицисты и журналисты вели грубую и ожесточенную полемику. Мелкіе дворы радовались тому, что императоръ и прусскій король осыпаютъ другъ друга оскорбительною бранью: это обезпечивало ихъ безопасность.

Пруссійскій король вернулся изъ Польши утомленный, больной и разстроенный. Миръ съ царевъицами унижалъ его, такъ какъ въ глубинѣ души онъ продолжалъ «ненавидѣть французскія воззрѣнія и думалъ о нихъ то же, что и во время войны съ французами¹⁾. Сознаніе, что ему удалось перехитрить союзниковъ, превратившихся въ соперниковъ, извиняло въ его глазахъ измѣну общему интересу, но не утѣшало при видѣ презрѣнія, выказываемаго ему этими союзниками. Пруссійскій король желалъ быть настолько грознымъ, чтобы имъ восхищались даже тогда, когда онъ проявлялъ предательство: Фридриху II это удавалось: у него для этого было достаточно смѣлости и счастливыхъ случайностей; преемнику же его это оказалось не подъ силу, и онъ испытывалъ смущеніе и стыдъ чловѣка, бросившагося въ дурное общество ради пріобрѣтенія крупнаго барыша, но не обладающаго ни достаточнымъ цинизмомъ для того, чтобы бравировать порицаніемъ своего круга, ни достаточнымъ характеромъ, чтобы пренебрегать имъ. Онъ окружалъ себя французскими эмигрантами и гаерами: козни однихъ и шутовство другихъ развлекали его. Свирѣпо подавляя нѣмецкое свободомысліе, онъ какъ бы исполнялъ договоръ, который вынужденъ былъ заключить съ парижскими безбожниками, и браня съ эмигрантами новые порядки, онъ старался забыть объ уступкахъ, сдѣланныхъ имъ якобинцамъ.

Минута была неблагоприятна для того, чтобы заговорить съ нимъ объ этомъ рода французахъ. Онъ не хотѣлъ слушать никакихъ внушеній. Гарденбергъ пріѣхалъ въ Берлинъ 9-го іюня испросить королевскихъ приказаній, и ему было предписано не допускать переговоровъ объ общемъ мирѣ иначе, какъ на основаніи *status quo ante bellum*, то есть положенія вещей, существовавшего до войны. Гарденбергъ былъ взволнованъ видами Австріи на Баварію и готовностью, съ какою республика могла дать согласіе на обмѣнъ. Король и его министры посовѣтовали своему послан-

¹⁾ Донесеніе Кобенцеля, по словамъ русскаго посланника въ Берлинѣ Алопеуса, 14-го августа 1795 г. ZEISSBERG, t. V, 326.

нику не слишкомъ шумѣть объ этомъ дѣлѣ, не доводить его до скандала. Они имѣли основательныя причины рекомендовать такого рода сдержанность. Договоръ, заключенный 23-го января 1793 г. между Россіей и Пруссіей, предвидѣлъ и даже подготовилъ пріобрѣтеніе Австріей Баваріи. Пруссія вела переговоры въ Петербургѣ съ цѣлью пріосодиненія Австріи къ союзу. При такихъ обстоятельствахъ неудобно было бы указывать на принципы, проявлять горячее рвеніе въ пользу конституціи германской имперіи, или негодовать по поводу замысловъ вѣнскаго двора.

Гарденбергъ возвратился въ Базель въ большомъ смущеніи. Онъ устранилъ всякую мысль о союзѣ съ Франціей и снова повторялъ, что миръ можетъ быть заключенъ только въ такомъ случаѣ, если Франція откажется отъ лѣваго берега Рейна. Затѣмъ, такъ какъ трехмѣсячный срокъ пріостановки военныхъ дѣйствій, установленный статьею VI трактата 16-го жерминаля для покровительствуемыхъ прусскимъ королемъ южно-германскихъ государствъ, уже истекъ, Гарденбергъ попросилъ для нихъ перемирія. Комитетъ отказалъ ему въ этомъ. Тѣмъ временемъ Ребель пріѣхалъ для осмотра военной арміи и посѣтилъ базельское посольство. Гарденбергъ сдѣлалъ ему визитъ. Свиданіе имѣло оффиціальныя характеръ и ограничилось обмѣномъ вѣжливостей. Гарденбергу оставалось только жаловаться. Не зная о тайныхъ переговорахъ своего государя съ Россіей, онъ искренно жаловался на то, что Комитетъ готовитъ революціи въ Германіи и выражался въ тонѣ, обличавшемъ скорѣе добраго ганноверца, чѣмъ прусскаго дипломата. Онъ напоминалъ Франціи о ея традиціяхъ: «Неужели,—говорилъ онъ Бартеlemi,—васъ не страшитъ тотъ порядокъ вещей, который неминуемо установился бы въ имперіи? Всѣ мелкіе государи были бы уничтожены, остались бы одни крупныя государства: много ли вы выиграли бы отъ этого?» Но суть дѣла была въ томъ, что посредничество ускользало отъ Пруссіи. Кассель, Дармштадтъ, Виртембергъ и Баденъ, угрожаемые возобновленіемъ непріязненныхъ дѣйствій, хлопотали о мирѣ, непосредственно защищая свои интересы въ «гостиной» Бартеlemi. Для республики это было выгодно. Гарденбергу приходилось только слушать и затѣмъ объявить, что онъ удалится до того времени, когда республика и имперія потребуютъ его услугъ для заключенія мира между ними.

Комитетъ Общественнаго спасенія увидѣлъ, что ему нечего ждать отъ пруссаковъ. Онъ попытался обойтись безъ ихъ содѣйствія. Война съ Австріей готова была возобновиться. Комитетъ рѣшился одновременно вести и переговоры и военныя дѣйствія, въ видахъ принужденія Австріи къ миру. Онъ предписалъ Грувеллю 25-го термидора—12-го августа сдѣлать заявленія въ этомъ смыслѣ въ Копенгагенѣ. Грувеллю разрѣшалось принимать и передавать всѣ предложенія, которыя будутъ сдѣланы вѣнскимъ дво-

ромъ чрезъ посредство Бернсторфа. «Вы можете,—прибавлялъ Комитетъ,—заявить чрезъ посредство этого министра посланнику императора г. Лудольфу, что наши намѣренія такъ же миролюбивы, какъ и намѣренія его двора, что нами не руководитъ ожесточеніе и что мы далеки отъ того, чтобы видѣть въ комъ бы то ни было естественнаго врага...» Въ то же время Комитетъ далъ Бахеру полномочіе по вопросу объ обмѣнѣ принцессы Маріи-Терезіи-Шарлотты. Переговоры по этому поводу могли косвеннымъ путемъ привести и къ переговорамъ о мирѣ. Но всѣ эти посредничества были слишкомъ медленны. Комитетъ рѣшилъ сдѣлать непосредственную попытку чрезъ тайнаго агента въ Вѣнѣ. Для этой цѣли онъ обратился къ авантюристу, общавшему нѣкогда Комитету свои услуги, увѣрявшему, что имѣетъ возможность проникнуть къ самому Тугуту и въ вѣнское канцлерство. Это былъ эксъ-маркизъ де-Потеръ.

Этотъ выбитый изъ колеи дворянинъ обладалъ всѣми свойствами тайнаго дипломата временъ Фридриха или Людовика XV; суровыя времена низвели его на степень тайнаго политическаго агента. Подвергнутый тюремному заключенію во время террора, онъ осаждалъ теперь Комитетъ своими проектами и записками. Онъ писалъ ихъ во всякомъ родѣ и вкусѣ, но преимущественно въ духѣ завоеванія и дипломатическаго цинизма. Потеръ познакомился съ Буасси и успѣлъ внушить ему свои взгляды. «Дѣло не въ томъ, чтобы разсматривать, справедливы ли и законны ли мѣры, которыя я вамъ предлагаю... слѣдуетъ рѣшить, дѣйствительны ли онѣ и удобны ли.... Взгляните на образъ дѣйствій государей за послѣдніе полвѣка, и вы увидите полный курсъ ловко выполненныхъ интригъ и всякаго рода гнусностей... Поступайте по примѣру обоихъ императорскихъ дворовъ и прусскаго короля въ эпоху раздѣла Польши: пусть говорятъ, что хотятъ, но дайте себѣ возможность поддержать свою операцію... Нужно вести переговоры со всѣми, и въ одно и то же время... Общайтесь имъ все, что у васъ попросятъ, предоставляя себѣ предоставить только то, что вы пожелаете дать... Не скупитесь на деньги въ иностранныхъ кабинетахъ, или по крайней мѣрѣ дайте понять, что вы не будете скупиться... Обманывайте ихъ, если того потребуютъ ваши интересы... Въ особенности же объявите вѣчную войну Англіи.... Заявляйте громко о своей системѣ и о границахъ, которыя желаете сохранить.... Поддерживайте это заявленіе, выставивъ значительныя военныя силы. Тогда всѣ заинтересованныя державы примутъ свои мѣры: крупныя обернутъ мелкыхъ, въ видахъ обезпеченія себѣ вознагражденія... А вы будете держать среди нихъ вѣсы въ своихъ рукахъ».

Это не было закономъ чести, но это было тѣмъ правиломъ, которымъ руководились политики восемнадцатаго вѣка, и въ такомъ тонѣ слѣдовало

говорить, чтобы быть понятнымъ въ европейскихъ канцлерствахъ. Рѣчи маркиза Потеръ вполне согласовались съ придворнымъ слогомъ того времени ²⁾. Комитетъ имѣлъ уже случай къ нему примѣниться. Поэтому онъ и теперь не оскорбился. Предложенія маркиза были приняты, и 5 фруктидора—22-го августа Комитетъ рѣшилъ послать его въ Вѣну, поручивъ Буасси слѣдить за его перепискою.

Потеръ потребовалъ въ видѣ предварительнаго условія, чтобы республика публично заявила о томъ, какого рода политики будетъ держаться, и указала на желаемыя ею границы. Требовалось высказаться о присоединеніи лѣваго берега Рейна. Комитетъ уже готовилъ къ нему прирейнское населеніе. Громадное большинство этого населенія желало этого присоединенія, или покорялось ему. Для него это означало установленіе порядка и выходъ изъ тягостнѣйшаго положенія только что завоеваннаго края. Присоединеніе не возбуждало у него иллюзій, республика же приступала къ нему безъ всякаго энтузіазма. Революція отбросила свои идеалы 1789 г. и 1792 г. Французы перестали думать объ освобожденіи завоеванныхъ народовъ, а эти народы уже не стремились къ независимости. И тѣ и другіе думали лишь о томъ, чтобы жить, избѣжать возвращенія стараго порядка, пользоваться гражданскими правами, купленными такою дорогою цѣною. Желанія покоренныхъ согласовались въ этомъ случаѣ съ государственною необходимостью и желаніями самихъ французовъ. «Не постигаю,—писалъ Ребель,—какъ можно предлагать отказаться отъ Бельгіи и Палатината. Прежде всего это значило бы постыдно сдѣлать несчастными жителей этихъ странъ, дрожащихъ при мысли о возвращеніи господства своихъ деспотовъ... Затѣмъ, только измѣнники могли бы рѣшиться уступить такую плодотворную провинцію... Говорили объ основаніи республики во Фландріи, какъ будто такъ легко основывать республики!» ³⁾.—Сами противники присоединенія въ краѣ соглашались на присоединеніе, сообщалъ представитель республики Ришаръ. Они говорятъ намъ: «вы сдѣлали насъ столь несчастными; состояніе неизвѣстности, тоскливаго ожиданія и безпокойства, въ которомъ вы насъ дер-

²⁾ См. въ *La question d'Orient au dix-huitième siècle* t. I, ch. I, о способахъ дѣйствія дипломатовъ. «10-го мая 1795 г. послѣ бесѣды съ княземъ Голенлоэ (пруссаконъ), австрійскій дипломатъ Дитрихштейнъ писалъ Тугуту: «...Оставимъ ихъ вѣрить... обманемъ ихъ въ свою очередь, употребимъ по отношенію ихъ тѣ-же средства, которыми сами они пользуются; пусть они считаютъ меня молодымъ и обманутымъ, и пусть обмануты сами; укажите мнѣ, какія именно ложныя призванія я долженъ сдѣлать, напишите мнѣ письма, якобы секретныя и которыя я могъ бы показать...»—ZEISSBERG, t. V, 204. Рѣчи, которыя велъ Марковъ въ декабрѣ 1794 и сентябрѣ 1795 года.

³⁾ *Revue historique*, t. XVIII, 308.—ROEDERER, *Oeuvres*, t. VI, 106—110.

жите, такъ нестерпимо, что мы предпочитаемъ присоединеніе къ Франціи дальнѣйшему пребыванію въ настоящемъ положеніи». Сторонники республики взяли починъ агитаціи въ пользу адресовъ, и большинство населенія примкнуло къ нему, по крайней мѣрѣ, безъ протеста. Эти адреса начали приливать въ Конвентъ во второй половинѣ августа.

Въ районѣ между Маасомъ и Рейномъ, представители французской республики устроили временное управленіе, которое, при помощи болѣе искуснаго взиманія, увеличило доходы фиска, облегчая до нѣкоторой степени и населеніе. Республика неожиданно нашла очагъ пропаганды въ средѣ протестантовъ, происходившихъ отъ французскихъ изгнанниковъ и желавшихъ вернуться къ своей первоначальной національности. Впрочемъ въ этомъ прирейнскомъ населеніи отсутствовали національныя традиции и династическія привязанности. «Оскорбляемые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ революціонными движеніями, — пишетъ одинъ изъ членовъ Конвента, — ослабленные бѣдствіями, принижены деспотизмомъ, они впади въ какой-то нравственный маразмъ; много разъ обманутые, они сдѣлались недовѣрчивыми, но они честны и не утратили любви къ свободѣ; событія какъ бы ошеломили ихъ. «Слѣдуетъ немедленно воспользоваться этимъ, привязавъ ихъ къ республикѣ. Всѣ восхищаются республикою и боятся французскаго оружія. Всѣ склоняются предъ «величіемъ народа». «Всѣ безропотно покорятся закону великой націи, побѣдоносной націи, предъ которой поникла гордость вступившихъ въ коалицію монарховъ».

Вопросъ о присоединеніи обсуждался въ Парижѣ между прочимъ и въ періодической печати. Одинъ изъ депутатовъ рейнскаго Конвента, Гофманъ, предложилъ двѣ преміи, одну въ четыре, другую въ двѣ тысячи франковъ за сочиненіе на тему: «Въ интересахъ ли французской республики отодвинуть ея границы до Рейна?» Послѣ такой подготовки общественнаго мнѣнія, Буасси заявилъ съ трибуны 6-го фруктидора—23-го августа о намѣреніяхъ Комитета. Его уснащенная риторикою рѣчь имѣла цѣлью успокоить робкихъ, привлечь колеблющихся и устрашить враждебныя правительства. Буасси особенно старался доказать, что Комитету извѣстна обратная сторона Европы и что напрасно пытались бы обмануть его. Намѣренія державъ изложены были напыщеннымъ слогомъ, но весьма точно. Особенно рельефно очерчена была роль Россіи: «Мы находимся на одномъ концѣ Европы, она — на другомъ; насъ не разъединяютъ никакіе непосредственныя пререканія или распри: слѣдовательно мы могли бы быть съ ними друзьями»; но Екатерина не пожелала этого и воспользовалась общимъ смятеніемъ «для приведенія въ исполненіе своихъ обширныхъ плановъ, постоянно стремясь къ неиспроверженію Полумѣсяца и распространенію своего господства на его государство». Буасси шадилъ въ

своей рѣчи англійскій народъ, но клеймилъ Питта и его правительство. Въ заключеніе всѣ приглашались къ миру. «Республика... заставляетъ своихъ враговъ восхищаться ея мужествомъ и радоваться ея умѣренности...» Она... «должна постепенно соединить всѣ правительства, желающія возстановленія въ Европѣ равновѣсія и поддержанія общественнаго спокойствія...» Такова была торжественная и благородная декорація политики, истинный характеръ которой такъ цинично разоблачалъ Потеръ.

«Ручаюсь тебѣ, что лѣвый берегъ Рейна остается за нами», писалъ Мерленъ де Дуэ два дня спустя послѣ того, какъ Буасси прочелъ свой докладъ. «Нужно перейти чрезъ Рейнъ какъ можно скорѣе. Тогда нетрудно будетъ договариваться съ Австріей, и если необходимо пожертвовать Баваріей, что же дѣлать, мы перескочимъ и черезъ это!» Преданный Комитету комиссаръ Робержо прочелъ 16-го фруктидора—2-го сентября въ Собраніи отчетъ о своей миссіи въ завоеванныхъ краяхъ. Онъ разсматривалъ и обсуждалъ вопросъ о Рейнѣ; онъ ссылался на желаніе населенія и на государственную необходимость и приходилъ къ заключенію о полезности присоединенія всего лѣваго берега Рейна. Маасъ казался ему недостаточною границей, такъ какъ онъ слишкомъ облегчалъ бы нападеніе ея врагамъ». «Франція унизила бы себя въ глазахъ Европы, если бы съ такою легкостью согласилась отказаться отъ плодовъ своихъ завоеваній... Наша конечная цѣль при окончаніи войны, заключая миръ съ державами, укрѣпить республику... Миръ, приращеніе территоріи, увеличеніе войска, умноженіе богатствъ окончательно утвердятъ республику и несомнѣнно обезпечатъ ея благосостояніе...» Конвентъ удалось убѣдить, а Европу—предупредить; но не такъ легко было убѣдить Австрію, какъ думалъ Мерленъ, основываясь на плохой репутаціи вѣнскаго двора и увѣреніяхъ маркиза Потеръ.

Австрія впрочемъ не слишкомъ заботилась объ имперіи, ея границахъ и вольностяхъ. Противники Пруссіи въ Германіи заклинали императора сдѣлаться возстановителемъ величія Германіи. Одинъ публицистъ написалъ брошюру подъ заглавіемъ *Германія и Польша*, въ которой указывалъ на катастрофы, предреченныя пророками всякому дому, страдающему внутреннимъ разъединеніемъ. Онъ противопоставлялъ Пруссіи, молодой, но уже разлагающейся державѣ, искусственно и непрочно созданной геніемъ Фридриха и интригою Бурбоновъ, почти не германской, измѣнившей Германіи, — древній, славный, непоколебимый и вѣрный Габсбургскій домъ. Далѣе публицистъ клеймилъ Сеймъ, этотъ театръ козней князьковъ, конгрессы интригановъ, всесильный, когда дѣло идетъ объ услугахъ соперничеству государствъ, безсильный, когда приходится

защищать отечество. «Возстаньте, германцы, во имя императора!—воскли-
цалъ другой патріотъ.—Будемъ просить его, чтобы онъ далъ намъ па-
лату общинъ, въ которую мы сами будемъ назначать своихъ представи-
телей, и тогда увидятъ, гдѣ лучше станутъ защищать германскую честь—
въ Нижней палатѣ нѣмецкой буржуазіи, или въ Верхней, состоящей изъ
германскихъ князей». Люди, говорившіе такимъ языкомъ, были провоз-
вѣстниками новаго движенія, и ихъ рѣчи представляли странный отзвукъ
французской революціи въ Германіи. Но этотъ отзвукъ слабѣе, чѣмъ гдѣ
бы то ни было, слышался именно при вѣнскомъ дворѣ. Дворъ этотъ увѣ-
щивалъ Сеймъ отстаивать права имперіи и въ то же время договари-
вался въ Петербургѣ о нарушеніи этихъ самыхъ правъ; онъ воодуше-
влялъ второстепенныя государства къ отпору захватовъ, чинимыхъ рес-
публикою, и хлопоталъ объ экспроприаціи въ свою пользу главнаго изъ
этихъ государствъ—Баваріи, при содѣйствіи Россіи.

Тугутъ былъ неисчерпаемъ, когда дѣло касалось канцелярскихъ ухищ-
реній. Вращаться въ германскомъ лабиринтѣ—было для него игрою. Сеймъ
постановилъ 3-го іюля веденіе переговоровъ о мирѣ, при дружественномъ
содѣйствіи Пруссіи. Императоръ утвердилъ этотъ *conclusum* 29-го іюля,
добавивъ, что такъ какъ вопросъ о мирѣ еще не созрѣлъ, то и друже-
скія услуги несвоевременны: однако онъ не будетъ имъ противиться въ
случаѣ надобности, лишь бы миръ, доставленный прусскимъ посредниче-
ствомъ, былъ сообразенъ съ желаніями Сейма, то есть обезпечивалъ бы
неприкосновенность Имперіи. Тугуту было хорошо извѣстно, что одной этой
оговорки достаточно для парализованія прусской дипломатіи. Онъ напи-
салъ императорскому агенту въ Даніи, чтобы тотъ ходатайствовалъ у дат-
скаго двора о посредничествѣ для императора, въ виду заключенія мира
съ Франціей. Это было платоническимъ удовлетвореніемъ нѣмцевъ и сред-
ствомъ заставить французовъ объявить официальнымъ образомъ о своихъ
видахъ на Рейнъ. Тугутъ надѣялся, что подобное заявленіе сдѣлаетъ не-
возможнымъ какое бы то ни было соглашеніе. Онъ желалъ войны, гото-
вился къ ея возобновленію, а для того, чтобы придать ей болѣе дѣятель-
ный характеръ, лишилъ главной роли человѣка, котораго называлъ «рейн-
скимъ трусомъ»—Клерфѣ. Его замѣнили Вурмзеромъ.

Мотивы, побуждавшіе императора усилить непріязненные дѣйствія про-
тивъ республики, были тѣ же, какіе заставляли прусскаго короля пре-
рвать переговоры: раздѣлъ Польши близокъ былъ къ осуществленію. Ту-
гутъ встревожился нѣсколько недѣль спустя по заключеніи Базельскаго
трактата: ему уже представлялась Пруссія, вторгающаяся въ Богемію, и
онъ докучалъ Россіи непрерывными просьбами о помощи. Мало-по-малу
онъ успокоился, убѣдившись, что Фридрихъ-Вильгельмъ не могъ и не же-

лалъ отдавать Германію въ руки республики, чтобы отправиться воевать
съ Австріей. Но, рассчитывая на презрѣніе, оказываемое при всякомъ
случаѣ Екатериною прусскому королю, онъ попытался вовлечь импера-
трицу въ воинственные мѣропріятія противъ этого государя. Обязать
Россію добиться, быть можетъ, въ случаѣ разрыва, подавленія прусса-
ковъ русскими; это было бы мастерскимъ ударомъ, и Тугутъ, чтобы по-
будить императрицу согласиться на такую мѣру, не щадилъ ни жалобъ,
ни криковъ отчаянія, ни доносовъ, ни даже угрозъ въ родѣ того, что
Австрія примирится съ республикою, если Россія не успокоитъ ее.

Русскіе дипломаты никогда не придавали серьезнаго значенія этимъ
маневрамъ. Они такъ же настойчиво отстраняли австрійцевъ, какъ тѣ
усердно домогались русской помощи. Екатерина постоянно откладывала
выполненіе обѣщаній относительно борьбы съ революціей; она ссылалась
то на Турцію, то на Польшу, или даже на самую Пруссію и ставила
отправкѣ козаковъ на Рейнъ такія предварительныя условія, невыполни-
мость которыхъ была очевидна, напримѣръ: полученіе англійскихъ субсидій.

Утомившись борьбой и успокоенный къ тому же бездѣйствіемъ прус-
скаго короля, Тугутъ согласился увѣдомить Пруссію о заключеніи договора
3-го января. Сообщеніе послѣдовало 3-го августа и было сдѣлано австрій-
скимъ и русскимъ уполномоченными. Фридрихъ-Вильгельмъ ожидалъ этого
удара, но тѣмъ не менѣе былъ имъ взволнованъ такъ, какъ будто онъ
его постигъ неожиданно. Министры успокоили его, доказывая что въ концѣ
концовъ операція выгодна для Пруссіи и что слѣдуетъ показать себя удо-
влетвореннымъ, хотя бы судьба и ограничивала свои щедроты. Король
написалъ Екатеринѣ, что отказывается отъ Сандоміра; однако продолжалъ
настаивать на своемъ желаніи оставить за собою часть краковскаго вое-
водства. Переговоры по этому поводу возобновились въ Петербургѣ, и Австрія
воспользовалась ими, чтобы потребовать 40.000-го русскаго вспомогатель-
наго корпуса для операцій противъ французовъ.

Твердость, съ которою австрійцы заговорили тогда о возобновленіи
войны, не могла не понравиться императрицѣ; но для того, чтобы побу-
дить ее послать русскихъ драться съ французами, недостаточно было
однихъ рѣчей. Между Екатериной и австрійскимъ императоромъ суще-
ствовало серьезное разногласіе по вопросу о способѣ веденія войны. Импе-
ратрица всегда уклонялась отъ дѣйствительнаго вмѣшательства во фран-
цузскія дѣла и не спѣшила разрѣшать недоразумѣніе, благоприятное для
ея политики. Смерть Людовика XVIII еще болѣе запутала положеніе. Это
событіе портило отношенія союзныхъ государей, и никогда не занимались
такъ много несчастнымъ ребенкомъ, какъ послѣ его смерти.

III.

Графъ Прованскій нашелъ убѣжище въ Веронѣ, на территоріи Венеціанской республики, во все время оказывавшей гостеприимство павшимъ государямъ. Какъ только вѣсть о смерти Людовика XVII дошла до эмигрантовъ, они провозгласили своимъ королемъ его дядю. Провозглашеніе это послѣдовало 24-го іюня въ арміи Конде. Изъ претендента на регентство, братъ Людовика XVI превращался въ претендента на французскую корону; но отъ этого не становились яснѣе его намѣренія относительно способа управленія Франціей, не уменьшалась его непопулярность и не приобреталось уваженіе европейскихъ дворовъ. Агенты претендента умножили свои ходатайства, имѣвшія цѣлью его признаніе. Имъ руководилъ не одинъ монархическій церемоніаль или партійный расчетъ; къ этимъ соображеніямъ примѣшивалась и болѣе возвышенная и политическая мысль: они надѣялись, что державы, которыя признаютъ Людовика XVIII и заключать союзъ съ нимъ, не рѣшатся обирать Францію тою же рукою, которая возвратила бы тронъ ея королю. Такимъ образомъ новый государь нашелъ бы гарантію противъ расчлененія своего государства, посягательство на которое единогласно приписывалось этимъ державамъ ¹⁾.

Такого намѣренія онъ опасался даже со стороны тестя своего, сардинскаго короля, и въ особенности со стороны Австріи. 14-го іюня онъ написалъ императору: «Я неоднократно высказывалъ вашему величеству мое справедливое желаніе выйти изъ бездѣйствія, столь же тягостнаго для меня лично, какъ и противнаго дѣлу, съ такою энергіей защищаемому вашимъ величествомъ... Увѣряя французскій народъ въ томъ, что ваше величество и союзники ваши желаютъ вторгнуться во Францію, они (т. е. вожди французскихъ партій) находятъ солдатъ и будутъ находить ихъ до тѣхъ поръ, пока останется въ силѣ это предположеніе. Я предвидѣлъ такой результатъ уже два года тому назадъ... еще есть время разрушить это роковое мнѣніе, но это можетъ быть произведено лишь сильными средствами». Графъ умолялъ

¹⁾ Сравните мотивы, побудившіе въ 1815 г. Талейрана подписать декларацию 13-го марта, ставившую Наполеона внѣ закона въ Европѣ, и прикнуть къ трактату 25-го марта, возобновлявшему Шомонскій союзъ. «Если желаютъ», написалъ ему Людовикъ XVIII, 22-го апрѣля 1815 г., «чтобы декларация государей произвела ожидаемое дѣйствіе, слѣдуетъ, чтобы, согласно декларации 13-го марта и статьѣ III трактата 25-го марта, Европа объявила себя союзницей короля и французскаго народа противъ вторженія Наполеона Бонапарта, дружественною всему, что заявить себя въ пользу первыхъ, и враждебною всему, что вооружится въ пользу второго; это исключаетъ всякую мысль о завоеваніи и всякую среднюю мѣру, возможность которой не должна быть допускаема». *Mémoires du prince de Talleyrand*, t. III, 166.

императора разрѣшить ему главное командованіе арміей Конде: «Мое присутствіе, мое вступленіе во Францію во главѣ этого почтеннаго корпуса и присоединеніе мое къ его достойному командующему, смѣю утверждать, будутъ вѣрнѣйшею гарантіей чистоты столь много оклеветанныхъ намѣреній вашего величества...» Оффиціальное признаніе Людовика XVIII французскимъ королемъ могло-бы привести къ такому же и еще болѣе яркому результату. Въ такомъ смыслѣ и проситъ о немъ графъ Прованскій. Но именно поэтому Австрія и отказала въ своемъ согласіи.

Только одинъ дворъ видимо склонялся и даже довольно громко подалъ голосъ за Людовика XVIII и его дѣло, а именно русскій дворъ. Россіи не нужна была ни одна частица французской земли: она могла безнаказанно заявлять, что ничего не возьметъ. Это предоставлялось австрійцамъ.

Англичане думали только о колоніальныхъ завоеваніяхъ. Они могли также высказаться за Людовика XVIII, но не нашли нужнымъ этого дѣлать. Лордъ Гренвилль отклонилъ оффиціальное признаніе; впрочемъ онъ прибавилъ въ бесѣдѣ съ герцогомъ Гаркурмомъ: «Англія не можетъ оффиціально вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи; но она желаетъ реставраціи и будетъ содѣйствовать ей чрезъ посредство своихъ союзниковъ». Оставалось договориться съ претендентомъ или, по крайней мѣрѣ, объясниться съ нимъ. Питтъ и его товарищи по Кабинету послали къ нему нѣчто въ родѣ посланника, лорда Макартнея, свѣтскаго человѣка, хорошаго наблюдателя, искренняго роялиста, но лишеннаго монархическаго суевѣрія и политическаго задора. Въ инструкціяхъ, данныхъ ему 10-го іюля, предписывалось прежде всего овладѣть «руководительствомъ образа дѣйствій» претендента; лордъ Макартней долженъ былъ совѣтовать ему обратиться къ французамъ съ манифестомъ, обѣщать имъ амнистію, исключая изъ нея только нѣкоторыхъ царевубійцъ, объясниться по поводу будущей конституціи государства и успокоить лицъ, приобрѣвшихъ національныя земли. Необходимо, однако, чтобы ранѣе своего признанія королемъ французомъ, принцъ доказалъ, что опирается на почтенную и сплоченную партію въ странѣ. Далѣе, онъ долженъ былъ согласиться на объясненіе съ союзниками по вопросу о вознагражденіяхъ: острова для Англіи и исправленіе нидерландской границы для Австріи.

Все это было весьма далеко отъ намѣреній графа Прованскаго. Онъ желалъ быть королемъ безъ ограниченій и условій, внутри какъ и извнѣ. Онъ рѣшилъ гласно заявить о своихъ намѣреніяхъ ранѣе, чѣмъ ему были бы поданы совѣты и потребованы отъ него обязательства. Въ такомъ именно смыслѣ составлена была веронская декларация. Отвергая всякую мысль о договорѣ съ народомъ, графъ Прованскій находилъ недѣйствительною даже гражданскую реформу, дарованную революціей. Онъ пред-

лагалъ Франціи въ даръ, по случаю радостнаго восшествія на престолъ и послѣ того какъ оно состоится во всей полнотѣ верховной королевской власти, только устраненіе нѣкоторыхъ злоупотребленій и положеніе въ скинію короны пресловутыхъ основныхъ законовъ, отыскиваемыхъ издавна юрисконсультами, текста которыхъ никто никогда не видѣлъ, духъ которыхъ истолковывался каждымъ по-своему. Эти-то неумовимые законы окрещены были громкимъ именемъ древней конституціи королевства. Въ этой конституціи имѣлась одна только статья, а именно о верховной власти короля, и представлялась только одна гарантія: политическая доблесть монарха и искусство его министровъ. Макартнею не понадобилось долгаго пребыванія въ Веронѣ для того, чтобы констатировать, что претендентъ и его совѣтники не доставятъ Франціи ни той ни другой изъ этихъ гарантій.

Совѣтъ, состоявшій изъ маршала де Кастри, барона Флаксландена, герцога Вогюйона, маркиза Жокюра и графа д'Аварэ, былъ пустѣйшимъ и недалновидѣйшимъ изъ совѣтовъ. Что касается самого претендента, то лордъ Макартней нашелъ у него спокойное достоинство, привѣтливый взглядъ и горделивую манеру вести бесѣду,—свойства, признававшіяся за нимъ всѣми современниками. Онъ показался ему интеллигентнымъ, образованнымъ, сообщительнымъ, здравомыслящимъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда не примѣнивались предразсудки его воспитанія и предубѣжденія его совѣтниковъ. Онъ былъ весьма исполнительъ въ религиозныхъ обязанностяхъ и не менѣе исправенъ въ своихъ посѣщеніяхъ госпожи Бальби. Но въ этомъ никто не видѣлъ ничего скандальнаго. «Увѣряютъ, что король весьма мало склоненъ къ любовнымъ приключеніямъ». Дворъ былъ мраченъ и унылъ. Замѣчалась нужда: это—рамка изгнанія, и она не лишена величія. Но есть родъ нужды болѣе ужасной и неизлечимой, и она-то въ особенности свирѣпствовала въ Веронѣ: нравственное убожество, плохое пониманіе дѣлъ, людей и требованій времени, упрямство, шедшее наперекоръ силѣ вещей, неспособность чему-нибудь научиться и что-нибудь забыть, политическая парализованность, овладѣвшая старою Франціей и которую не могла излечить перемѣна воздуха, въ особенности же заграничный воздухъ. Это были, такъ сказать, причины революціи, продолжавшія развиваться рядомъ съ революціей какъ-бы для того, чтобы разъяснить ея значеніе людямъ, получившимъ отвращеніе къ ея излишествахъ, сбитымъ съ толку ея заблужденіями и переставшимъ понимать или признавать ея *raison d'être* и могущество.

Эмигранты оказались безжалостными къ Людовику XVI. По ихъ мнѣнію, источникомъ всѣхъ золъ была неспособность и слабость этого государя; главною ошибкою было, по ихъ мнѣнію, созваніе Генеральныхъ Штатовъ: дѣло

шло тогда не о предупрежденіи или направленіи революціи, но о подавленіи вождей мятежа и усмиреніи бунтовъ военною силою. Въ 1795 г. эмигранты продолжали держаться того же мнѣнія. Они не соглашались идти на сдѣлку съ революціей и желали ее уничтожить. Они хотѣли сдѣлать побѣдоносной Франціи, арміи которой переполняютъ всю Европу, только одно предложеніе: отдать себя въ руки партіи, къ которой она питала такой ужасъ и отвращеніе, что во избѣжаніе ея господства боролась со всею Европой и терпѣла унижительную тираннію самого Террора. Вся политика эмигрантовъ заключалась въ восстановленіи стараго порядка, иначе говоря, всѣхъ причинъ, обусловившихъ революцію. «Весьма забавно слышать, какъ они разсуждаютъ о прошломъ счастьѣ всѣхъ слоевъ французскаго общества. Они не понимаютъ, что низшіе классы могли стремиться къ возвышенію, не допускаютъ, чтобы какія-бы то ни было дарованія, помимо случайныхъ преимуществъ, давали право на отличія...» Это-то непониманіе и обуславливало съ каждымъ днемъ становившуюся глубже пропасть между эмиграціей и роялистами, остававшимися во Франціи. Недовѣріе этихъ роялистовъ раздражало эмигрантовъ. Ихъ гнѣвъ усиливался сознаніемъ своей слабости. Они грозятъ и бранятся. Имъ нужна сила, а съ самаго начала войны они вынуждены просить ее у иностранцевъ. Иностранцы гонятъ ихъ, и между изгнанниками-роялистами и ихъ европейскими союзниками продолжаются такіе же безвыходныя столкновенія, какъ и тѣ, которыя проявились между абсолютистскимъ веронскимъ дворомъ и конституціонными монархистами въ самой Франціи.

Изъ всѣхъ союзниковъ эмигрантской монархіи только одна Россія не ставитъ условій и ограниченій, но зато она ничего и не предпринимаетъ; дѣйствуетъ только Англія, но зато она и вмѣшивается въ дѣла монархіи и изъясняетъ притязанія на опеку, которой не терпитъ король. Прося эту союзницу о помощи, онъ боится ея услугъ. Въ глубинѣ души таится у него глухое соперничество, закоренѣлое недовѣріе къ англичанамъ. Классическая ненависть къ Англіи остается одинаково интенсивной и у эмигрантовъ, и у революціонеровъ. Только это чувство и связываетъ эмигрантовъ съ Франціей. Высокое понятіе короля о своемъ званіи, не дозволяющее ему идти на сдѣлку съ Франціей даже въ тотъ моментъ, какъ онъ претендуетъ на возвращеніе, препятствуетъ дѣлать уступки и иностранцамъ, въ то самое время, когда этотъ король получаетъ отъ нихъ субсидіи и проситъ ихъ помощи. Споръ съ англичанами возникъ изъ-за того, что они хотѣли воспользоваться имъ для заключенія мира, сообразнаго съ ихъ собственными интересами, между тѣмъ какъ претендентъ желалъ самъ воспользоваться Англіей для восстановленія французской монархіи во всемъ ея древнемъ величіи. Онъ былъ убѣжденъ, что у Англіи

только одинъ замыселъ: воспрепятствовать монархіи унаслѣдовать силы республики. Если бы онъ отдалъ себя въ руки англичанъ, они злоупотребили-бы своимъ покровительствомъ для парализованія Франціи и задержанія ея подъема. И однако они стремятся къ приобрѣтенію только колоній. Чего же ждать отъ Австріи, претендующей на Эльзасъ, Лотарингію и обѣ Фландріи.

Изгнаніе ничего не измѣнило во враждебности графа Прованскаго къ Вѣнѣ и трактату 1756 года. Въ Веронѣ съ такимъ же озлобленіемъ говорятъ обѣ «австрійской шайкѣ», какъ и въ комитетѣ Общественнаго спасенія. Верона предпочитаетъ Пруссію и Испанію, несмотря даже на ихъ измѣну. И это потому, что обѣ эти державы уступаютъ Франціи территории и не требуютъ отъ нея ничего. Въ средѣ приближенныхъ короля не слѣдуетъ говорить о границахъ, и еще менѣе возможно упоминать о нихъ въ его кабинетѣ. Это абсолютное *poli me tangere*. «Ничто не могло бы имѣть такого рокового вліянія на мои дѣла», сказалъ графъ Прованскій лорду Макартнею, «какъ обязательство или даже тѣнь обязательства относительно уступки городовъ или земель, потому что это одинаково возмутительно-бы всѣхъ французовъ, и роялистовъ, и республиканцевъ». Однако претендентъ сознаетъ неизбежность нѣкоторыхъ уступокъ Австріи; но онъ не сдѣлаетъ ихъ въ ущербъ самой территоріи своего королевства и, во всякомъ случаѣ, надѣется, что онѣ будутъ весьма ограничены. Систему «сораздѣловъ» (*système copartageant*) онъ не одобряетъ. Все честолюбіе его направлено къ восстановленію монархіи въ ея прежнихъ границахъ, и этотъ законъ справедливости и умѣренности онъ хотѣлъ бы положить въ основаніе европейскаго международнаго права. Онъ будетъ искать величія своей короны въ обезпеченіи мира, путемъ гарантіи правъ каждаго. Въ его умѣ уже составила та политическая комбинація, которую онъ попытается провести въ Вѣнѣ въ 1814 году; къ чести его служить, что онъ такъ ясно выработалъ ее среди тумановъ изгнанія и такъ достойно примѣнилъ, сдѣлавшись королемъ Франціи.

Даже при его дворѣ есть роялисты, возмущающіеся при мысли о возвращеніи непріятелю территорій, завоеванныхъ республиканскими арміями; они желали бы украсить монархію завоеваніями революціи. Такова сила традиціонныхъ чувствъ, что эмигранты и республиканцы, столь разъединенные во всемъ остальномъ, оказались согласными въ этомъ вопросѣ. Во внутреннихъ дѣлахъ разногласія были слишкомъ глубоки и закоснѣлы, такъ что никакое соглашеніе не было возможно; къ тому же и задачи были слишкомъ сложны и страсти слишкомъ разгорячены для того, чтобы возможна была самая мысль о соглашеніи. Но когда взоры обращаются къ Европѣ, вопросы упрощаются. Всѣ начинаютъ чувствовать себя фран-

цузами, потому что вѣдь ни Франція, ни Европа не перемѣнили своихъ мѣстъ; интересы, страсти и характеры остались неизмѣнными, какъ продуктъ одной французской земли. Впрочемъ эти проблески патріотическаго чувства у эмигрантовъ были только благородной непоследовательностью. Ихъ подозрительность, высокомеріе, щекотливость, предубѣжденія отталкиваютъ отъ нихъ союзниковъ и не дѣлаютъ ихъ менѣе ненавистными для французовъ. Союзъ съ иностранцами, несмотря на вносимыя въ него эмигрантами оговорки, отворачиваетъ отъ нихъ Францію, а враждебность Франціи отталкиваетъ отъ нихъ иностранцевъ. Возстановленіе монархіи есть единственный объектъ союза эмиграціи съ Европой, а союзъ этотъ препятствуетъ реставраціи. Вотъ причина неудачи переговоровъ Макартнея, также какъ и комплотовъ Викгэма.

Викгэмъ продолжалъ доставлять удовольствіе и прибыль всѣмъ негласнымъ политическимъ агентамъ въ Швейцаріи и Парижѣ. Онъ безконтрольно соглашался на всѣ предложенія и платилъ наличными деньгами по всѣмъ векселямъ. Не было ни одного выдающагося республиканца, не исключая и членовъ комитета Общественнаго спасенія, котораго онъ не считалъ бы подкупленнымъ два или три раза и за котораго онъ не заплатилъ бы щедро комиссіонеру. Однако пришлось и ему убѣдиться, что эти комиссіонеры никогда не выполняли своихъ обязательствъ. Тогда онъ обратился къ принцу Конде и, не будучи въ силахъ произвести возстаніе въ восточной Франціи, попытался, по соглашенію съ Конде, вызвать измѣну одной изъ республиканскихъ армій.

Корреспонденты эмиграціи сообщали о совершавшейся во французскихъ арміяхъ эволюціи и о роли, ожидавшей французскихъ генераловъ. Викгэмъ тѣмъ болѣе легко повѣрилъ имъ, что такая вещь была въ обычаяхъ стараго міра при его переворотахъ. Но и онъ и весьма многіе изъ его современниковъ ошиблись только въ одномъ: они полагали, что возвысившійся путемъ революціи генералъ можетъ узурпировать республику, не олицетворяя ее въ себѣ и не возвеличивая ее. Примѣръ Дюмурье, казалось, долженъ бы былъ объяснить иностранцамъ и роялистамъ, что солдаты, даже популярный генералъ и побѣдитель, но договаривающійся съ иностранцами и эмигрантами, тѣмъ самымъ теряетъ свой престижъ и популярность. Можно было найти смѣлаго авантюриста для попытки, но нельзя было найти ни войскъ, которыя послѣдовали бы за нимъ, ни толпы, которая бы привѣтствовала его. «Въ 1795 году», говоритъ Гувіонъ де Сенъ Сиръ, «дѣла были въ такомъ положеніи, что у новаго Кромвеля были бы шансы на успѣхъ; такихъ шансовъ не было бы еще у какого нибудь Монка». Пишгерю не имѣлъ элементовъ ни того ни другого. Но именно о немъ подумали агенты Викгэма. Голландская кампанія и коман-

дованіе парижскими войсками выдвинули его въ первый рядъ. Довѣряя ему рейнскую армію, Комитетъ поручалъ ему самое важное изъ командованій республики. Онъ слылъ честолюбивымъ и подкупнымъ. Думали, что при соблюденіи приличій, а въ особенности при назначеніи высокой цѣны, возможно будетъ купить его. ²⁾

На самомъ дѣлѣ Пичегрю, которому было въ то время тридцать четыре года, велъ разгульную жизнь, моталъ и погрязалъ въ долгахъ. Онъ вернулся изъ Голландіи, получивъ вкусъ къ роскоши, удовлетворять которому не былъ въ состояніи. Это заставляло его страдать, чего онъ и не скрывалъ. Полный къ тому же самолюбія, заносчивый, не обладавшій ни возвышенностью, ни твердостью характера, подвижной и рѣзкій, горячій, но вмѣстѣ съ тѣмъ себѣ на умѣ и скептикъ, болѣе счастливый, чѣмъ дѣйствительно искусный, болѣе способный пользоваться обстоятельствами, чѣмъ создавать ихъ, человѣкъ удачи и на войнѣ и въ свѣтѣ, хорошій солдатъ, не лишенный находчивости въ дѣлѣ, ловко пробиравшій себѣ дорогу рѣчами и, при случаѣ, доносами, онъ остался въ сущности авантюристомъ и выскочкой временъ стараго порядка. Революція была для него средствомъ личнаго возвышенія, но онъ не вѣрилъ въ прочность республики. Въ противоположность многимъ изъ товарищей по оружію, онъ тайнѣ желалъ реставраціи, которая обезпечила бы ему его положеніе и состояніе. Онъ находилъ, что это-то и будетъ достойнымъ завершеніемъ его поприща. Замокъ Шамбора, маршалство и пенсія Морица Саксонскаго говорили его воображенію несравненно болѣе громко чѣмъ президентство какого-нибудь Вашингтона или даже протекторство Кромвеля. Въ Парижѣ онъ былъ свидѣтелемъ неурядицы, господствовавшей въ Конвентѣ. Онъ видѣлъ собственными глазами, на чемъ держится престижъ собраній; его осаждали всевозможные интриганы; онъ далъ обойти себя и вообразилъ себя политическимъ дѣятелемъ. На него указали принцу Конде, который полагалъ, что будетъ мастерскимъ ходомъ придти къ соглашенію съ Пичегрю для овладѣнія французскою провинціей на глазахъ австрійцевъ.

Великій мастеръ по части интриганства, Рокъ де Монгалльяръ, уже работавшій въ Брюсселѣ во время террора, взялъ на себя устройство заговора. Онъ прислалъ къ Пичегрю швейцарскаго книгопродавца Фоншъ—

²⁾ *Compte rendu à Sa Majesté l'Empereur des Français sur la trahison de Pichegru et de Moreau, par ROCQUES DE MONTGAILLARD.—Mémoire concernant la trahison de Pichegru par ROCQUES DE MONTGAILLARD, Paris, 1804.—Précis historique, par FAUCHE-BOREL. Mémoires de Gouvion Saint-Cyr et de Soult. SAINTE-BEUVE, Causeries du Lundi, статья: Fauche-Borel. FAURIEL, Les derniers jours du Consulat. LOUIS BLANC, t. XII, liv. XVI. MICHEL; Mallet du Pan. ANDRÉ LEBON, L'Angleterre et l'émigration.*

Бореля, рьянаго роялиста, нашедшаго возможность безнаказанно переходить чрезъ границу. Этотъ человѣкъ успѣлъ переговорить съ французскимъ генераломъ, стоявшимъ близъ Гунингена. Пичегрю выслушалъ его безъ всякаго негодованія и потребовалъ разъясненій. Получилъ онъ ихъ въ формѣ письма Монгалльяра отъ 16-го августа; разъясненія были такъ ясны, что не оставляли ничего желать: Пичегрю предполагалось назначить маршаломъ Франціи, даровать ему орденъ Св. Людовика первой степени и сдѣлать губернаторомъ Эльзаса; онъ получилъ бы замокъ Шамборъ, домъ въ Парижѣ, миллионъ ливровъ единовременно и 200.000 ливровъ ежегодно. Армія его будетъ королевскою арміей; она провозгласитъ Людовика XVIII, приметъ бѣлую кокарду и водрузитъ бѣлое знамя въ Страсбургъ и Гунингенъ. Затѣмъ, Конде, немедленно извѣщенный о событіи, произведетъ слияніе своихъ войскъ съ арміей Пичегрю, который передастъ ему въ видѣ обезпеченія страсбургскую и гунингенскую крѣпости. «Съ обѣихъ сторонъ», писалъ Монгалльяръ, «приняты будутъ мѣры къ тому, чтобы не допустить союзниковъ до перехода черезъ Рейнъ».

Пичегрю не считалъ Монгалльяра достаточнымъ залогомъ и потребовалъ, ранѣе чѣмъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ, чтобы Конде подтвердилъ полномочія своего эmissара. Конде согласенъ былъ сдѣлать Пичегрю маршаломъ послѣ того, какъ онъ измѣнитъ республикѣ, но ему показалось крайне затруднительнымъ назвать генераломъ человѣка, который до сихъ поръ билъ только враговъ Франціи. Однако онъ покорился и этому: письмо его было вполне ясно скрѣплено подписью и печатью съ его гербомъ. Фоншъ передалъ его Пичегрю 19-го августа. Пичегрю удовлетворился этимъ письмомъ, согласился разсмотрѣть планъ Конде и нашелъ его неисполнимымъ. «Я не желаю,—сказалъ онъ,—быть третьимъ томомъ Лафайета и Дюмуре. Принцъ былъ бы выгнанъ изъ Гунингена въ четыре дня, а я погубилъ бы себя въ двѣ недѣли. Я знаю солдатъ; не слѣдуетъ давать имъ времени на размышленіе. Нужно увлекать, а не убѣждать ихъ. Къ тому же представители республики торопятъ меня переходить черезъ Рейнъ. Я не могу отказываться. Я перейду съ вѣрными войсками... На правомъ берегу ручаюсь за успѣхъ... У французскаго солдата: «*Да здравствуетъ король!*» сидитъ въ горлѣ. Дать ему вина и золотой въ руку, и онъ будетъ кричать. Тогда смѣшаются роялисты и эмигранты; вмѣстѣ вернемся въ Эльзасъ, всѣ крѣпости откроютъ намъ ворота, и въ двѣ недѣли мы дойдемъ до Парижа. Но необходимо, чтобы принцъ уговорился съ австрійцами и не пускалъ ихъ впередъ». Обманывалъ ли себя Пичегрю? говорилъ ли онъ все это, не вѣря собственнымъ словамъ? Какъ бы то ни было, приключеніе показалось ему заманчивымъ, онъ выслушивалъ предложенія, соглашался на переговоры, если еще не на подкупъ, и, не имѣя

возможности увлечь войска, подчинилъ ихъ движенія своимъ интригамъ. Такимъ-то образомъ онъ впутался въ рядъ сдѣлокъ, затѣмъ заговоровъ, измѣнъ и закончилъ ихъ послѣднимъ эпизодомъ—своимъ самоубійствомъ въ 1804 г.

Эмиссары продолжали сновать изъ одного лагеря въ другой по обоимъ берегамъ Рейна, и время шло, не приводя къ опредѣленному соглашенію. Пишегрю не хотѣлъ сдавать крѣпостей; Конде требовалъ этого. Пишегрю желалъ предварительно заручиться бездѣйствіемъ австрійцевъ, а Конде не могъ общать его, и не потому, чтобы самъ не желалъ этого: онъ ненавидѣлъ своихъ союзниковъ и ему противна была мысль о допущеніи ихъ во Францію; онъ боялся ихъ алчности, наконецъ и не желалъ дѣлать съ Вурмзеромъ чести возстановленія монархіи. Заговоръ онъ велъ помимо ихъ вѣдома. Однако рано или поздно пришлось бы открыть его имъ, и онъ сознавалъ, что тогда и начнутся главныя затрудненія. Ни одного движенія не могъ онъ предпринять безъ содѣйствія австрійцевъ, и онъ заранѣе былъ увѣренъ, что они не дадутъ ему ничего дѣлать безъ гарантій, то есть безъ предоставленія имъ крѣпостей. Пишегрю отказывался повторять дѣйствія Дюмурье, Вурмзера, безъ сомнѣнія, не захочетъ брать примѣра съ Кобурга. При малѣйшемъ поводѣ могла обнаружиться невозможность какого бы то ни было соглашенія.

Тугутъ не любилъ веронскій дворъ. Онъ зналъ, что его понимаютъ тамъ и не питаютъ къ нему уваженія. Онъ держался того мнѣнія, что императоръ долженъ наложить у себя трауръ и что Австрія должна носить его какъ можно долѣе для того, чтобы «показать, что не желаетъ оказывать никакого снисхожденія французскимъ разбойникамъ», а также и для того, чтобы «унизить» прусскаго короля въ глазахъ Европы». Но это былъ бы чисто-семейный трауръ по двоюродномъ братѣ, сыну Маріи-Антуанеты, а не трауръ по Людовикѣ XVII, королѣ Франціи³⁾. Такое весьма дипломатическое различіе дозволило бы избѣжать признанія Людовика XVIII и дать себѣ время принять рѣшеніе, сообразное съ обстоятельствами. Предложеніе обмѣна принцессы Маріи-Терезіи-Шарлотты ставило его въ затруднительное положеніе, и онъ придумалъ лазейку, чтобы избѣжать такого обмѣна: «Было бы крайнимъ неприличіемъ,—писалъ онъ Коллоредо,—соглашаться на обмѣнъ кузины его величества, дочери Людовика XVI, на злодѣевъ, преступно подававшихъ голосъ за смерть ея отца и хвалившихся своимъ преступленіемъ». Тугутъ сознавалъ, что и публика и канцлерства съ трудомъ могли бы понять такую утонченную деликатность. Европа стала бы кричать о безчеловѣчьи: скандалъ и уни-

³⁾ Одно время онъ даже притворялся, что ничего не знаетъ о смерти дофина, чтобы имѣть предлогъ отсрочить признаніе его дяди. Zeissberg, t. V, 289.

женіе изъ Берлина перепли бы въ Вѣну. Въ виду этого императоръ объявилъ свое согласіе на переговоры, имѣвшіе цѣлью этотъ обмѣнъ плѣнниковъ; но онъ потребовалъ, чтобы обмѣнъ распространенъ былъ и на всѣхъ военно-плѣнныхъ. Это было новою уловкою, чтобы затянуть дѣло.

Въ то время, какъ вѣнскій дворъ ухищрялся въ подобныхъ уловкахъ для того, чтобы какъ можно долѣе продержатъ Марію-Терезію въ Тамплѣ, веронскій дворъ обвинялъ его въ самыхъ коварныхъ махинаціяхъ, имѣвшихъ будто бы цѣлью овладѣть несчастною принцессой, выдать ее замужъ за австрійскаго эрцгерцога и такимъ путемъ завладѣть Наваррою, гдѣ, повидимому, можно было доказать непримѣнимость салическаго закона. Подозрѣнія еще болѣе окрѣпли, когда Австрія отказалась передать Марію-Терезію ея дядѣ и не только отложила признаніе Людовика XVIII, но и помѣшала ему ѣхать въ армию Конде, а когда онъ прислалъ въ Вѣну посланникомъ Крюсселя, оказала этому уполномоченному самый нелюбезный приемъ.

Англійское правительство, разочарованное донесеніями своего веронскаго агента, извѣрившись въ Викгемъ, утомившись платить людямъ, отъ которыхъ не получалось никакихъ реальныхъ услугъ, и кормить такое множество паразитовъ, заговоры которыхъ никогда не удавались, а также и смущенное испанскимъ миромъ, начало сомнѣваться въ дѣйствительности своей политики. Рвеніе Питта по отношенію къ претенденту сильно охладѣло.

Одна Россія побуждала Австрію къ его признанію. Но Россія такъ настаивала, что Тугутъ, истощивъ всѣ свои уловки, кончилъ тѣмъ, что сказалъ голую правду: «Признаніе графа Прованскаго», сказалъ онъ Разумовскому, «было бы бесполезною мѣрою, такъ какъ, провозглашая его королемъ, союзники принуждены были бы возвратить ему территоріи, которыя были бы завоеваны у Франціи». Принцы, говорили въ Вѣнѣ, считаютъ «въ высшей степени искусною политикою предупредить, при помощи тайнаго соглашенія между Испаніей и Пруссіей, всякое расчлененіе французскихъ владѣній въ ту минуту, когда братъ короля вступитъ на престолъ соединенными усиліями союзныхъ державъ». Тугутъ, приписывавшій имъ такое намѣреніе, не желалъ быть жертвой ихъ ловкости. Онъ охотно допускалъ, что ничто не можетъ быть полезнѣе для возстановленія монархіи, какъ декларация русской императрицы о «твердомъ рѣшеніи употребить всѣ силы для поддержанія новаго короля»; но онъ самъ не вѣрилъ этому и во всякомъ случаѣ желалъ сохранить завоеванныя у Франціи провинціи, хотя бы для облегченія обмѣновъ. Онъ указалъ русскому правительству на «нескромныя притязанія эмигрантовъ и на ихъ разстроенное воображеніе». «Невозможно,—объявлялъ онъ,—чтобы

его величество не принималъ въ соображеніе обстоятельствъ настоящаго и будущаго и подчинилъ бы всѣ принципы своей политики капризамъ эмигрантовъ, а операциі своиѣхъ армій—внушеніямъ ихъ неумѣстнаго эгоизма».

Екатерина была недовольна Тугутомъ, назвала его адвокатомъ, что было въ ея устахъ въ высшей степени нелестнымъ эпитетомъ и доказывало, что дипломатъ потерпѣлъ неудачу; тѣмъ не менѣе она оцѣнила доводы и на нѣкоторое время перестала упоминать о братѣ Людовика XVI, о восшествіи его на престолъ и о неприкосновенности Франціи. Марковъ воспользовался минутой хорошаго расположенія духа, чтобы дать Кобенцелю урокъ международнаго права и научить этого, запутавшагося въ тонкостяхъ и германскомъ крючкотворствѣ, австрійца искусству согласованія принциповъ съ интересами. Онъ разъяснилъ ему, какимъ образомъ можно любезнымъ образомъ усыпить бдительность обманываемыхъ и жертвъ. «Въ настоящій моментъ», сказалъ онъ ему, «болѣе чѣмъ когда-либо важно поддержать непреложность того принципа, что монархи, получая корону въ Всевышняго, должны смотрѣть на свои права какъ на неприкосновенныя и что ничто въ свѣтѣ не можетъ лишить ихъ этихъ правъ... Именно потому, что недостаточно твердо держались этого принципа и недостаточно систематично дѣйствовали во время настоящей войны, дѣла могутъ быть и приняли такой неблагоприятный оборотъ; на войну смотрѣли какъ на борьбу между равноправными державами; напротивъ, слѣдовало бы доказать и при всякомъ удобномъ случаѣ подтверждать, что Австрія оела войну не съ Франціей, а ради Франціи и для того, чтобы избавить ее отъ гнета, которому подчинила ее шайка злодѣевъ...» Это было удачно сказано, и Кобенцель не противорѣчилъ; но, замѣтилъ онъ, войну ведутъ при помощи солдатъ и денегъ; война заставляетъ терять иногда провинціи, и державы имѣютъ право вознаграждать себя за издержки и обезпечивать себя на будущее время. Вотъ тутъ-то Марковъ и коснулся самой сути дѣла: «Ничто не можетъ быть справедливей»,—сказалъ онъ,—желанія вознаградить себя на счетъ Франціи за громадныя расходы, причиненныя этой войной; императрица не только ничего у васъ не оспариваетъ въ этомъ отношеніи, но даже обѣщаетъ вамъ содѣйствовать въ дѣлѣ предполагающихся вами пріобрѣтеній... Безъ сомнѣнія, и въ вашемъ интересѣ, и въ интересѣ Англіи и даже Россіи, слѣдуетъ желать вмѣстѣ съ возстановленіемъ монархіи во Франціи и ослабленія этой державы; но достигнуть этого нельзя, если вы будете открыто заявлять о своихъ намѣреніяхъ. Напротивъ того, вступая во Францію именемъ короля, овладѣвая крѣпостями и провинціями именемъ короля, говоря и дѣйствуя только его именемъ, запрещая вашимъ генераламъ всякія сношенія съ генералами мятежниковъ, забы-

вая даже о судьбѣ вашихъ собственныхъ плѣнныхъ и обращаясь менѣе снисходительно съ мятежниками, которые попались бы въ ваши руки, вы несравненно легче овладѣли бы всѣмъ, что желаете получить, а разъ утвердившись, вы имѣли бы всевозможныя права требовать, совокупно съ другими державами коалиціи, отъ короля, котораго вы бы посадили на престолъ, всѣхъ желаемыхъ вознагражденій и указать ему, въ чемъ они должны заключаться...» «Этотъ планъ,—отвѣтилъ ему Кобенцель,—былъ бы и славенъ и полезенъ... но для того, чтобы держаться его... коалиція нуждалась бы въ поддержкѣ сорока тысячъ русскихъ...» «Императрица,—возразилъ Марковъ,—высказалась вполне рѣшительнымъ образомъ... но она не могла объявить о намѣреніи своемъ двинуть войска свои противъ Франціи, потому что это рѣшеніе зависитъ отъ окончанія польскихъ дѣлъ и соглашенія съ Англіей...»

Это значило ставить вопросъ на его дѣйствительную почву. Совѣщанія по поводу раздѣла возобновились 28-го августа и поглотили вниманіе всѣхъ трехъ канцлерствъ. Антагонизмъ между Пруссіей и Австріей, сосредоточившись на Краковскомъ воеводствѣ, вспыхнулъ ожесточеннѣе, чѣмъ когда-либо. 31-го августа, австрійскій уполномоченный удалился, вслѣдствіе бурной сцены. Пришлось обратиться за инструкціями въ Вѣну и Берлинъ. Тугутъ просилъ русскихъ вразумить пруссаковъ и возобновилъ свои угрожающіе намеки: «Если бы», извѣщалъ онъ Кобенцеля, «мы не имѣли увѣренности, что Россія выполнитъ всѣ наши ожиданія въ этомъ отношеніи, намъ осталось бы только, въ случаѣ необходимости столкновенія съ Пруссіей, положить конецъ столь бѣдственной войнѣ съ Франціей, какою бы то ни было цѣною, для того, чтобы обратить всѣ наши средства противъ Пруссіи».

Екатерина и ея министры были убѣждены, что Фридрихъ-Вильгельмъ не дойдетъ до такой крайности и что, объяснившись надлежащимъ образомъ съ этимъ монархомъ, можно было привести его къ уступкѣ. Они были убѣждены также, что императоръ болѣе чѣмъ когда-нибудь далекъ отъ сообщничества съ французской республикою. Дѣйствительно, чувствуя поддержку Россіи въ Польшѣ, полагая, что Пруссія не въ состояніи нападать на Австрію въ Имперіи, рѣшившись въ то же время вознаградить себя на счетъ Баваріи и Венеціи, если не удастся выгнать французовъ изъ Германіи и изъ Нидерландовъ и завоевать Эльзасъ и Лотарингію, Францъ II отдалъ приказъ своимъ генераламъ о возобновленіи непріязненныхъ дѣйствій. Республика, со своей стороны, также рѣшилась продолжать войну, но она обезпечила себѣ при этомъ наступленіи: 7-го сентября армія Журдана перешла черезъ Рейнъ.

ГЛАВА V.

Конецъ Конвента.

1795.

I.

Война возобновлялась, конституція была принята, а приближеніе выборовъ разжигало всѣ соперничества въ республикѣ. Комитету Общественнаго спасенія, послѣ цѣлаго года власти, приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ, такъ сказать, изъ-подъ его рукъ воскресали явленія того критическаго времени, которое его породило: война на границахъ, мятежныя партіи среди государства, побѣды, какъ единственный способъ достиженія престижа, революціонныя дни, какъ единственный правительственный ресурсъ, и повсюду пушечные выстрѣлы, въ видѣ послѣдняго слова республиканской политики. Возобновленіе состава Комитета происходило 15-го фруктидора—1-го сентября. Камбасересъ вернулся въ Комитетъ и занялъ въ немъ предсѣдательское мѣсто. Комитетъ еще разъ собралъ и сохранилъ до конца своей дѣятельности небольшую группу людей, олицетворявшихъ его духъ и характеризующихъ его въ исторіи: Камбасереса, Мерлена де-Дузэ, Ребея, Сіейса. Новые члены принадлежали къ разряду крайнихъ республиканцевъ; двое изъ нихъ, Берлье и Ревельеръ-Лено, подавали голосъ за казнь короля; Дону хотя и подавъ голосъ только за тюремное заключеніе, тѣмъ не менѣе принадлежалъ къ партіи Конвента. Эти люди не вносили въ Совѣтъ новыхъ пружинъ; быть можетъ, даже вмѣстѣ съ ними вторгалось въ него хотя бурное, но вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляющее дуновение, волновавшее въ то время Собраніе. Замѣчалось уныніе и утомленіе. Послѣ преріальскихъ событій между послѣдними монтаньярами и «реакторами», ставшими во главѣ Конвента, разрывъ былъ полный. Нѣкоторые изъ наиболѣе рьяныхъ монтаньяровъ были приговорены къ смерти, какъ напримѣръ Субрани; другіе—изъ тѣхъ, которые одинаково враждебно относились и къ Марату и къ Робеспьеру, но продолжали быть проникнутыми духомъ 1793 года,—подверглись изгнанію, какъ напримѣръ Бодо; эти послѣдніе вели скитальческую жизнь и были преисполнены отвращенія и презрѣнія къ людямъ ¹⁾. Сами преріальскіе по-

¹⁾ См. у QUINET, *La Révolution*, t. II, liv. XX, *La Réaction*.

бѣдители были мрачны: они чувствовали, что надъ ними виситъ военная диктатура и что она задупитъ ихъ во всякомъ случаѣ. Они должны бы были вырваться изъ ея когтей, но не могли этого сдѣлать, потому что не желали или не успѣли измѣнить условій, порождавшихъ эту грозную диктатуру. Отпоръ, даваемый силою вещей, несговорчивость общественнаго мнѣнія, возраставшая непопулярность Конвента, все это повергало въ нестерпимое смятеніе людей, ждавшихъ всего отъ своихъ собственныхъ силъ и пламенности своихъ вѣрованій. Они пытались отворачиваться отъ послѣдствій собственной политики, отнынѣ неизбѣжныхъ, но это не удавалось имъ. Въ тѣ часы, когда они не были завалены дѣлами, члены Комитета чувствовали страшное утомленіе и отвращеніе къ себѣ и своему дѣлу. У нихъ вырывались горькія признанія и въ рѣчахъ, и въ письмахъ. «Я выходилъ изъ засѣданій,—передаетъ одинъ изъ нихъ, и притомъ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ,—съ душою, переполненною горечью». «Я такъ мало дорожу властью, что надѣюсь сдѣлаться совсѣмъ крестьяниномъ», заявлялъ Мерленъ де-Тіонвилъ; «я только что продалъ свой домъ, чтобы уплатить долги. Давно пора намъ сдать позицію». А другой Мерленъ говорилъ: «я желалъ бы уйти въ какой-нибудь безвѣстный уголокъ и похоронить въ немъ мизантропію, овладѣвающую мною съ каждымъ днемъ, помимо моей воли... Величайшимъ зломъ,—потому что оно неизлѣчимо,—было бы, если бы арміи, терпя недостатокъ во всемъ, обратили свое оружіе противъ республики, или же разбѣжались».

Желчное настроеніе овладѣло даже самими членами Комитета. Они потеряли не только предприимчивость и самоувѣренность первыхъ мѣсяцевъ, но и самое рвеніе и способность къ труду, которыя дали имъ возможность стойко и пылко выдерживать самое тягостное бремя государственныхъ заботъ и распутать сложнѣйшую дѣловую сѣть, когда-либо выпадавшую на долю государственныхъ дѣятелей. Получая навѣкъ къ власти, они испытывали и утомленіе, ею порождаемое. Они переставали лихорадочно и съ увлеченіемъ придумывать новыя мѣры; они только исполняли свою работу, не какъ вожди государства, всегда бодрые и готовые на борьбу, а какъ усталые правители состарѣвшагося правительства. Комитетъ собирался туго и почти ничего не обсуждалъ. Члены секцій дѣйствовали по своему усмотрѣнію, каждый въ своей области, и съ трудомъ добивались тѣхъ двухъ подписей, которыя признавались необходимыми для дѣйствительности ихъ актовъ ²⁾.

Такое нравственное разслабленіе отозвалось и на дипломатіи. Каза-

²⁾ *Mémoires de Revellière-Lepeaux*, t. I, 246. *Correspondance de Merlin de Thionville*, REYNAUD, t. II, 246—253. THIBODEAU, *Mémoires sur la Convention*, ch. XVIII. *Revue historique, Les frontières constitutionnelles*, t. XVIII, 21—23.

лось, что съ возобновленіемъ непріязненныхъ дѣйствій парализована была вся политика. Переговоры съ Пруссіей были приостановлены. Комитетъ жаловался, и не безъ основанія, на недостатокъ расположенія и даже на прямую враждебность прусскихъ агентовъ по отношенію къ республикѣ; еще съ большимъ основаніемъ жаловался Комитетъ на влость, съ которою Пруссія заставляла уважать нейтралитетъ сѣверо-германскихъ государствъ. Онъ послалъ въ Берлинъ Кальяра, для приведенія въ порядокъ дипломатическихъ дѣлъ; но относительно главнаго вопроса, то есть вопроса о Рейнѣ, предписывалъ своему посланнику ограничиваться молчаніемъ и выслушиваніемъ³⁾. Это происходило потому, что членами Комитета овладѣвало сомнѣніе не только по поводу расположенія Пруссіи, но и по отношенію къ своей собственной системѣ. «Было бы весьма важно обсудить,—писали они одному изъ агентовъ республики,—согласно ли съ нашими интересами усиливать и укрѣплять могущество Пруссіи, въ видахъ противопоставленія Австріи болѣе грознаго сосѣда... Полезно ли сохранять во всей ея неприкосновенности германскую федеративную систему? Выгодно ли для насъ уничтоженіе второстепенныхъ государствъ, курфиршества, что приведетъ къ увеличенію первоклассныхъ державъ или созданію новыхъ крупныхъ государствъ? Эти вопросы находятся въ значительномъ соотношеніи съ вопросомъ о сохраненіи за нами лѣваго берега Рейна или объ отказѣ отъ нашихъ завоеваній⁴⁾. Это были опасные вопросы, рѣшеніе которыхъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ связано было со всею грядущею судьбою Франціи. Комитетъ, обсуждавшій ихъ съ Бартелеми, продолжалъ волноваться по поводу нихъ и, находясь въ полной неизвѣстности относительно завтрашняго дня, поручалъ составлять въ своихъ отдѣленіяхъ обширныя академическія депеши, въ которыхъ какъ бы излагалъ самому себѣ свои замыслы и сомнѣнія.

Ландграфъ Кассельскій договаривался съ Франціей 28 августа наравнѣ съ Пруссіей. Южно-германскія государства трепетали предъ нашествіемъ и реквизиціями. Они преслѣдовали Гарденберга и Бартелеми своими жалобами. Поставленные между Австріей, не желавшей признавать ихъ нейтралитетъ, и Франціей, могущей признать его только въ томъ случаѣ, если его будетъ уважать Австрія, государства эти находились въ достойномъ жалости положеніи. Они желали мира и вынуждены были нести бремя войны; территоріямъ ихъ послѣдовательно грозили и сраженія и раздѣлы. Бартелеми описывалъ ихъ отчаяніе и передавалъ ихъ сѣтованія. «Но,—прибавлялъ онъ,—хотя все это и справедливо, однако не можетъ

³⁾ Инструкція Кальяру 10 сентября 1795 г. Ваиллен, т. I, 20:

⁴⁾ Инструкція Ле-Гоку, французскому посланнику въ Швецію, въ концѣ сентября 1795 г.

касаться нашего права... Повидимому, таковъ порядокъ вещей, что слабая держава гибнуть въ ущербъ интересамъ нѣкоторыхъ сильныхъ державъ, и въ особенности нашей... При томъ бѣдственномъ состояніи, въ которомъ находится имперія, Франція могла бы надѣяться внушить нѣкоторую энергію государствамъ, входящимъ въ ея составъ, и оказать имъ поддержку для выхода изъ настоящаго положенія. Если имъ предстоить гибель и поглощеніе крупными державами, то только время можетъ показать, благопріятіе ли будетъ для французскихъ интересовъ такое новое положеніе вещей».

Второстепенныя государства озабочены были въ особенности планами Австріи относительно Баваріи. Если Франція возьметъ лѣвый берегъ Рейна, Пруссія захватитъ духовныя княжества въ видахъ своего вознагражденія, Австрія же узурпируетъ Баварію, т. е. если одна изъ двухъ послѣднихъ державъ округлитъ свои границы на сѣверѣ, другая—на югѣ, то немного останется отъ равновѣсія, установленнаго вестфальскими трактатами. Комитетъ Общественнаго спасенія не могъ не понимать этого; но онъ спѣшилъ заключеніемъ мира, и въ то время, когда колебанія по поводу условій этого мира всего сильнѣе давали себя чувствовать, онъ отправилъ въ Австрію новаго тайнаго эmissара. Потеря уѣхалъ и не давалъ никакихъ признаковъ жизни. Комитетъ поручилъ Жерару де-Рейневалю, близко знакомому съ прежними дѣловыми и денежными отношеніями Тугута, написать этому министру. Затѣмъ, для переговоровъ съ агентами императора во Франкфуртѣ или Базелѣ, посланъ былъ бывшій прусскій дипломатъ Термень, потомокъ французскихъ выходцевъ. Демократическія воззрѣнія привлекли Термена въ Парижъ; онъ поступилъ на службу республики и написанная имъ диссертация только что была удостоена преміи на конкурсѣ, открытомъ Гофманомъ по вопросу о лѣвомъ берегу Рейна. Термень долженъ былъ намекнуть, что Франція не отказывается вести переговоры съ Австріей на основѣ приобрѣтенія этою державою Баваріи и сохраненія за Франціей лѣваго берега Рейна. «Ничто не можетъ заставить Комитетъ измѣнить свой взглядъ въ этомъ отношеніи, и онъ имѣетъ достаточную возможность осуществить этотъ взглядъ».

И въ этомъ важнѣйшемъ изъ своихъ предпріятій члены Комитета Общественнаго спасенія до конца держались характера, отмѣчавшаго всѣ дѣйствія Конвента: послѣдовательности въ безпрестанно прерывавшихся предпріятіяхъ, постоянства въ выполненіи безпрестанно оспариваемыхъ замысловъ. У Комитета, какъ и у Конвента, замѣчались приступы нерѣшительности, смѣняемые приступами отваги, быстрые повороты, противорѣчивые, но всегда энергическіе поступки; рѣшительныя рѣчи, заставлявшія возвращаться къ принципамъ, неизбѣжность которыхъ была провоз-

глашена; въ сущности, — политика, всегда обусловливаемая обстоятельствами. И это потому, что государственный инстинктъ руководилъ ихъ помыслами; а такъ какъ все ихъ дѣйствія вытекали изъ государственной необходимости, то и приходилось идти на сдѣлки. Необходимость оставалась неизмѣнной: то была необходимость торжества революціи посредствомъ ихъ партіи и въ пользу этой партіи; сдѣлки выражались въ переговорахъ; онѣ подвергались колебаніямъ, смотря по сцѣпленію вѣшнихъ обстоятельствъ. Государственный инстинктъ подсказывалъ систему естественныхъ границъ; государственная необходимость побуждала отказываться отъ нея или возвращаться къ ней, по мѣрѣ того, какъ война приближала или отодвигала успѣхъ. Комитетъ никогда не переставалъ публично заявлять о неизбѣжности этой системы; до послѣдняго часа онъ сомнѣвался втайнѣ по поводу своевременности и даже возможности ея примѣненія; онъ постановилъ рѣзкое и прямое рѣшеніе вопроса, оправдывая свое рѣшеніе уже послѣ его принятія; онъ мотивировалъ это рѣшеніе вѣчными принципами и придавалъ ему заднимъ числомъ абсолютный характеръ.

II.

Журданъ перешелъ черезъ Рейнъ у Дюссельдорфа и отбросилъ войска австрійскаго генерала Клерфѣ къ самому Майну. Но, очутившись между Рейномъ и нейтральною гессенскою границею и нуждаясь въ деньгахъ, лошадяхъ и провіантѣ, онъ вынужденъ былъ, для продолженія своихъ операций, ждать поддержки отъ Пинегрю. 20-го сентября Пинегрю рѣшился двинуть свои войска. Онъ бомбардировалъ и принудилъ къ сдачѣ Мангеймъ, затѣмъ перешелъ черезъ Рейнъ у Гунингена. Войска его имѣли возможность помѣшать соединенію армій Клерфѣ и Вурмзера, стоявшихъ у верховьевъ Рейна. Клерфѣ замѣтилъ опасность и отступилъ къ Гейдельбергу. Паника охватила германскія госуларства: ландграфъ дармштадтскій бѣжалъ въ Веймаръ, маркграфъ баденскій — въ Ульмъ; шпейерскій князь-епископъ, укрывшійся въ Брукзалѣ, уѣхалъ въ Пассау, гдѣ и умеръ ¹⁾.

Эти извѣстія придали бодрости Комитету. Какъ бы боясь снова утратить ее и въ виду того, что Конвенту оставалось засѣдать только нѣсколько недѣль, Комитетъ принялъ рѣшеніе, которое откладывалъ уже болѣе года, и которое заключалось въ томъ, чтобы вызвать публичное обсужденіе вопроса о границахъ. Было необходимо заставить Конвентъ вести эти пренія; политика Комитета требовала, чтобы Собраніе, обезпе-

¹⁾ Jomini, liv. IX. — Soult, t. I, 250. — Gouvion de Saint-Cyr, *Campagne de 1795*. — Remling, t. II, 193.

чивая постоянное участіе въ правительствѣ республиканцамъ, отстаивало въ то же время и ихъ политику. Представлявшійся теперь случай могъ и не повториться. Ребель, находившійся въ восточной Франціи по обязанностямъ комиссара, убѣждалъ своихъ товарищей по Комитету не упускать этого случая. Они дѣйствительно рѣшились на такой шагъ, полагая, что члены Конвента достаточно къ нему подготовлены различными докладами Комитета и недавнимъ конкурсомъ Гофмана, который популяризировалъ, такъ сказать, все аргументы преній ²⁾. «Не говоря уже о томъ, что вѣчный миръ, а слѣдовательно и счастье всего человѣчества, будетъ слѣдствіемъ этой системы, — писалъ Ребель, — только при помощи завоеванныхъ странъ можемъ мы надѣяться на поправленіе нашихъ финансовъ...» Эта смѣсь теоретическихъ иллюзій и практическихъ соображеній лежала въ основѣ всехъ воззрѣній Комитета на указанный вопросъ. Мы встрѣчаемъ ее и въ докладѣ, представленномъ Мерленомъ 8-го вандемьера — 30-го сентября 1795 г.

Пренія въ томъ видѣ, какъ они опредѣлялись этимъ докладомъ, должны были касаться собственно Бельгіи, Лимбурга, Люксамбурга и Люттихскаго края. Комитетъ пригласилъ Собраніе провозгласить присоединеніе этихъ территорій торжественнымъ декретомъ. Что касается германскихъ владѣній лѣваго берега Рейна, то онъ просилъ Собраніе постановить лишь подразумѣваемое рѣшеніе въ виду того, что, въ силу заключенныхъ съ Пруссіей и Гессеномъ трактатовъ, судьба этихъ владѣній будетъ рѣшаться при заключеніи общаго мира съ имперіей; но послѣдняя декларация, сдѣланная Комитетомъ и одобренная Собраніемъ, должна была имѣть значеніе декрета: «Безъ сомнѣнія, — сказалъ Мерленъ, — среди насъ не найдется никого, кто не держался бы непоколебимо той великой и не рѣдко провозглашавшейся съ трибуны при всеобщемъ одобреніи истины, что утвержденіе республики и спокойствіе Европы тѣсно связаны съ распространеніемъ нашихъ предѣловъ до Рейна. Не для того, чтобы постыднымъ образомъ вернуться къ прежнимъ границамъ нашимъ, съ такою доблестью и отвагой стремиться въ настоящую минуту наши республиканскія арміи уничтожить послѣднихъ враговъ нашей свободы на другомъ берегу этого грознаго потока ³⁾. Но мы уважаемъ трактаты...» Комитетъ не имѣлъ

²⁾ *La rive gauche du Rhin, limite de la République française*, recueil de dissertations jugées dignes des prix proposés par un négociant de la rive gauche du Rhin, publiées par G. Военнер, ex-député de la Convention rhino-germanique, Paris, an IV. *Rapport sur le concours* auquel ont pris part cinquante-six concurrents, *Moniteur* du 1-er vendémiaire an IV — 23 septembre 1795, t. XXVI, 2. *Revue historique*, t. XVIII, 32—40. Roederer, *Oeuvres*, t. VI, 107.

³⁾ Титъ-Ларій (Titus Largius) въ сенатѣ отвѣтилъ волюскамъ, требовавшимъ возвращенія земель: «Было бы великимъ позоромъ потерять по сла-

подобныхъ причинъ откладывать присоединеніе австрійскихъ Нидерландовъ и Лютиха. Онъ находилъ, что это присоединеніе облегчило бы переговоры, положивъ конецъ дипломатическому крючкотворству и заставивъ и Австрію и лютихскаго епископа признать совершившійся фактъ. Что касается принциповъ, узаконивавшихъ присоединеніе, и соображеній государственной необходимости, его предписывавшихъ, то они одинаково примѣнялись и къ Нидерландамъ, и къ Прирейному краю. Мерленъ резюмировалъ ихъ съ замѣчательною точностью и смѣшалъ ихъ въ крайне знаменательныхъ выраженіяхъ двухъ слѣдующихъ фразъ: «Бельгійцы, въ силу формальнаго договора, пріобрѣли право сдѣлаться французами; этого права не могутъ лишить ихъ ни комбинаціи лондонскаго кабинета, ни сѣтованія вѣнскаго. Они имѣютъ право быть французами, а нашъ интересъ требуетъ, чтобы они ими сдѣлались». Присоединяя ихъ къ республикѣ согласно съ выраженнымъ ими пожеланіемъ, республика исполняетъ свой долгъ; отдавая Австрію отъ своихъ предѣловъ, лишая Англію нѣсколькихъ отраслей ея торговли, доставляя себѣ «неисчислимыя выгоды», работая такимъ образомъ надъ поправленіемъ финансовъ, республика служитъ своимъ интересамъ. Независимость Нидерландовъ — идея, которая весьма одобряется друзьями Англіи, но она недостаточно обезпечиваетъ интересы Франціи. «Для республики крайне важно, чтобы бельгійцы и лютихцы были свободными и независимыми лишь постолько, поскольку они сдѣлаются французами. Образовавъ отдѣльную республику, они были бы недостаточно сильны для того, чтобы защищаться и служить намъ оплотомъ; соединившись съ Голландіей, они были бы слишкомъ сильны и могли бы оказаться неблагодарными, враждебными и опасными. Что же касается Лимбурга и Люксембурга, не выразившихъ никакихъ пожеланій, то ихъ присоединеніе должно быть, тѣмъ не менѣе, декретировано». «Неужели найдется французъ, настолько подлый, чтобы пожелать отдать непріятелю крѣпость, построенную Вобаномъ?» Конвентъ къ тому же поставилъ прецеденты: онъ, не спрашивая согласія, соединилъ голландцевъ уступленных въ силу гагскаго трактата земель съ испанцами, водворенными на островъ Сентъ-Доминго. «Вы поняли, что въ видахъ вознагражденія за испытанныя бѣдствія и издержки несправедливѣйшей изъ войнъ, а равно и въ видахъ предотвращенія новой войны путемъ пріобрѣтенія новыхъ средствъ защиты, французская республика могла и должна удерживать по праву свои завоеванія или пріобрѣсти посредствомъ трактатовъ страны, для нея пригодныя, даже и не спрашивая согласія ихъ населенія». Слово было произнесено, и это слово было хорошо извѣстно Европѣ старому побѣдѣ или глупости преимуществъ, завоеванныхъ силою и мужествомъ». Денисъ Галивартасскій, кн. VП.

рядка: интересъ государства всегда замѣнялъ у нея право. Только соображаясь съ этою мѣркою, комитетъ Общественнаго спасенія находилъ для себя обязательнымъ принимать въ соображеніе желаніе народовъ.

О возвращеніи этихъ странъ прежнимъ властителямъ не думалъ никто. Споръ завязался только между сторонниками независимыхъ или покровительствуемыхъ республикъ и сторонниками простого присоединенія. Гарманъ, возражая на присоединеніе, указывалъ на различіе въ правахъ и на европейское общественное мнѣніе. «Римскій сенатъ,—небрежно отвѣтилъ Эшассерию,—не сталъ бы тратить времени на этотъ вопросъ», и прибавилъ: «доставлять себѣ средства защиты не значить завоевывать; что же касается правовъ и учреждений, то все это «измѣняется по волѣ законовъ и правительства». Лесаажъ (депутатъ Эро-Луарскаго департамента) попытался, несмотря на всеобщій ропотъ, заговорить о правовомъ вопросѣ и указать на послѣдствія экстенсивной политики: «Римъ,—сказалъ онъ,—погубилъ себя, злоупотребляя своими побѣдами. Завоеваніе—плодъ силы, и поддерживать его можно только силою. Не смѣшно ли декретировать, что Франція будетъ всегда сильнѣе австрійскаго дома?» На это возражалъ Луве. Портье, ссылаясь на опытъ своей бельгійской миссіи, доказывалъ, что предоставить Бельгію самой себѣ значило бы отдать ее во власть междоусобной войны, а затѣмъ и Австріи. Бельгійцы согласны лишь въ одномъ чувствѣ восхищенія республикой, смѣшаннаго со страхомъ передъ нею: они желаютъ присоединенія и свободы. Война предпринята была не съ цѣлью завоеванія, и если Франція, защищая себя, завоевала территорію, полезную для огражденія ея независимости, то она имѣетъ право и обязана удерживать ее за собою. «Спасеніе французскаго народа есть законъ высшаго порядка». «Народы желаютъ того, что согласно съ ихъ выгодами», а выгода ихъ въ данномъ случаѣ заключается въ присоединеніи къ республикѣ.—Дефермонъ оспаривалъ это положеніе. Буасси, Робержо и Лефебверъ (изъ Нанта) поддерживали предложеніе Комитета. Наконецъ появился Карно и сослался въ пользу «маасской границы» на стратегическія соображенія.—«Удерживая за собою Люксембургъ,—сказалъ онъ, повторяя доводъ Вобана,—вы лишите непріятеля самой сильной изъ крѣпостей въ Европѣ послѣ Гибралтара и самой опасной для васъ... Но этотъ неприступный оплотъ дастъ вамъ, сверхъ того, возможность наступленія, устраняетъ могущія встрѣтиться препятствія и становится, такимъ образомъ, вѣрнымъ залогомъ прочнаго и продолжительнаго мира.... Вы обязаны передъ вашими арміями сохранить то, что пріобрѣтено цѣною ихъ славной крови». Въ противномъ случаѣ, гдѣ же вознагражденіе народа за столько жертвъ? «Тогда увидали бы въ революціи одни только бѣдствія и ничего такого, что могло бы заставить мол-

чать недоброжелательство и указать на вознаграждение за эти бедствия, такъ какъ одна свобода въ глазахъ народа не есть осязаемое благо». «Слѣдуетъ основывать миръ на самой природѣ вещей, а не на вѣрности и добросовѣстности коварнаго врага, постоянный интересъ котораго заключается въ нашемъ уничтоженіи, къ чему, слѣдовательно, и будутъ направлены всѣ его усилія».

Декретъ былъ принятъ единогласно 9-го вандемьера — 1-го октября. Обстоятельства, при которыхъ происходило голосованіе, придали ему торжественный и безповоротный характеръ. Онъ сдѣлался дополненіемъ конституціи. Имъ подразумѣвалось присоединеніе лѣваго берега Рейна. Объявленная граница и декретированная граница смѣшались подъ именемъ «рейнской». Верховное Собраніе, выражая декретами вѣчные законы природы, навѣки опредѣляло границы республики такъ же, какъ утверждало навѣки и ея законы. Принципъ естественныхъ границъ вошелъ во французское публичное право; онъ становился какъ бы однимъ изъ принциповъ революціи. Въ умахъ утверждалось понятіе о неразрывной связи его съ достоинствомъ и прочностью республики.

III.

Комитетъ Общественнаго спасенія рассчитывалъ, что этотъ декретъ Конвента, поддерживаемый успѣхами республиканскаго оружія, заставитъ вѣнскій дворъ благосклонно выслушать предложенія, которыя повезли французскіе эмиссары. Онъ и не подозрѣвалъ, что въ то самое время, какъ онъ предлагалъ Австріи Баварію, чтобы отдѣлить ее отъ коалиціи, Пруссія и Россія предлагали ту же Баварію, но съ добавленіемъ значительной доли Польши, въ видѣ вознагражденія за союзъ. Императоръ нисколько не былъ расположенъ измѣнять дѣлу монарховъ, которое оставалось къ тому же и болѣе выгоднымъ. Въ то же время Россія примкнула къ заключенному 20-го мая союзу между Англіей и Австріей, и всѣ три двора объединили свои взаимныя обязательства въ «системѣ тройственнаго союза».

Однако первые успѣхи французскихъ армій, бедственное положеніе и неурядица австрійскихъ войскъ, неспособность и уныніе ихъ командировъ, а въ особенности медленность, съ которою велись польскіе переговоры, продолжали беспокоить Тугута. «Какъ можемъ мы», писалъ онъ Коллоредо, «надѣяться импонировать Пруссіи для довершенія того, что намъ остается сдѣлать при нашихъ затрудненіяхъ и когда наши арміи бѣгутъ, не осмѣливаясь даже взглянуть въ лицо непріятелю?» ¹⁾ Такое настро-

¹⁾ «Это зависѣло и отъ плохого командованія, и отъ недостатка матеріальныхъ средствъ. Арміи жили изо дня въ день, что парализовало ихъ движенія. Онѣ жили на счетъ страны, которая воевала противъ реквизицій.

ніе объясняетъ пріемъ, сдѣланный Тугутомъ маркизу Потера, несмотря на то, что онъ считалъ его «оберъ-шутомъ». Впрочемъ онъ, быть можетъ, боялся, что въ случаѣ слишкомъ грубаго отказа принять его, маркизь подниметъ неудобный для австрійскаго министра шумъ. Весьма правдоподобно, что Тугутъ покался своему господину въ своихъ старыхъ грѣхахъ относительно доставленія свѣдѣній Франціи: императоръ, не видѣвшій въ томъ ущерба для своего дома, могъ отпустить грѣхи своему министру; но тайна не вышла изъ императорскаго кабинета, и если бы Потера, дававшій чувствовать, что она ему извѣстна, повѣдалъ о ней публикѣ, то это могло повести къ весьма неудобному для вѣнскаго канцлерства скандалу. Тугуту выгодно было выиграть время, узнать игру республиканцевъ и приберечь для себя на всякій случай какую-нибудь точку соприкосновенія съ ними. Онъ выслушалъ поэтому маркиза Потера, но только для того, чтобы отпустить его ни съ чѣмъ. Тугутъ отказался вести тайные переговоры, и вести ихъ помимо Англіи, а это разрушало всю комбинацію.

Между тѣмъ другой эмиссаръ Комитета, Терменъ, явился въ Базель и былъ принятъ австрійскимъ посланникомъ Дегельманомъ. Этотъ дипломатъ, видя, что австрійскія войска отступаютъ, не рѣшился отказать въ пріемѣ агенту, пріѣхавшему изъ Парижа. Терменъ говорилъ ему о Баваріи, заинтересовалъ его собою и предложилъ даже перемиріе. Дегельману, повидимому, очень пришлось по вкусу послѣднее предложеніе, и онъ далъ знать о немъ въ Вѣну; но дѣло на этомъ и остановилось.

Попытки сношеній съ Вѣной оказались, слѣдовательно, неудачными одновременно на двухъ пунктахъ; переговоры съ Пруссіей также остановились въ это самое время. Гарденбергъ былъ отстраненъ австрійцами, не признававшими нейтралитета сѣверныхъ государствъ, покинуть собственнымъ дворомъ, отказывавшимся поддержать гарантію, данную имъ флореальскому договору, подвергался нападка и со стороны германцевъ, требовавшихъ покровительства, о которомъ такъ много кричали, и со стороны французовъ, которые, лишаясь выгодъ нейтралитета, требовали для себя выгодъ войны. Испытывая въ Базелѣ одни непріятности, Гарденбергъ рѣшился переѣхать въ Бернъ.

Переговоры съ Испаніей подверглись опасности по аналогичнымъ причинамъ. Комитетъ предложилъ испанцамъ чрезъ посредство Ириарте и Бартелеми два трактата: одинъ для заключенія союза, другой—торговый; онъ объявлялъ ихъ нераздѣльными. Это смѣшеніе, авторомъ котораго былъ Сіейсъ, было крайне неудобно: республика нуждалась въ союзѣ

Лошади падали отъ плохого фуража. Не было судовъ для переправы черезъ Рейнъ. Донесеніе Дитрихштейна, 16 сентября. Zeissberg, t. VI, 375.

съ Испаніей, а Комитетъ имѣлъ претензію добиться отъ Испаніи не только содѣйствія ея флота, но и отреченія отъ торговли, обращаясь съ Испаніей такъ, какъ будто она, а не Франція, должна была покупать широкими торговыми уступками поддержку французскаго флота.

Ошибка была тѣмъ болѣе прискорбна, что Годой склонялся въ пользу союза, и не въ характерѣ этого временщика было выказывать требовательность въ политическихъ дѣлахъ, коль скоро въ дѣло замѣшаны его личные выгоды. Базельскій трактатъ вернулъ ему популярность, и на этотъ разъ король дѣйствительно отвѣчалъ на общественное желаніе, даруя Годой титулъ «*князя мира*». Но успѣхъ этого мира зависѣлъ отъ умѣренности статей трактата: не должны были пострадать ни честь, ни богатство Испаніи. Миръ долженъ былъ показаться выгоднымъ и въ особенноти почетнымъ для испанцевъ. У Годоя было пылкое воображеніе, и онъ копировалъ Альберони, задумавъ планъ союза между Франціей, Пруссіей и Голландіей. Чтобы сдерживать Англію и Россію, онъ намѣревался создать вокругъ республики нѣчто въ родѣ союза государствъ, отпавшихъ отъ дѣла монарховъ. Главнымъ дѣломъ этой лиги было бы установленіе въ Италіи, и подъ испанскимъ покровительствомъ, федераціи, которая выгнала бы австрійцевъ съ полуострова. Пришлось однако понизить требованія, и это случилось весьма скоро.

Комитетъ Общественнаго спасенія намѣренъ былъ вести свои дѣла вполне самостоятельно; если онъ говорилъ объ итальянской и германской федераціи, то разумѣлъ ихъ въ своемъ собственномъ духѣ и желалъ держать дѣло въ своихъ рукахъ. Пруссія отклонила авансы Испаніи, англичане же, преисполнившіеся ироніи со времени Базельскаго трактата, перешли къ прямымъ угрозамъ. Потерпѣвъ неудачу въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, изолированный въ своей политикѣ, Годой увидѣлъ, что ему остается только союзъ съ республикою. Онъ заключилъ заемъ на 240 милліоновъ, велѣлъ вооружить четырнадцать кораблей и предлагалъ, 11-го сентября, Иріарте заключить договоръ о союзѣ; но все остановлено было чрезмѣрными притязаніями Комитета относительно испанской торговли.

Съ особенною энергіей отвергалъ Иріарте два изъ этихъ притязаній, такъ какъ они компрометировали честь и независимость Испаніи и «дворъ никогда не согласился бы подписать ихъ». Комитетъ требовалъ для поселившихся въ Испаніи французовъ права образованъ подъ покровительствомъ своего консула національное сословіе; это значило подвергать Испанію режиму мусульманскихъ государствъ и системѣ капитуляцій. «Если бы мы согласились на это,—говорилъ Иріарте,—то Англія въ свою очередь потребовала бы для себя такого же права; обстоятельства могутъ

сложиться благопріятно для настаиванія на немъ, и тогда испанское правительство лишилось бы всякой самостоятельности у себя дома». Сверхъ того Комитетъ требовалъ, чтобы съ жителями Гвипускоа обращались бы какъ съ французами, въ силу завоеванія. «Что сказали бы вы,—отвѣчалъ Иріарте,—если бы Англія при заключеніи мира предложила статью въ пользу тулузцевъ, примкнувшихъ къ ея дѣлу? У васъ нѣтъ пныхъ правъ на Гвипускоа, кромѣ правъ завоеванія; они прекращаются вмѣстѣ съ возвращеніемъ края Испаніи».

Возраженіе было неопровержимо и, узнавъ о немъ, Комитету оставалось только выразить неудовольствіе. Между тѣмъ необходимость союза становилась настоятельной. Республика пріобрѣла испанскую часть Сент-Доминго и не имѣла возможности установить тамъ свою власть: принуждены были обратиться къ содѣйствію испанскаго корабля для доставленія туда французскаго агента. Сіейсъ руководилъ этимъ дѣломъ, соображаясь съ извѣстнымъ количествомъ рецептовъ государственной экономіи, которые онъ себѣ выработалъ, и волею-неволею приходилось устроить дѣла по его формуламъ. Переговоры затягивались. Иріарте заболѣлъ; онъ уѣхалъ изъ Базеля, умеръ въ дорогѣ, и все осталось неоконченнымъ.

Точно такъ же безрезультатно тянулись дѣла въ Неаполѣ; переговоры же съ Португаліей откладывались, и хотя Комитетъ отказался отъ полосы земли въ Фернамбуко, размѣромъ въ пятьсотъ лье, но онъ отказывался отъ переговоровъ до тѣхъ поръ, пока Португалія выскажетъ болѣе точныя предложенія. «Время слишкомъ дорого», писалъ Сіейсъ, «для того, чтобы посвящать его только дипломатическимъ предисловіямъ, никогда не доходя до сути дѣла». Что касается Сардиніи, то, несмотря на новую и напрасную попытку тайныхъ переговоровъ, дѣла продолжали стоять на той же точкѣ. «Король», писалъ Бартеми, «связанный Англіей, Австріей и собственными сомнѣніями, не можетъ рѣшиться, по примѣру нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ, присоединиться къ намъ для того, чтобы помочь намъ выгнать австрійцевъ изъ Италіи, результатомъ чего было бы пріобрѣтеніе имъ Медіолана, въ обмѣнъ на Савойю и Ниццу. Всѣ получаемыя письма извѣщаютъ, что онъ находится въ смертельной тревогѣ: онъ погибнетъ жертвой своей нерѣшительности, если только быстрые успѣхи французскихъ войскъ не выведутъ его изъ этого состоянія». Такимъ образомъ господство Конвента заканчивалось среди полной неопредѣленности во внѣшнихъ дѣлахъ.

IV.

Конвентъ завершилъ свое существованіе въ Парижѣ такъ же, какъ и началъ его, то есть такъ называемымъ «днемъ». Эмигрантамъ жела-

тельно было предупредить выборы каким-нибудь актомъ насилия; умѣренные желали принудить Конвентъ къ отмѣнѣ его августовскихъ декретовъ о составѣ Совѣтовъ. Эмигранты возвѣщали объ инсurreкціяхъ въ восточной Франціи и о готовящемся нашествіи. Ихъ хвастливыя рѣчи еще разъ привели къ тому результату, который вызывали постоянно съ самаго начала революціи. Онѣ сплотили республиканцевъ и разстроили умѣренныхъ. Последніе успѣли уже въ нѣкоторой степени укрѣпиться; они чувствовали, что общественное мнѣніе было на ихъ сторонѣ; они готовились къ борьбѣ не съ республикой, необходимость которой не отрицали, и не съ революціей, на принципы которой сами опирались, а съ конвентистами и ихъ правительствомъ. Умѣренные преобладали въ центральныхъ парижскихъ секціяхъ, на ихъ сторонѣ была наиболѣе надежная часть національной гвардіи и вся та парижская буржуазія, которая преимущественно поддерживала броженіе въ 1789 году. Они называли себя конституціонистами; они и были ими на самомъ дѣлѣ: одни, по склонности и темпераменту, другіе—и именно большинство,—по невозможности организовать какое бы то ни было правительство, кромѣ республиканскаго. Они желали управлять республикою для того, чтобы доставить торжество миролюбивому направленію во внѣшнихъ дѣлахъ, либеральному—во внутреннихъ. Это либеральное направленіе, въ сущности, было реакціонно скорѣе относительно лицъ, чѣмъ по своимъ воззрѣніямъ на вещи ¹⁾. Это былъ расколъ между умѣренными и конвентистами, желавшими упрочить свою власть путемъ войны и не придававшими большого значенія политической свободѣ.

Умѣренные повели правильную кампанію противъ новаго *Долгаго парламента*, какъ они называли Конвентъ. Они пустили въ ходъ всѣ средства конспираціи, клеветы, нападокъ и доносовъ, къ которымъ приспособились нравы того времени. Указывая, съ своей стороны, на верховенство народа, они обличали «декреты о двухъ третяхъ», какъ посягательство на верховную власть народа. Не менѣе якобинцевъ свѣдущіе по части практики инсurreкціонныхъ *дней*, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что кто держитъ въ своихъ рукахъ Парижъ, тотъ держитъ Францію, они также находили, что можно добиться всего страхомъ и силою. Поэтому они готовились устрасить Конвентъ, а въ случаѣ надобности и совершить надъ нимъ насилие. Иначе говоря, они подготавливали инсurreкцію; но какъ и умѣренные всѣхъ временъ, такъ и они были ревностными под-

¹⁾ «Если конституція будетъ въ рукахъ честныхъ людей, ее признають тѣмъ, чѣмъ она и есть въ дѣйствительности — разумнѣйшимъ въ мірѣ дѣломъ». Госпожа Сталь Редереру, 20 августа 1796 г. ROEDERER, *Oeuvres*, t. VIII, 647.

стрекателями и плохими уличными бойцами. При началѣ французской революціи, агенты Пале-Рояля, ораторы и конституціонные журналисты призывали народъ къ отстаиванію его правъ; главнымъ же контингентомъ дѣйствующей арміи была чернь, руководимая демагогами. Въ 1795 году агенты эмиграціи, роялистскіе заговорщики, шуаны, люди съ крѣпкими кулаками, ожидавшіе только путемъ безпорядковъ достичь успѣха своихъ работъ во имя «принциповъ», втирались въ тайныя собранія: ихъ принимали тѣмъ охотнѣе, чѣмъ болѣе они выказывали готовности къ рѣшительнымъ поступкамъ. Въ 1789 г. умѣренные подали сигналъ, а крайніе выполнили дѣло и воспользовались побѣдой. Весьма возможно, что такъ было бы и съ роялистами въ 1795 г. ²⁾.

Комитетъ Общественнаго спасенія вѣрно понялъ положеніе. Увѣдомленный своею полиціей обо всѣхъ этихъ тайныхъ махинаціяхъ, онъ велѣлъ повсюду заявлять о союзѣ умѣренныхъ съ роялистами. Сообщничество съ эмигрантами не мало способствовало политическому дискредитированію, предшествовавшему пораженію умѣренной партіи. Народныя массы остались равнодушными, даже враждебными, и не поддались. Комитеты, не задумавшіеся выставить линейныя войска противъ парижской демагогіи, еще менѣе колебались противопоставить ихъ буржуазіи. Войска были у нихъ подъ рукою, они собрали ихъ, и офицеръ бывшей королевской арміи, Мену, ими командовавшій, получилъ приказъ отражать мятежниковъ пушечными выстрѣлами.

1-го вандемьера IV года—23-го сентября 1795 г. Собраніе зарегистрировало принятіе конституціонныхъ законовъ 914.000-ми гражданами на 958.000 подававшихъ голоса. Декреты, устанавливавшіе непрерывность двухъ третей, также подвергнутые утвержденію народа, одобрены были только 167.000 голосовъ на 263.000 вотировавшихъ. Эти цифры были знаменательны. Вожаки умѣренной партіи считали свою побѣду несомнѣнной. 12-го вандемьера—4-го октября, секція Лепельтье, наиболѣе рьяная изъ оппозиціонныхъ секцій, подняла знамя возстанія. Мену обладалъ личною храбростію, но не отличался рѣшительностію въ дѣлахъ. Къ тому же онъ стѣснялся выступить теперь противъ людей, которые во время преріальскаго мятежа содѣйствовали побѣдѣ надъ монтаньярами. Онъ сталъ вести переговоры, упустилъ время, и Конвентъ, увидѣвшій въ этомъ измѣну, предалъ его суду. Національные гвардейцы сочли это торжествомъ: они пригласили всѣ секціи двинуться на слѣдующій же день противъ Конвента.

²⁾ «Не роялисты создали 13-е андемьера, но они ему содѣйствовали и, вѣроятно, воспользовались бы успѣхомъ, если бы его имѣла инсurreкція». HYDE DE NEUVILLE, *Mémoires*, Paris, 1888, t. I, 130.

Конвентъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 5.000 линейныхъ войскъ съ сорока пушками. Онъ поручилъ командованіе Барра. Этотъ членъ Конвента уже доказалъ свои усмирительныя дарованія. Онъ отличался предпримчивостью и не боялся ответственности; но онъ нуждался въ чловѣкѣ, который былъ бы въ то же время и чловѣкомъ дѣйствія въ политическомъ смыслѣ. Бонапартъ присутствовалъ на засѣданіи въ качествѣ зрителя. Барра не разъ принималъ его у себя, видѣлъ въ немъ честолюбца, чловѣка изобрѣтательнаго и преданнаго республикѣ въ силу своихъ страстей и интересовъ. Барра призвалъ его. Бонапартъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ обдумывалъ свое рѣшеніе. Онъ стоялъ на распутьѣ исторіи. Мотивы, увлекшіе его, были тождественны съ тѣми, которые увлекали въ то время революцію. Съ самой первой минуты вступленія въ республику, его личное честолюбіе сливалось съ общою волею. Это-то и помогло ему овладѣть Франціей, какъ только ему удалось пріобрѣсти надъ нею вліяніе, и, овладѣвъ ею, онъ держалъ ее въ своихъ рукахъ до тѣхъ поръ, пока ихъ связывали однородныя страсти. То, что заставило его задуматься на нѣсколько минутъ, чтобы придти къ ясному рѣшенію, смутно бродило въ умахъ громаднаго большинства французевъ. Національное мнѣніе того времени облеклось у Бонапарта въ точную форму. «Если Конвентъ погибнетъ,—сказалъ онъ себѣ,—что станетъ съ великими истинами нашей революціи? Наши многочисленныя побѣды, кровь, которую мы такъ часто проливали, потеряютъ все свое славное значеніе. Чужеземецъ, котораго мы побѣждали, восторжествуетъ и подавитъ насъ своимъ презрѣніемъ; неспособная раса, дерзкіе и выродившіеся приспѣшники явятся снова побѣдителями, будутъ укорять насъ за преступленія, мстить намъ и управлять нами какъ рабами при помощи иностранцевъ. Пораженіе Конвента увѣчило бы чело чужеземца и запечатлѣло бы позоръ и пораженіе родины». «Эти чувства, его двадцать-пять лѣтъ, сознаніе своей силы и судьба рѣшили дѣло»³⁾).

Бонапартъ принялъ предложеніе, былъ назначенъ помощникомъ главнокомандующаго внутренней арміей, въ ту же ночь отдалъ приказанія и на другой день, 13-го вандемьера—5-го октября 1795 г., разсѣялъ 40.000 національныхъ гвардейцевъ, возставшихъ противъ Конвента, при помощи незначительнаго отряда и нѣсколькихъ пушекъ. 4-го брюмера Барра сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго. Комитетъ назначилъ на его мѣсто Бонапарта. Это былъ первый военный постъ въ республикѣ. Не одержавъ побѣды, прославившихъ Гоша, Пишегрю и Журдана, Бонапартъ сразу становился ихъ соперникомъ по своей репутаціи, если и не по

³⁾ *Mémorial de Sainte-Hélène.*

своей военной славѣ; онъ приблизился къ людямъ, державшимъ въ своихъ рукахъ власть.

13 вандемьера соединило въ общемъ нападеніи роялистовъ и умѣренныхъ республиканцевъ; оно же объединило въ оборонѣ термидоріанцевъ и остатки якобинской партіи. Духъ проскрипціи и террора проснулся вмѣстѣ съ мстью. Талльенъ предложилъ пріостановить дѣйствіе конституціи, отложить выборы и продолжать революціонный способъ управленія. Тибодо проявилъ несомнѣнное мужество, противоудѣствуя этимъ мѣрамъ; ему понадобилось еще болѣе усилій и здравого смысла, чтобы побудить Конвентъ отказаться отъ этихъ мѣръ. Конвентъ ограничился вотированіемъ закона, объявлявшаго всѣхъ эмигрантовъ и ихъ родственниковъ лишенными права занимать общественныя должности и возстановлявшаго прежнія суровыя мѣры противъ неприсягнувшихъ священниковъ. Въ послѣдніе дни своей дѣятельности Собраніе оставалось вѣрнымъ своему первоначальному характеру: какъ бы резюмируя въ своихъ послѣднихъ засѣданіяхъ сущность всей своей дѣятельности, Конвентъ бурно осуждалъ и гнѣвно декретировалъ насильственные мѣры и въ то же время единогласно и безъ преній принималъ мѣры общепользнаго свойства, выработанныя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ типичныхъ комитетахъ. Такъ, въ дополненіе къ прежнимъ декретамъ о центральныхъ и нормальныхъ школахъ, изданы были декреты объ основаніи Политехнической школы, Бюро долготъ (*Bureau des longitudes*), Школы ремеселъ и искусствъ (*Conservatoire des arts et métiers*); декретъ, подготовленный Пріеромъ де ла Котъ д'Оръ, о единообразіи мѣры и вѣса; первыя статьи уголовного кодекса, подготовленныя Мерленомъ. Въ одномъ и томъ же засѣданіи 3-го брюмера IV года—25-го октября 1795 г. приняты были: законъ объ организаціи народнаго просвѣщенія, выработанный Дону (*Daupou*), декреты, касавшіеся института, спеціальныхъ и центральныхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, подготовленные Лаканалемъ.

Избирательныя коллегіи выбрали въ совѣты не болѣе 396 конвентистовъ. Было значительное количество многократныхъ избраній; такъ, Ланжюине выбранъ былъ въ 73 коллегіяхъ, Буасси въ 72, Пеле—въ 71, Дусе въ 33, Тибодо въ 32, Дону въ 27 и Карно въ 14-ти. Конвентъ пополнилъ избраніемъ почетныхъ 104 членовъ недостающее до 500 количество. Они должны были засѣдать въ обоихъ совѣтахъ и составляли двѣ трети ихъ общаго состава. 250 новыхъ представителей, распределенныхъ между *Conseil des Anciens* (Совѣтъ старѣйшинъ) и *Conseil des Cinq-Cents* (Совѣтъ Пятисотъ), были враждебны партіи Конвента. Какъ и слѣдовало ожидать и какъ тому давала возможность конституція, эта партія приняла свои мѣры, чтобы продолжать свою власть и при Директоріи.

4-го брюмера IV года—26-го октября, Конвентъ объявилъ объ окончаніи своей дѣятельности, и тѣ изъ его членовъ, которые вошли въ составъ новаго Законодательнаго корпуса, немедленно заняли въ немъ свои мѣста. Они конституціровались, не ожидая прибытія всѣхъ членовъ новой трети, то есть меньшинства. Согласно съ закономъ, Совѣтъ Пятисотъ составилъ 8-го брюмера—30-го октября списокъ изъ пятидесяти именъ, изъ котораго старѣйшины должны были выбрать пять членовъ Директоріи. Первые пять именъ этого списка были особенно знаменательны. Ими характеризовалось общее настроеніе и истинное значеніе конституціи: то были имена пяти подававшихъ голосъ за казнь короля членовъ Конвента, бывшихъ всѣ пятеро членами комитета Общественнаго спасенія и сторонниками рейнской границы: Ревельеръ-Лепо, 317 голосовъ; Ребель—246; Сиейсъ—339; Летурньеръ—214; Барра—206. Совѣтъ Старѣйшинъ выбралъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Ревельеръ—216 голосовъ; Летурньеръ—189; Ребель—176, Сиейсъ—156; Барра—129. Сиейсъ отказался. Совѣтъ Пятисотъ представилъ десять новыхъ именъ: во главѣ списка стоялъ Карно съ 181 голосомъ; за Камбасереса, было подано 157 голосовъ. Старѣйшины выбрали Карно 117 голосами, и исполнительная власть—Директорія конституировалась 13-го брюмера IV года—4 ноября 1795 г.

V

Пораженіе роялистовъ на Киберонѣ, вынужденное бездѣйствіе Конде на востокѣ, неудача провинціальныхъ возстаній, подавленіе парижскаго мятежа—все это было рядомъ ударовъ для кабинета Питта. Установленіе конституціоннаго правительства въ Парижѣ давало могучій аргументъ его противникамъ. Питтъ уже не могъ указывать на революціонный и временной характеръ французскаго правительства, когда сторонники мира настаивали на желательности его заключенія. Военныя неудачи были весьма значительны, повинности тяжки, нужда жестока, налоги чрезвычайны. Англія устала. Народъ страдалъ отъ голода почти въ такой же степени, какъ и во Франціи. Лондонская чернь кричала: «Не надо войны, Хлѣба! Долой Питта!» Требовали признанія «доблестной французской республики», какъ единственнаго средства избавленія отъ всѣхъ золъ, унедавшихъ народъ. Когда въ октябрѣ собрался парламентъ, короля встрѣтили свистками. Тѣмъ не менѣе парламентъ вотируетъ ассигнованія на продолженіе войны, но король вынужденъ былъ объявить, что желаетъ заключенія мира, какъ только возможно будетъ это слѣдовать на «справедливыхъ и благоразумныхъ основаніяхъ». Подъ этимъ подразумѣвался отказъ Франціи отъ австрійскихъ Нидерландовъ. Въ это же самое время

республика испытывала неудачи, которыя, казалось, должны были склонить ее къ уступчивости по этой статьѣ.

Пишегрю долженъ былъ помѣшать соединенію Вурмзера съ Клерфѣ, но допустилъ это соединеніе и потерпѣлъ пораженіе 23-го сентября; затѣмъ, отказавшись отъ совѣщанія съ Журданомъ, онъ разбросался, потерялъ много времени, утомилъ свои войска безполезными движеніями и предоставилъ непріятелю выгоды наступленія. Журданъ уважалъ нейтралитетъ Германіи; Клерфѣ же нарушилъ его, и этотъ фактъ подтвердилъ пренебреженіе, выказываемое имъ по отношенію къ пруссакамъ и ихъ ручательству. Журданъ принужденъ былъ вернуться 23-го октября на лѣвый берегъ Рейна; Пишегрю отступилъ къ Мангейму и еще разъ потерпѣлъ пораженіе.

Пораженія не входили въ его программу, такъ какъ его заговоръ требовалъ сохраненія престижа; но въ его планъ входило сбереженіе войскъ, возбужденіе среди нихъ недовольства стоянками и лишеніями и подготовленіе такимъ путемъ измѣны, къ которой онъ намѣревался склонить ихъ. Роялистскіе эмиссары вели свою пропаганду въ средѣ солдатъ, указывали на республиканское правительство, какъ на виновника всѣхъ золъ, обвиняли интендантства въ хищеніяхъ и увѣряли, что, вернувшись къ королю, армія найдетъ славу и изобиліе. Расчетъ заставилъ Пишегрю дѣлать ложныя движенія, а эти движенія привели къ пораженіямъ, разрушившимъ его планы. Пишегрю находился въ положеніи Дюмурье въ 1793 году; но опытъ предшественника указалъ ему на опасность договоровъ съ австрійцами, и онъ ограничился выжиданіемъ событій.

Онъ надѣялся однако же, что австрійцы пощадятъ его и что Конде предупредитъ ихъ; но Конде ничего не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи. Зная о затрудненіяхъ, которыя должны были возникнуть по поводу сдачи крѣпостей и наученный опытомъ 1793 года, онъ также ждалъ и откладывалъ. Успѣхи австрійцевъ не располагали ихъ къ сговорчивости. Приближаясь къ Рейну, они снова начинали надѣяться на завоеваніе Эльзаса. Ихъ генералы снова заговорили съ Конде въ обычномъ для нихъ высокомѣрномъ и презрительномъ тонѣ. Ихъ дипломатическіе агенты держали себя при мелкихъ германскихъ дворахъ хозяевами. Нарушеніе правъ нейтральнаго союза было бѣдствіемъ для прусскаго вліянія, и отъ грандіозныхъ комбинацій сѣверной федераціи, о которыхъ мечтали въ флораальѣ, не осталось и слѣдовъ. Фридрихъ-Вильгельмъ написалъ своему новому парижскому агенту Сандозу, что Пруссія не можетъ сдѣлаться союзницей республики, «если не произойдутъ непредвидѣнные и маловѣроятныя событія». «Однако,—прибавлялъ король, склонный стѣсняться союзниками, но не барышами,—если, вопреки ожиданіямъ, Франціи удастся расширить

свои предѣлы до Рейна, намъ останется только настаивать на обѣщанномъ вознагражденіи и постараться получить его въ возможно болѣе выгодномъ размѣрѣ». Обманутый въ своихъ надеждахъ, Гарденбергъ дошелъ до того, что съ досады на республику и на самую Имперію радовался успѣхамъ австрійскаго оружія. Въ избраніи «пяти визирей» въ Парижѣ онъ видѣлъ начало эры завоеваній и потрясеній для Европы; но, какъ дипломатъ старой школы, онъ легко утѣшался во всемъ этомъ. Неурядица въ принципахъ открывала для его политики радужныя перспективы. «Король,—говорилъ онъ одному австрійцу,—недоволенъ французами; онъ пересталъ видѣться съ принцемъ Генрихомъ.... ничто не можетъ быть выгодною для обѣихъ державъ, прусской и австрійской, какъ союзъ между ними: тогда мы предписывали бы законъ и германской Имперіи, и всей Европѣ».

Эти рѣчи означали, что великая Сѣверная Биржа снова открылась для Пруссіи и что всѣ придворной торговли склонялись въ сторону коалиціи. Пруссіе дипломаты широко эксплуатировали на европейскомъ рынкѣ свои сношенія съ Франціей. Они говорили, что безпокойство по поводу «справедливаго вознагражденія» заставило ихъ заключить миръ съ Франціей. Если союзныя державы не удовлетворяютъ ихъ требованій, то Пруссія будетъ вынуждена поневолѣ вступить въ союзъ съ «этими гнусными французами». Центромъ политическаго аукціона оставался Петербургъ, и вслѣдствіе утомленія, порожденнаго споромъ, а равно и вслѣдствіе нетерпѣливаго желанія спорящихъ сторонъ—поскорѣ вступить во владѣніе,—аукціонъ близился къ концу.

Это былъ дѣйствительно аукціонъ государствъ, на которомъ монархіи продавались съ молотка и котиrowалась дѣйствительная стоимость этихъ монархій и ихъ принциповъ. Онъ предшествовалъ дѣлежу соціальной добычи, при которомъ старая Европа, выказавъ полное неуваженіе къ публичной собственности, оказала такое же пренебреженіе и къ собственности частныхъ лицъ. Конфискаціи и проскрипціи сыпались съ обѣихъ сторонъ: и со стороны революціи, и со стороны стараго порядка.

Въ Польшѣ происходили изгнанія, высылки, тюремныя заключенія и секвестры—обычныя послѣдствія права силы: французскіе эмигранты подверглись имъ за то, что подняли оружіе противъ отечества и пытались управлять имъ при содѣйствіи чужеземцевъ; польскіе аристократы испытали ихъ за то, что хотѣли защищать свою родину и избавить ее отъ иностраннаго владычества. Костюшко приговоренъ былъ къ пожизненному заточенію, и его постигла участь Лафайета. Дворяне, сражавшіеся вмѣстѣ съ нимъ, преданы были суду превотальныхъ комиссій. Тѣ же, которыхъ не преслѣдовали, лишились своихъ имѣній, взятыхъ подъ секвестръ. Для

того, чтобы получить ихъ обратно, они должны были смирить свою гордость, искать милости при дворѣ, поступать на русскую военную службу¹⁾. Совершенно подобнымъ же образомъ будетъ поступать Бонапартъ съ французскими эмигрантами, которые потребуютъ исключенія своихъ именъ изъ списка изгнанныхъ и возвращенія своихъ непроданныхъ имѣній.

Указомъ 8-го августа 1795 г. была объявлена конфискація имѣній всѣхъ польскихъ владѣльцевъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи послѣ того, какъ присягнули въ вѣрности императрицѣ. Равно подвергнуты были конфискаціи: имѣнія отсутствующихъ собственниковъ, не вернувшихся къ 1-го января 1795 г. и объявленныхъ эмигрантами; имущество католическихъ церквей и духовныхъ лицъ въ возстававшихъ округахъ; наконецъ и всѣ владѣнія польскаго государства. Осенью того года въ Петербургѣ происходило распредѣленіе этихъ имуществъ. «Этого интереснаго момента ждали съ тревогой и тоской», повѣствуетъ очевидецъ: съ тревогой ожидали его царедворцы, жаждавшіе наживы, съ тоскою—польскіе владѣльцы, просившіе о возвращеніи своихъ вотчинъ. Тѣ и другіе встрѣчались бокъ-о-бокъ у великаго раздавателя милостей, Платона Зубова, самаго алчнаго и низкаго изъ временщиковъ. Вельможи соперничали въ раболепствѣ передъ нимъ. Кліенты курили оиміамъ господину и подкупали его секретарей, подражавшихъ высокоумію своего властелина и разживавшихся отъ своей службы. Знаменитый Кутузовъ почиталъ за честь явиться къ Зубову за цѣлый часъ до его утренняго пробужденія, приготовить ему кофе и нести ему чашку, проходя мимо толпы посѣтителей²⁾.

Наконецъ насталъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый день. Раздача польскихъ имѣній происходила въ Петербургѣ 18-го августа. 109.000 душъ изъ нихъ было распредѣлено между 62 лицами, въ числѣ которыхъ находилось и нѣсколько французскихъ эмигрантовъ. Эти 109.000 душъ представляли собою около 2-хъ миліоновъ рублей дохода. Зубовъ получилъ на свою долю 13.000 душъ; Румянцевъ и Суворовъ—каждый по 7.000; Репнинъ, Остерманъ, Безбородко—по 5.000; Марковъ—3.700; Туголминъ—3.000³⁾. Русскіе вельможи гордились и собою и могуществомъ своей имперіи и презирали Западъ пропорціонально со своими успѣхами, богатствомъ и униженіями, которымъ республика подвергла коалицію. Они осыпали насмѣшками австрійцевъ и поговаривали объ уничтоженіи Пруссіи.

Австрія и Пруссія покорились необходимости прекратить ссору, обращавшую ихъ въ кліентокъ Россіи и грозившую привести къ весьма неудобнымъ для нихъ послѣдствіямъ. Трактатъ о раздѣлѣ Польши былъ при-

¹⁾ *Mémoires du prince Adam Czartoryski*, Paris, 1887, t. I, 50, 73.

²⁾ *Архивъ князя Воронцова*, т. VIII, бумага Растопчина.

³⁾ *Phillipsen*, t. II. О раздачѣ польскихъ имѣній въ 1796 г.

нять прусскимъ королемъ 24-го октября 1795 г. въ томъ видѣ, въ которомъ онъ былъ составленъ министрами Екатерины. Станиславъ-Августъ ратификовалъ его и сдалъ свою корону на руки участниковъ раздѣла. Эти монархи назначили ему пенсію въ размѣрѣ, напоминавшемъ пенсію русскихъ случайныхъ людей того времени. Такимъ-то образомъ старая Европа завершила низложеніемъ и экспроприаціей короля войну, предпринятую подъ предлогомъ изгавленія другого короля, лишившагося престола. Австрія приобрѣла 1.037.000 поляковъ; Пруссія — 2.076.000; Россія — 4.500.000.

Народный Конвентъ сходилъ со сцены въ то самое время, когда приходила къ концу великая тяжба европейскихъ монархій съ Польшею, тяжба, которая съ 1792 г. постоянно поглощала вниманіе коалиціи, стѣсняла всѣ ея движенія и, наконецъ, позволила французамъ спасти свое отечество и доставить торжество своей революціи. Прежде чѣмъ разойтись, Конвентъ, провозгласивъ принципъ естественныхъ границъ, установилъ и политическую программу своего новаго правительства. Сѣверные дворы раздѣломъ Польши указали французскому правительству единственные условія успѣха этой программы. Между мотивами, побуждавшими союзниковъ къ уничтоженію Польши и тѣми, которые привели французовъ къ завоеванію лѣваго берега Рейна, нѣтъ ничего общаго; но между этими двумя фактами, провозглашеніемъ естественныхъ границъ, 2-го октября, и трактатомъ о раздѣлѣ—24-го, есть связь, и нисколько не случайная. Европа и французская революція подводятъ итогъ своей трехлѣтней борьбѣ и намѣчаютъ путь своей дальнѣйшей дѣятельности. Въ ту минуту, какъ комитетъ Общественнаго спасенія диктуетъ Конвенту свое политическое завѣщаніе, Австрія, Пруссія и Россія прибавляютъ къ завѣщанію старой Европы послѣднюю и вполнѣ откровенную приписку.

ГЛАВА VI

Франція и Европа въ октябрѣ 1795 г.

I.

Когда 26-го октября 1795 г. Конвентъ сложилъ свои полномочія, всѣ узлы исторіи революціи были уже завязаны и всѣ пути дальнѣйшаго развитія французской республики въ Европѣ намѣчены. Пути эти вели къ войнѣ. Критическій періодъ, когда народы бываютъ господами своей судьбы и рѣшаютъ ее, миновалъ для французской республики. Конвентъ извѣдалъ два кризиса: въ 1792 г., когда дѣло шло о судѣ надъ Людовикомъ XVI, и въ 1795 г., когда предстояло опредѣлить границы республики. Въ первомъ случаѣ онъ рѣшилъ, что республика будетъ вести войну съ цѣлою Европой, а во второмъ, что эта война должна прекратиться лишь въ тотъ день, когда Европа признаетъ за республикою рейнскую границу.

Я попытался указать на то, какимъ путемъ возникали и разрѣшались эти кризисы; въ какой мѣрѣ зависѣли они отъ условій національнаго существованія Франціи и Европы и наслѣдственныхъ инстинктовъ націи, т. е. отъ постоянныхъ французскихъ историческихъ условій, опредѣлявшихъ инициативу отдѣльныхъ личностей; въ чемъ именно проявились временныя или случайныя причины, ихъ увлекавшія, т. е. страсти, расчетъ, характеры, предрасудки, системы и политика революціонеровъ. Я желалъ бы, по мѣрѣ возможности, продолжать этотъ трудъ до конца, но отнынѣ, какъ ни грандіозно зрѣлище, представляемое французскою революціей, оно является лишь развитіемъ заранѣе назначеннаго сценическаго дѣйствія: театръ построенъ, сцена устроена, дѣйствующія лица находятся на своихъ мѣстахъ, роли распределены, ходъ пьесы рѣшенъ и развязка неизбежна; неожиданными будутъ только: быстрота событій, размѣры кризисовъ и перипетій, ведущихъ къ роковой катастрофѣ.

Люди не думаютъ, что вселенная ограничивается предѣлами ихъ поля зрѣнія, но создаютъ себѣ горизонты и въ исторіи. Обязательство собирать и группировать факты, классифицировать ихъ, если желаютъ уловить связь между ними и уяснить ихъ; правила методы и изложенія, вытекающія изъ самихъ законовъ мышленія; ограниченность и слабость нашихъ интеллектуальныхъ средствъ, недостатокъ памяти, невозможность

показать съ полною точностью удаляющіеся предметы,—все принуждаетъ ограничивать сочиненія данною эпохою, разбивать ихъ на книги и главы и обозначать въ этихъ эпохахъ періоды и кризисы.

Жизнь народа не ограничивается этими рамками. Самолюбіе историка не должно заставлять его думать, что онъ завершилъ дѣло, когда онъ завершилъ только его изложеніе. Ночь, протекшая между послѣднимъ днемъ Конвента и первымъ днемъ Директоріи, не измѣнила отношеній между народами и государствами Европы. Европа проснулась 27-го октября такою, какою она была и 26-го. Франція продолжала слѣдовать по пути исторіи своей революціи, а революція продолжала свершать свою судьбу въ Европѣ. Разсмотримъ же съ той точки, на которой останавливается дѣятельность Конвента, тѣ пути, которые были имъ пройдены, и попытаемся различить—насколько они откроются передъ нами—дальнѣйшіе, намѣченные этою дѣятельностью пути Франціи.

II.

Французская революція обманула всѣ предположенія, и истинное значеніе ея ускользнуло отъ всѣхъ, какъ въ самой Франціи, такъ и въ остальной Европѣ. Никто не предвидѣлъ, какой оборотъ приметъ ея теченіе; никто не регулировалъ этого теченія. Послѣ смерти Мирабо, революція не выдвинула ни одного государственнаго человѣка, способнаго стать во главѣ управленія. У Дантона, который одно время казался предназначеннымъ для такой роли, политическіе порывы являлись только приступами. Ему не доставало именно тѣхъ свойствъ, которыя составляютъ необходимое условіе гениальности въ государственныхъ дѣлахъ: послѣдовательности и характера. Революція поглотила его ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ дать ей направленіе. Ни одинъ изъ людей, пытавшихся послѣ него управлять республикою, не обладалъ тою глубокою и ясною проницательностью, которая умѣетъ находить великія и прямыя линіи исторіи; всѣ направлялись къ тѣмъ скаламъ, къ которымъ гнала ихъ буря, къ водовороту, куда несло ихъ теченіе. Яростныя столкновенія корифеевъ средней руки и ихъ свирѣпыя раздоры постоянно препятствовали національному дѣлу. Тѣмъ не менѣе, это дѣло свершилось, а такъ какъ оно было результатомъ общаго импульса, то несло въ себѣ еще болѣе мощный импульсъ для будущаго. Бываютъ разсчитанныя сраженія, въ которыхъ геній военачальника заранее предусмотрѣлъ всѣ условія битвы: таковы Аустерлицъ и Ваграмъ; но есть и другія, какъ напримѣръ: Вальми, Жемаппъ, Эйлау, Москва, когда событіе является слѣдствіемъ множества отдѣльных и, повидимому, нестройныхъ дѣйствій, въ которыхъ каждый ищетъ только своей славы,

повинуется только своему страстному чувству, и гдѣ однако же всѣ подчиняются общему направленію, управляющему и руководящему всѣми помимо ихъ вѣдома. Такъ было и съ Конвентомъ. Люди, составлявшіе это Собраніе, были всегда ослѣплены страстью, весьма часто горизонты ихъ были узки и темны, ими владѣлъ фанатизмъ и нерѣдко чисто личное упорство. А между тѣмъ ихъ дѣйствія регулировались какъ бы однимъ общимъ закономъ: это Собраніе, въ которомъ соперничество грызло второстепенныхъ дѣятелей, проявило въ дѣлѣ защиты отечества великую коллективную душу, сотканную изъ самоотверженія, постоянства и непоколебимой вѣры. То было вѣяніе души самой Франціи. Французскій народъ, къ которому такъ часто несправедливо относился Конвентъ, тѣмъ не менѣе жилъ въ этомъ Собраніи и вдохновлялъ его.

Конвентъ спасъ національную независимость и единство Франціи, доставилъ торжество гражданскимъ вольностямъ, что составляетъ главное и существенное пріобрѣтеніе революціи, а также равенству, которымъ такъ дорожатъ французы, и верховной власти народа, т. е. самой основѣ демократіи и закону будущаго. Онъ связалъ частные интересы съ государственными преобразованіями, посредствомъ созданія государственнаго долга, и съ социальными реформами, путемъ продажи національнаго имущества. По примѣру всѣхъ прежнихъ и современныхъ правительствъ, Конвентъ конфисковалъ имущество враговъ государства, побѣжденныхъ или изгнанныхъ; но онъ превратилъ эту насильственную мѣру общественнаго спасенія въ политическую операцію, значительно видоизмѣнившую ея характеръ и отличавшую ее отъ подобныхъ же мѣръ, принятыхъ Людовикомъ XIV противъ реформаторовъ, англичанами—въ Ирландіи и русскими—въ Польшѣ. Конвентъ конфисковалъ не въ видахъ обогащенія государства, награжденія временщиковъ или доставленія преобладанія побѣдителямъ надъ побѣжденными путемъ грубой силы. Национальное имущество было обращено на защиту отечества и пріобрѣтено сбереженіями французской буржуазіи и крестьянства: путемъ этого перехода земель, обширнѣйшаго по своимъ размѣрамъ изъ всѣхъ современныхъ актовъ того же рода, земельное владѣніе во Франціи сдѣлалось болѣе народнымъ: французы привязались къ землѣ, потому что ее купили, и къ труду, потому что онъ далъ возможность купить. Конвентъ довершилъ этимъ громаднымъ распространеніемъ собственности на многихъ ту революцію, которая имѣла цѣлью эмансипацію личности и собственности. Онъ связалъ эти реформы съ идеей объ отечествѣ: онъ осуществилъ эту великую идею въ жизни каждаго француза, затронувъ личную гордость, благосостояніе, чувство собственного достоинства, нравственные побужденія. Равенство, личная экзальтація слились съ патріотическимъ чувствомъ. Вотъ въ чемъ заключа-

лись оба фермента республики внутри страны и извнѣ. Конвентъ совершилъ это дѣло посредствомъ народа и вмѣстѣ съ народомъ; ему удалось совершить его, потому что народъ былъ подготовленъ къ нему и потому что оно совершалось его представителями.

То было великое дѣло. Франція желала воспользоваться его плодами. Эту задачу Конвентъ завѣщалъ Директоріи: задача была громадна, и самъ Конвентъ въ значительной мѣрѣ затруднилъ ея выполнение. Оставалось упорядочить прочными законами права, завоеванныя революціей и отстаиваемыя противъ Европы; предстояло согласовать эти законы съ привычками стараго общества, жадно стремившагося вернуться къ обычному труду и наслѣдственнымъ нравамъ; нетерпѣніе этого общества сдѣлаться снова самимъ собою было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе оно чувствовало себя свободнымъ и становилось демократичнѣе. Въ этомъ отношеніи ничто еще не было сдѣлано и многое было испорчено. Революція восторжествовала, но народъ не пользовался ея плодами и ничто не обезпечивало за нимъ этого пользованія. Частныя лица были приобщены посредствомъ росписи государственныхъ долговъ къ государственному богатству; но государственный долгъ, подавленный ассигнаціями, шелъ къ банкротству, и это государственное банкротство грозило повлечь за собою всеобщее разореніе гражданъ. Собственники приобрѣли имущество, но не могли извлекать изъ него выгоды среди всеобщей неустойчивости дѣлъ: война и реквизиціи, недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, полное разстройство торговли, разрушеніе кредита парализовали трудъ и задерживали всякаго рода сдѣлки. Личность была свободна, но самая элементарная изъ свободъ, свобода передвиженія, была уничтожена разбойничествомъ, свирѣпствовавшимъ въ деревняхъ, разрушеніемъ путей сообщенія, самовластіемъ муниципальных управленій. Демократія была основана, но главнаго орудія культуры—школы не имѣлось въ ея распоряженіи. Свобода совѣсти признавалась, но свобода богослуженія была одною легальною фикціей. Наконецъ, гарантія всякой личной свободы, политическая свобода, отсутствовала въ учрежденіяхъ и еще болѣе въ нравахъ. Конвентъ смѣшалъ демократію съ господствомъ фанатиковъ и насиліемъ; свободу—съ конфликтами партій; республику—съ диктатурою одной изъ этихъ партій. Оставалось превратить республику въ достояніе и благодѣяніе для всѣхъ.

Франція желала этого и была готова на это. Эмигранты пользовались такою ненавистью, что одно предположеніе о сообщничествѣ съ ними дискредитировало роялистовъ, оставшихся внутри страны; а конституціоннымъ роялистамъ, отвергаемымъ претендентомъ, ненавидимымъ эмигрантами, оставалось только присоединиться къ республикѣ. Дѣло государственнаго управленія было весьма сложно; но средства государства расши-

рились весьма значительно и вмѣстѣ съ тѣмъ и упростились. Какъ то предвидѣлъ Мирабо, революція обратилась на пользу верховной власти. Все было объединеннѣе, дисциплинированнѣе и покорнѣе, чѣмъ въ 1789 году. Управленіе государствомъ становилось и болѣе необходимымъ и менѣе труднымъ. Общественное мнѣніе желало правосудія, порядка и мира. Удовлетворяя этимъ требованіямъ, правительство могло и приобрести большую власть и сдѣлаться весьма популярнымъ.

Франція ждала такого правительства и, ожидая его, открывала къ нему пути однимъ изъ тѣхъ глухихъ и непрерывныхъ движеній, которыя имѣютъ рѣшающее значеніе въ политикѣ. Движеніе, проявившееся въ 1795 г., было только продолженіемъ движенія, породившаго революцію и обезпечившаго побѣду за республиканцами. Но республиканцы 1795 г. не понимали этого. Ихъ самомнѣніе, возведенное въ доктрину, не позволяло имъ измѣрить ничтожество ихъ личностей среди революціи и взвѣсить, до какой степени мало зависѣла отъ нихъ самихъ та роль, которую сыграли они въ революціи. Они были только глашатаями общей воли: общая польза на вѣкоторое время отождествилась съ интересами ихъ партій, и эта партія одержала верхъ; но они желали отождествить ихъ навѣки, и общественное мнѣніе стало незамѣтно уклоняться отъ нихъ, потому что интересы ихъ уже разошлись. Франція не желала уже господства одной партіи: объединенная, единая и стремящаяся сохранить свое единство, она намѣревалась быть впредь собственною партіей и полагала, что управлять ею слѣдуетъ по ея волѣ.

Конвентисты желали сохранить за собою власть; но ихъ не уполномочивали къ тому ни ихъ собственная гениальность, ни всеобщая воля французовъ. Вслѣдствіе этого они ницуютъ поддержки внѣ страны, во внѣшнихъ предпріятіяхъ, отвлекающихъ отъ установленія въ странѣ свободы, держащихъ Францію въ страхѣ передъ возможностью пораженій и возвращенія эмигрантовъ, продолжающихъ общественную опасность, а слѣдовательно дѣлающихъ необходимыми мѣры общественной безопасности. Такимъ образомъ они поддерживаютъ войну въ Европѣ, гнѣтъ диссидентовъ и деспотизмъ одной партіи во Франціи. Антагонизмъ между ними и большинствомъ французовъ выпыхнулъ во время выборовъ 1795 г. Конституція дѣлала его непоправимымъ. Внутренняя политика конвентистовъ неизбежно должна была привести къ столкновенію, а пребываніе ихъ у кормила—къ государственному перевороту, то есть къ разрушенію конституціи. Внѣшняя же политика ихъ влекла за собою еще болѣе серьезную опасность и болѣе широкія послѣдствія.

Цѣлью этой политики были естественныя границы. Политика эта была блестяща въ своихъ результатахъ и проста по своимъ основамъ. Въ ней

находили мѣсто и великодушіе, и національная гордость, а громкое слово «природа» дѣлало упроченіе вѣчнаго мира для Франціи своего рода европейскимъ закономъ. Замыселъ былъ грандіозенъ, мотивы были благородны: они ни въ чемъ не противорѣчили великимъ началамъ революціи.

Франція могла ассимилировать завоеванные народы, а ассимилируя, могла обезпечить себѣ свободное выраженіе пожеланій этихъ народовъ и голосованіе въ свою пользу, которыя по новому публичному праву должны были отнынѣ рѣшать судьбы народовъ. Общественный строй этихъ народовъ былъ сходенъ съ французскимъ. Характеръ ихъ цивилизаціи, ихъ чувства, ихъ симпатіи склоняли ихъ въ сторону Франціи. Сліяніе уже произведено было въ Савойѣ и сильно подвинуто въ Ниццѣ. Оно было возможно въ Бельгіи, такъ какъ страна ненавидѣла своихъ прежнихъ властителей и въ особенности до послѣдней крайности утомлена была войною. Въ земляхъ лѣваго берега Рейна сліяніе также было легко осуществимо. Въ большинствѣ этихъ германскихъ владѣній не существовало никакой династической связи между населеніемъ и правительствами. Национальный духъ въ этомъ населеніи отсутствовалъ. Народы эти могли офранцузиться ранѣе, чѣмъ путемъ отраженнаго вліянія французской революціи остальная Германія могла проникнуться национальнымъ германскимъ духомъ. Франція могла дать имъ отечество, которое было бы легко для ихъ самолюбія и благотвѣтельно для ихъ интересовъ. Республика имѣла возможность въ нѣсколько лѣтъ осуществить въ этихъ краяхъ то, что монархія выполнила въ Эльзасѣ. *Права человека*, упраздненіе сенсориальнаго строя и хорошее правительство закрѣпили бы успѣхъ.

Хорошее правительство, бывшее необходимымъ условіемъ этого дѣла, было одинаково необходимо и для утвержденія республики въ самой Франціи. Завоеванія предназначались для обезпеченія мира Франціи; завоеванные народы могли быть ассимилированы только влѣдствіе этого мира.

Итакъ, если въ 1795 г. не было противорѣчія ни въ принципахъ, ни въ интересахъ между завоеваніемъ естественныхъ границъ и утвержденіемъ республики, то, наоборотъ, одинаковыя затрудненія противодействовали и утвержденію республики, и ассимиляціи съ Франціей завоеванныхъ странъ. Нѣкоторыя изъ этихъ затрудненій Франція могла сама устранить, но другія и наиболѣе значительныя не зависѣли отъ республики. Если бы даже правительство Директоріи было на высотѣ этой великой политической задачи, то прежде всего необходимо было, чтобы миръ былъ достигнутъ и чтобы этотъ миръ былъ проченъ. Въ этомъ случаѣ Франціи приходилось считаться съ Европой, и здѣсь-то начинались серьезныя затрудненія въ настоящемъ, безконечныя помѣхи и неисходныя столкновенія въ будущемъ.

III.

Конвентъ завоевалъ для Франціи «естественныя границы»; но онъ не заставилъ Европу признать ихъ. Чисто военное завоеваніе оставалось въ зависимости отъ случайностей войны и неожиданныхъ колебаній силы. «Одна какая-нибудь неудача могла лишить насъ всего нашего положенія», писалъ Мерленъ де Тонвилль въ маѣ 1795 г. Эта непрочность положенія оставалась неизмѣнной для французскаго господства до 1815 г. Наполеонъ на вершинѣ своего могущества никогда не боялся неудачи. Но когда постигло пораженіе въ 1799 году, все грозило рухнуть; когда оно грозило въ 1809 году, все было поколеблено, а когда совершилось въ 1814, все дѣйствительно рухнуло. Конвентъ составилъ общій планъ и намѣтилъ, такъ сказать, осадныя работы, на нѣкоторыхъ пунктахъ онъ даже пробилъ брешь, но самая крѣпость не была взята. Австрія продолжала держаться въ цитадели. Англія продолжала снабжать припасами ея гарнизонъ; оставалось довершить осаду и начать приступъ: изъ этихъ двухъ операцій, первая требовала времени, а вторая—большое количество людей; и для той и для другой необходима была еще и геніальность, и все-таки Бонапартъ, несмотря на всѣ свои дарованія, добился въ 1802 г. только роздыха, чтобы возобновить борьбу полтора года спустя.

И это не потому, чтобы Европа давала дружный отпоръ. Анархія стараго порядка предшествовала его пораженію, а пораженіе удесетерило дѣйствіе анархіи. Ни гибель на эшафотѣ короля, ни проскрипція всего дворянства страны, ни пропаганда революціи, ниспровергавшей монархическій порядокъ и феодальный строй, ничто не въ силахъ было одолѣть соперничество, алчность и коварство европейскихъ дворовъ. Народы просятъ мира, потому что война опустошаетъ и разоряетъ, а также и потому, что, подъ предлогомъ предохраненія отъ революціонной заразы, правительства подавляютъ, обираютъ и угнетаютъ ихъ. Государства желаютъ мира, потому что онъ открываетъ болѣе выгодный рынокъ земель, чѣмъ война, и позволяетъ умирять беспокойныхъ. Торгъ цѣлыми народами, болѣе яростный и дерзкій, чѣмъ тотъ, который послѣдовалъ за войной за наслѣдство испанскаго престола и за первымъ раздѣломъ Польши; слѣпая реакція противъ гуманности, цивилизаціи, просвѣщенія и просвѣщенныхъ правительственныхъ начинаній, противъ всего, что составляло честь и гордость восемнадцатаго вѣка, вотъ что отмѣчаетъ въ Европѣ отъ 1793 до 1795 г. отраженное дѣйствіе побѣдъ революціи.

Континентальныя правительства не отказываются договариваться съ Франціей изъ-за одного имени республики. Они очень либерально относятся къ этому предмету. Для нихъ важна революція, а не республикан-

ская вывѣска. Они охотно допускаютъ два разряда республикъ: республики, доставляющія себѣ прибыль, какъ на примѣръ кромвелевская и та, которая возвѣстила о себѣ во Франціи IV года, и республики, за счетъ которыхъ можно было пріобрѣтать, каковыми были: Рѣчь Посполитая и Венеціанская республика. Пруссія причисляла Францію къ первому изъ этихъ разрядовъ, а Польшу—къ второму. Австрія болѣе расположена была признать такую французскую республику, съ которой могла бы обращаться какъ съ Польшей; она предоставляетъ себѣ, при случаѣ, договариваться съ такою французскою республикою, которая отнеслась бы къ ней на подобіе того, какъ комитетъ Общественнаго спасенія отнесся къ Пруссіи. Сама Англія, несмотря на пристрастіе ея правительства къ Бурбонамъ и убѣжденіе Питта въ томъ, что одна монархическая реставрація и прежнія французскія границы могли бы доставить прочный миръ, принуждена допустить, изъ уваженія къ собственному народу, необходимость примиренія съ французскими республиканцами въ тотъ день, когда эти республиканцы примутъ условія Англіи. Коалиція такъ непрочно и расшатана, что враги революціи постоянно боятся ея полного разрыва¹⁾. Ее создалъ только интересъ; онъ можетъ и разрушить ее, если Франція удовлетворитъ его, и возстановитъ, если Франція будетъ грозить ему. Однимъ словомъ, всѣ европейскіе дворы руководствуются единственно государственною необходимостью.

Эта самая *raison d'Etat*, единственная общая мѣрка, существующая между республикою и Европой, позволяетъ Франціи идти на сдѣлки съ монархіями. Но для этого требуется, чтобы республиканская государственная необходимость не была непреклонной, догматической и абсолютной; ей надо сдѣлаться политической и благоразумной; это значитъ, что, принимая европейскіе обычаи, она должна проникнуться и европейскимъ здравымъ смысломъ. Будетъ ли во Франціи монархія или республика, во всякомъ случаѣ есть извѣстный предѣлъ могущества, за который Франція не должна переступать, потому что это не согласовалось бы ни съ ея дѣйствительными силами, ни съ ея постоянными интересами. Вотъ это-то

¹⁾ См. депешу Тугута Кобенцелю, 6 сентября 1795 г.: «Россія инертна; Англія тратитъ свои субсидіи, платя повсюду войскамъ и не имѣя дѣйствительнаго состава послѣднихъ; Германія въ большинствѣ случаевъ склоняется къ миру, подъ прусскою эгидой; итальянскіе государи колеблются, подъ вліяніемъ примѣра Испаніи; сардинскій король удерживается единственно страхомъ передъ австрійскими войсками, готовый заключить миръ, какъ только возможно будетъ сдѣлать это на выгодныхъ условіяхъ; Неаполь безсиленъ, «соблюдая вѣрность исключительно вслѣдствіе неудачи предпринятыхъ переговоровъ». Такова мало утѣшительная картина настоящаго положенія коалиціи». Zeissberg, t. V, 350.

и можетъ быть названо естественною границею: она не имѣетъ въ виду воображаемой конечной цѣли; она происходитъ не отъ произвольнаго и отвлеченнаго понятія о природѣ мыслителей и публицистовъ, а отъ самой природы вещей. Никто не чертилъ ея почеркомъ пера и навѣки; она подвижна, потому что выражаетъ весьма сложныя соотношенія силъ, измѣняющихся съ теченіемъ времени. Если условія прочнаго завоеванія, то есть расположеніе завоеваннаго народа и возможность его ассимиляціи, указываютъ Франціи естественный предѣлъ, политика можетъ приблизиться къ нему не иначе, какъ подражая природѣ, то есть постепенно и соблюдая отѣнки. Такимъ именно образомъ совершались, не сразу и не въ силу системы, а послѣдовательно и постепенно, расширенія предѣловъ старой Франціи. Такимъ же образомъ слѣдовало поступать и въ 1795 г. Если же Франція, достигнувъ предѣла территорій, которыя она могла бы сохранить, сдѣлаетъ ихъ исходною точкой новыхъ предпріятій и будетъ выставять принципъ всемірнаго господства, противъ нея немедленно возникнутъ враждебныя лиги. Людовикъ XIV испыталъ это, и примѣръ его тѣмъ болѣе знаменателенъ для республиканцевъ первой республики, что вся Европа подозрѣвала ихъ въ намѣреніи повторить его.

Если смотрѣть съ точки зрѣнія равновѣсія силъ или такъ называемаго европейскаго равновѣсія, то пріобрѣтеніе рейнской и альпійской границъ не заключало въ себѣ ничего чрезмѣрнаго: оно не превышало пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Пруссіей, Россіей и Австріей въ Польшѣ. Республика не имѣла претензіи не допускать чужихъ завоеваній; она готова была сдѣлать широкія уступки системѣ равновѣсія и доставить обширныя вознагражденія: Баварію—Австріи, епископства, аббатства и, можетъ быть, Ганноверъ—Пруссіи. Въ концѣ концовъ относительное могущество Франціи возросло бы менѣе, чѣмъ прусское. Требуя отъ Европы окончательной уступки завоеванныхъ ею территорій, республика ни по существу, ни формально, ни по праву, ни фактически не выходила изъ обычаевъ стараго порядка. Менѣе этого не потребовалъ бы послѣ завоеваній 1792—1795 г. и Людовикъ XIV въ Европѣ, совершившей раздѣлы 1793 и 1795 годовъ. Но завоеваніе само по себѣ не важно для прочности мира, то есть для сохраненія завоеванія. Главное тутъ духъ, вносимый въ самое ли завоеваніе, или въ его закрѣпленіе. А въ этомъ духѣ и заключался пунктъ расхожденія между республикою и Европою. Для того, чтобы судить о намѣреніяхъ, руководящихъ тою и другою при заключеніи мира, не слѣдуетъ забывать о замыслахъ, предшествовавшихъ началу войны. Случайный и вынужденный компромиссъ не могъ преодолѣть наслѣдственныхъ страстей и постоянныхъ интересовъ народовъ, а именно они-то и лежатъ въ основѣ ихъ исторіи и взаимныхъ сношеній.

Реальною и неизмѣнною цѣлью союзниковъ было ослабленіе Франціи путемъ изнирующей анархіи, ограниченія правительственной власти и государственной пружины: таковы были замыслы императора Леопольда и Питта, начиная съ 1791 г. Англичане и австрійцы гораздо менѣе заботились о спасеніи Франціи отъ террора и анархіи, чѣмъ о томъ, чтобы воспользоваться и тѣмъ и другимъ для ея униженія, уменьшенія ея территории, захвата ея крѣпостей, нарушенія ея границъ, разложенія ея раздорами партій и междуусобицъ, разоренія торговли, оскудѣнія богатствъ; въ 1795 г. Англія и Австрія помогали такимъ же результатамъ. Лордъ Макартней слѣдующимъ образомъ излагаетъ государственныя правила своего правительства, тѣ правила, которыми руководился Питтъ съ 1792 г. и которыя онъ завѣщалъ своимъ преемникамъ, слѣдовавшимъ имъ до 1815 года: «Франція,—пишетъ Макартней въ ноябрѣ 1795 г.,—расширилась, быть можетъ, сверхъ предѣла своихъ дѣйствительныхъ интересовъ; одною изъ многихъ причинъ, заставляющихъ насъ продолжать войну съ Конвентомъ, является непоколебимое рѣшеніе отнюдь не допускать упоминанія о дикомъ проектѣ французовъ избрать своею границею Рейнъ; намъ хорошо извѣстно, что источникъ этого проекта кроется въ намѣреніи пріобрѣсти при случаѣ Эльзасъ и Лотарингію...»²⁾ Англія и Австрія находили опаснымъ не столько расширеніе Франціи, вслѣдствіе признанія рейнской границы, сколько увеличеніе ея могущества и государственныхъ ресурсовъ, которые явились бы слѣдствіемъ новой границы. Франція выходитъ изъ революціи болѣе обширной, болѣе централизованной, сплоченной и національной, чѣмъ была во времена старого порядка. Если къ тому же она будетъ обладать хорошимъ правительствомъ, то станетъ безконечно болѣе грозной, чѣмъ при Людовикѣ XIV, такъ какъ не только удесятятся ея ресурсы, но сверхъ того къ нимъ прибавится порывъ народнаго энтузіазма, соблазнъ ея законовъ и еще болѣе опасная пропаганда ея примѣра. Итакъ, чѣмъ болѣе устойчивымъ, стройнымъ, бдительнымъ, дѣятельнымъ и благотворительнымъ покажется правительство республики, тѣмъ болѣе эти соперничающія государства будутъ опасаться его укрѣпленія, желать его паденія, создавать затрудненія и враговъ, тѣмъ съ большею зоркостью будутъ они подстерегать малѣйшій признакъ

²⁾ Лордъ Ливерпуль писалъ въ іюлѣ 1815 г. лорду Кэстлри: «Въ Англіи преобладаетъ то мнѣніе, что союзники достаточно уполномочены воспользоваться случаемъ и отобрать у Франціи главныя завоеванія Людовика XIV...» Предоставить Франціи линію Вобана и даже Артуа было бы верхомъ непредусмотрительности, писали обыкновенно въ англійскихъ газетахъ. *Duverrier de-Hauranne*, t. III, 198—199. *Sorel: Le Traité du 20 novembre 1815*, Paris, 1872, p. 84.

слабости для того, чтобы снова образовать коалицію, вторгнуться во Францію, если то окажется возможнымъ, и низвести ее къ той ступени, на которой желали ее видѣть. Европа, принимающая и искренно соблюдающая миръ съ республикою подъ условіемъ «естественныхъ границъ», является въ 1795 году совершенно фантастическимъ измышленіемъ.

Республика, способная убѣдить Европу въ превосходствѣ «естественныхъ границъ», посредствомъ прочнаго и благотворительнаго мира, въ 1795 году была бы также вымышленной, идеальной республикой. Для этого пришлось бы сочинить преобразенную и совершенно новую Францію, успокоивающую Европу, послѣ того какъ привела ее въ ужасъ, смотрящую на свои завоеванія, какъ на оплотъ для трудолюбивой и мирной демократіи, стремящуюся лишь сохранить свои пріобрѣтенія, опекающую въ Европѣ слабыхъ, объединяющую мелкія государства для борьбы съ сильными, употребляющую свои силы на поддержку того, что не нашла нужнымъ ломать, сдерживающую собственныя поползновенія, наконецъ, дающую себѣ сильное правительство, потому что, въ случаѣ его слабости, Европа немедленно его опрокинетъ, и въ то же время умѣренное, потому что, если оно будетъ грозить или учинять нашествія, Европа вступитъ въ союзъ противъ него. Въ 1795 году не существовало элементовъ для такого рода Франціи. Все противилось такому идеалу: и цѣль войны и характеръ веденія ея, и условія существованія, созданныя ею для Франціи.

Французы начали войну во имя защиты своей независимости; они продолжали ее во имя распространенія своихъ принциповъ. Затѣмъ, силою вещей, по импульсу традиціи и національнаго интереса, духъ классическаго стремленія къ первенству, свойственный расѣ, экзальтированный революціоннымъ настроеніемъ, отождествилъ національную оборону, пропаганду, супрематство, величіе Франціи и счастье человѣчества въ единомъ замыслѣ, замыслѣ завоеванія. Коль скоро началась завоевательная война, она пошла по неизбѣжному пути всякаго завоеванія. Война поглотила государство. Революція осуществила съ изумительною жизненностью смутную и грандіозную мечту о Римѣ, таившуюся въ нѣдрахъ французскаго воображенія. То была унаслѣдованная мечта, вскормленная монархіей, непрерывно внушаемая высшимъ классамъ посредствомъ классическаго образованія, а массѣ — легендою. Духъ Рима проявляется въ республикѣ, въ законодательствѣ, въ понятіи о верховной власти, государственной необходимости, общественномъ спасеніи, наконецъ, въ образѣ Галліи, начертанномъ Цезаремъ и сдѣлавшимся народнымъ прототипомъ французскаго отечества³⁾. «Если кто-либо желаетъ учредить республику,—

³⁾ «Цезарь даетъ въ нѣсколькихъ строкахъ описаніе Галліи, которую онъ только-что завоевывалъ: то говоритъ администраторъ, а завоеватель даетъ имя *СОРЕЛЬ, т. IV.*

писалъ еще Макіавель, — ему пришлось бы рѣшать, желаетъ ли онъ, чтобы она расширяла свои завоеванія и свое могущество, или же заключила себя въ тѣсные предѣлы. Въ первомъ случаѣ слѣдовало бы взять образцомъ Римъ». Франція такъ и поступила, но не съ предвзятымъ рѣшеніемъ и не по замыслу нѣсколькихъ людей, а въ силу необходимости, созданной ея революціями, вслѣдствіе общаго импульса и всего своего историческаго прошлаго.

Такія вещи не могутъ измѣниться ни по декрету какого-нибудь Собранія, ни по произволу государя; онѣ видоизмѣняются такимъ же способомъ, какимъ и сложились: работою цѣлыхъ вѣковъ и многихъ поколѣній. Такой трудъ совершился во Франціи; но нужны были усилія, опытъ и испытанія цѣлаго вѣка для того, чтобы преобразовать демократію 1795 г. съ ея чисто монархическими понятіями о величіи государства и увлеченіемъ «великими войнами», въ дѣйствительно республиканскую демократію, миролюбивую, потому что миръ есть условіе самаго ея существованія, ищущую величія въ собственномъ преуспѣяніи и болѣе увлекающуюся трудомъ, справедливостью и свободой, чѣмъ супрематствомъ и завоеваніями. Въ 1795 г. французскій Римъ находился въ полномъ расцвѣтѣ своихъ экспансивныхъ завоевательныхъ стремленій: непрерывное распространеніе его могущества настолько же необходимо было для поддержанія этого могущества, насколько было неизбѣжно для завоеванія. Вообразить, что республика будетъ внезапно ограничивать и сдерживать себя, значитъ вообразать себѣ, что она измѣнитъ самую природу свою и отброситъ именно то, что было наиболѣе французскаго въ дѣлѣ революціи. Поэтому-то она и не остановится по собственному почину. Она будетъ остановлена извнѣ. Республика совершитъ необычайныя дѣла; она встрѣтится съ невозможностью. Эта невозможность — одолѣніе цѣлой Европы, принужденіе ея подписывать трактаты, продиктованные Франціей, и лишеніе ея возможности нарушать ихъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Наполеонъ, находясь на вершинѣ своего могущества, не будетъ въ силахъ этого достигнуть, и исполненное предпріятіе, которое приведетъ его къ

Галліи району, лежащему между океаномъ, Пиренеями, Севернами и Рейномъ вопреки разнообразію населяющихъ эту обширную территорию народовъ... Слово *Galli* имѣетъ здѣсь тотъ смыслъ, въ которомъ завоеватель Цезарь ввелъ его въ историческую географію римлянъ и который, благодаря могучему вліянію Рима на всѣ образованные умы, сохранился и до сихъ поръ: оно обозначаетъ безъ различія происхожденія всѣхъ людей, живущихъ между Пиренеями и Рейномъ. Это — совершенно произвольное понятіе, и оно такъ же мало отвѣчаетъ политическому положенію, предшествовавшему римскому завоеванію, какъ и настоящее политическое положеніе римской Галліи». D'Arbois de Jubainville, *Revue critique*, 1891, p. 487.

гибели, будетъ имѣть цѣлью именно это невозможное принужденіе Европы къ миру путемъ коалиціи всего запада противъ Россіи, послѣдней союзницы Англіи.

Война съ Англіей была руководящей мыслью Комитета III года, ее раздѣляли и террористы въ родѣ Талльена, и теоретики въ родѣ Сіейса. Дѣйствительно, безъ ратификаціи Англіи миръ былъ невысказанъ. Слѣдовательно, нужно заставить Англію подписать миръ, продиктованный республикою. «Уничтожимъ Англію», — будетъ писать Наполеонъ въ 1797 г. — «Когда это будетъ сдѣлано, Европа у нашихъ ногъ». «Необходимо принудить Англію къ миру, чтобы дать спокойствіе міру», — скажетъ онъ въ 1807 году ⁴⁾. Таковы постоянныя условія дѣйствія: они останутся неизмѣнными. Но для того, чтобы подчинить Англію, нужно изолировать ее; для изолированія же приходится заставить союзниковъ рѣшиться на отпаденіе отъ нея; такъ какъ нельзя разбить ихъ всѣхъ разомъ, нужно купить тѣхъ, кто расположенъ себя продавать; такъ какъ невозможно разбить остальныхъ настолько, чтобы довести до полного подчиненія, приходится шадить ихъ даже послѣ побѣды. Слѣдствіемъ этого явилась уступка сѣверной Германіи Пруссіи въ 1795 г., въ видахъ отдѣленія ея отъ коалиціи, и обѣщаніе ей секуляризаций — для полученія ея согласія на присоединеніе лѣваго берега Рейна; предложеніе Австріи Баваріи въ 1795 г., обѣщаніе предоставить Зальцбургъ, уступить Венецію, Истрію и Далмацію въ 1797 г., для того, чтобы заставить ее отказаться отъ Нидерландовъ и порвать союзъ съ англичанами. Это ведетъ къ разрушенію Германіи и равновѣсія, установленнаго въ ней вестфальскими трактатами. Было только одно средство исправить это разрушеніе, и Сіейсъ предлагаетъ его въ 1795 г.: усилить другія второстепенныя германскія государства, федерировать ихъ и образовать изъ нихъ ограду между Франціей, Пруссіей и Австріей.

Можно сказать, что эти комбинаціи были необходимымъ условіемъ пріобрѣтенія рейнской границы, такъ какъ Франція только на этихъ условіяхъ пріобрѣла и сохраняла за собою эту границу отъ 1795 до 1814 г., а когда потомъ французскія правительства мечтали о возвращеніи ея цѣликомъ, или отчасти, въ 1829 и 1866 годахъ, они никогда не находили иного средства, кромѣ «чрезвычайнаго», по выраженію Сіейса ⁵⁾, прира-

⁴⁾ Бонапартъ Талейрану, 18-го октября 1797 г. — Наполеонъ Карлу IV, 12-го октября 1807.

⁵⁾ *Revue historique*, t. XVIII, 287. — Въ 1829 г., для пріобрѣтенія Бельгіи и Люксембурга, правительство Карла X предлагаетъ Австріи Боснію, Герцеговину, Кроацію и турецкую Далмацію; Пруссіи — Саксонію и Голландію. «Пруссія — центръ этого узла и ее нужно удовлетворить». Меморій, представленный совѣту министровъ Полиньякомъ въ 1829 г. Въ 1866 г.: проекты пріобрѣтенія Бельгіи или Люксембурга, или же края, лежащаго между Рей-

щенія Пруссіи на счетъ Германіи и вознагражденія Австріи въ Италиі, въ самой Германіи или же на Востокъ *).

Но что бы то ни дѣлала Франція, эти государства не измѣнятъ своей политики, стремящейся къ усиленію собственнаго могущества и ослабленію Франціи. Какъ только представится возможность, они присоединятся къ Англіи и воспользуются, для возвращенія Франціи въ ея прежніе предѣлы, тѣми самыми силами, которыя были доставлены имъ Франціей, ради пріобрѣтенія ея «естественныхъ границъ». Вотъ опасность, постоянно грозящая Франціи. Во избѣжаніе ея придется держать континентъ въ повиновеніи, стоять подъ ружьемъ, внушать страхъ, обезпечивать себѣ проходы и окружать себя бастионами. «Естественныя границы» невозможны именно потому, что республика не можетъ ими удовлетвориться.

Чтобы отстаивать ихъ, ихъ приходится переступить такъ же, какъ и для того, чтобы завоевать ихъ. Владѣя германскими территориями лѣваго берега Рейна, республика нуждается въ обезпеченіи себѣ навигаціи по этой рѣкѣ: устье остается во власти Голландіи, поэтому необходимо, чтобы Голландія сдѣлалась торговой союзницею республики. Владѣя Антверпеномъ и Бельгіей, Франція не можетъ терпѣть въ Голландіи враждебнаго себѣ правительства или хотя бы только расположеннаго къ Англіи. Владѣя Савойей и Ниццей, она не можетъ допускать подчиненія Пьемонта Австріи. Желая прогнать англичанъ съ Средиземнаго моря, она не можетъ терпѣть, чтобы Италиа открывала имъ свои порты и поставляла солдатъ. Отсюда вытекаетъ мысль о зависящихъ сосѣднихъ государствахъ и второстепенныхъ союзахъ съ Пьемонтомъ, Испаніей, Голландіей, имѣющихъ цѣлью ограничить вліяніе Англіи, держать въ повиновеніи Италию, сдерживать Пруссію, слишкомъ усилившуюся и всегда ненадежную, враждебную Австрію и, наконецъ, Россію, которая можетъ быть со временемъ вовлечена въ новую коалицію Англіей и Австріей.

Это расширеніе союзовъ, являющееся какъ бы продолженіемъ завоеванія, становится обязательнымъ, вслѣдствіе политическихъ условій и военныхъ требованій. Оно налагается самымъ характеромъ революціи. Республика не можетъ покинуть призываемыхъ ею къ эмансипаціи на-

номъ и Мозелемъ, въ видѣ компенсаціи за присоединеніе къ Пруссіи Ганновера, Гессенъ-Касселя, Нассау и Франкфурта. *Essais de critique et d'histoire* A. Sorel: Статьи: *L'alliance russe et la Restauration* и *La politique française en 1866*.

*) «Республикѣ необходимо увеличить свои оборонительныя средства противъ правительствъ, которыя и послѣ того, какъ положили оружіе... останутся навсегда ея тайными врагами и надолго будутъ заниматься только подстереганіемъ благоприятной минуты для объявленія новой войны». MERLIN, 8 vendémiaire. CARNOT, 9 vendémiaire, *Moniteur*, t. XXVI, 88, 122.

родовъ, не роняя своего достоинства; она утратила бы свой престижъ, а съ престижемъ—и самый смыслъ своихъ побѣдъ. Франція не простила бы этого своимъ правителямъ; Европа немедленно воспользовалась бы этимъ противъ Франціи для вторженія и оттѣсненія. Такимъ образомъ Голландская республика становится неизбѣжнымъ дополненіемъ французской, а такъ какъ для отпора Австріи французская республика переноситъ войну въ Италию, такъ какъ она естественнымъ образомъ создаетъ тамъ новыя республики, то эти республики остаются связанными съ нею, и она такъ же мало можетъ отдать ихъ Австріи, какъ и предоставить Голландію Англіи.

Но для достиженія своей цѣли, союзники республики на берегахъ Средиземнаго моря, какъ и на океанѣ, въ Италиі, какъ въ Испаніи и Голландіи, должны подчинить экономическіе и политическіе интересы союзныхъ государствъ интересамъ республики *). Если эти союзники окажутъ сопротивленіе, республикѣ придется ихъ принуждать; если это окажется недостаточнымъ, она вынуждена будетъ подчинить ихъ себѣ. Существованіе союзниковъ республики, подобно существованію Голландіи, зависитъ отъ ихъ покорности: присоединеніе Пьемонта, господство въ Италиі и Испаніи и присоединеніе Голландіи въ зачаточномъ видѣ встрѣчаются уже въ проектахъ III года. Они должны получить дальнѣйшее развитіе. Опытъ дѣйствительно показалъ, что это было единственное средство извлечь изъ этихъ государствъ ту пользу, которой ожидала отъ нихъ республика **).

Такова цѣль послѣдствій. Можно представить себѣ, въ 1795 г., Францію, пріобрѣтающую германскую часть лѣваго берега Рейна: Англію,—относящуюся къ этому безразлично, а вознагражденныхъ германцевъ соглашающихся на такую уступку. Можно также представить себѣ французскую границу доведенную до Мозеля: побѣжденная Австрія вынуждена уступить Нидерланды; не беря ничего у германцевъ, Франція доставляетъ имъ, не

*) «Торжественный трактатъ, который долженъ служить въ этомъ отношеніи образцомъ для всѣхъ будущихъ трактатовъ», говоритъ комитетъ Общественнаго спасенія по поводу мирнаго договора съ Голландіей. *Инструкція Ноэля*, фруктидоръ, годъ III.

**) Сравни. изложеніе мотивовъ декрета 9-го іюля 1810 г. о присоединеніи Голландіи къ имперіи: «Присоединеніе къ Франціи Бельгіи уничтожило независимость Голландіи; ея система сдѣлалась неизбѣжно французской; она принуждена принимать участіе во всѣхъ морскихъ войнахъ Франціи, какъ если бы была одною изъ ея провинцій... Голландія есть какъ бы продолженіе французской территоріи, она—дополненіе имперіи; для того, чтобы обладать всѣмъ Рейномъ, ваше величество должны достигнуть до Зюдерзе. Присоединеніе Голландіи къ Франціи... дополняетъ господство вашего величества и приводитъ къ выполненію военной системы и системъ политической и коммерческой... наконецъ это было бы и наиболѣе чувствительнымъ ударомъ, который ваше величество могли бы нанести Англіи». См. т. III, стр. 373.

будучи обязанной платить имъ вознагражденій за убытки, миръ, который они очень охотно подписываютъ, и англійское правительство, дѣйствительно изолированное коалиціей миролюбивыхъ интересовъ континента, могло быть вынуждено принять этотъ миръ подъ давленіемъ всеобщаго недовольства. Но прибавить къ завоеванію края между Маасомъ и Рейномъ еще и земли, лежація между моремъ и Маасомъ, это уже превышало мѣру европейскаго терпѣнія и того, что Франція въ силахъ была требовать: Франція могла достигнуть заключенія мира, только разъединяя Англію и континентъ; послѣдняя же комбинація могла только привести къ ихъ союзу, а между тѣмъ Конвентъ сдѣлалъ изъ нея конституціонный законъ республики.

Въ видахъ избѣжанія роковой исторической необходимости, въ воображеніи, по крайней мѣрѣ, создавали себѣ республику, официально заключенную въ прежнія границы французскаго государства и превращающую въ зависимыя республики завоеванныя или освобожденные ею страны. Представляли ее себѣ свободною, мирною, охраняющею, окруженною поясомъ свободныхъ и мирныхъ государствъ, созданныхъ по ея подобию. Они защищаютъ ее, она покровительствуетъ имъ: бельгійской, батавской, рейнской, гельветической, цизальпинской и лигурійской республикамъ. Но все это было одной мечтой: ни характеръ французской республики не позволялъ осуществить ее, ни Европа не была способна допустить такого осуществленія. Ничто не противорѣчило духу французской революціи въ такой мѣрѣ, какъ федеративное начало. Къ тому же, если бы Франція не господствовала надъ этими республиками, онѣ ускользнули бы отъ нея, хотя бы въ силу одной только своей независимости ⁹⁾. Въ Европѣ 1795 года не было мѣста для такого рода федераціи, терпимой скорѣе, чѣмъ признанной, всегда непрочной и постоянно подверженной алчности и захватамъ сосѣдей. Еще менѣе было мѣста въ тогдашней Европѣ для республики въ римскомъ вкусѣ, предназначенной управлять міромъ и граждане которой почитаютъ себя призванными властвовать надъ окружающими ихъ народами. Одинаково невозможно было превратить французскую республику 1795 года съ ея «естественными границами» въ федерацію штатовъ, на подобіе сѣверо-американскихъ, какъ и превратить державы, участвовавшія въ раздѣлѣ Польши, въ государства, уважающія независимость другихъ народовъ, и довести Англію до одинаково-равнодушнаго отношенія къ водруженію французскаго флага въ Антверпенъ и американскаго—въ Нью-Йоркѣ.

Итакъ, содѣйствіе однихъ и тѣхъ же мотивовъ привело одновременно

⁹⁾ Рѣчи Мерлена, Портіе, Робержо, Лефебвра, 8 и 9-го вандемьера, *Moniteur*, t. XXVI.

Европу къ отождествленію идеи мира съ идеей установленія ограниченной монархіи въ заключенной въ старыя границы Франціи, а французовъ—къ смѣшенію своей національной независимости, обезпеченія революціи и торжества республики съ завоеваніемъ лѣваго берега Рейна. Въ 1795 году не было ни одного республиканца, который не способенъ былъ бы держать такую же рѣчь, какую Наполеонъ произнесъ въ 1814 году ¹⁰⁾: «Союзники хотятъ вернуть Францію къ ея прежнимъ границамъ. Эта система нераздѣльна съ возвращеніемъ Бурбоновъ, такъ какъ они одни могутъ представить обезпеченіе сохраненію этой системы... Никогда не подпишу я подобнаго договора... Я поклялся поддержать неприкосновенность республики... Чѣмъ сталъ бы я для французовъ, если бы согласился подписать актъ ихъ униженія? Что сказалъ бы я республиканцамъ, когда они пришли бы требовать своей рейнской границы?» Сила вещей требовала, чтобы цезарская Галлія могла существовать только въ Европѣ, возвращенной ко временамъ Цезаря. Единственный сообразный съ этимъ римскимъ воззрѣніемъ на Галлію миръ требовалъ созданія новой римской имперіи, то есть подчиненія Англіи и супрематства Франціи въ Европѣ.

IV.

Выводъ изъ всего предыдущаго — неизбежность правленія военнаго диктатора. Одна мысль являлась преобладающею у французовъ: воспользоваться благами революціи среди славнаго для Франціи мира, то есть, добиться порядка, разумной администраціи, обезпеченія безопасности и труда, гражданскаго уложенія и естественныхъ границъ. Франція будетъ принадлежать тому, кто выполнитъ эти требованія. То будетъ побѣдоносный генералъ, потому что побѣда необходима для принужденія Европы къ заключенію мира, и только двойной престижъ побѣды и мира можетъ доставить правительству господство надъ партіями. Конституція III года и политическое завѣщаніе Конвента только ускорили ходъ событій. Внѣшнія вліянія отразились на внутреннихъ дѣлахъ цѣлымъ рядомъ реакцій. Директорія съ своими двумя совѣтами была лишь организованною анархіей; завоеваніе естественныхъ границъ было лишь систематизированной войной. И война и анархія вели къ военной диктатурѣ націю, желавшую порядка и побѣды.

То, что произошло между 1795 и 1799 годами, есть только интермедія, послѣ которой естественною игрой неизмѣнныхъ причинъ, люди и обстоятельства пришли къ соотношеніямъ, аналогичнымъ съ существовавшими въ 1795 г.: извнѣ—ненадежная Испанія, волнующаяся подъ ярмомъ

¹⁰⁾ FAIN, *Manuscrit* de 1814, p. 76.

Голландія, осыпанная обѣщаніями и тѣмъ не менѣе двусмысленная Пруссія; Австрія, получившая въ награду Венецію и все-таки намѣревающаяся возвратить себѣ Нидерланды, грозящая и Рейну и Альпамъ; Англія, непримиримая и коализирующая континентъ, наконецъ и грозное вмѣшательство русскихъ; внутри страны—роялисты и ихъ заговоры, якобинцы и ихъ проскрипціи, масса—ни якобинская, ни роялистская, но главнымъ образомъ демократическая и преданная родинѣ, еще болѣе нетерпѣливо ожидающая окончанія революціи, чѣмъ въ 1795 г., потому что прождала уже съ тѣхъ поръ цѣлые четыре года, менѣе дорожащая свободой, потому что въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ видѣла пародію этой свободы и ея злоупотребленіе; во главѣ правленія и вокругъ его тѣ же люди, неспособные управлять сами по себѣ, а между тѣмъ все-таки призванные управлять, потому что нѣтъ болѣе способныхъ: Мерленъ, готовый писать законы для господина, Камбасересъ, готовый на всевозможныя сдѣлки, Сіейсъ, продолжающій носиться съ конституціей. То, что произошло въ 1799 г., было прямымъ слѣдствіемъ фактовъ, выдвинутыхъ въ 1795 г.

Армія олицетворяла собою отечество въ героическую эпоху Конвента; отнынѣ она олицетворяетъ и республику. Патріотическое чувство, энтузіазмъ, необходимость толкнули въ нее весь цвѣтъ молодежи. Всѣ духовныя силы Франціи обратились къ войнѣ; вслѣдствіе продолжавшейся постоянно войны, армія сдѣлалась главнымъ орудіемъ государственной политики. Она была славою отечества, его опорой и спасеніемъ. Она защищала и кормила республику. Она составляла при шаткомъ правительствѣ еще не въ умиротворенномъ обществѣ единственную организованную силу; она представляла величественный и славный образъ государства, и этотъ образъ отражалъ въ себѣ наиболѣе популярную сторону той римской республики, которою полны были всѣ умы. Армія была глубоко національна, и каждый изъ ея бойцовъ отождествлялъ свое личное дѣло и свое честолюбіе съ независимостью республики и торжествомъ революціи. Нигдѣ, какъ въ этой арміи, не было такъ мало расположенія къ якобинцамъ и роялистамъ: къ роялистамъ относились въ ней враждебно, потому что съ восстановленіемъ прежняго режима офицеры лишились бы чиновъ, а войска—престижа; къ якобинцамъ не благоволили потому, что ихъ господство ослабило бы супрематство арміи, подчинивъ ее гражданской власти; нигдѣ не дорожили до такой степени величіемъ Франціи въ средѣ европейскихъ державъ и сохраненіемъ завоеваннаго. Армія, составляя главную пружину республики, въ то же время олицетворяла и ея духъ. Республиканцы сдѣлали изъ нея арбитра самого правительства. Естественно было, что она стремилась овладѣть властью даже въ томъ случаѣ, если бы ее и не призвали къ тому республиканцы.

Торжество арміи предвидѣлось. Уже въ 1790 г. Ривароль говорилъ: «Или у короля будетъ армія, или армія будетъ имѣть своего короля... революціи всегда завершаются саблею: Сулла, Цезарь, Кромвель». Въ 1791 г. одинъ изъ секретарей Мирабо, усвоившій его взгляды, замѣтилъ: «Такъ какъ настоящая династія можетъ внушать одно лишь недовѣріе, ей предпочтутъ власть какого-нибудь счастливаго солдата или созданнаго случаемъ диктатора».—«Цезарь придетъ», писала Екатерина II въ томъ же году. «Онъ придетъ, не сомнѣвайтесь». И въ 1794 г.: «Если Франція выйдетъ изъ всего этого, она будетъ могучѣе прежняго; она будетъ покорна какъ агнецъ; но ей нуженъ человѣкъ, выходящій изъ ряда, искусный, отважный, стоящій выше своихъ современниковъ, а можетъ быть и выше своего вѣка. Родился ли такой человѣкъ? Отъ этого зависитъ все». Наконецъ въ августѣ 1795 г. герцогъ Рихелье говорилъ: «силою вещей у французовъ будетъ король, но король не изъ дома Бурбоновъ»¹⁾.

Всѣ, и не безъ основанія, заключали о судьбѣ республики на основаніи примѣровъ древняго Рима. «Война была необходима Риму, а вслѣдствіе воинственнаго духа командованіе, естественно, должно было сосредоточиться въ рукахъ одного военачальника». Французамъ предстояло выбрать своего героя: «Тотъ, кто можетъ внушить народу стремленіе къ славѣ, упорство въ трудѣ, идею о величіи націи и любовь къ родинѣ, можетъ хвалиться, что нашелъ государственную конституцію, наиболѣе способную породить великихъ людей»²⁾.

Сила вещей вела къ военной власти, но она не опредѣляла, какой именно генералъ призванъ будетъ къ диктатурѣ. А между тѣмъ, сообразно съ характеромъ и свойствомъ ума этого человѣка, событія, общее направленіе которыхъ было намѣчено, могли бы сложиться такъ или иначе, имѣть болѣе или менѣе быстрый и обширный ходъ. Можно было сдѣлать тотъ или иной выборъ въ средѣ военныхъ, оказавшихъ услуги республикѣ и выдвинувшихся въ первый рядъ, и этотъ выборъ отразился бы на судьбѣ республики различнымъ образомъ. Ни одинъ изъ генераловъ не оказалъ болѣе услугъ, чѣмъ Карно; но если онъ и былъ «организаторомъ побѣды», то не былъ завоевателемъ и оставался комиссаромъ Конвента. Призванный въ послѣдній разъ въ Директорію въ 1795 г., онъ подвергся изгнанію въ 1797 г., главнымъ образомъ, потому, что поддерживалъ свободу внутри страны и умѣренность во внѣшней политикѣ. Если бы возвысился Гошъ, съ нимъ восторжествовалъ бы духъ предприим-

¹⁾ LESCURE *Rivarol*, p. 418. *Mémoire de Pellenc pour la Reine. Corr. de La Marek*, t. III, 205, *Corr. de Catherine avec Grimm*, janvier 1791, février 1794. — *Corr. du duc de Richelieu, Lettre à Razoumovsky*, août 1795.

²⁾ BOSSUET, *Histoire universelle*, 3 partie, ch. VI, № VII.

чивости, національной гордости и политики; если бы жребій палъ на Моро, онъ водворилъ бы тревогу, слабость и вмѣстѣ съ тѣмъ суровость; Бернадоттъ вдался бы въ дипломатію; Пиегрю — въ интриги. Можно предположить, что уступавшій въ геніальности Наполеону Гошъ, напоминавшій Циціона и ничѣмъ не походившій на Діоклетіана, вынужденъ былъ бы однакоже слѣдовать по пути, аналогичному съ наполеоновскимъ. Онъ былъ бы милостивѣе къ народамъ и менѣе щедръ для государей; но его военная республика своею мощью, свободою, своею пропагандой и примѣромъ встревожила бы монарховъ еще сильнѣе, чѣмъ обезпокоила ихъ наполеоновская Имперія своимъ деспотизмомъ и завоеваніями: менѣе щедро раздавая территоріи, онъ менѣе долго поддерживалъ бы иллюзію союзовъ; наконецъ, по склонностямъ своего духа настолько же, насколько и въ силу необходимости, онъ преслѣдовалъ бы до катастрофы ту же химерическую борьбу противъ Европы, коализированной Англіей. Моро, быть можетъ, успокоилъ бы англичанъ, но они не замедлили бы заставить его отступить: униженный англичанами, тѣснимый Австріей, обойденный роялистами, онъ лишился бы власти, неизбѣжно открывъ путь для новаго господства якобинцевъ. Бернадоттъ заботился бы, главнымъ образомъ, о себѣ и пожертвовалъ бы всею ради возможности надѣть корону и положить начало династіи. Пиегрю, желая слѣдовать по стопамъ маршала Саксонскаго, повторилъ бы карьеру Дюмурье.

Но все это одни праздныя и произвольныя разсужденія. Исторія не допускаетъ фикцій. Дѣло въ томъ, что Гошъ умеръ, не дождавшись своего часа; Пиегрю погубилъ себя заговорами и вовлекъ въ нихъ Моро, который перешелъ на сторону непріятеля; Бернадоттъ ждалъ случая, который представился только въ 1814 г., и удовлетворился шведскимъ престоломъ. Диктаторъ указанъ былъ самимъ комитетомъ Общественнаго спасенія; онъ расчищалъ путь и оберегалъ выходъ для Бонапарта. Это простое совпаденіе; но Бонапартъ стремился къ успѣху и отправился въ Парижъ искать благопріятныхъ случайностей. Во время революціи онъ представлялся во множествѣ. Если бы онъ не встрѣтился съ Барра, Дусэ и если бы не было 13-го вандемьера, онъ нашелъ бы другихъ людей и произошли бы другія обстоятельства, которыми бы онъ и воспользовался. Причины, заставившія Комитетъ дать ему порученіе, конечно, случайность, но не случайны тѣ причины, которыя дали ему возможность одержать верхъ въ республикѣ.

Ему двадцать-пять лѣтъ. Корсиканецъ по рожденію, онъ привязался къ Франціи, привязавшись къ революціи. Онъ несетъ въ крови тѣ примитивныя страсти, которыя совершали эту революцію. Къ ненависти и зависти мелкой буржуазіи по отношенію къ аристократамъ, у него при-

соединяется честолюбивая гордость верховенствующаго народа. Чтѣ онъ такое? Ничто. Чѣмъ долженъ онъ быть? Всею. Вотъ, по мнѣнію Сіейса, государственное правило демократіи. Повернувъ въ свою пользу и присвоивъ себѣ это государственное правило, Бонапартъ дѣлаетъ его символическимъ лозунгомъ своей жизни. Онъ не изъ тѣхъ, кто совершалъ революцію; онъ изъ тѣхъ, для кого она совершенна. Онъ воплотить ее въ своемъ лицѣ; онъ скажетъ: «Революція—это я!» Онъ раздѣляетъ народныя страсти французовъ: презрѣніе къ иностранцамъ, ненависть къ Англіи, стремленіе къ завоеваніямъ, любовь къ славѣ. «Онъ заинтересованъ въ величіи республики», говорилъ Дантонъ объ одномъ генералѣ своего времени. Бонапартъ превратитъ это величіе въ свою личную собственность. Онъ понятенъ народу и арміи, такъ какъ по основнымъ инстинктамъ своимъ принадлежитъ къ нимъ обоимъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ судитъ ихъ и господствуетъ надъ ними. Къ этому его подготовило и его корсиканское происхожденіе. Онъ самъ, на своемъ островѣ, прошелъ опытъ древнихъ республикъ; онъ жилъ ихъ жизнью. Въ Парижѣ все только пытаются говорить ихъ языкомъ; этотъ языкъ мертвъ для французовъ, это школьный языкъ для нихъ; для него это—живой языкъ его родины. «Корсика,—писалъ одинъ изъ членовъ Конвента,—страна, гдѣ «начальники поочередно кадятъ народу и обманываютъ его для того, чтобы вѣрнѣе управлять имъ; народъ не понимаетъ отвлеченнаго принципа, ему необходимо приложить идею къ живому существу, и тогда онъ обоготворяетъ его... Паоли стоялъ за свободу: съ этой минуты онъ смѣшиваетъ Паоли съ самою свободой». Бонапартъ переноситъ эти инстинкты и нравы во Францію; здѣсь они тотчасъ же прививаются въ силу сродства между партіями двухъ родственныхъ народовъ, ведущихъ начало отъ древняго Рима и пропитанныхъ его духомъ. Онъ обладаетъ отъ природы этимъ римскимъ духомъ, проникающимъ республику, и распространяетъ его оживленнымъ и помолодѣвшимъ въ томъ воздухѣ, которымъ дышатъ французы. Онъ понимаетъ французовъ, и они въ свою очередь понимаютъ его съ первыхъ словъ, имъ произнесенныхъ. За исключеніемъ Мирабо и Дантона, все трибуны, казалось, повторяли урокъ и говорили книжнымъ языкомъ. Рѣчь Бонапарта мужественна и властна. Его понимаютъ, потому что онъ въ повелительной и доступной формѣ выражаетъ то, чего смутно желаетъ масса французовъ. Ему повинуются, потому что онъ приказываетъ именно то, чтѣ все согласны выполнять.

Онъ нашелъ поддержку въ своей обширной начитанности; она безпорядочна и лишена методы; онъ читалъ то, чтѣ попадалось ему подъ руку, во время гарнизонныхъ досуговъ, во встрѣчныхъ библіотекахъ; но его умъ упорядочиваетъ это чтеніе, оплодотворяетъ его; а необычайная память

помогаетъ ему усвоить прочитанное. Онъ инстинктивно обратился именно къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя могли помочь ему въ изученіи времени, и питался сокомъ восемнадцатаго вѣка. Руссо раскрылъ ему душу его современниковъ; Вольтеръ училъ его исторіи; у Бюффона онъ заимствовалъ понятія о природѣ; въ *Institutes* онъ почерпнулъ понятіе о законахъ; далѣе онъ черпалъ у Адама Смита, Филанжіери, Неккера, Мирабо, Дюбо, Буленвилле, Мабли, Маккиавеля; всѣ они изощрили его политическіе взгляды; Райналь и Вольней открыли горизонты для его воображенія; наконецъ, Монтескье открылъ бы ему завоевательный духъ французской революціи, если бы онъ не усвоилъ его и помимо этого содѣйствія. Онъ читалъ «Духъ законовъ» при свѣтѣ своего столѣтія и окончательно проникся римскимъ духомъ въ той формѣ, въ какой тотъ вѣкъ принималъ его и въ какой слѣдовало принимать его для того, чтобы быть понятнымъ людьми того вѣка.

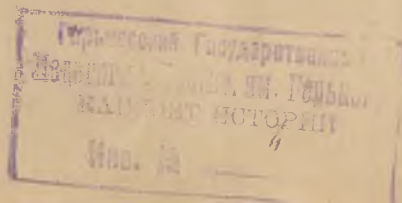
Наполеона создали обстоятельства и знаніе; его изумительнѣйшая геніальность, когда-либо извѣстная міру, проявилась въ войнѣ, дипломатіи, государственныхъ дѣлахъ и одновременно выяснилась и для него самого, и для другихъ по мѣрѣ обстоятельствъ; но въ Бонапартѣ изумительно то, что повсюду, куда онъ являлся, съ первыхъ же шаговъ онъ выступалъ вполне подготовленнымъ: въ Тулонѣ, чтобы дѣйствовать, въ Комитетѣ, чтобы создавать планы, а послѣ вандемьера, чтобы руководить. Всѣ его главные свойства опредѣлились съ самаго начала: настойчивое и покорное волѣ вниманіе, присутствіе духа, никогда не измѣняющая память, способность учиться дѣйствуя, въ политикѣ, какъ и въ военномъ дѣлѣ; проницательность по отношенію къ чужимъ замысламъ; полное обладаніе своими способностями; умѣнье находить цѣлесообразныя средства; мощная сила воображенія и изобрѣтательность въ замыслѣ, точность мышленія и здравый смыслъ въ выполненіи подробностей; высшія дарованія, создающія великихъ артистовъ, великихъ изобрѣтателей, великихъ военныхъ и государственныхъ людей: способность различать въ каждомъ дѣлѣ его суть и, такъ сказать, его узелъ, выдѣлять ихъ среди хаотическаго движенія общества, въ неопредѣленномъ рельефѣ страны, въ запутанной интригѣ переговоровъ, среди шума и грохота битвы; умѣнье улавливать нить событій и слѣдить за нею, схватывать повторяющуюся цѣпь обстоятельствъ, неизмѣнные факты, овладѣвать ими и сообразоваться съ ними; и при всемъ этомъ—простота замысла, быстрота и ясность мышленія, всепобѣждающая воля.

Такимъ былъ онъ уже въ 1795 г. Ни смута сердца, ни укоры совѣсти не стѣсняють у него понятія о государственной необходимости, единственнаго правила его поступковъ. Только страсти, разгорѣвшіяся

сами по себѣ и вслѣдствіе своего всемогущества, затуманяють впослѣдствіи этотъ разумъ. Эгоизмъ, равный геніальности, одинаково порывистый и обширный, неутолимая жажда битвы, какъ своего рода игры, потребность все поглощать, чтобы властвовать, колоссальное, деспотическое, всезахватывающее *Я* еще не сквозятъ въ немъ и не владѣютъ имъ всецѣло. Онъ молодъ; онъ еще не знаетъ себя и не вѣдаетъ своей судьбы; но онъ созрѣлъ для дѣла какъ Ришелье, когда тотъ, тридцати одного года, сдѣлался государственнымъ военнымъ секретаремъ; какъ Фридрихъ, когда онъ, въ двадцать-восемь лѣтъ, получилъ корону; какъ Екатерина, когда она овладѣла престоломъ тридцати трехъ лѣтъ; какъ Питтъ, сдѣлавшійся министромъ двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду. Ему недоставало еще мѣры въ замыслахъ, умѣренности въ силѣ, равновѣсія и пропорціональности, бывшихъ тайной этихъ великихъ государственныхъ работниковъ; но онъ превосходитъ ихъ всѣхъ широтою, гибкостью и мощью ума, болѣе раннимъ и болѣе полнымъ его развитіемъ. Онъ вноситъ въ борьбу между Франціей и Европой два элемента, которые не должны раздѣляться въ исторіи, какъ не раздѣлялись и въ событіяхъ: свои побѣды, которыя однѣ дали возможность осуществить замыселъ естественныхъ границъ, и свою политику, которая, ускоряя ходъ событій, обнаружила основное заблужденіе этой системы и сдѣлала еще болѣе пагубнымъ ея неизбѣжное крушеніе.

И вотъ, когда комитетъ Общественнаго спасенія и Конвентъ намѣчали на нѣсколько лѣтъ впередъ политику Франціи, увлекаая республику на путь, усыпанный засадами и ведущій къ пропасти, когда они вызывали всѣ условія, которыя должны были предать государство въ руки военачальника и не оставить Франціи иного способа придти къ миру и иной гарантіи свободы, кромѣ неправдоподобнаго появленія челоѣка, достаточно мощнаго, чтобы одолѣть Европу, и достаточно мудраго, чтобы примирить съ нею Францію, въ это самое время этотъ Конвентъ и этотъ Комитетъ призвали къ высшему военному посту въ государствѣ челоѣка, который, бросившись на открываемую ему революціей дорогу, преувеличить до послѣдней степени всѣ честолюбивые замыслы республики и доведетъ Францію до края пропасти. Конвентъ боялся вызвать Кромвеля и подготовить Монка, онъ открылъ путь Цезарю.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:			Читать:
Стр.	7, строка	23 комитеты	комитаты
»	37	» 7 способнымъ	способными
»	51	» 27 линіи	мисси
»	67	» 1 разлитіа	различія.
»	80	» 13 Силлы	Суллы
»	83	» 2 навистными	ненавистными
»	101	» 22 такъ	тамъ
»	112	» 13 поговорили	переговорили
»	115	» 15 образованій	образованія
»	133	» 23 имъ	англичанамъ
»	164	» 12 совершенно	совершенно
»	183	» 22 природы	природа
»	295	» 3 1797	1795
»	320	» 17 втъ	отъ
»	—	» 24 осла	вела

КАТАЛОГЪ ИЗДАНИЙ Д. Ф. ПАНТЕЛѢВА. 1877—1892 гг.

АНТРОПОЛОГІЯ

ТОПИНАРА. Переводъ подъ редакцію профессора И. И. Мечникова. Съ 52 рис. въ текстѣ. 435 стр. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 30 к.

ИСТОРІЯ МАТЕРІАЛИЗМА

И КРИТИКА ЕГО ЗНАЧЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Фр. Альб. ЛАНГЕ. Перев. съ 3-го нѣм. изд. Н. Н. Страхова.

Томъ I-й: Исторія матеріализма до Канта. 398 стр.

Томъ II-й: Исторія матеріализма послѣ Канта. 495 стр.

Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Сочиненія ДАВИДА РИКАРДО. Пер. Н. Зиберы, съ приложен. переводчика. 685 стр. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

ИСТОРІЯ ТЕОРИИ СТАТИСТИКИ.

Въ монографіяхъ Вагнера, Рюмелина, Этингена и Швабе. Пер. съ нѣм. подъ редакцію и съ дополненіями проф. Янсона, съ 3-мя таблицами чертежей, 270 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

В. А. ЗАЙЦЕВЪ.

РУКОВОДСТВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРІИ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ ВОСТОКА.

Съ 4 картами, 2 таблицами іероглифическихъ и клинообразныхъ письменъ, 287 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ ЗАПАДА.

Эллинская эпоха, съ 2 картами. 646 стр. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.

ОСНОВЫ НАУКИ.

ТРАКТАТЪ О ЛОГИКѢ И НАУЧНОМЪ МЕТОДѢ.

СТЕННИ ДЖЕВОНСА.

Пер. съ англ. М. А. Антоновича. 735 стр. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р.

Ст. Джевонсъ. ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УЧЕБНИКЪ ЛОГИКИ

ДЕДУКТИВНОЙ И ИНДУКТИВНОЙ, СЪ ВОПРОСАМИ И ПРИМѢРАМИ. Пер. съ англ. М. А. Антоновича. 336 стр. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ЗВУКЪ.

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія звука, для всѣхъ возрастовъ. Альфреда Маршалля Майера. Съ 60 рисунками. Перев. съ англ. М. А. Антоновича. 165 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

СВѢТЪ.

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія свѣта, для всѣхъ возрастовъ. А. Майера и Барнара. Съ 29 рис. Пер. съ англ. М. А. Антоновича. 84 стр. Ц. 50 к. съ пересылкою 65 к.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ КОСМОСЪ.

Лекціи Роско: Изъ чего составлена земля. — Лонаеръ: Почему таковъ составъ земли, каковъ онъ есть. — Уильямсонъ: Послѣдовательность жизни на землѣ. Съ 50 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

О НОВѢЙШИХЪ УСПѢХАХЪ ФИЗИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Лекціи проф. Эдинб. унив. П. Г. Тэта. Пер. подъ редакц. И. М. Стѣчкова. Съ 24 рис. въ текстѣ. 339 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Г. Д. ВАХТЕЛЬ. РУКОВОДСТВО КЪ ТЕХНИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ.
Цѣна 5 р.

РЭМСЕНЪ. ВВЕДЕНИЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ СОЕДИНЕНІЙ УГЛЕРОДА.
(Органическая химія.) Пер. Н. С. Дрентельна. Ц. 2 р.

П. ТЭТЪ. СВОЙСТВА МАТЕРІИ.
Перев. съ англ. И. М. Стѣченова. Ц. 2 р. 50 к.

Арендъ, Р. Основныя начала химіи, съ 178 рис. въ текстѣ, пер. съ нѣмецк. подъ ред. проф. Н. Тавилдарова. Ц. 1 р. 50 к.

Баллингъ, К. Новѣйшіе способы изслѣдованія продуктовъ горнозаводскаго промысла. Пер. К. Флугъ. Ц. 2 р.

Боль, С. Опытная механика. Курсъ лекцій, чит. въ Корол. Ирл. Кол. Научъ. Пер. съ англ. подъ ред. Н. Н. Любавина. Съ 100 рис. въ текстѣ. Ц. 3 р.

Вахтель Г. Д. Руководство къ техническому анализу. Подъ ред. проф. Спб. Технолог. Инст. Н. И. Тавилдарова. Цѣна 5 ру.

Вейсбахъ, А. Таблицы для опредѣленія минераловъ по внѣшнимъ признакамъ, пер. С. И. Серебренникова. Ц. 1 р. 50 к.

Гердъ, А. Я. Ч. I. Общій обзоръ земнаго шара. Ч. II. Азія. Ц. 50 коп.

Ч. III. Австралія, Полинезія, Африка и Америка. Ц. 75 к.

Ч. IV. Европа. Ц. 75 к.

" " " Краткій курсъ всеобщей географіи. Ц. 25 к.

" " " Міръ Божій. Книжка I. Земля, воздухъ и вода. Для учащихся въ начальной школѣ. 2-е изд. Съ 42 рисунками. Ц. 40 коп.

Гуржеевъ, С. М. Учебникъ механики. Ц. 1 р. 50 к.—Прикладная механика Ц. 2 р. 50 к.

Дамсій, А. В. Равенства химическихъ превращеній. Повторительный курсъ по неорганической химіи. Ц. 1 р.

Лоджъ, О. Современные взгляды на электричество. Ц. 1 р. 50 к.

Лёббокъ. Цвѣты, плоды и листья. Съ предисловіемъ профессора А. Бекетова. Переводъ съ англійскаго А. Гердъ. Цѣна 1 р. 25 к.

Ремсень. Введение органич. химіи или химіи углерод. соединений. Пер. Н. С. Дрентельна. Ц. 2 р.

Стѣченовъ, И. М. Физиологія нервныхъ центровъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Тавилдаровъ, Н. И., проф. Спб. Технол. Инстит. Химическая технологія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Томъ I съ 40 таблицами полнотипажей, томъ II съ 36 табл. полнотипажей. Цѣна за два тома 8 р.

Уффельманъ, Юлій. Руководство частной и общественной гігіены ребенка. Пер. съ нѣм. подъ ред. приватъ-доцента В. Ф. Якубовича. Ц. 2 р. 50 к.

Эмминггаусъ. Психическія расстройства въ дѣтскомъ возрастѣ. Переводъ съ нѣмецкаго В. Ф. Якубовича. Цѣна 2 р.

Якубовичъ, В. Ф. Руководство къ діагностикѣ дѣтскихъ болѣзней и способамъ изслѣдованія дѣтей. Цѣна 2 р.

(См. продолженіе на обложкѣ).

Складъ изданій Л. Ф. Пантелѣева въ нижней , говорѣ Н. П. Карбасникова. С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, д. № 46.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 мая 1892 г.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова Садовая, №